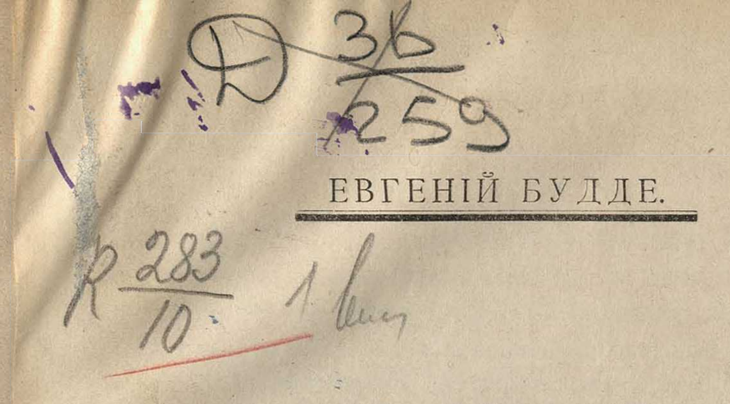
ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1896.



ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ

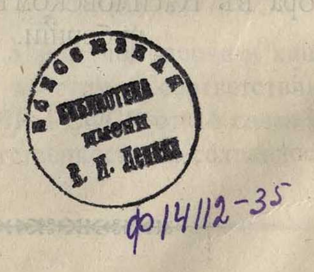
ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1896.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Деканъ *Д. Бѣляевъ*.



Предисловіе.

Предлагаемый трудъ является результатомъ продолжительныхъ занятій въ области русской діалектологіи. Главнымъ матеріаломъ для этого труда послужилъ матеріалъ, собранный мною въ непосредственныхъ бесѣдахъ съ крестьянами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи, куда я былъ командированъ Историко-филологическимъ Факультетомъ Императорскаго Казанскаго Университета лѣтомъ 1894 года (см. Отчетъ о командировкѣ въ „Ученыхъ Запискахъ" Каз. Университета. Январь. 1895. Также Отдѣльн. оттискъ). Поэтому прежде всего считаю долгомъ здѣсь выразить свою признательность Факультету за доставленную мнѣ возможность на мѣстѣ добыть и изучить совершенно новый матеріалъ. Этотъ новый матеріалъ цѣликомъ вошелъ въ I-ую часть настоящаго труда, представляющую возможно полное описаніе неизвѣстнаго донынѣ говора; II-ую часть моего труда составляетъ подробное сличеніе, описаннаго мною въ I-й части, говора съ другими русскими говорами древними и современными; наконецъ, III-ья часть, самая небольшая по объему, представляетъ выводы изъ первыхъ двухъ частей. Въ „Заключеніи" высказано нѣсколько соображеній изъ исторіи описаннаго мною говора.

Самое дѣятельное участіе въ моемъ трудѣ принималъ дорогой и глубокоуважаемый А. А. Шахматовъ, которому и

приношу здѣсь душевную благодарность за содѣйствіе и совѣты, затѣмъ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность А. Ѳ. Бычкову, Ф. Ѳ. Фортунатову и Р. Ѳ. Брандту, оказывавшимъ мнѣ самое разнообразное содѣйствіе, а также И. А. Бычкову, хранителю рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

Евг. Буддѳ.

Казань. 1896 г.
3 марта.

Къ Исторіи великорусскихъ говоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ научной разработкой современныхъ намъ русскихъ нарѣчій и говоровъ связаны наши представленія о древнѣйшихъ эпохахъ русскаго языка, связаны наши свѣдѣнія о звуковомъ и формальномъ составѣ русскаго праязыка. Точное знакомство съ живыми русскими нарѣчіями и говорами, составленное на основаніи научнаго ихъ описанія, изслѣдованія и, по возможности, личнаго наблюденія должно быть исходною точкой при нашихъ заключеніяхъ о русскомъ языкѣ прошедшихъ вѣковъ. Поразительное разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ изъ области гласныхъ или согласныхъ въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ разнымъ говорамъ, должно быть принято во вниманіе при научныхъ построеніяхъ и гипотезахъ о системахъ звуковъ русскаго языка тѣхъ эпохъ, которыя недоступны нашему непосредственному наблюденію. Наши представленія о звукахъ русскаго языка до послѣдняго времени были въ значительной степени обусловлены привычнымъ видомъ орѳографическихъ начертаній и свѣдѣніями о старо-славянскомъ языкѣ по рукописямъ, давшими въ свою очередь начало тѣмъ звуковымъ представленіямъ, которымъ часто не находилось соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ средѣ живыхъ звуковъ русскаго языка. Новѣйшій поворотъ въ направленіи языкознанія вообще, и русскаго языкознанія въ частности, занятія современной діалектологіей русскаго языка и перемѣна въ точкѣ отправ-

ленія при изученіи лингвистическихъ явленій, именно, – опредѣленіе неизвѣстнаго, искомаго, при посредствѣ или изъ извѣстнаго, найденнаго и опредѣленнаго,—все это внесло уже въ современную русскую лингвистику несомнѣнныя достоинства: критическую оцѣнку старыхъ положеній, уничтоженіе оказавшихся невѣрными и построеніе новыхъ положеній на основаніи болѣе доказательныхъ и убѣдительныхъ данныхъ.

Въ связи съ новымъ изученіемъ русскаго языка на живыхъ говорахъ стоитъ и чтеніе и пониманіе древнихъ русскихъ рукописей: древняя орѳографія во многихъ случаяхъ получила понятный смыслъ, перестала казаться въ очень многихъ случаяхъ прихотью, капризомъ или безсмысленнымъ мудрствованіемъ полуграмотнаго писца, малограмотному человѣку не отказывается болѣе въ естественномъ и часто единственно возможномъ для него изображеніи на письмѣ тѣхъ звуковъ, которые онъ самъ употреблялъ или употребляетъ въ своемъ произношеніи, допускается сознательная цѣль и сознательное отношеніе у древнихъ русскихъ книжниковъ къ своей орѳографіи, замѣчается стремленіе проникнуть въ мыслительный процессъ древняго писца при постановкѣ имъ той или другой буквы въ его рукописи,—словомъ, изученіе современной дѣйствительности, даже наиболѣе мелкихъ проявленій ея, начиная отъ малограмотныхъ написаній и кончая крупнѣйшими явленіями въ области народной рѣчи и мысли, начинаетъ разсѣивать туманъ въ нашихъ представленіяхъ о нашемъ языкѣ—народѣ, начинаетъ вносить яркій свѣтъ въ наше самосознаніе.... Я не буду называть именъ тѣхъ ученыхъ, съ дѣятельностью которыхъ связаны успѣхи нашей науки въ вышесказанномъ смыслѣ: имена этихъ ученыхъ извѣстны всякому лингвисту; скажу только, что въ этихъ-же успѣхахъ русской науки и я почерпнулъ для себя новыя силы, новыя надежды и желаніе продолжать изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ. Я выбралъ для себя на этотъ разъ одинъ небольшой уголокъ, гдѣ слышится русская рѣчь, и думаю, что я не ошибся, ограничивая свое изслѣдованіе областью русскаго говора на небольшомъ пространствѣ громадной русской территоріи. При выборѣ темы, помимо общаго интереса къ изысканіямъ въ области діалектологіи русскаго языка, мною руководило глубокое убѣжденіе въ томъ, что описаніе и изслѣдованіе всякаго народнаго говора рано или поздно должно быть принято во вниманіе при построеніи

общей исторіи русскаго языка, должно отразиться извѣстнымъ образомъ на нашихъ выводахъ о русскомъ праязыкѣ, объ историческомъ развитіи дѣйствующихъ въ нашемъ языкѣ законовъ.

Покойный И. И. Срезневскій завѣщалъ много задачъ будущимъ историкамъ русскаго языка въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли объ исторіи русскаго языка"; эти задачи составляютъ насущную потребность науки о русскомъ языкѣ Съ тѣхъ поръ, какъ Срезневскій высказалъ свои мысли, прошло почти полвѣка, но и по сіе время далеко не всѣ эти задачи выполнены, а къ выполненію многихъ изъ нихъ даже еще и не приступали; и это—естественно, понятно: область задачъ и занятій такъ широка, что нѣтъ возможности охватить ихъ въ короткое время, и значеніе отдѣльныхъ трудовъ и монографій по частнымъ вопросамъ можетъ быть незамѣтнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не считаться съ мыслями Срезневскаго, нельзя не видѣть всей ихъ важности и справедливости, когда читаешь: „Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое.... По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанія. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ" [1]). Такимъ образомъ, для своей работы я выбралъ заОкскій край (смотря съ юга) нынѣшней Рязанской губерніи.

Именно, этотъ край обратилъ на себя мое вниманіе по многимъ причинамъ: 1) мнѣ хотѣлось *лично* познакомиться со всѣми говорами въ нынѣшней Рязанской губерніи, какъ съ говорами, совершенно не изслѣдованными, и такимъ образомъ дополнить свой трудъ: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій" (В. 1892), гдѣ изслѣдована по преимуществу южная часть нынѣшней Рязанской губерніи въ діалектологическомъ

---

[1]) *Срезневскій.* Мысли объ исторіи рус. языка. 1887. Спб. Стр. 98—99.

отношеніи, т. е. та часть, которая лежитъ къ югу отъ Оки. Само собой разумѣется, меня интересовали въ данномъ случаѣ вопросы, не составляетъ-ли Ока естественной границы говоровъ, не приближается-ли говоръ этого края къ говору смежному Владимірскому, нельзя-ли составить себѣ нѣкоторое понятіе о говорѣ старой Муромо-Рязанской земли, могъ-ли быть и говоръ Муромо-Рязанскій [1]).... На такіе вопросы меня наводили тѣ звуковыя особенности въ говорѣ за-Окскаго края, съ которыми я сталъ впервые знакомиться по сообщеніямъ мѣстныхъ уроженцевъ и жителей, когда составлялъ свой первый трудъ по діалектологіи, живя на югѣ Рязанской губерніи. 2) На магистерскомъ диспутѣ моемъ проф. В. Ѳ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на говоръ Касимовскаго уѣзда, поскольку этотъ говоръ обнаруживался и выдѣлялся въ моей диссертаціи. Наконецъ, 3) и критика отмѣтила по моей работѣ особенности говора на сѣверѣ Рязанской губерніи. Эти особенности прежде мнѣ самому не были извѣстны вполнѣ, а теперь я лично съ ними познакомился. Я сосредоточилъ свои занятія въ Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Оказалось, что чѣмъ далѣе углублялся я на сѣверо-востокъ, тѣмъ разница въ говорѣ сравнительно съ южной половиной Ряз. губерніи становилась рѣзче и интереснѣе, а потому я и объѣхалъ весь сѣверо-восточный уголъ Рязанской губерніи. Въ Спасскомъ уѣздѣ я записывалъ говоръ крестьянъ (почти исключительно женщинъ) изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Санское, с. Гавриловское, д. Жолобова Слобода, с. Новый Киструсъ, д. Деревенское, с. Ижевское, с. Выжелѣсъ (произн. Выжлисъ), д. Воскресенское.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ—изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Нармушадь, с. Ерахтуръ, д. Борки, с. Шостья, с. Чинуръ, с. Антоново, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Жданово, Селище, Дмитріево, Лощина, Данево, г. Касимовъ, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Гусевской Погостъ, Бѣльково, Забѣлино, Урядино, с. Китово, д. Китово, Акулово, с. Чарусъ, Ивановское, с. Ветчаны (Истомино), Курша, Борисково, Малахово, Андроново; Катово, Логино, Рогачево, Горы, Чуфилово, Бычково (с. Черкасово), Зубово, Расторгуево, Семеино,

[1]) См. мой «*Отчетъ*» о командировкѣ въ Ряз. губернію. Казань. 1895. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Каз. Унив.).

Снохино, Кабаново, Меркулово, Симоново (Тумскій край), с. Тума; д. Оськино, Ахматово, с. Давыдово, д. Праватарово, с. Шаранина, Агѣево, Акулово (другое), Амляшовскіе выселки, Наумцево, д. Жалудково, Немнясево, Норино, Анисово, Малышкино, с. Парахино, Фомино, Залѣсье, Астафьево, Велькова, Алексѣево, Ужищево, Мягково, Волчково, Ламакино, Бѣлясево. Или по волостямъ: Ерахтурская волость, Шостинская, Дмитріевская, Погостинская, Китовская, Ветчанская, Тумская, Давыдовская, Парахинская, Алексѣевская, Ламакинская.

Въ описаніи изслѣдуемаго говора я буду держаться обычнаго порядка изложенія: сперва опишу звуки этихъ говоровъ, что̀ составитъ первый томъ—фонетику; затѣмъ обращусь къ формальному составу, что̀ составитъ второй томъ труда—морфологію. Главное вниманіе я обращу на фонетику, и въ ней—на нѣкоторые отдѣлы ея въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ; при этомъ я займусь особенно тѣми отдѣлами, по которымъ собранный мною матеріалъ представляетъ новыя данныя для исторіи великорусскаго нарѣчія; согласнымъ звукамъ я удѣляю въ своемъ трудѣ болѣе видное мѣсто и разсматриваю ихъ съ большей подробностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Такой планъ моей работы обусловленъ содержаніемъ собраннаго матеріала, который представляетъ много цѣннаго и новаго для исторіи согласныхъ звуковъ русскаго языка; не могу не замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій по русскому языку до сихъ поръ какъ-то гораздо подробнѣе изслѣдователи останавливались на гласныхъ звукахъ, чѣмъ на согласныхъ, что̀, конечно, обусловливалось отчасти и недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ русскими живыми говорами. Какъ бы-то ни было, гласнымъ звукамъ болѣе удѣлено вниманія въ ученой литературѣ по русскому языку, чѣмъ согласнымъ. Такъ какъ изслѣдуемые мною говоры, говоры нынѣшней Рязанской губерніи, *вообще* относятся къ говорамъ южно-великорусскаго поднарѣчія, то, естественно, прежде всего мнѣ оказалось необходимымъ познакомиться въ подробностяхъ съ ближайшими, сосѣдними говорами, принадлежащими къ тому-же поднарѣчію. Но здѣсь представились для меня непреодолимыя препятствія въ рѣшеніи многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ: эти препятствія заключаются въ томъ, что вообще южно-великорусскіе говоры

крайне мало изслѣдованы, почти даже не описаны, и потому многіе говоры южно-великорусскаго поднарѣчія остаются для насъ почти неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ говорами сѣверно-великорусскаго поднарѣчія: они болѣе подробно описаны, по нимъ издано гораздо больше матеріаловъ, литература ихъ гораздо богаче. Интересуясь судьбой согласныхъ звуковъ въ той части русскаго языка, которая нынѣ составляетъ южно-великорусское его поднарѣчіе, я пожелалъ познакомиться обстоятельно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ литературы предмета относительно произношенія согласныхъ въ современныхъ южновеликорусскихъ говорахъ. Съ 1892 года мы имѣемъ для подобныхъ цѣлей прекрасно составленную работу А. И. Соболевскаго: „Очеркъ русской діалектологіи“, служащую незамѣнимымъ справочнымъ сочиненіемъ, такъ какъ въ этомъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ печатнымъ матеріаломъ по народнымъ русскимъ говорамъ, матеріаломъ, разбросаннымъ ранѣе по разнымъ изданіямъ статистическихъ комитетовъ, не сгруппированнымъ и потому недоступнымъ для параллельнаго обозрѣнія. Послѣ этого труда мы можемъ почти не справляться со старымъ трудомъ Даля („О нарѣчіяхъ русскаго языка“ 1852 г.), такъ какъ матеріалы послѣдняго вошли и въ „Очеркъ“ Соболевскаго, хотя и не надо забывать при пользованіи тѣмъ и другимъ трудомъ, что Даль говоритъ о звукахъ въ большинствѣ случаевъ по собственному слуху, а Соболевскій—по печатнымъ изданіямъ матеріаловъ. Оказывается, что говоры смежныхъ съ Рязанской губерній извѣстны намъ чуть-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ: „о говорахъ Калужской губерніи мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній“ [1]): нѣсколько отдѣльныхъ чертъ говора въ Мосальскомъ уѣздѣ да одна черта говора въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ частности, по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстны: мягкость *к* и твердость двойного *ш* въ Мосальскомъ уѣздѣ [2]). Почти

---

[1]) Соболевскій. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 15.

[2]) Соболевскій. Ib. 15. Сравни однако у Даля (О нарѣчіяхъ. LXIII. При Словарѣ 1880 г.): *цоканье* въ Боровскѣ, *чваканье* въ Медыни, нечистое *ч*, *ц*—въ Бѣлевскомъ, «*здля*», *путанье* звуковъ *х*, *ф*, *хв*, *кв*; *г*=γ въ Малоярославцѣ, *ф*=*хв*, зля (для)—въ Жиздрѣ; чаіо=чего—ib.

такою-же скудостью отличаются наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губерніи, въ особенности—о говорахъ Новосильскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ [1]): о согласныхъ мы знаемъ, что *п* и *ф* въ концѣ слова могутъ быть мягкими (около Тулы), *г*=*γ*, *хв*=*ф*, *ф*=*х*, *хф*; *г*, *к*, *х* въ формахъ дат. и мѣстн. пад. могутъ переходить въ свистящіе соотвѣтствующіе звуки. Изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ, оказывается, также немного свѣдѣній о говорахъ только трехъ уѣздовъ [2]); о согласныхъ мы знаемъ: мягкое *к* (Елецкій уѣздъ), двойное твердое *ш* (Елец., Ливенскій уу.), мягкое *л*, близкое къ франц. *l* (Елецк. у.) [3]).

„Съ говорами Курской губерніи мы сравнительно хорошо знакомы“ [4]), благодаря, конечно, записямъ Халанскаго въ Щигровскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ; по вопросу о согласныхъ звукахъ намъ извѣстно въ этихъ говорахъ слѣдующее: конечное *п* обыкновенно твердо, вмѣсто конечнаго *ф*—твердое *в*, *г*=*γ*, *ф*=*х* и *хв*, дат. и мѣстн. падежи иногда съ древними свистящими вмѣсто мягкихъ *г*, *к*, *х* (Щигров. у.); спорадически согласные звонкіе вм. глухихъ: дор*дж*ка (Бѣлгород. у.); двойные *л*, *н*, *д* и др. вм. *ль*, *нь*, *дь*, звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ, *в* вм. *л* въ формахъ прош. времени (Путивл. у.). Почти вездѣ *г*=*γ* въ окончаніи—*го*: въ Старооскольскомъ, Обоянскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Путивльскомъ уѣздахъ [5]). О говорахъ Рязанской губерніи Соболевскій въ 1892 году сказалъ: „Несомнѣнно, эти говоры—сильно акающіе (даже сѣверные)“ [6]). Теперь, послѣ того какъ я познакомился лично съ говорами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, это мнѣніе придется измѣнить и Соболевскому, и мнѣ (я въ своей первой работѣ о рязанскихъ говорахъ полагалъ также на основаніи сообщеній другихъ лицъ, что и на сѣверѣ Ряз. губерніи *аканье* такое-же, какъ на югѣ): говоръ Спасскаго и Касимов-

---

[1]) Соболевскій. Ib. Стр. 16. Срв. у Даля ib.: вошпиталь, *г*=*g*—Кашира.

[2]) Соболевскій. Ib. Стр. 16.

[3]) Сравни у Даля ib.: мѣна *х* и *ф*; мягкое *к* въ Мценскѣ. Стр. LXIV. «Мченскъ»—я самъ слышалъ.

[4]) Соболевскій. Ib. 17 и слѣд.

[5]) Сравни у Даля ib. LXIV еще: *щ*=двойное *ш*, *в*=*м*, мягкое *к*, *твѣты*, *зямчукъ*.

[6]) Соболевскій. Ib. 18.

скаго уѣздовъ (въ особенности послѣдняго) по *аканью* отличается отъ южныхъ говоровъ, какъ увидимъ далѣе, и скорѣе подходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ къ умѣренно-акающимъ говорамъ. Согласные звуки въ говорахъ южныхъ уѣздовъ Ряз. губерніи описаны раньше мною [1], а согласные въ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ будутъ описаны въ этомъ трудѣ.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тамбовской губерніи также небогаты [2]: намъ извѣстно о согласныхъ только мягкость *к* (въ Кадомскомъ и частью въ Липецкомъ у.), звукъ *γ* въ окончаніи—*го* (Кадом. у.), твердость двойного *ш* (часть Липец. у.), *що*—въ Кадомскомъ и Липецкомъ уѣздахъ [3]. О великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи мы тоже немного знаемъ: по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстно *г* = *γ*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш* въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уѣздахъ [4]).

Объ акающихъ говорахъ прочихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ Рязанской, мы знаемъ едвали еще не менѣе, чѣмъ о говорахъ, упомянутыхъ выше; но даже и говоры Московской губерніи по уѣздамъ намъ неизвѣстны, такъ какъ нѣтъ ихъ описанія [5]). Въ области согласныхъ звуковъ замѣтимъ слѣдующіе факты: *дж* вм. *ж*, *г* = *γ*, *що* въ части Нов городсѣверскаго у. Черниговской губерніи; мѣну *ц* и *ч* въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ уу. Нижегородской губерніи [6]), мѣну *ц* и *ч* въ Псковскомъ уѣздѣ Псков. губ., *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, *ц* вм. *ч*, твердое двойное *ш*—на югѣ Псковской губ.; *г* = *g*—въ Великолуцкомъ у. Псковской губерніи [7])

---

[1]) «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій». В. 1892.

[2]) Соболев. ib. 19.

[3]) Срв. у Даля ib. LXV: въ Темниковѣ *х*=*к*, «у Кадома есть небольшой слѣдъ *цоканья: прочь* произносится почти какъ *процъ*».

[4]) Соболев. ib. 20. Срв. у Даля ib. LXIV—LXV: *Хвилипъ*, *куфня*; *Алдоха* (Нижнедѣвицкъ).

[5]) Соболев. ib. Стр. 20—24.

[6]) *Ляпунова*. О говорахъ Лукоянов. у. Нижегород. губ. Спб. 1894. См. приложенную въ концѣ карту. *Соболевскій*. Ib. 22.

[7]) Соболев. ib. 23--24.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ извѣстнаго намъ изъ области согласныхъ звуковъ въ акающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. Какъ видитъ читатель, на основаніи наличнаго матеріала можно составить себѣ приблизительное понятіе о современномъ произношеніи въ этихъ говорахъ звуковъ: *к*, *ч*(*ц*), *г*, *ж*, *ф*, *щ*, какъ о звукахъ, которые обратили на себя вниманіе наблюдателей, и о которыхъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ многихъ говоровъ. Обусловлено-ли это тѣмъ, что наблюдатели, описывая какой-нибудь говоръ, привыкли отвѣчать на обыкновенные и шаблонные вопросы различныхъ „программъ", составленныхъ уже давно и устарѣвшихъ, для собиранія данныхъ по народнымъ говорамъ, или тѣмъ, что большая часть наблюдателей занималась этимъ дѣломъ безъ особой любви, подготовки, невнимательно слушая народную рѣчь, или—не различали слухомъ оттѣнковъ звуковыхъ, или, наконецъ,—все, чтò, дѣйствительно, *есть* въ говорахъ и *слышится*, все это наблюдателями передано, и искать и ожидать больше нечего, рѣшить невозможно.... Тѣмъ интереснѣе всякое новое сообщеніе, которое можетъ заставить многихъ вновь прислушаться къ ихъ родному говору или вообще къ народному говору, тѣмъ болѣе хочешь знать, не сохранились-ли гдѣ-либо среди живыхъ говоровъ отзвуки говоровъ древнихъ, или многіе древніе говоры слѣдуетъ считать умершими, погибшими навсегда и не отразившимися ни въ живой русской рѣчи, ни въ памятникахъ древней русской письменности... Такъ, напр., мы по необходимости вѣримъ тому, что псковскій говоръ исчезъ уже безслѣдно [1]), и вѣримъ потому, что въ старомъ псковскомъ говорѣ была мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с*, а въ современныхъ говорахъ этой мѣны будто-бы нѣтъ [2]); мы принуждены думать вслѣдъ за Соболевскимъ, что псковскій говоръ ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ отличался своей мѣной *ж* и *з*, *ш* и *с*. Между тѣмъ мы на самомъ дѣлѣ не знаемъ хорошенько, есть-ли изъ современныхъ намъ говоровъ такіе, которымъ до сихъ поръ извѣстна эта мѣна, какіе это говоры, насколько распространена въ нихъ указанная замѣна и проч. Мы также еще пока не знаемъ, дѣйствительно-ли *ото всѣхъ*

---

[1]) Соболевскій. Лекціи². Стр. 38.

[2]) Его-же. Ук. соч. 38, гдѣ, впрочемъ, есть ссылка на нѣкоторые говоры, знающіе и теперь эту мѣну.

русскихъ говоровъ отличался псковскій говоръ названной замѣной, и намъ потому не кажется странной такая замѣна *только въ одномъ* изъ русскихъ говоровъ: мы принимаемъ на вѣру эти утвержденія Соболевскаго, хотя, собственно говоря, основаній для такихъ утвержденій мало, если принимать за основанія только свидѣтельство нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ письменности. Далѣе, мы не можемъ удовлетвориться и тѣми свѣдѣніями, которыя намъ сообщаетъ Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ" (стр. 39) о говорѣ древнихъ вятичей, будто-бы говоръ вятичей далъ начало тѣмъ великорусскимъ говорамъ, которые не знаютъ мѣны *ц* и *ч*, будто-бы этотъ говоръ „въ древности не имѣлъ никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры". Этого мы не знаемъ. Видѣть основанія для выше приведеннаго утвержденія въ языкѣ Галицкаго Евангелія 1357 г., Переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Суздальскаго списка лѣтописей 1377 г. едвали позволительно: почему въ этихъ памятникахъ мы должны искать отраженія говора вятичей? Кто ихъ писалъ? вятичъ, или нѣтъ? На основаніи лѣтописи мы не можемъ считать Галичь сѣверный, Переяславль и Суздаль поселеніями вятичей. Наконецъ, какъ распространилось и колонизовалось племя вятичей къ концу XIV вѣка, отъ котораго имѣются эти памятники? Гдѣ въ это время племя вятичей сохранялось въ большей цѣлости и густотѣ своей? Лѣтопись говоритъ намъ о разсѣленіи вятичей *по Окѣ* [1]), гдѣ и было ихъ первоначальное гнѣздо, а не по Волгѣ и не на сѣверъ отъ Волги; мы знаемъ также, что „лучшіе мужи" изъ вятичей попали вмѣстѣ съ кривичами, словенами на югъ и разселились въ городахъ по Деснѣ, по Востри, по Трубежеви, по Сулѣ и Стугнѣ, куда ихъ направилъ в. к. Владиміръ [2]) въ X вѣкѣ, а въ началѣ XII вѣка Владиміръ Мономахъ прошелъ къ Ростову „сквозѣ Вятичѣ" [3]).

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

[2]) Лѣтопись ibid. Стр. 119. Подъ 988 г.

[3]) Лѣтопись ibid. Стр. 238. Подъ 1096 г. Если подъ 964 г. мы читаемъ про Святослава, что онъ «иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи»..., то это еще не значитъ, что онъ, именно, на Волгѣ былъ среди вятичей: этимъ указывается только направленіе его пути.

Слѣдовательно, если искать гдѣ-либо остатковъ вятичей, то тамъ, гдѣ было ихъ гнѣздо, и гдѣ они сидѣли густо населенными постоянными жителями. При подобныхъ размышленіяхъ волей-неволей припоминаешь глубоко-правдивыя слова И. В. Ягича, высказанныя имъ въ 1889 году въ сочиненіи, гдѣ разсѣяно много замѣчательныхъ и цѣнныхъ соображеній по вопросу о древнемъ русскомъ языкѣ. Ягичъ такъ выразился о нашихъ свѣдѣніяхъ по древнимъ русскимъ говорамъ: „Читая эти нѣсколько страницъ („Лекціи" Соболевскаго. 1-ое изд. Стр. 33—37), чувствуешь, какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области"...[1])

Равнымъ образомъ при нашихъ свѣдѣніяхъ о древнихъ русскихъ говорахъ рискованно признавать извѣстное фонетическое явленіе, напр., мѣну *ш* и *с*, *ж* и *з*, присущимъ *только одному* изъ древнихъ говоровъ, псковскому. Всѣ-ли діалектическіе признаки древнихъ русскихъ говоровъ нашли для себя выраженіе въ древней письменности? Всѣ-ли говоры древняго русскаго языка оставили намъ память по себѣ въ нашей древней письменности? Еще 20 лѣтъ тому назадъ Колосовъ намекалъ на это, говоря: „Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородскаго нарѣчія было въ такой-же мѣрѣ свойственно и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Такъ, смѣну *ч* на *ц* и обратно мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ" [2]).

Совсѣмъ другое дѣло—вопросы *современной* діалектологіи русскаго языка, изслѣдованіе живыхъ современныхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій; ихъ необходимо изучить во всей подробности и отъ нихъ отправляться въ своихъ заключеніяхъ о говорахъ древнихъ, привлекая на помощь памятники древней письменности. Я вполнѣ согласенъ съ Колосовымъ въ томъ, что „къ строго научнымъ заключеніямъ скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого-либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на про-

---

[1]) Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 25.

[2]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVII. № 3. Спб. 1877. Стр. 214.

странствѣ цѣлаго нарѣчія" [1])... Вотъ почему я сосредоточиваюсь на изученіи одного говора, говора небольшой области, интересующей меня уже нѣсколько лѣтъ, области совершенно не изслѣдованной въ отношеніи лингвистическомъ. Само собой разумѣется, что совершенно не пускаться въ область исторіи современныхъ намъ говоровъ нельзя, такъ какъ во многихъ случаяхъ мы уже имѣемъ полную возможность представить себѣ съ достаточной ясностью картину отношеній между живыми говорами и памятниками древнихъ русскихъ нарѣчій, и это—благодаря послѣднимъ работамъ и успѣхамъ въ области науки исторіи русскаго языка и современной діалектологіи, но *историческая* діалектологія еще въ процессѣ своего созиданія. Вотъ почему еще долгое время наши работы въ этой области будутъ представляться работами „*къ вопросу*", и я, по крайней мѣрѣ, не рѣшаюсь въ общемъ заголовкѣ выставить какое-либо другое названіе, не чувствуя въ себѣ достаточныхъ силъ представить цѣльное и полное рѣшеніе самаго вопроса.

Ниже я вкратцѣ намѣчаю тѣ пункты, на которыхъ буду останавливаться въ своемъ трудѣ, и дѣлаю перечень тѣхъ особенностей изучаемаго мною говора, которыя обратили мое вниманіе во время моего личнаго знакомства съ рѣчью крестьянъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи.

Поѣздка въ Спасскій и Касимовскій уѣзды Рязанской губерніи лѣтомъ 1894-го года дала мнѣ возможность во многомъ пополнить свои свѣдѣнія о говорѣ въ нынѣшней Рязанской губерніи: послѣ личнаго знакомства съ говоромъ жителей Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ явилась возможность уяснить себѣ отношеніе говора южной части губерніи къ говору сѣверной, именно, той части, которая примыкаетъ къ Владимирской губерніи, къ Меленковскому уѣзду. Казалось-бы, что интересующая насъ часть Рязанской губерніи не должна была-бы представлять рѣзкихъ отличій въ діалектологическомъ отношеніи отъ своей южной и юго-западной части, но на самомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ: какъ-будто Ока служитъ естественной границей для нѣкоторыхъ фонетическихъ чертъ обще-рязанскаго говора; за Окой, т. е. области, лежащія по

---

[1]) Колосовъ. Указ. соч. ibid. Стр. 9. Срв. Богородицкаго. Курсъ грамматики р. языка. Варшава. 1887. Стр. 196—198. § 66 мелкій шрифтъ.

лѣвой сторонѣ рѣки, отличаются по говору во многихъ отношеніяхъ отъ областей, расположенныхъ по правую сторону Оки. Несомнѣнно, что общій типъ говора, извѣстнаго нынѣ въ районѣ Рязанской губерніи, достаточно опредѣленъ въ сочиненіи „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора“ В. 1892, но есть интересныя частности, заслуживающія болѣе спеціальнаго изслѣдованія. Мнѣ было указано въ свое время на тѣ интересныя особенности говора Касимовскаго уѣзда, которыя лишь мѣстами вошли въ мой вышеназванный трудъ; я самъ хорошо понималъ, что матеріалы, доставленные мнѣ изъ Касимовскаго уѣзда, даютъ возможность говорить о говорѣ Касимовскаго уѣзда отдѣльно, обособить этотъ говоръ въ изслѣдованіи, но тогда у меня не было достаточнаго количества матеріаловъ, и многіе вопросы оставались подъ сомнѣніемъ или вовсе не разрѣшенными, а пускаться въ предположенія и догадки было-бы смѣло и безплодно. Надо было уяснить себѣ отношеніе этого говора къ говорамъ ближайшихъ мѣстностей и собрать лично побольше матеріала для изслѣдованія. Я считаю излишнимъ останавливаться подробно на томъ вопросѣ, что рязанскій говоръ не ограничивается какими-либо искусственными границами нынѣшней Рязанской губерніи: объ этомъ было говорено между прочимъ мною на 1-ой страницѣ вышеназваннаго сочиненія, но долженъ и послѣ истекшаго времени повторить, что говоръ въ этой части южно-великорусскаго нарѣчія особенно типиченъ и сохранился, можно сказать, лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ. Причину этого надо искать, вѣроятно, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя переживались Рязанскимъ краемъ [1]), оставшимся какъ-бы въ сторонѣ отъ общаго тяготѣнія средней полосы Россіи къ Литовскому государству въ XIV—XV вѣкѣ и отстаивавшимъ долѣе другихъ права своей независимости. Но, съ другой стороны, сила обстоятельствъ взяла-таки свое, и въ концѣ концовъ мы видимъ, начиная со Спасскаго уѣзда, нѣсколько иной говоръ, чѣмъ на югѣ Рязанской губерніи, мы встрѣчаемъ здѣсь черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ большемъ числѣ и какъ правило, хотя аканье сохраняется.... Прежде всего мы

---

[1]) См. брошюру *Шахматова:* «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій». В. 1894. Стр. 7. 10—11.

разстаемся здѣсь со звуками *γ* (h) въ падежныхъ формахъ родительнаго падежа; далѣе, мѣстами слышимъ и полное отсутствіе звонкаго фрикативнаго *γ*, вмѣсто котораго является часто звукъ мгновенный *г*; губной твердый *в очень часто* замѣняется неслоговымъ *у̯*, которое мѣстами слышится и вмѣсто язычнаго твердаго *л*; наконецъ, какъ явленіе постоянное, мы встрѣчаемъ почти во всемъ Спасскомъ и во всемъ Касимовскомъ уѣздѣ *цоканье*, т. е. употребленіе звука *ц* вмѣсто *ч*. Въ вопросѣ о цоканьѣ чрезвычайно интереснымъ представляется слѣдующее явленіе, которое мы замѣтили въ послѣднее свое путешествіе: именно, есть мѣстности, гдѣ звукъ *ц* произносятъ такъ, что въ немъ ясно слышится и шипящій элементъ, какъ будто *ч*; этотъ звукъ мы будемъ обозначать черезъ *ц* съ надписнымъ *ч*: цᶜʰ. Наоборотъ, есть въ этихъ-же мѣстностяхъ и звукъ *ч* съ оттѣнкомъ свистящаго элемента: этотъ звукъ мы будемъ обозначать начертаніемъ *ч* съ надписнымъ *ц*: ч[ц]. Само собой разумѣется, что въ этомъ звуковомъ явленіи мы наблюдаемъ, такъ сказать, самый процессъ перехода *ч* въ *ц* и наоборотъ; эта шепелеватость говора, встрѣчаемая сплошь у извѣстнаго населенія, уясняетъ намъ самую исторію звука *ч* въ русскомъ языкѣ и сближаетъ насъ съ нашими предками.... Такой звукъ мы впервые встрѣтили въ с. Нармушади Касим. уѣзда, гдѣ затруднялись даже письменной передачей слова: нич[ц]аво́, Юдич[ц]а (отечество: Борисъ Юдичъ), хотя преобладающимъ звукомъ всетаки въ большинствѣ словъ является здѣсь звукъ *ц* вмѣсто орѳографическаго и литературнаго *ч*. Эти же звуки мы слышали въ сс. Лѣсновѣ, Даневѣ, Дмитріевѣ и друг.—почти на границѣ съ Меленковскимъ уѣздомъ Владимирской губерніи. Далѣе, есть мѣстности, гдѣ при *ц* вмѣсто *ч* говорятъ и наоборотъ—*ч* вмѣсто *ц*, но это—явленіе, которое рѣже встрѣчается, чѣмъ сплошное цоканье, отличающее вообще извѣстную мнѣ часть Спасскаго и Касимовскаго уѣзда. Напр., въ с. Гиблицахъ, Ибердусѣ, Дубровкѣ, Тимохинѣ мы слышимъ че́рква, предте́ца, ве́цар и т. п., въ с. Даневѣ—пӑчалу́й; „силе̇зе́нь ту́жыт, пла́чит, сакруша́тча, вазьлѣ у́тки увива́тча“... (пѣсня), чвяты́, ате́чь Кинстинти́н; „атъ виньча́ привяду́т, хмель обсыпа́ют куль крыльча“, но: рѣцка, ноц, запла́цыт, „как ни по́ лугу, лужо́цку“ (пѣсня) и проч. Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы наблюдаемъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ шепелеватость говора въ другихъ отношеніяхъ; такъ,

звукъ мягкій *с* произносится съ оттѣнкомъ *ш*, и въ этомъ случаѣ, при наблюденіи этого фонетическаго явленія, мы уясняемъ себѣ тотъ процессъ полнаго перехода *с* въ *ш*, который завершился уже окончательно въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, изъ древнихъ, напр., въ псковскомъ, а изъ современныхъ — въ говорахъ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерній, частью въ Казанской, Симбирской, гдѣ мы слышимъ звуки *ш* вм. *с* и *ж* вм. *з* даже твердые. Такъ, въ Касимовскомъ краю цѣлый громадный районъ селъ и деревень произноситъ *с'* съ оттѣнкомъ звука *ш*, что мы будемъ означать начертаніемъ с^{ш}, въ именахъ прилагательныхъ на—*скій*. На вопросъ: „вы чьи"? вамъ скажутъ: Зу́бӑс^{ш}ьки (д. Зубово), Астарћо́с^{ш}ьки (д. Расторгуево, произн. Астарћо́ва), Снахи́ньс^{ш}ьки (д. Снохино́), ћарьс^{ш}ькiјu (д. Горы́, произн. ћары́), Цухви́лӑс^{ш}ьки (д. Чуфи́лово, произн. Цухвилӑва), Быцко́с^{ш}ьки (д. Бычково, произн. Быцко́ва) и т. п. Этотъ говоръ слышенъ на далекомъ пространствѣ вокругъ боевого села Тумы Касим. уѣзда. Вы слышите названіе деревни Амляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{i}лки или Абляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{i}лки (кажется, по фамиліи Амляшова или Абляшова); здѣсь далѣе говорятъ: е́с^{ш}ь (=есть), де́с^{ш}ить (десять), с^{ш}ё (всё), „Ля̆ва́шкуй зва́ли, хот^{с}ь с^{ш}ме́йси"... (д. Чуфилово) и т. п. Стоитъ особаго упоминанія еще произношеніе мягкихъ звуковъ *т* и *д*: въ этихъ же и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ мы слышимъ мягкое *т* съ оттѣнкомъ свистящаго *с*, т. е.—*т*^{с}, какъ видно изъ только что приведеннаго выраженія, слышаннаго въ д. Чуфиловѣ, или изъ слѣдующихъ: „т^{с}ея́ бо́ля ни вида́ть, т^{с}ёмна но́цушка ня спа́ть; но́ца т^{с}ёмная, ту́ца ћро́зная"... (пѣсня въ с. Ерахтурѣ); „зӑхат^{с}ѣл мой му́ш лихо́й бо́ле^{i}сти", тамъ же. Мягкое *д* слышится съ оттѣнкомъ звука *з*: *д*^{з}; это гораздо болѣе распространенное явленіе, чѣмъ предыдущее смягченіе звука *т*; его мы слышимъ постоянно въ деревняхъ и селахъ Тумской волости, Давыдовской, Парахинской, Алексѣевской и даже въ Ерахтурской уже: „там хо́д^{з}ить, ћуля́ить удало́й мало́дцык" (пѣсня въ с. Ерахтурѣ), „па д^{з}е́сить—јiё спа́сья бу́дить" (д. Шо́стья), „д'ыть о́н пӑћляд^{з}ѣл"; „ты пӑсабле́иш за д^{з}е́ньћи" (д. Чуфилово), д^{з}вѣ, д^{з}ѣ́ука и проч. Въ Парахинской волости (въ дд. Фоминѣ, Астаховѣ, Новенькой, въ с. Парахинѣ) рядомъ съ звукомъ *д*^{з} мы встрѣчаемъ еще большее смягченіе звука *д*, доходящее до звука *д* съ оттѣнкомъ *ж*—*д*^{ж}: ад^{ж}ёжӑ, падд^{ж}ёхку (поддѣвку,

вин. п. ед. ч.), ня хóд^{ж}им—1 л. мн. ч.; и рядомъ съ этимъ—звукъ *з* тоже съ оттѣнкомъ *ж*: з^{ж}: вз^{ж}éли (=взя́ли), „пра кня́з^{ж}я“ и т. п. До сихъ поръ мы обратили вниманіе на выдающіяся особенности говора въ области согласныхъ звуковъ, но нельзя пройти молчаніемъ даже и въ предварительномъ, бѣгломъ описаніи выдающихся чертъ Касимовскаго говора замѣчательнаго явленія въ области гласныхъ: мѣстами (особенно въ Парахинской волости) встрѣчаются дифтонги у͡о, у͡а при извѣстныхъ условіяхъ, какъ это будетъ показано ниже. Къ области же гласныхъ относится и долгота, растянутость нѣкоторыхъ гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, которую мы замѣтили еще и въ южной части Касимовскаго уѣзда. Эту долготу мы будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи и обозначать ее на письмѣ.

Какъ упомянутыя выше особенности говора Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, такъ многія другія, напр., въ области гласныхъ звуковъ, подвергающихся различнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ положенія ихъ въ словѣ среди другихъ звуковъ или отъ ударенія, а равно, во многихъ случаяхъ, и само удареніе, кажется, достаточно имѣютъ права на вниманіе лингвиста и сами по себѣ, но сравнительное обозрѣніе этихъ особенностей съ характерными чертами другихъ южно-великорусскихъ говоровъ, а также, въ извѣстныхъ случаяхъ, и съ параллельными явленіями въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ, дастъ картину отношеній отдѣльныхъ говоровъ другъ къ другу въ ихъ исторіи.

Историческая діалектологія русскаго языка, можно сказать,—наука будущаго: до сихъ поръ мы имѣемъ лишь матеріалы для построенія этой науки, но самыя отношенія говоровъ другъ къ другу, ихъ исторія и образованія далеко еще не представляются ясными, далеко еще не подготовлено даже и въ области матеріаловъ всего, что̀ потребуется для построенія полной исторіи русскихъ говоровъ, русскаго языка, для уясненія вопросовъ, касающихся возникновенія и образованія этихъ говоровъ въ зависимости отъ историческихъ и многихъ другихъ сложныхъ причинъ и условій быта и культа.... Мы пока по необходимости должны ограничиваться тѣмъ, что лишь отмѣчаемъ самый фактъ, доступный нашему наблюденію, воздерживаясь отъ предположеній или выводовъ, для которыхъ иногда оказывается мало основаній. Но, не смотря на такое

состоянiе исторической дiалектологiи русскаго языка, нельзя, въ интересахъ истины, не упомянуть здѣсь о томъ, что и собранные уже матерiалы нашими учеными и любителями родного языка дали возможность сдѣлать первый, но блестящiй шагъ на почвѣ исторической дiалектологiи русскаго языка, на почвѣ уясненiя тѣхъ прошлыхъ эпохъ жизни нашихъ нарѣчiй, которыя остались далеко за нами. Мы разумѣемъ тотъ шагъ, который сдѣлалъ А. А. Шахматовъ своимъ трудомъ: „Изслѣдованiя въ области русской фонетики" В. 1893 года. Мы считаемъ этотъ трудъ *единственнымъ* въ нашей ученой литературѣ по русской лингвистикѣ, гдѣ представлена серьезно-научная попытка содѣйствовать рѣшенiю вопроса о томъ, въ какомъ отношенiи находятся современные намъ русскiе нарѣчiя и говоры къ тѣмъ нарѣчiямъ, которыя переданы намъ нашей письменной стариной; вопросъ о томъ, какъ древняя орѳографiя служила цѣлямъ литературной передачи живого произношенiя, какъ уяснить себѣ связь стараго русскаго языка на всемъ пространствѣ его литературнаго употребленiя съ тѣми говорами, которые нынѣ доносятся до насъ изъ живыхъ устъ простого народа, словомъ, вопросы исторической дiалектологiи русскаго языка впервые научно освѣщаются въ книгѣ Шахматова, и наша молодая наука уже имѣетъ въ этомъ отношенiи прочное и замѣтное начало. Стремленiе обосновать современное намъ разнообразiе русскихъ говоровъ и нарѣчiй историческими данными, связать исторiю народа съ исторiей его языка, представить естественную связь между жизненными процессами возникновенiя и развитiя обширнѣйшаго государственнаго тѣла и между духовной реакцiей на эти процессы въ самой-же массѣ этого составного тѣла, реакцiей со стороны языка, заставило того-же Шахматова высказать свой взглядъ и на этотъ предметъ въ только-что изданной имъ брошюрѣ: „Къ вопросу объ образованiи русскихъ нарѣчiй". В. 1894. Здѣсь мы имѣемъ оригинальную и въ высшей степени правдоподобную мысль о возникновенiи бѣлорусскаго говора и южно-великорусскаго. Все это изложено ясно и убѣдительно. Мы съ своей стороны предполагаемъ дать только новый матерiалъ, естественнымъ образомъ не принятый во вниманiе Шахматовымъ и не вошедшiй въ его главный трудъ, а затѣмъ на основанiи этого новаго матерiала подвергнемъ пересмотру и вопросъ о южно-великорусскомъ нарѣчiи,

представивъ свои соображенія и догадки относительно исторіи его говоровъ, насколько эта исторія уясняется и видоизмѣняется, съ нашей точки зрѣнія, послѣ знакомства съ новыми говорами и изслѣдованія этихъ говоровъ, еще никѣмъ не описанныхъ.

Та часть Рязанской губерніи, которую я изъѣздилъ лѣтомъ 1894-го года, представляетъ изъ себя лѣсистую и довольно дикую мѣстность; нерѣдко проѣзжаешь десятки верстъ песками или лѣсомъ и болотами; крестьяне здѣсь значительно грубѣе, чѣмъ въ южной части губерніи, они рѣдко уходятъ на промыслы и большею частью живутъ постоянно на своихъ мѣстахъ, занимаясь рубкой дровъ, лыкомъ и вообще древодѣліемъ; крестьяне того края, который называется Куршею, т. е. Куршакѝ (по мѣстному названію), слывутъ даже у своихъ сосѣдей за „дроворубовъ“. Къ этому краю относится Китовская волость, Ветчанская (Курша съ рѣкою того-же названія), Колесниковская; не менѣе дикая мѣстность и волость Парахинская. Женское населеніе и подавно дикое: женщины какъ-будто даже не живутъ „съ вѣкомъ наравнѣ“, хотя внѣшній ихъ видъ и костюмы въ общемъ представляютъ одинъ типъ съ крестьянками южной части; здѣсь, на сѣверѣ, мы видимъ тотъ-же покрой понёвы или понявы, такой-же сарафанъ, рожки на головѣ, платки (шали), шушпаны, шушуны, онучи и обуры и проч.; лишь мѣстами (с. Шаранина) замѣчается довольно густо навѣшанное украшеніе на лбу изъ монетъ или блестокъ, а чаще—изъ бисера [1]). Говоръ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей до того своеобразенъ, что нѣсколько первыхъ моментовъ положительно съ трудомъ понимаешь рѣчь простого народа: надо вслушаться и попривыкнуть къ мѣстному произношенію; въ особенности требуется сразу большое вниманіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы слышимъ дифтонги (Парахинская волость, а также—Забѣлино, въ которомъ дифтонги находятся нынѣ въ процессѣ своего перехода просто въ *долгіе* гласные; но по единогласному признанію мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей,—священниковъ, учителей и т. п. лицъ,—здѣсь, въ Забѣлинѣ, еще лѣтъ 30 тому назадъ можно было всюду ясно различать произношеніе: куо͡нь, Аху͡оня и т. д.): такъ они

[1]) См. мой «Отчетъ о командировкѣ». Казань. 1895 г. Стр. 32—36.

поражаютъ непривычный слухъ и дѣлаютъ русскую рѣчь какой-то чужой; то-же можно сказать про долгіе гласные звуки, которые ясно слышатся въ говорѣ Касимовскаго края: эта растянутость рѣчи сообщаетъ ей какую-то особенную музыкальность, но не отрывистость, къ которой мы привыкли при нашихъ удареніяхъ, стягивающихъ всю силу гласныхъ звуковъ слова въ ударяемый гласный, который пріобрѣтаетъ свою явственность на счетъ другихъ гласныхъ, не ударяемыхъ и остающихся какъ-бы въ тѣни. Описываемая-же долгота, наоборотъ, какъ-бы ослабляетъ силу ударенія, которое не такъ рѣзко здѣсь слышится, не такъ оттѣняетъ ударяемый гласный: иногда при записи приходилось поставить даже два ударенія на одномъ словѣ: де́ня̄к—де́ня̄къ = денегъ, род. п. мн. числа. Какъ самыя природныя условія этой мѣстности, такъ и говоръ жителей, по моему мнѣнію, мало даютъ намъ права на предположеніе о поздней колонизаціи этого края: культуры въ этой сторонѣ почти нѣтъ никакой, а особенности мѣстнаго говора рѣшительно возстаютъ противъ того, чтобы выводить мѣстныхъ крестьянъ изъ новгородской области,—или надо предположить, что въ старой новгородской области были говоры, о существованіи которыхъ мы ничего не знаемъ и существованія которыхъ мы не подозрѣвали. Если такъ, то, можетъ быть, именно, жителями, принадлежавшими къ этимъ говорамъ, и были заселены интересующія насъ мѣстности Рязанской губерніи...

Я лично представляю себѣ дѣло совершенно иначе: напр., я не могу допустить, чтобы дифтонги, дзеканье, *дж* вм. *д'*, *ш* вм. *с*, *ж* вм. *з*, наконецъ, своеобразное цоканье и т. п. можно было выводить изъ тѣхъ областей русскаго говора, гдѣ нынѣ не замѣчаемъ почти ни одной изъ вышеназванныхъ фонетическихъ особенностей: это дѣло, по моему, невозможное. Далѣе, не будемъ забывать, что во всемъ районѣ, гдѣ только я былъ, нѣтъ ни одного села, ни одной деревни о̀кающей, а всюду—сплошное *а̀канье*. Странно было бы допустить сохраненіе многихъ звуковыхъ особенностей въ говорѣ переселенцевъ и потерю только одной—о̀канья; да и какъ могло зайти а̀канье въ такую глушь, если здѣсь не было говоровъ, которые по своему вокализму принадлежали къ говорамъ, развившимъ у себя а̀канье? Скорѣе, кажется, можно предположить, что говоры интересующихъ насъ мѣстностей также естественнымъ путемъ развили у себя аканье, какъ и сосѣдніе окрест-

ные говоры, а прочіе фонетическіе признаки нашихъ говоровъ скорѣе указываютъ на то, что эти признаки удержались здѣсь лишь благодаря исключительнымъ условіямъ природнымъ: лѣсамъ и трудно проходимымъ въ прежнее время болотамъ, тогда какъ въ сосѣднихъ говорахъ эти же признаки мало-помалу исчезли подобно тому, какъ на нашихъ глазахъ и на нашей памяти исчезли дифтонги въ с. Забѣлинѣ послѣ того, какъ это село стало проѣзжимъ и превратилось изъ села „кисельнаго" въ село торговое, складочное, гдѣ нынѣ построена даже пароходная пристань для пассажировъ и товаровъ. Я полагаю, что мы не будемъ очень далеки отъ истины, если теперь по поводу изслѣдуемыхъ русскихъ говоровъ припомнимъ опять то, что уже приходило на мысль покойному Колосову, когда онъ занимался русской діалектологіей. Мнѣ думается, что мы имѣемъ нѣкоторыя основанія усматривать въ жителяхъ лѣсистыхъ мѣстностей за-Окскаго края нынѣшней Рязанской губерніи потомковъ древнихъ вятичей, которые здѣсь сохранились, быть можетъ, въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ нынѣшней Вятской губерніи, гдѣ они смѣшались съ древними новгородцами... Думаю я также, что лѣтописецъ XI—XII вѣка, оставившій намъ довольно обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ народахъ и русскихъ племенахъ въ древнѣйшія времена, не безъ основанія повторилъ въ своей лѣтописи ходячее въ то время преданіе о ближайшемъ родствѣ вятичей съ ляхами, между тѣмъ какъ тотъ же лѣтописецъ не выводилъ новгородскихъ словенъ или кривичей изъ ляховъ. Въ лѣтописи мы читаемъ: „Радимичи бо и Вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи"[1]). Мѣстность поселенія вятичей, ихъ обычаи и образъ жизни также подробно и краснорѣчиво описаны нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ[2]); это народъ грубый, дикій, первоначально сильный, непреклонный и опасный для сосѣдей и князей, но вскорѣ уступившій силѣ многочисленныхъ сосѣдей—враговъ и, вѣроятно, смѣшавшійся съ ними и частью разсѣянный по разнымъ областямъ и предѣламъ;

---

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

[2]) Ibid. Стр. 13, а также 80 (воинственность ихъ) и 392 (волость ихъ).

по крайней мѣрѣ, самое имя вятичей исчезаетъ изъ памятниковъ письменности уже въ XIII—XIV вѣкѣ. Куда они дѣлись? Такимъ образомъ, мы усматриваемъ возможность видѣть въ нынѣшнихъ жителяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Касимовскаго края потомковъ древнихъ вятичей, забившихся въ уголочекъ, оставшійся какъ-бы нетронутымъ во время междоусобій и татарскаго разгрома. Слыша говоръ этихъ жителей, ихъ дзёканье и твердое цоканье, невольно припоминаешь преданіе о родствѣ вятичей съ ляхами.. Замѣчательно, что въ самомъ центрѣ этого глухого края. въ Куршинскомъ краю, среди „куршаковъ", есть село *Ветча̀ны*, произн. *Вятча̀ны* (на волостномъ правленіи написано черезъ *ѣ*: „Вѣтчанское волостное правленіе") [1]). Это географическое названіе намъ тоже говоритъ о себѣ кое-что.

Далѣе, если позволительно говорить, что вятичи въ древности населяли нынѣшнія губерніи: Калужскую, Орловскую, Тульскую, Московскую и Смоленскую, то тѣмъ болѣе позволительно усматривать вятичей въ нынѣшней Рязанской губерніи, такъ какъ, по лѣтописи, „Вятъко сѣде съ родомъ своимъ *по Оцѣ*, отъ негоже прозвашася Вятичи". Такимъ образомъ, Ока, дѣйствительно, служитъ какъ-бы естественной границей говоровъ, которые въ силу своей исторіи обособились другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ. Рѣчная система Оки, Волги и Камы была, конечно, естественнымъ путемъ колонизаціи народовъ, а потому съ этой стороны является возможность усматривать потомковъ вятичей и въ нынѣшней Вятской губерніи. Подробное сравненіе фонетическихъ особенностей нынѣшняго вятскаго говора, насколько онъ намъ извѣстенъ, съ особенностями изслѣдуемыхъ говоровъ въ Рязанской губерніи должно выставить на видъ тѣ сходныя черты въ томъ и въ другихъ, которыя исключаютъ всякую возможность предположенія какого-либо *случайнаго* сходства между этими говорами. Здѣсь я позволю себѣ напомнить читателямъ то, что говорилъ Колосовъ о вятскомъ говорѣ, который вмѣстѣ съ новгородскимъ говоромъ былъ предметомъ его изслѣдованій и личныхъ наблюденій.

Колосовъ говоритъ: „Рѣчь вятчанъ не больше, какъ *говоръ*. Но если говоръ, то *какого* нарѣчія?... Сколько мнѣ извѣ-

---

[1]) Мой «Отчетъ». Стр. 36.

стно, всѣ признаютъ вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцевъ. Такъ-ли это? Вѣрно-ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?... Мы знаемъ особенности древняго новгородскаго нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языкѣ многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова (въ 1174 г.; съ 1781 г.—Вятка) и болѣе древней.... Не знаю, высказывалъ-ли кто и когда мысль о томъ, что вятичи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но—напротивъ—я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣтъ возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть".... „Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятичи, есть селеніе Вятское, *Вятчина*... И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская" [1]). На подобныя мысли навело Колосова то обстоятельство, что онъ замѣтилъ существенную разницу между говоромъ новгородскимъ и вятскимъ, хотя замѣтилъ и нѣкоторое сходство между ними, но надо имѣть въ виду, что Колосовъ изслѣдовалъ только сѣверно-великорусское нарѣчіе, а въ странѣ древнихъ вятичей онъ наблюденій тогда не дѣлалъ. Слѣдовательно, онъ могъ при сравненіи новгородскаго и вятскаго говоровъ придти къ заключенію отрицательнаго характера, что, молъ, вятскій говоръ не есть новгородскій. Интересно, къ какому заключенію пришелъ бы онъ, производя наблюденія надъ рѣчью народа въ странѣ древнихъ вятичей? Иначе говоря, интересно было бы послѣ наблюденій, напр., въ Рязанской губерніи въ Касимовскомъ краю сдѣлать одному и тому-же лицу наблюденія свои надъ рѣчью народа въ Вятской губерніи, въ вятскомъ краю. Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ слуховое впечатлѣніе при наблюденіяхъ надъ

---

[1]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. Т. XVII. 1877 г. Стр. 213. 214. 215. 216. О сходствѣ вятскаго говора съ новгородскимъ и о различіи—стр. 217.

рѣчью: тѣ измѣненія звуковъ, въ особенности гласныхъ, которыя кажутся иногда невѣроятными при теоретическихъ построеніяхъ, уясняются въ то время, когда слышишь переходные звуковые оттѣнки въ живой рѣчи....

Итакъ, я расположу свое описаніе говоровъ по особенностямъ въ области согласныхъ звуковъ: I. Говоры не цокающіе. II. Говоры цокающіе. III. Говоры цокающіе и чёкающіе[1]). Начну однако съ описанія вокализма нашихъ говоровъ.

Считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о своей транскрипціи, принятой мною въ этомъ трудѣ для передачи народнаго произношенія. Вообще, я старался быть возможно послѣдовательнымъ и точнымъ, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ народное произношеніе могло быть точно передано обыкновенными нашими буквенными знаками, я не считаю для себя обязательнымъ держаться строго фонетической транскрипціи, чтобы не пестрить текста различными значками. Съ этою цѣлью я часто пишу букву *ѣ* тамъ, гдѣ она имѣетъ подъ удареніемъ литературное произношеніе, букву *й*—послѣ гласныхъ; *ъ* и *ь* между согласными ставлю только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ближе* опредѣлить гласный звукъ я не могъ своимъ слухомъ, но тамъ, гдѣ явственно звучалъ извѣстный оттѣнокъ гласнаго, обыкновенно въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, я обозначалъ этотъ оттѣнокъ соотвѣтствующей буквой, однако со знакомъ краткости (˘) надъ нею, и въ этомъ отношеніи расхожусь съ Богородицкимъ относительно его транскрипціи, такъ какъ не всѣ гласные, удаленные отъ ударяемаго, звучатъ въ нашихъ говорахъ одинаково неопредѣленно, а равно не обозначаю этихъ гласныхъ и точками сверху, какъ дѣлаетъ Шахматовъ. Такимъ образомъ, знаки: *ă*, *ŏ*, *й*, *ы̆* и проч. въ моей транскрипціи означаютъ всетаки болѣе или менѣе ясные звуки: *а*, *о*, *и*, *ы*, хотя и не такіе ясные, какъ въ слогахъ ударяемыхъ или непосредственно предшествующихъ ударяемому. Далѣе, я употребляю знаки: $а^{е}$, $е^{а}$, $е^{і}$ тамъ, гдѣ слышится открытость или закрытость звука, но гдѣ не произошло полнаго перехода одного гласнаго въ другой. Знаки: *ç*, ѕ, s, $т^{с}$, $ч^{ц}$ и проч. для выраженія оттѣнковъ согласнаго произношенія звуковъ объяснены мною въ соотвѣт-

[1]) Я предпочитаю этотъ терминъ странному, на мой взглядъ, термину: «чваканье».

ственныхъ мѣстахъ текста, въ примѣчаніяхъ подъ строкой. Знакъ ъ въ большинствѣ случаевъ служитъ для выраженія неопредѣленнаго гласнаго, очень близкаго къ очень краткому звуку *і*, а знакъ мягкости согласнаго въ большинствѣ случаевъ обозначается мною *апострофомъ* надъ этой мягкой согласной; мягкость согласныхъ не обозначена лишь тамъ, гдѣ она соотвѣтствуетъ мягкости въ литературномъ (московскомъ) произношеніи. Знакъ *ç* обозначаетъ *всегда мягкій* звукъ. Суффиксъ прилагательныхъ—*ьск*, - смягчая предшествующую согласную, мною такъ и изображался въ транскрипціи народнаго произношенія въ изслѣдуемыхъ говорахъ Касимовскаго уѣзда, такъ что въ этомъ случаѣ знакъ ь есть знакъ смягченія предшествующей согласной.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава I-ая.

Долгіе гласные.

Въ изслѣдуемыхъ мною говорахъ Касимовскаго уѣзда (и въ прилежащихъ частяхъ Спасскаго уѣзда) ясно слышатся *долгіе* гласные звуки: а, е, о, и, у, ы. Долгота этихъ звуковъ бываетъ *ударяемой* и *неударяемой*, въ *открытыхъ* слогахъ и въ *закрытыхъ*. Насколько я могъ замѣтить, долгота эта вообще не обязательна, такъ что одно и то-же слово въ одной и той-же формѣ звучитъ то съ долгой гласной, т. е. съ гласной протяжной, то съ краткой, обыкновенной, но чаще всего и почти какъ правило гласная бываетъ долгой *въ конечномъ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго.*

Примѣры, въ которыхъ слышались мнѣ долгіе гласные, можно спруппировать слѣдующимъ образомъ: 1) долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ и закрытомъ слогѣ подъ удареніемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* краткой и полной формы женскаго рода имен. пад. ед. числа; *въ настоящемъ времени глаголовъ* стяженныхъ, въ формахъ, гдѣ звукъ *а́* получается изъ стяженія группы—а́іе.—Напр., друγа̄́ у жы̆нихá (вечеринка)—с. Ерахтуръ; избá бальша̄́ бывáеˈть—с. Шостья; мо́та̄льная кака̄́-та (фабрика)—с. Гусевской Погостъ; пӑгаво́рка

така́-та—Уланова Гора; как бальша̄я като́ра̄ изба—Шостья и друг. Въ глагольныхъ формахъ: угада̄т—3 ед.—Данево; быва̄т—3 ед.—Гусевской Погостъ; Забѣлино; э́та сафсѣм ра̄змака̄т—3 ед.—Забѣлино; фсяло́ на́ша въяж'ж'а̄ш—2 ед.—с. Китово. 2) Долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ нарѣчіяхъ*, гдѣ это *а* изъ *о* или *е* по закону акающихъ говоровъ: там ти́ха̄, сми́рна̄—Ерахтуръ; уш пло́ха̄, во́ску-ту мно̄у̯а̄—Нармушадь; До́лу̯а̄ п'а̄днаму́—Катово, Тумскій край; вить, жа́лка̄—Расторгуево, ibid.; шли хо́тка̄—Логино, ibid.; и мн. др. Также долгое *а* встрѣтилось намъ въ означенномъ положеніи въ словѣ Ур'а̄ᵉди́на̄=Урядино (названіе села Китовской волости). Далѣе, *въ именахъ прилагательныхъ* женскаго и средняго рода краткой формы, причемъ въ послѣднихъ звукъ *а* изъ *о* по закону акающихъ говоровъ: неⁱ леⁱни́ва̄ мо́жыть два на̄пр'аᵉде́ть—Шостья; как бальша́я като́ра̄ изба—ib.; Шо́стиньска̄ (=Шостьинская; на вопросъ: „ты откуда"?)—ib.; ли́па̄ва̄ кара́—Ломъ; Ула́ньска̄ баба—Уланова Гора; вот кака́я ме́лёнька̄ (рыба)—д. Китово; Уря́диньска̄—Урядино; ка́жна̄ время—Ерахтуръ; и бе́ла̄ ткём и си́н'а̄—Шостья. Также въ словѣ: ны́н'а̄ (=нынѣ)—Забѣлино. Долгій гласный а̄ въ открытомъ слогѣ *не конечномъ* и не подъ удареніемъ имѣется въ слѣдующемъ примѣрѣ: Ми́ла̄я, Бо́у̯-ба ны̄й забыл!—Зубово Кас. у. 3) Долгій гласный звукъ *а* въ закрытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* членныхъ въ им. пад. ед. ч. муж. рода въ окончаніи—*а̄й* изъ—*ый* черезъ—*ой*; *въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ* женскаго рода съ основой на—*а* въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ является окончаніе—*ай* изъ—*ой* (=ою, оѣ, ои), т. е. въ творит. падежѣ ед. ч. именъ существительныхъ, въ род., дат., твор., мѣстномъ падежахъ именъ прилагательныхъ; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода въ окончаніи род. падежа множ. числа—*овъ*, откуда въ нашихъ говорахъ—*а̄ф*,—*а̄у̯* черезъ—*ав*; *въ именахъ прилагательныхъ* притяжательныхъ въ суффиксѣ—*овъ* (—*евъ*), откуда наше:—*а̄ф*,—'*а̄ф*,—*а̄у̯*,—'*а̄у̯* въ именит. пад. ед. ч. муж. рода; *въ именахъ прилагательныхъ* въ род. мѣстн. падежахъ множ. числа вмѣсто окончанія—*ыхъ* (—*ихъ*), откуда наше—*а̄х*,—'*а̄х*; *въ именахъ существительныхъ и при-*

лагательныхъ въ суффиксѣ—*ок* (—*ък*),—*ен* (—*ьн*), когда этими суффиксами оканчивается форма, откуда наше—*ăк*,—*'ăн*; *въ именахъ существительныхъ* односложныхъ (бывшей основы на—*о*) муж. рода съ коренными гласнымъ *о*, если эти существительныя передаютъ свое удареніе предлогу или префиксу, образуя съ послѣднимъ двусложное слово; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода полногласнаго типа—*оло*—съ неударяемымъ вторымъ *о*, которое въ нашихъ говорахъ превращается въ *ă*; въ окончаніи твор. и мѣстн. п. ед. ч. *именъ существительныхъ* и *прилагательныхъ*—*омъ*,—*емъ*, откуда наше:—*ам*,—*'ам*; вообще въ формахъ *именъ существительныхъ* и *глаголовъ* съ неударяемыми звуками *о*, *е* разнаго происхожденія въ положеніи ихъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, гдѣ въ такомъ случаѣ появляется въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ неударяемыхъ *о*, *е*—*ă*, *'ă*; *въ словѣ „девятъ"*, гдѣ звукъ *я* (*'а*) звучитъ долго; наконецъ, *въ глагольныхъ формахъ* настоящаго времени и тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ этимологическое окончаніе—*ешъ*,—*етъ*,—*емъ*, откуда наши: *'āш*,—*'āт*,—*'āм* съ неударяемымъ звукомъ *'а* долгимъ. Кромѣ этого всего, долгое неударяемое *ā* въ конечномъ закрытомъ слогѣ слышалось нами *въ мѣстномъ падежѣ мн. ч. именъ сущ. женскаго рода* на *а*, въ окончаніи—*ахъ*. Примѣры: a) И jaᵉзы́к ста́л пёстрāй—с. Новый Киструсъ Спас. у.; деⁱшóвāй—Забѣлино Касим. у.; вóот, радúмāй, травў пóл'āм—1 л. мн. ч.—с. Китово Касим. у.; Йбр₀дускāй = Ибердусовскій отъ с. Йбердусъ—ibid; ты, мой садóвāй, меⁱня́ ту́т дёржыш—Чарусъ, Касим. у.; пья́пāй, тък ни винóвян—Бычково Касим. у.; бѣлāй—село Ижевское Спас. у.; лѣтъшнāй ɣот—Вы́жлисъ (по картѣ: Выжелѣсъ) Спас. у.; ɣарѣлāй лѣс—Воскресенское, Спасск. у.; сáмāй ɣалóднāй ɣóт—ib, дявя́тāй—Ерахтуръ Касим. у.; кáжнāй,—беⁱрёзъвāй, сукóннāй (халáт), хрёснāй, дрéвнāй—Нармушадь ib; бѣднāй, пéрьвāй, пасты́лāй, рѣткāй, сцыслúвāй, дубóвāй, мúлāй—Шостья ib.; глубóкāй—Ломъ ibid.; двухъятáжнāй—Гусевской Погостъ ibid.; хвóрāй, ру́ськāй—ibid.; харóшāй—Уланова Гора ib.; жылѣзнāй—Дмитріево ib.; ни жавáтāй—Бѣльково ib.; цóрнāй хлѣп—Китово ib.; дéнь мáйшькāй—Ивановское ibid. и мн. др.—b) С пăлавúнāй—Шостья; у э́тāй—ibid.; Аксúньяй—Горы; с ры́бāй—сухóй день—Расторгуево („Ăстарɣóва")—ib.; c)—aрѣхāх нада?—Бѣлясево

Касим. у.; d) Хвадей Кандратьяф—Горы; Пётр Паулау—Чуфилово; е) пять цалковах—с. Китово; грыбовах—род. пад. мн. ч.—д. Борисково (Ветчан. волости); свежыньках—род. п. мн. ч.—Малахово; f)—сливак—род. п. мн. ч.—Гусевской Погостъ; гривян—Бѣльково; ни виновян—Бычково; х Туме шэзь урвиян—Зубово; g)—ни хватаит на гат хлѣба—Ветчаны; вывад—Рогачево; h)—холад да даж'ж'й—Рогачево; солад—Шаранина; i) Нинила петь лѣт замъжам—Рогачево; х пьянам види—Бычково; k)—помяр—Семеино; свекар—Расторгуево; цара-та рупь сорак—ibid; l)—из мѣры карыт девять—Забѣлино; (м. б., непосредственно изъ формы *девеmь); m)—фсѣ семьдесят будят—3 л. ед. ч.—Бѣльково; сѣяш—2 л. ед. ч.—ibid.; траву полям—1 л. мн. ч.—с. Китово; нъкалотяш—2 л. ед. ч.—с. Китово; (такiе примѣры, гдѣ касим.—'аш—2 л. ед. ч.—восходитъ къ основному старосл.—иши,—вообще въ нашихъ говорахъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ формы съ—'аш изъ—еши, и объясняются, вѣроятно, аналогiей къ *обычнымъ* формамъ на—'аш,—аш (или—'аш,—аш). Сравните: юvр. любя, ходя, нося.... 3 л. ед. ч.—вмѣсто ожидаемаго: люби, ходи, носи—и: любють, ходють, носють—3 л. мн. ч., какъ будто отъ глаголовъ такъ называемаго I-го спряженiя). Далѣе примѣры: ни пъкупаям—1 л. мн. ч.—дер. Китово; моцам, стелям—1 л. мн. ч.—Чарусъ; ни напишаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; ня станяш—2 л. ед. ч.—ibidem. и мн. другихъ. Наконецъ,—n)—в дѣфках-та—Бѣльково Касим. у.

Долгiй звукъ е слышится намъ также только въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ: *подъ ударенiемъ:* въ словѣ: нѣт—с. Ивановское Касим. у., гдѣ это слово произносили всегда скорѣе въ два слога, чѣмъ въ одинъ: неэт, и въ глагольныхъ формахъ 2-го, 3-го лицъ ед. ч. и 1-го лица мн. ч. наст. вр., гдѣ ударяемое долгое *е* изъ стяженiя—*ѣе*. Напр., умѣш, умѣт, умѣм. *Въ неударяемомъ слогѣ* въ глагольныхъ формахъ 2-го лица ед. числа наст. времени на—*ешь*: сётъки слушаjеш—2 л. ед. ч.—Бѣльково.

Долгiй звукъ о извѣстенъ только подъ ударенiемъ: *въ открытыхъ слогахъ въ серединѣ слова*, напр., ульи-ти тожа—Нармушадь; воску-ту мноуа—ib.; деiшовай—Забѣлино; накалотяш—2 л. ед. ч.—Китово; свекар харошай цылаэк—Рас-

торгуево; *въ закрытыхъ слогахъ въ концѣ слова*, напр.,—ну, нябо̄сь, кӯпют!—с. Шаранина; во̄т, радимāй! (здѣсь прямо слышалось два слога: вóот).—Китово.

Долгій звукъ и извѣстенъ въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ: въ ударяемыхъ, кромѣ того, *въ открытомъ* слогѣ: такӣ-ти бе̍зымёнки ткӯтца—Ерахтуръ Касим. у.; и *въ закрытомъ:* хлѣп у нáс радӣтцы—Гусевской Заводъ (принадлежитъ въ административномъ отношеніи уже Владимирской губерніи); хто малӣтцы—3 ед.—Ивановское Касим. у. Въ неударяемыхъ слогахъ, въ конечномъ открытомъ слогѣ: бáркӣ? (въ вопросѣ)—Гусевской Погостъ Касим. у.

Долгій звукъ у слышался только въ открытыхъ слогахъ въ положеніи подъ ударeніемъ и не подъ удареніемъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ только въ конечныхъ слогахъ; *ударяемое ӯ*: Дӯшӯ, зны̄ш, стáла быть, атрѣзāли—Выжлисъ Спас. у.; сётъки слӯшаје̄ш—2 л. ед. ч.—Бѣльково; травӯ пóлям—1 л. мн. ч.—Китово; ну, нябо̄сь, кӯпют!—с. Шаранина. *Неударяемое ӯ*: дӯшӯ—Выжлисъ (см. выше); гóлāсӯ нѣ̄ту—Уланова Гора Касим. у.; съ цы́м је̍ди́м—тӯ?—д. Китово; нá вāдӯ онá набѣлӣтцыть—Чарусъ; кáк зāтирáје̍м-тӯ?—ibidem.

Долгій звукъ ы бываетъ въ нашихъ говорахъ ударяемымъ и неударяемымъ, въ *конечныхъ* открытыхъ и закрытыхъ слогахъ. *Ударяемый конечный закрытый слогъ съ ы̄:* мӣлāя, Бо́γба нӣ забы̄л!—Зубово Касим. у. *Неударяемый конечный закрытый слогъ съ ы̄*: замāцы̄м—1 л. мн. ч.—(=замáчиваемъ)—Акулово Касим. у. *Ударяемый конечный открытый слогъ съ ы̄:* ў цужы̄ люди (въ пѣснѣ)—Ерахтуръ; *неударяемый конечный открытый слогъ съ ы̄:* хлѣп у нáс радӣтцы̄—Гусевской Заводъ; и друг.

Такимъ образомъ, въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстны долгіе гласные звуки: *а, е, о, и, у, ы.* Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, эти звуки являются въ разнообразныхъ положеніяхъ: то въ ударяемыхъ слогахъ, то въ неударяемыхъ, то въ закрытыхъ, то въ открытыхъ, то въ конечныхъ, то въ серединѣ словъ, но нельзя сказать (и это особенно ясно будетъ видно въ дальнѣйшемъ обозрѣніи вока-

лизма нашихъ говоровъ), чтобы долгіе гласные здѣсь были обязательны: тѣ-же самые звуки въ такихъ же положеніяхъ извѣстны и безъ долготы; кромѣ того, во многихъ изъ приведенныхъ примѣровъ долгіе гласные показаны нами въ вопросительныхъ предложеніяхъ, слѣдовательно, въ нихъ долгота гласныхъ можетъ быть обусловлена самой интонаціей, но все-таки и по приведеннымъ примѣрамъ ясно видно, что долгота гласныхъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ вообще не совпадаетъ съ долготой реторическаго характера нашего литературнаго языка. Можно положительно сказать, что звукъ *а* въ нашихъ говорахъ чаще всего бываетъ долгимъ, какъ видно изъ примѣровъ, и эта долгота звука *а* особенно замѣтна въ конечныхъ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Такъ какъ вообще качество долготы нашихъ говоровъ обращаетъ на себя вниманіе, останавливаетъ на себѣ слухъ наблюдателя, заѣзжаго въ Касимовскомъ уѣздѣ, то мы и сочли необходимымъ перечислить всѣ тѣ случаи, гдѣ эти долгіе гласные поразили нашъ слухъ. Оказалось возможнымъ формулировать *точно* только случаи употребленія *долгаго а*, прочіе-же случаи довольно трудно обобщить въ виду малочисленности самихъ примѣровъ, слышанныхъ нами, съ другими долгими гласными. Изъ этого, конечно, можно заключить, что звукъ *а* нашихъ говоровъ занимаетъ исключительное положеніе, а количество случаевъ *долгаго а* въ закрытыхъ слогахъ даетъ намъ право отмѣтить какую-то связь между долготой звука *а* и положеніемъ его въ закрытомъ слогѣ. Ниже мы представимъ посильныя объясненія этого явленія въ связи съ явленіями долготы гласныхъ въ другихъ русскихъ говорахъ, а теперь перейдемъ къ дальнѣйшей характеристикѣ Касимовскихъ говоровъ.

Глава II-ая.

Дифтонги.

Въ глубинѣ Касимовскаго уѣзда, въ Китовской волости, а также въ говорѣ с. Ярыгина (на р. Сынтулѣ) и вообще на сѣверѣ извѣстны *дифтонги*. На сѣверѣ Касимовскаго уѣзда есть село Парахино, составляющее вмѣстѣ съ прилегающими къ нему деревнями Парахинскую волость; сюда входятъ деревни: Фомино, Залѣсье, Новая, Астахово (на картѣ: Астафьево), говоръ которыхъ я и записывалъ. Говоръ этой волости особенно поражаетъ слухъ наблюдателя своими дифтонгами. Кромѣ этихъ мѣстностей, я не встрѣтилъ больше нигдѣ дифтонговъ, хотя старожилы и уроженцы Касимовскаго края увѣряли меня, что на ихъ памяти и въ Погостинской волости (д. Забѣлино) говорили *такъ же*, какъ нынѣ говорятъ въ Парахинской волости, но самъ я въ д. Забѣлинѣ уже не слышалъ дифтонговъ.

Въ говорѣ Парахинской волости нынѣ извѣстны слѣдующіе дифтонги (дифтонгическія сочетанія): у͡о и і͡е. Первый изъ этихъ дифтонговъ въ большинствѣ случаевъ слышится съ бо́льшей ясностью *въ первой своей части*, т. е. перевѣсъ въ произношеніи дифтонга у͡о слышится на звукѣ *у*; это бываетъ однако только въ томъ случаѣ, когда дифтонгъ имѣетъ на себѣ удареніе, *въ случаѣ ударяемости дифтонга у͡о*; но, такъ какъ этотъ дифтонгъ чаще всего слышится *въ неударяемыхъ слогахъ* вообще, то мы и будемъ говорить сперва о слогахъ неударяемыхъ. Говоръ Парахинской волости характеризуется употребленіемъ дифтонга у͡о, именно, въ неударяемыхъ слогахъ, и въ этомъ положеніи дифтонгъ у͡о отличается отъ ударяемаго дифтонга у͡о тѣмъ, что *при отсутствіи на немъ ударенія въ немъ слышится съ бо́льшей ясностью второй его элементъ*, т. е. перевѣсъ произношенія получается на звукѣ *о*. Такое произношеніе (у͡о́) есть произношеніе *обычное* въ говорѣ Парахинской волости [1]). Впрочемъ, *иногда и ударяемый* дифтонгъ у͡о

---

[1]) Въ говорѣ Китовской волости (въ центральной части уѣзда), а также въ говорѣ с. Ярыгина (на сѣверѣ уѣзда) мнѣ слышался скорѣе дифтонгъ

слышался намъ съ перевѣсомъ въ произношенiи *на второй* своей части, т. е. на звукѣ *о*.

Вообще, мнѣ довольно трудно было услѣдить перевѣсъ произношенiя на составныхъ элементахъ этого дифтонга: слышалось то у̑о, то у̑о́ у разныхъ лицъ; но дифтонгъ самъ по себѣ, т. е. *два* звука—у̑о,—замѣтны были сразу. Въ приводимыхъ ниже примѣрахъ мы будемъ, въ случаѣ неударяемости дифтонга у̑о, ставить на словѣ два ударенiя:—одно этимологическое, т. е. то ударенiе, съ которымъ данное слово извѣстно въ говорѣ, другое—акустическое, такъ сказать, т. е. то ударенiе, которое намъ слышалось на болѣе ясной части дифтонга у̑о.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дифтонгъ у̑о въ говорѣ Парахинской волости извѣстенъ на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *о* въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ, и на мѣстѣ этимологическаго звука *у* (старосл. ѫ) также въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ. Далѣе, этотъ-же дифтонгъ является здѣсь вмѣсто *у* (*ю*) и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимологическимъ (основнымъ) звукомъ служитъ звукъ *я* (*'а*)—старосл. ѧ, т. е., именно, въ формахъ глагола въ 3 л. множ. числа наст. времени глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженiя, если эти формы не имѣютъ ударенiя на личномъ окончанiи и въ народномъ говорѣ перешли изъ формъ 2-го спряженiя въ формы 1-го спряженiя. Наконецъ, дифтонгъ у̑о извѣстенъ и въ формахъ 3-го лица единств. числа наст. времени на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *е* или *и* передъ личнымъ окончанiемъ.

I. *Дифтонгъ у̑о изъ о въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ*: другóй гóʸот, хтару̑óй (=второй), дамóʸой—Парахино; ру̑óгя̆т ня нóс'у̑от = роговъ не носятъ (на головѣ) — ibidem. [1]).

о̑о съ первымъ закрытымъ звукомъ *о—оʸ*, т. е. *оʸ̑о*, чѣмъ ясное *у̑о*; иногда подобнымъ образомъ говорили и въ Парахинѣ. См. примѣры.

[1]) Относительно род. падежа множ. числа «рогъ» срв. пословицу: «Бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ».

Ру͡ок = рогъ, им. пад. ед. ч.—Парахино; за табу͡ой —ib.; зиму͡ой-ту у́ули-ти вязу́ть—д. Китово [1]).

II. *Дифтонгъ у͡о изъ о въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: ве̋рст со́ᵘора̄к—Ярыгино, у͡оба папа́ бранять (въ пѣсни)—с. Китово; Хӑмину͡о (=Фомино)—Фомино; ницау͡о (если это изъ „ницао́", а не изъ „ницаво́". Произношеніе *ницао́* въ Касим. уѣздѣ извѣстно такъ-же часто, какъ и произношеніе *ницаво́*). Он дълягу͡о, ни адну͡о (=ни одно́)—Парахино.

III. *Дифтонгъ уо изъ у въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ*: а яму́ ани́ даjу͡от—3 л. мн. ч.—Парахино.

Замѣтимъ, что въ Парахинской волости формы 3-го лица множ. ч. глаголовъ наст. времени при *ударяемомъ* окончаніи—*у́тъ*,—*ютъ* слышатся вообще *довольно рѣдко* съ дифтонгомъ: при „даjу͡от" мы имѣемъ: „арю́т"—3 л. мн. ч. (=ору́тъ)—Парахино. Совсѣмъ другое наблюдается въ неударяемомъ слогѣ, какъ увидимъ ниже.

IV. *Дифтонгъ у͡о изъ у въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: не встрѣтился.

V. *Дифтонгъ у͡о изъ у въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*: драуа́ рѣжу͡от (мужики)—3 л. мн. ч.—Фомино; пля́шу͡от—3 л. мн. ч.,—ib.; при́ду͡от—3 л. мн. ч.; игра́jу͡от, но́с'у͡от, ӑбува́jу͡от, бываjу͡от, про́ç'у͡от [2]), зна́jу͡от, рабо́тӑjу͡от, пађѣну͡от [3]), сы́п'у͡от, запу́с'т'у͡от, пло́т'ницу͡от и мн. др.—Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово. (См. Приложенія). Здѣсь вездѣ мы имѣемъ формы 3 лица множ. числа.

---

[1]) Обратите вниманіе на членъ:—*ту* и—*ти* въ этомъ примѣрѣ; изъ перваго члена обнаруживается *преобладаніе перваго гласнаго въ дифтонгѣ у͡о* въ словѣ: зиму͡ой.

[2]) Буквой ç мы означаемъ звукъ *с* съ шипящимъ оттѣнкомъ или *ш* съ свистящимъ оттѣнкомъ, почти *ш*, звукъ, постоянно встрѣчаемый въ Касим. говорахъ. Этотъ звукъ *всегда мягкій*. Сравни нашъ «Отчетъ». Стр. 37.

[3]) Буквой ђ мы означаемъ звукъ *дж*, произносимый какъ *д* съ оттѣнкомъ *ж*.

VI. *Дифтонгъ уо изъ у въ открытомъ неударяемомъ слогѣ*: нѣ́туо, присѣ́с'ть на тра́хкуо́ (= на травку)—Парахино; „ӑставля́й сваю нѣ́шкуо у ма́тѣре" (= нѣ́жку, нѣ́гу; въ свадьбишной пѣснѣ, когда расплетаютъ косу; пѣсня передавалась говоркомъ, потомъ пѣлась).—Парахино; на шыро́кую у́лицуо—ibid.; асьму́шкуо прйняс'ли́ виньца́—Фомино; харо́шуо—винит. падежъ единств. числа женск. рода краткаго прилагательнаго; пъвяду́т нивѣ́стуо—ibid.; ска́жуо—1 л. ед. ч. = скажу́—ib.; ѕѣ́вицуо [1]) —вин. пад. ед. ч.—ib. и мн. друг.

Наконецъ, VII. *Дифтонгъ уо* въ нашихъ говорахъ появляется *въ формахъ 3-го лица единственнаго* числа, а не множественнаго, *въ наст. времени* глаголовъ I-го и II-го спряженія, т. е. на мѣстѣ тематическаго звука *е* и *и* передъ личнымъ окончаніемъ—*тъ*. Примѣры: игра́јуот наро́т, ту́т пріѣ́д'уот дру́шка—Фомино; на Ма́льцаў хо́јуот = на Мальцевъ (заводъ) ходитъ (мужъ)—Парахино; каку́ю взду́мӑјуот—ib. (См. Приложенія).

Какъ видимъ, здѣсь дифтонгъ *уо является въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*. Дифтонга уо въ другомъ положеніи въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени, напр., въ открытомъ слогѣ ударяемомъ и неударяемомъ (открытый слогъ могъ бы получиться при отсутствіи личнаго окончанія—*тъ* или—*тъ*; срв. формы: игра́я, бу́дя, хо́дя и проч. на югѣ Ряз. губерніи и здѣсь—ниже), а также въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ мы не встрѣтили.

Подводя итогъ всему сказанному въ этой главѣ о дифтонгѣ *уо* въ нашихъ говорахъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда дифтонгъ *уо* (оʸо) извѣстенъ намъ въ пяти различныхъ положеніяхъ (VII-ой пунктъ пока оставляемъ): *въ закрытомъ и открытомъ ударяемомъ слогѣ*, *конечномъ и серединномъ*, *вмѣсто звука о другихъ русскихъ говоровъ*, а также вмѣсто звука *о* литературнаго русскаго нарѣчія и старославянскаго, слѣдовательно, вмѣсто зву-

---

[1]) Буквой ѕ (зѣло) означается звукъ *д* съ оттѣнкомъ *з*: *дз*.

ка *о* основного. Далѣе: *въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ, въ закрытомъ и открытомъ неударяемомъ слогѣ, только конечномъ, вмѣсто звука у другихъ русскихъ говоровъ* (старосл. ѫ, но: нѣту͡о—Парахино, выше). Принимая во вниманіе далѣе, что въ народныхъ говорахъ вообще замѣчается переходъ глаголовъ изъ II-го спряженія въ I-ое въ формахъ наст. времени, мы можемъ объяснить себѣ вышеприведенную форму 3 л. ед. ч. „хо́ју͡от“ (=ходитъ), какъ происшедшую чрезъ посредство формы *ходетъ (или б. м. отсюда—*хо́дётъ); сравни: хо́дя, лю́бя, но́ся, во́зя и проч. на югѣ Ряз. губ. и въ другихъ русскихъ говорахъ—непосредственно изъ формъ: *хо́де, лю́бе, но́се, во́зе, быть можетъ, по аналогіи съ формами I-го спряженія: бу́дя, пи́ша, игра́я и проч. Сравни при этомъ и формы 3-го лица множ. числа въ народныхъ говорахъ: смо́трютъ, лю́бютъ, хо́дютъ, то́пютъ; срв. выше здѣсь: но́с’у͡от, про́ҫ’у͡от и друг. Кромѣ того, находя въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ *рядомъ* съ вышеприведенными формами 3-го лица *ед. числа* наст. времени и такія, какъ: пріѣдёт, хо́јёт (=хо́дитъ—3 л. ед. ч.)—Парахино, Фомино (см. ниже Приложенія), мы думаемъ, что не ошибемся, если признаемъ нашъ дифтонгъ *у͡о* въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени стоящимъ вмѣсто звука *о* (*ё*), смягчающаго предшествующую согласную, въ другихъ русскихъ говорахъ. Значитъ, въ пунктѣ VII мы имѣемъ примѣры *дифтонга у͡о изъ ’о въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*. Таким образомъ, Касимовскіе говоры представляютъ намъ дифтонгъ *у͡о* на мѣстѣ звуковъ *о* (*’о*) и *у* (*’у*) другихъ русскихъ говоровъ. Вообще, мы видимъ въ нашихъ говорахъ *дифтонги ударяемые и неударяемые*, и это служитъ ихъ особенностью сравнительно съ другими русскими говорами, въ которыхъ сохранились дифтонги преимущественно или исключительно въ ударяемомъ положеніи. Въ частности дифтонгъ *у͡о* вмѣсто *о* является въ нашихъ говорахъ *только подъ удареніемъ*, вмѣсто-же *’о* только въ неударяемомъ положеніи въ 3 л. единств. числа; а вмѣсто звука *у* (*’у*) дифтонгъ *у͡о* нашихъ говоровъ является почти исключительно *въ неударяемомъ слогѣ* (форма даjу͡от—3 л. мн. ч.—почти единичная. См. выше). Въ какомъ отношеніи дифтонги нашихъ говоровъ находятся къ дифтонгамъ другихъ русскихъ говоровъ,

и какія условія возникновенія ихъ,—эти вопросы будутъ разсмотрѣны ниже, во II-мъ и III-мъ отдѣлахъ настоящаго труда. Насколько извѣстно до сихъ поръ, въ области южно-великорусскихъ говоровъ дифтонги еще не были указаны, и въ этомъ отношеніи Касимовскіе говоры представляютъ новыя данныя для діалектологіи.

Дифтонгическое сочетаніе і͡е. Этотъ звукъ, всегда съ преобладаніемъ первой его части—*і*, мы слышимъ иногда въ Парахинской волости вмѣсто звуковъ *е* и *и* въ формахъ 1-го лица множественнаго числа наст. времени въ окончаніяхъ—*емъ* и—*имъ* I-го и II-го спряженія; въ такомъ случаѣ дифтонгъ *і͡е* мы слышали только въ *неударяемыхъ* слогахъ. Примѣры: ку́пі͡ем муки́—1 л. мн. ч. изъяв. накл.—Фомино; сѣ́јі͡ем, ста́ні͡ем—1 л. мн. ч.—Фомино, Парахино. Съ этими формами сравните формы вышеприведенныя: по́л'ā̄м, ста́н'ā̄м—1 л. мн. ч.—съ *долгимъ* гласнымъ—сс. Китово, Чарусъ и друг. Мы ожидали-бы здѣсь формъ: сѣ́јём, ста́нём или съ дифтонгомъ *'у͡о*, какъ выше въ 3 л. единственнаго числа.

Это же сочетаніе *і͡е* извѣстно намъ въ другихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда на мѣстѣ древне-русскаго и старославянскаго *ѣ* въ *ударяемыхъ* слогахъ: въ сс. Шаранинѣ, Чуфиловѣ, Норинѣ (Шеинскаго прихода), Ахматовѣ, а также и въ Парахинѣ. Примѣры: мі͡еру натопцу—1 л. ед. ч.—Шаранина; ні͡ету, ні͡ету!—Чуфилово; не^{і} сумѣю пі͡есьни пі͡еть—(съ преобладаніемъ въ послѣднемъ словѣ звука—*і*)—Парахино; „я бай ні͡ет“!—ibid.; „во́çимь мі͡ер на т^{с}ягло́!“—(съ преобладаніемъ опять звука—*і*)—Ахматово [1]).

Въ звукѣ *і͡е*=*ѣ* мы видимъ мѣстами преобладаніе перваго элемента—*і*—въ произношеніи, а мѣстами—второго элемента—*е*. Болѣе точнаго указанія мы дать не можемъ, такъ какъ вообще *і͡е*=*ѣ* въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко* встрѣчается, и намъ удалось уловить слухомъ это произношеніе лишь въ немногихъ словахъ. Зато произношеніе монофтонгическаго *і* подъ удареніемъ вмѣсто *ѣ* встрѣчается гораздо ча-

---

[1]) Знакомъ *т^{с}* мы обозначаемъ звукъ *т* съ оттѣнкомъ *с*: *т^{с}*, но не *ц*.

ще, въ особенности это произношеніе сильно замѣтно въ деревнѣ Норинѣ, какъ будетъ видно ниже.

Кажется, можно только вообще сказать, что сочетаніе *і͡е* съ преобладаніемъ элемента *і* на мѣстѣ стараго *ѣ* подъ удареніемъ слышится чаще въ односложныхъ словахъ въ закрытыхъ слогахъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Изъ предыдущаго обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ въ нашихъ говорахъ мы уже замѣтили, что какъ тѣ, такъ и другіе гласные звуки *необязательны* въ извѣстныхъ положеніяхъ въ говорахъ Касимовскаго уѣзда; кромѣ того, всѣ эти звуки и *не повсемѣстны* въ Касимовскомъ уѣздѣ, а потому они представляются какъ бы *мелочными* діалектическими отличіями, но нельзя не обратить вниманія на то, что эти діалектическія особенности присутствуютъ въ нашихъ говорахъ одновременно: *гдѣ* извѣстна долгота, *тамъ* извѣстны и дифтонги, *гдѣ* есть *і͡е* = *ѣ*, *тамъ* встрѣчается и долгота, и все это—въ области южно-великорусскаго нарѣчія.

Въ концѣ обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ Касимовскаго говора считаю не лишнимъ указать на то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *дифтонгамъ* говора въ Парахинской волости и прилежащихъ мѣстностяхъ *соотвѣтствуетъ долгота* гласныхъ въ говорѣ средней и южной части Касимовскаго уѣзда. Срв., напр., „за табу͡ой“ и „с рыба̄й“ и мн. друг. выше. Эта долгота меня часто сбивала при скорой записи; я каждый разъ почти затруднялся точно опредѣлить мѣсто ударенія въ такихъ словахъ: ставить-ли при записяхъ удареніе тамъ, гдѣ оно стоитъ въ литературномъ произношеніи и гдѣ, конечно, оно слышится и въ приведенныхъ выше словахъ народнаго произношенія въ Касимовскимъ уѣздѣ, или тамъ, гдѣ у меня поставленъ знакъ долготы; я этимъ хочу сказать, что слово слышалось какъ-бы съ двумя удареніями или, еще лучше сказать, съ двумя долгими слогами, причемъ тотъ слогъ, который соотвѣтствуетъ ударяемому въ литературномъ произношеніи даннаго слова, звучалъ *короче* другого долгаго слога. Такое приблизительно или подобное произношеніе я слышалъ у чеховъ. Особенно ясно слышна долгота гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда: въ Шостьѣ,

въ Ерахтурѣ, въ Чинурѣ, въ Ярыгинѣ, въ Китовѣ, въ Чарусѣ, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Касимовскаго уѣзда. Дифтонги-же преимущественно слышны на сѣверѣ уѣзда въ Парахинской волости: въ Парахинѣ, Фоминѣ, Новой, Астаховѣ, Ахматовѣ, а также частью въ томъ районѣ, гдѣ слышна и долгота гласныхъ, именно, въ Китовской волости.

Особнякомъ стоитъ произношеніе: тˢюп'линькяю—вин. пад. ед. ч. жен. рода имени прилагательнаго вмѣсто „тёпленькую", слышанное нами тоже въ с. Парахинѣ. Вѣроятно, мы здѣсь имѣемъ звукъ *ю* изъ *ё* чрезъ *ю͡о*: *тˢю͡оп'линькяю, откуда и наше—тˢюп'линькяю. Сравни бѣлор. цюплый (=тёплый), жывюмъ—1 л. мн. ч. (=жывёмъ), юй (=ёй), юсь (=ёсть), а также малорус. Черниговск. ю͡ой (=ей), юй, тю͡отка, тютка и мн. др. (См. *Соболевскаго*. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892 г. Вып. III. 19. Вып. IV. 29 и слѣд. passim). Можетъ быть, первоначально звуки *ю͡о* и *ю* были въ положеніи передъ слѣдующими твердыми слогами.

Глава III-я.

Звукъ *а* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ я постараюсь представить обозрѣніе всѣхъ тѣхъ основныхъ звуковъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени развился въ нашихъ говорахъ звукъ *а*, не смягчающій и смягчающій предшествующую согласную, т. е. звукъ *а* и *'а* послѣ согласныхъ, а также звукъ *а* въ началѣ слова. Я буду приводить примѣры не только изъ говора Касимовскаго уѣзда, но и изъ говора прилегающей части Спасскаго уѣзда. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть возможность сразу получить представленіе о томъ, изъ какихъ основныхъ звуковъ развились звуки *а* и *'а* (я) въ разсматриваемыхъ нами говорахъ. Такъ какъ всѣ эти говоры *акающіе*, то, конечно, звукъ *а* и явля-

ется въ нихъ преобладающимъ, т. е. преобладающимъ въ вокализмѣ этихъ говоровъ, но, чтобы видѣть, чѣмъ и насколько аканье нашихъ говоровъ отличается отъ аканья южно-рязанскихъ говоровъ и вообще говоровъ съ сильнымъ, или полнымъ аканьемъ, мнѣ придется въ этой-же главѣ указывать и на тѣ случаи, гдѣ является въ изслѣдуемыхъ нами теперь говорахъ отступленіе отъ сильно акающихъ говоровъ, т. е. придется указывать и на другіе звуки, которые здѣсь являются вмѣсто ожидаемыхъ звуковъ *а* въ сильно акающихъ говорахъ. Само собой разумѣется, что настоящая глава, какъ разсматривающая звуковыя явленія, происшедшія послѣ измѣненія характера ударенія русскаго языка и обусловленныя экспираторнымъ элементомъ этого ударенія, должна обозрѣвать гласные звуки въ зависимости отъ положенія ихъ относительно ударенія или ударяемаго слога. Мы разсмотримъ звукъ *а* (*'а*) ударяемый, звукъ а (*'а*) въ слогѣ *передъ* удареніемъ, звукъ а (*'а*) въ слогѣ *послѣ* ударенія и звукъ *а* (*'а*) въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія къ началу или къ концу слова. Согласно этому, мы раздѣлимъ свое разсужденіе на четыре отдѣла.

§ I. Звукъ *а* (*'а*) является подъ удареніемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ произошелъ изъ стяженія группы: а́ј̑е—или—а́ј̑а въ формахъ глагола и имени прилагательнаго членнаго женскаго рода. Иначе сказать, глаголы III-го класса (*Лескинъ*. Грам. Рус. пер. 108. 111. 142.) на—ати,—аѭ съ ударяемымъ тематическимъ а въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ представляютъ очень часто стяженныя формы въ настоящемъ времени, гдѣ является одинъ звукъ *а́*; этотъ-же звукъ имѣется въ прилагательныхъ членныхъ въ имен. пад. ед. ч. жен. р., если онъ былъ ударяемымъ въ формахъ не стяженныхъ. Примѣры: он зна̀т, мы зна̀м, нӑзыва̀тца—3 ед —Уланова Гора Касим. у., чита̀т—іb., када̀ быва̀т, пъсыла̀м—іb., зна̀ш, рӑзгада̀ш—2 ед.—іb., пълага̀тца — 3 ед.—іb., нӑзыва̀тчя — 3 ед. Дмитріево, увива̀тчя, сӑкруша̀тчя—3 ед. Дапево, угада́т—3 ед. іb., зна̀т, быва̀т—Гус. Погостъ, Забѣлино; э̀та сафсѣм рӑзмака́т—3 ед. Забѣлино, сѝлы ни хвата̀т—іb., ф сяло̀ на̀ша въяж'жа́ш—2 ед., с. Китово. Здѣсь-же я упомяну о замѣчательныхъ случаяхъ произношенія въ нашихъ говорахъ группы *аэ*, не *ае* (ај̑е), въ

означенныхъ и подобныхъ формахъ глагола; въ этой группѣ *аэ* съ ударяемымъ и неударяемымъ звукамъ *а* слышно такое широкое *э*, что чуть не *а*, такъ что можно, пожалуй, эту группу изобразить на письмѣ такъ: *а̀ӓ* или *аӓ*. Ясно, что такое произношеніе указываетъ на неслоговое ị между *а* и *е* и представляетъ собой то произношеніе, черезъ которое должны были перейти глагольныя формы на—аешь,—аетъ... прежде, чѣмъ дать произношеніе—аашь,—аатъ и—ашь,—атъ.. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ здѣсь и долгое *а*, и дифтонгическое сочетаніе *аӓ*, и стяженное *а* съ утраченной долготой. (См. ниже—Морфологію). Примѣры: ударяемое *а*: прӓзыва̀эмъ — 1 мн. Шостья, хвата̀эт — 3 ед. Бѣльково. (Неударяемое *а* въ такихъ примѣрахъ см. ниже). Собственно говоря, это — черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія или, по крайней мѣрѣ, чаще всего встрѣчаемая теперь тамъ, но нельзя думать, что она не была извѣстна прарусскому языку или даже общеславянскому, такъ какъ противъ этого говоритъ сравненіе языковъ славянскихъ между собою. Колосовъ въ Новгородскомъ говорѣ отмѣчаетъ: почита̀ш, ён ба̀т—Указ. соч. 15., въ Вятскомъ: сшива̀м, ба̀ш, ба̀т—223., въ Ярославскомъ и во Владимирскомъ (Муромскомъ)—зна̀ш — 295., въ Архангельскомъ, Вологодскомъ и Пермскомъ: чита̀ш—2 ед., въ Вологодскомъ: онъ чита̀эт книгу—325 и прим. 2. Въ этомъ примѣчаніи сообщеніе, повидимому, совершенно вѣрное: почти то-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ. Въ Сборникѣ пѣсенъ Истомина и Дютша находимъ: пропива̀тъ 3 ед.—стр. 92 (Арх.), спродува̀тъ—3 ед., сорыва̀тъ, устила̀тъ—194. (Г. Кемь Арх. губ.) [1]). Въ Олонецкомъ говорѣ: вида̀шь, увида̀шь (отъ гл. вида̀ю, вида̀ть)— 2 ед. —Гильфердингъ. Он. был. Столб. 137; поѣзжа̀шь—177, зна̀шь—228, игра̀шь—248., оставля̀шь—347, гуля̀шь—903, приплыва̀тъ—57, кача̀тъ—154, заставля̀тъ—396 и мн. др. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, повидимому, это

[1]) Мы здѣсь приводимъ примѣры только на *ударяемое а*, т. к. о неударяемомъ *а* вообще и въ такихъ формахъ въ частности мы будемъ говорить ниже; кромѣ того, неударяемое *а* въ печатныхъ матеріалахъ, можетъ быть, и не слѣдуетъ понимать, какъ *чистое а*. Такія формы съ неударяемыми *а* см. также у *Колосова* ibid., у *Истомина* и *Дютша* стр. 37. 47. 153 и др., у *Даля*. О нарѣчіяхъ. Стр. XLIX. LIV. LVI.

явленіе довольно рѣдкое, въ особенности подъ удареніемъ: ма̀шь вм. ма̀ешь—2 л. ед. ч. [1]). Это же явленіе мы имѣемъ и въ млр. нарѣчіи, въ галицкомъ говорѣ, у Лемковъ и Бойковъ: пожива̀тъ—3 ед., купа̀тъ — 3 ед., збира̀мъ—1 мн., збира̀те—2 мн., збира̀тъ—3 ед. и мн. др. (см. *Соболевскаго*. Очеркъ... Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 53. 56. 57. 59).

Что касается именъ прилагательныхъ, то они являются съ ударяемымъ *а* въ именит. пад. ед. числа ж. р. въ смыслѣ *членныхъ* прилагательныхъ, хотя и не всегда возможно рѣшить вопросъ, употребленіе-ли это безчленныхъ формъ, или членныхъ, но стяженныхъ. По крайней мѣрѣ, въ сѣв.—влкр. говорахъ, напр., въ Казанскомъ, почти вездѣ, гдѣ мы употребляемъ въ ювр., или литературномъ нарѣчіи, членныя прилагательныя, слышатся формы стяженныя или безчленныя [2]). Въ разсматриваемыхъ нами теперь говорахъ мы имѣемъ ударяемое *а* въ слѣдующихъ примѣрахъ. другá у жы̂нихá (вечеринка)—Ерахтуръ, другá слязá—ib. (въ пѣснѣ), избá бальша̄ бывáетъ—Шостья; мóтáльная какá-та фáбрика—Гус. Погостъ, пăгавóрка такá-та Уланова гора, и друг. Долгота гласнаго говоритъ здѣсь въ пользу стяженія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи наши говоры приближаются къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ [3]).

Ударяемое *а* (ʽ*а*) является еще въ нѣкоторыхъ формахъ глагола вмѣсто *о* ударяемаго, т. е. изъ *о* ударяемаго; въ эти формы *а̀* вошло вслѣдствіе образованія по аналогіи: лáвитца — 3 ед.—Забѣлино, лáвимъ — 1 мн. — Ерахтуръ, лáвють — 3 мн. ibid., ни лáвютца ўтки-ти—Рогачево. Глаголъ „лави́ть“ со звукомъ *а* въ акающихъ говорахъ былъ причиной появленія этого *а* и въ формахъ, гдѣ коренное *о* должно бы стоять подъ удареніемъ. Срв. хвати́ть—хвáтишь, мани́ть—мáнишь и др. [4]). Дакáньцына—Шостья (=докончена). Срв.

---

[1]) *Карскій*. Обзоръ. Стр. 150. 152. Срв. формы: паймáамъ—1 л. мн. ч. папытáамъ — 1 мн. ч. въ Могилевскомъ говорѣ. *Соболевскій* ibid. III. стр. 18. 19.

[2]) См. мою брошюру: Главнѣйшія черты народн. р. говора въ Казан. губ. В. 1894. Стр. 26—27. Здѣсь же, на стр. 17—20 о стяженныхъ гласныхъ въ глаголахъ.

[3]) Срв. *Ляпуновъ*. «Нѣсколько словъ»... Стр. 33.

[4]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». 19—21.

„*ка*ньча́ть“ при „дака́ньчивать“, которое и могло вовлечь въ аналогію глаголъ „доко́нчить“ соверш.-окончательнаго вида. Ударяемое *'а* мы имѣемъ далѣе изъ неударяемаго (м. б., и ударяемаго)—*ѣ* въ нарѣчіяхъ: падьля́ при падьлѣ́—Нармушадь (=по́длѣ́), вазьля́, пасьля́—ib., Забѣлино (=вѣзлѣ́, см. Mikl. Lex. s. v., по̀слѣ́). Срв. мое соч. „Къ діалектологіи“... Стр. 36.

Наконецъ, ударяемое *'а* мы имѣемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ мы не встрѣчали этого звука въ южно-рязанскихъ говорахъ, гдѣ онъ, именно, образовался изъ основного ударяемаго *е* (изъ—*ѣ*) послѣ мягкаго согласнаго. Такъ, мы имѣемъ: „у меⁱня́ рука́ ля́хкая“— с. Ижевское Спасск. у.; можетъ быть, *'а́* изъ *е́* въ словѣ: паня́ва—с. Китово Касим. у. (обыкновенно: панёва). Что касается перваго изъ приведенныхъ словъ, то оно указываетъ, по моему мнѣнію, на *аканье* говоровъ, въ которыхъ оно употребляется: я думаю, что произношеніе *ляхко́*, *ляхка́* и под. были причиной появленія произношенія *ля́хкая*, **ля́хк^ай* и под Но какъ это произношеніе извѣстно въ *окающихъ* говорахъ? Насколько я знаю, это слово съ такимъ произношеніемъ отмѣчено еще только въ *вятскомъ* говорѣ: здѣсь имѣемъ: *ля́гче*, *кря́сло*; въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи отмѣчено: *ля́хче* [1]). Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ второй случай замѣчательнаго совпаденія при-Окскихъ говоровъ Рязанской губерніи съ говорами Вятской губерніи: конечное долгое *о—а* или дифтонги и появленіе ударяемаго *'а* изъ ударяемаго *'е* [2]),

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ.... Жив. Стар. 1892. II. Стр. 20 и прим. 4, также стр. 22.

[2]) *Шахматовъ.* Изслѣд. въ обл. р. фонетики. Стр. 73. Здѣсь Шахматовъ, объясняя написаніе *легъчеѥ* грамоты 1229 г. по сп. В. (Рус.-Лив. Акты. Прилож. Стр. 436), говоритъ: «общерусское льгъчӧ измѣнялось въ lögčö, откуда послѣ ассимиляціи g слѣдующему č lö͡xčö (x обозначаетъ средненебное x) и далѣе leⁱxčö, ср. написаніе легьче (Это ошибкою: написано въ Грамотѣ, какъ мы видѣли, легъчеѥ, а не легъче), великор. леⁱхче. Звукъ eⁱ, оказавшись передъ твердой согласной,.. переходилъ въ ä, которое или измѣнялось въ ö, или, сохраняясь при извѣстныхъ условіяхъ, какъ ä, переходило затѣмъ въ *а*». Здѣсь для меня является непонятнымъ то, *когда* же x въ словѣ löxčö было средненебнымъ, и почему *g* въ словѣ lögčö не могло быть, если это

а, кромѣ того, долгота ударяемыхъ и неударяемыхъ гласныхъ звуковъ. Что касается второго слова: „паня́ва“, то оно извѣстно уже въ древне-русскомъ языкѣ: въ Новгородской Тріоди Постной XI вѣка читаемъ: въ багърѧницѣ мѣсто понѧвою прѣпоꙗсаса; оумꙑваю оубо ногꙑ. ѡтираю же и понѧваю (не опечаткой-ли *а?*); понѧвою прѣпоꙗсаѥть; понѧвою ѡтьрлъ ѥси; възьмъ понѧвꙋ; однако тутъ-же мы встрѣчаемъ одинъ разъ написаніе: *поновою* Христе тъгда прѣпоꙗсасѧ—*Срезневскій.* Др. п. р. письма и языка. (Изв. АН. Х. вып. V. 446. 445). Едвали можетъ быть такая описка [1]), а, если и описка, то ее можно объяснить только при предположеніи, что здѣсь въ словѣ *поновою* написано *о* послѣ *н* вмѣсто *е*, т. е. вмѣсто *поневою*, а не вмѣсто ѧ: вѣдь, во всѣхъ случаяхъ писецъ написалъ ѧ, нигдѣ нѣтъ ꙗ; можетъ быть, уже тогда начиналось колебаніе въ произношеніи, хотя въ Новгородскомъ говорѣ, вѣроятно, обыкновенно это слово звучало „поня́ва“: по крайней мѣрѣ, и въ другомъ Новгородскомъ памятникѣ, который почти на цѣлое столѣтіе моложе Постной Тріоди, именно, въ Монастырскомъ Уставѣ церковнаго служенія XII—XIII в., мы читаемъ постоянно: и положи ризꙑ и възь понѧвоу прѣпоꙗсасѧ; прѣстанеть дондеже игоуменъ прѣпоѧшетьсѧ понѧвою; отирати понѧвою; отрѣшить понѧвоу.—*Срезневскій.* Ib. 513. (Въ Уставѣ есть мѣна звуковъ *ц* и *ч*).

Если я не возьмусь объяснять возникновеніе произношенія ля́хкая, ля́хче, ля́кче при лёхкая, лехче, лекче и лёхче, лёкше, такъ какъ для меня неясно возникновеніе *средненебнаго х* или *г*, потому что мы и теперь имѣемъ мягкое *ч* и передъ нимъ *твердое к* или *х*, и я, вслѣдствіе этого, склоненъ видѣть въ произношеніи ле́хче, ле́кче церковно-славянское вліяніе, а въ

такъ, тоже средненебнымъ? Почему написаніе грамоты 1229 года *легьчеѥ* имѣетъ такое рѣшительное значеніе? Въ сп. А. мы имѣемъ: *лъгче*, а въ сп. С—*лъгце*. Мнѣ кажется, этотъ *ъ* въ словѣ легьчеѥ есть явленіе графическое вм. *ъ*, имѣющаго значеніе твердости звука *г*. Едвали, кромѣ того, не было въ этомъ словѣ удареніе на—*че́*—легьче́ѥ, какъ *ловчье*; тогда *е* послѣ *л*, естественно, есть *е*[1]. У насъ и до сихъ поръ при *ле́хче*—*лёхче* и *ле́кше*. Другое дѣло относительно словъ: коля́сный, головя́шка, сѣця́льный; см. *Шахматовъ.* Ib. Стр. 84. 85. 93. 179. 185. 187.

1) *Шахматовъ.* Ib. 191.

произношенiи лёхче и под.—чисто русское, то насчетъ словъ понёва и понява, кажется, можно высказаться рѣшительно, что здѣсь надо видѣть двоякое образованiе, т. е. чередованiе звуковъ *е* и *ꙗ* такое-же, какое мы видимъ въ словахъ калёный и каля́ный [1]), солёный и соля́ный и под. Само собой разумѣется, что такiя двойныя формы, въ которыхъ языкъ уже имѣлъ чередованiе *е* и *я*, какого бы происхожденiя эти *е* и *я* ни были, послѣ того какъ въ звукѣ *е* слились два звука: и *е*, и *ѣ*, а въ звукѣ *'а*—два звука: и *ꙗ*, и *ѧ*, могли повлечь за собой и новообразованiя. Въ настоящее время слово „понява" преимущественно употребительно въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчiи: въ Новг., Олон., Вологод., Арханг. губернiяхъ, а слово „понёва"—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ: въ Калуж., Орлов., Тул., Ряз., Тамб., Вор., Смоленск. губернiяхъ [2]). Я полагаю, что это чередованiе сравнительно недавнее потому, что въ *древнихъ* памятникахъ мы имѣемъ только *понꙗва* [3]). Но насколько недавне это чередованiе, рѣшить трудно.

§ II. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому.

Въ этомъ отдѣлѣ собственно слѣдуетъ говорить о такъ называемомъ а̀каньѣ и я̀каньѣ. Такъ какъ характеръ аканья изслѣдуемыхъ нами говоровъ нѣсколько иной, чѣмъ характеръ аканья южно-рязанскихъ говоровъ, описанныхъ нами прежде въ другомъ трудѣ, то мы нѣсколько времени остановимся на общей характеристикѣ аканья Касимовскаго говора и говора прилежащихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда.

Вообще, нужно сказать, что аканье сѣверо-восточнаго угла Рязанской губернiи скорѣе умѣренное, чѣмъ сильное: здѣсь какъ-бы происходитъ борьба за возобладанiе того или другого вида аканья. Правда, мы выше видѣли, напр., въ формахъ именъ прилагательныхъ какъ будто *сильное* аканье, но при *такомъ* аканьѣ наблюдается нѣсколько иной характеръ яканья. Въ этомъ и состоитъ особенность говоровъ сѣ-

[1]) См. мое соч. «Къ дiалектологiи»... Стр. 136.

[2]) *Даль*. Словарь. S. v. «Понява».

[3]) *Miklosich*. Lex. s. v. понꙗва. Его-же: Etym. Wtb., гдѣ находимъ только: ponjava.

веро-восточнаго угла Ряз. губерніи: они при *сильномъ* аканьѣ въ своемъ яканьѣ приближаются къ типу умѣренно-акающихъ (якающихъ) говоровъ, т. е. при произношеніи: въ даму́, вазы́ (ваза́), вазі́, хаді́, насі́ и под. произносятъ *я* (*'а*) чисто *лишь передъ твердымъ слогомъ*: нясу́, вязу́, вяду́, вяла́..., но: не'с'лі́, ве'з'лі́, ве'лі́... Между тѣмъ какъ въ южно-рязанскихъ говорахъ мы постоянно наблюдали произношеніе: няс'лі́, вяз'лі́, вялі́..., за что̀ это произношеніе мы и назвали *полнымъ аканьемъ*. Но не надо думать, чтобы произношеніе ве'лі́... было повсемѣстнымъ въ говорахъ сѣв.-восточнаго угла Ряз. губерніи: есть мѣстности, гдѣ *полное* аканье встрѣчается, какъ правило, и произношеніе ве'лі́ составляетъ исключеніе.

Такимъ образомъ, прежде всего можно сказать, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ всякое *о*, находящееся въ предударномъ слогѣ, произносится, какъ чистое *а*; такъ-же произносится и звукъ *а* въ этомъ положеніи относительно ударяемаго слога [1]).

Займемся яканьемъ. Такъ какъ въ большинствѣ современныхъ русскихъ говоровъ мы имѣемъ теперь полное отожествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, то въ отдѣлѣ яканья мы будемъ разсматривать и случаи современнаго *'а* изъ *'е*, и случаи *'а* изъ *ѣ* въ нашихъ говорахъ. Отдѣльно будемъ говорить лишь о случаяхъ *а* изъ *е* послѣ *ж*, *ш*, *щ* (гдѣ щ=шш), *ц* и о случаяхъ *'а* изъ ѩ или ѧ въ предударномъ слогѣ.

А съ предшествующей мягкостью согласнаго изъ основного е (ѣ). Сяло́, ня зна́ю, сямо́й γадо́к—Ижевское, Киструсъ Спасск. у., пирявёзим—1 л. мн. ч.—д. Деревенское Спас. у., мӑяму́—ib., яму́, яво́—ib., к няму́—Нармушадь Касим. у., за няво́ хаді́ла—Ерахтуръ, ib., привязла́ цы̆тьвяртну́ю и бу́де'ть—ib., дӑлякó, бяру́, бяру́ть, пляту́ть, нӑпяку́ть—ib., ня но́сють—Борки, тяпло́, ляγла́, бясха́брик, привязу́ть—ib., вясно́й, престо́л-жы, кӑрянно́й, ўмяршы́х ляжы́ть—Ерахтуръ, сястро́й, сляза́, пӑтряпа́йм—1 л. мн. ч.—Шостья, Яра́хтур—Шостья, пясо́к—ib., пӑ сялу́—ib., бирягла́, пякла́, пяца́льна, мъстяра́,

[1]) Мы здѣсь не имѣемъ въ виду только нѣкоторыхъ случаевъ основного *а* послѣ шипящихъ. О нихъ см. ниже. Окающихъ мѣстъ рѣшительно никакихъ нѣтъ. См. *Ляпунова*. «Нѣсколько словъ»... Стр. 22. Прим. 1.

сястра́, пьрястáла, ядвá, сямнáтцăти—ib., плятýтъ, ляжы́тъ—3 л. ед. ч.—Брѣево (твердое *т* къ углу, въ которомъ лежитъ г. Касимовъ), вярсты́ три́—Селище, плятýт—Дмитріево, сявóдьни, двухъятáжнай—Гусевской Погостъ, сирябрá—Улан. Гора, у свякрóви, явó, щяпнáя пасýда, привязýт, в Рязáни, пиряшы́та, тясáть—ib., ф т^с^ирямý, бярýт, вясны́, ръсплятýт—Дмитріево, сямóй, тякýчăя, ямý, явó—Данево, пъвядýт—Гиблица, пъмярлá, Ягóр—Забѣлино, пятрóфькими—ib., сямъя́—им. п. ед. ч.—Бѣльково, гърямы́шная, пъднясýт, зъплятáлися—ib., Пятрóвиц—Урядино; сялó, пънямнóгу, ф шы́шкахъ симянá; вы́-ти явó не^i^ сѣјити—с. Китово, тряпáть, свякры́—им. п. ед. ч., другáя цýть цýть ляжы́ть—д. Китово; бис хрястá, блины́-ти пякýть, кáгжа ни пъцытáть та свякры́—ib., ня жáль, ня пóмню; зăплятáлă-та?—ib., нямнóшка, дярýть, ня хóдю—1 л. ед. ч., ня пóмню, ʏряцы́ха—Чарусъ; я жыý ня здѣсь, ня знáю—Ветчаны, афсяцá, гряцы́шки, ф Пятрóфьки, сямнáтцăть, симянá не^i^ снúмяш, кáг бы уляжáлси, патóм тряпáть, ткáть принясýт—Ивановское (Ветчан. вол.); нядáвна, фсявó—Андроново (Малахово), çьвякры́, принясýт, нязнáмы̆ји, дяшóва—им. п. ед. ч. ж. р. крат. форма прил., пъхлябáют, пăвядýт, в нявó глéнит, (=глянетъ—3 л. ед. ч.), яштò, лятáют; рѣтьку трём дă хлябáим—1 л. мн. ч., блявáть, ня рóднăй бы́л,—Ветчаны; лянóк, сами ня кýшăим—1 л. мн. ч., ня хóжу—1 л. ед. ч.—Борисково; гýню нясý, травы нăбярý—Малахово; вяснóй—Симоново (теперь идетъ ниже Тумская волость), у хвякóли—Катово, иза фсяўó—ib., пăмярлá, яшшó, двух дяржăý, ʏрябý, он жжóх явó дóм та, ня знáю, ямý мýжу-ту (см. ниже „Членъ" и „Синтаксисъ")—Катово; принясý, ня бóльна хъть харóш, сицáс тяплó, сявóннишный вицарóк, у нявó рукá ни дрăʏанéт—Рогачёво; шаштáми, ни лапăткими ʏрябýт—ib., ня вóрют, мялкá рякá-та, а то бяз вы́вăда кáг-жа, а то рáзя ня плáкăла—Горы; мáла-ль у нас явó лѣсу-та—Чуфилово; на ʏулý ляжáл старúк—Бычково; ня бýдиш јúсть, ня хóжу—1 л. ед. ч.—ib., я ня пóвню (=пóмню)—Зубово; пярóм ни напúшаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; дяшэ́вли, ня стáняш—ib., лѣт сямнáтцáть, блявáла крóвью, ня вóин, у мя́ фсявó мнóʏа, яшчó—Семéино; студянó, тяплó—Катово; смятáны-ти у кaó сайдётцы и бúс смятáни ядя́—3 л. мн. ч. ib., вúрьтянó, ня дáмна, ня бóльна халóде^i^н—Снохино; ня лóўка будя—3 л. ед. ч.—ib., пиряпăхы́вăиш—2 л. ед. ч., ня хвáтя—3 л. ед. ч.—

Снохино; лапти плятýт—Шаранина (Парахин. вол.), на щё мнѣ́ яво́—ib., я ня пи́шу, ня сыпьтя, с Ку́ршы нам яо́ пирястáвили—ib. [1]), сяло́-та Хро́лик сё завѐм—1 л. мн. ч., ib., х пяцáх (=въ печáхъ), я яво́ у вадѣ́ пáрю—ib., Шулёуа Тыцкин яму́ про́звиш'ш'а—ib., он ҫё на Рязáни ко́ҫя—ib.; азяркѝ, стяпны́я ѣ́зьдют („степными“ здѣсь называютъ жителей южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи), аурябу́шшыjи были я́уъды, ня с пу́т (=пудъ)—Амляшовскіе выселки; ку́ры ни нясу́т—Жалу́дково; Хядо́ҫья принясла́ яво́—Акулово (Китов. вол.) и мн. др.

До сихъ поръ мы все разсматривали примѣры произношенія *'а* (*я*) изъ *'е* или *ѣ* въ слогѣ передъ ударяемымъ, именно, *въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*; теперь посмотримъ, что̀ получается изъ *'е* или *ѣ* въ предударномъ слогѣ въ положеніи его *передъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ*. Примѣры:

Ф се[i]лѣ́—Выжлисъ Спасск. у., не[i] здѣ́лал—ib., (*з* мягкое, что̀ видно изъ того, что въ другихъ говорахъ, напр., въ Тумской волости и Парахинской Касим. у. въ этомъ словѣ *з* звучитъ съ оттѣнкомъ *ж*: з[ж]ьдѣ́лал. См. ниже); ф се[i]лѣ́—Гиблицы, Дубровка, Тимохино, Ибердусъ Касим. у., симья́—Ивановское Ветчан. вол., хрёснай выкупáит нивѣ́сту—Ветчаны; с нивѣ́стăй—ib., зилѣ́зьнăва—ib., пе[i]ри́на, три рибёнка, миня́—вин. п. ед. ч.—ib., ăт зими́-ти ни атхо́дит—Борисково, ib., с рибёнкăм—ib. Ҫе[i]ме́йна—Катово, Тум. вол.; вилѣ́л, типе́р, привиз[ж]е́т—3 л. ед. ч.—Логино ib.; вот тибѣ́ ăтвяцáть, лау́шку пътирял Хамá, нильзя́—ib.; я цара́сь хо́лйла, хо́лйла тибѣ́ ку́р-тă—Бычково; ф како́м ҫилѣ́—Андроново, Малахово Ветчан. вол., виҫе́лая, ўваскриҫе́нья, пе[i]рьвá, пе[i]рьво́й, миня́—вин. п.—ib., Катово, Тум. вол.; типе́ря—Бычково, Снохино; сире́ть кăрау́оду—Снохино; цаб-ш тибѣ́ ищё—ib., у миня́, ищо́, дамно зу́бы-ти пътиря́ла—Шаранина; увицару́ ле[i]тѣ́ла самá—Горы, ib., сич[и]я́с миня́ вы́вили—Давыдово, ib; на тилѣ́уи, уре[i]бё—3 л. ед. ч., се[i]рьпо́м—тв. п. ед. ч.—Праватарово; нáбирёш, митёш избу́—ib.; ни виля́т—Парахино; jiё—вин. п. ед. ч.—Ахматово; сăрхваны́ типе́рь фсё—Алексѣево; рибя́т къраýлям—1 л. мн. ч.—Волчково и мн. др.

---

[1]) О Куршѣ см. нашъ «Отчетъ». Стр. 36. Казань. 1895 г.

Такимъ образомъ, въ означенномъ положенiи звукъ *е*, мы видимъ, въ нашихъ говорахъ на всемъ пространствѣ обслѣдованной нами мѣстности, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Рязанской губернiи звучитъ близко къ звуку *i*, а кое-гдѣ и прямо звучитъ, какъ *i*, т. е. появляется *йканье* рядомъ съ *аканьемъ* и *яканьемъ*. Правда, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ и случаи яканья вмѣсто йканья, но эти случаи встрѣчаются сравнительно рѣже. Есть однако мѣстность, которая въ нашихъ записяхъ отмѣчена, какъ отличающаяся *по преимуществу полнымъ яканьемъ*, подобнымъ южно-рязанскому. Мы приведемъ примѣры изъ этой мѣстности. Эта мѣстность—районъ вокругъ д. Горы, близъ с. Тумы, слѣдовательно, сѣверо-западная часть Касимовскаго уѣзда, смежная съ Рязанскимъ уѣздомъ. Здѣсь, въ деревнѣ Горы, мы имѣемъ: *мяня́* съ чистымъ *я*, какъ по-бѣлорусски; *тябя́*—вин. ед.—Зубово, ана́ рябя́т-та јiх мно́уӑ!—Горы. (См. ниже „Синтаксисъ"); стӑршына́ прiѣ́хӑл, ви́дит—ляжы́, вязи́тя дамо́й!—Бычково; я притууа́ю яво́ г зямлѣ́—ib; цаво́, я сяме́йна—ib.; хлѣ́ба нѣт: пы́шък нӑпякё́ш—2 ед. ib.; Тсяре́шыцка Зубово; принясе́—3 ед. ib., ӑт тябя́-та шла, вѣ́ку привязли́—ib., лябе́душку Пъласке́рьюшку (пѣсня)—ib., бяри́ за́ два рубли—Давыдово (смежная волость); капе́йцка разъядина—ib, питьдяся́т—Логино (Тумск. вол.); зямли́цы нѣ́т—Семе́ино, нябе́снӑва ни утайш—ib.; ӑтняси́, дяре́вня, дявя́тӑй, дяся́тӑй—Горы; ца́рсва нябёсная, сястри́цушки—Катово; приляти́, изъ зямлѣ́, он тяпе́рь до́ма му́ж-ӑт; зацнём с цытьвярьуу́—ib.; нада́мна ӑтяли́лась—ib., ӑсярьца́иш 2 ед.—Снохино, бяре́ш—2 ед. ib., вяре́у́ка—Логино; криньдяле́й—род. мн. ч.—ib., на зялѣ́знӑй даро́уи—Горы; у мяня́ пять сясте́ръ—ib.

Изрѣдка это явленiе наблюдается и въ глубинѣ уѣзда: въ Ветчанской волости: была́ ня ди́тяцка, ня ми́лая (пѣсня)—Ветчаны, ня пьют, зъплятёны ади́н плитсе́нь, рябя́тки—ib.; хрясти́тиль—Борисково; маро́с яе́ ажо́х—Шаранина (Пара́хин. вол.), на щё яе́ уо́рькяю—ib., ана пӑ зямлѣ лята́ит ф травѣ́, па лѣ́су лята́я—3 л. ед. ч. (соловьиха)—Агѣево (Китов. вол.); ни жынихи́ хъть, а вялики—Андроново, пъдняс̧ли́, дяре́тца, пъднясёт, „за яѣ́ина го́ря"—Парахино; пяньки́ ру́бют—Фомино, вядёрку, ляжы́т фся́ нӑ зямѣ́—ib., бяс трёх—Парахино, ф сыро́й зжямлѣ́, испякёш, няс̧и-ка—ib.

Очень рѣдко, но всетаки мы встрѣчаемъ и звукъ *е*ⁱ или *і* въ означенномъ положеніи *передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*: ў еⁱра́хтури—Нармушадь, беⁱсцэ́сья—Ерахтуръ, не́ⁱ хо́дють—Шостья, ͮурицы́ху сѣ́јим—Кузѣмкино, улижы́тца—3 ед. ib., симна́тцӑть—Шостья, ў пеⁱцэ́—ib., писо́к—Чинуръ, Гусевской заводъ (въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владим. губ..), преⁱсто́льнай—Гус. Погостъ, деⁱшо́вай—Забѣлино, пеⁱсца́ная—Китово (село), я неⁱ зна́ю како́ва цысла́—Ивановское.

Изъ обозрѣнія случаевъ, гдѣ стоитъ основное *е* (ѣ) въ слогѣ передъ удареніемъ, мы видимъ, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ на мѣстѣ этого основного *е* или *ѣ* находятся звуки: *'а* (*я*), *е*ⁱ, *і*, причемъ звукъ *'а* (я) находится *по преимуществу* передъ твердымъ слогомъ, *е*ⁱ (і)—по преимуществу передъ мягкимъ слогомъ. Такъ какъ есть довольно много случаевъ употребленія и звука *'а* передъ мягкимъ слогомъ, съ одной стороны, и звука *е*ⁱ передъ твердымъ слогомъ, съ другой, причемъ послѣднихъ случаевъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ, то мы заключаемъ, что изслѣдуемые нами говоры по своему вокализму все болѣе становятся я́кающими, но, вѣроятно, за много лѣтъ до нашего времени у нихъ было *только аканье* умѣренное, и въ этомъ отношеніи они *архаичнѣе*, кажется, чѣмъ говоры южно-рязанскіе.

Теперь переходимъ къ случаямъ, въ которыхъ стоитъ нынѣ въ нашихъ говорахъ звукъ *'а* (я), еⁱ, *і* изъ основного *ѣ* въ предударномъ слогѣ.

Звукъ 'а (*я*) *изъ ѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ*. Примѣры: пріяжжа́ють—Ижевское, Спасск. у., двяна́тцӑть—Шостья, Касим. у., выбяͮа́ю, вядро́ (если здѣсь *ѣ*), прӑдява́иш— 2 ед.—Ижевское, Деревенское, Выжлисъ, Киструсъ Спасск. уѣзда, бяжы́ш, бяго́м—Андроново Касим у., пъспяшы́ли—Ветчаны, пӑязда́ни—им. п. мн. ч., пӑвянца́ют—ib., дяфцо́нки, у на́с ляску́ нимно́га—Борисково, място́ў-ти, ib., ляцы́ли—Логино: Сядо́ф (фамилія)—Бычково, жыни́х пріяжжа́я—3 ед.—Зубово; бяжа́ть-та э́та мо́жна̄—Катово, ба́ршня бядо́вая—ib.; па лясам́, на сняͮу́, цэ́ряф како́й пӑдъяда́л—Шаранина, Амляшов. выселки; ряка́ х пра́вѣᵃ—Жалудково; х Ту́мьським лясу́—ib.; ва цвяту́—Зубово; мы сляпы́јі—Чуфилово; г жанѣ́ зӑбяжа́л—Бычково; ръзряза́ют до́цы̆ри—Праватарово, зӑмяца́ла—ib.; даро́ͮа сяца́ми—Малышкино; пріяжжа́ли, ряцэ́й,

мястá —Парахино, Фомино, Астахово; трáвы гажы́ мястáми— Велькова, зăтявáть пы́шки хацу́—Ламакино; здялáми-ти—Акулово (Китов. вол.) и мн. др. [1]).

Звукъ 'а (я) передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ изъ ѣ: смяя́тцы-ти, неопр. н.,—Давыдово Касим. у., ядúм—1 л. мн. ч., ядя́—3 л. мн. ч.—Катово; ядя́т—Ветчаны, пăлянúссы—2 ед., урях́и-ти—Катово; рăздялúла—Рогачево; аддялёная—Горы; што́-ш смяя́тцы-ти!—Логино; лянúва стáла—Семéино; зăляпúли-бы—Снохино; у нáс ȷих смянялъсь (священниковъ)—Шаранина, пъмястúш—2 ед. ib.; сякúрки—Акулово, сами пъядúм—1 мн.—ib., стряля́ют—Немнясево, сьмяялись—Андроново; тьвятé—3 ед. Праватарово; ядúм сáмя[1]—Астахово (Парахинск. вол.), на ряќе—ib.; аддялёны, ядúм—1 мн.—Ахматово [2]).

---

[1]) Списокъ этихъ словъ можно было-бы значительно увеличить. Мы на всякій случай приводимъ здѣсь еще слова изъ разныхъ мѣстъ. чтобы сдѣлать потомъ болѣе основательный выводъ. Спасскій уѣздъ: γнядăя, старицо́к сядо́й, сляпо́й—Ижевское, Киструсъ, Воскресенское, Выжлисъ. Касимовскій уѣздъ: ăбвянцáли, мястáм—Ерахтуръ, на эту стяну́, ăтвяцáй, ăдявáютца, рăспявáить—ib.; ряќа, сядо́й, ăѕяяла, ѕяло́ŭ—род. мн., лякáрства, ăбяшшáиси—Нармушадь; двянáтцăть, вяно́к, вянкá, присĭявáить—3 ед.,—Шостья, хлябá—Жданово, за ряко́й—Шпилёво, ăдявáла—Антоново, дявáть—Касимовъ, бядá—Уланова Гора, ф пяхо́ти—ib., зăпявáй, чьяткáми—Дмитріево, чьвяты, вяно́к—Данево, вянќи, зă ряку́—Гус. Погостъ, мястóф—Забѣлино, ăдявáют, сядо́й—Бѣльково, пріяж'ж'áйтя (*ж* нѣсколько тверже, чѣмъ въ Даневѣ), смяшáюсь; зăплятáлă-та вянки?—с. Китово, пънадявăям—1 л. мн. ч.—д. Китово, три яжжáлых ло́шъди (*ж*—твердое)—Урядино, цвятќи нъдявáли, вянќи—Чарусъ.

[2]) Чтобы нельзя было подумать, что въ этомъ спискѣ не приводится словъ изъ Спасскаго уѣзда потому, что тамъ такого произношенія не слышно, мы приводимъ здѣсь слова и изъ Спасскаго уѣзда, пополняя списокъ и Касимовскихъ мѣстностей. Спасскій уѣздъ: ядя́ть—3 мн., мястéцка, бялúлйся — Киструсъ, Деревенское. Касимовскій уѣздъ: ядя́ть—3 мн.—Ерахтуръ, смянúли, сядять (сѣдатъ), три вяньцá—Шостья, пріяж'ж'я́ли—Данево (*ж* почти совсѣмъ мягкое. См. предыдущее примѣчаніе, при словѣ: пріяж'ж'áйтя—с. Китово). Замѣчу здѣсь, что я приводилъ формы: ядúм, ядя́, ядя́т, ядя́ть отъ глагола «ѣсть», принимая въ нихъ звукъ *ja* (я), какъ происшедшій изъ основного ѣ, но, быть можетъ, въ этомъ словѣ, какъ и

Звукъ e^{i} (*і*) *изъ ѣ передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ:* шэ́сь деiте́й, деiви́цник, сеiтя́ми—Киструсъ, Ижевское Спасск. уѣзда, веiньца́л—Ерахтуръ Касим. у.; сеiньца́, леiни́ва, јеiди́м—Шостья, веiньчя́ют, билья́—Уланова Гора, надію́т—3 мн. (=надѣваютъ, глаголъ другого образованія; срв. дѣ-ти. См. ниже Морфологію; такое-же спряженіе гл. пѣ-ти), свеiтли́чuку—Дмитріево, Данево; сами съјеiдя́т—Забѣлино; с цы́м јеiди́м-ту́?—д. Китово; беiли́ть—н. н.—Чарусъ; э́нтӑт ышшо́ по́п-та веiньца́л—Чарусъ; штӑбы э́ти ни́тки пъмеiсти́ть *г дяло́м*—Ивановское Ветчан. вол.; и друг., напр., виньца́ютца—Акулово Китов. волости, Ветчаны; билѣ́я бу́дя—Катово Тум. вол., в рикѣ́-ти—Рогачево, пӑбиннѣ́й(=побѣднѣ́й)—Семеино; виньца́ли—Катово; дите́й-ти—Шаранина.

Звукъ e^{i} (*і*) *изъ ѣ передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ* встрѣчается вообще рѣдко, какъ и звукъ e^{i} (*і*) изъ *е* въ такомъ-же положеніи (см. выше), хотя примѣры всетаки есть: реiшо́ты (если здѣсь было *ѣ*)—Ломъ Касим. у., дифцо́нка—Дмитріево; деiфцо́нка—Урядино, хтѐ леiцы́л?—ibidem., *у* веiнкѣ́-ти—Ивановское.

Наконецъ, разсмотримъ основные звуки *е* (*ѣ*) послѣ шипящихъ и *ц*.

Здѣсь мы опять видимъ по преимуществу звукъ *а* въ нашихъ говорахъ, и лишь изрѣдка является звукъ *ы* (*и*). Шипящіе: *ж*, *ш*, *шш* (=*щ*) въ нашихъ говорахъ всегда тверды, *ц*—также, и потому послѣ нихъ слышимъ звуки *а* и *ы*; послѣ *ч*, какъ послѣ мягкаго звука въ нашихъ говорахъ, имѣемъ *я* и *и*; *щ* иногда звучитъ, какъ двойное мягкое или среднее *шш*: если оно—среднее *шш*, то мы надъ нимъ ставили знакъ мягкости, а послѣ него—твердые гласные: *а*, *ы* (см. выше и ниже—примѣры).

Передъ твердымъ слогомъ: *а*: цаво́—Деревенское Спасск. у. [1]), с пцалми́ (=съ пчелами)—Нармушадь Касим. у.; ж жано́й—Алексѣево, клюцаво́й—Ерахтуръ, жана́, ж жано́й—Шостья, Шаранина; цаты́ря—ib.; цара́шн'ӑва—ib., жала́нья, чяво́ (записано: чоaво́)—Гусевской Погостъ; цалу́ютца [2]) — Агѣево, Китово; жала́ит, вчяра́сь—Касимовъ, цара́сь— Бычково, Катово,

---

въ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ допустить колебаніе еще для общеславянскаго языка между *ѣ* и *ја*. Впрочемъ, см. *Fortunatov*. Archiv für Sl. Philologie. XII. 98—99.

[1]) См. мой «Отчетъ». Казань 1895. Стр. 11.

[2]) См. объ этомъ словѣ у *Шахматова*. Изслѣд.... Стр. 161—162. Произношеніе «поцѣлу́й» указано еще *Шевыревымъ* въ Кириловѣ. Поѣздка. II. 110.

Парахино, Ломакино; шасто́й—Уланова Гора, шашто́й — Горы, Акулово (Китов. волости), жана́, жана́тай — ib., Бѣльково, Урядина, Чарусъ, Горы, Семеино, Праватарово; Ражаштва́ — Праватарово; цаво́ — Дмитріево, Катово; вицару́шную пѣсню — Бѣльково, пшано́ — ib., цаты́ри — Китово, Урядино, Катово, к цаму́ — Ветчаны, Давыдово, цаты́ри цапка́—Катово, Горы, Снохино; щяла́ (=ш'п'яла́)—Бычково; цапо́у — род. мн. — Праватарово, жала́ннай—Парахино; шашта́ми—твор. п. мн. ч.—Рогачево; цао́, ницао́—Зубово, Снохино; цаты́ря—Ерахтуръ, вицару́ха, цаво́—Акулово, чяты́ря—Забѣлино, пшана́—род. п. ед. ч.—Дмитріево, Чарусъ; жана́—Нармушадь; цао́ = цаво́ — Шаранина; цалко́выхъ—Нармушадь, Китово; цапо́м—тв. ед. ч.—Китово.

Передъ мягкимъ слогомъ: *а*: пшани́ца—Выжлисъ Спасск. у.; пшаньца́—Ивановское (Ветчан. вол.) Касим. у.; Давыдово; царьни́ки (=черни́ки)—Бычково; мужаве́льникъ — Рогачево; (ср. Смол. Лѣтоп. Авраамки: по можжеельнику—стр. 101); пъцарьпла́ (=почерпну́ла)—Фомино, Парахино. Праватарово; сцапля́ (=сцѣпившись. См. ниже—Синтаксисъ.)—Ветчаны; сцапле́йтися—Снохино (=сцѣпля́йтесь; пов. накл.); шасти́ (=шести)—Ахматово; Шамя́кин (фамилія)—Чарусъ; жани́тца—неопр. н.—Ерахтуръ; жани́лси—Горы, Расторгуево; жани́х—Ветчаны, Парахино, Снохино, Давыдово; г жанѣ́—Бычково, Норино.

Передъ твердымъ слогомъ: *ы*: цыво́—Нармушадь, Касим. у.; Шостья; цыты́ри—Китово; уцышэ́нья(=утѣшеніе). (Срв. выше—что̀ было сказано о произношеніи пъцыжэ́ле[i]й.)—Семеино; жылтѣ́я (=желтѣ́е)—Чарусъ, Урядино, Забѣлино, че[i]-ты́ри—Киструсъ, Спасск. уѣзда.

Передъ мягкимъ слогомъ: *ы*: жыни́х, жыни́лси—Нармушадь, Дмитріево, Данево, Бѣльково, Зубово, жылѣ́я—3 ед. (=жалѣетъ; б. м., желѣетъ.)—Логино; у жынѣ́—Алексѣево, г жынѣ́—ib.; шысти́ — ib.; жылѣ́знай — Дмитріево; жыре́лья—д. Китово (=ожере́лье).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія рефлексовъ основныхъ звуковъ *е* и *ѣ* въ слогѣ передъ ударяемымъ въ положеніи ихъ послѣ шипящихъ (небныхъ) согласныхъ и *ц*, въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, мы видимъ, что здѣсь является преобладающимъ звукомъ звукъ *а* (*'а*) независимо отъ того, какой слогъ будетъ ударяемый: мягкій или твердый. Звукъ *ы* (*и*) вмѣсто *е* и *ѣ* является сравнительно рѣдко, хотя всетаки

и онъ извѣстенъ. Это стоитъ въ связи съ судьбой звука *е* и *ѣ не послѣ шипящихъ* въ этихъ говорахъ, а также съ судьбой звука ѧ (ꙗ) въ предударномъ слогѣ въ этихъ-же говорахъ.

Звукъ 'а (я) изъ основного ѧ (ꙗ) въ предударномъ слогѣ передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ или слогомъ.

Передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ: тʸяуло́—Ижевское Спасск. у., прӑтяна́я (льняна́я), свято́й—Киструсъ, Спасск. у.; ямшы́к—Ижевское, ibid.; плимяшы́—им. п. мн. ч.—ib.; пряду́ть—3 мн.—Ерахтуръ, Касим. у; пятна́тцӑть—ib.; свято́я о́зяро—Нармушадь; „сяды́ји люди—святы́ји“ —ib; рядо́к—Ерахтуръ; са свято́й, пято́к пряду́—1 л. ед. ч., нӑряжӑютца - 3 мн. ч., пъняла́—Шостья, святы́х—Касимо́въ; чясо́ф пятна́тцӑть—Уланова гора; вяжу́—1 л. ед. ч., взяла́—ib.; плясать—Данево; ӑбряжӑют—Данево; и сица́с пряду́ть—д Китово; нӑпряла́, тяула́—Чарусъ, у нас язы́к-та ади́н: и туды́ и суды́ ска́жыт—Рогачево, Касим. у.; ӑтряжӑйсси—2 л. ед. ч.—Катово; ба́быти пряду́т — Шаранина; саряжӑйси —Давыдово; къляда́ — Шостья; свято́й — Андроново, Малахово; тˢягло́ — Ветчаны, тˢяну́ть—Логино, Астахово (Парахин. вол.);—у дьяцка́ —Борисково, зъпряга́л—Бычково; трясу́—Астахово; свяшшэ́ньнику—Расторгуево.

Передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ: пӑуляди́тя—Ижевское Спас. у.; нӑпряде́ть, гляди́, пряде́м—1 л. мн. ч.,—Шостья, Касим. у.; кады́ глядя́т, пъгляди́—Уланова Гора, гляди́т—3 ед—Дмитріево; скипяти́ш—2 ед.—Забѣлино; пряде́ть—3 л. ед. ч.—д. Китово; ў мяли́нъцки (мя́лка)—Шостья, уляди́—Семеино, ани ни уляря́—3 мн.—Горы, дом ауляде́ть—Давыдово; уляди́ш, улядѣ́ла — Катово; пӑгляди́тца—3 ед. Ветчаны; ху́тˢь ба пъгляᵊѣ́ла!—Астахово, Парахино; саряди́ла—Катово, пря́жу нӑпряде́ш—ib., пряде́ш—Снохино; там три святи́теⁱль прихо́дют - Шаранина, пътрясе́т—3 ед.—Ветчаны, мяки́нки—ib.; ӑбряди́ли и зӑвапи́ли, пашли́—Расторгуево; жалѣ́ли—Бычково [1]).

Звукъ еⁱ (і) изъ основного ѧ (ꙗ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ встрѣчается очень рѣдко, а передъ твердымъ

---

[1]) *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. žali. 3. Б. м. подъ вліяніемъ ударяемаго слога: жа́ль. Срв. «На́да уш пӑжырьцэя»—Чарусъ. Срв. *Шахматовъ*. Изслѣд... 204.

слогомъ почти никогда: вапреͥдёш—2 ед. ч., преͥдём—1 мн. ч.—Ерахтуръ, Касим. у.; јиjйц с тыш'ш'ю—Уланова Гора; треͥсй—Дмитріево: сцыслйвай (=счастлйвый)—Шостья; либеͥдйная—Данево; нáда уш (пъ)жырьцэ́я—Чарусъ. (Ср. мое соч. „Къ Діалектологіи". Стр. 33), jeͥjйц манéнька-та jéсь—Рогачево, Горы Касим. у.; и шшýки, и линй, и jeͥзй—Рогачево. (См. Mikl. Etym. Wtb.: jazĭ.); с аўцы́ сымáйтца и придётцы (=прядётся)—Катово.

Передъ твердымъ слогомъ я встрѣтилъ только нѣсколько разъ: jeͥзы́к—Ижевское Спасск. у., jeͥзы́к стал пéстрай—Киструсъ, Спасск. у.; свишшэ́ньнику—Нармушадь, Касим. у.; jeͥмшы́к—Ерахтуръ ib.; свеͥшшэльникъ—ib.; пъплеͥшы́—Данево, (пъ)цыжэ́леͥй=потяжелѣй—д. Китово, Касим. у. Въ послѣднемъ словѣ причина появленія звука *ы* (твердое *и*), думаю, лежитъ въ согласномъ *ц*, которое въ этой мѣстности получается изъ мягкаго *т*: $т^с$=тj. Звукъ же *ц* (=тс) здѣсь *вездѣ всегда твердый*, и послѣ него, дѣйствительно, встрѣчается *ы* (цыво́) изъ основного *е* или даже изъ *ѣ*; слѣд., тяжо́лъ перешло въ тежо́лъ или: $т^с$яжо́лъ—$т^с$ежо́лъ—$т^с$ажо́лъ—$т^с$ыжо́лъ [1]).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія словъ, гдѣ является звукъ основное ѩ (ѧ), мы можемъ заключить, что этотъ звукъ является *наиболѣе устойчивымъ*, какъ въ положеніи передъ твердымъ слогомъ, такъ и въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, и рефлектируется въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ звукѣ *'а* (*а*); звукъ $е^і$ (*і*) изъ ѧ (ѩ) встрѣчается вообще рѣдко. Совсѣмъ не то мы видѣли по отношенію къ звуку основному *е* и *ѣ*. Надо вообще замѣтить, что даже въ óкающихъ говорахъ основной звукъ ѧ (ѩ) довольно устойчивъ и держится въ предударныхъ слогахъ рядомъ со звуками *о* (*'о*) изъ основныхъ *о* и *е* въ означенномъ положеніи [2]) Эта устойчивость звука ѧ (ѩ) понятна въ акающихъ говорахъ, гдѣ звукъ ѧ (ѩ) поддерживается общимъ характеромъ вокализма—àканья, но въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ нѣсколько непонятна.

---

[1]) Послѣ перваго моего изслѣдованія не были извѣстны среди рязанскихъ такіе говоры. Срв. *Шахматовъ* Ibid. 205. Теперь оказывается, что сѣверо-восточные говоры въ Ряз. губерніи имѣютъ изрѣдка $е^і$ изъ *я*. (По Шахматову—говоры: β.).

[2]) См. мою брошюру: «Главн. черты народн. р. говора въ Каз. губ.». Стр. 16.

Если мы теперь окинемъ взоромъ весь списокъ словъ, помѣщенныхъ нами въ § II, то намъ станетъ ясно, что общій характеръ нашихъ говоровъ по отношенію къ рефлексамъ основныхъ звуковъ *е*, *ѣ* и *ꙗ* (*ѧ*) въ предударномъ слогѣ въ значительной степени *якающій* и напоминаетъ намъ наши южно-рязанскіе говоры; но больше всего мы всетаки встрѣчаемъ случаевъ употребленія звука *'а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ, затѣмъ *'а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ, и въ этомъ, именно, положеніи основной звукъ *е* (ѣ) допускаетъ значительное колебаніе между своими рефлексами изслѣдуемыхъ нами современныхъ намъ говоровъ. Вопреки нашему прежнему мнѣнію мы должны сказать, что вліяніе слѣдующаго мягкаго слога или согласнаго на предшествующій гласный звукъ должно было обнаруживаться и прежде въ языкѣ и на основаніи сравненія родственныхъ языковъ между собою должно быть признано очень старымъ, а потому тѣ говоры, въ которыхъ это вліяніе еще не утратило свою силу, еще сохранило свои слѣды, должны считаться древнѣйшими сравнительно съ говорами, гдѣ это вліяніе мягкаго слога уже перестало быть замѣтнымъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, говоры Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи представляются намъ болѣе древними, чѣмъ говоры южныхъ уѣздовъ этой-же губерніи. Вотъ почему слѣдуетъ теперь измѣнить мнѣніе о томъ, что *вся* Рязанская губернія представляетъ *одинъ* типъ говоровъ—сильно акающихъ. Мы видимъ теперь, что наши говоры представляютъ какъ-бы переходъ отъ сильно-акающихъ къ умѣренно-акающимъ; въ нихъ уже встрѣчается иканье, которое является распространеннымъ уже въ центрѣ Московской губерніи. Къ такому-же выводу должно насъ привести и разсмотрѣніе гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ въ положеніи *послѣ* ударяемаго слога и въ положеніи *вдали* отъ ударяемыхъ слоговъ, гдѣ мы встрѣтимъ звуки неопредѣленные. Если мы разсмотримъ еще консонантизмъ нашихъ говоровъ, то намъ придется допустить то предположеніе, что и въ древности среди восточно русскихъ нарѣчій существовали переходные говоры, которые собой сближали различныя нарѣчія, и такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ тотъ фактъ, что по даннымъ нашей древней письменности

древне-русскіе говоры являются довольно *обособленными* другъ отъ друга по своимъ типичнымъ признакамъ.

Звукъ а въ начальномъ слогѣ слова передъ удареніемъ изъ е въ иностранныхъ собственныхъ именахъ. Здѣсь мы имѣемъ: Ахре́м = Ефремъ—Катово, Касим. у.; Алдо́тья—Дубровка, Ивановское, Катово; „Алдо́тью взе́ть“ — Бычково; Алдот^еья—Парахино; Аста́хій—ib., Ахи́мья — Бычково.

Съ этимъ произношеніемъ въ этихъ именахъ интересно сравнить произношеніе и написаніе ихъ въ древне-русскихъ памятникахъ письменности изъ области окающихъ и акающихъ говоровъ: въ Поручной литов. князей около 1390 года мы имѣемъ: Охремъ—Акты Ю. и З. Р. № 2. т. I; Иванъ Офремовицъ—АЮ. № 71. (XXXII)—Новгородскія купчія XIV—XV вѣка; Овдо́тья—АЮ. № 27. Двинск. 1613 г.; срв. Овдо́тья—въ пѣсняхъ Истомина и Дютша. Стр. 102. (Архан. губ. Онежск.); Остафьеви—АЮ. № 71. (VI.); дворъ Остафьевъ—Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 64. Срв. стр. 71. Съ княземъ Остафьемь—ib. 77. пособи князю Остафью—ib. 77. при тысячкомъ Остафьи—ib. 68. Остафѣй Есифовичь—179. Федоръ Остафьевичь—179. (П. С. Р. Л. XVI томъ.). Святае Уфимья—ib. 222. Өимка—АЮ. № 55. 1653 г. Ефимьевъ—АЮ. № 417. 1518 г. Въ совр. народныхъ говорахъ: Офи́мья—Пѣсни Истомина. 48. Олонецк. губ. [1]).

Мнѣ кажется, что звукъ *а*, а не *ja*, во всѣхъ этихъ словахъ въ *акающихъ* говорахъ доказываетъ собой, что это произношеніе образовалось въ эпоху аканья изъ произношеній съ *о*, какія мы привели изъ древнихъ памятниковъ и современныхъ окающихъ говоровъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ не было начальнаго j (какъ и въ словахъ, подобныхъ слову „Алдаки́мъ“, о которыхъ см. ниже въ §, трактующемъ о звукѣ *а* въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго), ибо, если-бы онъ былъ, то мы ожидали бы въ акающихъ говорахъ произношеній: *Яхре́м, *Ялдо́тья, *Яхи́мья, *Яста́хій и т. п., однако такого произношенія мы въ народныхъ акающихъ говорахъ не слышимъ; если кое-гдѣ и слышалъ я произношеніе Яфре́мовъ (Ефремовъ — городъ Тул. губ.) и под., то это произношеніе принадлежало уже людямъ книжнымъ и полуграмотнымъ, понатершимся въ го-

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 24.

родахъ и около грамотныхъ людей; само собой понятно, что произношеніе „Яфре́мовъ“ — вторичное, новообразованіе, и произошло оно изъ литературнаго произношенія „јефре́мъф“: какъ произношеніе јеалóвъй даетъ въ акающихъ и якающихъ говорахъ произношеніе јалóвъй и под., такъ произношеніе јеафре́мъф должно было дать — јафре́мъф, что̀ мы и видимъ. Народныя же формы Ахре́м, Афре́м при сѣв. - влкр. Офре́м (см. выше АЮ. № 71. XXXII.) ясно показываютъ основное произношеніе ефре́м (=эфре́м) безъ начальнаго ј. То же можно сказать про слова Алёна—Олёна, Алгинья—*Олгинья и под. Замѣчательно, съ другой стороны, то, что мы никогда не слышимъ произношенія: Огóр—Агóр (=Егоръ), а всегда слышимъ—јеігóр, јеагóр, јагóр, и это доказываетъ, по моему мнѣнію, то, что въ этомъ словѣ всегда слышалось начальное *г'* или *j*, т. е. мягкое *γ*, которое и переходило, и до сихъ поръ переходитъ въ діалектахъ въ *j*. [1]). Если это такъ, то *j* въ началѣ такихъ словъ, какъ јагóр и друг., доказываетъ собой, что въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ различался звукъ *г* и *γ*, причемъ мягкое *г*, именно, давало *γ*, между тѣмъ какъ мягкаго звука *г въ древнѣйшую* пору русскаго языка вовсе не было.

---

[1]) Срв. *Брандта*. Лекціи по исторической грамматикѣ р. языка М. 1892. Стр. 114—115. Здѣсь мы видимъ, что Брандтъ вообще считаетъ всякое мягкое γ іотомъ: «Мягкое, т. е. средненебное, γ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ». Стр. 114. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ и нашего литературнаго нарѣчія, да и въ нѣкоторыхъ говорахъ вообще трудно различить мягкое γ и ј передъ гласными. Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 51. Подобнымъ образомъ, какъ произношеніе Офре́м, Олéна... указываютъ на начальное *е* въ словѣ Елена безъ ј (Элéна) еще, кажется, въ общерусскомъ языкѣ (въ Поликарп. Ев. 1307 г. мы имѣемъ также Ѡлена—л. 118.), такъ и произношеніе ощё при акающемъ ащё (аш'ш'ó, ашшó...) указываетъ на отсутствіе (діалектическое) начальнаго ј въ словѣ еще (эще). Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ олонец. эщё, влад.-муромское эщó при ювр. ряз. ашшó и под., новгор. още. Въ нашихъ говорахъ замѣчательно, что мы нигдѣ не встрѣтили *ашшо* съ начальнымъ *а*, а вездѣ или *и*, или *я*: *ишшó*—Воскресенское Спас. у., Ерахтуръ, Нармушадь, Шостья, Дмитріево, Бѣльково, Чарусъ Касим. у; *яштó*—Ветчаны, *яшшó*—Катово, *яшчё*—Рогачево, Семеино, Давыдово, *яштó*—Чуфилово, Праватарово; *яшшó*—Парахино, Анисово Касим. у. Срв. мое «Къ діалектологіи». 78. См. *Колосова*. Замѣтки... ibid. Стр. 291 и прим. I.; Стр. 221—222 (вятск. *э*); стр. 12. Фортунатовъ и

Теперь замѣтимъ еще въ обзорѣ современнаго звука *а* въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, разсматривая вопросъ о томъ, какимъ основнымъ звукамъ онъ соотвѣтствуетъ, что въ нашихъ говорахъ мы иногда слышимъ этотъ звукъ *а* въ слогѣ передъ ударяемымъ тамъ, гдѣ его вовсе прежде не было, т. е. *звукъ а приставной передъ группой согласныхъ.* Такъ мы слышимъ: у афсе́х (=у всѣхъ)—Ерахтуръ, Касим. у.; афто́рьник—іѣ; аржы́ (=ржи́—им. п. мн. ч. отъ сл. „рожь“. Срв. сѣна́, авсы́, проса́, конопи́ и др.)—Дмитріево; аржы́цу ста́нут бра́ть—Ивановское Ветчан. волости.

Наконецъ, звукъ *а*, образовавшійся въ предударномъ слогѣ *по ассимиляціи* со звукомъ *а* ударяемаго слога: Гара́ськина—Бѣльково, Касим. уѣзда [1]).

§ III. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ.

Здѣсь мы разсмотримъ прежде всего тѣ случаи, гдѣ является звукъ *а* (*'а*) въ *чистомъ* видѣ, т. е, гдѣ звукъ *а* (*'а*) слышится явственно; затѣмъ—тѣ случаи, гдѣ слышится звукъ *неопредѣленный*, но близкій къ звуку *а*, по крайней мѣрѣ, настолько, что его удобнѣе разсматривать въ отдѣлѣ звуковъ *а*, иначе мы всетаки не передали бы его характера. Этотъ неопредѣленный звукъ *обыкновенно* слышится въ закрытыхъ слогахъ, но есть закрытые слоги, въ которыхъ явственно слышится звукъ *а* (*'а*). Объ этомъ послѣднемъ мы говорили отчасти въ І-ой главѣ, гдѣ разсматривали долгіе гласные, а потому здѣсь говорить подробно о немъ не представляется надобности.

1) Звукъ *'а*, *а* послѣ ударяемаго слога прежде всего звучитъ явственно тамъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ основному *а* (ꙗ, ѧ), т. е. въ такихъ существительныхъ, основа которыхъ оканчивалась на неударяемое—*а*,—*ја* или—ѧ: па́лка, ка́ша, ду́ма, Ду́ня, и́мя.... Затѣмъ — въ именахъ прилагательныхъ

Шахматовъ предполагаютъ въ такихъ случаяхъ начальное придыханіе (ḥ), во всякомъ случаѣ не ј. См. *Фортунатова.* Лекціи по фонет. стрсл. яз. Печатн. изд. Стр. 79—81. *Шахматова.* Изслѣдованія... Стр. 12. Срв. *Соболевскаго.* Рецензія въ Ж. М. Н. Пр. Отд. оттискъ стр. 430. (1894 г.).

[1]) Примѣры, относящіеся сюда см. также у *Шахматова.* Ук. соч. Стр. 24. См. АЮ. № 98. 1616 г.: Государева дьяка Гарасима. Мы можемъ дополнить къ тому, что указано Шахматовымъ и Соболевскимъ (въ рецензіи) еще: патріархомъ Оакимомъ Орусалимъскимъ. Лѣтоп. Авраамки. 215. Но объ этомъ см. ниже. Это не предударный слогъ.

краткихъ женскаго рода на такое-же окончаніе, а равно въ именахъ прилагательныхъ полныхъ (членныхъ) женскаго рода, представляющихъ изъ себя стяженныя формы на *а*, *'а* въ имен. п. ед. ч. и не стяженныя—на—*ая*,—*яя* въ им. п. ед. ч. Что касается послѣднихъ, то здѣсь мы слышимъ иногда неявственное *'а* неударяемое только послѣ звука *к*: го́рькеʲја — им. п. ед. ч. жен. рода. Въ именахъ прилагательныхъ членныхъ звукъ *а*, *'а* перешелъ и въ прочіе падежи и слышится, большею частью, явственно и въ открытыхъ, и въ закрытыхъ слогахъ, какъ мы видѣли выше.

Примѣры: я дireʲве́нска—д. Деревенское Спасскаго уѣзда; като́ра—Ерахтуръ Касим. у.; ны́ньца кра́сна бума́ɣа пушша́еʲтца—ib.; ана стаи́ть паро́жна изба—ib.; ана́ кака́я—та салё́на (рѣчка)—ib.; ма́тушка раѕи́ла—ib. (пѣсня); ни леʲни́ва̄ мо́жыть два на́преʲде́ть—Шостья; как бальша́я като́ра̄ изба́—ib.; Ула́ньска ба́ба—Уланова Гора; ана сми́рна ба́ба—та; жана́—та харо́ша̄; Папо́фьска гара́ да́льша (=дальше, см. ниже)—ib.; пъгаво́рка така́—та; дублё́на шу́ба, хажа́ла шуба, пиряшы́та, падде́фка суко́нна—ib. [1]). Мать хре́сна — Данево; папо́ська зеʲмля́ (=поповская) — Гусев. Погостъ; иш ана́ цы́ста (трава)—Китово; свякры́ цытьве́рта—ib., три яжжа́лы́х да цытьве́рта треʲтья́шка—Урядино; я дяшо́ва̄—Ветчаны; басни́ста̄ кака́я—Шаранина; астарɣо́ська—Расторгуево [2]); салда́тка цатьве́рта—Алексѣево; д'ыть каку̑ цыта́ла — Мягкова; не въ конечныхъ слогахъ мы слышимъ нынѣ звукъ *а* въ нашихъ говорахъ въ косвен. падежахъ именъ прилагательныхъ.; вмѣсто окончаній: —*ому*,—*ему*,—*ою*,—*ею*,—*ую*,—*юю* вездѣ мы

[1]) Въ разговорѣ перечислялось приданое («выводъ») за невѣстой въ Улановой Горѣ, близъ г. Касимова. Интересно сравнить перечисленіе имущества въ нашихъ древнихъ грамотахъ: Духовныхъ, Купчихъ и Договорныхъ: напр., продалъ есми... меринъ саврасъ, меринъ воронъ, меринъ голубъ, меринъ гнѣдъ, меринъ буръ, меринъ рыжъ, старъ добрѣ, вислоухъ—АЮ. № 85., лѣтникъ камчять, шубка зелена—АЮ. № 415., меринъ чалъ, охабень новъ—ib. № 421., меринъ буланъ, ковуръ—ib. № 422., чашка золота—Собр. Г. Грам. и Догов. I. № 25, 26., вотола сажена—ib. № 34. и мн. др. Все прилагательныя безчленныя.

[2]) «Расторгуево» въ народномъ произношеніи: «Астарɣо́ва». Бабы такъ отвѣчаютъ на вопросъ: «чья ты»?

слышимъ: —*аму*, —*аю*, т. е. звукъ *а* (*'а*) вмѣсто *о*, *е*, *у*, *ю*: по цо́рнаму, думу крѣпкаю—Ерахтуръ; сыравинкаю с салóмкаю—Шостья; па цэ́ламу, па зе́лёнаму—Данево; крáснаю дѣвичю—вин. п. ед. ч.—ib.; пад бѣлаю—ib.; свѣжаю вадóй—Ивановское, Ветчан. вол. и друг. Здѣсь всѣ примѣры представляютъ звукъ *а* въ открытыхъ слогахъ. Въ закрытыхъ слогахъ мы видѣли его выше: тамъ онъ соотвѣтствовалъ въ большинствѣ случаевъ основнымъ: *ы*, *о*, *у*: пе́страй, сѣрай..., крáснай (род.—дат.—твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.), крáснаю (=ую въ вин. п. ед. ч. ж. р., собственно, въ открытомъ слогѣ); цалкóвах (=ыхъ, род. п. мн. числа). Отмѣтимъ формы членныхъ прилагательныхъ, отступающихъ въ звуковомъ отношенiи отъ выше названныхъ (преимущественно въ слогѣ съ *к'*), и формы существительныхъ въ твор. п. мн. числа тоже въ слогахъ съ *к* (съ новымъ суффиксомъ — *ами*): я самá Ту́мськеја (=Ту́мская)—Шаранина; срв. т'ыть óн Ту́мськяй—ibid.; заму́жнеја—Куземкино; срв. на щё яе́ убрькяю—Шаранина Касим. у.; съ пирили́нкими, са склáткими—г. Касимовъ; бáркими—Гус. Погостъ; Пятрóфькими — Забѣлино; за азёркими јéсть—ib. и др. Также въ слѣдующемъ примѣрѣ послѣ *ц* (изъ *к*?): сóдют лу́квицыми—Урядино Китов. вол. Срв. въ закрытыхъ слогахъ: х пóнькях—мѣстн п. мн. ч.—Парахино; нóни стáли зъплятáть дѣхькям—дат. п. мн. ч.—Фомино (Парахин. вол.); срв. еще: абычеій—Данево; дóнеіл (=дóнялъ)—Куземкино, Нармушадь Касим. у.

Далѣе, въ открытыхъ-же слогахъ мы имѣемъ этотъ звукъ *а* (*'а*) чистый въ формахъ глагола 3 л. ед. ч. безъ окончанiя—*ть* и въ формахъ глагола 2 л. мн. ч. на—*те*; здѣсь мы, стало быть, имѣемъ звукъ *а* (*'а*) изъ основного *е*, и исключенiй почти нѣтъ: скажытя, пайдитя, вайдитя, пъулядитя—д. Деревенское, с. Ижевское Спас. у.; прашáйтя—Борки Касим. у., нацу́йтя, найдётя, выкъшáйтя—Нармушадь; пайдёмтя—Ерахтуръ, пишытя, прiяж'ж'айтя, спрóсьтя (2 л. мн. ч. буд. вр.)—Бѣльково, Китово; праѣтьтя—2 л. мн. ч. буд. вр.—Рогачево; дáйтя—Чуфилово; нъцапляйтя—Снохино; ня сыпьтя — Шаранина; возьмётя, прашчяйтя, ни хаéйтя, ступáйтея—ib., Зубово; ни паки́ньтя—Давыдово. Лишь изрѣдка мы слышали вмѣсто *'а*—*и*: застáфьти, пишыти, накрóйти, зайдити, ступáйти въ Улановой Горѣ (подгородное село у

Касимова) и въ Дмитріевѣ (на границѣ съ Владимирской губерніей); впрочемъ, и въ Парахинѣ, тоже близъ Владимирской губерніи.

Примѣры звука *'а* въ 3 л. ед. ч. глаголовъ [1]): бу́дя, быва́я, пасо́хня — Катово, Касим. у.; ѣ́дя, слу́жа, жылѣ́я, ня по́мня, мо́жа—Горы; мо́я, пріяжжа́я, пама́жа, ни дъпуска́я, ба́я—Давыдово, Логино, Семенно; вхо́дя, зна́я, у́ца (=учитъ) —Семенно; жалѣ́я — Катово; хо́ца , хва́тя, при́мя, пало́жа, пъцыта́я, нацу́я, асты́ня—Шаранина; ки́сня, ко́ся, лята́я—Агѣево: браса́я—Акулово, хо́дя—Расторгуево, па̊варо́тя—Жалудково; т^{е}е́ня (=тянетъ)—Бычково; и мн. др. (См. Морфологію—ниже). То же мы имѣемъ и въ названныхъ выше мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда.

Звукъ *а* (*'а*) является также изъ основного *о* (*е*) въ конечномъ открытомъ слогѣ нарѣчій или именъ прилагательныхъ краткихъ средняго рода, а равно въ именахъ прилагательныхъ членныхъ ср. рода на—*ое* въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ; прилагательныя средняго рода на—*ее*, большею частью, имѣютъ неопредѣленный звукъ, склонный къ *і*, на мѣстѣ тематическаго неударяемаго —*е* вмѣсто ожидаемаго *'а*. Напримѣръ: мно́γа, γγо́дна—Ерахтуръ Касим. у.; э́та, на́да, ти́ха, сми́рна, ўлѣ̆ва дверь—Нармушадь, ра́на, ча́ста, ма́ла, пло́ха, до́лγа, ско́ра, сты́дна—іѣ. Шостья, бага́та, мо́жна, мане́нька, нямно́шка и др.—Шостья, Антоново, Бѣльково, Урядино, д. Китово, Чарусъ и др.—повсемѣстно. То-же относится и къ именамъ существительнымъ ср. рода съ темой на—*о*,—*јо*: за лѣ́та, мѣ́ста, аәя̆ла—Ерахтуръ; је́жли дѣ̆ла—вѐдра—Шостья; адявӑла (=одѣ̆яло)—Антоново; брю́ха—Бѣльково; ў по́ля, страје́нья и др.—Парахино. То-же въ Спасск. уѣздѣ.

Въ открытыхъ слогахъ мы имѣемъ еще звукъ *а* (*'а*) изъ *и*, *ы* и *е* въ частицахъ: *ли*, *бы*, *же* (союзъ), а также въ сравнительной степени на—*е* отъ прилагательныхъ и нарѣчій: плӑкă̆ть што́-ля!—Гус. Погостъ Касим. у.; Хили́п што́-ля̆?—Чарусъ и друг. Ницаво̀, коб'ты́ нъвази́л-ба—Ветчаны; я́ ба пъмярла́—Катово; уш э́ти-бы хӑрашо́-ба—Рогачево; ми́лӑя,

---

[1]) Въ этихъ примѣрахъ находятся и глаголы на—*е*, и глаголы на—*і*, которые перешли въ І-ое спр.

Бóх-ба ни забы́л—Зубово; щё ба слы́шна бы́ла—Бычково; и другія.

Кáг-жа—Рогачево и повсемѣстно; он нам ральня́-жа—ib.; цаó-жа, радúма, здѣлаш?—Зубово; дѣ́ўка-жа ýцытца—ib.; щё-жа, цаты́ри дѣ́вăцки—Снохино; тóжā—Нармушадь, Ерахтуръ, Дмитріево и друг.

Въ сравнительной степени особенно извѣстенъ этотъ звукъ послѣ небныхъ шипящихъ согласныхъ, и въ этомъ же положеніи мы его встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, а равно и вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является основное *е* (*ѣ*) въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ударяемаго непосредственно; но отсюда есть много исключеній; вообще, звукъ конечный *е* (*ѣ*) колеблется въ своихъ рефлексахъ въ современныхъ говорахъ Касим. и Спасск. уѣздовъ: мы встрѣчаемъ на мѣстѣ этого *е* (*ѣ*) или *'а*, или *е*[i] (*i*), или *е*[a] (э); *почти никогда* не слышно *'а* въ падежныхъ формахъ на—*ѣ* отъ именъ: здѣсь вездѣ—*і*. Примѣры: ýдвóя (вдвое)—Деревенское, Спасск. у., двóя—Дмитріево, Данево Касим. у., ны́ньца, ны́ньча—Ерахтуръ, Нармушадь; нóньца—Чарусъ, Забѣлино; двóя, трóя с нéю—Ерахтуръ; (Киструсъ Спасск. уѣзда), Шостья; пъмалóжа, дáльша—Уланова Гора; патóньша, бóльша, мéньша—Ерахтуръ; стáрьша—Нармушадь; пъкарóца—Шостья; рáньша, папрóшша—ib.; пъде[i]шэ́вля—Нармушадь; пъхладьнѣ́я—Ерахтуръ; цаты́ря—Шостья; таш'нѣ́я—ib.; пьјинѣ́я—Уланова Гора; чяты́ря—ib.; пъжырьцэ́я—Чарусъ; жылтѣ́я—Забѣлино; хýжа—Бѣльково; пабóльша—д. Китово; Ивановское; пăсырѣ́я, цаты́ря—Урядино; цаты́ре[a]—Ивановское; ўдвóя (=вдвое), ўлýбя—Рогачево; рáзя (=развѣ)—Горы; шы́ре[a]—Андроново; Малахово; „А то рáзя! мéньшэ бы́ла дварóў-ти!“—Катово; „дáвя (=давѣ, давеча) я пълсапóшки наўѣла“—Бычково; дýбя, трóя, пóс'ля мáслины, рáзя—Шаранина; „ны́ньца ни зăжыўáют“—Агѣево; цаты́ря—Жалудково; ны́ньца—Зубово; „э́нта дáльша ат нáс“—Немнясево; пахýжэ—Праватарово; „нóньчя што ни дáле[i]й, то хýжа“—Акулово Китов. волости [1]).

Съ другой стороны, въ такихъ же случаяхъ мы имѣемъ здѣсь звукъ *е*[i] (*i*): Вóўсе[i]—д. Воскресенское Спасск. у.; ны́нь-

---

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 44 (бы=ба); стр. 16—18.

че[i]—г. Касимовъ; нóньчи—Гусевской Погостъ; ны́ньцы—Дмитріево, Ивановское; ŭóф'си—Нармушадь; вóŭсе[i]—Китово, Чинуръ; (срв. сявóдьни—г. Касимовъ); че[i]ты́ре[i]—Забѣлино; (Киструсъ Спас. у.); чяты́ре[i]—Дмитріево; пастáрьшы—Дмитріево; (срв. выше: ны́ньцы—тамъ-же: послѣ *ц* и *ш*); цаты́ре[i]—Китово; памя́кшы—срв. степ.—г. Касимовъ; бóльшы, мéньшы—Гус. Погостъ; Забѣлино; „бли́жы-ти éсть“—Забѣлино; ны́ни—Борисково; ф цаты́ри—Катово; пацáще[i]—ib.; палу́ч'ч'и—ib.; пăдарóжы—Логино; рáзи (=развѣ)—Рогачево; цаты́ри—Горы; ны́ньцы—Малахово; дяшэ́в'ли—Давыдово; нéуди взéть—Логино; „ăуурьцы́ нóни плóхи“—Катово; „щё-жа, цаты́ри дѣвăцки“—Снохино; павы́шы—Шаранина; „хош двá хýнта, хош бóльшы“—ib.; „рáньшы я жылá въ Ухѣ“—Расторгуево; „óби иж Жалýткъва“—Жалудково(?); и друг.

Такимъ образомъ, отсюда видно, что послѣ шипящихъ и *ц* является *ы*, а въ другихъ случаяхъ—*е*[i], *і* въ слогѣ, слѣдующемъ непосредственно за ударяемымъ, вмѣсто *е* (*ѣ*).

Сравните окончанія падежей на—*ѣ*: к нивѣ́сти, на лáф'ки—Ветчаны Касим. у.; х пóли—Борисково Ветчан. волости; в рóшшы—ib.; на заóди (=на заводѣ)—Симоново; у Хвякóли (=у Хвяколѣ вм. у Хвяколы по аналогіи съ „ăт зямлѣ“ и проч.); у мѣ́с'ти—Рогачево; „з Давы́дъськими на зялѣ́знай ларóуи“—Горы; „х пьянāм ви́ди“—Бычково; „у ни́х у бáни сиди́т“—Зубово; х пóли, па дарóшки, па старóнки, на стýли—Семеино; в ăуарóди—Катово; у балóти—Катово; на Рязáни, у мѣ́с'ти—Горы; в Ăстарýови, ф сваёй дирéвьни—Расторгуево, и друг. [1]).

Далѣе, чтобы разсмотрѣть вполнѣ звукъ *а* (*'а*) въ *открытыхъ* неударяемыхъ слогахъ послѣ ударяемаго, намъ остается еще нѣсколько пунктовъ: *'а въ причастіи* на—*лъ* (наше изъявит. накл. прош. вр.); въ именит. пад. множ. числа муж. рода (наше множ. число на—*и* неударяемое) съ неударяемымъ окончаніемъ; *въ имен. пад. множ. числа именъ жен. рода* въ окончаніи—*ки*; *въ мѣстоименіи сáми*; *въ творит. пад. множ. числа именъ* въ окончаніи—*ми*; во всѣхъ этихъ случаяхъ вмѣсто конечнаго неударяемаго звука *и* мы слышимъ иногда въ

---

[1]) Срв. мое указ. соч. Стр. 35. 38.

нашихъ говорахъ звукъ *'а*; далѣе,—въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*), присоединяемомъ къ глагольнымъ формамъ, и, наконецъ,—въ членѣ: *та* или *то* (=тоже *та*). Первый пунктъ—самый замѣчательный; *этой особенности* въ произношеніи причастныхъ формъ на—*.лъ* (—*ли*) *я нигдѣ на югѣ Рязанской губерніи не встрѣчалъ*, какъ не встрѣчалъ и дифтонговъ (см. выше; о *ѣ*=*іе* см. ниже). Приведу примѣры: „наўш'ники да́ля" (=дали)—Парахино; но преимущественно эта особенность проявляется въ слогѣ, не непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, а *черезъ одинъ слогъ*: сува́тӑля, вы́пйля, за́пярьля, на́брӑля; „Ди́ди-Ла́дън сѣц упря́тӑля, праса́ с̧ѣ̆яля" (пѣсня: „Дидъ-Ладо")—Парахино, Астахово, Фомино; вообще, въ Парахинской волости, гдѣ мы видѣли и дифтонги. Далѣе: пѣс̧ьни игра́ју͡от дѣхькя (=дѣфьки—им. пад. множ. ч.)—Парахино; „з двумя́ с рибя́тъмя"—Фомино; „яди́м са́мя" (=сами)—Астахово. Надо сказать по поводу приведенныхъ примѣровъ нѣсколько словъ: во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы слышали на концѣ звукъ *'а*, но *не чистый*, а *небный*, склонный къ звуку *е*, такъ что правильнѣе было бы транскрибировать его такъ: *'а*ᵉ.

Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Парахинской волости, этого звука въ означенномъ положеніи намъ не встрѣчалось. Вышеприведенныя формы причастій, кажется, слѣдуетъ сопоставить съ формами на—лѣ въ древне-русскихъ памятникахъ въ прич. прош. вр. въ имен. падежѣ множ. числа при единств. числѣ на—лъ.

Переходимъ къ мѣстоименію—*сѧ* при глаголахъ. Неударяемое—*ся* при глаголахъ звучитъ въ нашихъ говорахъ, какъ—*с'а* съ чистымъ *а*, затѣмъ,—какъ—*си* и, наконецъ,—какъ—*сы*. Первое изъ этихъ окончаній слышится рѣже другихъ, но всетаки имѣется; иногда согласный *с* даже слышится твердымъ, и окончаніе—*с'а* превращается въ—*са*: прӑступлюса—1 л. ед. ч.—Ветчаны Касим. у.; щиба́лис'а—Семеино (=сшибались); сӑряди́лӑса—Катово; паба́йлис̧'а—Катово (=поба́ились=поговорили. См. Синтаксисъ); „с аўцы́ сыма́йтца"—3 л. ед. ч.—ib.; сцапля́йтис'а—Снохино; испуγа́лӑс'а—ib.; мы ӑбажгѣм'-с'а—Фомино (Парах. вол.); „да́йтя вади́цы напи́тца, ради́мѣји"!—Чуфилово. (Относительно присоединенія—*ся* къ гла-

голамъ: *пить*, *баить* и под. см. Синтаксисъ); дѣ́ука-жа у́цы́тца—Зубово; и мн. др. Здѣсь мы привели нѣкоторыя слова, въ которыхъ конечное *а* (*'а*) находится *не непосредственно* послѣ ударяемаго слога, а въ слогахъ, удаленныхъ къ концу слова отъ ударяемаго слога, и это мы сдѣлали потому, что такихъ словъ съ конечнымъ *яснымъ* *а* (*'а*) вообще немного.

Окончанія—*си* и—*сы* (—*цы*) мы имѣемъ чаще: „Куды́ бо́льна пътăрапилси"?—Ветчаны Касим. у.; рăзацнётцы—3 л. ед. ч., бьём'си—1 л. мн. ч., зăвали́лси—Симоново Тум. вол.; *у*дѣ Бо́*у*у пăмали́тцы пълянис́сы—2 л. ед. ч.—Катово; уцы́тцы-ти?—неопр. н.—ib.; жани́лси—Горы; што́-п с'мя́тцы-ти!—Давыдово; дай напи́тцы-ть (вм. *ти*—члена—*ть*; частица, можетъ быть, не принадлежитъ составу формы неопр. наклоненія. Срв. мое соч. „Къ Діалектологіи"... Стр. 125—126); Бо́*у*у мали́тцы—неопр. н.—Семеино; рăз*у*ари́тцы—3 л. ед. ч.—ib.; „с'мята́ны-ти у као́ сайдётцы"—3 л. ед. ч.—Катово; придётцы (=прядётся)—3 л. ед. ч.—ib.; с'мѣ́йси—Кобаново Тум. вол.; сăряжа́йси ж жынихáм *у*лядѣ́тцы"—Давыдово; как збяре́мси—Расторгуево; ръзайдём'си—Бычково; „не́цăо хвали́тцы, гарьди́тцы! хто́ ни брани́тцы-ти"?—Алексѣево; цайкю́ (!) напи́тцы ф по́ля—Ламакино; хлѣп у на́с рали́тцы—Гус. Заводъ, Бѣльково; ана́ убі ётцы—Бѣльково; събяру́тцы—3 л. мн. ч.—ib.; захо́тцы (=захочется)—3 л. ед. ч.—ib.; ради́тцы у на́с хлѣ́бăт—Китово; Чарусъ; х каму́ прашша́тцы-ти?—Чарусъ; ăкуна́тцы—неопр. н.—Ивановское; адин у́ле[і]й ăтрайлси—Ерахтуръ; жыни́лси—Нармушадь; ăбяшша́лси, раскро́йси—ib.; Ерахтуръ; прасну́лси—Шостья; прасти́мси—1 л. мн. ч.—ib.; не[і] с'мѣ́йси—Гус. Погостъ; сканьчя́лси—г. Касимовъ; дăгада́лси, браса́лси—Уланова Гора; ради́лси—Дмитріево; въспад'ня́лси—Данево; взрăдава́лси, ăблами́лси, чи́лава́лси (=цѣловался)—Данево; взя́лси, истами́лси, пъвали́лси, брыка́йси—ib.; зънима́лси, вазьме́с'с'и—2 л. ед. ч.,—вирьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—Гус. Погостъ; пъдăражы́с'с'и—2 л. ед. ч.—Забѣлино; дабье́с'с'и—2 л. ед. ч.;—аста́лси—Бѣльково; штŏ-б о́н усла́лси (лён)—Китово; пăде[і]ре́м'си, рăзбе[і]ре́м'си—1 л. мн. ч. (*е*—не *ё*)—Китово (село); уцы́лси—Урядино; „как бы уляжа́лси"—Ивановское; срв. въ Спасскомъ уѣздѣ: бajи́с'с'и=боишься—Ижевское; явля́лси—гор. Спасскъ; сă*у*ласи́лси, пъмири́лси—д. Деревенское; зăвали́лси ў кало́де[і]с—д. Воскресенское, и друг.

Здѣсь мы имѣемъ фонетическій процессъ, обратный по своему направленію только что указанному на примѣрахъ предыдущаго пункта: тамъ мы имѣли *расширеніе* конечныхъ гласныхъ *и* и *е*, здѣсь мы имѣемъ *суже́ніе* конечнаго *'а* (ѧ) въ *е* и *и* (послѣ твердаго *ц—ы*). Срв. въ древне-русскихъ памятникахъ: въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе— 1 л. ед. ч.—*Востоковъ*.—Описаніе ркп. Рум. Музея. № LXVII. Срв. АЮ. № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ мы имѣемъ всѣ эти окончанія.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, слышимому въ формахъ члена—*та*,—*то*, присоединяемаго къ словамъ и не имѣющаго на себѣ ударенія.

Въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: аблавѣ́ла-та?—Ижевское Спас. у.; Ерахтуръ Касим. у.; рӑзɣаво́ру-та не́ была—Ерахтуръ; цаб бяли́ть-та?—ib.; вицара́-та—ib.; сани-та?—ib.; д'ле[і] се[і]бя́-та хош—ib.; на сто́л-та?—ib.; рӑспява́ить-та?—ib., ў у́ле[і]й-та?—Нармушадь; „ста́рӑсту-та сӑмаво́ пабили“—ib.; ана́ сми́рна ба́ба-та; жана́-та—Уланова Гора; „сър̆рӑфано́ф-та ни гато́вют“ -ib.; хо́тца-та—Гус. Погостъ; „мѣ́ста-та, право́фта нѣ́т“ (=правъ, род. п. мн. ч. отъ слова: „пра́во“—сущ.); „здѣ́цтва-та паду́чйвалса“; „выгъну-та нѣ́т яво́“; ӑпчиства́-та—ib.; (род. пад. ед. ч. „о́бщества“); „бо́льшы не́чим пражыть-та“—Забѣлино, зе[і]мля́-та, бич[и]яво́й-та—ib.; убе[і]ре́ш луга́-та, та́м място́ф мно́га, а на́шых-та ма́ла—ib.; „на́ пе[і]ть дваро́х ло́шӑть-та адна́“—Бѣльково; на брю́ха-та! -ib.; зубо́х-та нѣ́т; „старика́м-та виньца́ пӑд'нясу́т“—ib.; „гре́ца-та ана́ ишшо́ ни ради́тцы“—ib.; „нильзя́ по́нить-та“ (=по́мнить)—ib.; в дѣ́фках-та—ib.; „ка́гжа ни пъцыта́ть-та свякры́“! -д. Китово; зӑплята́лӑ-та вянки́—ib.; „у на́с и ба́не[і]ф-та нѣ́ту“ (=бань—род. п. мн. ч. отъ слова „баня“); „лѣ́тӑсь пру́т-та.... ныни рӑзлилси́“—с. Китово; „он ате́ц-та ф пло́тьни́ках хо́дит“—Урядино; я ко́лька жыла́-та? „он дья́кӑн-та ади́н“; „зӑкуси́ть-та пирашка́, та́м блинка́ми“ -ib.; када́ бу́де[і]ть ч[ч]вѣ́сь-та?—Чарусъ (=цвѣсть); „и по́скӑни до́ма-та ни хвата́ить“; э́нтӑт по́п-та виньца́л; „пъжа́луй, на ве́сь ɣод дъстаёть хлѣ́ба-та“—Чарусъ; „сямья́-та: во́се[і]мь ду́ш“—Ивановское; пре́сь-та? (=пря́сть-та; неопр. накл.);—ibidem; да зӑу́тря-та?—Рогачево; „у на́с язы́кта ади́н“—ib.; „биз ачко́ў-та ня мо́жу“; цайку́-та?—ib.; „ма́ть-

та ана́ ня по́мнит“—Горы; (См. Синтаксисъ—ниже); д³ана́ jе́сь, да мялка́ ряка́-та—ib.; „ана́ рибя́т-та jи́х мно́уа“!—ib.; (См. Синтаксисъ); „ма́лă-ль у на́с яво́ лѣ́су-та“?—Чуфилово; „я заме́рзла ăт тябя́-та шла“—Зубово; „рăскари́ли мнѣ́ яво́ жыниха́-та: я и пла́кăла“—ib.; „из усто́ў бо́льна уряхо́ў-та мно́уа“—Логино; „снаха́-та „кра́сна“ бо́льна“! яшчо́ палво́за пăрашко́ў-та—Семеино; „мнѣ́ суды́ скали́ть-та цаво́ сто́ит“!—Шаранина; „д³эт’та дура́ва-та и jе́сь“! ibid.; („дура́ва“—ягоды въ родѣ черники, растеніе); „у няво́ хо́льна вить въ даму́-та: мо́ют, цы́стют“—ib.; „те́шта яво с ни́м-та“—ib.; „у мня́ уо́-ря-та яво́ мно́уа“—Давыдово; „ф’çё у мя́ сваё пла́тья-та“—ib.; „ф’сё лѣ́та-та заму́цы́с’с’и“—2 л. ед. ч.—Акулово Китов. вол.; „а што о́н плахо́й-ты: хуть пе́ть ра́с пъпали́ лё́н-та“—ib.; са ç’вято́й-та—Андроново; „ў рука́х-та у мяня́ бы́ли аны́ де́ньуи-ти“—Парахино; ис сяла́-та—ib.; и мн. друг. (См. ниже, въ Морфологіи,—„членъ“). Мы здѣсь привели примѣры на звукъ *а* въ членѣ, находящійся не только въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, но и въ слогѣ, удаленномъ къ концу слова отъ ударенія; это мы сдѣлали для того, чтобы имѣть возможность потомъ сослаться на собранные здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, примѣры: во всѣхъ нихъ звукъ *а* звучитъ *явственно*.

Подробности о членѣ, весьма разнообразномъ, будутъ разсмотрѣны нами въ Морфологіи нашихъ говоровъ; тамъ же будутъ сдѣланы соотвѣтствующія указанія на сохранившійся членъ въ другихъ русскихъ говорахъ, и будутъ даны примѣры члена изъ древне-русскихъ актовъ и грамотъ. Здѣсь интересуетъ насъ самый звукъ.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, находящемуся въ *закрытыхъ* слогахъ *непосредственно* послѣ ударяемыхъ слоговъ. Здѣсь, какъ и раньше, мы разсмотримъ звукъ *а* чистый (явственно слышимый), а равно приведемъ примѣры, представляющіе звуковое отклоненіе, т. е. примѣры съ *другими* звуками вмѣсто ожидаемаго звука *а* или *’а* въ этихъ говорахъ. Вообще, прежде всего нужно замѣтить, что, говоря здѣсь о звукѣ *а* (*’а*) чистомъ, или явственно слышимомъ въ нашихъ говорахъ, мы разумѣемъ лишь *относительную* чистоту или явственность, т. к. въ закрытыхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ гласные звуки вообще менѣе явственны и опредѣленны, чѣмъ въ открытыхъ.

Звукъ а ('а) въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, образовавшійся изъ стяженія. Такой звукъ мы будемъ на письмѣ означать буквою *а* съ знакомъ краткости сверху: *ă*. Знакъ краткости имѣетъ цѣлью выразить звукъ менѣе явственный, чѣмъ будетъ звукъ, означаемый буквою безъ этого знака краткости. Такой звукъ мы имѣемъ во всѣхъ глаголахъ, гдѣ формы образованы путемъ звукового стяженія: аıе—аа—а+личное окончаніе. Выше мы видѣли подобный звукъ, но *совершенно явственный*, въ такихъ-же глаголахъ, гдѣ этотъ звукъ стоялъ *подъ удареніемъ*. Примѣры: пабѣ́гăм—1 л. мн. ч. буд. вр.—Шостья Касим. у.; дѣ́лăм—1 л. мн. ч. наст. вр.—Ломъ; ни з'дѣ́лăш—2 л. ед. ч., з'дѣ́лăм—1 л. мн. ч.—г. Касимовъ; з'дѣ́лăш—2 л. ед. ч.—Уланова Гора; з'дѣ́лăт, з'дѣ́лăтца—3 л. ед. ч.—Данево; „ф кирьпичя́х рабо́тăм“—1 л. множ. ч.—Гусевской Погостъ; „ницаво́ ни з'дѣ́лăш: ни жыву́т“—Бѣльково; надѣ́лăм—1 л. множ. ч. (*ă* долгое и явственное)—д. Китово (*не* село). Срв. ницаво́ неı з'дѣлаэш—2 л. ед. ч.—Нармушадь; „се́тъки слу́шаэш—2 л. ед. ч.—Бѣльково; эти формы, несомнѣнно, *архаическія*, изъ которыхъ и слѣдуетъ выводить всѣ вышеприведенныя [1]). „Мы рабо́таэм“—Бычково; ницаво́ ни з'дѣлăш—2 л. ед. ч.—Катово; дз рабо́тăш—2 л. ед. ч.—ib.; „цао́-жа, ради́ма, з'дѣлăш“—2 л. ед. ч.—Зубово; „сот пе́ть, ду́мăт о́н, пришле́“—Катово; „ты ду́мăш, кăкао́ ити́ть“?!—Чуфилово; з'дѣлăм—1 л. мн. ч.—Жалудково; „ня ф'се́ срабо́таэш“—2 л. ед. ч.—Фомино (Парахин. вол.); кăк ты ду́мăш?—ib.; рабо́тăм—1 л. мн. ч.—Ахматово и друг. [2]). Звукъ *а* такого же происхожденія, но болѣе явственный въ произношеніи, мы видѣли выше въ *открытыхъ* слогахъ *не подъ удареніемъ*. (См. выше).

---

[1]) Сравни выше формы съ дифтонгическимъ *ударяемымъ* сочетаніемъ *а́э*: хвата́эт—3 л. ед. ч. наст. вр.—Бѣльково, и проч.

[2]) Въ Зарайскомъ уѣздѣ Ряз. губ. мы слышали: рабо́тăш, рабо́тăт.... Отъ крестьянъ села Ново-Егорія Егорьевскаго уѣзда я записалъ слѣдующія формы: рабо́таш, рабо́там; рабо́тут—3 л. мн. ч. Качества неударяемыхъ гласныхъ я не обозначаю, потому что забылъ и не отмѣтилъ при записи. Это было давно, не въ послѣднюю мою поѣздку въ Спасскій и Касимовскій уѣзды. Срв. дѣлаш—2 л. ед. ч.—с. Спасъ-Клеıпики Рязанскаго уѣзда. *На югѣ Ряз. губерніи этой особенности нѣтъ*. См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 125.

Далѣе, *такой-же звукъ а* (*'а*) *по произношенію*, т. е. ӑ (*'ӑ*), но *другого* происхожденія, мы слышимъ въ нашихъ говорахъ *въ падежныхъ окончаніяхъ - ой*,*—ей безъ ударенія*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: сит'чⁿявай, чⁿёрнай—Дмитріево; с рыбай—Расторгуево (звукъ ӑ долгій и явственный); хрéснай—Данево; ў пóснай дéнь, с кýрицай - Ерахтуръ; с пълави́най, с снашэльнйцай Шостья; у леⁱни́вай-ти бáби, у э́тай, лóшкай—ib.; касмáткай веⁱньчяют—Уланова Гора; нóшкай—Данево; „пат сéткай пад бéлаю" (пѣсня)—ib.; с сýмкай—Бѣльково; „атéц нуси́лкай аддáст"—Истомино (Ветчаны), Акси́ньяй—твор. п. ед. ч.—Горы Тум. в.; пья́най—Бычково; си́няй—им. пад. ед. ч. муж. р.—Зубово, Давыдово [1]).

Такое-же ӑ (*'ӑ*) мы слышимъ *въ падежныхъ окончаніяхъ:— овъ,—евъ*, иногда*—ыхъ,—ихъ*: арéхах нáда? (ӑ долгое и явственное)—Бѣлясево Алексѣев. вол.; грыбóвах—род. п. мн. ч. имени прил. (*—ыхъ*)—Борисково Ветчан. вол.; с'вéжыньках—род. п. мн. ч. им. прил.—Малахово ib.; ис калóтьцаф—Ерахтуръ; Хвадéй Кандрáтьяф—Горы, и мн. друг. Въ такихъ формахъ болѣе обыкновеннымъ звукомъ бываетъ, именно, звукъ ӑ (не долгій и сравнительно не явственный), но мы привели здѣсь всѣ случаи со звукомъ ā, который мы слышали въ такихъ формахъ, т. к. эти формы должны быть, именно, здѣсь приведены, хотя въ нихъ звукъ ӑ по произношенію представляетъ нѣкоторое уклоненіе отъ звука *а*, слышимаго вообще въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ.

Мы объясняемъ себѣ сравнительную *явственность* этого звука *а* (*'а*) въ *закрытыхъ* слогахъ послѣ ударенія тѣмъ, что этотъ звукъ проникъ сюда или изъ формъ, гдѣ онъ находился въ открытыхъ слогахъ (см. выше) и представляетъ результатъ стяженія, а потому онъ и *долгій* тамъ, или изъ формъ, гдѣ онъ былъ хотя и въ закрытыхъ слогахъ, но *долгимъ* (см. тоже выше). Такое-же *а* (*'а*) мы имѣемъ изъ *о* (ъ) и изъ *е* (ь): нóньчя рýпь за ви́нас—Киструсъ Спасск. у.; ўóрлам—твор. п. ед. ч. отъ сл. „горло"—ibid.; нáдать—Нармушадь Касим.

---

[1]) Объ этомъ гласномъ звукѣ мы говорили подробно выше, когда перечисляли случаи употребленія *долгихъ* гласныхъ въ нашихъ говорахъ, въ I-ой главѣ.

у.; па мáлăсци = по малости—Шостья; мужыки́ дѣдăм нăряжáютца—ib.; ря́дăм—твор. п. ед. ч.—Шпилёво; срв. выше: сли́вăк—род. п. мн. ч.—Гус. Погостъ; пани́тăк—Ул. Гора; э̆тăт—Гус. Погостъ; за 'врáгăм = за оврáгомъ—Забѣлино [1]); свéкăр—Бѣльково; виту́шăк = виту́шекъ—род. п. мн. ч. („витушка"—крендель, баранка)—ib.; лѣтăм—тв. п.—с. Китово; с мáслăм, в Йз^жескăм—Чарусъ; Хвадéй Кандрáтьяф, Аксиньяй—Горы; винóвян—Бычково; в лóжыцку пятнáтцăть кáпляф—Шаранина; стари́к пóмяр—Агѣево; (срв пéть пóне^iк—ib.); кóрям былá бальнá (= кóрью)—Зубово; с Микалáям—ib.; пóняк ня нóсют—Меркулово (Тумск. вол.); шэзь уривян [2])—Бѣльково; (Киструсъ Спасск. у.); мнóуа дéнях—Нармушадь; цэ́ряс два уóдика—Ерахтуръ; Борки; у́рéмям (= временемъ)—Нармушадь; капéяк—Шостья; цэ́ряф (= червь)—Ярыгино; чáям пайть—Ул. Гора; ходют в Зуя́ф (= въ Зуево)—Бѣльково; сваи́м баславлéньям—ib.; фсѣ сéмьде^iсят—ib.; я ни дăхажу́ да пѣсян—ib.; (но и: вóт ŏн и вéцыр—Китово); в Успéньяф день—Ивановское; пéть капéяк—Праватарово; (но: пóме^iр—Парахино); с Аньдрéям—Фомино; дѣлăм—Алексѣево; ку́плян (прич.)—Мягкова; сюда же принадлежатъ безчисленныя формы глаголовъ наст. (буд.) времени, гдѣ мы имѣемъ звукъ *а* (*'а*) изъ *е* или *и*:—аш (—'аш),—ат (—'ат),—ам (—'ам) вмѣсто—еш,—иш,—ет,—ит,—ем,—им во 2 л. ед. ч., въ 3 л. ед. ч., въ 1 л. мн. ч. и въ 3 л. мн. ч. (иногда). Объ этихъ формахъ мы тоже говорили выше по поводу долгихъ гласныхъ звуковъ [3]). Здѣсь мы скажемъ, что такихъ формъ безчисленное множество въ нашихъ говорахъ и со звуками *не долгими*, т. ч. долгота является по преимуществу въ нѣ-

---

[1]) Сравни въ др. русскихъ грамотахъ: да промежъ Микулкина Высокого *врагомъ* спорной деревни, а изъ *врага* на двѣ ели, да черезъ рѣку въ *вражокъ*—АЮ. № 8. (1498—1505 г.); по изгороду да по *врагъ*, да *врагомъ* въ рѣчку,—ib. № 75. (1494 г.); № 410 (1472 г.): *врагомъ* ручаемъ, вверхъ *врагомъ* и мн. др.

[2]) Сравни въ Смолен. Грамотѣ 1229 г: гривьнъ и гривенъ—Рус.-Лив. А. Стр. 422 и мн. др.

[3]) Срв. *Шахматова*. Изслѣд. въ обл. р. фон. Стр. 80. (Здѣсь предлагается объясненіе фонетическое). Въ другомъ мѣстѣ *Ш.* какъ будто измѣнилъ свой взглядъ: изъ формъ плача—3 л. ед. ч.—плачатъ, откуда—плачаш—2 л. ед. ч., но, кажется, напрасно.

которыхъ говорахъ (см. выше), и то потеряла свою обязательность, т. е. не обязательно имѣется на-лицо. Дадимъ нѣкоторые примѣры формъ *съ не долгими* гласными: мы уш зна́ям—Антоново Кас. уѣзда (здѣсь мнѣ встрѣтилось это произношеніе *въ первый разъ* на продолженіи моего пути); ана́ вы́ткят—ib. (Кажется, Ибердусовской волости и прихода); бу́дят—Жданово; сы́пят—3 л. ед. ч., вы́льяш—2 л. ед. ч.—Забѣлино; приде́т да ля́жат на брюха-та—Бѣльково; за жыниха́ гада́ят—3 л. ед. ч.—ib; хӑрашо́ сѣ́яш—2 л. ед. ч.—ib.; траву́ по́лям—1 л. мн. ч.—Китово; руко́й во̆т тире́бям 1 л. мн. ч.—ib; мѣ́ры три ни сѣ́ям—1 л. мн. ч.—ib.; мо́жыть дьвѣ мѣ́ры-ти нӑкало́тяш—ib.; тады́ бу́дям яво́ пӑд до́шш—ib.; дѣлям—1 л. мн. ч.—ib.; номе́лям—1 л. мн. ч.—д. Китово; пӑкупля́ям—1 л. мн. ч.—ib; ни пъкупа́я̆м—1 л. мн. ч.—ib.; фсѣ пънӑдява́ям—1 л. мн. ч.—ib; пӑбраса́ям—ib.; сѣ́я̆м, по́ля̆м, со́дям, пъсо́дяш, пӑсте́лям, кало́тям, сни́мям, нӑмата́ям, вы́ткям—1 л. мн. ч.—Чарусъ; вы̆шшаш (=вы́сушишь)—Чарусъ; пало́жам, мо́цам, сте́лям—ib.; даже: мать пла́цать—3 л. ед. ч. (—ть, а не—тъ)—ib; пшана́ пӑтсыпа́ям—ib.; гдѣ цаво́ зало́жаш—2 л. ед. ч—Ивановское; а то и симяна́ ино́й рас не[i] сни́мяш—ib.; пла́цаш—2 л. ед. ч.—Ветчаны; ска́жӑт—3 л. ед. ч.—ib.; куды́ но́сӑм ля́жӑт (башмо́к)—ib.; мяки́нки пӑтсы́пяш—ib.; зацəм хо́дям? На будьня̆х кӑк нибўть сходям—1 л. мн. ч.—Горы; сами па́шам—1 л. мн. ч.—Андроново, Малахово; напи́шаш—2 л. ед. ч—Давыдово; ня ста́няш—ib.; сам пра ся́ ска́жаш—2 л. ед. ч.—Семеино; съ табо́й уш ня бу́дяш и ўвӑри́ть—Катово; лён по́лям—1 л. мн. ч.—Акулово; в ўря́тки сажа́ям—1 л. мн. ч.—ib.; хто́ ня любят—3 л. ед. числа—Акулово (Китов. вол.); по́жы̆ли, бай, бу́дя̆т: пара́ пъмира́ть—Расторгуево; (ў) ўро́п пало́жаш—2 л. ед. ч.—ib.; дру́х па дрўўа хо́дям—Зубово; ня ста́ням—ib.; зна́яш—2 л. ед. ч.—Бычково; мы сами ня зна́ям—Чуфилово; заро́ям—1 л. мн. ч.—Бычково; из Ту́мы-ти ј́ідям—Норино; (=ѣдемъ); упу́стяш; бро́сят, бу́дят—3 л. ед. ч.—ib.; пасо́дят—3 л. ед. ч.—Андроново; и мн. др. [1]).

---

[1]) Сравни такія произношенія въ блр. нарѣчіи: по́сляй (срв. ниже у насъ: ра́не[і]й) яны пое́хали до хаты, ажно́ бачиць, што далеко *ходзяць* свиньня... Гродн. губ. и уѣзда. *Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 185. № 87. Якъ ты будзяшъ биць яго—ib. Минск. губ. Стр. 186. № 88 и друг.

Мы думаемъ, что этотъ звукъ въ глаголахъ такъ называемаго перваго спряженія образовался фонетически, а въ глаголы второго спряженія перешелъ изъ глаголовъ перваго: дѣйствительно, глаголовъ *собственно* второго спряженія въ современныхъ народныхъ говорахъ почти нѣтъ; тѣ глаголы, которые мы приводимъ ниже, съ произношеніемъ почти московскимъ, представляютъ изъ себя только по звукамъ сходство со вторымъ спряженіемъ, на самомъ дѣлѣ они—перваго спряженія, но со звукомъ e^{i} въ слогѣ послѣ ударяемаго и въ закрытомъ. Такое произношеніе извѣстно и нашимъ говорамъ.

Ниже мы даемъ рядъ примѣровъ, представляющихъ отступленіе отъ вышесказаннаго, именно, примѣры звуковъ e^{i} и *i* какъ въ глагольныхъ формахъ, такъ и въ именныхъ, на мѣстѣ разсмотрѣннаго выше звука *а* (*'а*) въ закрытыхъ слогахъ послѣ ударяемаго.

Примѣры звука e^{i} и *i* въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго изъ *е*, *и*, ѩ, ѧ: зна́е[i]м—1 л мн. ч.—Ерахтуръ Касим. у.; бу́де[i]т—Данево; надѣ́не[i]т—ib; хвата́је[i]т—Бѣльково; выкупа́је[i]т—ib.; снима́је[i]м—Китово; зӑцына́је[i]ш—ib.; пъкупа́је[i]м—Урядино; ка́к зӑтира́је[i]м-тў?—Чарусъ; бу́дит—Ветчаны; прiѣ́дит—ib.; хляба́им—ib.; су́хиньких шшэ́ц хляба́иш—2 л. ед. ч.—ib.; бля́ва́ть ҫё (=всё) тсе́нит (=тянетъ)—3 л. ед. ч.—ib.; сил ни хвата́ить—3 л. ед. ч.—Рогачево; иγра́иш—2 л. ед. ч.—ib.; хтѐ ji зна́ит!—Горы: (ji=её или ё=его—ео—ёо—ё); иγра́им, ӑсярьца́иш, сѣ́иш, по́лиш, сте́лиш—Снохино; хлѣ́бушка бу́дит—Агѣево; бу́дим, зγряба́им—1 л. мн. ч.—Праватарово; ў кало́де[i]с бу́хне[i]ш—Ерахтуръ, вы́пье[i]ш—2 л.

Мы можемъ свой списокъ еще дополнить: сами но́сям—1 л. мн. ч.—Дмитріево, купля́ям—1 л. мн. ч.—Акулово, вы́нйсяш—2 л. ед. ч.—ib. (даже въ 3-мъ слогѣ *часто* явственно): фҫя рабо́тӑям—1 л. мн. ч.—Парахино; мужӑт ня лю́бят зна́ть—ib.; бу́дят, пи́шат—ib.; у мя́ ў адно́й ня ло́хка (=ловко) бу́дя̄т—ib.; нихто ни ска́жа̄т—ib.; здѣсь мы видимъ большею частью долготу гласнаго. Хо́ѳям—1 л. мн. ч.—Астахово; жа́рям—1 л мн. ч.—Парахино; хо́ја̄т—3 л. ед. ч (=хо́дитъ)—Парахино; как пъгавѣ́ям—ib.; ра́зя ни умѣ́яш—ib.; кра́ҫям—1 л. мн. ч.—ib.; ѣ́зьдям—Вельково; ко́ҫям, ҫѣ́ям, ѣ́з[жъ]дям—Алексѣево; рибя́т кърау́лям—Волчково; ко́сям, ко́сят—3 л. ед. ч. (ко́сют—3 л. мн. ч.)—Ламакино; сами́м ни хвата́ят—3 л. ед. ч.—Бѣлясево. См. ниже.

ед. ч.—Бѣльково; зна́jеⁱть, папа̀неⁱть (=попадётъ)—с. Китово; нӑцына́jеⁱть—ib.; нӑцына́jеⁱш—ib; пӑтряпа́им—1 л. мн. ч.—Шостья; зна́jеⁱть—3 л. ед. ч—Киструсъ Спасск. у.; (Ерахтуръ Касим. у.); быва́jеⁱть—Ижевское Спас. у.; цэй бу́деⁱш?—ib.. Какъ видимъ, такимъ произношеніемъ отличаются попреимуществу глагольныя формы отъ глаголовъ на—аjе,—аj̯е—; глаголы, имѣющіе этимологическое *е* послѣ согласнаго *рѣже* превращаютъ это *е* въ поударномъ слогѣ въ *е*ⁱ или *і*. При этомъ глаголы на—аjе—звучатъ въ приведенныхъ выше формахъ такъ, что слышится между гласными *а* и *е*ⁱ элементъ j, чего мы не замѣчали при сочетаніяхъ: *аэ* съ *э* открытымъ (см. выше), и чего также не наблюдается въ томъ случаѣ, если этимологическое *е* переходитъ въ *і*, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ согласнаго, но этого j не слышно и послѣ гласнаго передъ *і*. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ рефлексами различныхъ старыхъ образованій и произношеній: если предположить, что въ древнѣйшую пору были глаголы съ сочетаніями—аjе—и—аj̯е,—то изъ первыхъ мы получаемъ въ своихъ говорахъ—аjеⁱ—аи,—а изъ вто̀рыхъ:—аэ,—аjеⁱ,—но не переходящее въ—аи;—изъ вторыхъ-же съ теченіемъ времени развилось:—аӓ,—аа,—а; послѣ согласныхъ:—е, которое давало въ однихъ говорахъ—еⁱ, въ другихъ—еª, откуда черезъ ӧ, ӧª наконецъ—а (’а). Съ теченіемъ времени все это перекрещивалось между собой, и въ настоящее время можно лишь констатировать типы: пъкупа́jеⁱш и пъкупа́иш—2 л. ед. ч.; зна́jеⁱть и зна́ить—3 л. ед. ч.; съ другой стороны: рабо́таэм и рабо́таjеⁱм, далѣе: рабо́та̄м; (особенно слышны растянутые гласные здѣсь ближе къ Елатомскому уѣзду Тамбовской губерніи, а въ Касимовскомъ уѣздѣ: въ Шостьѣ, Ерахтурѣ, Чинурѣ, Ярыгинѣ—къ сѣверо-востоку); далѣе: бу́дет—бу́деⁱт—бу́деªт—бу́дёт—бу́д’ат.... Оттѣнокъ между *е*ⁱ и *и* все-таки слышится, и мы думаемъ, что тамъ, гдѣ не было j, тамъ было *е*ⁱ, не *і*, а тамъ, гдѣ былъ j, онъ превратилъ *е*ⁱ въ *і*, такъ что, если мы имѣемъ формы съ—аjеⁱ—при—аэ,—то онѣ представляютъ лишь образованія по аналогіи, занесенныя изъ глаголовъ съ—аjе—аjеⁱ—аjи—аи. Мы привели ихъ лишь потому, что онѣ теперь слышатся кое-гдѣ, напр., въ литературномъ нарѣчіи, гдѣ одинаково скажутъ: и рабо́тъjеⁱм, и рабо́таим....

Звукъ *е*ⁱ и *и* является въ нашихъ говорахъ не только въ глагольныхъ формахъ на мѣстѣ ожидаемаго, согласно съ предыдущимъ, *а* (*'а*) именно, вм. *е*, *ь*, *ѣ*, *ѧ* старославянскаго языка или, лучше сказать, вм. этимологическихъ: *е*, *ѣ*, *я* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго: затóнеⁱц—Киструсъ Спас. у.; рáнеⁱй—сравн. ст.—Ижевское; вóсеⁱмь—Ерахтуръ Касим. у., уцы́теⁱль—Борки; калóдеⁱс—Ерахтуръ; ӯлеⁱй—Нармушадь; малóдеⁱнькяй—ib.; трӯтеⁱнь—ib.; падьлѣ́ цасóвеⁱньки—ib.; памѣ́сеⁱцна—ib.; па манéнеⁱцку—Шостья; па ѳéсить—ib.; ӯ калóдеⁱц—ib.; óсеⁱнь—ib.; за пéцый—тв. п. ед. ч. (=за печью), грúвеⁱньник—ib.; кáмеⁱньщик—Чинуръ; вёрст дéсеⁱть—Брѣево; мѣ́сеⁱц—Гус. Погостъ; с мáтеⁱрью—Дмитріево; асéннеⁱй—род. п. ед. ч. ж. р.—Данево; па кӯпчеⁱй—Гус. Погостъ; за цасóвеⁱньку—Бѣльково; вот какáя мéлеⁱнькā (рыба)—д. Китово; пăцыжэ́леⁱй, он патóнит—ib.; хлѣ́беⁱц мăлатсúть—Ивановское; (Срв. карьмúляц—Чарусъ. Сúрят пóла (=середь—середи)—с. Китово); далѣе: дúвирь—Ветчаны (изъ дѣверь?), цэ́тьвирьть—ib.; глӯпинькюю, па гóринки—дат. п. ед. ч.,—пéрьвинькяя, дéник нѣ́т, Таӯсинь, мѣ́сиц—ib.; хрястúтиль—Борисково; дéсить—Катово; дéвить—Семеино; дéçить, дéвить—Андроново; три цэ́тьвирьти, вúтьцки бéлиньки—Давыдово; ивáнуилья—Семеино; ѳúвирь бы́л—ib.; на сúлу вы́деⁱрнула—Бычково; руп дéник—Шаранина; петь пóнеⁱк—ib. (срв. пóняк—Меркулово Тум. вол.); вы́деⁱрнули—ib.; карьмúлеⁱц—Давыдово (срв. выше); (срв. многа дéнях—Нармушадь); рáнеⁱй шэ́зь гривян платúли—Бѣльково (и Киструсъ Спас. у.); мáслеⁱнки (грибы)—Ерахтуръ; сéмь трóеⁱк—ib; сѣ́мицка—род. п. ед. ч.—Шостья; вéчеⁱр—Ул. Гора; вéцыр—Китово; у мя́ хязя́ин пóмир—Урядино; (срв. выше—пóмяр); но: брáт ӯмяр—Чарусъ; мацэ́ньцы́х-ти? (=мочéнцевъ то? Срв. выше: цалкóвāх—род. п. мн. ч., дварóх, кàпляф—и проч)—род. п. мн. ч.—Ивановское (Ветчан. волости) [1]); здѣсь мы видѣли звуки *а*, *'а*, *е*ⁱ, *і* (*ы*) изъ основныхъ: *е* (*ь*), *ѣ*, *ꙗ*, *ѧ*, *и*. Звуки *е*ⁱ и *і* являлись преимущественно *передъ мягкимъ* согласнымъ въ за-

---

[1]) Сравни говоры Китовской, Забѣлинской (Погостинской), Шостинской, Ерахтурской волостей, гдѣ особенно замѣтна пѣвучесть въ говорѣ: изъ мѣры карыт дéвять—Забѣлино: (см. текстъ); лéбять—Зубово; вдругóрать—Катово.

крытомъ слогѣ, какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ [1]), какъ и вообще въ большинствѣ акающихъ говоровъ, но въ нашихъ говорахъ это далеко *не всегда*, и мы видѣли довольно часто звукъ *'еᵃ*, *'а*, рядомъ со звукомъ *'еⁱ*, *і передъ твердой* согласной въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ, видѣли также звуки *'еᵃ*, *'а* рядомъ со звуками *'еⁱ*, *і* въ закрытомъ неударенномъ слогѣ *передъ мягкой* согласной: гри́вян, де́нях, гри́веⁱн, де́ник; пла́цать—3 л ед. ч. и тру́теⁱнь, зна́ить... Изъ этого мы заключаемъ, что наши говоры въ значительной степени представляютъ образцы *смѣшанныхъ*, но не чистыхъ говоровъ.

Для сопоставленія приведемъ данныя изъ блр. говоровъ, гдѣ мы видимъ или разницу, или полное сходство съ данными, только что приведенными изъ нашихъ говоровъ. Будемъ опять слѣдить только за поударнымъ закрытымъ слогомъ, въ которомъ стоятъ основные: *е* (*ѣ*), *о*. *а*, ѩ, ѧ, *и* (или, какъ сказано выше, осн. ъ, ь): гро́шай—Шейнъ. II. 186 (срв. выше у насъ: на́шай); подъ по́лымъ (срв. наше: лѣ́тӑм и друг.)—Шейнъ. ib. 233; ў го́рыдъ (срв. наше: ʸорӑт—Рогачево; вы́нӑс и друг.)—Шейнъ. ib. 234; за́ецъ (срв. наше: мѣ́сяц и мѣ́сиц и друг. выше)—Шейнъ. ib. 235; хо́читца, ве́сило...—ib. 380. 381. (наше: хо́цца, че́тьвиро—Дмитріево и друг.); ко́лишь - Шейнъ. ib. 544. (наше: сте́ляш и сте́лиш—выше); на́дыть—ib. 548 (надскѣ—Грам. 1229. Сп. А., Новг. Грам. 1265 г. (Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. № 1) и мн. др., срв. наше: на́дӑть—выше; и мн. друг., напр., въ Грамотѣ 1490 г.: надобѣ при надабѣ—АЮ. № 5).

Теперь я перехожу къ звуку *а* (*'а*) изъ *и*, большею частью, въ суффиксѣ—ик,—ин,—но и въ глаголахъ вмѣсто тематическаго *и*. Этой особенности опять я почти не встрѣчалъ въ южно-рязанскихъ говорахъ, а здѣсь она распространена. Примѣры: паво́йняк—Андроново, Малахово Касим. у.; уря́дьняк—ib.; ку́рьняк—Парахино; хазᶻя́ян цара́ каси̮л—Астахово Парахин. волости (=хозя́инъ вчера́ коси́лъ); ба́рян—д. Жданово. При этомъ: миня́ пако́ял—Логино Тум. волости. Срв. до́неⁱл—Куземкино Ерахтур. волости. (На югѣ губерніи

---

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 10. 22. 23. 30. 31. На югѣ Рязанской губерніи говоры становятся сильно акающими, а сѣверно-рязанскіе говоры лишь заимствовали свое аканье и яканье.

почти всегда: по́нял, до́нял и под...[1]). У́фторьник про́лял до́ш— Деревенское Спас. у.; жэ́сьтяю—тв. п. ед. ч.—Шостья Касим. у.

Наконецъ, *а* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго въ членѣ, гдѣ онъ звучитъ (звукъ *а*) вообще такъ же неопредѣленно, какъ и въ большинствѣ выше разсмотрѣнныхъ нами случаевъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что эта звуковая неявственность или неопредѣленность лишь относительная: мѣстами слышится ясно *а* (*'а*), мѣстами не совсѣмъ ясно, и потому въ предыдущихъ примѣрахъ я обозначалъ неопредѣленность гласнаго знакомъ краткости (˘) надъ нимъ; гдѣ нѣтъ такого знака, тамъ звукъ слышался мнѣ яснѣе. Говоря объ этомъ звукѣ *а*, я опредѣлилъ его мѣсто *въ членѣ*, но это, конечно, условно: было бы мало вѣроятія въ предположеніи, что этотъ гласный звукъ представляетъ собой остатокъ *тематическаго* гласнаго имени, хотя такое предположеніе возможно и высказывалось. Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: Ви́ш, он са́д-ăт—Нармушадь Касим. у.; ăстава́еⁱтца во́ск-ăт, он яво́ жмётъ: во́ску-ту мно́ӯă—ib.; чялно́к-ăт—Дубровка, Гиблицы; пло́х-ăт, всхо́д-ăт—Бѣльково; ради́тцы у нас хлѐб-ăт—Китово; ру́пь шызьдеⁱся́т за го́д-ăт—Урядино; наш до́м-ăт—Чарусъ; ӯбра́д-ăт я ня по́мню—Рогачево; я бы ди́сьтяры́м рăздяли́ла пу́д-ăт—ib.; хлѐба ма́ла уража́й-ăт—Горы; да што́ о̆н, му́ж-ăт—Зубово; онъ ба́рин-ăт мяня́ пъжалѐя—3 л. ед. ч.—Давыдово; „как твóй-ăт сы́н—сыно́к бѐшăнай"—Семеино; он тяпе́рь до́ма му́ж-ăт—Катово; в до́м-ăт сто́-та рубле́й му́ж-ăт пришлѐ—3 л. ед. ч.—ib.; д'ыть о́н сы́н-ăт пайдѐ—Шаранина; он ни пришо́л сы́н-ăт—ib.; д'ыть он пріяжжа́я по́п-ăт!—Расторгуево; мо́ст-ăт на Ту́му-ту—Амляшово; мы́'ить наро́д-ăт

---

[1]) Срв. *Шахматовъ*. Изслѣд. Стр. 209—210. Произношенія нашихъ говоровъ: три́тцăть, два́тцăть и под. мы видѣли уже выше. Срв. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 21—22: вы́пял, по́лял, спо́рял.., Стр. 20: пирявбо́риᵃм—1 л. мн. ч. Стр. 18: хто ста́нятъ... Ркп. № 127. 1683 года. Переходную ступень къ вышеприведеннымъ произношеніямъ изъ нашихъ говоровъ мы имѣемъ въ муромскихъ: ба́рен, поста́вел (срв. наше: ба́рян, пако́ял), поло́жел..... См. *Колосова*. Замѣтки... Указ. соч. Стр. 311—312. «Сказка о злущей волшебницѣ». Срв. формы множ. ч. въ открытыхъ слогахъ: ѣздели, видяли... *Колосовъ*. Ib. 147. Пѣсня изъ Олонецкаго края. Срв. *псковское*: во́ен и т. п.

ни уцо́нӑй—Зубово; ӑдьдѣ̆лйл он на́с атѐц-ӑт—Чуфилово; „нас Бо́ɣ-ӑт нӑрадйл, дӑ ни ɣɣадйл“—Бычково; двухъята́жнай до́м-ӑт—Немнясево; зипу́н-ӑт—Норино; на́ш-ӑт ба́тюшка ня пьё—Праватарово; сы́н-ӑт—Фомино; он адйн-ӑт рабо́тьник у мя́—Астахово; „Дйди Ла́дуу́н-ӑт игра́ля: э́та ђѣла фçё забы́та“!—Парахино; харо́шай ко́нь-ӑт—Ахматово; ɣаспо́ть пасла́л другóй хлѣ̆б-ӑт—Алексѣево; мы ј́их купля́ям тава́р-ӑт—Акулово Китов. волости.

О членѣ см. ниже, въ Морфологіи. Что касается двухъ послѣднихъ явленій, то ихъ мы имѣемъ довольно часто и въ другихъ говорахъ: первую въ южно-великорусскихъ по преимуществу, вторую въ сѣверно-великорусскихъ тоже по преимуществу [1]); такой членъ извѣстенъ и въ древне-русскомъ языкѣ, особенно въ языкѣ Лавр. списка лѣтописи [2]). Соболевскій отмѣтилъ произношеніе: иж̄жа́рянъ, а́ньялъ (*я* изъ *е*) въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Сравни у насъ выше: ку́плян, вино́вян, ка́пляф, но: де́ник при де́нях, по́ник при по́няк, по́мир при по́мяр и у́мяр и проч Изъ остатковъ формъ члена Соболевскій приводитъ только изъ Печорскаго края [3]) такую форму, какую мы видѣли въ нашихъ говорахъ повсемѣстно, но намъ извѣстна эта форма и изъ другихъ сѣв.-влкр говоровъ [4]). Напр., въ др. русскомъ: холмътъ—Ипат. лѣт. л. 60. столб. 1. (фототипич. изд.); срв. въ Лавр. сп.: холмотъ—л. 49. Въ Олонецк. говорѣ: Да вальякъ-отъ литый красна золота—Гильфердингъ. Онеж. был. Столб. 1062 и др. Москвичи также, даже образованный классъ, въ прежнее время говорили такъ: у Фонъ-Визина въ томъ говорѣ, которымъ говорили Простаковы и Скотинины [5]), извѣстенъ былъ такой членъ: перёдъ-отъ (Недоросль. Д. III. Явл. 3).

---

[1]) *Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 14 отмѣтилъ: ба́рянъ, но неизвѣстно, въ какой мѣстности. Срв. мою брошюру: «Главн. черты народн. р. говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 29.

[2]) См. ниже примѣры.

[3]) *Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 24.: хлѐбо-тъ.

[4]) Срв. выше въ говорѣ Каз. губерніи и въ Ярославской губ. Даль. О нарѣчіяхъ. LVI. XLVIII. Въ Тверской губерніи: человѣкъ—отъ и проч.

[5]) Этотъ говоръ зналъ и мѣну *ф* на *х*: арихметика. Простакова о своемъ языкѣ говоритъ: « *по здѣшнему* сказать». Д. II. Явл. 5.

Крыловъ въ своихъ Сатирическихъ журналахъ пишетъ такъже [1]), въ басняхъ—тоже [2]); Грибоѣдовъ тоже [3]). Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ наши говоры представляютъ сходство съ сѣверно-великорусскими, но умѣренно-акающими; что-же касается глагольныхъ формъ на-*'ат*,-*'ам*,-*ат*,-*ам*, то здѣсь наши говоры приближаются тѣснѣйшимъ образомъ къ говорамъ бѣлорусскимъ Минской и Могилевской губерній. Мнѣ думается, что среди древнѣйшихъ русскихъ говоровъ находились и говоры умѣренно—акающіе, которые помѣщались, вѣроятно, въ серединѣ говоровъ окающихъ и говоровъ, ставшихъ впослѣдствіи сильно акать. Такіе говоры мы можемъ назвать переходными не въ этнографическомъ, а въ историческомъ смыслѣ [4]).

---

[1]) Напр., въ журналѣ: «Зритель». Спб. 1792 г.

[2]) Напр., въ баснѣ: «Лжецъ» (1815 г.): «Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ».

[3]) Фамусовъ—важный московскій баринъ—говоритъ: «И въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ». Д. I. Явл. 2. (Булгаринская рукопись комедіи «Горе отъ Ума». См. *Гарусова*. Горе отъ Ума. Спб. 1875 года. Стр. 225).

[4]) Собственно говоря, мы даже имѣемъ нѣкоторыя доказательства того, что уже въ древности, гораздо ранѣе XIV вѣка, нѣкоторые говоры знали звукъ *о* склонный къ *а* или настолько открытый, что переписчики иногда ошибались и ставили начертаніе *а* вмѣсто *о*: такія написанія, какъ: Воню обанѧвъша мѵра ис тебе—Сент. Минея 1095 г. л. 173-а. (Ягичъ. Минеи. 230), я объясняю себѣ существовавшими въ языкѣ произношеніями въ родѣ: обнавлѧѥми быхомъ—Изборникъ 1073 г. л. 9а, горькыѩ свобаждѧвъшоу работы—л. 37 с. ѩко затварѧете—л. 44 б. ѥдинъ бо бъ можетъ праштати грѣховъ—л. 45 а. праштаѥть—3 л ед. ч.—л. 45 с. помагаѥть—3 л ед ч.—л. 45 d. помаганиѥ—л. 45d. омакаѩ—л. 51b. отънемагаютьсѧ—3 л. мн. ч.—л. 52а. възгараѩсѧ—л. 53d. и мн. др., гдѣ мы видимъ это *а* въ «многократномъ видѣ» глаголовъ. Срв. въ Минеѣ XI—XII в.: *багатьно*—*Срезневскій*. Др. п. р. п. и яз. (Изв. А. Н. Х. вып. V. Стр. 442. 443). Тріодь Постная XII в.: поганѧѩ—ib. 450. Псалтырь 1296 г. поганѧѩи—л. 65. помагаѥть—л. 105 об.—*Буслаевъ*. Матеріалы для исторіи письменъ. Юбилейное изданіе Моск. У—та. 1855 года. и др. Было бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильнымъ толкованіе этихъ и подобныхъ написаній въ *древне-русскихъ* памятникахъ, какъ сохраненіе въ живомъ языкѣ русскомъ чередованія *о—а* въ глаголахъ однократнаго и многократнаго вида. Кажется, что эти написанія въ памятникахъ *русскихъ* могутъ свидѣтельствовать собой вообще начало расширенія звука неударяемаго *о*, независимо отъ значенія глагольной формы;

§ IV. Перехожу теперь къ звукамъ гласнымъ, по преимуществу къ звуку *а* нашихъ говоровъ, въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго слога къ началу и къ концу слова. Выше въ разныхъ мѣстахъ мы, приводя примѣры на произношеніе гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слогахъ, сосѣднихъ съ ударяемымъ, видѣли также и произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно можно видѣть, что гласные въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, звучатъ, большею частью, *неопредѣленно*, то съ большей, то съ меньшей ясностью качества звука: по обозначеніямъ этихъ гласныхъ на письмѣ мы видѣли, что надъ ними въ большинствѣ случаевъ стоитъ знакъ краткости (˘), а иногда они обозначались нами и знаками *ъ* или *ъ*. Вообще, можно сказать, что качество такихъ гласныхъ еще менѣе опредѣленно, чѣмъ качество гласныхъ въ сосѣднемъ съ ударяемымъ слогѣ закрытомъ послѣ ударенія, но отсюда надо исключить звукъ *ӑ*, стоящій въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ и происшедшій изъ основного *а* или *о*; этотъ *ӑ* звучитъ всетаки, большею частью, настолько близко къ чистому *а*, что его обозначать знакомъ *ъ* обыкновенно приходилось только тогда, когда онъ находился *не въ началѣ слова* а *послѣ согласной*, но и здѣсь, какъ мы видѣли выше, бываютъ варьянты въ произношеніи. Яснѣе другихъ въ такомъ положеніи звучитъ звукъ *у* и въ началѣ слова, и послѣ согласнаго. Итакъ, звуки ряда *а—о* даютъ въ означенномъ положеніи *ӑ—ъ*, звукъ *у* остается яснымъ, а звуки ряда *'а—'е* даютъ звукъ, близкій къ *і*, почти *і*; самъ-же звукъ *і* въ означенномъ положеніи остается яснымъ. Звукъ *е* послѣ шипящихъ и *ц* въ большинствѣ случаевъ даетъ звукъ *ы* или *ы̆* (менѣе ясное), какъ увидимъ изъ примѣровъ, между тѣмъ

сравни: оубогъри нб҃са—Сильвестровскій Сборникъ до 1350 г.—*Срезневскій*. Др. п. (Изв. А. Н. Х. вып. VI. Стр. 651). Мы уже не говоримъ о собственныхъ именахъ въ родѣ: Олексию (Жит. Нифонта 1219 г. Запись), *О*нтонъ, Лазоръ (Посланіе Симона XIII в., Поликарп. Ев. 1307 г. и др.) и о памятникахъ XIV и позднѣйшихъ вѣковъ. Съ другой стороны, мы видимъ слѣдующее: видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подроузѣ ѥго изламана—Сильвестров. списокъ сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ XIV в. л. 137. b. *Срезневскій* Спб. 1860 года. Сравни наше южно-великор. изла́манъ, сла́манъ и т. п.

какъ во второмъ слогѣ, въ предударномъ, этотъ звукъ въ означенномъ положеніи обращается въ нашихъ говорахъ, какъ мы видѣли выше, въ *а* (чаще) и въ *ъ* (рѣже).

Приведемъ нѣкоторые примѣры на произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія. Атьвѣ́дай кутéйки па мăладéньцу—Киструсъ Спас. у; ỹ пăне^iдѣльник—Деревенское Спас. у., пă*у*лядúтя—Ижевское Спас. у.; *у*ры̆бава́ даска́—Ерахтуръ Касим. у.; пълуцы́ла—Шостья; гы̆варя́ть—3 л. мн. ч.—ib.; хляба́ хърашы́—ib.; пăшана́—Ерахтуръ; пăшанúца—Нармушадь; пăлаткáми (=платками)—тв. п. мн. ч.—Уланова Гора; блины́ ис пшана́ рăжаны́я—Чарусъ; пăшана́ насы́пют—Ветчаны (Истомино); „кăравáтка смăшана́“ = смощена́—Таусень—ib.; он вăдавóй (=вдóвый)—Чуфилово; пăхристóскаимся 1 л. мн. ч.—Праватарово; нăцына́е^iть—3 л. ед. ч., нăцына́е^iш—2 л. ед. ч.—Китово; пăцыжэ́ле^iй—д Китово; припомнимъ также произношенія: с кра́сниньку́й’ з бума́шкуй—Шостья; з завя́зăнуй галóушкай—ib.; „рăстяря́хи—пăднявѣ́стицы“—Нармушадь; пăне^iсьлú—Шостья; зăпле^iтéна—Гус Погостъ; Авдакúм—Лѣсново, малашну́ю (=мелочну́ю)—д. Китово; ăтраúлси, ăбяшшáлси—Ерахтуръ; абламúлси—Данево; истамúлси—ib.; урадúлась—Чарусъ; пле^iмяшы́—Ижевское Спас. у.; Ерахтуръ Касим. у.; па пьтацку́—Шостья; јиравы́ји-ти—Лѣсново; либе^iдúная—Данево; в јиравóй жнитвѣ́—ib.; скипятúш—2 л. ед. ч.—Забѣлино; апшывны́я сáни-ти—Чарусъ (=обшивны́я); абвянцáли—Ерахтуръ; надiю́т—3 л. мн. ч. (=надѣваютъ)—Дмитріево; адява́ютца—Ерахтуръ; адява́ла (=одѣяло)—Антоново; сирябра́—Ул. Гора; пе^iряшы́та—ib.; т^cиряму́—Дмитріево; привязу́т—Гус. Погостъ; ве^iцару́шную пѣсьню—Бѣльково; зáмужъм—Ул. Гора и зáмъжăм—Чарусъ; глаголы такъ-же, какъ и выше: дéрьгае^iм—1 л. мн. ч. и свя́зъваям—1 л. мн. ч.—Китово; пéрид зáганьём (sic!)—Гус. Погостъ; *послѣ шипящихъ и ц*: ф цытьвярóм—Бѣльково; жынихóф пóје^iст = поѣздъ—Нармушадь; ж жынихóм—Дмитріево; шылухú—Забѣлино; жыре^iбья́—Бѣльково; ж жыниха́—Шаранина; жыниха́ *у* бáни памóют—3 л. мн. ч.—Фомино (Парахин. волости). Остальное—,какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ. Замѣтимъ еще: пиринéцык—Катово Тум. край; пьринéцык—Ло*у*ино тоже въ Тумскомъ краю (версты 4 обѣ деревни другъ отъ друга); пиряпáхы̆ваиш—2 л. ед. ч.—Снохино ib.; те^iмна*у*нѣ́дая, цы̆лавáть—Ижевское Спас. у., Ерах-

туръ Касим. у.; зилянóва — Ерахтуръ; цылаэк — Шостья; сеiлеiзéнь — Данево; шызьдеiсят — Дмитріево. Насчетъ такихъ словъ, какъ Авдакúм (Лѣсново Касим. у.), Апрасúнья (Шаранина), Алдакúм (Дубровка), Илдакúмаф (Дубровка), а равно: исинью́ (=осенью́)—Урядино и под. замѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. и въ древне-русскомъ мы имѣемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ звукъ *о*: Ѡфросинья—крестъ кн. Евфросиньи Полоцкой 1161 г. (*Срезневскій*. Др. п. Изв. А. Н. X. II. Стр. 101. Памятникъ Галицко-волынскій?); Овдокúмъ—АЮ. № 11. Омѣльянъ—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 177. Наше: Меальянáм—твор. п. ед. ч.—Парахино Касим. у.—съ отпаденіемъ начальнаго звука *о—а*. Такія формы, какъ вышеприведенное *Илдакúмаф*—Дубровка Касим. у.—должны объясняться изъ основного **Еiвдакúмовъ* со звукомъ *е*i закрытымъ, развившимся въ извѣстной группѣ говоровъ; а такія формы, какъ: Овдокúмъ, Авдакúмъ... изъ основныхъ формъ, со звукомъ *е*а открытымъ. „Исинью́“ — Урядино—изъ **еiсенью́*, а южно-ряз. „асинью́“ изъ **еaсенью́*. Я полагаю, что въ русскихъ нарѣчіяхъ діалектически могли быть извѣстны формы: ѥсень при осень [1]). Но въ пѣснѣ мы имѣемъ и: „*иглянýлась я назáт*“—дер. Китово.

Такимъ образомъ, въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго мы видѣли звуки: ă, ъ, еi, і, ь, у, ы ы̆, изъ основныхъ: о, а, е, ꙗ, ѧ, и, у.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, гласные звуки въ ихъ зависимомъ положеніи относительно ударенія и ударяемаго слога, мы видѣли, кàкъ рефлектируются въ нашихъ говорахъ основные гласные звуки: *а, о, ъ,* ꙗ, (ѧ), *е, ь, и, ѣ*; мы видѣли вмѣсто нихъ въ нашихъ говорахъ звуки ā и ă, ди-

---

[1]) *Шахматовъ*. (Изслѣд... Стр. 5—6) полагаетъ, что еще въ общесл. яз. имѣлисъ діалектически формы: jäsenь при äsenь, образовавшіяся по диссимиляціи со слѣдующимъ *е* изъ jesenь—jösenь—jäsenь. Правда, что изъ формъ *äsenь... (ст.—сл. ѥсєнь) мы можемъ вести формы осень..., но откуда мы должны выводить формы діалект. исиньó?! Для нихъ мы предполагаемъ и въ нарѣчіяхъ прарусскаго языка формы: *jäsenь или, по моему, вѣрнѣе *jesenь со звукомъ еi закрытымъ, который сталъ таковымъ вторично ассимилируясь слѣдующему мягкому слогу—senь. Срв. указаніе *Соболевскаго* (въ рец. на трудъ *Шахматова*) на слово: ѥлово въ ср. болг. памятникѣ XIV вѣка. См. Ж. М. Н. Пр. 1894. (май?). Стр. 429—430. (здѣсь приведена и блр. форма).

фтонги у͡о, ю͡о, і͡е, звукъ *о*, *е* подъ удареніемъ, звукъ ы̄ и ы̆, звукъ й̄ и й̆, звуки, смягчающіе собой предшествующіе согласные: ’а̄ и ’ӑ. Въ общемъ мы можемъ сказать, что наши говоры по своему вокализму представляютъ собой потомковъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ замѣчалось сильное вліяніе мягкаго согласнаго и слога на предшествующій и послѣдующій гласный, т. е. нашъ говоръ принадлежалъ когда-то къ говорамъ группы β, употребляя терминъ Шахматова [1]), и въ этомъ мы видимъ доказательство древности нашихъ говоровъ.

Въ настоящее время въ нашихъ говорахъ замѣчается *скрещеніе* различныхъ особенностей вокализма, распредѣлявшихся, быть можетъ, въ древнее время болѣе послѣдовательно по говорамъ; положеніе нашихъ говоровъ въ центрѣ между акающими и окающими говорами было причиной заимствованій и видоизмѣненій въ вокализмѣ нашихъ говоровъ, но консонантизмъ нашихъ говоровъ, а равно и нѣкоторыя особенности въ произношеніи ударяемаго древняго *ѣ*, будутъ говорить намъ, какъ увидимъ ниже, что наши говоры сложились не изъ тѣхъ элементовъ, которые мы находимъ въ окрестныхъ говорахъ, окружающихъ наши. Такимъ образомъ, это еще болѣе насъ убѣждаетъ въ томъ, что въ зернѣ нашихъ говоровъ кроется какой-то особый говоръ *съ дифтонгами* и *долгими* гласными, между тѣмъ какъ нынѣ, насколько намъ извѣстно изъ опубликованныхъ матеріаловъ по діалектологіи, по близости отъ нашихъ говоровъ нѣтъ въ рѣчи народа ни дифтонговъ, ни особаго *ѣ*, ни тѣхъ согласныхъ, которые мы разсмотримъ ниже. Это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что *аканье* нашихъ говоровъ въ нынѣшнемъ его видѣ есть явленіе позднѣйшее, результатъ вліянія аканья окружающихъ говоровъ, и въ самомъ аканьѣ нашихъ говоровъ мы усматриваемъ слѣды того, что наши говоры были нѣкогда говорами *съ умѣреннымъ аканьемъ*. Въ виду особаго *ѣ* нашихъ говоровъ мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію звука *ѣ подъ удареніемъ*, а въ связи съ нимъ разсмотримъ и тѣ звуки, которые стоятъ въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ древняго ударяемаго *ѣ*.

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдов... Стр. 199—200. У *Брандта* «ёкальскіе» говоры. Этногр. Обозр. 1895. № I. 143.

Такимъ образомъ, слѣдующая глава будетъ посвящена обзору звуковъ *е*, *і*, *і͡е* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. При этомъ намъ придется касаться и звуковъ, являющихся въ нашихъ говорахъ вмѣсто ожидаемыхъ вышеназванныхъ *е*, *і*, *і͡е*.

Глава III-я.

Звуки *е*, *і*, *і͡е* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ эти звуки подъ удареніемъ и для сравненія будемъ приводить примѣры на употребленіе этихъ звуковъ или имъ соотвѣтствующихъ и въ говорахъ прилежащихъ къ Касимовскому уѣзду частей Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Основной звукъ *ѣ* является въ нашихъ говорахъ, конечно, чаще всего такимъ-же, какъ и звукъ *е* подъ удареніемъ, т. е. звукомъ *е* болѣе или менѣе широкимъ и узкимъ, смотря по слѣдующему слогу, и всегда смягчающимъ предшествующую согласную. Звукъ *э* открытый и не смягчающій предшествующую согласную мы видѣли только на мѣстѣ основного *е* (*ѣ*) въ нашихъ говорахъ послѣ *ж*, *ш*, *шш*, *ц* и послѣ гласной *а* въ глаголахъ, не стянувшихъ—аје—въ—аа,—а. Въ прочихъ случаяхъ мы наблюдаемъ въ нашихъ говорахъ полное отождествленіе звуковъ *ѣ* и *е* подъ удареніемъ. Но это не во всѣхъ мѣстностяхъ: есть говоры среди изслѣдуемыхъ нами, гдѣ звукъ *ѣ* основной подъ удареніемъ *звучитъ всегда закрытѣе*, чѣмъ звукъ *е* въ одинаковыхъ положеніяхъ, т. е. приближается къ звуку *і*; въ этихъ говорахъ *даже передъ твердымъ слогомъ* мы находимъ ударяемый звукъ $е^{і}$ или *і* или *і͡е* на мѣстѣ основного *ѣ*, тогда какъ звукъ *е* въ означенномъ положеніи остается звукомъ болѣе открытымъ въ этихъ же говорахъ.

Дифтонгъ іе на мѣстѣ основного ѣ: куды́ іе́ѣдим?—1 л. мн. ч. — Нармушадь Касим. у.; іе́дить—3 л. ед. ч. —ib.; іе́ѣдит—3 л. ед. ч.—Лѣсново; абъіе́щик—Гус. Погостъ (почти какъ „абъје́ⁱщик.“). Срв. бо́ліе ницаво́ — Бѣльково; міе́ру нато́пцу—1 л. ед. ч. буд. вр.—Шаранина; када́ х пе́ц стано́ўим и х'міе́ль—ibid. (хмѣль?); ніе́ту, ніе́ту!—Чуфилово; не сумѣ́ю пе́ⁱсьни піе́ть—Парахино; я бай ніе́т!—ib.; во́çимь міе́р на тˢягло́—Ахматово. Особенно интересенъ этотъ звукъ *въ д. Норинѣ* (Ше́инскаго прихода): здѣсь мы имѣемъ *постоянно* вмѣсто ударяемаго *ѣ* какой-то звукъ средній между *і* и *е всегда мягкій*, такъ что онъ то слышится ближе къ звуку *і*, то ближе къ звуку *е* закрытому: очень часто слышится въ этихъ случаяхъ и *ясное і*: вміе́стѣª, ді́іфьки, ји́дям—1 л. мн. ч., çё запри́ло (=запрѣ́ло), хлеі́пца—род. п. ед. ч.; çё съје́ⁱдя́т—3 л. мн. ч., я ни ўмі́ю, паје́ⁱду—1 л. ед. ч. буд. вр.; дьвѣ́ нидйли; ты к на́м на динёк пріји́ть (=пріѣ́дь, пріѣзжа́й); да ѣъвали́м пи́сьни—1 л. мн. ч. буд. вр.; зьди́ся (=здѣ́сь)—въ пѣснѣ; съји́ла што́-ля нас? (См. Приложенія). Далѣе: хлѣ́ба паји́сь нѣ́ту—Ветчаны (Истомино); ня бу́диш ји́сть ӑржаны́х-ти пираɣо́ў—Зубово Тум. край; д'ыть ји́сь не́цъва — ib.; ня съји́сть нихто́ — Горы; он је́ⁱсь хо́ца — 3 л. ед. ч. — Катово; цы́дим (=цѣ́дим) — 1 л. мн. ч. — Шаранина; цэ́ри́ф је́ⁱсть — Жалудково; ји́сть нѣ́ту — Чуфилово; свиди́теⁱль — Меркулово; çі́ют (=сѣ́ютъ) — Андроново; присьпі́им — 1 л. мн. ч. (=приспѣ́емъ=приготовимъ, заготовимъ)—Парахино; купі́ем муки́—1 л. мн. ч.—Фомино Парах. вол. (см. объ этомъ словѣ выше: срв. *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 225—226); ди́вирь—Ветчаны [1]); с ки́м жыу́—Ижевское Спасскаго у.; [2]) си́ зна́ють (=всѣ) [3]) — ib.; при свиди́тьлях—г. Спасскъ [4]); смат-

---

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ у *Шахматова*. Изслѣд... Стр. 173. Срв. *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. dêverĭ. Здѣсь *ѣ* общеславянское, и въ ювр. говорахъ—ди́вирь—изъ сѣверно-великорусскихъ.

[2]) Вѣроятно, изъ «кѣмъ», а не прямо изъ цѣмь.

[3]) Вѣроятно, изъ «всѣ», а не прямо изъ вьси. Спасск. Ижев.: фси́ смагрѣ́ли.

[4]) *Шахматовъ*. Ук. Соч. Стр. 160.

ри́ть—Ижев. [1]); сматри́ла—Ерахтуръ Касим. уѣзда; э́та пъсматри́л?—Катово; у мня́ на се́рьцы ни́ту—Бѣльково; ди́вирь—ib.; паји́сть на́да—Нармушадь; ји́сть—неопр. н.—Шостья; сми́х (=смѣхъ)—Ул. Гора близъ г. Касимова; с цы́м јеⁱди́м-ту? 1 л. мн. ч.—д. Китово; мнѣ́ *ни́када* [2]) хади́ть-та—Чарусъ, Ивановское; о́къла Успе́ньява дня́ сі́јить—неопр. н.—(=сѣять)—Ивановское; не́льзи́—Анисово. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ вмѣсто ударяемаго *ѣ* звукъ *і*.

Теперь мы переходимъ къ звуку *е* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ изъ основного *е* или *ѣ*; мы разсмотримъ отдѣльно звуки *е* и *'о* (*ё*). Звукъ *е* мы слышимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: неⁱ дале́ка, ӑснуе́м—1 л. мн. ч., тке́ш - 2 л. ед. ч., тке́м—1 л. мн. ч., нӑпряде́ш—2 л. ед. ч., нӑпряде́м 1 л. мн ч., пане́ва, пане́ву—вин. ед. ч. (м. б., здѣсь звукъ *е* изъ основного *ѣ*?); бе́рда—им. пад. мн. ч.—Киструсъ Спасск. у.; дале́ка, кре́сная ӑдява́еⁱть—3 л. ед. ч.—Ерахтуръ Касим. у.; абе́дьня ско́ра ӑтайде́ть—Нармушадь; ме́рьзьни—пов. накл. (здѣсь *е* и должно быть, не *ё*.) ib.; наде́жа (изъ *ѣ*)ⁱ—Ерахтуръ; ѕе́рьуеⁱнка (лёнъ=де́рганецъ, „де́ргенка")—Ерахтуръ; раје́вьня - Ломъ; зубы де́рьгӑли - Шостья [3]); све́л (=све́лъ)—Уланова Гора (въ пѣснѣ); ус'михне́теⁱся—2 л. мн. ч. буд. вр.—Дмитріево; вӑстреⁱпе́хнит'чя—3 л. ед. ч. буд. вр.—Данево; праме́ш (=проме́жъ)—ib.; де́рьгаеⁱм—1 л. мн. ч.—Китово; „пӑдеⁱре́м'си дᵊапя́ть рӑзбеⁱре́м'си!"—Китово; „и сица́с преⁱ-

---

[1]) Въ этомъ словѣ *и* нашихъ говоровъ, м. б., изъ основного *и*: съмотрити.

[2]) Значитъ, *Потебня* правъ, если пишетъ: нѣ́когда, нѣко́му, нѣ у кого... и отстаиваетъ это правописаніе. Онъ говоритъ: «Остается принять, что обороты: нѣ̆чего̆—было̆ v. нѣ̆чего̆ будетъ дѣлать и проч. съ *было*, *будетъ*, лишенными ударенія и прислоненными къ предыдущему слову съ *нѣ*, предполагаютъ выраженія съ двумя глагольными сказуемыми: «(мнѣ) было (есть) нѣ́ (=неесть) чего̆ дѣлать»...=«мнѣ было (будетъ) такъ: нѣчего (теперь) дѣлать»... «*Нѣ* оправдывается стр. сл. и малорусскимъ». Изъ Записокъ по р. грам. ¹. II. 378—380 и слѣд. Соболевскій. Лекціи². 64

[3]) См. мою вступит. лекцію въ Каз. У-тѣ: «Объ источникахъ для исторіи р. языка».... Стр. 18—19. Казань. 1893. Также мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894. Стр. 25.

де́ть" (=пряде́тъ)—д. Китово; „виньца́ вазьму́ть на прашшэ́най де́нь"—ib.; пайде́ть—3 л. ед. ч.—с. Китово; „прайде́ть де́нь Тро́йцын"—дер. Китово; ца́сты з'ве́здушки (изъ *ѣ*)—Ветчаны (Истомино); каво?—Сте́пьки-ти? (Сти́панйди?—род. пад. ед. ч.)—Катово Тум. вол.; „у нявő рука́ ни дрӑуане́т"—Рогачево; „о́н јéсь хо́ца"—3 л. ед. ч. (=ѣсть)—ib.; мы ве́драми ни э́та"..—Акулово; „пайде́ адна́ даро́уа"—Жалудково; „а ты́ пря́ма пайде́ш"—ib.; „даду́т яе́ на́ ру́ки"—Меркулово; „у Ляксѣ́я ме́льницы-ти е́сь, а зе́реⁱн нѣ́ту"—Парахино; срв. также довольно явственное *е* въ словѣ: вы́пьеть—3 л. ед. ч.—Шостья. Въ этомъ словѣ *е* не подъ удареніемъ, какъ видитъ читатель. Въ своемъ трудѣ, посвященномъ главнымъ образомъ обзору фонетики и морфологіи говора *южныхъ* уѣздовъ Рязанской губерніи, мы тоже отмѣтили подобные примѣры произношенія звука *е* вмѣсто литературнаго *ё*, но на югѣ губерніи эти примѣры встрѣчались гораздо рѣже, и по преимуществу мы слышали этотъ звукъ *е* не *ё* въ глагольныхъ окончаніяхъ [1]). На сѣверѣ губерніи, въ Касимовскомъ краѣ, это явленіе встрѣчается *гораздо чаще*. По поводу вышеприведенныхъ примѣровъ произношенія звука *е* слѣдуетъ сказать, что всю массу ихъ слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ: въ одной звукъ *е* не *ё* стоитъ передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ, а потому и не долженъ дать произношенія *ё* по закону великорусской фонетики (таковы формы: ӑтайде́ть, раје́вьня, рӑзбеⁱре́м'си въ Нармушади, Лому, Дмитріевѣ, Китовѣ, Жалудковѣ и мн. друг.); въ другой группѣ звукъ *е* восходитъ къ *ѣ*, а потому и здѣсь онъ архаиченъ и правиленъ (таковы: наде́жа, з'ве́здушки, ве́драми—Ерахтуръ, Акулово, Ветчаны и др.); въ третьей группѣ звукъ *е* остался даже послѣ отвердѣнія слѣду̑ющаго мягкаго слога или потому, что законъ перехода *е* въ *ё* уже прекратилъ свое дѣйствіе къ этому времени, или потому, что этотъ звукъ *е* обязанъ вліянію другихъ формъ и произношеній, т. е. обязанъ аналогіи (таковы формы 2-го л. ед. ч. или 1-го лица множ. ч. въ Киструсѣ Спас. у. и во многихъ мѣстахъ Касим. у., также слово: „праме́ш", срв. мӗшка=межка=межька). Наконецъ, въ четвертой группѣ звукъ *е* не *ё* обусловленъ фонетическимъ закономъ,

---

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 97—99 и 49—50.

найденнымъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ: де́рьгӑли—Шостья, де́рьгаеⁱм—Китово; нѣкоторыя произношенія трудно себѣ объяснить (дале́ка, све́л; см. однако у Шахматова въ „Изслѣдованіяхъ въ области р. фонетики“. В. 1893 г. Стр. 188). Принимая во вниманіе, что издавна въ русскомъ языкѣ были говоры не только съ мягкимъ звукомъ *т* въ личномъ окончаніи 3-го лица наст. вр. глаголовъ, но и съ твердымъ *т* (вѣроятно, изъ основного полумягкаго *т*), а также принимая во вниманіе и то, что говоры Касим. уѣзда *по преимуществу* имѣютъ нынѣ *твердое т* въ этихъ случаяхъ, мы должны, вѣроятно, поставить въ связь произношеніе звука *е*, а не *ё*, въ означенныхъ формахъ глагола съ явленіями *долготы* этого самаго звука въ этихъ же формахъ въ говорахъ Касим. уѣзда, а также съ явленіями *дифтонговъ* вмѣсто этого *е*, указанными нами выше въ I-ой и II-ой главахъ настоящаго изслѣдованія. Долготу и дифтонги мы видѣли также и въ формахъ 1-го лица множ. ч.

Вобще, въ разсматриваемомъ отношеніи наши говоры представляютъ много *архаическихъ* чертъ и гораздо архаичнѣе говоровъ на югѣ Рязанской губерніи [1]).

Теперь разсмотримъ случаи со звукомъ *'о* (*ё*) въ нашихъ говорахъ: „э́та-тъ лёкшэй“ (сравн. степень: сказано про одноколку сравнительно съ четырехъ-колесной телѣгой; срв. лёгокъ. (См. мой „Отчетъ“ стр 11. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ. Казань. 1895). — Киструсъ Спасскаго уѣзда. Нёвътъ = неводъ — с. Ерахтуръ Касим. у. Можетъ быть, въ этомъ словѣ скрывается вовсе не отрицаніе „не“ въ первой части, а предлогъ (лат.—in), т. е. слово „неводъ“=въ-водъ; срв. слово: „не-вѣста“. (См. *Miclosich.* Etym. Wtb. s. v.v. nevêsta, nevodŭ, ne. 1). Въ литературномъ русскомъ нарѣчіи мы неправильно съ точки зрѣнія фонети-

---

[1]) Параллели изъ другихъ русскихъ говоровъ, а также свидѣтельства памятниковъ др. русской письменности относительно произношенія звука *ѣ*, какъ *е* и *и*, будутъ нами указаны ниже, во 2-мъ отдѣлѣ настоящаго труда, гдѣ будетъ выведено отношеніе говоровъ Касимовскаго края къ другимъ современнымъ и древнимъ русскимъ говорамъ, а также будетъ указанъ общерусскій типъ и типъ языка обще-великорусской эпохи—(или эпохи «велико-бѣлорусской», какъ называетъ А. А. Шахматовъ).

ческихъ законовъ русскаго языка произносимъ *нёводъ* вм. *не́водъ*, каковое произношеніе мы и привели выше изъ с. Ерахтура Касимовскаго уѣзда Ряз. губерніи. Такое произношеніе, быть можетъ, обязано своимъ появленіемъ вліянію тѣхъ словъ, въ которыхъ послѣ *не*—стояла мягкая согласная слѣдующаго слога, хотя не для всѣхъ словъ можно съ вѣроятіемъ указать аналогію. (Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 63. *Шахматовъ.* „Изслѣдованія“.... Стр. 189. Здѣсь указано Олонец. *неведъ*, которое, вѣроятно, Шахматовъ самъ слышалъ въ Олонецкомъ краю. При первоначальномъ *неведъ*, если только это слово древнее, становится понятнымъ звукъ *е* не *ё* въ произношеніи *не́водъ*, въ такомъ случаѣ произношеніе *нёводъ* будетъ болѣе позднимъ). Далѣе примѣры: хре́снай—Ерахтуръ; Данево (срв. выше: „хре́сная ӑдява́еіть“—Ерахтуръ). Такъ и слѣдовало бы ожидать въ русскомъ языкѣ вмѣсто: кре́стный, кре́стъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго; въ блр мы имѣемъ: хро́сный та́тка, хро́сные ба́цьки и даже по аналогіи съ этимъ: хро́сникъ („ихъ кумы доклеровали позвацъ хро́сника ў го́сьци къ сабѣ“... Срв. наше: кре́стникъ—кре́сьникъ).—Минск. губ. Борис. уѣзда. (*Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 383.379. № 220). Далѣе; дё́ржу—1 л. ед. ч. наст. вр.—Нармушадь Касим. у.; удё́ржыш—2 л. ед. ч. буд. вр., дё́ржытеі—2 л. мн. ч. наст. вр.; дё́ржытца—3 л. ед. ч.—Шостья; дё́ржыт—3 л. ед. ч.—Лѣсново, Гусев. Погостъ; ла́вӑцку дё́ржыть мӑлашну́ю—дер. Китово; ты, мой садо́вӑй, меіня́ ту́т дё́ржыш—2 л. ед. ч.—Чарусъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ звукъ *ё*, перешедшій изъ формъ, въ которыхъ этотъ звукъ находится подъ удареніемъ и передъ твердымъ слогомъ: дё́ржыш, дё́ржыт, дё́ржым, дё́ржыте, дё́ржут при литер. де́ржишъ, де́ржитъ, де́ржимъ, де́ржите, де́ржатъ являются вполнѣ законными; изъ такихъ формъ и 1-е лицо ед. ч. наше: дё́ржу. Въ этомъ корнѣ когда-то долженъ былъ быть звукъ *р* полумягкій или мягкій, такъ что литер. де́ржиш и т. п. указываютъ на бывшее *де́рьжишь, но послѣ отвердѣнія звука *ж* отвердѣлъ и сосѣдній звукъ *р*, передъ которымъ должно было появиться тогда *ё*, а не *е*. Срв. народн. (сѣв.—влкр., ряз.) дё́рьгать при дё́ргать, вѣроятно, по аналогіи съ дё́рнуть, при которомъ мы имѣемъ: дё́рьнеіш—2 л. ед. ч.; мё́рзнуть и мё́рьзнеш, мё́рьзни и т. п.

Затрудняюсь сказать, былъ-ли корень этого слова съ ирраціональнымъ звукомъ: dьrg—,или со звукомъ полнаго образованія: derg—,Миклошичъ (Etym. Wtb.) предполагаетъ здѣсь корень derg,—и за этотъ корень говоритъ чередованіе derg—и dorg—:удо́ржыт—3 л. ед. ч.—Ярыгино, Данево Касим. у.; задо́ршка—г. Касимовъ (Ямская Слобода) при задѐршка и литер. заде́ржка изъ *заде́рьжька; сѣв.-влкр. (вятск., казан.)—доржа́ть, доржу́, задо́ршка, откуда: зада́рживать и т. п. Даржа́ть—неопр. накл.—г. Касимовъ (Ямская Слобода). Наше: су́-дорга и су́-дорога говорятъ о томъ-же корнѣ. но въ серб. мы имѣемъ: držati, чш. držeti, слов. držati, болг. drъža, однако при польск. dzierżeć. Казалось бы, что здѣсь могъ быть въ корнѣ праславянскаго языка неслоговой ирраціональный ъ̯ + слоговой плавный r_0: ъ̯r_0, и, послѣ того какъ въ извѣстной группѣ нарѣчій неслоговой ирраціональный ъ̯ сдѣлался слоговымъ, а слоговой r_0—неслоговымъ, образовались формы: dьrg—,откуда съ теченіемъ времени—дерг—держати изъ *дергѣти, при *ж* мягкомъ мы имѣли: дер’жа́ти; въ другихъ нарѣчіяхъ могъ остаться слоговой r_0 (болг., серб., словин. и изъ западно-слав.—чешскій). Допустить фонетическій переходъ изъ дёржу́—доржу́, изъ держа́ть, дёржа́ть—доржа́ть—даржа́ть я затрудняюсь въ виду того, что пришлось бы при этомъ допустить и необычное отвердѣніе въ такомъ положеніи звука согласнаго *д*: *дё—до*; въ виду этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ остановиться на исконномъ чередованіи корней: derg—и dorg—или: dъ̯r_0g—и dъ̯r_0g—.Сравни псков. великолуцк. *за́дорога*—заборъ; сибир. = подъ въ печи. (Опытъ обл. Словаря, s v.). Въ Ряз. губ. въ Скоп. уѣздѣ я слышалъ слово „за́дорога“ (=за́дорга) въ значеніи жерди по ребру русской печи: лѣзутъ на́ печь и держатся за за́доргу; за́дорога-же служитъ и для того, чтобы съ печи не упасть [1]).

Такимъ образомъ, слова: су́дорга, за́дорга... указываютъ намъ на корень, отъ котораго пошли: доржа́ть, доржу́, зада́рживать.... Далѣе мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ звукъ *ё*: дащёцку—Шостья (при *ц* твердомъ явилось *ё*: срв. доще́чь-

---

[1]) Срв. у *Даля*, Словарь. S. V. задоро́жный.

кю—доще́чку): ў не́би—Шостья. Это явилось уже не фонетически, а по аналогіи съ не́ба (=небо); срв. тётка и тётя.... Патёшут—3 л. мн. ч.—Лѣсново (=поте́шутъ, отъ глаг. теса́ть; тёсъ); е́—правильно. Пайдёш па мёшкам—Забѣлино (срв. выше: прамёш—Данево; межа́—мёжка изъ ме́жька, какъ: стезя—стёжка—Скоп.—изъ сте́жька); ката́лись всёй арте́люй—дер. Китово; ф свае́й дире́вьни—Расторгуево; при: фсё, сваё, фсём, сваём и проч.

Въ одномъ словѣ намъ встрѣтился звукъ *е* вм. *ё* (изъ *и* ударяемаго): в муньде́рах ядим jiе́ (карто́х)—Ахматово Касим. уѣзда. Срв. Вологодск. „мунде́р"—*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 320.

Теперь переходимъ къ звуку *е* изъ основного ѧ (ѧ) между мягкими согласными подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. Мы здѣсь слышимъ: пре́сь вм. пря́сть—Шостья Касим. у. (Еще началось это явленіе со Спасск. уѣзда: въ д. Жо́лобова Слобода я слышалъ: пре́дивӑ...); пе́ть чилавѣк—г. Касимовъ; апе́ть—какъ и въ южн. уѣздахъ; Уре́дина—Уря́дино; кады́ пре́сь-та?—Китово; атпре́сть, со́т пе́ть сѣjим, ис пре́дива из друγо́ва; и вянки́ э́ти раçьте[i]ре́ли (=растеря́ли), испужа́лись—Чарусъ; хазе́ин—Истомино (Ветчаны); апе́ть, тада́ н'ави́н ме́ть (=мя́ть)—Ивановское, пре́сть—ibid.; пьре[i]мѣнютца jе́йцӑми—твор. п. мн. ч.—ibid.; пе́ть дѣвӑк—Ветчаны; жани́х се́дит к не́й (=ся́детъ)—ib.; му́ш пьjе́ница—ib. (См. Приложеніе: Гаданіе въ Ветчанахъ на Святкахъ); ку́рьца в няво́ гле́нит (=гля́нетъ), в зе́рькӑла—ib.; блява́ть çё(=всё) тсе́нит (=тя́нетъ); мо́цы нѣт стаjе́ть (=стоя́ть)—ib.; тсягло́ на́да управле́ть—Борисково; фçе́кiји грыбы́—ib.; не́нюшка, апе́ть—Катово Тум. вол.; на́с пе́те[i]ра—ib., Логино; çьли́фьки-ти рази сне́ть (=сня́ть) с мӑлака́?—Рогачево; сно́х пе́ть—ib.; о́н на́м де́дя радно́й—ib. (Срв. дѣ́душка—дѣ́душка въ свр.); со́ве[i]сь (=со́вѣсть) пъте[i]ре́ть ня на́да—ib.; с пле[i]ме́нникьми жыву́, не́γди взе́ть—Логино, в де[i]ве́тьню, диве́тьня шы́ре[a] дисе́тьни—Андроново, Малахово; апе́ть—Семеино; γуле́ть—Катово; пти́цка паме́нит (=помя́нетъ); срв. пти́цки паме́нут (по аналогіи съ формами въ родѣ „паме́нит", гдѣ *е* изъ *я* (ѧ) между мягкими согласными)—Горы; аставле́иш—2 л. ед. ч.—Катово; пра се́я бу́дя пе́ть мѣ́р, ў де[i]ве́тьню—ib.; справле́иш—2 л. ед. ч., γдѣ jе́йцы-ти?—ib; взе́ли—3 л. мн. ч. пр. вр.—Снохино;

хазе́ин—Тума; апе́ть—Шаранина; я жыдо́ў-та ви́дьла фсе́-ких—ib.; ани́ уш ме́кинькiјн—ib.; Пакро́ф справле́им—1 л. мн. ч.—Агѣево; и взе́ли на сваю дире́вьню—ib.; за мя́ дава́ли пе́ть рубле́й—ib.; выуане́ют—3 л. мн. ч.—ib.; стали уле'е́ть (=глядѣть) — Давыдово; зӑставле́ли — ib.; бӑславле́ют — ib.; апе́ть—Акулово; аставле́им—1 л. мн. ч.—ib.; и з уаве́дьнай (=говя́диной), ко́лька приде́тцы—Акулово; хоть-бы пе́ть-та!—ib.; „зна́та, по́рътитцут (=по́ртятся), пъправле́им“—1 л. мн. ч.—Акулово; ли́ш пе́ть зало́ўак—Расторгуево; зна́ма, баје́-лись—ib.; паме́ним фсё сро́стья (=сро́дствiе, родство́)—ib.; „нӑцапле́ли паурамко́ф-та“—ib.; он пи́ша апе́ть—Зубово; прихо́т х Пе́тьницы—ib.; уяжжа́ют и аставле́ют—ib.; гре́зи (городъ Гря́зи)—ib.; взе́ть—ib.; бяз за́пӑнки-т' лу́ччи: ана́ ни т^сéня (=тянетъ—3 л. ед. ч.)—Бычково (Черкасо̆во); и́х уш уане́ли к нацăльнику—Чуфилово; пре́ники сваји́ ѣ́ш—ib.; упре́милси—3 л. ед. ч. пр. вр.—ib.; Ле́ницка у де́ди уѣ́хӑл, зе́ть што́-ля он яму́—ib.; пара́ пъуле́ть-та!—ib.; са́м се́-дит—3 л. ед. ч. (=ся́детъ)—ib.; се́ду 1 л. ед. ч. (—по аналогiи съ „се́дит“; срв. выше: „паме́нут“ при „паме́нит“) на крыльцѣ́ и ш'ш'ита́ю—Чуфилово; ты пъсабле́иш за ѕе́ньуи—ib.; у не́й мы взе́ли надѣ́л—ib.; уре́сь (гря́зь): жо́рстки пъкла́дь-ны—ib.; управле́им—1 л. мн. ч.—Расторгуево; пане́ть—ib.; се́ть (=ся́дь) та́м-та вон!—Логино; пъје́ньцы (=пья́ницы), взе́ть на́да—Бычково, т^сéнимси из—за цао́?—ib. (но: взяла́—ib.); з^ж'е́тя (зя́тя)—Норино; гаве́ди́на—ib.; пасе́димси—ib.; уре́нь-ник (=уря́дникъ)—Праватарово; пе́те^iра—ib.; апе́ть—ib.; ко́лӑс сне́ли, вѣ́ять ста́ня—ib.; урабле́ми (тв. п. мн. ч.)—ib.; пъсабле́им—1 л. мн. ч., аддиле́итца (=отдѣля́ется), аддиле́им мики́ну—ib.; (но срв.: урабля́м—дат. п. мн. ч.—ib.); пра-уле́ли, на база́ри наро́т (=наро́дъ) пъкупле́я (=пъкупля́етъ—покупа́етъ), удѣ́ пӑдре́дютца—3 мн. буд. вр.; хазе́йка, ха-зе́ин, састаје́нья (=состоя́нiя), пре́сть; у је́мьки зӑрыва́им—1 л. мн. ч. (=въ я́мки); на пе́ть капе́як—Праватарово; мы ута́рить-та але́пи́стыји (=„аля́пистые“ въ знач. „грубые“; Срв. наше: „ля́пнуть“. Въ словаряхъ нашего слова нѣтъ.)—Анисово; растуре́ш—2 л. ед. ч. (=растурѣ́еш? или: расту-ря́еш? въ знач. „разго́нишь“)—ib.; даро́уа тут бу́дит палу́тче^i пале́ми (=поля́ми)—Малы́шкино; ды је́ ня зна́ю (=я́—мѣст. 1-го л.)—Парахино; яуо́ нѣ́туо дѐдўшка-тя—ib.; заставле́ют—

ib.; вз*е́ть — Фомино; срв. паня́ву — ib.; ме́ть ме́льница́ми (= мя́ть мя́льницами, мя́лками), пре́сть—Залѣсье [1]) Парахин. вол.; рядомъ съ этимъ мы въ Парахинѣ-же слышимъ—намя́лим—1 л. мн. ч. (=наме́лемъ), смя́лим (=сме́лемъ)—1 л. мн. ч.—Парахино. При произношеніи: ме́ть, ме́льница вм. мя́ть, мя́льница произношеніе „сме́лемъ" (отъ гл. смоло́ть) могло бы означать „сомнёмъ" (отъ гл. смя́ть), а потому и получилось „смя́лим", „намя́лим"—1 л. мн. ч.—въ значеніи: „сме́лемъ", „наме́лемъ". Произношеніе гле́нь (=гляди́), гле́нит (=гля́нетъ), гле́ть (=гля́дь) и т. п. упрочило въ этомъ глаголѣ коренной звукъ *е*, а потому мы слышимъ: па*у*ле́дъ-вать—Катово Тум. волости—вмѣсто: „погля́дывать".

Эта фонетическая черта принадлежитъ также по преимуществу сѣверно-великорусскому нарѣчію. На югѣ Ряз. губерніи подобное произношеніе слышится весьма рѣдко: и то только въ нѣкоторыхъ словахъ, особенно въ словѣ: „апе́ть" [2]).

Глава V-ая.

О звукахъ *о*, *у* и *ы* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ нѣкоторые интересные случаи произношенія звуковъ *о*, *у*, *ы* въ нашихъ говорахъ.

Звукъ *о* въ нашихъ говорахъ, какъ въ говорахъ *акающихъ*, можетъ звучать ясно только *подъ удареніемъ*. Но мы имѣемъ нѣсколько случаевъ появленія *ударяемаго звука о* въ нашихъ говорахъ

---

[1]) При названіи «Залѣсье« здѣсь же встрѣчается названіе «Зара́менье». «Ра́менье» въ вятскомъ говорѣ означаетъ: «непроѣзжій лѣсъ». См. *Колосова*. Замѣтки... ibid. Стр. 232. Срв. «Ра́менское» на Моск-Ряз. жел. дорогѣ. «По за лѣсу—по зара́менью» въ Вятск. пѣснѣ у *Колосова*, ib. Стр. 261. Срв. АЮ. № 410: раменье.

[2]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 23—24.

вмѣсто звука а ударяемаго въ другихъ говорахъ, равно какъ и въ произношеніи литературномъ. Почти всѣ эти случаи объясняются аналогіей къ другимъ, гдѣ ударяемое *о* законное. Такъ, мы наблюдаемъ: при лóвят—3 л. мн. ч.—Шостья и при неопр. н.—лави́ть—Ерахтуръ... формы: ла́витца—3 л. ед. ч.—Забѣлино, ла́вимъ—1 л. мн. ч.—Ерахтуръ, ла́вють—3 л. мн. ч.—ib., какъ и въ южныхъ уѣздахъ Ряз губерніи. Напр., ни ла́вятца ўтки-ти—Рогачево Касим. у.; далѣе: при глаг. вари́ть—вóрют—3 л. мн. ч.: у на́с тут ня вóрют бра́ўу-ту—Горы; свóриш бра́гу—Агѣево; какъ вóрют?—Зубово; при глаг. ташши́ть—стóшшим—1 л. мн. ч.—Праватарово; при глаг. брани́ть(ся)—мы ни брóнимси—1 л. мн. ч.—Праватарово; при глаг. краси́ть (sic! не: кра́сить)—крóсим—1 л. мн. ч.—Катово; а э́та краси́ть,—са́ми крóсим—Катово; сини́ть-та аддаём: ни маўём са́ми-ти, а крóсим са́ми—ibidem. При глаг. капа́ть—закóпъвають—3 л. мн. ч.—Шостья; при глаг. каньца́ть—дака́ньцына—ibid. При словѣ: казна́—въ кóзну—Катово. Отдѣльно стоятъ слова: башмóшница, башмóкъ (вм. башма́шница, башма́къ)—Шостья [1]). При панёва и паня́ва (см. выше)—уменьш. пóнька—Бычково: Пóньку-ту? ана плаха́я клѣ́ткими, а то дарóўими—ib., хóдим и с пóньками—Чуфилово; для большей части этихъ словъ и произношеній ихъ мы находимъ точку отправленія въ такихъ произношеніяхъ, какъ: наси́ть—нóсим (срв. краси́ть—крóсим), праси́ть—прóсим, каси́ть—кóсим и т. под. Съ другой стороны, приспособленіе къ формѣ неопр. наклоненія съ неударяемымъ *о* (*а*) мы видимъ въ такихъ формахъ, какъ: ла́вим при лави́ть и проч. Срв. кати́ть—ка́тим и кóтим („И возикъ свой мы не свеземъ, а ска́тимъ"—Крыловъ. „Обозъ"). Для другихъ словъ, какъ: въ кóзну (въ южно-ряз. еще: скóмью при скамья́) и под., мы имѣемъ исходный пунктъ въ такихъ образованіяхъ и произношеніяхъ, какъ: вада́—вóду, нага́—нóгу и т. под. Это колебаніе между звуками *а* и *о* мы вообще видимъ и въ древне-русской письменности: въ Лавр. сп. лѣтописи читаемъ: похволою—л. 43., женома—л. 98. столб. 2 (если только „похволою" не графическое явленіе, объясняемое тѣмъ, что начертаніе *о* проникло въ слогъ—хво—подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ *о*:—ло—). Въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: по двѣ нагатѣ—Стр.

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи».... Стр. 21.

46 (при обыкновенномъ: ногатѣ); манастырь—47 (при—монастырь); смирися съ братамъ своимъ—55; к Наугородчемъ—63; сташа начевать—194; с Навгородци жиша не браталюбно... а свой злый наровь обнажиша—213; Сѣмена Судокова—68. (Въ Казанскомъ уѣздѣ я слышалъ „судо́къ“ вмѣсто „суда́къ“—рыба). Срв. стр. 83. 86. Нотальа—94, двожды—94 (двожды, трожды—и на югѣ Ряз. губ. [1]); въ Олонец. краю Повѣнец. у.—тро́жды—Сборникъ *Истомина*. Стр. 100. Эти слова, вѣроятно, особаго образованія, причемъ *тро́жды*, можетъ быть, приспособилось къ слову *двожды*); Тотаровѣ—стр. 103, Тотарьскую—104, при Татарове—104 и мн. др. Смоленская лѣтопись по языку, очевидно, принадлежитъ къ памятникамъ акающаго нарѣчія.

Теперь переходимъ къ звуку *у*. Здѣсь надо различать два вида звука *у*: слоговое *у* и неслоговое. Неслоговое *у* очень распространено въ нашихъ говорахъ и стоитъ всегда на мѣстѣ звука *в* передъ гласнымъ или послѣ гласнаго. Конечно, извѣстно и *в* (или *ф*) въ этихъ случаяхъ, но, если мы находимъ неслоговое *у*, то только въ такихъ-же случаяхъ, не считая неслогового *у* въ дифтонгахъ, о которыхъ мы говорили выше.

Сперва разсмотримъ случаи употребленія слогового звука *у* ударяемаго и неударяемаго въ нашихъ говорахъ, гдѣ этотъ звукъ стоитъ на мѣстѣ основныхъ: *о* (ѫ), *ж*, частью *ы* и *а*. Прежде всего здѣсь отмѣтимъ появленіе звука *у* (*ю*) нашихъ говоровъ вмѣсто *о* (*е*) въ окончаніяхъ падежей:—*ой*,—*ей*. Здѣсь *у* (*ю*) неударяемое. Примѣры: з у́рькуй сирато́й—Ерахтуръ; Миха́йлуя—твор. п. ед. ч.=Михайлой—Куземкино; с кра́сниннькуй з бума́шкуй—Шостья; з завя́зънуй гало́ушкай—ib.; фсе́й арте́люй (вѣроятно, отъ имен. падежа „арте́ля“, срв. „посте́ля“); тихо́нькуй (=тихо́нько, по аналогіи съ „кра́сниннькуй“ чрезъ *„тихо́нькуо. Срв. ти́хуо—Парахино)—дер. Китово; „ни с адно́й снахо́ᵘй ни бранюсь“—Астахово Парахин. волости; въ послѣднемъ примѣрѣ звукъ оᵘ—ударяемый, но зато и *не ясное у*. „Звать Миха́йлуй“—

---

[1]) Примѣръ: «Тро́жди за ба́рыняй хадили: дво́ждиᵘ На́стя хадила, а тре́тій я сама́»—г. Скопинъ. Срв. въ зап.-русской Четьѣ 1489 г.: двожды—л. 6.—*Карпинскій*. Стр. 11.

Рогачево Тум. вол.; „Тимахве́й Рӑдіо́нъц е̂́дя за ры́буй“—ib.; з зим’ляни́куй—Чуфилово; с ма́тушкуй—Катово; „за сахо́йтӑй де́ржым’си, за баро́нкуя пе̂́сьни и𝑦ра́йм“—д. Снохино Тум. волости; (срв. выше: „Миха́йлуя“—тоже твор. п. ед. ч.—Куземкино); „прае̂̆ха́йтя ре̂́цкуй“—Жалудково ib.; аѳе́жа са ско́пкуй (=ско́бкой)—Бычково ib.; „Лява́шкуй (=Леонидомъ) зва́ли, хут^с^ь çьме̂́йси“—Чуфилово ib. и друг. Мы слышимъ: пул’шу́бӑк—Нармушадь, Касим. у.; пулцаса́—Симоново Тум. вол.; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ звукъ *у* изъ *о* въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Вообще, въ нашихъ говорахъ мы не замѣчаемъ закрытаго *о* въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго, какъ это обыкновенно бываетъ въ свр. говорахъ, а потому здѣсь, быть можетъ, звукъ *у* слѣдуетъ сопоставлять съ такимъ же звукомъ *ó* польскаго языка въ этомъ словѣ. До́хтур—Ерахтуръ Касим. у.; ка́к пума́иш—2 л. ед. ч.—Куземкино; пӑтсу́лнушках—род. п. множ. ч.—Бѣльково (=подсо́лнушковъ); здѣсь мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ вліяніемъ гласнаго слѣдующаго слога на гласный предыдущаго: ассимиляцію слоговъ. „Уйду́т к сусе̂́дам“—Бѣльково; усва́таля 3 л. мн. ч. прош. вр. (=сосва́тали)—Парахино. Здѣсь представка *су*—изъ *сѫ*—; ее мы видимъ очень часто и въ современномъ, и въ древнемъ русскомъ языкѣ: напр., въ Изборникѣ 1076 года: въ двоихъ соусѣдѣхъ. (*Срезневскій*. Др. п. р. яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 429). Въ нарѣчіи „около“—„коло“ мы часто слышимъ *у*: кул те^і^лѐги, кул тава́ру—Уланова Гора; куль крыльчя́—Данево; о́куль це́рькви пък’ранили—Гус. Погостъ; о́кул Тро́йцы—Акулово; срв. о́къл Ива́на По́снава 𝑦вилки́ (=вилки́, „вило́къ капусты“=коча́нъ) зӑвива́ютцы—Акулово; о́к’ли це́рькви—Гус. Погостъ; въ этомъ словѣ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, должно быть, происходилъ такой процессъ фонетическаго измѣненія: сперва въ словѣ: „о́коло“ отпало конечное *о*: „о́кол“, затѣмъ *о* въ конечномъ закрытомъ слогѣ частью стало произноситься глухо: о́къл, частью закрыто, близко къ *у* (срв. выше: Миха́йлуй, ры́буй, ма́тўшкуй, ре̂́цкуй, ско́бкуй, Лява́шкуй... Этихъ примѣровъ здѣсь мы не касаемся, т. к. о нихъ была уже рѣчь выше. Въ нихъ мы видѣли тоже звукъ *у* въ закрытомъ конечномъ неударяемомъ слогѣ). Такимъ образомъ, рядомъ съ *о́къл* имѣлось и *о́кул*; послѣднее произношеніе ассоціировалось въ сознаніи говорящихъ съ нарѣчіями:

докуля, откуля, такъ что стало при *окул* слышаться и окуль и окуль, у котораго отпало начальное *о*: кул и куль. Слова: отколѣ, откулѣ и под. мы имѣемъ и въ нашихъ древнихъ грамотахъ. Точно такъ-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ звукъ *у* въ союзѣ хоть (хотя) при энклитическомъ его употребленіи: Ляваашкуй (=Леонидомъ) звали, хутсь смѣйси—Чуфилово; хуть на тащяк—Бѣльково; хуть бы хлѣба-та купить—Бычково, Давыдово; хуть как он жалѣя—3 л. ед. ч.—Катово; хоуть тритцать!—Анисово; замѣтимъ еще: атец нусилкаай аддаст—Ветчаны (Истомино); мужавельник—Рогачево; мужавелаавай куст—ibid.; (объ этомъ словѣ см. выше: здѣсь *у* изъ *о*); *γ* бушмаки (=башмаки) абууали-ти—Фомино Парахин. вол.; ни с адной снахоуй ни бранюсь—Астахово; кружовник—Оськино, Кобылинск. вол.; (б. м. ассоціировалось со словами: кругъ, круглый, кружить...); съ другой стороны, мы имѣемъ: какушки вм. кукушки—Шостья.

Относительно вышеприведеннаго слова: пумаиш—2 л. ед. ч.—Куземкино—замѣтимъ, что звукъ *о* перешелъ въ немъ въ закрытый звукъ, близкій къ *у*, еще тогда, когда это слово было четырехъ-сложнымъ: поимаешь—поуимаешь—пуймаешь—пумаешь. Это-же мы видимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи [1]). Какъ произошло при „пумать“—„пымать“, затрудняюсь сказать: быть можетъ, здѣсь произошла ассимиляція звука *о* звуку *и*, когда это *и* еще было слоговымъ [2]): поимать—пыимать—пымать и т. под. [3]).

Теперь разсмотримъ звукъ *ы* въ нашихъ говорахъ и, главнымъ образомъ, случаи, гдѣ этотъ звукъ нашихъ говоровъ стоитъ вмѣсто основного и литературнаго, а также вмѣсто діалектическаго звука *и*. Здѣсь, однако, мы не будемъ касаться того звука *ы*, который является вмѣсто основного *'а* (изъ *ѧ*) въ мѣстоименіи *сѧ*, присоединяемомъ къ глаголамъ,

---

[1]) См. нашу брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Казанской губерніи». В. 1894. Стр. 17.

[2]) См. по этому поводу соч. *Б. Ляпунова:* «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи». Спб. 1894. Стр. 29.

[3]) О неслоговомъ *у* изъ *в* въ нашихъ говорахъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ.

т. е. не будемъ касаться окончаній—тцы вм.—тьса, такъ какъ объ этомъ рѣчь была уже выше. Главнымъ образомъ здѣсь насъ займутъ формы: *анѝ* и *аднѝ* вм. *онѝ*, *однѝ*, употребляемыя въ нашихъ говорахъ почти повсемѣстно.

Этотъ звукъ *ы* мы слышимъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ словахъ: адны́х—Гус. Погостъ, Касим. у.; у вадны́х стару́шкаф—Уланова Гора, Дмитріево; ка́жна́му га́варит адны́ пѐсьни—Бѣльково; тады́ ба́бы адны́ управля́ют—Ивановское; адны́, аны́—Ветчаны; аны́ лён пашли́ пало́ть—Рогачево; аны́ сираты́ сѐ у на́с—ib.; туды́ адны́ даро́ги—Горы; аны́ мі́ра́м мнѣ́ здают—Бычково; вот каки́ аны́ ва́шы суды́-ти!—ib.; аны́ принаси́ли—ib.; Катово; аны́ уш у миня́ адда́ны—Шаранина; мужыки́-ти ма́ла ткут, аны́ то́-та ма́ла жыву́т—Чуфилово; но: ани́—Праватарово; адны́ ђѐвацки—Парахино; с адны́м жыу́—1 л. ед. ч.—Фомино; куда́ нам адны́м?—Ахматово; с хрясто́м пайду́ адны́м—Алексѣево; ба́бы-ти ушли́: аны́ у на́с ни ко́сют—Волчково.

Сначала я было подумалъ при записи, что формы оны́ одны́... соединяются только съ именами женскаго рода, но вскорѣ убѣдился, что родъ тутъ не при чемъ: эти формы безразлично употребляются и при мужескомъ, и при женскомъ родѣ. Только въ д. *Праватаровѣ* близъ Тумы, но другой волости (названіе не могу отыскать въ своихъ матеріалахъ), довольно послѣдовательно употреблялась форма: ани́—при муж. родѣ имени, когда это слово относилось къ имени муж. рода.

Я полагаю, что разсматриваемыя формы образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными: худы́х, радны́х.... или худы́, радны́... им. п. мн. числа. Формы *аны́* (оны́, ены́, яны), адны́ (одны́) извѣстны сѣверно-великорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ: Въ Сборникѣ пѣсенъ Арханг. и Олонецкой губерній *Истомина и Дютша* мы находимъ: *оны́* съѣздили то въ погану́ Литву—стр. 42; пріѣзжали *оны́* въ каменну́ Москву—стр. 43 (Олонец.); *оны́* свадьбу играли въ великъ-отъ постъ—стр. 57 (Олонец.); *оны́* ѣдятъ траву да все осотливу!—стр. 64 (Арханг.); *оны́* всѣ подъ коврамы, *оны́* всѣ подъ золоты́ма—стр. 101 (Арханг.); садилися *оны́* по мѣстамъ—стр. 219 (Олонец. Въ этой пѣснѣ *оны́*—жен. рода). Также: *одны́хъ* гостюшокъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—

Стр. 99 (Олонец.). Въ Онежскихъ былинахъ *Гильфердинга* находимъ: А и повели *оны* толпи́цами—столб. 402; а й увезли *оны* какъ ко рубежу ко московскому—ib.; а стоятъ *оны* какъ у рубежа да у московскаго—403; а еще говорятъ *ёны самы* промежъ собой—403. Кромѣ *оны́*, здѣсь еще видимъ: *самы́*—402. 403. *Самы́* говорятъ да таково́ слово—столб. 757. Указаніе на то, что произношеніе *оны́* извѣстно и въ Новгородской губерніи, мы находимъ у *Колосова* (Замѣтки... ibid. Стр. 20). Въ бѣлорусскомъ мы имѣемъ довольно часто, чаще, чѣмъ въ свр., и всетаки и въ этомъ отношеніи опять приходится подозрѣвать какую-то связь между средне русскими говорами, въ частности Касимовскими, и бѣлорусскими, или западно-русскими. Напр., вярнулися *яны* домоў—*Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 235. (Витебск.); пошли *ены* ў лѣсъ—ib. 235 (Минск.); и мн. др.

Но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ *р*: по крайней мѣрѣ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, и въ древней русской письменности мы чаще всего находимъ колебаніе между звуками *ы* и *и* при предшествующемъ звукѣ *р*. Такъ, въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: капры́зная—Праваталово; грыбо́м заву́т—Парахино; апры́ш Тумы—Фомино; крыца́ть, крыца́ла—Шостья (Ижевское Спасск. у.); пă-крыцы́ть—3 л. ед. ч.—Нармушадь; рăзара́ють (=разоря́ютъ)—3 л. мн. ч.—Шостья; пе'ре'стры́ули—Шостья; ры́жёскай бальза́м—Гусев. Погостъ. (Слово „ры́жёскай" такъ-же произносилось, какъ оно обыкновенно пишется въ зап.-русскихъ древнихъ грамотахъ). Чаще всего изъ этихъ словъ мы встрѣчаемъ въ различныхъ говорахъ слово *крык* и производныя со звукомъ *ы*. Такъ, въ Новгород. губ. мы имѣемъ: крычать [1]; въ Олонец. скрычала [2]; въ Вятск. крыцит [3], крычит [4]; во Влад. Муром.: крык, грыбы (но: криса, царяпоть, дряница) [5]; въ Вологодск. крык [6]. Срв. въ Вятск. крыниця [7]. Въ пѣсняхъ

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... Ib. 20.

[2]) Ibid. 145.

[3]) Ibid. 259.

[4]) Ibid. 280.

[5]) Ibid. 298.

[6]) Ibid. 328.

[7]) Ibid. 254.

Архангельской и Олонецкой губерній тоже часто: закрычи—Истоминъ. 44 (Олонец.); крыцитъ—ib. 48 (Олонец.); 58. ib; закрыцялъ—64. 65; скрыцялъ—66 (Арханг.); срв. поскрыпываютъ—Истоминъ. ib. 120 (Арханг.); скрыцялъ—131 (Арх.); но: крицяла—192. ibid. Срв. стр. 194 (Арх.), 230 (Арх.), крицялъ (?)—232 (Арх.). Въ Сборникѣ *Гильфердинга* также: крычала—столб. 365. срв. крикъ—ст. 995; крыку—ст. 1123. 1125 (и „закричалъ"); срв. столб. 277 (крику); закрычалъ—столб. 245; столб. 18. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ *р* окончательно отвердѣло, мы это находимъ еще чаще: крычыць, крычиць—Витебск. Минск.—у *Шейна*. Ib. II. 235 и мн. др. Интересно, что и въ древности въ разныхъ мѣстахъ такъ произносили: *крычатъ* тѣлѣгы полунощы—Слово о П. И.; но: *кричатъ* подъ саблями Половецкыми—ibid; *рыскаше*, *прерыскаше*, но: *нарищуще*, *рища*—ibid.; зато здѣсь вездѣ мы встрѣчаемъ: *прикрыты* и т. п. формы съ *ы* отъ глаг. *крыть*, между тѣмъ какъ и этотъ глаголъ имѣлъ и *ы* и *и*: „и нѣсть где остріа меча *укритися*"—Смол. Лѣт. Авраамки 1495 г. (П. С. Р. Л. XVI. Стр. 125); также издавна колебался гласный звукъ въ словахъ: користь—Изборникъ 1076 г.: въздрадоуѭсѧ азъ о словесьхъ твоихъ ꙗко обрѣтаꙗ *користь* мъногоу. *користь* бо нарече словеса бжиꙗ.—*Срезневскій*. Др. п. р. яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 427. Въ Златой Цѣпи XIV в. (библ. Троицкой Лавры) мы имѣемъ также: батво наше инѣмь в *користь* бы... *Буслаевъ*. Истор. Христ. 496. Срв. здѣсь-же: ѡ*ригати* парою пьꙗньственою на ѡлтарь бьи.—Стр. 498[1]). Въ Новгор. Стихирарѣ 1163 г.: видаща ꙗрость звѣриноу. на вы текоущоую. и *рикающоу*—*Срезневскій*. Ibid. Стр. 502. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г.: скоумени *рикающе*[2]) въсхытити—*Буслаевъ*. И. X. Стр. 88. Въ Изборникѣ 1073 года мы имѣемъ *и* въ словѣ: *риба*—л. 251, а также: *користь*—л. 49 в. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г.: *трызно*—л. 9 (вин.

---

[1]) Въ этой же Златой Цѣпи читаемъ: висѧтьсѧ—Бусл. И. X. 501. Срв. ряз. *висакó*; помислити—ib. 501.

[2]) Здѣсь-же: псалтырꙗ (послѣсловіе). *Буслаевъ*. Матеріалы... И. X. Стр. 83. 84.

п. ед. ч. опискою вм. трызноу); срв. въ Смолен. Лѣтописи Авраамки 1495 г. сътворю *тризну* мужу моему—стр. 233 и: повелѣ *трызну* творити—ib. стр. 233. Слово: *трызна* и производныя встрѣчаются уже въ Изб. 1073 г. (*Mikl.* Lex. s. v. тризна); и въ Словахъ Гр. Богослова XI в. (*Востоковъ.* Словарь s. v. трызна). Въ Смоленской-же лѣтописи читаемъ: съ многою *користью*—стр. 96; с побѣдою и *користью*—106. (Срв. обрѣтше *корысть* многу—стр. 118); а друзіи скоро *рищуще*—стр. 123. (Какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ—выше); послѣ *р* намъ еще встрѣтилось колебаніе гласнаго звука въ словѣ: Борисовцы: дали есьмо сюю нашу грамоту *Борысовцомъ*—Гр. 1396 г. (Акты Юж. и Зап. Россіи. I. № 4. Срв. *Борисъ* Хомѣковичь—ib. № 5. 1398 года) [1]. Также: *товарыщи*, *товарыща*—АЮ. № 20. 1534 г., № 21. 1541 г. (Здѣсь-же: наѣхали въ *одныхъ* рубашкахъ—№ 21); срв. № 26. 1612 г.; № 30. 1680 г. здѣсь-же: пьяные *крычали* безобразно; безчинно *крычать*; *товарыщи*—№ 61. 1679 г., № 64. 1661 г. Вышеприведенное слово (Касимов.) „апрыш" въ древности звучало: *опрочь*—АЮ. № 3; *опричь*—ib. № 5; срв. № 19. (опрочь); *опроче*—№ 26; № 50; *опричь* (*оприцъ*)—№ 71. (XXVI и XXVII); срв. № 86. Основной формой была, вѣроятно, форма *опроче* (кор. прок,—в-проч-емъ...), откуда послѣ отпаденія конечнаго *е* (какъ: лише—лишь; топере—АЮ. № 24—топерь...) образовалось: *опрочь*. Затѣмъ, вѣроятно, произошла какая-нибудь ассоціація съ другимъ словомъ, можетъ быть, со словомъ: „оприсно" [2]; см., напр., въ АЮ. № 5 (1490 г.)—*опрично* душегубства. Но противъ этого говоритъ, повидимому, слово: *опричнина*, *опричникъ*... Какъ бы то ни было, изъ *опричь* могло получиться фонетически слово: *опрычь*, изъ *опрично*—*опришно*—*опрышно*, но наше: *апрыш* указываетъ на конечный звукъ *с'*—мягкій: *апрысь—*опрысь—*опрись, и, вѣроятно, слова *опрочь* и *опричь* не имѣютъ по корню ничего общаго между собой. При разсужденіи о звукахъ *ы* и *и* послѣ *р* въ рус-

---

[1] Замѣчательно, что интеллигентные малороссы, утратившіе уже большую часть своихъ діалектическихъ особенностей въ рѣчи, по моимъ наблюденіямъ, сразу могутъ быть узнаны по произношенію звука *и*ы послѣ *р*. Въ этомъ случаѣ они произносятъ среднее *и* между *ы* и *и*. Такъ, я слышалъ въ Херсонской губерніи: кри́ыса, кри́ыша, Бори́ыс, бори́ысь, закри́ыть...

[2] *Ягичъ.* Критич. Замѣтки. Стр. 69.

скомъ языкѣ, я думаю, надо принимать въ расчетъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, что звукъ *р* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ совершенно *отвердѣлъ* (въ блр. нарѣчіи), во-вторыхъ, что звуки *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (млр.) совпали въ одномъ звукѣ полумягкомъ, полутвердомъ, или среднемъ—млр. *и*. Эти два обстоятельства объяснимы только при предположеніи, что въ общерусскую еще эпоху звукъ *р* отличался отъ прочихъ звуковъ своей природой, и что звуки *ы* и *и* діалектически уже тогда совпадали въ одномъ среднемъ звукѣ, который, вѣроятно, принадлежалъ почти всему общерусскому языку, и лишь въ нѣкоторыхъ діалектахъ различалось чистое *ы* и чистое *и* при согласныхъ. При этомъ относительно звука *р* интересно припомнить, что „во всемъ Остромировомъ Евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано ѥ послѣ *р*“. *Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ* [1]). Относительно этого-же звука *р* замѣтимъ, что уже въ Остр. Ев. мы встрѣчаемъ Боура (*Востоковъ*. Словарь. s. v.) вм. Боурꙗ. Ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ, мы будемъ имѣть случай вновь вернуться къ звуку *р* въ сочетаніи съ другими гласными, кромѣ *ы*, и увидимъ, что звукъ *р* долженъ быть принятъ, по крайней мѣрѣ, для эпохи общевосточно-русскаго языка, т. е. для праязыка бѣлорусско-великорусскаго, какъ звукъ полумягкій, при которомъ гласный могъ колебаться между твердымъ и мягкимъ. Срв. ка̂мари́—Катово, Тум. вол. [2]).

Что касается звуковъ *ы* и *и* не послѣ *р*, то, кажется, зубные звуки должны быть признаны тоже имѣвшими вліяніе на слѣдующій гласный въ смыслѣ его твердости или мягкости; по крайней мѣрѣ, кромѣ звука *р*, мы наблюдаемъ еще и въ зубныхъ звукахъ способность сочетаться въ однихъ и тѣхъ же словахъ то съ гласнымъ *ы*, то съ гласнымъ *и* въ

---

[1]) *Ягичъ*. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 28.

[2]) Колебаніе *и* и *ы* мы видимъ также въ др. р. *крило:* ВъUžд. Лѣтоп. подъ 1231 г.: и въ *крилȣ* мѣсто *раскрили* сюдȣ и онудȣ—*Срезневскій*. Др. пам. ibid. Въ Смолен. Лѣт. 1495 года: *шестокрилатыхъ*—Стр. 112. Нынѣ мы говоримъ и слышимъ: *крыло*, *крыть* и проч. (см. выше). Срв. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 37—39, а также стр. 94—96 и примѣчанія.

современныхъ говорахъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности. Правда, что изрѣдка это колебаніе между *ы* и *и* встрѣчается и при другихъ согласныхъ, напр., при губныхъ, причину чего надо искать, по моему мнѣнію, въ вышеуказанномъ характерѣ древне-русскаго звука *ы*ᶦ или *и*ʸ, но зубные звуки и *р*, кажется, сами по себѣ способствовали отвердѣнію слѣдующаго за ними гласнаго звука *и* тѣмъ, что они въ эпоху общерусскаго языка (быть можетъ, въ эпоху обще-восточно-русскую) были *полумягкими*, и, такъ какъ къ этому же времени въ языкѣ существовалъ звукъ средній между *ы* и *и*, то *полумягкіе зубные* и *р* въ сочетаніи съ этимъ среднимъ звукомъ діалектически *стали или твердыми, или мягкими* [1]). Мы имѣемъ, напр., въ Олонец. краю: Владымеру, Владымера—*Истоминъ*. Пѣсни. Стр. 33. Наше: *туды́*, *суды́*—Рогачево, Тум. вол. Касим. уѣзда (и обще-великор.)—я вывожу изъ формъ на—*ѣ*: тѫдѣ, сѫдѣ чрезъ „*туди́, *суди́, откуда: туды́, суды́ [2]). Выше мы видѣли *ы* въ словѣ: псалтырю—Послѣслов. Псалт. 1296 г., съ такимъ-же колебаніемъ гласнаго мы постоянно встрѣчаемся въ словѣ *Хутынь* и *Хутинь*: въ Грам. Вкладной Варлаама Хутынскаго 1192 г. читаемъ: вхоуже тоу землю *Хоутиньскоую*—*Срезневскій*. Др. пам. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 510. Въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г. въ Послѣсловіи читаемъ: рукою грѣшьнаго Федора просвитера стго спса на *хутинѣ*—*Буслаевъ*. Матеріалы... Стр. 39. Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи: въ манастыри святаго Спаса на *Хутыни*—П. С. Р. Л. Т V. Стр. 42. Въ Смолен. Лѣтоп. Авраамки: игуменъ святого Спаса на *Хутинѣ*—П. С Р. Л. XVI. Стр. 47. Срв. стр. 49: *на Хутино*, *с Хутина*. На стр. 197: игумена святого Спаса *Хутыньского*. Въ Новг. Лѣтописи подъ 1211 г. читаемъ: а самъ пострижеся на *Хꙋтинѣ* у св. Спаса—*Срезневскій*. Др. пам. ibid. Въ другихъ словахъ послѣ зубныхъ: а долѣ на земли *с рогатынями* и съ обнаженымъ оружіемъ стояху—Смолен. Лѣт. ib. Стр. 122. Въ Ипатскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи имѣемъ: *непостыжну*—л. 24.

---

[1]) Срв. сказанное *Шахматовымъ* (Изслѣдов.... Стр. 16) о звукѣ *т* въ окончаніяхъ именъ и 3 л. глаголовъ.

[2]) Срв. *куды*—АЮ. №№ 6. 8. 16. *коуды*—Новгор. Лѣт. по Синод. Харат. Сп. (фотолитогр.)—л. 20б.

Столб. 1. Въ Псковской 2-ой Лѣт., какъ и въ Грамотахъ и древнихъ Актахъ (и въ рязанскихъ). мы имѣемъ: полтына— ib. 24. 26. Въ Изборникѣ 1076 г. читаемъ рядомъ: просить отъ своѥѧ твари не малыꙗ ли и оудобьтворимыꙗ *милостыни*... Нъ того просить. ѥже намъ на пользю на спсениѥ. просить бо *милостинѧ*—*Срезневскій*. Др. п. р. п. и яз. Изв. А. Н. X. Вып. V. Стр. 430. Срв. въ другомъ словѣ послѣ *т*: пришедъ отъ *пустиня*—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 112. Въ Постной Тріоди Новг. Соф. библ. 1100 г. читаемъ: ѡнъ бо оукрѹхъ възьмъ на хлѣбъ ѡтълѹчисѧ. ѡбразьмь *си* оученикъ, дѣльмь же *сы* губитель—*Срезневскій*. Ib. 448.

Изрѣдка встрѣчаемъ колебаніе гласнаго *ы* и *и* послѣ *л* и губныхъ: выше мы видѣли въ Златой Цѣпи примѣры: *висѧтьсѧ*, *помислити*; вотъ еще примѣры: Смол. Лѣтопись: повелѣ *истребыти*—39. *размисливъ*—231. *измившеся* прѣдѣте ко мнѣ—232. Въ Двинскихъ Грамотахъ начала XV в. находимъ: къ посадникамъ *колыванъскимъ*. На оборотѣ Грамоты адресъ: к посадника^м *коливанъски*^м. (*Востоковъ*. Опис. ркп. Рум. Муз. № XLIV). Послѣ *л* еще: исполнь укоризны и *хули*... Татарове же к нимъ прямо на градъ *голими* саблями своими машуще—Смол. Лѣт. 123.

Наконецъ, сюда же отнесемъ тѣ имена прилагательныя, которыя сохранили до сихъ поръ въ говорахъ древнія окончанія имен. пад. множ. ч. муж. р. краткой (безчленной) формы—*и*, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ литературномъ произношеніи это *и* замѣнилось звукомъ *ы*.

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы привели слѣдующія формы именъ прилагательныхъ, слышанныя нами въ уѣздахъ Ряз. губерніи съ окончаніемъ *и:* ра́ди, баɣа́ти, винава́ти, ɣаладни́ (ɣо́ладни), сы́ти, кви́ти („Къ діалектологіи"... 38). Теперь мы можемъ дополнить этотъ перечень еще слѣдующими словами: *мо́ла́ди*—г. Касимовъ; *ɣара́зьди*; Умѣют фсѣ ɣла́дкіји пѣсьни-ти иɣра́ть: ɣара́зьди!—Снохино, Тум. волости. Тутъ же: ра́ди—Катово. Замѣтимъ, что и въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ по преимуществу эти же слова съ окончаніемъ *и:* виновати—АЮ. № 26. ради—Смол. Лѣт. 233, Псков. 2-я Лѣт. Стр. 40. всколебашяся аки *пьяни*—Псков. Лѣт. 37. Но и: прави—ib. Стр. 43. здорови—Смолен. Лѣт. Стр. 63. Такимъ образомъ, и въ прилагательныхъ

колебаніе гласнаго сохранилось по преимуществу *послѣ зубныхъ* звуковъ. Форму *пьяни*, кажется, я гдѣ-то слышалъ, но не помню мѣстности. Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки встрѣчаются еще написанія: князый Ростовьскыхъ—90 и той зымы—150. Часто колеблются также иностранныя слова: кивотъ и скима (схима) въ др. р. письменности, что̀ тоже знаменательно: Смол. Лѣт.: *в скымѣ*—56. *в скыму*—67. 81. *кывотъ*—73. Срв. скимнаго образа... Грамота печер. игумена Василія къ Кириллу Туровскому. (Приб. къ Твор. св. Отц. X. 347); азъ же не о собѣ скажю ти о св. *скимѣ*, но отъ св. книгъ—іѢ. Ипат. Лѣт. подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць *скимникъ*... и мн. друг. Я думаю, что это не графическое явленіе и не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *к*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, такъ какъ во всѣхъ этихъ памятникахъ мы имѣемъ доказательства мягкости произношенія живого звука *к*. Замѣтимъ странное по ударенію: ки́воти—Пѣсни *Истомина*. Стр. 83. („Во бѣло́й стоитъ она да во ки́воти"—Свадебн. пѣсня Арханг. губерніи Арханг. уѣзда).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ случаевъ употребленія и смѣшенія звуковъ *ы* и *и* въ древнихъ и современныхъ русскихъ говорахъ мы можемъ вывести заключеніе, что колебаніе этихъ звуковъ было въ значительномъ количествѣ случаевъ и доказано для случаевъ сочетанія этихъ звуковъ съ *р* и зубными Колебаніе на письмѣ, а равно и въ живыхъ современныхъ говорахъ не можетъ не указывать на бывшую когда-то близость этихъ звуковъ другъ къ другу. Несомнѣнно, что въ общерусскую эпоху, кромѣ звуковъ *ы* и *и*, былъ еще звукъ средній *и*ⁿ или *ы*ⁱ; вѣроятно, этотъ звукъ и сохранился въ нынѣшнихъ малорусскихъ говорахъ. Въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы также имѣемъ: погубывыи, просыти, сотныкъ и проч. Принимая во вниманіе нѣкоторыя данныя изъ другихъ слав. языковъ (напр, чешскаго), а также колебаніе *ы* и *и* въ самомъ старославянскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, едвали не придется признать звукъ средній между *ы* и *и* еще въ общеславянскомъ языкѣ. (Срв. *Михальчука*: Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. 475).

Лескинъ (Грам. старосл. яз. Рус. перев. Москва. 1890 г.) говоритъ: „Замѣна знака ы чрезъ и, напр., рика—Зогр., Супр.

при ръıба, отъкрываѭ—Супр., = —кръıваѭ и др., основана на позднѣйшемъ, проникшемъ въ рукописи, совпаденіи ъı съ и въ звукѣ *i*". Стр. 34. Сказано нѣсколько неясно: что значитъ здѣсь „позднѣйшемъ"? Если совпаденіе ъı съ и въ звукѣ *i* могло уже проникнуть въ Зогр. и Супр. рукописи, т. е. въ памятники X—XI вѣка, значитъ, это совпаденіе было и въ томъ живомъ нарѣчіи паннонскихъ славянъ, на которомъ написаны Зографское Евангеліе и Супр. рукопись; слѣдовательно, это совпаденіе звуковъ во всякомъ случаѣ *доисторическое*, если даже основываться на данныхъ только старо-слав. письменности. Если же привлечь къ этимъ даннымъ еще показанія современныхъ живыхъ слав. нарѣчій, то мы увидимъ, что это совпаденіе *ы* и *и*, или, что—то-же, среднее *ы*ⁱ, среднее *и*ʸ, принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, *діалектическимъ*. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки.

Теперь переходимъ къ отдѣльнымъ, большею частью, мелкимъ явленіямъ въ области гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ и на этомъ окончимъ обзоръ вокализма говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Глава VI-я.

Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Подъ *отдѣльными* явленіями мы помѣщаемъ тѣ явленія, которыя встрѣчаются въ нѣсколькихъ, немногихъ словахъ, составляютъ не фонетическій законъ, а—случайность, или не могутъ пока быть подведены подъ какой-либо законъ, или, наконецъ, встрѣчаются сплошь во всемъ ювр., а иногда и въ свр. нарѣчіи, и потому не относятся къ области говоровъ Касимовскаго уѣзда, наконецъ, еще тѣ, которыя, встрѣчаясь въ однихъ случаяхъ, отсутствуютъ въ другихъ однородныхъ и т. п. Здѣсь мы будемъ говорить о слѣдующихъ явленіяхъ: 1) *Отпаденіе начальнаго гласнаго въ словѣ*: Меᵃлья́н = Емелья́нъ—

Парахино Касим. у. (См. выше въ памятникахъ др. письменности); Графе́на = Аграфе́на — Бѣльково. („По Огрофенѣ“ — Грамота 1490 г. АЮ. № 5); Ляксáндра = Алексáндра — Катово. (Олександръ — АЮ. №№ 24. 71. XXXVII и мн др.). Срв. также др. рус.: Оме́ля, Омельянъ — АЮ. №№ 414. 422. Далѣе: мянúнничя = именúнница — д. Снохино и др. 2) *Приставка гласнаго въ началѣ слова*: альлянáя (= льнянáя) — Ерахтуръ; срв. с льляны́м мáслăм — Акулово. Алянóк — Шостья; аржы́ — Дмитріево (= ржи; мн. ч. отъ сл. „рожь“, какъ: овсы́, сѣнá, просá, канапú... „Сѣнá“ мы имѣемъ и въ древне-русскихъ грамотахъ: „а тѣ пустоши покошены и *сѣнá* стоятъ на нихъ“ — АЮ. № 3. 1485 г. Или: „и мы, господине, потому тѣ лѣсы пашемъ, а *сѣнá* косимъ, по своей по правой грамотѣ“. — АЮ. № 11. 1504 г. „Сѣнá“ я всегда слышалъ отъ крестьянки Лаишев. у. Каз. губерніи). Аржы́цу стáнуть брáть — Ивановское; афтóрьник — Ерахтуръ; у афсѣ́х — ib.; увéсь пóѣст (= пóѣздъ). — Нармушадь. 3) *Изъ = съ изрѣдка (из = с) и наоборотъ*: ис цавó? = съ чего? — д. Китово (напр., „ис цавó ты взя́л“? „ис цавó бьёмси-ти? ис = изъ-за?); из утрá пайдёш — 2 л. ед. ч — Ерахтуръ (= „съ утра“); з гре̇цы́хи (= изъ гречúхи) — дер. Китово; з' ăпцаствá = изъ общества) — Ерахтуръ; бе̇рём с сéмя бьём, пъкупля́ям — 1 л. м. ч. — дер. Китово (= изъ сѣмени). 4) *Вставка гласныхъ*: пăшанá — род. ед. ч. — Ерахтуръ; пăшанúца — Нармушадь; пья́нăства бывáе̇ть — Нармушадь; пăлаткáми — твор. п. мн. ч. (= платками) — Уланова Гора; блины́ ис п'шанá, рăжаны́я — Чарусъ (= ржаны́е); пăшанá насы́пют — Ветчаны (Истомино); „кăравáтка смăшшанá“ (= смощенá) — въ пѣснѣ „Таусень“ — ibid.; вóсе̇май гóд = восьмóй годъ — ibid.; я ня с Пáве̇лăм жыву́ — Катово Тум. вол.; он вадавóй (= вдóвый) — Чуфилово; х пирипăлавéнью = къ Преполовенію — Праватарово; атьвѣ́дай кутéйки па мăладéньцу — Киструсъ (Спасск. у.). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ видитъ читатель, имѣютъ неопредѣленный гласный звукъ на мѣстахъ основного ъ или ь: пьшено, пиіаньство, ръжанъ, осьмыи, павьлъ, вьдовъ, въдовъ, и потому эти случаи скорѣе свидѣтельствуютъ о сохраненіи стараго гласнаго звука, утраченнаго частью въ эпоху исчезновенія глухихъ, чѣмъ о вставкѣ гласнаго, хотя, конечно, въ нашихъ говорахъ вѣрнѣе это явленіе считать *вторичной* вставкой гласнаго, чѣмъ сохраненіемъ его. Другія-же изъ этихъ словъ представляютъ,

быть можетъ, чисто-русскія образованія, соотвѣтствующія фонетически старославянскимъ, вошедшимъ въ нашу литературную рѣчь. Таковы, кажется, слова: пăлаткáми (платъ—полотъ, полот-но, полот-енце), мăладéньцу (младъ—молодъ, молодой, молоденецъ). Наконецъ, третьи, какъ: кăравáтка, представляютъ вставной гласный звукъ между согласными, въ серединѣ группы согласныхъ. Быть можетъ, такія слова со вставнымъ гласнымъ получили этотъ вставной звукъ, поддавшись аналогіи полногласныхъ образованій, но, кажется, и вставка гласнаго въ группѣ согласныхъ—явленіе, свойственное фонетикѣ русскаго языка: вспóмăни, перéчятка, смерéтушка и под. извѣстны въ разныхъ народныхъ говорахъ.

4) *Выпущеніе* (*выпаденіе*) *гласнаго звука или слога въ серединѣ словъ*: *свамý* сы́ну нáда усáлу (=усáдьбу) *прибрятáть*—Борисково, Касим. у.; у *мня́* мáнӣнькіјі: кáк фсéм атайти́ть!—ibid.; нéт'ти (=нéтути)—ib. Срв. въ Новгород. Синод. Лѣт. нѣтоуть—л. 298. (фотолитогр. изд.); въ Ипатск. сп. нѣтуть—л. 89. столб. 2. нѣтутѣ—л. 89. столб. 1. Въ Лавр. сп. нѣтути—л. 150 столб. 2. Вѣроятно, слово состоитъ изъ двухъ: *нѣту* и *ти*, *тѣ* (мѣстоим. дат. пад.), откуда при ѣ=и: нѣтути, послѣ отпаденія *и*: *нѣтуть*. Въ Ипатск. спискѣ и во многихъ грамотахъ мы имѣемъ и: нѣту—Ипат. л. 92. столб. 2. Послѣ отпаденія *у* получилось: нѣтъ—Ипатск. л. 93. столб. 1. Этимологія-же слова „нѣту“ извѣстна [1]). Что касается мѣстоименій, то богатое количество интересныхъ мѣстоименныхъ формъ мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда, по преимуществу формъ мѣстоименій личныхъ: выше мы видѣли форму: *мня́*—род. п. ед. ч. Срв. въ Пѣсняхъ Истомина: *Е́*сть у *мня* братцы пóлучше тебя — Стр. 13. (г. Онега. Арх. губ.). Вотъ еще нѣсколько формъ, въ которыхъ мы видимъ выпущеніе гласнаго звука: сам пра *ся́* скáжаш—2 л. ед. ч.—Семеино. Срв. Пра *сея́* бýдя пéть мéр—Катово; бýдит с *тя́*—Бычково. Срв. у *тея́* э́та цавó?—Шара-

---

[1]) *Потебня*. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. П. 380. Срв. *Miklosich*. Vergl. Gram. III. 330. *Соболевскій*. Р. Ф. В. 1881; № 4. 243 и слѣд. Въ Лавр. лѣт. мы читаемъ: нѣту бо ти нужа никоея.

нина; „*тяя́* бо́льшы ни вида́ть“ —пѣсня—Бычково. Сами ме́жу *ся́*—Праватарово. Вотъ на основаніи такихъ фактовъ мы выше высказали мысль, что въ современныхъ русскихъ говорахъ мы усматриваемъ въ такихъ мѣстоименныхъ формахъ формы, образовавшіяся вслѣдствіе выпущенія сначала согласнаго звука *б*, а потомъ ассимиляціи и сокращенія гласныхъ. О другихъ формахъ мѣстоименій мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ и въ отдѣлѣ морфологіи. Другіе примѣры: *о́кла* (=около) *γ*ра́ни-ти—Рогачево (*γ*ра́ни=границы); *д'ыть* (=да вѣдь) ана́ тут нѣт ры́бы-ти (См. ниже—Синтаксисъ)—Рогачево; *Не'нѝла*—ib.; *т'ыть* ана́ брала́—Давыдово; *з' асьму́шку* (=за осьмушку)—Катово; ани́ пасмяли́сь (=посмѣялись)—Шаранина; абѣх вм. обѣихъ—Агѣево. Срв. обѣх—въ Новгород. губ. (Колосовъ. Замѣтки. ib. 25); Ани́, мушки́, лю́бют с пахме́ля—Акулово; (=они, мужки́, любятъ съ похмелья; мужки́—отъ им. ед.—мужо́къ, уменьш. отъ „мужъ“); слово „пахме́ля“ напоминаетъ по произношенію блр. и млр. „похме́лля“, какъ „весілля“ и т. п., но не было слышно двойного *л*. (См. ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ). Зама́цым каду́шку (=замачиваемъ)—Акулово; старики́ та нам ска́зывут—Жалудково; я уш сица́с ду́му—1 л. ед. ч. (=думаю)—Меркулово, Праватарово; уш ни умѣмшы ни зы*γ*ра́иш—2 л. ед. ч.—Чуфилово; Василій Пи́мнаф (=Пименовъ)—Немнясево; на̄ ви́ни (=на ови́нѣ)—Праватарово; у ко́ јесь?—ib. (=у као́ вм. у каво́); за́гинья—за́говѣнье—Парахино; ка́к јо пи́ть?—Фомино. (=јаво́—јао́. Быть можетъ, изъ: јово́—јоо́—јо́, какъ и выше: ково́—коо́—ко́). О́кли Каза́нскай ушо́л—Астахово; посли за́гвинья—Парахино; пашла́ спавѣда́тца—ibid.; када́ ко́ны (=ико́ны) при́дут—ib.; рабо́тут, пло́тницут—3 л. мн. ч.—Ахматово; Лиза́р—Алексѣево (=Елеазаръ); изъ этихъ всѣхъ словъ, быть можетъ, слова: *ко́* и *јо́* вмѣсто каво́ и яво́ (јаво́) указываютъ на *окающее* зерно нашихъ говоровъ въ ихъ первоначальномъ видѣ и на ихъ родинѣ: врядъ-ли изъ „као́“ получилось бы „ко́“, а изъ „коо́“ могло легко получиться—„ко́“. Такія же формы мѣстоименій личныхъ, какъ мы привели выше изъ нашихъ говоровъ, есть и въ свр. нарѣчіи: „И возьми-тко *мня* въ службу богатырскую“—*Гильфердингъ.* Он. былины. Столб. 681. „Ты поди иди за *мня* да во замужество“—ib. 1026. Срв. род. падежъ: „Одна у *мня* любимая племянничка“—ib. 31. „Есть у *мня*

да молода жена"—113. Здѣсь же: „Золотой казны у *мни* да есть по надобью"—113. (Въ другихъ мѣстахъ: *мни*—дат. п. ед. ч. изъ „*мнѣ*": „Вы попрежде *мни* подайте саблю вострую"—29. „А ко *мни* да вѣдомъ посылайте-тко"—83. Срв. 236 и друг.). „Измочила у *мня* шубу черныхъ соболей"—120. Срв. 138 и друг., напр., 396. 1020. 1048. Это сопоставленіе формъ изъ Олонецкихъ былинъ ясно показываетъ, что форма *мня́* есть плодъ позднѣйшаго сокращенія изъ *меня́*, т. к. употребляется даже въ смыслѣ винительнаго падежа, т. е., значитъ, образовалась послѣ того, какъ форма *меня́* стала имѣть и значеніе винительнаго падежа. Мы въ этихъ былинахъ встрѣчаемъ и формы: *тея́*, *тя́*, но я не думаю, чтобы формы: *мя*, *тя*, *ся* и *тѣ*, *ти* (см. ниже), *си* при формахъ: тея́, сея́; теѣ́, сеѣ́—могли бы указывать на сохраненіе особыхъ старыхъ вин. и дат. падежей мѧ, тѧ, сѧ; ти (тѣ), сн. Признавать формы: мя, тя, ся; тѣ, ти, си сокращенными изъ: тея́, сея́, теѣ́, сеѣ́, по моему, необходимо; причемъ формы: мя и ти, си тогда слѣдуетъ объяснять, какъ образованныя по аналогіи (напр., *мя* по аналогіи къ *тя*, *ся*) или частью фонетическія (напр., я тѣ скажу—Семеино, Касим. у.; но: спаси́ба-ти—Шаранина, ibid. и друг.; т. е. *ѣ* въ слогѣ послѣ ударенія звучитъ, какъ *и*, подобно тому, какъ это мы видѣли въ падежныхъ окончаніяхъ именъ). Необходимость признанія этихъ формъ за сокращенныя вытекаетъ изъ того, что мы имѣемъ подобныя формы въ языкѣ, несомнѣнно получившіяся путемъ сокращенія: род. *мня* при винит. *мня*. Но есть и: *мене*, *тебе*, *себе*—*Гильфердингъ*. ib. 509. 706. 63 и друг.

5) *Ассимиляція гласныхъ звуковъ въ двухъ смежныхъ слогахъ:* Кипито́н—Антоново Касим. у.; Кистинти́н—Данево; Гара́ськина—Бѣльково. Срв. АЮ. №№ 98. 410. 413. 414. Въ др. русскихъ памятникахъ мы обыкновенно находимъ: Костянтинъ—и думаемъ, что на это произношеніе могло повліять уменьшительное—Костя; ассимиляція-же гласныхъ звуковъ произошла чисто фонетическимъ путемъ: звукъ *я* сталъ произноситься близко къ *і*, находясь въ слогѣ передъ ударяемымъ, гдѣ были мягкіе согласные, а звукъ *о* перваго слога ассимилировался съ этимъ звукомъ второго слога [1]).

---

[1]) См. между прочимъ статьи *Соболевскаго*: Ж. М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 29; 1893. № 11. 50—51.

Наконецъ, 6) звукъ *и* послѣ гласнаго не обращается въ *й* (i̯) въ ударяемомъ слогѣ; наоборотъ, звукъ j (i̯) появляется передъ начальнымъ ударяемымъ звукомъ *у* (оу): *поила* нясу́ть—Шостья Касим. у. („по́ила“—3 слога; вин. мн. ч. отъ сл. „по́йло“). Срв. „стаяла́“ = сто́йла—им. мн. ч. отъ сл. „сто́йло“—г. Скопинъ. Другой примѣръ: ю́трӑм (ју́трӑм) и ве́цырӑм—Ужыщево Алексѣев. вол. Касим. уѣзда. Въ этомъ словѣ j (i̯) существовало еще въ общеславянскую эпоху согласно закону о присоединеніи *j* (i̯) къ начальному *и* (оу), и въ общерусскомъ языкѣ мы имѣли въ этомъ словѣ j (i̯): срв. бѣлорус. и малорус. *ютро*, причемъ *утро*, какъ полагаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, появилось изъ такихъ формъ, какъ: „за оутра“, гдѣ j (i̯) исчезъ фонетически между двумя гласными.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава VII-я.

Передне-небные звуки: *ч, ш, щ* и *ж* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Группа *жд*.

Мы начинаемъ отдѣлъ согласныхъ звуковъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ обзоромъ звуковъ передне-небныхъ потому, что, именно, въ области этихъ звуковъ наши говоры представляютъ особый интересъ и замѣчательное явленіе своими, такъ нами называемыми, *средними* звуками: $ч^{ц}$ ($ц^{ч}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$). Мы разсмотримъ въ этой главѣ передне-небные звуки и ихъ замѣны въ нашихъ говорахъ, а равно—и вышеназванные *средніе* звуки и условія ихъ появленія. Затѣмъ перейдемъ къ группѣ *жд* и ея замѣнамъ въ нашихъ говорахъ. Вообще, надо сказать, что изслѣдуемые нами говоры въ большей своей части — говоры *цокающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ц* вмѣсто литературнаго русскаго звука *ч*, въ меньшей своей части—*чёкающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ч* вмѣсто нашего литературнаго *ц*. Говоровъ цокающихъ и чёкающихъ одновременно очень мало, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Говоры не цокающіе, т. е. сходные по произношенію въ данномъ отношеніи съ литературнымъ нарѣчіемъ, встрѣчаются лишь на очень небольшомъ пространствѣ за-Окской области Ряз. губерніи (смотря съ юга); при переѣздѣ черезъ Оку мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 верстъ, и то уже съ легкой примѣсью цоканья; эти говоры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ описан-

ныхъ нами говоровъ въ первомъ нашемъ трудѣ, и общая характеристика ихъ уже дана нами раньше. (Здѣсь, напр., мы слышимъ женскій родъ вмѣсто средняго: адна́ сяло́, адна́ бало́та—Киструсъ Спас. у.; г = *ɣ*, хотя есть уже и г = g: *ɣ*аня́ють, *ɣ*ало́днай *ɣ*о́т; мягкое *к* послѣ мягкаго согласнаго *и* *j*: д́ѣвачькя, чайкю; почти всегда—*ть* въ 3 л. глаголовъ и проч. Таковы селенія: Жолобова Слобода, Гавриловское, Селезё́ново, Городе́цъ, Ужалье, Новый Киструсъ Спасскаго уѣзда). Въ виду этого я не буду останавливаться на общей характеристикѣ передне-небныхъ согласныхъ не цокающихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, а займусь подробной характеристикой цокающихъ и чёкающихъ говоровъ.

Такіе говоры въ Спасскомъ уѣздѣ начинаются лишь съ д. *Деревенское, гдѣ я впервые и услышалъ цоканье*, направляясь отъ г. Спасска къ сѣверо-востоку. Что касается говоровъ Касимовскаго уѣзда, то они всѣ уже, т. е. во всѣхъ мѣстахъ, извѣстныхъ мнѣ, суть говоры или цокающіе, или чёкающіе, или и цокающіе, и чёкающіе, а потому они цѣликомъ и войдутъ въ мое изслѣдованіе. Какъ сказано выше, и въ *не цокающихъ* мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда можно уже замѣтить мелочныя отличія отъ говора южно-рязанскаго, и на эти отличія было и будетъ указано въ настоящемъ трудѣ, но *въ общемъ*-то сохраняется еще знакомый намъ типъ говора южныхъ уѣздовъ, между тѣмъ какъ съ д. *Деревенское* мы попадаемъ въ область *другого* говора, который и служитъ предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

По вопросу о передне-небныхъ звукахъ въ нашихъ говорахъ сдѣлаю одно *общее замѣчаніе*, чтобы не повторяться при перечисленіи примѣровъ произношенія ниже. Дѣло въ томъ, что всѣ *средніе* звуки ($ч^{ц}$, $ц^{ч}$, $ш^{с}$, $с^{ш}$, $ж^{з}$, $з^{ж}$), гдѣ они встрѣчаются, имѣютъ произношеніе *мягкое* и появляются вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они соотвѣтствуютъ *мягкимъ* звукамъ литературнаго русскаго нарѣчія, звукамъ: *ч'*, *с'*, *з'* Что касается въ частности звука $ч^{ц}$, $ц^{ч}$, то онъ можетъ быть и на мѣстѣ *мягкаго звука ч'* (въ литературномъ нарѣчіи), и *на мѣстѣ твердаго* звука *ц* (тоже въ литературномъ произношеніи), и это обстоятельство объясняется прежде всего тѣмъ, что нашимъ говорамъ вообще извѣстна мѣна звуковъ *ч* и *ц*, которая, въ свою очередь, находитъ для себя объясненіе въ исторіи этихъ звуковъ, бывшихъ нѣкогда *мягкими*. Такимъ

образомъ, въ нынѣшнихъ цокающихъ говорахъ звукъ *ц* представляетъ собой *позднѣйшее* отвердѣніе, а въ чёкающихъ говорахъ мы видимъ древнюю мягкость звука *ч*. Ниже, въ примѣрахъ, читатель увидитъ, что кое-гдѣ извѣстенъ до сихъ поръ нашимъ говорамъ и *мягкій* звукъ *ц*, хотя въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ уже *твердое ц*.

Цоканье, или замѣна звука ч (*литературнаго*) *звукомъ ц*. Въ настоящее время это фонетическое явленіе извѣстно намъ изъ очень многихъ говоровъ; можно сказать, что чуть ли не во всѣхъ русскихъ говорахъ встрѣчается *цоканье* или какъ *сплошное* произношеніе *ц* вмѣсто *ч* на большихъ пространствахъ, или какъ *спорадическое* явленіе, замѣчаемое лишь въ *единичныхъ* случаяхъ.

Намъ приходится говорить здѣсь о замѣнѣ *литературнаго* звука *ч* звукомъ *ц*, т. к. въ этомъ отношеніи мы не можемъ поручиться за то, что произносимое нами въ литературномъ нарѣчіи *ч*, *вездѣ нынѣ* слышится на тѣхъ мѣстахъ, *гдѣ и въ древности въ живомъ* русскомъ произношеніи слышался тотъ-же звукъ *ч*. Мы хорошенько еще не знаемъ, на какомъ пространствѣ древне-русскаго языка слышались звуки *ч* и *ц* явственно, *не смѣшиваясь* другъ съ другомъ, и слышались, именно, *такъ и въ тѣхъ словахъ, какъ и въ какихъ* мы слышимъ теперь эти звуки въ литературной рѣчи.

Цокающія мѣстности (*ц* вмѣсто *ч*; *ц*, большею частью, *твердѣвшее*, но есть и *мягкое*, что видно будетъ по транскрипціи ниже). Къ цокающимъ мѣстностямъ принадлежатъ: въ Спасскомъ уѣздѣ: д. Деревенское, с. Ижевское, д. Вы́жлисъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ: с. Ерахтуръ, д. Борки, д. Куземкино, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Шпилёво, Лощина, Перьи, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Ибердусъ, Дубровка, Бѣльково, Урядино, Китово (село и деревня), Чарусъ, Истомино (Ветчаны), Ивановское, Малахово; Тумскій край: Катово, Бычково, Симоново, Логино, Чуфилово, Горы, Расторгуево, Зубово, Давыдово, Семеино, Снохино, Кабаново, Меркулово; Шаранина, Андроново, Праватарово, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово, Велькова, Алексѣево, Ужы́щево, Мягкова, Волчково, Ламакино, Бѣлясево, Акулово, Оськино.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей сохранился *средній* звукъ: $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$: въ Касимовскомъ уѣздѣ: Нармушадь, Шостья, Чинуръ, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Жданово, Дмитріево, Данево, Тимохино, Забѣлино, Урядино, Чарусъ, Борисково (близъ Ветчанъ), Рогачево, Снохино, Бычково, Немясево, Норино, Алексѣево, Ахматово. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ я при своихъ записяхъ часто затруднялся постановкою на письмѣ буквы *ч* или *ц*. Конечно, и въ другихъ мѣстностяхъ, названія которыхъ приведены выше, былъ, вѣроятно, этотъ звукъ, но теперь, по крайней мѣрѣ, на мой слухъ, ясно слышится *ц* и *ч*.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстно *чёканье*. Это по преимуществу—уголъ Касимовскаго уѣзда, омываемый Окою по направленію съ СЗ. на ЮВ., отъ притока Гусь внизъ по Окѣ до границы съ Тамбовской губерніей, слѣдовательно, самый сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Рязанской губерніи, уголъ, врѣзывающійся во Владимирскую губернію и граничащій съ востока съ Тамбовской губерніей; вокругъ этого угла къ западу и югу, какъ мы видѣли, извѣстенъ средній звукъ $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$, а въ глубь уѣзда пойдетъ *цоканье*, на мой слухъ, съ ясными *ц* и *ч*. Само собой разумѣется, что въ чёкающихъ мѣстностяхъ извѣстенъ и средній звукъ; слѣдовательно, вообще можно сказать, что *средній звукъ извѣстенъ въ сѣверо-восточномъ углу Ряз губерніи* [1]), на границѣ съ Вла-

---

[1]) Самый выдающійся изслѣдователь древняго цокающаго Псковскаго говора по памятникамъ письменности—*А. И. Соболевскій*; его мнѣніе относительно мѣны шипящихъ и свистящихъ изложено въ его трудѣ: «Очерки изъ исторіи русскаго языка». К. 1884. Такъ какъ это мнѣніе очень близко къ тому, которое мы высказали относительно того-же вопроса выше, то мы его приведемъ здѣсь цѣликомъ, хотя читатель и увидитъ, что разница между нашими взглядами—существенная: Соболевскій полагаетъ, что когда-то между шипящими и свистящими не было большого различія, и потому часть русскаго племени начала употреблять ихъ безразлично; читатель самъ видитъ, что при этомъ остается непонятнымъ, *почему же* начали употреблять эти звуки *безразлично*, если это всетаки было *два звука*, хотя и близкихъ другъ къ другу: мало-ли близкихъ другъ къ другу звуковъ? Мнѣ кажется, что это мнѣніе построено на чисто теоретическихъ соображеніяхъ: еслибы А. И. Соболевскій принялъ въ соображеніе современные намъ говоры съ *ихъ средними звуками* $ч^{ц}$, $ц^{ч}$, $с^{ш}$, $ш^{с}$, $з^{ж}$, $ж^{з}$, которые даже опытному человѣку

димирской и Тамбовской губерніями. Тотъ фактъ, что нынѣ при цоканьѣ извѣстно чёканье и средній звукъ, именно, въ совокупности, доказываетъ, на мой взглядъ, наглядно *процессъ вырожденія среднихъ звуковъ* и ихъ отклоненіе либо въ сторону *ц*, либо въ сторону *ч*. Эти говоры—архаичные, и, думаю, *таковыми* были говоры, расположенные въ этой мѣстности по Окѣ въ древности (т. е. говоры *со средними* звуками).

Ниже мы увидимъ, что изслѣдуемые нами говоры Ряз. губерніи не могутъ считаться занесенными цѣликомъ откуда-нибудь, а должны считаться *осадками* старыхъ лѣсныхъ жителей, такъ какъ *неоткуда было взяться тѣмъ фонетическимъ признакамъ, которые теперь находятся въ нашихъ говорахъ.* Напротивъ, часть туземцевъ, выселившихся на новыя мѣста въ разное время, приносила съ собой звуки своего говора, и этимъ объясняется, съ одной стороны, то, что нынѣ мы *въ Вятскомъ говорѣ* слышимъ звуки, напоминающіе намъ наши Окскіе говоры, съ другой стороны, то, что нынѣ, въ краяхъ, заселенныхъ *бѣлоруссами*, мы находимъ звуковыя черты, сближающія тѣснѣйшимъ образомъ говоры бѣлорусскіе съ нашими,

---

трудно изобразить на письмѣ однимъ начертаніемъ, то онъ пришелъ-бы къ заключенію, подобному высказанному нами. Впрочемъ, быть можетъ, въ 1884 году наша діалектологія и совсѣмъ не давала права на такія заключенія вслѣдствіе отсутствія печатныхъ описаній и изслѣдованій, хотя надо вспомнить здѣсь мнѣніе *Каткова* о блр. звукѣ *с*. Соболевскій говоритъ: «Мѣна шипящихъ и свистящихъ—явленіе, возникшее очень рано, задолго до XIV в. Не имѣемъ достаточнаго основанія утверждать, что оно относится къ общеславянскому періоду (хотя это вполнѣ возможно); оно могло возникнуть на русской почвѣ въ то время, когда образовавшіеся изъ гортанныхъ шипящіе и свистящіе еще вполнѣ сохраняли свою мягкость, и когда между ними не было большого различія. Тогда часть русскаго племени перестала отличать всѣ или нѣкоторые шипящіе отъ соотвѣтствующихъ имъ мягкихъ свистящихъ и начала употреблять ихъ безразлично, одни вмѣсто другихъ. Это продолжалось и тогда, когда шипящіе и свистящіе, образовавшіеся изъ гортанныхъ, стали нѣсколько тверже, и когда послѣдніе сдѣлались тожественными съ мягкими свистящими, происшедшими другимъ какимъ бы то ни было путемъ; это повело за собою спорадическую замѣну и этихъ послѣднихъ шипящими. Къ XIV вѣку нѣкоторая часть шипящихъ (*ж* и *ш*) отвердѣла;..... вслѣдствіе этого возникла спорадическая замѣна шипящими даже твердыхъ *з* и *с*». Стр. 149—150.

между тѣмъ какъ ни въ Вятскомъ, ни въ бѣлорусскихъ говорахъ мы не находимъ многихъ чертъ стараго Новгородскаго говора, но зато и тамъ съ теченіемъ времени развились новыя звуковыя особенности, которыхъ нѣтъ въ нашихъ приОкскихъ говорахъ. Конечно, это только моя догадка: *когда* эти перемѣщенія, выселенія и заселенія были, рѣшить нельзя, но надо думать, что въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, въ особенности въ эпоху удѣльно-вѣчевого устройства на Руси или даже еще ранѣе, въ IX—X вѣкѣ.

Чёкающія мѣстности, гдѣ *яснѣе* другихъ слышно *ч* вмѣсто *ц*: Дмитріево, Данево должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ (они находятся почти въ самомъ углу, гдѣ сходятся всѣ три губерніи), затѣмъ идутъ: Забѣлино, Гиблица, Тимохино, Антоново, Борисково (Ветчан. вол.), Чинуръ и Шостья. Вездѣ здѣсь извѣстенъ, конечно, и *средній звукъ*. Все это будетъ видно ниже на примѣрахъ.

Примѣры. Ижевское Спас. у.: ў зау́лӑцки жывётъ; „зӑцыта́лӑсъ, но́цэю цыта́ла псалты́рь“ [1]); у мнѣ́ два уца́стка; старицо́к; цаво́ и цэво́; хо́цыть—3 л. ед. ч.; па ате́цэ̆сву Лариўо́н Ива́ныць, Ми́тріевиць; цэ̆лавѣ́к; тро́пӑцка; сица́с; нивзнаца́й. (У мущинъ я слышалъ: ничяво́; они всѣ здѣсь—народъ промышленный). *Вѣжлисъ*: апцэ́с'винскай зямли́; цужо́й заγо́н, цаты́ря. (Мущины тоже меньше цокаютъ). *Ерахтуръ Касим. у.*: Хё́дӑрыц, сица́с жы́ф; ат абѣ́их па дяфцо́нки; саску́цылас, ницаво́; ану́цы; цытьвяртну́ю; ў ла́вацку; църнарабо́цых; ца́је^{i}м—твор. п. ед. ч.; па цужы́м жыву́ть—3 л. мн. ч.;—г зе́мьскӑму наца́льнику; слуца́е^{i}тца—3 л. ед. ч.; ве^{i}ньца́л ате́ц Лякса́ндр'; дѣ́вацка, цэты́ря; адна́ до́ц аста́лас; γо́дика цэре^{a}с два; тепе́рьца; из мацэ́ньца; з до́цэрью; цао́? ў цыты́ри цапка́; цо́лно̆к (sic!); пӑ цыряду́ тку́ть; цо? (см. выше: цао́?); вицара́—им. п. мн. числа; ў̆пара́сь, пец (сущ.); ку́заў с прибá̆вӑцкӑм (=ку́зовъ съ прибавочкомъ); ў ку́тцки (=въ кучкѣ; *т* ясно слышалось въ этомъ словѣ); аγу́рцыкаў,

---

[1]) Въ кавычкахъ приведены подлинныя слова въ цѣлой фразѣ, сказанной одной крестьянкой про раскольницу въ Ижевскомъ Сашу. Объ этомъ смотри мой «*Отчетъ* о командировкѣ въ Рязанскую губернію на лѣтніе мѣсяцы 1894 года». Казань. 1895. Отд. оттискъ. Стр. 12. (Ученыя Записки Имп. Каз. Унив. 1895. Январь. Стр. 210).

вило́цкаў, во́дӑцки [1]); драцо́ну; мо́цуть—3 л. мн. ч.; ўсе́ ко́нцытца—3 л. ед. ч.; пла́цыть—3 л. ед. ч.; рӑсце́съвають—3 л. мн. ч.; цуто́к лиш ви́дна. *Борки:* цы́стють—3 л. мн. ч.; зао́т Кацко́ва (=заводъ Качкова); уцы́теˡль; сица́с; цэряз до́м (=черезъ домъ); у́цуть—3 л. мн. ч. *Шостья:* цаты́ря, маца́ньца, три с цэ́тьвирьтью, па пьтацку́; се́мицка, валё̆цкӑм, дащё̆цку (=дощечку—вин. п.); ў мяли́нацки; па ку́цки разло́жым—1 л. мн. ч.; цэ́м зӑнима́еˡмса?, пӑкаро́ца, пъцыта́еˡть—3 л. ед. ч.; нӑцына́еˡм. на зипу́ньцыки; веˡшни́цку пеˡреˡстры́гули; но́цы ни вы̆сыпа́еˡм; ў пе́цку; цые́ сца́сья!, цаво́, зацэ́м; лиш до̆ цэра́шнява дня́; кӑлако́льцыкӑм—тв. п. ед. ч.; стуцы́ть—3 л. ед. ч.; цэ́рьви, вы́тӑсцыли (ц́=сц); дака́ньцына (=доко́нчена); вянца́лас, сица́с дава́й крыца́ть; с пе́цы; бу́блицки, пяца́льна; цасо́цки, ўстряца́й, вяцо́р, веˡцыри́на; за пе́цэ^й^й—твор. п. ед. ч.; греˡцы́ха, крупца́тки; цылаэ́к, прицашша́еˡмси—1 л. мн. ч.; ў пеˡцэ́ (=въ печи́), ис пе́цы (=изъ пе́чи); у Пацы́ньских бяру́ть (с. Почи́нки); луцы́ну, пъд ако́шыцкӑм, дяў̆цо́нки, ру́цки, цо́рнай во́ран пракрыца́л. *Брьево*: сица́с, ницаво́. *Ломъ:* длеˡ пцо́л (=для пчёлъ). *Шилёво*: цылаэ́к, греˡцы́ха, Никала́иц. *Лощина*: цаво́, пълуцы́ла, пла́цыт—3 л. ед. ч. *Перьи*: цаво́, сица́с, нӑцава́ли. *Уланова Гора*: пеˡрца́тӑцки, ру́цыньки, дифцо́нка, пъцыта́ють—3 л. мн. ч., ны́ньцы, цаво́ (по преимуществу въ пѣсняхъ осталось цоканье: въ говорѣ этого подгороднаго села (слободы) близъ г. Касимова замѣтенъ уже „городской“, „образованный“ выговоръ; надъ цоканьемъ здѣсь смѣются, а въ пѣсняхъ еще сами, забывшись, цокаютъ). *Гусевской Заводъ*: пӑ пеˡца́ли. (Это село въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владимирской губерніи; здѣсь—смѣсь населенія, но преимущественно—цокальщики). *Ибердусъ*: фсю но́ц. *Дубровка*: преˡттѐца (=Предтеча), ве́цӑр; но: чално́к-ӑт. *Бѣльково*: за цасо́веˡньку, сица́с, виньца́л, цаты́рнӑцӑтый; пъцаму́? на цаво́ вы́пьеˡш? наца́льники, нацну́т—3 л. мн. ч.; ф сваю́ и ф цужу́ю, с пе́цы, зацэ́м, си́тницка—род. п. ед. ч.; неˡ пла́цут, веˡцару́шную пѣ́сьню, бро́сют пьтацо́к;

---

[1]) Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы видимъ; в=ў, г=γ,—ть въ 3 л. глаголовъ, а потому мы въ дальнѣйшемъ изложеніи, чтобы не приводить вновь *всѣхъ* примѣровъ, когда будемъ говорить о звукахъ зубныхъ, заднебныхъ и губныхъ, будемъ ссылаться на эти примѣры. Въ словахъ: Иваныць, Митрiевиць (Пжев.); рӑсцёсъвають (Ерахтуръ)—*ц* мягкое.

за цо́рнӑва ли́ба за бѣ́лӑва; с цытьвярга́ зъцына́ли блины́ пе́ц (глаголъ); гре́ца (=греча); ф ца́стую зацну́т вясно́й; пӑбайцэ́я сабра́ли-бы: мы неⁱ смѣлыји: неⁱ магём—1 л. мн. ч.; ф хло́п'цках расли́: буты́л'цку падьнёс—ф цытьвяро́м по́ дьви (по двѣ)-те; пау́жънӑли и на пе́цку! *Урядино*: Иван Пятро́виц. на Цӑрус даро́га (=на Чарусъ); цай у као́ уго́дна. сица́с, преⁱтте́ца, преⁱтте́цкай (приходъ); деⁱфцо́нка адна́ вы́дӑна; хлѣбеⁱ*цъ*; цаты́ря, край зеⁱмли́ уцы́лси (=около земли учился). *Чарусъ*: цытьвёрта треⁱтья́шка (=трехъ-годовалая лошадь); ф Кӑцама́ри (=с. Качема́ръ) т'ить он дья́кан-та ади́н; у ко́ цоо́ јесть; и сро́дьники и цужы́я; эта я тапе́рь на пацы́ни; цо̄? (=чего?), цэ́м? си́тьницка хатѣ́ла купи́ть; я как хацу́ вам сказа́ть; сица́с пади́ дяру́ть—3 л. мн. ч.; када́ бу́деⁱть *цᵘвѣсъ*-та? (=цвѣсти́); стаи́ть зны́цыт (=зна́чить); для пълате́ницкӑф па́смӑцкӑф ў три, на стѣ́нацках, ў цаты́ря: неⁱуда́ца быва́еⁱть; ф пе́цку пало́жа̄м—1 л. мн. ч.; на́да уш пъжырьцэ́я; асо́беⁱнна мо́ца̄м—1 л. мн. ч.; ис цаво́ (=для чего? изъ-за чего?); мать пла́цӑть—3 л. ед. ч. (см. выше); я пла́цу; в Аде́сти (=въ Одессѣ) мно́γа на́шых Ца́р'ских (=Ча́русовскихъ) рабо́тут; нада јіё апла́цывать, во́ньца три цэ́тьвирьти; γряцы́ха, ради́мӑй, мы неⁱ сѐјили: пло́ха ради́тцы-ть. *Ветчаны* (Истомино): цао? цай пьють! уцы́лась, сица́с; веⁱньца́лась (—*нь*—доказываетъ бывшую мягкость звука *ц*. Въ цокающихъ говорахъ *ц* было первоначально мягкимъ, какъ и вообще; цоканье древнѣе отвердѣнія звука *ц*; мы говоримъ: веⁱньчя́ть, но винца́ (род. п. ед. ч.); произношеніе „виньца́“ измѣнилось въ произношеніе „винца́“ *послѣ отвердѣнія ц*. Ряз. *виньца́* осталось на старой ступени произношенія *н* и послѣ діалектическаго отвердѣнія *ц*. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ однороднымъ слу́чаямъ, гдѣ мы находимъ *сохраненіе мягкаго* согласнаго *въ сосѣдствѣ съ отвердѣвшимъ* согласнымъ, нѣкогда тоже мягкимъ); снаца́ла; пла́цаш—2 л. ед. ч.; ва цужы́ люди (пѣсня); вицару́ха, цулки́, пӑ трѐшницку (но: чижало́—*ч* изъ *т* мягкаго); пъвиньца́ютца; каму́ цаво́ на́да! к цаму́; цы́стай, пъсцыта́ют; ца́сты звѣздушки; у бӑγацо́ф (=у богачей); с ма́слицкӑм, „тара́нӑцки (тара́нь—рыба) јёшли (=если) ху́ньтик на мацал'цкӑх“! разацнётцы—3 л. ед. ч.; мо́цы нѣт; „ка́к ры́бӑцка аб лёт“; пӑцыта́ть. *Китово*: иш' ана́ цы́ста (трава); Ива́н Макси́мыц; до́цыря—им. п. ед. ч.; γо́спӑди зна́еⁱть ӑтцаво́! нѣт ницаво́, а прясь не́цӑва! на́с вот цаты́ри ба́бы-ти: свякры́ цытьвёрта; с Ми́тра-

ва нацына́е^іть, друɣа́я с Рӑжаштва; во́т ŏн и ве́цыр! у каво́ аве́цка, тады́ и зӑцына́е^іш; ла́пти плятӯть и лы́цки; „цыть-ве^іртацо́к пуцо́к"; а у на́с зе^амля́ пе^іспа́ная. *Дер. Китово*: друга́я цӯть цӯть ляжы́ть—3 л. ед. ч; „нӑцава́ть ка́к уш та́х-та ня пӯстишь—3 л. ед. ч.; ла́вӑцку дӗржыть мӑлашнӯю; „а хо́ш цо́рнӑй хлӗп"! ма́сле^іницку не^ідӗлю блины́-ти пякӯть; „ка́гжа ни пъцыта́ть-та свякры́"? прицасти́тпа—неопр. н.; адино́цки; тӯца гро́зная. *Ивановское*: вӑпалцэ́ньцы вази́ли, си-ца́с на рабо́ти (=въ ополченцы); кой цэ́м, гдӗ каво́ зало́-жаш—2 л. ед. ч; гряцы́шки; я не^і зна́ю, како́ва цысла́; фся́-кӑму хо́цца харо́шъя мясте́цка; па мане́ницку сӗют—3 л. мн. ч.; ф Ца́руси (въ Чарусѣ) радя́тца; пре́жэ на́ пец, на пе́цы (=на печи́); ста́риньки старицки́; цэ́ре^із аɣо́нь. (*г* передъ согласными по преимуществу). *Малахово*: там у на́с вало́цут (=боронӯютъ) ло́шӑди [1]). *Бычково*: быцко́с^шькiјі (=бычков-скіе. На вопросъ: „откуда вы?"); цунно́ тапе́рь (=чудно́); ца-ра́сь; тӯт цаво́ нӑжывӗш? надысь царьни́ки (че́рни́ки—ягода) аны́ принаси́ли; лӯцци (=лучше); пайдӗм х цасо́вьню (х=въ), та́к и пла́цым—1 л. мн. ч.; *свѣ̆ч^цки* зат^се́плим—1 л. мн. ч.; быцко́јс^шькая (=бычко́вская; *въ*=j, какъ здѣсь часто; недавно я познакомился со статьей *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1895 г. Май: „Замѣтки по славянской грамматикѣ". Авторъ неправъ, говоря: „русскій языкъ не знаетъ опущенія *в* передъ мягкими гласными, кромѣ немногихъ случаевъ, лишенныхъ значенія, въ родѣ *ишь* изъ *вижь* (нарѣчія *домой*, *долой* изъ *домовь*, *доловь* могутъ имѣть особое, вполнѣ удовлетворитель-ное объясненіе". Стр. 91. Ссылка на „Лекціи" его. 2 изд. стр. 90). Мы уже въ первомъ своемъ трудѣ по діалектологіи имѣ-ли случай говорить о мягкомъ *в* (*въ*)=j въ ряз. говорахъ, т. е. о замѣнѣ мягкаго *в* јотомъ (j). Въ Касимовскихъ говорахъ это мы часто видимъ (см. ниже): любо́фь=любо́ј, любо́ви= любо́јі.... Такимъ образомъ, представляется полная возможность сближать русскія формы род. пад. мѣстоименій teje, seje, какъ и западно-славянскія teje, seje съ литовскими: tavęs, savęs черезъ славянскія *teve, *seve. О мѣстоименныхъ формахъ

[1]) Въ *Малаховѣ* пропущено: «ны́ньцы ихъ нѣ́ту»; ана ца́стая (пѣсня); па́лӑцкай—твор. пад. ед. числа; ацыстим—1 л. мн. числа.

съ фонетической стороны мы говорили выше. См. соч. „Къ діалектологіи“.... Приложеніе. Пѣсни подъ №№ 22 и 26). Далѣе: панајýцу (=понаучý—1 л. ед. ч. буд. вр. Въ пѣснѣ); цóрнай мак, нăцавáть; ф Цырькасóва (=въ Черкасóво—село (причтъ) для окружныхъ деревень). *Катово*: цы́стить—неопр. н.; цáс, ницавó; у папá у Хвѣ́дăра прицаспáлась; уцы́тцы-ти?—неопр. н.; уцы́лишша на γарáх (Горы́—селеніе); цэлавѣ́к дéрьгаить рукáми; ф цаты́ри цапкá; пацáще, из мацэ́ньца; „фсё пăлýч'ч'и хóпца“! памéльцэ; цыи́х γаспóт? пиринё-цык, γадóцку нѣ́т'ышша; как ни пъцытáть, цавó руγáтца; ляцы́ли; три́ дóцы́ри-ти, с цóрным хлѣ́бăм; тут лáвацка јéсь; пацóм? Всѣ окрестныя деревни и села Тумскаго края говорятъ одинаково, а потому говоръ этихъ мѣстностей я не буду разсматривать отдѣльно, а вмѣстѣ. Напримѣръ: вя ф пéрьвый рас цы́щю; нéцăва—*Симоново*; я нацýю, цы́лавѣ́к—*Логино*; Рăγацóва, ф праýлъцык, сицáс, дѣ́вацка, ăтвяцáть; „а тибѣ́ ахóта вы́уцытца“? На Цухви́лъви (=Въ Чуфи́ловѣ); вицарóк; Тимахвéй Радіóнъц ѣ́дя за ры́буй; мы ф цыстатѣ́ нé жы́ли; „пастóй, малцáть“! (Приказъ ребенку); аннóй (=однóй) лóжыцкай нильзя́; в нацы́ (=въ ночи́, нóчью) паѣ́дим лави́ть; цайкý-та? „кадá нѣ́ту спи́цак“?! (=кàкъ нѣтъ спичекъ?!)); па сѣ́цам—*Рогачево*; у нáс цаты́ри афцы́; зацэ́м хóдям?—1 л. мн. ч.; цавó? јеји́ц в лáвăцки; ня ýцут; са фся́цынкай! дѣ́вăцка аднá, два мáльцыка были; пацóм папáлă—*Горы*; γ Масквѣ́ (γ=въ) плóтнийцайт—3 л. ед. ч. уцы́лищя. дьвѣ́ вярсты́ ăт Цы́рькасóва—*Расторгуево*: (Астаруóва—произн.); т[с]ярё́шы́цка (Терёха—Терентій); цаó-жа здѣ́лаш?! дѣ́ýка-жа ýцытца; цо-нибýть сё (=всё) бáит; стрáсь как крицáла, нисцáснăю, Ивáнăвиц, ва цыстó пóля—*Зубово*; цылавѣ́к, три цэ́тьвирьти, капéйцка, ни́тъцки; пацóм? цао?—*Давыдово*. Пьринéцык *адин* ни к цамý!—*Логино*; мы уцóны штó-ля?—абрóцык плóцу—1 л. ед. ч.; ни скуцáла; пăшыпьцэ́й рăзγари́тцы (=поши́бче); пéцку тапи́ть, палѣ́нăцка; ня ýца—3 л. ед. ч.; к вяцэ́рьни—*Семеино*; нóцэй—твор. п. ед. ч. (ночью), нóца тё́мная (=ночь), пти́цки—*Горы*; на лáвацки, в акóшыцка, с малóтцыкăм, фстрядáть, аб вáс скýцылас; два кушы́ньцыка царáсь вари́ла; цыя́ (=чья?), нóцы—им. п. мн. ч.; нéцăва, зацнё́м с цытьвярьγý, я́ уш замýцы́лась, мóцы нѣ́т; внýцык миня́ абáруит („абáровать“—уходи́ть, утомля́ть; „бáровать“=ходить за ребенкомъ); он ѣ́сь хóца—3 л. ед. ч.—*Катово*; цаты́ри дѣ́вăцки, цаó-жа

тибѣ́ ищё?—*Снохино*; а типе́рь заму́цысься, асярьца́иш—2 л. ед. ч. Пре́ш (=преж', преже, прежде) сѣ́јиш, вало́цыш (=боронуешь); фсю но́ц слу́шӑйтя!—*Снохино*; ты *ція* та́м?—*Кабано́во*. Цо́ дава́ть-та? ш'ш'и дава́ли! *у*випару́ (=ввечеру́)—*Горы*; Гаври́лъвиц—*Агѣево*; па луцы́ну упа́ла, ва цужо́й стӑранѣ́, ни уцы́лась, в рѣ́цку вянки́, ли́цка умо́ют—3 л. мн. ч., ве́цар па суцо́цку разло́жут—3 л. мн. ч., ны́ньца ни зӑжы*у*а́ют, лѣ́тӑсь зӑжы*у*а́ли; ӑ*у*арьцэ́нья ника́к ни раска́жыш, прицыта́ла—*Давыдово*; ца́душка (=ча́душко, чадо)—ibid. Па плато́цку, ня пла́цут у на́с тут-та; прицашша́ли; ф Цырькасо́ва; как пъжарьцэ́й; Цухви́лӑва (=Чуфилово), на *Ци*рькасо́ва, *це́*ря̆з мо́ст (=черезъ мостъ: ц—мягкое)—*Расторгуево*; варо́цӑй, Быцко́ва (=Бычково), Ива́н Стяпа́нъц, цэ́ря̆ф (=червь)—*Амляшово*; али́н клюцо́к бу́дя—3 л. ед. ч.—*Жалудково*; „я на рѣ́[i]ца́х толька та́х-та шыпка́, а вина́ я ня пью“—*Зубово*; ў Успе́нья расцо́т (=расчетъ), пълуцы́ла; так апхо́диссы (=обхо́дишься) и малцы́ш—2 л. ед. ч.; „я яму́ до́п, бӑт“! (=ба́итъ); „ко́льки каца́иш, то́льки ни крицы́т д[з]ит[с]ѣ́“ (ѕит[с]ѣ́)! сцыта́ть (но мущина сказалъ: „ш'ш'ита́ть“); Цухви́лъски=Чуфи́ловскіе—*Чуфилово*; харьци́ из до́ма, ца́й у на́с сво́й был; мы *у* люцко́й (=въ людской) нӑцава́ли—*Логино*; свѣ́цъцки зажгём—1 л. мн. ч.; цасте́нька; нѣ́т, *цижала́*: пе́ть сынаве́й—*Меркулово*; апы́стим—1 л. мн. ч.; до́цэри; напа́ць (=начать—неопр. н.); *у*ряцы́ха, *у*ре́ца; цуть—а*у*урьца́т; намацы́ла—*Праватарово*; т[с]ялу́шыцка, тацо́к (=точёкъ, токъ) ахо́лила—*Анисово*; па сѣ́цам (=по сѣчамъ)—*Малышкино*; пацы́шшэ (*е* открытое, *ш*—твердое); пе[i]сца́ная, пла́цут, скуца́ть—неопр. н.; я ни *каца́лась* (=касалась); „тако́й пе́цы (=печи) нѣ́ту̑о“! доц, на цатьвё́ртай—*Парахино*; цудно́ цао́ та́м случы́лӑсь—*Фомино*; падд[з]е́вӑцку (д[з]=ѕ)—ibid. виньца́лаҫь (ҫ=с[ш])—*Астахово*; цэ́рьва (sic! им. п. ед. ч.) ѣ́ла—*Ахматово*; цао́ нӑлива́ть? благацы́ннай—ib. Ми́триц, гряцы́шка хъраша́; цэ́ри́ф падъѣ́л бо́льна—*Ве́лькова*; грицы́ха, гре́ца-та, клюц; пріѣ́диш то́лькя на ца́с. салда́тка цатьвё́рта, Ӑфана́сьиц—*Алексѣево*; ю́трӑм и ве́цырӑм—*Ужыщево*; примѣ́цу—1 л. ед. ч. буд. вр., ла́вӑцка—*Мягкова*; фцара́, трéтій ца́сти ни стайт—3 л. ед. ч., цудно́й—*Волчково*; пы́шки (=лепешки) хацу́ зӑтява́ть, цайкю́; што́ ты нас му́цыјиш?—2 л. ед. ч.—*Ламакино*; Сирьгѣ́е[i]виц, цао́ ты та́м?—*Бѣлясево*. С цужы́м му́жӑм, цаво́—*Шара́нина*; Лавре́ньтій Васи́лиц, до́цэ̆ри-ти аны́ уш у миня́ адда́ны; зна-

ма, заму́цы́лась; трепи́цка (=тряпи́чка, тря́пка); уш пи́тацо́к вам жа́лка! в ло́жыцку; ана́ нӑцава́ла на сняγу́; дя́ўцо́нки, мну́цки (=внучки), сы́нӑвы доцки, ма́цка (=мачка, ма́тшка= бабка, бабушка; ба́цка - ба́чка=дѣдъ, дѣдушка, въ отличіе отъ родныхъ отца и матери, которые зовутся: „батюшка“ и „ма́тушка“); дьяцо́к у на́с, γавя́дины ца́сть; жыве́ (3 л. ед. ч.) до́ц сирата́; цы́стют—3 л. мн. ч.; ана́ пъцыта́я—3 л. ед. ч.; х пяца́х (=въ печа́хъ), ф паста́вӑцки—мѣстн. п. ед. ч., на-то́пцу—1 л. ед. ч.; „дӑ и нацу́я (3 л. ед. ч.) х пяцѣ́-та“; γваздо́цка, масто́цык, х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч.; Шулѣ́γа Ты́цкин яму́ про́з’виш’л’а—*Шаранина*. Ану́цы из мацэ́ньца, за цаты́ри, ис цужо́й дире́вьни (но: но́ньчя), вицару́ха, висо́цки (=волосы на головѣ вообще); ну, цаво́ ты! Плато́цы́к, сица́с (и: ате́ц), пӑ пляца́м, швицы́ (=швецы́; тѣ, кто шьютъ)—*Акулово* (Китов. вол.); Яγо́рыц—*Оськино* (Кобылинск. Тум. в.).

Среднiй звукъ ч^{ц}, *ц*^{ч} *мы находимъ въ примѣрахъ* [1]): нич^{ц}яво́ не^{і} рабо́тае^{і}ть—3 л. ед. ч. Пцёлы́ у няво́ мно́γа у Бари́са Юдич^{ц}я—*Нармушадь*; рюмӑц^{ч}кю—ib.; и ў ч^{ц}яю ника́к не^{і} размо́цыш су́шки-ти! фц^{ч}яра́, ў рѣ̆ц^{ч}ки ти;—*Нармушадь*; ма́льч^{ц}ик, ц^{ч}яво́, сиц^{ч}яс, Никифърац^{ч}ъ—*Лѣсново*; нич^{ц}яво́—*Жданово*; ц^{ч}е́м (твор. п.=чѣмъ), ц^{ч}южо́му, пьтац^{ч}ѣ́к, си́тьч^{ц}явай, ч^{ц}ёрнай, дѣйч^{ц}я (=дѣвица)—*Дмитріево*; пле́ц^{ч}ка (=пле́чико), на пӑду́шыц^{ч}ку, асе́ннiй но́ч^{ц}и (род. п. ед. ч.), Со́нич^{ц}ка, свѣтли́ц^{ч}ку, ате́ч^{ц}ь (=отецъ)—*Да́нево*; на́ ч^{ц}е^{і}тьверьть, кой ч^{ц}яво́ рабо́там—1 л. мн. ч.; бич^{ц}яво́й-та ны́н’а̄ ма́ла; griве^{і}нниц^{ч}ик, ве́ц^{ч}ирӑм—*Забѣлино*; хто́ ле^{і}цы́л?—нич^{ц}яво́!—*Урядино*; ч^{ц}вѣсть (=цвѣсти́)—*Чарусъ*; сиц^{ч}я́с, в ла́вӑц^{ч}ки пӑ пьтац^{ч}ку́—*Ахматово*; Ве́щуръ); мӑлатц^{ч}я́—род. п. ед. ч. (=молодца́)—*Снохино* (Тум. вол. Въ пѣснѣ). С каньц^{ч}я́ зайду́—*Рогачево*; хо́ц^{ч}ц^{ч}я што́-ля ӑт атца́ ӑт ма́тьри ити́ть: сич^{ц}я́с миня́ вы́ве^{і}ли к ни́м—*Давыдово*; с атц^{ч}ём Микала́ям, бо́лѣ^{а} двӑтц^{ч}яти́ γадў γ Варо́ньжы (=въ Воронежѣ)—*Зубово*; свѣч^{ц}ки зат^{с}е́плим—1 л. мн. ч.—*Бычково*; у атц^{ч}я́ дья́кӑна!—*Немнясево*; ате́ч^{ц}ь, чаты́ри, два́тц^{ч}ять, Ги́блиц^{ч}ька̄й (с. Ги́блица), двяна́тч^{ц}ять, сади́тц^{ч}я—3 л. ед. ч.—*Немнясево*. О́куль кало́тч^{ц}я (=кало́дца) паста́вют—3 л. мн. ч.—ibid. Дися́тая пя́тьнич^{ц}я,

---

[1]) Знакомъ *ч*^{ц} мы выражаемъ звукъ, который слышался намъ ближе къ *ч*, а знакомъ—*ц*^{ч}—наоборотъ.

ноц҇ь, ц҇ярю, ц҇ерькафь, уц҇итца—неопр. н., уцыт—3 л. ед. ч.—*Норино*. Греца-та ниц҇яво!—*Алексѣево*.

Чёканье мы имѣемъ въ слѣдующихъ примѣрахъ и мѣстахъ: Мужычькiји теiлеги—*Шостья* (здѣсь я встрѣтилъ чёканье въ первый разъ); радитчя—3 л. ед. ч.—*Чинуръ* (Здѣсь же *ц* = почти *с*: Чинурскiе произн. почти *Синурскiји*, какъ и записано въ моихъ матерiалахъ); агурьчи—*Антоново*; нă-зыватчя—3 л. ед. ч., чвяткáми (= цвѣткáми)—*Дмитрiево*; пă-чялуй, фстреiпеiветчя—3 л. ед. ч., увиватчя, сăкрушатчя—3 л. ед. ч., чилавалси, чвяты, акунитчя, вăстрипехнитчя, вă-скалыхнеiтчя—3 л. ед. ч. (въ пѣсняхъ), девичя, на пальчи—*Данево*. Но вотъ замѣчательно: въ Даневѣ *ч* (орѳографическое) звучитъ почти твердо, почти какъ: *тш*: платшыт—3 л. ед. ч. (= плачетъ); отсюда иногда и: пальчы или пальтшы (= пальцы). Чеiлаванья—им. пад. ед. ч., атечь (= отецъ; см. выше); баславеньичя, молитчя—3 л. ед. ч. (почти = молит'ш'я изъ—т'с'а); атчю—дат. п. ед. ч., веiньчяютчя—3 л. мн. ч., ш чвя-тами, ф черкăфь, ф черькву, к веiньчю, куль крыльчя (= около крыльца), пъчялуеiт—3 л. ед. ч. буд. вр.—*Данево*. Черква нăзываеiтца—*Тимохино*, *Гиблица*; рупчём (= рубцомъ) пра-веiдеш—2 л. ед. ч.—*Забѣлино*; атчель (= отсель, отселѣ)—д. *Борисково* (Ветчан.).

Относительно звука ч нашихъ говоровъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ разныхъ мѣстахъ онъ звучитъ довольно твердо, т. е. вмѣстѣ съ звукомъ *и* всякаго происхожденiя подвергся *отвердѣнiю*, причемъ при отвердѣнiи естественно вышли наружу оба элемента, изъ которыхъ составился звукъ *ч*, т. е. *т* + *ш*. Эта группа звуковъ *тш* слышна съ разными оттѣнками въ разныхъ мѣстахъ, а иногда и въ одной и той-же мѣстности. (Срв. новые говоры, напр., Казанскiй, гдѣ отвердѣнiе мѣстами, кромѣ Тетюшскаго уѣзда, пошло настолько далеко, что слышны часто оба элемента (*т* и *ш*) *твердые*). Въ нашихъ говорахъ, напримѣръ, мы имѣемъ: „Матшка радимая"—Ветчаны (Истомино)—въ пѣснѣ (значенiе этого слова см. выше [1]); „мужык, знáта, палутшэ"!—Праватарово („Зна-

[1]) Въ такомъ-же значенiи это слово употребляется въ с. Малаховѣ (Андроновѣ), по сообщенiю свящ. о. Леонида Сапфирова.

то“ = вѣстимо, извѣстно, знамо). Въ Спасск. у. Казан. губ. въ с. *Масловкѣ* я слышалъ всегда: *т'ш*.

Группа чт въ словѣ *что* звучитъ очень разнообразно: шчо (слышны оба элемента: и *ш*, и *ч*) — с. *Ижевское*, Спас. у.; щё—ibid.; што́ сашло́ся (= случилось, пришлось) — *Ерахтуръ*, Касим. у.; *Шостья*; *Чарусъ*; гдѣ наймёт, гдѣ што́-льба (= что́-либо) — *Ивановское*; *Ветчаны*.

Самъ звукъ ч передъ *н* переходитъ по обыкновенію въ *ш*: лѣ́тӑшнай—*Выжлисъ* Спас. у.; башмо́шница—*Шостья* Касим. у.; дато́шный—*Нармушадь* (= доточный, желающій все знать „до точности“); гре̇цы́шнiјi—*Шостья*; кузне́шная издѣ̆лья у нявё—*Гусевской Погостъ*; кирьпи́шная—ib.; гърямы́шныя—*Бѣльково*; ла́вӑцку дӗржыть (3 л. ед. ч.) мӑлашну́ю (= мелочну́ю)—дер. Китово.

Теперь переходимъ къ звуку ш (*ш*ᶜ, *с*ᵚ). Это явленіе далеко не такъ распространено въ нашихъ говорахъ, какъ цоканье: звукъ средній *с*ᵚ или *ш*ᶜ уже началъ стираться въ произношеніи, вѣроятно, потому, что вообще онъ довольно картавый, шепелявый и не особенно пріятенъ на слухъ. Выше мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ словахъ этотъ средній звукъ, часто мы слышимъ *очень мягкое ш* вмѣсто мягкаго *с*, какъ будетъ видно ниже изъ примѣровъ, и мы въ своихъ записяхъ передавали этотъ звукъ [1]) знакомъ *ш* мягкое (*ш'*), а звукъ средній—знакомъ ç или *с*ᵚ, или *ш*ᶜ. Примѣры: у Ива́нушьки на гало́вушьки вили́сь ку́дрюшьки (пѣсня) —*Бѣльково*; как јёшьли (= если) уля́жытца—*Ивановское*; срв. ј̣е́жли—јёзьли (= е́жели)—ibid.; са свѣ̆тлӑва Вӑшькре̇ше́нья—ib.; Ивӑнӑфьсᵚкiјi—ib.; фшя́кiјi пѣ̆сᵚьни паё̆м—1 л. мн. ч.—ib. (срв. польск.); „јёшьли паго́ниш'ш'и [2]) за мно́ю“ (пѣсня)—ib.; день ма́йшькай (пѣсня)—ib.; мы́лишь (= мылись) свѣ̆жаю вадо́й—ib. Срв. общерус. страшно́й и страсно́й; страшну́ю не̇дѣ̆лю—*Гусевской Погостъ*. Ани́ пришли́ ш' вино́м; „ш'вякры́, пӑжӑлуй, и ш'вѐкӑр важьму́т, прапьют“! („Пропи́ть дѣвку“ значитъ и теперь „про-

---

[1]) Я приблизительно описалъ этотъ звукъ въ своемъ «Отчетѣ». Стр. 37. (Учен. Зап. 1895. Янв. 234).

[2]) Въ вятскомъ говорѣ тоже: руга́ешша, брани́шша, чу́ечча, любу́ючча и т. п. *Соболевскій*. Живая Старина. 1892. Вып. II. Стр. 21. Въ говорѣ Оренбург. губ. я тоже слышалъ: стара́ешша.

сватать“—въ Ряз. губерніи вообще); прамо́луçя—1 л. ед. ч. (=промо́лвлюсь, ошибусь); за сто́л çя́дут, к нивѣ́çти хлѣ́ба прьнясу́т, çидя́т на за́дьній ла́фьки; сафçѣ́м закры́тыjи; шьвѣ́цъцки (=свѣчечки); „два дня́ у на́с ма́çляна“; jе́шьли; нắкаçи́ть—неопр. н.; „так и çягда́ та́х-та“! „çе́кăр миня́ би́л“... (срв. выше: ш'ве́кăр или шьве́кăр. Срв. также: лат. socer, греч. ἑκυρός (вм. σεκυρός), лит. šešuras. Еще въ общесл. языкѣ было вставлено *в*, такъ что наша форма представляетъ, вѣроятно, вторичное исчезновеніе этого *в* передъ мягкимъ гласнымъ: ш'ве́кăр—ш'jе́кăр—çе́кăр. Срв. нѣм. schwester, гот. svistar при лит. sesŭ и общесл. sestra)—*Ветчаны* (Истомино); jе́çть çя́кай! фш'е́кijи грыбы (=вся́кіе)—*Борисково*; Çеме́йна (назв. деревни: Семе́ино)—*Катово* Тум. вол.; çѣ́на *у*рябу́—1 л. ед. ч.; ш'е́тъки (=всетаки)—*Логино*; и çли́фьки jе́çть!—*Рогачево*; „шашта́ми ни лапа́ткими *у*рябу́т“—3 л. мн. ч.—ib. (здѣсь мы видимъ *ш* вмѣсто твердаго *с*. Это явленіе допускаетъ двоякое объясненіе: или *ш*, само по себѣ отвердѣвши, стало естественно замѣнять собой и твердое *с*, или здѣсь мы имѣемъ второе *ш* по аналогіи съ первымъ, т. е. первое *ш* вызвало собой и второе: шаста́ми (шеста́ми)—шашта́ми, какъ: шашна́тцăть—*Катово*, *Расторгуево* и друг. и на югѣ Ряз. губерніи); „шашто́й *у*о́т, дѣ́вăцка адна́“—*Горы*; как çлѣ́дуит, „са çвято́й с Па́ски“ (срв. польск. święty, которое въ Петроковѣ и окрестностяхъ произн. какъ çwięty; лит. šventas; зенд. çpeñta; др. инд. корень çv—(*Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sventŭ.); де́çить (=десять. Срв. лит. dešimtis); признавать *позднее* явленіе въ произношеніи де́çить нѣтъ никакого основанія. Мы думаемъ, что еще въ нарѣчіяхъ прарусскаго (а, можетъ быть, и—общеславянскаго: срв. польск. мягкій *s* въ словѣ: dziesięć) языка здѣсь былъ *средній* звукъ $с^{ш}$ или $ш^{с}$. Далѣе: „ф како́м çилѣ́“?—*Андроново*, *Малахово*; за фçю за по́ньку—*Давыдово*; „мы ди́ре'ве́ньçки, *у*дѣ́ мы бы́ли́-ты уцо́ны што́-ли“!?—*Семеино*; рắзламắлắçи; виçе́лая—ib.; сама́ я *у*арьçка́я—*Горы́* (=Горска́я; суф.—*ьск* здѣсь вездѣ или *ясно* слышенъ, или выдаетъ себя предшествующимъ *мягкимъ* согласнымъ, какъ здѣсь звукомъ *ç*); çя́ (=вся́) мину́итца *у*ульба́—*Катово*; нắвида́лиçя; нắприма́юçя—1 л. ед. ч. буд. вр.; ў вắскриçе́нья виньца́ли; пабắйлиçя (=поговорили); афçя́най; вы́шшы̆ш—2 л. ед. ч. (=вы́сушишь; здѣсь *ш* подъ вліяніемъ звука *ш* въ слѣдующемъ слогѣ);—*Катово*; ста́ли çе́ $ш^{с}$и́тцы (=си́тцы) наси́ть (въ сло-

вѣ „насйть“ сказано было, кажется, со звукомъ с, но срв. выше: нăкаçйть—*Ветчаны*)—*Катово*; я фçё баюсь—*Бычково*; „павѣшы̆мшы мужа“ (пѣсня)—*Снохино* (=повѣсивши); „кў-ралéçить“—*Шаранина* (См. мой „Отчетъ“. Стр. 38. кăра-лéсшим! —1 л. мн. ч.); анá срóду çё дарóўа! —ib; у саçѣ́д jéçь—ibid. (саçѣ́д—род. п. мн. ч., какъ соврем. литературн. „аршйнъ“, „глазъ“. Срв. Ряз. Скоп. „зубъ“—род. п. мн. ч. и у Крылова: „Повисъ на немъ и *зубъ* не разжималъ“ въ баснѣ: „Собака, человѣкъ, кошка и соколъ“); он çё на Рязáни кóçя—3 л. ед. ч.—*Горы*; въ лѣ́çѣ (=въ лѣсў)—*Агѣево*; óбрăз принеiçлй—*Давыдово*; çьявó (=съ его) с мá-тирью пъцăлавáлись—ib.; „щё-ля шашнáтцăть вы̆въду (=вы̆-воду, т. е. „придáнаго“) рублей“?—ib.; „па шаштй нядѣ́ль“ (=по шести)—*Акулово*; шэ́ш нядѣ́ль (=шесть; срв. выше: шаштóй, стрсл. шєстꙑи при лат. sextus и греч. ἕκτος изъ *sekstos убѣждаютъ насъ въ томъ, что форма стрсл. языка вм. *χєстꙑи, а эта изъ *сєстꙑи; въ литов. мы имѣемъ šéštas, которое указываетъ на *особое индоевропейское* s. См. *Фортунатова*. Лекціи по сравн. языковѣдѣнію. Курсъ 1893—4 г. Стр. 244—245. Можетъ быть, и въ діалектахъ праруccкаго языка было çestъи при çeçtъи, откуда впослѣдствіи: *шестóй* и *шештóй*. Срв. древнеинд. çvaçuras вм. svaçuras, гдѣ ç первое вызвано, вѣроятно, вторымъ ç изъ k[1])—*Акулово*; Çймъ-нăва (=Сймоново)—*Амляшово* (срв. *Шимонъ* въ лѣтописи); вѣ́рст çéмь (=семь)—*Наумцево*, *Аносово*; наш прихóт Бáршc-ня̆ва (=Бáрснево)—*Амляшово*; збивáлиçя—*Жалудково*; х Тўмь-çким лясў (=въ Тўмскомъ лѣсў)—ib.; нарóт шeрă̄й (=на-рóдъ сѣ́рый; срв блр. шэ́рый, польск. szary—выше)—*Зубово*; вóçймай ўóт—ib. (=вóсьмый, восьмóй, осьмóй годъ); кóбы я çмѣ́лая, а тó я баю́çя—*Бычково*; а то çё равнó—*Чуфилово*; в çéрйду (въ céреду) на маўйлу вы̆ду—*Меркулово*; атцá Ахва-нáсшья фçя Цырькасóçька эирéвьня (=отца Аѳанасія вся деревня—Черкасово. См. выше)—ib.; шкóлька (=сколько)—*Немнясево*; ат наш (нас) вёрст дзянáтцъять—ib.; çѣна накóçим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; Шэ́иньçкява прихóду (с. Шé-инка)—д. *Норино*; калéçиньçкяй мужы̆к (=Колéсниковскій; с. Колéсникова); идўт каçйть; нóриньçки (Нóринскій); çѣна у нас плóха, çё заприло (=запрѣло)—ib.; çѣна; иçкáли (=искали); çмеiçйла (=смѣшйла); фçё—*Андроново*; нивѣ́çтина радня́—ib.; çмяя́лиçь; пѣ́çни; на пакóçи—*Праватарово*; сни-

ҫе́м (=снесёмъ) эта ҫё—ib; да ма́ҫлянай, ҫемь ниэ́ль прай-дӗ (3 л. ед. ч.)—ib.; Рӑжаштво́—*Анисово* (*ш*, быть можетъ, подъ вліяніемъ предыдущаго шипящаго *ж*); изжвѣ́ҫтій нѣ̆т—ib.; шаштой уадок—*Парахино*; фҫя́ рабо́тӑям—1 л. мн. ч—ib.; на́ Гуҫь (=на р. Гусь)—ib.; шэ́ш ниэ́ль—ib.; пѣ́ҫни игра́ют дѣ̆хькя—ib. (=пѣсни играютъ дѣвки. См. выше); с ахцэ́ (=съ овцы́) нӑстригу́т шэ́рьшы (=шерсти)—ib.; придѣ̆т ҫя́дят—3 л. ед. ч.—ib.; го́ рькiјы ҫи́раты́—ib. (*у* въ словѣ уадок такъ и было произнесено); на ҫи́лу—*Фомино*; пъбрани́мҫя—1 л. мн. ч. и т. п. формы на—*ҫя*—ib.; ҫе[i]ре́дьняя—ib.; праҫи́ть—ib.; у биҫѣ̆ди (=въ бесѣдѣ)—ib.; на пакоҫѣ̆[i] ве́ҫь наро́т—*Астахово*; он дяҫя́тку прине́с—ib.; в о́ҫинь—*Парахино*; шы́шдися́т—ib.; „ка́к зӑпаҫё̆ш, та́к и испячё̆ш"—ib.; кра́ҫям—1 л. мн. ч.—ib.; „про́са ҫѣ̆яля"—3 л. мн. ч. прош. вр. (см. выше)—ib.; дьвѣ̆ҫтѣ[а]—*Ахматово*; во́ҫимь міер на т[с]ягло́—ib.; ко́ҫям, ҫѣ̆ям (см. выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); ко́ҫют—3 л. мн. ч.—*Алексѣево*; фҫѣ̆ рамны́ (=равны́); Бӑташо́ҫки аны́ на́шы-жы луга́—*Волчково* (фам. Баташовъ. См. „Отчетъ". Стр. 29—30); аны́ у на́с ни ко́ҫют—ibidem.; би́сир ноҫю́—1 л. ед. ч. (sic!=ношу́; остатокъ мягкаго звука); у на́с та́х-та но́ҫют у фҫѣ̆х; во́ҫимь; Хядо́ҫья (=Ѳедо́сья)—*Акулово* (Китов. вол.); приве́ҫть на́да—*Оськино*, *Кобылинка*.

Нигдѣ мнѣ не приходилось слышать такого послѣдовательнаго и яснаго сохраненія суф.—*ъск*—въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ, какъ въ этомъ краю: иногда слышится только *предшествующій* согласный мягкимъ, а иногда *и предшествующій мягокъ, и самъ звукъ с*, какъ это мы имѣемъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности (см. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 107—108). Напримѣръ: Рӑма́нӑфьҫки, Цухви́лӑфьҫки—*Чуфилово;* Ӑстаруо́фьҫка и Астару́о́ҫка—*Расторгуево*; Андро́нӑҫка, Снахи́ньҫки, Ту́мьҫкіјы; он Зўби́ҫкяй (изъ с. Зубова); мы́-та?—Нау́мьҫки—*Наумцево*; Быщко́јҫкая—*Бычково*; Пара́хы̆ньҫкая—*Парахино*; Ми́трйфьҫкіјы—*Дмитріево* (Малахов. вол.); Ло́уиньҫкіјы—*Логино*; Ло́уиньҫка—им. п. ед. ч. ж. р.—ib.; з Давы́дъҫкими—*Горы* (съ людьми изъ с. Давыдова); „то̆жа Ба́рьҫняҫки—*Амляшово* (=Ба́рсневскіе, т. е. прихода с. Ба́рснева); Нямня́ҫскай—*Немнясево;* Но́риньҫки—*Но́рино*; Праўа́тарьҫки—*Праватарово*. Однако и такъ: г зе́мь-

скӑму нацáльнику—*Ерахтуръ*; кузéмьскіjи мы́-ти (изъ д. *Кузе́мкино*); Шóстиньска—*Шостья*; у Пацы́ньских бярýть (изъ с. *Почи́нокъ*)—ib.; Даньке́ськіjи (?)—*Ярыгино* и мн. др. См. *Морфологію*.

Само собой разумѣется, что группа—*шься* въ глаголахъ, ассимилируясь, даетъ или—*шша*, какъ мы уже видѣли, или—*сса* (—с'с'а): *уля́ть* пращыбе́сса—2 л. ед. ч.—*Ерахтуръ*; „жэнис'с'и — пе^{і}рямѣ̆нис'с'и“! — *Нармушадъ*; пагóнисса—2 л. ед. ч.—*Дмитріево*; вазьмӗс'с'и —*Гусев. Погостъ*; ве^{і}рьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—ibid. (Срв. выше—с. *Ивановское* Ветчан. вол.).

Переходимъ къ звуку ж и ж^{з}, з^{ж}. Мы уже и выше видѣли много примѣровъ, относящихся сюда; теперь мы сгруппируемъ нѣсколько примѣровъ, еще не приведенныхъ выше, или вызывающихъ насъ на замѣчанія. Такъ, мы слышимъ: важьмýт = возьмýтъ—*Ветчаны*; важьлѣ́ = вóзлѣ; ф каз^{ж}ённай (лѣсъ)—*Борисково*; jéз^{ж}ьдил; при́виз^{ж}ёт—3 л. ед. ч.—*Логино;* ваз^{ж}ьмётя? *Шаранина*; ваз^{ж}ьми́—*Бычково*; вз^{ж}я́л—*Норино*; ýз^{ж}инькій—*Андроново*; з^{ж}имóю—ib.; лáз^{ж}им—1 л. мн. ч.—*Праватарово;* хто ваз^{ж}ьмё—3 л. ед. ч.—ib.; стаи́т з^{ж}йлинéнька—ib.; Рӑжаштвó з^{ж}имóй бывáит—*Анисово*; из^{ж}ьвѣ̆с^{ш}тій нѣт—ib.; хаз^{ж}я́йна нѣт—*Парахино*; з^{ж}ёрнушки; ве^{і}ж^{з}дѣ́—ib.; з^{ж}имóй бывáит зáгинья (=зáговѣнье)—ib.; з^{ж}ялёнӑва—ib. и *Фомино*; вяз^{ж}ём jiё х пóля—*Залѣсье* (= „веземъ ее въ поле“. *Залѣсье* срв. *Зараменье* Вятск. и *Раменское* Моск. губ., *Ра́менье*—близъ Тумы въ Касим. у. на р. Нармѣ); „хаз^{ж}я́ян царá (вчера) кас^{ш}и́л“—*Астахово*; з^{ж}я́ть (зять)—*Парахино*; ф сырóй з^{ж}ямьлѣ́—ib.; jéз^{ж}ьдям—1 л. мн. ч.—*Алексѣево*; хто кóлька (=сколько) ваз^{ж}ьмёт—3 л. ед. ч.—*Волчково*; д^{з}ьвѣ́ (ѕвѣ = двѣ)—*Андроново, Малахово*; jéж'ли и jéзьли—*Забѣлино* („jéзьли“ и въ Скопин. уѣздѣ я слышалъ). По ассимиляціи звука *з* со слѣдующимъ *ж* мы имѣемъ группу: *жж*: на вóж-жа (=на вóзъ-же)—*Праватарово*. Чистое *з* вм. *ж* (литературнаго, но не народнаго) мы имѣемъ въ словѣ: „желѣзо“: „зилѣ́зьныя тынья́“—пѣсня Таýсень—*Ветчаны*; на зялѣ́знай дарóγи—*Горы*; „вядрó цы́жалó зилѣ́зна-та“—*Бычково*; на зилѣ́знай дарóги—*Алексѣево*. Съ такимъ же *среднимъ* звукомъ *з^{ж}* или *ж^{з}* звучитъ и слово „Ижевское“, названіе села въ Спасскомъ уѣздѣ, которое въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ выше названныхъ мѣстностяхъ,

слышано нами въ такомъ произношеніи: вы́з^ж^ёскӑм (почти = вы́з^ж^ьскъм)—въ Йжевскомъ—*Чарусъ* Касим. у. Съ другой стороны, при произношеніи: зилѣзьныя—*Ветчаны* (см. выше) мы слышимъ и обратную замѣну—звука *з* звукомъ *ж* въ сочетаніи *зн*, вмѣсто котораго тогда получается сочетаніе *жн*. Правда, это сочетаніе слышали мы только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ оно составляетъ достояніе едвали не общеславянской еще эпохи, напр., въ словѣ: дра́жнють—3 л. мн. ч.—*Шостья* Касим. у. Больше такихъ примѣровъ не встрѣчалось.

Переходимъ къ произношенію въ нашихъ говорахъ звуковой (орѳографической) группы *жд* (разнаго происхожденія: изъ основныхъ *зд* или *гд* или стрсл. жьд).—Эта группа въ нашихъ говорахъ звучитъ разнообразно: то какъ *жж*, то какъ *ж'ж'*, превращающіяся въ концѣ словъ въ глухія *ш* или *ш'*. Напр., „ана́ до́жжык за́лил"!—*Катово* (Объ „ана́"—см. Синтаксисъ ниже); хо́ла̄д да даж'ж'и́—*Рогачево;* но: при́ўвалӑк дражьде́ц—*Шаранина*; (при́ўвалӑк = при́волокъ. приго́ршня); в до́ш—нѐт!—*Акулово*; до́жжыцкӑм памо́цыт—3 л. ед. ч.—ib.; даж'ж'ёф мно́ўа—*Амляшово*; дажжа́ми—*Жалудково*; дажжы́—*Норино;* дош, до́жжык—*Андроново*; особенно интересно произношеніе слова *ждать* съ его формами; мы, напр., слышимъ: „зна́та, ни ж'ж'я́ли"! (= ждали)—*Катово*; ни ж'ж'я́наjи ўо́сти—ib. (= не жданые); „мы жжа́ли, жжа́ли их к пако́су, аны́ ни пришли́"—*Снохино*; вот жжо́м—1 л. мн. ч. *Шаранина*; „я бы́ла́ ж'ж'яла́ тея́, ра́дъвалась" (пѣсня)—*Агњево;* ты Пакро́ў жжы́ (= жди)—*Зубово;* „паjи́-ка, ж'ж'е мая́ тава́рка Зу́бъçька" (= „поди-ка, ждётъ моя товарка Зубовская", т. е. изъ с. Зубова)—*Меркулово*; ня жжы—пов. н.—*Бычково;* „миня́ ж'ж'я́ли пӑжджыда́ли" (sic!)—въ пѣснѣ—ib.;—въ послѣднемъ словѣ я ясно могъ разобрать *три* звука;—жжо́т—3 л. ед. ч.—*Меркулово;* „ж'ж'яла́, дӑжджыда́ла"—ib.; такой же звукъ *жд͡ж* я слышалъ въ словѣ: ѐжджу—1 л. ед. ч.—*Андроново* (*Малахово*). Звуковая группа трифтонга *жд͡ж* стоитъ въ этихъ говорахъ, быть можетъ, въ связи съ звукомъ *д^ж^* (ђ), извѣстнымъ здѣсь-же, какъ увидимъ ниже: хо́д^ж^им—1 л. мн. ч. (= ходимъ), ад^ж^и́н, д^ж^ит^ш^я́ми (= дитя́ми, т. е. дѣтьми́)—*Андроново*. См. въ отдѣлѣ зубныхъ звуковъ *д* и *т*.

Вотъ еще примѣры произношенія группы *жд*, какъ *жж* или *ж'ж'* (въ концѣ слова—*шш* или *ш*): ў фтóрьник прóлял дóшш—*Китово* Касим. у., *Деревенское* Спас. у.; кадá дажжá (им. п. мн. ч.) бýдуть—*Ерахтуръ*; дóж'ж'ик—*Куземкино*; пася́ дажжá—*Шостья*; даж'ж'й, даж'ж'éй—*Лѣсново*, *Жданово*; нúни забúли дажжá (им. п. мн. ч.)—*Ивановское*; сúльный дóшш—ib.; срв. прȁјежжá—*Киструсъ* Спас. у. (дѣепричастіе наст. вр.), *Ижевское* ibidem (См. Синтаксисъ тоже); уяжжáють—3 л. мн. ч.—*Ерахтуръ*; пріяж'ж'я́й—*Лѣсново*, *Жданово*; пріяж'ж'я́ли—*Данево*, *Китово*; три яжжáлых (жеребца)—*Урядино*; *жж* изъ *жьд*: „мы жжóм (=ждёмъ) их с рабóти-ти"—*Ивановское*; срв. дрóж'ж'и—дер. *Китово*. Но: жгём=жжём—*Шостья*, по аналогіи съ 1 л. ед. ч.—*жгý*.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ мы видимъ *ж* вмѣсто стрсл. и литературнаго русскаго *жд* изъ *дј*: „эта как ражóна, всё здѣсь жывёть"!—*Ерахтуръ*; Надéжа (*е*, не *ё*)=Надежда (имя)—ibid. (Можетъ быть, это *е* указываетъ на бывшую мягкость звука *ж*? Трудно допустить, чтобы книжное „надéжда", сохранивъ въ народномъ произношеніи свое *нерусское е*, утратило сочетаніе *жд* и передѣлало его на русское *ж*, согласное съ русской фонетикой, тѣмъ болѣе въ *собственномъ* имени, которое обыкновенно звучитъ у народа въ той формѣ, въ какой оно сообщено ему священникомъ. Срв. нарицательное *надёжа*). Далѣе: рȁжанá въ Ывáнафскȁм—*Ивановское*; „прéжэ нá пец"—ib.; (*э*—открытое, *ж*—твердое въ словѣ „прéжэ").

Группа чьш въ нашихъ говорахъ звучитъ, какъ *ч'ч'*, *тч'* и *тш*: лýтче[1]—*Ерахтуръ* (Срв. въ Лавр. лѣтописи подъ 1096 г.); „ҫётъки палýтшы-ти"!—*Чарусъ*; лýч'ч'е[1]—*Нармушадь*.

Переходимъ къ звуку щ. Эта звуковая группа въ нашихъ говорахъ звучитъ также разнообразно: то—*шш*—твердо, то—*шш*—полумягко, то—*шш*—мягко, то, наконецъ,—*шч*—мягко (или какъ *щ*): нѣт' ышша (=нѣтъ еще), шшýка лáвитца—*Киструсъ* Спас. у.; ямшы́к (=ямщикъ), ш'ш'ýки (полумягко тамъ, гдѣ *ш'*, т. е. *ш* со знакомъ мягкости, и послѣ него стоитъ *твердая* гласная), цавó разы́ш'ш'ыш—2 л. ед. ч.—*Ижевское;* вáльшык (=вáльщикъ, валя́льщикъ)—*г. Спасскъ;* ишшó—д. *Воскресенское;* тыщю ȝублéй—*Нармушадь* Касим. у.; жэ́ньшына, мушшы́на—*Ерахтуръ;* блауавёш'ш'ынья, извóшшыкъф—род. п. мн. ч., пушшáетца—3 л. ед. ч., „на пра-

да́жу ишшо́“?!, ӑпушша́ють—3 л. мн. ч.—ib., уцы́ли́шша—*Борки;* прашша́йтя—ib., пушша́ють—3 л. мн. ч.—*Нармушадъ;* „ни́шшыjи шумя́ть цэво́-й-та“!—*Нармушадъ;* жэ́ньшыны—ib, све[i]шшэ́ньнику, кре[i]шшэ́нья—ib; jе[i]мшы́к—*Ерахтуръ* (срв. ямшы́к—*Ижевское* Спас. у.); ӑбяшша́лси—ib; пущя́ють—3 л. мн. ч.—*Шостья;* ишшо́, вы́шшыпа́ли, с тава́ришша́ми, папро́шша (=попроще), шшу́ку, прашша́имси—1 л. мн. ч.—припашша́имси—1 л. мн. ч., „мушшы́наў (род. п. мн. ч.) не[i] пушша́ють“, мы́ 'шшо ма́лады́, кладби́шша—*Шостья;* ка́ме[i]ньщикъ—*Чинуръ;* ф Се[i]ли́щи—*Селище*; ишшо́—*Дмитріево;* Лащи́на—*Лощина;* не[i] щита́й—*Гусев Погостъ;* сьё́мшыцы, а ищя́ ма́льчик (ищя́=еще. Срв. *Шахматова.* Изслѣдованія... Стр. 63 и 83. Здѣсь (63) указаны формы древнерусскія *ѥща* изъ Галиц. Ев. 1266—1301 г. и Лукина Ев 1409 г. по „Очеркамъ“ *Соболевскаго* (стр. 24 и 141), слѣд., изъ памятниковъ галицко-волынскихъ. Однако эти формы, очевидно, были не только въ южныхъ русскихъ говорахъ [1]): *Даль* (О нарѣчіяхъ... LXV) указываетъ произношеніе *ищá* въ Тамбовской губерніи, мы слышимъ *ищя́*—въ Рязанской Касим. у.—*Уланова Гора*). Далѣе: хрящё́нья, щяпна́я пасу́да, ты́щю (=ты́сячу)—*Уланова Гора* (Уланова Гора—пригородное селеніе подъ г. Касимовымъ); хришшэ́нья, иш'ш'о́, до́ш'ш'—*Дмитріево*; тава́рищи, иш'ш'я́—*Бѣльково* (=еще. См. выше); иш'ш'я́, ищя́, ишшо́—*Гусевской Погостъ; Бѣльково*; на́тащя́к—ib. *Бѣльково*; „на гу́ш'ш'и: в де[i]ре́вьни у на́с гдѣ́ дро́ж'ж'и-ти“?—дер. *Китово*; прашша́й (въ пѣснѣ)—ib.; „на свякры́, да му́ш: ишшо́ никаво́ нѣ́т“!—*Урядино*; „э́нта́т' ышшо́ по́п-та виньца́л“—*Чарусъ*; х каму́ прашша́тцы-ти?—ibid.; срв.: „ны́ни-ты нѣ́т' ышта“!; яшто́—*Ивановское;* шшэ́й нальют—*Ветчаны;* яшто́, „кӑрава́тка смӑшшана́“ (Таусень), шшэ́ц—род. п. мн. ч.—ibid.; в ро́шшу—*Борисково*; „уцы́лишша на *ұ*ара́х“ (Горы́—деревня)—*Катово;* яшшо́, *ұ*адо́цку нѣ́т 'ышшӑ—ib.; шшу́ки, яшто́, яшчё́—*Рогачево;* „мужыки́ (мужья́) ни прислáли ишто́ нам“—*Горы;* яшчо́—*Семеино*; *ұ*о́ду нѣ́т'ыштӑ—*Снохино;* х Пали́ш'ш'и (=въ Полищи—село), тё́шта—*Шаранина*; прашчя́йтя, про́з'виш'ш'я яму́—ib.; ш'ш'и́ дава́ли—*Горы*; дѣ́ти́шча, жаних

[1]) См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго р. говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 22.

и ма́ть яшчо́—*Давыдово*; шчы́ вари́м, хляба́им—1 л. мн. ч.—*Акулово* (въ слогахъ, изображаемыхъ на письмѣ такъ: *чы*, *чо*, *ча*... звукъ *ч* состоитъ изъ двухъ элементовъ *т* и *ш*, причемъ второй элементъ твердый (*ш*), а первый—еле слышный, кажется, полумягкій или мягкій); прицашша́ли, и свяшшэ́ньнику ф Цырькасо́ва, шчы́ вари́м—1 л. мн. ч.—*Расторгуево*; халстᵉи́ны-ти рѣ́жым мушчы́нӑм—ib.; ӑӯрябу́ш'ш'іи (=такіе, что хоть загребай руками)—*Амляшово*; нѣ́т'ышта—*Зубово*; бӑӯатѣ́юшӑй (=богатѣющій, превосх. степень—богатѣйшій)—ib.; „а как тава́ришчⁿя ни найду́"!—*Бычково*; ну, цаво́ ж јей яшто́?—*Чуфилово*; анна́ (=одна́) свякро́ј (свекровь) ташшы́т—ib.; я ни ш'ш'ита́л, нальют ш'ш'ей—ib.; пузи́шша бальша́я—*Меркулово*; я каро́ў ни пушшу́—ib.; „яшто́ каку́ю ва́м"?—*Норино*; шшэ́й—ib.; яшто́—*Праватарово*; сто́ш'ш'им—1 л. мн. ч. буд. вр., шчы́ вари́м, скарьбя́шшая—ib.; шшэ́й, яшшо́—*Анисово*; сташшы́м салому пацы́шшэ—*Парахино*; яшшо́—ib.; „распу́шшы̆ная (коса́), ну, и пъвязᵏли́"—ibid.; хлы́шчят—3 л. ед. ч. (=хлыщетъ—хлыстать), пахлы́шчюот и пајёдуот—3 л. мн. ч.—*Парахино*; шшэ́й—*Фомино*; пращша́юсь—1 л. ед. ч., прицашша́тца—неопр. н.—*Парахино*; нӑстая́шчая—*Ахматово*; Ве́шшурскӑва прихо́ду (с. Ве́щуръ)—ib.; „прабо́йта мы вы́тъш'ш'ям"—1 л. мн. ч. (=вы́тащимъ)—*Алексѣево*; ш'ш'и́—*Ужыщево*; (произн. Ужы́ш'ш'еⁱва); „фцара́сь ишшо́ за́цӑли жа́ть"—*Волчково*; шша́'ана́ дѣ́ушка (=еще она дѣвушка)—*Ламакино*; „мы-бы ти (=тебѣ) но́вӯ снӑриди́ли јишто́" (поньку)—*Акулово* Китов. волости.

Группа чът (*чт*): „Ў на́с Ту́ма штѐ-ль"?!—*Рогачево*; а мы щѐ?—*Катово*; щѐ-жа? И пра́вда щё!—*Снохино*; на щѐ мнѐ яво́?—*Шаранина*; на щѐ яѐ ӯо́рькяю!—*Шаранина*; щѐ?—*Горы*; шчо́-ля!—*Давыдово*; за шчо́?—*Зубово*; шчо́-ба слы́шна бы́ла—*Бычково*; группа *сш* встрѣтилась мнѣ въ *особомъ* произношеніи только въ двухъ словахъ и мѣстахъ: „щиба́лися с путя́" (=сшибались)—*Семеино* близъ *Тумы*; „ращи́п" (=расшибъ)—въ пѣснѣ—*Меркулово*, тоже близъ *Тумы*. Срв. въ говорѣ Казанской губерніи: „по̆щиба́ли", „рощи́п", „щи́ть" (=сшить)—с. *Сунгурово* Каз. у. и г. *Казань* [1]).

---

[1]) См. мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894. Стр. 22.

Глава VIII-ая.

Зубные согласные *д* и *т* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о *мягкихъ* звукахъ *д'* и *т'* вообще, какого бы происхожденія они ни были: произошли-ли они изъ сочетанія съ *j*, т. е. изъ смягченныхъ *дj*, *тj*, или изъ сочетаній *д* и *т* съ мягкими исконными гласными. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ приходится наблюдать одинаковые звуки, слышать ихъ одинаковое произношеніе, хотя эти звуки нерѣдко по своему происхожденію восходятъ къ совершенно разнымъ звукамъ и звуковымъ сочетаніямъ. Звуки ѕ (*д*[з]), *ц* (*т*[с]) въ русскихъ нарѣчіяхъ, если эти звуки соотвѣтствуютъ основнымъ *dj*, *tj*, а также—основнымъ *d'*, *t'*, обыкновенно принято было считать принадлежностью бѣлорусскаго нарѣчія и частью малорусскаго, къ которому пріурочивали также и третій *слитный* звукъ *д*[ж] (въ своей работѣ мы обозначаемъ его условно, какъ и выше, знакомъ ђ). Въ настоящее время, при изслѣдованіяхъ въ области отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и поднарѣчій, приходится нерѣдко измѣнять мнѣніе и насчетъ *этихъ слитныхъ* звуковъ, какъ и насчетъ многихъ другихъ. Открываются говоры въ области и сѣверно великорусскаго поднарѣчія, и въ области южно-великорусскаго, въ которыхъ извѣстны эти слитные звуки, и эти говоры нельзя признавать ни потомками древнихъ бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. нельзя признавать ихъ говорами, образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время путемъ бѣлорусской колонизаціи, ни потомками древнихъ малорусскихъ говоровъ, т. е. образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время при посредствѣ малорусскихъ колонистовъ и передвиженій малорусскаго племени. Во 2-ой части своего труда, гдѣ мы постараемся показать и опредѣлить отношенія изслѣдуемыхъ нами нынѣ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи къ говорамъ древне-русскимъ и другимъ современнымъ русскимъ говорамъ, мы представимъ обозрѣніе и этихъ *слитныхъ* звуковъ (*д*[з], *т*[с], *д*[ж]) въ различныхъ русскихъ говорахъ, а пока замѣтимъ только, что звуковой составъ нынѣшнихъ говоровъ Касимовскаго уѣзда долженъ, именно,

внести многія поправки въ наши научныя мнѣнія относительно исторіи русскихъ нарѣчій (великорусскаго и бѣлорусскаго); повидимому, является необходимымъ настаивать на существованіи нѣкогда особой эпохи въ жизни этихъ нарѣчій, эпохи общей ихъ жизни, эпохи великорусско-бѣлорусскаго единства или, какъ выразился А. А. Шахматовъ, эпохи „велико-бѣлорусской“. Теперь прямо перейдемъ къ обозрѣнію фактическаго матеріала въ области звуковъ *д’* и *т’* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда.

Нашимъ говорамъ извѣстны звуки: ѕ (*д*^{з}), *ц* (*т*^{с}) и ђ (*д*^{ж}) вмѣсто *д’* и *т’* литературнаго произношенія.

Вотъ примѣры звука д^{з} (ѕ): Рад^{з}и́мый (въ пѣснѣ)—впервые я услышалъ въ с. *Ерахтурѣ* Касим. у.; д^{з}е́рьγе^{і}нка (= „де́рγанецъ“ на югѣ Ряз. губ., конопля)—ib.; ад^{з}я́ла, д^{з}ялóў—род. п. мн. ч.—ib.; хо́д^{з}ить—3 л. ед. ч.—рад^{з}и́ма, зӑрад^{з}и́ла—ib; па д^{з}е́сить—*Шостья*; за́муш не^{і} вы̆хад^{з}и́ла—*Ивановское*; ся́д^{з}им—1 л. мн. ч. буд. вр.—ib.; д^{з}ьвѣ́ дяфцо́нки—*Борисково;* ста́ршая д^{з}ѣ́ўка—*Катово*; в д^{з}е́нь вы́сӑхла—ib.; дзѣ́jки = дѣ́фьки—*Зубово* (Срв. ниже сказанное про мѣстоименія теjе́, сеjе́ и слова: любо́j, любо́jи = любо́фь, любо́ви и проч.); ни хад^{з}и́ла, д^{з}и́вирь был—*Семеино;* сид^{з}ѣ́ла, ся́д^{з}ит—3 л. ед. ч. буд. вр.—ib.; д^{з}е́ньγи-ты, нид^{з}ѣ́лю, сид^{з}ѣ́ть—ib.; *Катово* тоже; „дъвяд^{з}е́-ли, нѣ́т-ли γаспо́ть да каньцу́“ (= доведетъ-ли, нѣтъ-ли Господь до конца̀)—*Катово*; „да́вя я пълсапо́шки над^{з}ѣ́ла“—*Бычково*; студзе́ну—в. п. ед. ч. ж. р.—*Шаранина*; ни хад^{з}и́тя—*Зубово*; д^{з}яре́вьня—ib.; д^{з}ѣ́ўку—вин. п. ед. ч.—*Горы*; вярсты́ д^{з}ьвѣ́—*Амляшово*; „на́м ца́стую пѣс^{ш}ьню, иγра́ть за д^{з}е́ньγи-ти“!—*Зубово*; „ани́ нӑлятя́ (3 л. мн. ч.) фс^{ш}я́ д^{з}ире́вьня“—ib.; „ма́ть-та жы́ва, хо́д^{з}я кали́—*Катово*; „дзѣ́ўка, та́к ана́ и jе́с^{ш}ъ“!—*Бычково*; „ад^{з}е́жа са ско́пкуй“ (= со складкой)—ib.; д^{з}итсе́—*Чуфилово*; „д’ыть он пъγляд^{з}ѣ́л“, „ты пъсабле́иш за д^{з}е́ньγи“—ib.; хад^{з}и́ла—*Логино*; д^{з}ире́вьня—*Меркулово*; ад^{з}е́шки нѣ́ту—ib.; нидзѣ́ (= нигдѣ)—*Бычково*; д^{з}ьвѣ́—*Норино*; д^{з}ире́вьня—*Праватарово*; со́д^{з}им—1 л. мн. ч., хо́д^{з}я—3 л. ед. ч.—ib.; клад^{з}е́м—1 л. мн. ч., д^{з}ьвѣ́, д’уш бўдзя—3 л. ед. ч.—, рӑзвид^{з}е́ш—2 л. ед. ч., д^{з}ире́м - 1 л мн. ч., „бре́д^{з}инь над^{з}іjе́ш“—2 л. ед. ч. (= надѣваешь)—ib.; д^{з}ѣ́тӑк убра́ть на́да, д^{з}е́ньγи пълуца́ть—*Анисово*; вид^{з}ѣ́ла, пѣс^{ш}ьни игра́ю͡от д^{з}ѣ́хькя (= дѣ́фьки)—*Парахино*; ад^{з}е́жай, вы́д^{з}им—

1 л. мн. ч.—ib.; д^{з}éнь—*Фомино*; ви́д^{з}ѣла, „шу́пку ла́д^{з}ят, падд^{з}ѣвӑцку“—ib.; д^{з}ьвѣ́—*Астахово*; хо́д^{з}ям—1 л. мн. ч.—ib.; „д^{з}ѣлуjот со́ла̄т“ (=дѣлаютъ солодъ)—*Парахино*; за́муш вы̆хад^{з}и́т^{с}ь—ib.; и мн. др.

Примѣры звука т^{с} (ц): пу́ст^{с}или де^{а}шо́ўку (=жел. дорогу)—*Ерахтуръ* (*впервые* я этотъ слитный звукъ услыхалъ *здѣсь*); сце́лють (=сте́лютъ)—ib.; jе́сць=есть, т^{с}ія́=тебя́, т^{с}ёмна, зӑхат^{с}ѣ́л, ӑпт^{с}ира́ла—ib.; паст^{с}е́лим—1 л. мн. ч.—*Шостья*; сё па ма́лӑсци, сце́лим—1 л. мн. ч., се^{і}бѣ́ насйць, хат^{с}ѣ́лас—ib.; „т^{с}я́глая пѣ́с'ня“ (=протяжная)—ib.; привыка́т^{с}ь—неопр. н., jе́сць, не́сць, т^{с}е́ри́ма—род. п. ед. ч.,—т^{с}иряму́ (въ)—ib. и *Дмитріево*; с'вѣ́т^{с}ит 3 л. ед. ч.—*Дмитріево*; път^{с}е^{і}ря́е^{і}ш—2 л. ед. ч.—ib.; „хлѣ̆бе^{і}ц мӑлат^{с}и́ть пріѣ̆дут“—*Ивановское*; „пӑт^{с}иря́е^{і}ш свой пакло́н“ (пѣсня)—ib.; „тсёмну но́цыньку“, утсира́лись (=утирались), „сваё тсѣла прӑдала́“—ibidem. „Была́ ня ди́тяцка“ (пѣсня)—*Ветчаны* (Истомино). Почему здѣсь *ц* вмѣсто *твердаго т*? Можетъ быть, по вліянію *предшествующаго* мягкаго гласнаго? Плитсе́нь (=коса)—ib.; „с'вѣ^{і}цѐл мѣ́сиц“—ib.; тсе́нит—3 л. ед. ч. (=тянетъ), тсягло́—ib.; куды́ jих т^{с}яну́ть-та?—*Логино*; „Тсярѐшы̆цка другу́ой у́от ста́рӑстай“—*Зубово*; „уаспо́ть про́сьт^{с}ил“—(=простилъ; избавилъ, разрѣшилъ отъ бремени)—*Семеино*; уцыше́нья мнѣ́ (=утѣшенье)—ib.; уаспо́т^{с}ь ницао́—ib.; „до́лх плат^{с}и́ть нѣ́т тя́жэ“!—ib.; „ху́ньтика три и ця́ним (=тянемъ) уо́ди́ка три“!—*Катово*; вы́дьт^{с}я—2 л. мн. ч. пов. н.,—ступа́йт^{с}я—*Зубово*; на пьт^{с}ялты́ннай—ib.; т^{с}япло́—*Катово*; ана́ ни т^{с}е́ня—3 л. ед. ч. (тянетъ)—*Бычково*; та́м наци́ськӑна (=натискано)—*Чуфилово*; д^{з}ит^{с}е́—ib. и *Бычково*; срв. *атьвяла́*, „*тъвѣ́т* папо́ртил“—*Логино* (Срв. влад. *твѣтъ*, *свѣтъ*; курск. тверск. тул. *твѣтъ* и проч.); с'вѣ́ч^{и}ки зат^{с}е́плим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; „карьми́ле^{і}ц, път^{с}ирьпи́“!—*Меркулово*; (аттьвѐл—ib.;=отцвѣлъ); Тацья́на, Кӑт^{с}ери́на—*Праватарово*; мало́т^{с}им—1 л. мн. ч. наст. вр.—ib.; „я т^{с}ѣ́ уа́вари́ла“!—ib.; наца́ць—неопр. н.—(=начать)—ib.; халст^{с}и́ны—ib.; („тьвята́ми тьвятѐ“=цвѣтами цвѣтетъ;—ib.); т^{с}алу́шыцка—*Анисово*; нада зӑплат^{с}и́т^{с}ь—*Фомино* (Парахин. вол.); „цао́ туды́ кла́сць-та“?—*Парахино*; т^{с}ю́плинькяю (=тѐпленькую)—ib. (смотри выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); Алдо́т^{с}ья (=Авдотья—Овдотья—Евдокія), выхад^{з}и́т^{с}ь—ib.; „во́симь міе́р на т^{с}ягло́“—*Ахматово*.

Переходимъ къ звуку д^{ж} (ђ, *д'*) и *т*^{ш} (*т'*): нид^{ж}ѣ́ля—*Андроново*; фс^{ш}ѣ́ сид^{ж}ѣ́ли—ib.; „пӑуад^{ж}ьнѣ́й биз вѣ́тру"—(=погоднѣе безъ вѣтра, т. е. поудобнѣе)—*Праватарово*; д^{ж}ьвѣ́—*Парахино*; адьд^{ж}ѣ́льнай—*Фомино* (Парах. вол.); д^{ж}яли́тца (=дѣли́ться)—ib; ад^{ж}е́жа̄—ib.; падьд^{ж}е́хку—вин. п. ед. ч. (=поддѣвку)—ib.; над^{ж}ѣ́ну͡от—3 л. мн. ч.—ib.; зӑвид^{ж}е́ныји пѣ́с^{ш}ьни-ти"! (=заведенныя, обычныя)—ib.; хо́д^{ж}ям—1 л. мн. ч. наст. вр.—ib.; д^{ж}ѣ́лӑли—*Парахино*; на лъшад^{ж}я́х ката́ютцу (—тъ)—3 л. мн. ч.—ib.; д^{ж}ирэ́вня—*Мягкова* (въ другой разъ такого *р* полумягкаго мнѣ слышать не удалось: можетъ быть, это обмолвка или ослышка съ моей стороны); мӑлат^{ш}и́ть—неопр. н., д^{ж}ит^{ш}я́ми—твор. п. мн. ч. (=дѣтьми́)—*Андроново* (Малахово). Здѣсь особенно хорошо, какъ и въ Парахинѣ и Фоминѣ, слышны шипящіе оттѣнки при *д* и *т*. Наш по́п Ст^{ш}япа́н—*Праватарово*; мӑлат^{ш}и́ли—прош. вр. 3 л. мн ч.—*Парахино*; одинъ разъ я слышалъ звукъ *т*^{ш} въ *Шостьѣ*: шымири́т^{ш}ь—3 л. ед. ч. (=сѣмери́тъ, „сѣмени́тъ ногами". См. мой трудъ: „Къ діалектологіи"....), да одинъ разъ въ с. *Ижевскомъ* Спас. у.: т^{ш}яўла́—род. п. ед. ч.—но: тѣ́ўла—им. п. мн. числа. Какъ видно читателю, внимательно слѣдившему за нашимъ трудомъ, эти звуки *д*^{з}, *т*^{с}, *д*^{ж}, *т*^{ш} мы встрѣчали по преимуществу въ деревняхъ и селахъ Тумскаго края и въ Парахинской волости, слѣдовательно, на пространствѣ между рѣками *Гусемъ* и *Нармою*, близъ Владимирской губерніи. Въ этихъ же мѣстахъ находимъ мы и переходъ *мягкаго д въ ј*, тоже явленіе извѣстное въ русскихъ говорахъ.

Переходъ мягкаго д въ ј мы видимъ въ словахъ: „Ты, пај́и, ищё лу́ччи миня́ зна́яш"!—*Бычково* (пај́и=поди́); „пај́ика, жжё мая́ тава́рка Зу́бӑс^{ш}ька"!—*Меркулово* (жжё=ждётъ. См. выше); склаје́ш—2 л. ед. ч.—*Парахино* (=складе́шь); „быва́ю͡от ту́т гле^{і}ја́т"—(=бываетъ, что тутъ глядятъ)—*Парахино*; хај́ила (=ходила)—*Фомино*; „на Ма́льцаў хо́јёт" (=на Мальцевъ заводъ *онъ* ходитъ)—*Фомино*; сха́јила (=сходи́ла)—*Астахово*; хо́јам—1 л. мн. ч. (=ходимъ)—ib.; „хо́јат драва́ руби́ть" (=онъ ходитъ)—*Парахино*; пајём спӑвѣда́тца (=пойдёмъ исповѣдаваться)—ib.; „пај́и, та́м ф тѣ́м"?—*Алексѣево* (=поди́, тамъ въ томъ).

Переходя отъ *д* мягкаго къ *т* мягкому, мы видимъ его и въ чистомъ видѣ очень часто въ окончаніяхъ 3-хъ лицъ

глаголовъ—*ть*, но, какъ уже выяснилось изъ массы приведенныхъ примѣровъ, эти окончанія—*ть* встрѣчаются по преимуществу въ южныхъ частяхъ Касимовскаго уѣзда и въ Спасскомъ уѣздѣ, между тѣмъ какъ въ говорахъ со *средними* звуками мы имѣемъ *по преимуществу* окончанія твердыя—*тъ* или формы вовсе *безъ окончаній*. И на это мы обращаемъ *особенное* вниманіе, такъ какъ и въ этомъ отношеніи обнаруживается несостоятельность дѣленія русскихъ говоровъ на *акающіе* и *окающіе*: наши говоры *всѣ безъ исключенія нынѣ*—*акающіе* и принадлежатъ къ группѣ говоровъ *шепелеватыхъ*, которые въ древности имѣли глагольныя формы на—*тъ* или вовсе безъ окончаній, т. е. отличались отъ говоровъ, имѣвшихъ—*ть* при формахъ безъ окончаній. Формы-же глаголовъ безъ окончаній—*ть* или—*тъ* въ 3-хъ лицахъ наст. времени есть наслѣдіе отъ общеславянскаго языка и перешли *во всѣ діалекты* и прарусскаго языка.

Окончаніе—ть встрѣчается вообще довольно рѣдко, и это очень понятно: оно должно бы дать звуковую группу: *т*^{ш}*ъ* или—*т*^{с}*ъ*. Это окончаніе—*ть* мы встрѣтили въ Касимовскомъ уѣздѣ только въ деревнѣ *Китовѣ* и въ селѣ *Китовѣ*, въ *Чарусѣ*, въ *Ветчанахъ* (Истоминѣ), т. е. въ глубинѣ уѣзда; кромѣ того, на окрайнахъ частью въ *Катовѣ*, *Логинѣ*, *Рогачевѣ*, *Горахъ*, *Жалудковѣ*, *Аносовѣ* и *Оськинѣ* (къ границѣ Рязанскаго уѣзда), т. е. вь Тумскомъ краю. Но надо замѣтить, что даже *и въ этихъ мѣстахъ* мы слышимъ рядомъ съ—*ть* и даже чаще, чѣмъ—*ть*, окончаніе—*тъ*, въ особенности въ Тумскомъ краю. Очевидно, что здѣсь произошло смѣшеніе элементовъ: съ юга пришло *полное* аканье и—*ть*. Вотъ по нѣскольку примѣровъ изъ названныхъ мѣстностей: *папа́нить* =попадётъ вм. попаднетъ; наст. и буд. вр. по-паду́, паду́. Срв. завя́нетъ вм. завяднетъ. Вѣроятно, и 1-ое лицо ед. ч. при 3-мъ *папа́неть* будетъ **папа́ну*, какъ завя́ну. Еще: зна́ить, жывётъ..., во́зють, пряду́ть, пре^{і}де́ть—3 л. ед. ч., вязу́ть, плату́ть... „Нӑцавать ка́к уш та́х-та ня пу́стить“?—3 л. ед. ч., блины́ пяку́ть, виньца́ вазьму́ть...—*дер. Китово*; жнитво́ патхо́дить, Бох јіё зна́ить, сица́с пади́ дяру́ть; када́ бу́де^{і}ть ч^{ц}вѣсь-та? как си́ла вазьмётъ, ниуда́ца бáва́е^{і}ть, друγа́я ни умѣ́е^{і}ть, муш до́лγа ни вы́сыла́е^{і}ть, на веçь γо́т дъстаје́ть хлѣба-та; „то́ли ани́ хо́дють, толи нѣтъ“.... *Чарусъ*; ца́й

пьють—*Ветчаны* (Истомино); дастатки ни хватають—*Катово* Тум. край; Микола зимнія у нас празнують, „цэлавѣк дерьгаить руками“—ib.; амманъваить—3 л. ед. ч.—*Логино*; сил ни хватаить—*Рогачево* (но: „јихи бабы спят тут“. Здѣсь *т* твердое, можетъ быть, оттого, что дальше слѣдуетъ слово „тутъ“ съ твердымъ *т*?); ня съјисть нихто—*Горы*; пайдеть адна даро*у*а—*Жалудково*; „ани *у*ьють (=вьють; в′=*у*′. См. ниже, въ отдѣлѣ губныхъ и задне-небныхъ звуковъ) пруты“—*Аносово*; знають—3 л. мн. ч.—*Оськино* (Кобылинск. прихода—Кобылинка).

Въ остальныхъ мѣстахъ по преимуществу я слышалъ въ этихъ формахъ глагола твердое *т—тъ*, но *формы безъ окончаній распространены вездѣ*, какъ мы видѣли выше. Примѣровъ на твердое—*тъ* я приводить не буду: они были видны при различныхъ случаяхъ выше и могутъ быть легко замѣчены читателемъ ниже въ образцахъ пѣсенъ, разговоровъ, разсказовъ. (См. ниже, Приложеніе къ настоящему труду въ концѣ книги). Я приведу здѣсь только названія мѣстностей, гдѣ я слышалъ постоянно окончаніе—*тъ* при формахъ безъ окончаній 3-го лица. Вотъ названія: Ерахтуръ, Шостья, *Лѣсново*, *Ярыгино*, *Брѣево*, *Жданово*, *Дмитріево*, Гусевской Погостъ, г. Касимовъ, Уланова Гора, *Данево*, Забѣлино, Бѣльково, Урядино, Ивановское, частью *село* Китово, Ветчаны; затѣмъ опять: Борисково, Малахово; частью *Логино* (Тум. край), *Рогачево* (см.—*тъ*), *Горы*, *Бычково*, *Давыдово*, *Зубово*, *Семеино*, *Катово* (срв. выше—*тъ*), *Снохино*, Шаранина, Агѣево, Акулово, *Расторгуево*, Амляшово, *Чуфилово*, *Меркулово*, Норино, Андроново, *Праватарово*, *Анисово*, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Велькова, Алексѣево, Ужыщево, Волчково, Ламакино, Ахматово, Акулово Китов. волости. Подчеркнутыя названія (первыя *шесть* изъ подчеркнутыхъ) принадлежатъ частью къ мѣстностямъ, лежащимъ почти на границѣ съ Владимирской губерніей, частью (вторыя изъ подчеркнутыхъ—*тринадцать*) составляютъ собой такъ называемый „Тумскій край“, хотя и принадлежатъ *не всѣ* приходомъ въ Туму и *не всѣ* къ Тумской волости, но лежатъ по близости отъ громаднаго и торговаго села *Тумы*. Близко отъ границъ Владимирской и Тамбовской губерній лежатъ и мѣстности: *Алексѣево*, *Ламакино* (отъ Влад. губ.), *Уланова Гора* (отъ Тамбов. губ.).

Перехожу къ звуку *д твердому*, который въ сочетаніи съ слѣдующимъ звукомъ *н* ассимилируется послѣднему, переходя въ *н*. *Звукъ д передъ н*. Если слѣдующій за *д* звукъ *н* мягкій, то и *д* дѣлается мягкимъ и всетаки переходитъ въ *н'*. Вотъ примѣры на оба случая: „П'ӑннаму̂ пӑрашку̂“ (=по одному̂), паслѣнній—*Логино*; анна́—*Рогачево*; с Питрава́ нни́—ib.; „нӑ сявóннишній вицарóк у вас бу́дит“?, аннóй нильзя́—ibidem; „и цуннó таперь пади́“—*Бычково*; „фсё аннó д'аннó, вот и ɣли́сты“!—ib.; аннó пальцó (=одно полѣнце)—*Семеино*; пабиннѣй стали жыть, ӑннаму̂ патя́жэй (=потяжелѣй), „дѣдушка ɣава́ривал ма́тушки рóннай“, блѣнная, анна́къжа (=однакоже)—ibidem; паслѣннюю мину̂тӑцку—*Катово*; сявóннишнію нóцыньку—ib.; из аннóй—*Снохино*; аннó—*Горы*; на сявóннишній дянѣк—*Давыдово*; к Питраву̂ нню́—*Расторгуево*; анна́ дарóɣа—*Жалудково*; „на люди-ти вы́тти сӑраха́н, а то сты́нна“!—*Бычково*; аннавó Васи́лья—ib.; раннóй—ib.; ранния́—*Чуфилово*; ни аннавó нѣту—*Бычково*; паслѣнній—*Меркулово*; ни аннóй—ib.; урéнник (=уря́дникъ), анны́х (=одни́хъ), анна́ на стаɣу̂ стайт, да Хрóлӑва ння́, расса́нник (=разсадникъ)—*Праватарово*; халóннай—*Анисово*; анна́ карóу̂ка; „нидѣли цэ́риз дьвѣ гра́д был ннём“ (=днемъ)—*Велькова*. *Д* переходитъ въ *н* въ словѣ: „ка́жнӑй“ повсемѣстно Припомнимъ форму изъ дер. *Китово*: папа́нить—3 л. ед. ч.—вмѣсто *попа́днетъ, гдѣ *д* по ассимиляціи съ *н* выпало. Я думаю, что, въ виду различныхъ показаній другихъ русскихъ говоровъ, форму „папа́нить“ (по смыслу=попадётъ) слѣдуетъ объяснять, какъ происшедшую *фонетическимъ* путемъ, о чемъ будетъ говориться подробнѣе во 2-ой части моего труда, а *не по аналогіи* съ такими образованіями, какъ: *встанетъ*, *дунетъ*, *сунетъ*, *дѣнетъ* и проч.

Выпаденіе звука т послѣ с мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ нашихъ говоровъ, какъ и вообще говоровъ великорусскихъ: дён *шэ́съ* хади́ла—*Выжлисъ* Спас. у.; Бóжъску *ми́лӑсь* з'дѣлай—ib.; *пӑцыс'нѣй* (сравнит. ст.=почестнѣе)—*Нармушадь* Касим. у.; у̂ *пóснай* дéнь—*Ерахтуръ*; *ра́дӑсь*, *жысь*, *бе'сцэ́сья*—ib.; *прéсь* (=пря́сть)—*Шостья* (произн. *Шóсья*); *стра́сь*—ib.; *сцыс'ли́вай*—ib.; *пря́сь*—неопр. н.—*Китово* и друг.

Наконецъ, изъ области зубныхъ звуковъ *д* и *т* упомянемъ также объ обыкновенномъ явленіи *ассимиляціи* звуковъ

въ первоначальной группѣ—*дъск*, — откуда: — *тъск*, — *цък*— или:—*дск*, —*тск*,—*цк*.—Такъ, мы слышимъ прилагательное *Нáрмушáцкіјі* съ твердымъ *ц* отъ имени *Нáрмушадь* (село Касим. уѣзда) потому, что въ формѣ прилагательнаго при произношеніи окончанія—*скай* вмѣсто—*скій* звукъ *с* отвердѣлъ, и предшествующій звукъ *д* (*т*) отвердѣлъ, конечно, тоже, а группа *дс* (*тс*) дала звукъ *ц*. Но такое произношеніе съ *твердымъ ц* не обязательно въ нашихъ говорахъ, какъ вообще не обязательна и всякая другая *твердая* согласная передъ старымъ суффиксомъ—*ъск*—въ нашихъ говорахъ; напротивъ, мы видѣли и выше много примѣровъ, и ниже будетъ объ этомъ особая рѣчь (см. ниже: о мягкихъ согласныхъ вообще), откуда будетъ видно, что въ нашихъ говорахъ *обыкновенно сохраняется слѣдъ* бывшаго суффикса—*ъск*- *въ мягкости предшествующаго этому суффиксу согласнаго.*

Глава IX-ая.

Губные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ губные звуки нашихъ говоровъ опять въ порядкѣ ихъ наибольшаго значенія для характеристики изслѣдуемыхъ нами говоровъ. Сперва мы будемъ говорить о звукѣ *в*, затѣмъ — о звукѣ *ф*, о звукѣ *б*, о звукѣ *п*, о звукѣ *м* и, наконецъ, вообще о смягченіи губныхъ.

Звукъ в въ нашихъ говорахъ представляетъ наибольшій интересъ: прежде всего онъ слышится, какъ *неслоговое ў* въ концѣ словъ, въ началѣ словъ, въ серединѣ и вмѣсто предлога *въ*; затѣмъ, этотъ же звукъ иногда переходитъ въ *л* въ серединѣ словъ, а потому звукъ *л* (конечно, твердый) встрѣчается въ немногихъ словахъ на концѣ въ видѣ *неслоговаго ў*. Этотъ-же *твердый* звукъ *в* переходитъ въ нашихъ говорахъ въ звукъ *х* или *γ* обыкновенно въ предлогѣ *въ* или въ окончаніи падежей при посредствѣ, конечно, глухого звука

ф, такъ какъ въ нашихъ говорахъ самъ звукъ *ф* переходитъ въ *х* и *хв*; что касается звука *в мягкаго*, то онъ въ серединѣ словъ передъ согласной или гласной и въ концѣ словъ переходитъ въ *неслоговое* į или *j*. (Срв. переходъ *твердаго в* при тѣхъ же условіяхъ въ *неслоговое ў* выше). Далѣе, звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ *м*, а звукъ *м*, наоборотъ, передъ *н*-же переходитъ въ *в*; есть, наконецъ, отдѣльные случаи перехода звука *в* въ *б* и звука *р* въ *в*. Кромѣ того, мы имѣемъ громадное количество случаевъ *отпаденія* и *приставки* звука *в*, *выпаденія* и *вставки* его. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ прежде всего звукъ *в*, а потомъ и другіе губные звуки, въ нашихъ говорахъ.

Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ мы имѣемъ слѣдующіе факты:

Звукъ в = ў: ўнýчькя мáнинькя[і]я, сы́нина дóчь—*Киструсъ* Спас. у.; ис клóчьяў, ис тря́пкаў—ib.; ў весь ў фтóрьник, ў пóне[і]дѣльник, ўдвóя—*д. Деревенское*; ў заўлáцки жывéть, ана дѣўка, ў даму́-ту?, жыўў—1 л. ед. ч. (=живу)—*Ижевское* Спас. у. [1]); ўнýки-ти?, Пáɣарѣлъшаў (фамилія: Погорѣлышевъ), но: „вдáрил ме[і]ня́“, ў Рязáни, ў се[і]лѣ—*Ижевское*; ўся́ иɣрá, „ў ўаратá ў явó“ (=въ воротá въ егó), (срв. древнее: Ѳеѳоломей при Вонъчифоръ Вонъдрониковъ и друг. ниже во 2-ой части); ў ɣастя́х, ў рóдѣ[а], ў калóшах, паддéўка, ўладáла зямлéй—*Выжлисъ*; „и мой заɣóн и яўó заɣóн“, „напрóти Лáпькина“—*д. Воскресенское* („напрóти“ изъ *напрóтіў—напротивъ. Срв. ниже: дамó, далó изъ дамóў, далóў, а эти изъ домовъ, доловъ); каня́ўку рубúли, ў Спáская (=въ Спасскъ—городъ)—ib.: ў калóде[і]с завалúлси, „Шарóў купúл у Ликсéя лóшъть“—*Воскресенское* (Шарóў—фамилія: Шарóвъ) [2]); вóўсе[і] никуды́ ни ɣажá—ib.; анá ўвалúлси ў я́му (лошадь), ў

---

[1]) Древнее новгородское «въ мосту плаучемъ»—АЮ. № 81. 1544 г.—при «мостъ плавучей»—ibid. указываетъ на основное для велико-бѣлорусской эпохи произношеніе—плаўýчій, какъ и наше: жыўў—1 л. ед. ч.—См. объ этомъ ниже, во 2-ой части этого труда.

[2]) Примѣры, приведенные изъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, записаны отъ крестьянъ вышеозначенныхъ селъ и деревенъ въ с. Ижевскомъ, въ камерѣ земскаго начальника во время допроса и разборки дѣлъ послѣднимъ.

деⁱрéвьню прóдăл, ў кýзьницу ушли́—ib.; ў дéнь мóжна вы́ткăть—*Ерахтуръ* Касим. у.; хóдють на рабóту ў Зўјеⁱва—ib.; сóўестюся—1 л. ед. ч., деᵃшóўка, ў лáвăцку паслáть, „хязя́ўам мы́ла палы́", ў стáры *уадá* тáк нé бы́ла, ўсё на ўсё, *уадóў*—род. п. мн. ч, залóўка, свякрóў (=свекровь), цаўó (цаó и цавó), ў халсти́ни-ти?, у каó? (кавó и каўó), ў цыты́ри цапкá ткáть, „ў аснóўу (=въ основу) пушшáетца", ў скóлька таѣ нýжна, ў Шóстьји салáски дѣлають, ўцарáсь, кýзаў (=кýзовъ), ў зеⁱмлѣ, ў кýтцки (=въ кучкѣ), а Бóх яó знáеⁱть (яó—яўó—явó), ў *уáраду* (=въ городѣ), Пятрóў дéнь, *аурцыкаў*, вилóцкаў—род. п. мн. ч.,—ўсё, свáдьбаў пятнáтцăть ў дéнь, з дѣўками, *раубў*—род. п. мн. ч., ушóл ў бáню, цасá ў двá, ўмѣс'ти жы́ли, жы́ў сéтъки он?—*Ерахтуръ*; ўлѣва двéрь, ўстáл рáна, цасóў ў сéмь, „пять сóт *дымóў* у нáс ф сеⁱлѣ"—*Нармушадь* (срв. въ лѣтописи: Съдумавше поляне и вдаша отъ *дыма* мечь—Лавр. Лѣт. Изд. 1872 г. Стр. 16. Или: по бѣлѣй вѣверицѣ отъ *дыма*—ib. стр. 18 [1])); раéў (=роéвъ, род. п. мн. ч. отъ сущ. „рой") сéмь за лѣта, ў улей-та? ў *уас'тя́х* сё бываеⁱть—*Нармушадь*; ў лéдьники ляжáла, аўсы́, ўрéмям (твор. п. ед. ч. = временемъ), и ў чⁿяю, с *луўóў*, ў кабáк, ў пóли, ў дóми, ў амбáри, ў атхóжам (=въ отхожемъ мѣстѣ), сяк ў сваё мѣста, „здѣлăлси ўóфси *дрéвнай*", ўхóжы были, „ў Растóји жылá ў прислýўах" (=въ Ростовѣ. Срв. выше: любóји, крóји и проч. косв. падежи отъ словъ: любóвь, крóвь), „улятѣли *далó*" (изъ *далóў*; наше литературное *долóй*, очевидно, образовалось изъ формы съ *мягкимъ в*, какъ показываютъ вышеприведенныя формы: любóј—любóји и проч. Въ словѣ *долóй ј* изъ *мягкаго в: долóви—долóвь—долóй* (долóј). Форма **долóвъ* стала звучать въ нѣкоторыхъ говорахъ: *долóв—долóў*. Срв *доловъ* въ Жалованной Грамотѣ Подольскаго князя Александра Коріатовича Смотрицкому монастырю 1375 года: „а *доловъ* Смотричемъ"—*Срезневскій*. Пам. р. п. и яз. (Изв. АН. X. вып. VI. Стр. 684). Форму *домовъ* мы находимъ въ Смол. Грамотѣ 1230 г.: „понесеть его *домовь*", ib. 602. Еще: „ѣхалъ я сирота *домовъ*"—АЮ. № 30. 1680 г. Въ спискѣ Д.

---

[1]) Это мѣсто изъ Лѣтописи можетъ быть понимаемо такъ, что лѣтописатель во время записи еще не различалъ и смѣшивалъ древлянъ и полянъ, вѣроятно, потому, что это были лишь разныя названія одного и того же племени—народа. Къ этому мѣсту мы вернемся въ 3-й части.

Смол. Гр. 1229 г. читаемъ: „лзѣ емоу Роусина пояти *доловъ*“—Рус.-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 431. Въ Договорной Грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича съ Тверью 1368 г. (списокъ съ Тверской Грамоты) читаемъ: „А что еси привелъ Ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье *доловъ*“.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 28. Въ Договорной Грамотѣ кн. Ольгерда и Кейстутія съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ 1371 г. имѣемъ: „и тыхъ ны сослати *доловъ*“ — ib. № 31 и друг. Срв. нынѣшнее *домо́ў* въ Витебск. губ. и уѣздѣ—*Шейнъ*. Матеріалы. II. 235. *доло́ў*—Минск. Слуцк. (говоръ съ *дифтонгами*)—ib. 236. *домо́ў*—Минск. ib 238. 285. 287. и друг. Срв. нынѣшнія формы твор. п. ед. ч. именъ ж. р. въ различныхъ млр. говорахъ: ми́лоў, водо́ў, жінкоў, доброў, героў и друг—*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892 г. IV. 22. 47. 49. 53. 55. 56. 60. Срв. его-же. Лекціи². Стр. 90. Я думаю, что формы *домой*, *долой* могли образоваться и не по образцу малорусскихъ формъ твор. падежа, а *фонетически* выше показаннымъ способомъ изъ древнихъ *домови*, *долови*. Въ пользу моего объясненія говоритъ, во-первыхъ, самая форма *домови*, употребляемая въ значеніи направленія на вопросъ „куда“: въ Лавр. спискѣ Повѣсти врем. лѣтъ—читаемъ: ѩневи же идущю *домови*.... л. 119. столб. 1 и 2. Срв. въ Новг. Лѣтописи по Синод. сп.—*домовъ*—л. 111, а, во вторыхъ, и самое *значеніе* этихъ словъ въ древнемъ и современномъ русскомъ языкѣ, хотя слово *доловъ* въ др. р. языкѣ мѣстами можетъ быть понято и въ смыслѣ *abl. loci*: „а доловъ Смотричемъ“—выше). Продолжаемъ перечисленіе примѣровъ изъ нашихъ говоровъ: па ўсе́й но́цы ɣуля́ють, Яɣбраў (фамилія), ў Бо́рки, сро́дьникаў—род п. мн. ч., ўсѣ ўмѣс'ти, ў ɣо́т, ў це́рькви, „и та́к *дамо́* привязу́ть“ (*дамо́* вм. и изъ **дамо́ў*—*домовъ*, которое, въ свою очередь, изъ *домовъ*—*домови*—дат. п. ед. ч.); срв. выше *дало́*; дѣўак—род. п. мн. ч., ўсю но́цу (вин. п. ед. ч. Здѣсь именит. п.—„но́ца“, а не „ноц“, хотя и это послѣднее извѣстно), на Пятро́ў де́нь, Ду́хаў де́нь, ў Еⁱра́хтури, бу́цы-ти асо́быjи—с. *Нармушадь* Касим. у. (Эти формы: *дало́*, *дамо́*—обѣ слышаны въ с. *Нармушади*); у на́с каро́ў сеᵃво́ дьвѣ—*Ерахтуръ*; ў сяло́, ў рѣчᶦки-ти, ў Пе́рья (село) аддана́, блиноў, ў салда́ты, ў по́снай де́нь, ў даму́, ў прислу́гах жыва́ла (*г*, а не *ɣ*), ўтаро́й ра́с, ў афто́рьник, дѣўку, ўзя́ть,

р̆азуаўор, ў пасте́лю, ў три́ цаса́, ў пе́рьвай ца́с, ў мяршы́х ляжы́ть (пѣсня), ў уалава́х стая́ть, ў науа́х, си́тцэўу—вин. п. ед. ч. ж. р. (=си́тцеву), казло́ўы (=козло́вы),—въ пѣснѣ: т. е., „козловы сапожки“, ў старину́—*Шостья*; ў сӑрӑхана́х, пя́ть ху́нтаў, ў саду́-ту, ў видрѣ́, ў вадѣ́, жыўу́ю—вин. п. ед. ч. ж. р.—*Куземкино*; уадо́ў, ў Шо́с'ти, пасьля́ Хро́лаўа д'ня́—*Шостья*; наўо́й, ў Яра́хтур ӑддае́ш, ў бе́рьди, па́смаў (=па́смовъ, па́смъ)—род. п. мн. ч., ў пе́цку, ро́ўнинька, ўуоржы́ (=во ржы́, изъ уво ржы́, ув оржы́ - ўуоржы́)—*Шостья* (скорѣе было слышно *о* послѣ *у*, чѣмъ *а*); ў пру́т (=-въ прудъ), заўе́ш—2 л. ед. ч. =зовёшь, ў пясо́к, ў снѣ́х, дро́ў касте́р, като́ўпица, ни ўа што́ ни нӑряжа́ютца, ў зага́дьник (=въ загадникъ, т. е. „въ гадальную книгу“), пра жы́нихо́ў, ў не́би (=въ не́бѣ), за мужье́ў, ў рабо́тьни́ках, ў сте́пь, ў Тъкаре́ви (=въ Токарѐвѣ—селѣ), жы́ў (=живъ), ӑряхо́ў (=орѣховъ—род. п. мн. ч.), ў цужы́ люди, ўстряца́й, ў цэ́рькву, ў субо́ту да ў скреⁱсе́нья, ў абуо́н (=въ обгонъ), ў Саро́ў хади́ли (=въ Саровскую пустынь), мушшы́наў (=мужчинъ—род. п мн. ч.), ў Йжэⁿфская ўо́зють, ў Шо́с'тьⁱи, ў пеⁱцѣ, ўма́жуть—3 л. мн. ч., ў глаза́х, за́ўтрик, ў хрясцы́ (=въ крестцы́), дяўцо́нки, ў гро́п, во́ўсеⁱ - *Чинуръ*; „лён плахо́й во́ўсеⁱ, хо́ть неⁱ сѣ́й: неⁱради́тцы“—*Китово*; Пакро́ў де́нь, „у као́ јес'ть *нао́с*, *о́зим*“ (=у кого есть навозъ, возимъ; *в*=*ў* почти не слышно было въ этомъ примѣрѣ), да ў на́шӑм сеⁱлѣ́, „ў пе́цки сеⁱря́т по́ла, а лѣ́тӑм ў хлѣⁱвѣ на дварѣ́“—*с Китово*; па́смацка(ф) ў три́, ў цаты́ря; была́ ў дѣ́фках, хади́ли ў лѣ́с; „мно́уа на́шых ў падва́лах рабо́тут“, два́тцӑть пе́ть уадо́ў буде́ⁱть, „мая́ ло́шӑть *в* атца́“ (=моя лошадь у отца. Это очень рѣдкій примѣръ. но произнесено было *явственно*)—*Чарусъ*; Ива́н Макси́маў, ў деⁱре́вьнѣ (*ѣ*—открытое), Матвѣ́й Сеⁱмѐнаў—*Ветчаны* (*Истомино*); гадо́ў де́сить, нӑпяку́т блино́ў, ис с^шѣ-мяцкаў, карто́ўки пӑтсы́пяш—2 л. ед. ч., у мя́ каро́ўацки нѣ́т, „у нас място́ў-ти таки́х нѣ́т'ти грыбо́ва̄х“—*Борисково*; грыбо́ў-ти нѣ́ту—*Малахово*; ста́ршая дэѣ́ука—*Катово* Тум. край; ис Като́ўа (=изъ Катова), изӑ фсяўо́: из мацэ́ньца, дра́тўу (=дратву), вярӗ́ўки; дву́х дяржа́ў—род. п. мн. ч. (=„двухъ державъ“, т. е. двухъ владѣльцевъ—село, двухъ приходовъ—деревня, какъ, именно, въ этомъ случаѣ: дер. Катово раздѣлена между двумя приходами), шэсь дваро́ў, ўся́ у́лица—*Катово*; низдаро́ў, на прати́ўку - *Логино*; да за́ўтря-

та? биз ачкóў-та ня мóжу: ачкú надiю—1 л ед. ч.—*Рогачево*; да Кéльцаў, „уγаўóру ня знáя“—3 л. ед. ч.—ib; пираγóў—род. п. мн. ч.—*Зубово*; дѣ́ўка, он у нáс ў Зýбáви, хáш на Пакрóў—ib.; лóўка!—*Давыдово*; γадóў—род. п. мн. ч.—*Семеино*; карóўа jéсь—*Бычково*; страхóўку дáли—*Логино*; „из устóў больна γряхóў та мнóγа“—ib.; Пётр Пáўлāў—*Чуфилово*; пāрашкóў-та?—*Семеино*; лóўāсть вазьмё—3 л. ед. ч.—*Горы* (=лóвкость возьмётъ); ни лáскāўая—им. п. ед. ч. ж. р.—*Катово*; „пей на здарóўя“! вядрó ўхóдя—3 л ед. ч.—ib.; ў васкрисˢʰéнья виньцáли, γадóў трúтцāть, мéньшэ бы́ла дварóў-ти, с аўцы́ сымáитца и придё́тцы (=съ овцы снимается и прядётся)—*Катово*; тады́ уш на наўóй (=навóй), ў деⁱвéтьню (=въ девя́тьню, въ 9 нитокъ), карóўка-та, праўнýка (=прáвнукъ—муж. р.)—*Катово*; прáўду!—*Бычково*; нāрыўáла, анá сразу ўладáла (=владѣ́ла), ня лóўка—*Снохино*; даўнó—*Кабаново*; *Прāўγатáрāўа* (у книжныхъ людей я потомъ уже узналъ настоящее названiе этой деревни, въ Волостномъ Правленiи въ Тумѣ; деревня называется: Праватáрово. Послѣ перваго неслогового *ў* слышалось какое-то *γ* въ родѣ придыханiя, такъ что я долженъ былъ сначала нѣсколько разъ услышать это названiе у бабъ, а затѣмъ уже рѣшился фонетически транскрибировать), дурáўγа—*Праватарово* (въ этомъ словѣ „дурáва“ (ягода) тоже слышится здѣсь не то „дурáўа“, не то „дурáўγа“, такъ что звукъ *ўγ* какъ-бы произносится вмѣстѣ); низдарóўая—*Шаранина*; „толи дýўя, толи трóя дитéй-ти“, „ўядрó“ (=вядрó, но это не=ўjадрó и не=ўадрó, а какъ-бы: ў'адрó, т. е. *ў мягкое*), „я хóжу па нúм па стънаўы́м-ти“?! (=по становы́мъ-то?), Любóўя (=имя Любовь), „я жыдóў-та вúдьла фсéких“, Апрасúнья Шыбянькóўа (имя и фамилiя), Хрóлаў день, кушынóў—род. п. мн. ч., станóўим—1 л. мн. ч. (=станóвимъ)—ib.; дзё́ўку—*Горы*; на γалóўку, лóўка—*Агѣево*; с луγóў—*Акулово*; пéть залóўак—*Расторгуево*; γадóў асьмáтцāть—ib.; „дварóў пятнáтцāть нашы вы́сˢʰеⁱлки-ти“—*Амляшово*; никакúх брóдаў нѣт—*Жалудково* (=брóдовъ—род. п. мн. ч); свярцкóў γаня́ли ѣ́зьдили—ib; шэ́зь брáтаў—*Зубово*; ты Пакрóў жжы́ (=ждú)—ib.; па кāраγóду рублё́ўку—ib.; патóм ў пéцку сóдют—*Катово*; „скóлька карóў, ай ты ня знáиш маúх старикóў?“—*Бычково*; „па я́γъды, па дурáўу: такáя цóрная“—ib.; буду *пóўнить* (изъ „пóвнить“, которое здѣсь *очень* распространено вмѣсто „пóмнить“. См. ниже: *в*—

м), и я вы́скăцу ў акóшка—*Чуфилово*; ў Успéнья расцóт, *γ* лáўку (=въ лавку. См. ниже: *в—γ*, *г*); да Хили́паўки—*Расторгуево*; дéўку вазьмý—*Бычково*; три цэ́тьвирти аўсá увязлá—ib.; „я х пóли былá ўа льнý“ (=во льну, уво льну), за хўóст пăдымáй—ib.; в Быцкóўа привялú, „*γ*лúсты ряýт“—ib. (=ревýтъ, вм. реўýт. См. примѣръ: названіе одного изъ московскихъ колоколовъ въ XVI—XVII вѣкахъ—*реутъ*—въ выше названной статьѣ *Соболевскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 23. Здѣсь же: Реутово, Реуты, Реутовъ—собственныя названія); дяўцóнка былá—*Меркулово*; я карóў твайх ни пушшý, дóц ў Давы́дъва аддана́, д^зéўкам дадýт—ib.; ў лу*γ*á, „нé жыў, ни здарóў“! маркóўник, ăгурьцóў—*Андроново*; ў Кýршы—ib.; трáўка—*Симоново*; снапóў—ib.; ф стóх (=въ стогъ) дéвить авúнаў—*Праватарово*; ўóрăх сăбирéм (=ворохъ), рублéўку, нéту у нáс кăнаплéў, *γ*алóўак скóлька? пóўним—1 л. мн. ч. (=пóмнимъ. См. выше)—ib.; драўцá (=дровá)—*Праватарово*; карóўку падóить (sic!)—*Анисово*; „нáда нас дуракóў уцы́ть“, óўцы, дирéўня тут!—*Малышкино*; ў харóмы, ф кузаўя́х—*Парахино*; раўнó, наўéршняк—ib. (=навéршникъ; верхняя одежда); ня пóўню (=не пóмню. См. выше)—*Фомино*; прóти цасóўни—ib. (=противъ часовни); ни ўяля́т плáкать-та—ib. (См. мое замѣчаніе выше, при словѣ: *ўядрó*—дер. Шаранина); саўóк мукú,—ib.; „*γ* Вязóўку (*γ*=въ. См. ниже) ушóл“—*Астахово*; бъўáла=бывало—*Парахино*; Вéлькăўа (деревня *Велькова*), дварóў, дяўцóнки, грыбóў-та нéт—*Ахматово*; „знáють нáс рăскóльникаў“, „ăпярьсúнаў принясла́ да лимóнаў“—*Оськино*, *Кобылинка*.

Въ этихъ примѣрахъ мы видѣли, что *в*=*ў* и передъ твердымъ согласнымъ или гласнымъ, и передъ мягкимъ, и въ концѣ слова, и въ началѣ слова, и въ серединѣ; кромѣ того, мы слышимъ *ў* и тогда, когда оно соотвѣтствуетъ звуку *ф* другихъ говоровъ, напр., въ словахъ: óўцы=овцы (óфцы), аўсá=овса (офсá), драўцá=дровцá (дрофцá), им. пад. мн. ч. уменьшительное вмѣсто *дровá*. Это звуковое явленіе, какъ мы видѣли на примѣрахъ, распространено по всему Касимовскому уѣзду и по за-Окской части Спасскаго уѣзда. Вотъ въ этомъ фактѣ мы имѣемъ новое доказательство того, что наши „касимовцы“ (называю такъ *условно* жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ я собиралъ матеріалы) не есть переселенцы изъ *разныхъ* мѣстностей. Если мы примемъ во вниманіе еще другія діалек-

тическія черты ихъ, т. е. сплошное цоканье или чеканье, дзёканье, джёканье, средніе свистяще-шипящіе звуки и проч., то мы даже при желаніи не найдемъ такихъ мѣстностей, изъ которыхъ наши „касимовцы“ могли вынести свои звуковыя особенности, такъ какъ ни въ одномъ говорѣ мы не находимъ *всѣхъ этихъ фонетическихъ чертъ вмѣстѣ*; если же настаивать на поздней колонизаціи Касимовскаго края и на позднѣйшемъ образованіи современнаго намъ „Касимовскаго“ говора, то придется искать колонистовъ этого края чуть-ли не *по всей Россіи*, да и то мы не найдемъ того мѣста, откуда бы могли принести „касимовцы“ средніе свистяще-шипящіе звуки; одно изъ главныхъ обстоятельствъ, говорящихъ противъ такого предположенія о заселеніи Касимовскаго края выходцами изъ разныхъ мѣстъ, заключается *въ однообразіи* всѣхъ изслѣдуемыхъ нами говоровъ: еслибы заселеніе было изъ разнообразныхъ мѣстностей, то мы видѣли бы *смѣсь* говоровъ, какъ въ Нижегородской губерніи: мы встрѣтили бы *оканье*; кромѣ того, природа Касимовскаго края дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь, среди лѣсовъ и болотъ, могли долѣе задерживаться древніе поселенцы, часть которыхъ давно разбрелась по разнымъ мѣстамъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе лишь мѣстами въ географическихъ названіяхъ мѣстностей поселенія ихъ и въ типичныхъ особенностяхъ своего говора, особенностяхъ, которыя даютъ нѣкоторое право лингвисту усматривать въ нихъ ближайшее родство съ нашими говорами Касимовскаго края и, такимъ образомъ, помогаютъ напасть на слѣдъ какъ-будто исчезнувшаго безслѣдно когда-то сильнаго и многочисленнаго, но дикаго народа. (Припомнимъ звукъ *о* склонный къ *а* въ нынѣшнемъ вятскомъ говорѣ, необыкновенную *мягкость* при *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, мѣну *с* и *ш*, форму *ляхче*, *нн* вм. *дн*, *дифтонги*, совершенно касимовское употребленіе *члена* и проч., о чемъ—ниже, и мы увидимъ, что этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы усмотрѣть между этими двумя говорами *особую* близость: одни *дифтонги* и *долгота* про *цоканьѣ* и *чёканьѣ* и при *среднихъ* звукахъ уже говорятъ объ этой близости или о тождествѣ въ былое время).

Переходимъ къ другимъ явленіямъ въ области звука *в* нашихъ говоровъ.

Переходъ звука в въ л. Твердый звукъ *в* между гласной и согласной переходитъ иногда въ твердый звукъ *л*. Такъ, мы слышимъ: Алдо́тья вмѣсто Авдо́тья—*Катово* Тумской вол., *Бычково*—ib; Алдо́тˢья—*Парахино*, *Ивановское* Ветчан. вол.; Илдаки́мӑф = Евдокимовъ, Ӑлдаки́м = Евдокимъ—*Дубровка* Ги́блицкаго прихода. Срв. переходъ звука *в* въ *л* въ словѣ ӑслӑбади́тя—2 л. мн. ч. пов. н.—*Чуфилово* Тум. вол. Въ послѣднемъ словѣ мы имѣемъ едвали не общеславянскій звукъ *л*; по крайней мѣрѣ, южно-славянскіе языки и русскій—всѣ знаютъ въ этомъ словѣ *л*, и это указываетъ, кажется, на діалектическое явленіе общеславянской эпохи: быть можетъ. въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ съ русскимъ, было извѣстно слово *sloboda*. Великорусскіе говоры вообще представляютъ рѣдкіе примѣры перехода *л* въ *в* или въ *ў* (неслоговое), но имъ хорошо извѣстенъ переходъ звука *в* въ *л*, какъ мы видѣли выше и увидимъ во 2-ой части нашего труда, гдѣ будетъ представленъ обзоръ фонетическихъ явленій другихъ русскихъ говоровъ, находящихся въ ближайшей связи съ говорами Касимовскими по звуковымъ особенностямъ; поэтому тѣ *немногіе* случаи, которые я встрѣтилъ въ изслѣдуемыхъ нынѣ говорахъ, случаи перехода звука *л* (конечнаго) въ *ў* (неслоговое), именно, въ двухъ мѣстахъ Спасскаго уѣзда, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ привычному чередованію *в* и *л* въ такихъ словахъ, какъ: *Алдо́тья*, но, такъ какъ *обыкновенно* въ нашихъ говорахъ мы слышимъ *ў* вмѣсто *в*, то и тамъ, гдѣ *в* = *л*, получилось *ў* вмѣсто *л*: фе́ршаў (= фе́ршалъ, фельдшеръ), хади́ў (= ходи́лъ)—*Киструсъ* Спас. у. Вѣроятно, фе́ршаў изъ фе́ршал черезъ фе́ршав, какъ жы́ў изъ жы́в (см. выше), вслѣдствіе даннаго въ языкѣ чередованія *л* и *в* (Алдо́тья). Вотъ еще примѣръ: „он пасѣ́яў мо́й заγо́н"—*Выжлисъ* Спас. у. Другихъ примѣровъ я нигдѣ не слыхалъ. Подобно нашимъ говорамъ мы имѣемъ въ *Воронежскомъ* Нижнедѣвицк. произношеніе *Алдо́ха* (*Даль*. О нарѣчіяхъ... LXV), но наши говоры, не смотря на многія точки соприкосновенія съ говорами другихъ мѣстностей (по преимуществу - бѣлорусскихъ), напр., съ говорами Черниговской губерніи (см. 2-ю часть, ниже), въ этомъ, именно, отношеніи рѣзко расходятся съ ними: въ послѣднихъ мы имѣемъ, какъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ, звуки *в* и *ў* вмѣсто литературнаго русскаго *л*:

жовтъ, повнъ, давъ... (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. I. 20), тогда какъ въ нашихъ говорахъ мы не видимъ звука *в* (*ў*) вмѣсто *л*: въ нихъ есть только звукъ *ў* вмѣсто *в* (и нѣсколько примѣровъ звука *л* вм. *в*—выше), и въ этомъ я вижу *признакъ древности* нашихъ говоровъ, какъ это будетъ ясно изъ обозрѣнія во 2-ой части этого труда. Между прочимъ поэтому-же нельзя думать о томъ, что наши говоры образовались изъ бѣлорусскихъ путемъ какой-либо колонизаціи съ запада или изъ малорусскихъ—путемъ колонизаціи съ юга.

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука *в*.

Переходъ звука в въ γ и звука ф (*но только изъ в*) *въ х* [1]. Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда эти переходы очень извѣстны и распространены. Переходъ звука *в* въ *γ* имѣетъ громадное значеніе, какъ увидимъ во 2-ой части нашего труда, въ области общей исторіи звуковъ русскаго языка. Формулировать точно это фонетическое явленіе въ нашихъ говорахъ нужно такимъ образомъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основной звукъ *в* (или неслоговое *ў*) можетъ переходить въ нашихъ говорахъ въ неслоговое *ў* (или оставаться неслоговымъ же *ў*), онъ можетъ переходить и въ звонкій фрикативный задне-небный звукъ *γ*. Отсюда слѣдуетъ, что звукъ *γ* нашихъ говоровъ является въ чередованіи со звукомъ *ў*, т. е. является вмѣсто *ў* (*в*) твердаго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выше мы видѣли на примѣрахъ *ў*=*в*. Этотъ звукъ *γ* *передъ согласными глухими* переходитъ въ соотвѣтствующій глухой-же звукъ *х*, который въ такихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ глухому звуку *ф* другихъ говоровъ, звуку *ф*, получившемуся по ассимиляціи или въ концѣ слова при паузѣ изъ звука *в*. Слѣдовательно, звуки *γ*, *х* вмѣсто *в*, *ф* мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ словъ передъ гласнымъ или согласнымъ. Однако надо замѣтить, что этотъ звукъ *γ* (*х*) вовсе не обязателенъ въ нашихъ говорахъ *въ каждомъ* случаѣ: мы видимъ рядомъ съ этимъ звукомъ *γ* (*х*) и звукъ *ў* (*в*) и *ф*. Вотъ данныя изъ нашихъ говоровъ: *γ* Масквѣ ана́ жыје́т-та—*Катово* Тум. вол; а у

---

[1] О переходѣ звука *ф не изъ в* въ звукъ *х* и наоборотъ мы будемъ говорить *особо* ниже.

на́с се́ удво́я улу́бя бу́дит, фсѣ́ умѣ́сти жывё́м—1 л. мн. ч.—*Рогачево*—ib.; у мисаѣт прасва́тăл—*Горы*—ib.; у ба́ни сиди́т—*Зубово* ib.; у Масквѣ́—*Расторгуево* ib.; у ни́х дѣ́ўка-жа у́цы̆тца у Варо́ньжы—*Зубово*; ади́н х по́ли ня во́ин—*Семеино* ib.; х Ту́ми до́хтур (=въ Ту́мѣ)—ib.; ну, бат, ăтняси́ х ку́хню—ib.; пашо́л у рабо́ту и по́мя̆р—ib.; у мисаѣт скăрани́ли—*Горы*; х цэ́рькăфь внясу́т, х цэ́рькви-ти во́пют—*Катово*; у бало́та! (въ смыслѣ: „къ черту“! Это былъ отвѣтъ на вопросъ: „куда же онъ деньги дѣлъ“?)—ib.; у бало́ти—ib.; у де́нь пе́ть аршы́н вы́ткиш—2 л. ед. ч. ib.; у вицару́-та лу́цци (=лучше)—*Бычково*, ib.; ушли́ у Маскву́—*Снохино*, ib.; у Масквѣ́—*Кабаново*, ib.; у бальни́цы—предл. пад. ед. ч.—*Шаранина*; у во́ду в ло́жыцку 15 ка́пляф—ib.; „то́ли в дья́кăнах был, а ни х папа́х“!—ib; х Пали́ш'ш'и уѣ́хăл (=въ Полищи—деревня)—ib.; х пяца́х, х пяцэ́-та (предл. п. ед. ч.), када́ х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч., у вадѣ́ па́рю—ib; увицару́ ле[i]тѣла сама́—*Горы*; умѣ́с'ти—ib.; в јe[i]раво́я х по́ля кладу́т—*Агѣево*; ни паки́ньтя миня́ х цужы́х людя́х—*Давыдово;* в ра́знyјi х ка́тки (ка́дки) кладё́м—1 л. мн. ч.—*Акулово*; у ма́сла пало́жым—1 л. мн. ч.—*Расторгуево*; (у) уро́п пало́жаш—2 л. ед. ч.—ib.; х по́ли—ib.; у Ба́рьсни́ви, х Цы́рькасо́ви (=въ Ба́рсневѣ, въ Черкасо́вѣ), х Ту́ми, у де́нь вы́тку—1 л ед. ч.—ib.; мы х Ту́му но́сим буравы́, удо́ль, убаку́ (=вдоль, вбоку́) *Амляшово*, *Аносово*; ряка́ х пра́вѣ[i]—*Жалудково*; с Быцко́ва вы убо́к, х Ту́мьским лясу́—ib.; „у ба́уацэ́ям на́шым х крыльцо́ ступа́йтя“!—*Зубово* (=къ богате́ямъ нашимъ: въ этомъ селѣ живетъ одна богатая мѣщанка, къ которой насъ и направляли бабы, чтобы тамъ отдохнуть и закусить намъ); вон увярху́—ib.; мы фсѣ х по́ньках хо́д[з]им (=въ понёвахъ)—ib.; ка́к э́та у тя́ х Каси́мъви?—*Бычково*; х по́ли рабо́тая—3 л. ед. ч.—*Чуфилово*; у Маскву́, у ла́ўку (=въ ла́вку)—ib.; а я удава́я, „анна́ у Мама́с[ш]ьви, друуа́я х то́м, у Ра́ма́нъви“ (=одна въ Мамасевѣ, другая въ томъ... въ Романовѣ, т. е. дочери выданы въ эти села)—*Чуфилово*; и́х уш уане́ли к наца́льнику, у управле́ньи-ти—ib.; хпе[i]рё́т (=впередъ)—ib.; х паля́х зе́мли-ти маји́, я х Каси́мъви сро́ду ни была́—*Логино*; х са́мую Тро́йцу, была́ (х) Хатько́ви (=Хотьковъ монастырь), сама́-та х ша́пьки, мы у люцко́й (=въ людской) на́цавали—ib.; ф цаво́ нибу́ть увядё́ш!—2 л. ед. ч. (=введёшь)—*Бычково*; у бальни́цы была́—*Меркулово*; х палку́

в ӑляксáндрафскӑм—ib.; у дирéвьни—ib.; „и у бальшы́я бéрда прӑпускáим“—1 л. мн. ч.—*Андроново*; умѣ́с'ти, у бѣ́линькай рубáшки—ib.; сто двáтцӑть снапóў х пасáди—*Праватарово;* у двá рядá сажáим—1 л. мн. ч.,—пря́ма у мяшки́, умѣ́с'ти, х пéцку, ф сáнную у рабóту, х травѣ́-та?, у јéмьки (=въ я́мки), у вялúкую субóту; х пóст-ӑт мнѣ́ *нéльзи—Анисово* (срв. др. рус. нѣсть льзѣ, нѣльзѣ, не бѣ льзѣ....); хтóрьник—ib.; х Парáхйни-ти?—*Малышкино*; ў харóмы, х харóмку—*Парахино*; х пóньках—ib.; х пóли—*Фомино*; „х цэ́рькви, а то у бáни сшё жытá“—ib.; х калóдеⁱсшѣⁱ—ib.; х пеⁱньки́ (=въ пеньки́), на прибáхку паддзéхку—ib.; „х тялѣ́ги-ли х саня́х“—ib.; игрáла х пиру́шки—ib.; х пӑнидѣ́льник ушóл—*Астахово*; у Вязóўку ушóл—ib.; х катлáх-та ни варя́т нóньца—*Парахино*; х пя́тьницуо—ib.; у бóк суды́ вóт на лугá—*Велькова*; х Ту́му—ibidem; „у баyáтай дóм! удѣ́ явó баyáтай вазьмéш“?—*Акулово* Китов. вол.; ўyаржы́ рябя́ты ня хóдють—*Шостья* (=ув аржы́, уво ржы́, у аржы́); „прайдéть (не *ё*, а *е*) дéнь Трóйцын и тады́ у вéцыру“—дер. *Китово*. Кромѣ этого, мнѣ встрѣтились такія произношенія: „х к'абѣ́дьни бáтьшка ушóл“—*Расторгуево*; это произношеніе, кажется, появилось вслѣдствіе ложно понятаго произношенія „к абѣ́дьнѣ“, какъ будто бы отъ именит. падежа „кабѣ́дьня“. Впрочемъ, возможно и фонетическое происхожденіе такого произношенія. Далѣе, одинъ разъ я слышалъ такую фразу: „óкъл Ивáна Пóснӑва у *вилки́* зӑвивáютцы“—*Акулово*; но я рѣшить не могъ, что̀ значитъ „у вилки́“, какой это падежъ и число: есть-ли это—„въ вилки́“ завиваются, т. е. кочаны капусты, про которую шла рѣчь; или это *именит*. падежъ множ. числа = „вилки́“? Во всякомъ случаѣ самъ я *нигдѣ* въ этой мѣстности не слыхалъ произношенія начальнаго *в* какъ *ув*, т. е. *не слыхалъ*: увдрó вм. вядрó, увилóк вм. вилóк и т. п., но мнѣ сообщалъ про такое произношеніе тамошній уроженецъ А. И. Смирновъ (срв. мое соч.: „Къ діалектологіи“.... Стр. 53), увѣряя, что оно существуетъ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я былъ, такое произношеніе не могло быть доказано народной рѣчью. Впрочемъ, я долженъ здѣсь вспомнить произношенія села *Праватарова* близъ *Тумы*; я приводилъ уже раньше эти произношенія по другому поводу: мнѣ слышался звукъ *слитный* изъ неслогового ў и у, но я не могъ уловить, *въ какомъ порядкѣ* эти звуки слѣдовали одинъ за другимъ; въ моихъ

матеріалахъ оказалась запись—одинъ разъ такъ: Праўуата́рӑва, дура́ўуа (ягода). а другой разъ такъ: Прауўатара́ва, дура́уўа Какъ бы то ни было, но самый этотъ слитный звукъ *уў* или *ўу* въ устахъ народа имѣетъ для исторіи звуковъ русскаго языка особенную важность, какъ мы это увидимъ во 2-ой и 3-ей части нашего труда, когда мы представимъ сравнительное обозрѣніе великорусскихъ говоровъ, близкихъ къ нашимъ, и займемся опредѣленіемъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ общерусскій типъ языка видоизмѣнился въ отдѣльные говоры, въ частности въ говоръ Касимовскій. Въ 3-ей части этого труда я постараюсь указать на тѣ фонетическіе законы, которыми было обусловлено видоизмѣненіе общерусскаго языка въ направленіи къ современному Касимовскому говору.

Переходъ мягкаго в въ j. Звукъ *в*, находясь въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ или согласнымъ, т. е. будучи самъ мягкимъ звукомъ, переходитъ во многихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда въ звукъ *j*, независимо отъ того, будетъ-ли такой мягкій звукъ *в* въ начальномъ, серединномъ или конечномъ слогѣ слова, будетъ-ли онъ стоять въ ударяемомъ слогѣ, или въ неударяемомъ. Если это *в* стоитъ передъ мягкимъ *глухимъ* (отзвучнымъ) согласнымъ, то оно, по общему закону ассимиляціи, само переходитъ въ глухой (отзвучный) мягкій звукъ *ф*, которое, въ свою очередь, въ тѣхъ же нашихъ говорахъ переходитъ и въ этомъ случаѣ въ *j*. Вѣрнѣе сказать, въ нашихъ говорахъ звукъ *j* въ означенномъ положеніи стоитъ въ соотвѣтствіи со звукомъ мягкимъ *ф* другихъ великорусскихъ говоровъ, находящимся въ такомъ-же положеніи. Такъ какъ звукъ *j* есть звукъ не глухой (отзвучный), а звучный, то, кажется, незачѣмъ предполагать для нашихъ говоровъ сперва переходъ мягкаго *в* въ мягкій *ф*, а потомъ—переходъ этого мягкаго *ф* въ звукъ *j*. Вѣроятно, звукъ *в* мягкій переходитъ *непосредственно* въ звукъ *j* и въ положеніи такого звука *в* передъ отзвучной (глухой) согласной, и въ положеніи его передъ звучной согласной. (См. ниже). Въ такомъ переходѣ мягкаго *в* въ *j* мы, кажется, имѣемъ дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ выше разсмотрѣнному явленію перехода твердаго *в* въ неслоговое *ў*. Вотъ примѣры такого перехода въ нашихъ говорахъ: жыјѐть—3 л. ед. ч. (=живетъ)—с. *Ижевское* Спас. у.; зуато́јить=сготовитъ-3 л. ед. ч.—*Ерах-*

туръ Касим. у.; ў Растоји жыла́ (=въ Ростовѣ)—*Нармушадъ*; „де^ішэ́й“ купи́ть приде́тца“—*Китово* (де^ішэ́й=дешевле чрезъ *дешеве—дешеје—дешеј); можетъ быть, въ русскомъ языкѣ, въ извѣстной его части, слѣдуетъ предположить смягченіе губныхъ звуковъ безъ измѣненія слѣдующаго за ними *ј* въ *л*? По крайней мѣрѣ, формы: *земь, рупь, корапь* и др. извѣстны почти всѣмъ говорамъ ру́сскаго языка. Далѣе: дѣјки—*Ижевское, Ерахтуръ, Нармушадъ, Шостья, Зубово, Семеино, Агњево* (въ пѣснѣ), *Бычково*; свякро́ј—им. п. ед. ч.—*Акулово* Китов. волости; ана́ мая́ свякро́ј—*Ветчаны* (*Истомино*); свякро́ји—род. п. ед. ч.—*Зубово, Семеино, Катово, Агњево* (въ пѣснѣ); „за́ вълӑсы свякро́ј та“?—*Чуфилово, Меркулово, Ахматово*; срв. „свякро́хь-та“—*Парахино*, марко́хь—*Парахино*, дѣфьки—*Катово* (также); *у* Масквѣ ана́ жыје́т—3 л. ед. ч.—*Катово*; „на ла́јки“ (=на ла́вкѣ)—*Катово*; „я нады́сь на склянку нъпаро́лӑсь: кро́ј-та би́ла“!—*Бычково*; Любо́јя—Любо́вья, Любо́вь (соб имя)—*Шаранина*; с вянка́ми иду́т па у́лйцы дѣфьки“—*Агњево*; срв. выше: дѣјки (въ пѣснѣ)—*Агњево*; „ино́й *у*о́т и во́јся ана́ прӑпада́я“—3 л. ед. ч.—*Акулово* (во́јся=вовсе); паду́шйцка пӑд *у*ало́јки (=*у*ало́фьки—голо́вки)—*Расторгуево*; „да́јца ба́ила“—*Катово, Бычково* (да́јца=да́веча); дѣјица—іb. (=дѣвица); „на́да упра́јить“ (=управить)—*Расторгуево*; де́јить цылаэ́к—*Бычково* (де́јить=девять); пӑлайдёш к ла́јки ти—*Бычково*; срв. „аны́ *у*ью́ть пруты́“—*Аносово* (*у*ьють=вьють, вьютъ. Срв выше: *в*=*у*); быцко́јçькая=бычко́вская (изъ бычковьская)—*Бычково*; „а вы́нуть—и во́јсе^а ш'чяла́ бу́дит“—іb. (ш'чяла́=ще́ль); „а ту́т мѣста *у*о́рьня: тра́јки нѣтуть“—*Симоново* (*у*о́рьня=го́рнее, высокое; тра́јки=тра́фьки—тра́вки); с марко́ју—*Праватарово* (=съ морко́вью). Изъ этихъ примѣровъ видно, что и *конечное мягкое в* переходитъ въ *ј* (можетъ быть—ј̦?) подобно тому, какъ *конечное твердое в* переходитъ въ *ў* неслоговое.

Переходъ звука в передъ н въ м. Въ нашихъ говорахъ часто (но не всегда) звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ звукъ *м*, тогда какъ звукъ *м* передъ *н* переходитъ въ звукъ *в*: „няда́мна нӑ абѣдьню бла́стили: врят ӑтайти́ть“!, дамно́—*Киструсъ* Спас. у.; рамно́—*Ижевское* іb.; „ана́ не^і ма*у*ла́ па ро́мнѣ^і дайти́ть“—д. *Воскресенское* іb; ӑбдавѣла-та дамно́—*Ерахтуръ* Касим. у.; гувно́, „ӑт гувна́ бли́ска“—*Шпилёво*,

Ломъ; цо́ дамно́?—*Чарусъ*; спо́вни (=вспо́мни)—*Ивановское*; я́ бы по́внила—*Ветчаны*; я ня по́вню—*Зубово*, *Семеино*, *Горы*; няда́мна— *Катово*; мну́к—*Кабаново*; мну́цки, дамно́—*Шаранина*; „ф Кало́вни (=въ Коломнѣ) дѣ́ти на ста̊ранѣ́"—*Агѣево*; ня по́вню—1 л. ед. ч.—ib; дамно́—*Расторгуево*; бу̊ду по́ўнить—*Бычково* (=по́внить—по́мнить); ня по́вню—1 л. ед. ч.—ib.; няда́мна—*Меркулово*; в на́шых в гу́внах—*Андроново*, *Фомино*, *Парахино*; сама́ ня по́вню—1 л. ед. ч.—*Праватарово*; фсе̊ рамны́—*Алексѣево*. Иногда неслоговое *ў* изъ *в* передъ *н* въ такихъ словахъ выпадаетъ: „неˡльзя́ *по́нить*-та"!—*Бѣльково* (=по́внить—по́ўнить...). Замѣчательно, что въ приведенныхъ примѣрахъ мы встрѣчаемся съ твердымъ звукомъ *в* одинаково и передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ, и передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ (срв.: гувно́—гу́внах и по́вню, спо́вни). Очевидно, что звукъ *в* въ этихъ случаяхъ, не становясь мягкимъ въ положенiи передъ мягкимъ слогомъ, а оставаясь твердымъ, указываетъ на то, что и звукъ *м*, замѣщенный звукомъ *в*, сохранялъ свою твердость, т. е. не становился мягкимъ передъ слѣдующимъ звукомъ *н*, хотя бы и мягкимъ.

Это-же явленiе извѣстно и въ говорѣ Курской губернiи (*Даль*. О нарѣчiяхъ. LXIV: дамно, ромно, недамно), и въ млр. говорѣ Волынской губернiи (*Соболевскiй*, Жив. Стар. 1892. IV. 22. рiмний).

Одинъ разъ мнѣ пришлось слышать переходъ звука *в* въ *м* передъ гласнымъ *и* въ словѣ „Де́рьмизу" вм. „Де́рвизу" (фамилiя: фонъ-Дервизъ): „г Де́рьмизу пиряво́зим с Сталбе́ц"— с. *Стариково* Спас. уѣзда („Столбцы"—деревня Пронскаго уѣзда).

Звукъ *в* переходитъ въ *б* въ словѣ: абдавѣ́ла вм. овдовѣла—*Ерахтуръ*, *Уланова Гора*, *Гусевской Погостъ* Касим. у., можетъ быть, вслѣдствiе какой-либо ложной аналогiи съ префиксомъ-предлогомъ *об*:—обдать, обдарить, обдѣлать и т. п.

Одинъ разъ также я слышалъ въ с. *Ерахтуръ* звукъ *в* вмѣсто *р* въ словѣ: шавава́ры вм. шарава́ры: ша̊вава́ры даём— 1 л. мн. ч.—*Ерахтуръ*.

Наконецъ займемся случаями *отпаденiя*, *выпаденiя*, *приставки* и *вставки* звука *в*. Эти случаи въ нашихъ говорахъ

чрезвычайно многочисленны и интересны, въ особенности случаи *выпаденія* звука *в*, такъ какъ они собой и въ этомъ отношеніи освѣщаютъ вопросъ о происхожденіи окончанія—*во* въ мѣстоименныхъ формахъ род. пад. ед. числа. Выше мы видѣли, что этотъ звукъ *в* въ родит. падежѣ могъ появиться *только изъ у*, такъ какъ только эти звуки чередуются, въ свою очередь, звукъ *в* могъ легко выпадать, какъ и неслоговое *ў*.

Отпаденіе звука в: си (изъ—ўси́) зна́ють—*Ижевское* Спас. у.; зя́ли (изъ—ўзя́ли)—*Выжлисъ* ib.; бе́рда ся́кая јéсць—*Ерахтуръ* Касим. у. (изъ—ўся́кая); ба́бы си́ хо́дють—ib.; эта сама́ сабо́й се́тъки—ib. *Нармушадь*; „рӑспява́еіть-та? ся́ки ра́зны слава́"—ib.; сица́с сё бу́деіть—*Нармушадь*; ся́к ў сваё мѣ́ста—ib.; сѣ́ ра́зныя, каро́ў сяво́ дьвѣ́—*Ерахтуръ*; зо́ры (=взо́ры изъ ўзо́ры)—ib.; сю́ на нём изарва́ла—ib.; ся́ жыва́я была́—*Шостья*; праса́ зашли́ (изъ ўзошли́)—*Куземкино*; о́зьлѣі изъ ўо́зьлѣ)—*Шостья*; звѣ́сим—1 л. мн. ч.—ib. (=взвѣ́симъ); сё па ма́лӑсци!—ib.; сѣ́ красна́—ib.; на́ от таѣ́!—ib.; до цэра́шнява дня́—ib.; сѣ́х абнима́ть неівѣ́ста уста́вить—ib.; сѣ́м се́рьцӑм—ib.; сю неідѣ́лю—ib.; ся́кія сала́ски—ib.; ся́ка̄ бьёть (=вся́ко, всячески), сѣ́ пьють, сё сеіле́ння (=все селенье: замѣчательный случай перехода *нј* въ *нн*. См. ниже)—ib.; сё (=всё)—*Уланова Гора*; спо́мни (=вспомни), звӑлнавӑлась (=взволновалась, въ пѣснѣ)—ib.; зо́ры (см. выше, въ пѣснѣ)—*Дмитріево*; прати́ Ку́рмана (=противъ, изъ про́тиў; срв. выше дало́, дамо́ изъ дало́ў, дамо́ў)—*Забѣлино*; се́тъки слу́шаёш—2 л. ед. ч.—*Бѣльково*; „дӑ ана́ сё плаха́я про́са"—*Китово*; „у као́ јéсь, набс о́зим"—*Китово* (=наво́зъ во́зимъ—1 л. мн. ч.); и ся́! (=и вся́!)—с. *Китово*; праса́ сѣ́ пъжылтѣли—*Урядино*; „ç̌ё се́тъки палу́тши-ти"!—*Чарусъ*; „спо́вни сваи́ зо́ры"—*Ивановское* Ветчан. вол. (=„вспомни свои взоры"); сё пла́цу—1 л. ед. ч.—*Ветчаны*; сѣ́ ра́зныји зага́дъвают—ib.; блява́ть сшё тсе́нит—3 л. ед. ч—ib.; „ка́гжа, атто́да сё справля́ла"—*Рогачево*; ани́ сираты́ сѣ́ у на́с—ib.; па сѣ́м стӑрана́м хо́дют—*Горы*; „на сѣ́ я цаты́ря уўо́лушка" (причеть. См. Приложенія).—*Катово*; пра сваю́ сю забо́тушку—ib.; сё студяно́—*Шаранина*; сяло́-та Хро́лик сё завѣ́м—1 л. мн. ч.—ib.; по́слѣі здви́жы̆нья—*Акулово* (Срв. московск. „Здви́жы̆нка"—улица); зира́л (=взира́л; въ пѣснѣ)—*Быково*; ся́кай—ib.; сшѣ ико́ны—*Праватарово*; „римянна́я бра́жнай пра́зьник"—*Парахино* (=временная Пятница) и друг.

Выпаденіе звука в. Каó, цаó, кó, цó, яó—*Ерахтуръ*; с няó—ib., *Шостья, Гус. Погостъ, Бѣльково, Урядино, Китово, Уланова Гора, Дмитріево, Забѣлино, Чарусъ, Ветчаны, Ивановское, Борисково, Андроново, Малахово, Зубово, Семеино, Катово, Снохино, Шаранина, Бычково, Парахино, Ахматово, Алексѣево, Ламакино*; зáтряшня'ва дьня́—*Ерахтуръ*; „хуть и зáтря ня прúнясу"—1 л. ед. ч.—*Шаранина*; заóт Кацкóва (=заводъ Качкова)—*Борки*; на заóди (=на заводѣ)—*Симоново* Тум. вол.; дѣушки, цы̆лаэ́к — *Нармушадь*, *Ерахтуръ, Шостья, Шпилёво, Ломъ, Ламакино*; сúтцэу рубáшку—*Ерахтуръ*; за друγóа пашлá—*Куземкино*; без милóо—род. п. ед. ч. (въ пѣснѣ)—*Шостья*; заýть—3 л. мн. ч. (=зовутъ)—*Шостья*; галóушка—*Шостья*; сяó приóзють (=всего привозять)—ib.; хазя́ам—дат. п. мн. ч. (=хозя́вамъ, хозяевамъ)—г. *Касимовъ*; хтó је знáт! (је=јево, јео, јо, је, јі)—*Касимовъ, Уланова Гора, Дмитріево, Бѣльково*; хтó јі знáе'ть!—*Китово*; паóйники (=повóйники)—*Уланова Гора*; дѣич"я (=дѣвица)—*Дмитріево*; у каó јесь, наóс óзим (см. выше)—*Китово*; „я жыý ня здѣсь"—*Ветчаны*; Милянкóскъва (=Меленковскаго)—*Брѣево*; Лóмăски (=Лóмовскіе)—*Ломъ*; „он с"ёкăр миня́ бúл"—*Ветчаны*; γаспóть приóдит х каньцý (=приводитъ)—*Семеино*; „фсяó мы бис тея́ навидáимси"! (Причеть. См. приложенія)—*Катово*; какаó! (=каковó!)—*Катово*; сăмаáр ни пъстанóвиш—2 л. ед. ч.—ib.; траóй мураóю (причеть. См. ниже)—*Растоpгуево*; „сицáс с Пятрóа ння́ нанимáтцы стáнут"—*Чуфилово*; „он и слóа ня бáит"—*Бычково*; анá налйóм стайт—*Андроново* (=налйвомъ—твор. п. ед. ч.); пътряóжы̆ли—*Праватарово*; у нáс какóй наóс (=навозъ)!—*Парахино*; дóма жыýт—ib.; с адны́м жыý—1 л. ед. ч.—*Фомино*; кáк јо пúть? (јо=её. См. выше)—*Фомино*; биз наóзу-ту?—ib.; на заóт (=на заводъ)—*Астахово*; фс"яó бывáя—3 л. ед. ч.—*Ахматово*; „у няó кстúны были"—*Алексѣево*; дѣушка—*Ламакино*. Изъ этихъ примѣровъ чаще всего встрѣчаются родительные падежи единственнаго числа мѣстоименій: каó, чяó, цаó, яó, фсяó, таó, а также сокращенныя формы: кó, чё, цó, јó; эти формы встрѣчаются почти повсемѣстно. Далѣе, мы здѣсь видѣли формы родительнаго падежа: друγóа, милóо [1]); наконецъ,

---

[1]) *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 130—131) недовѣрчиво относится къ объясненію *Соболевскаго* окончанія—*во* изъ *γо*, потому только, что не засви-

произношенія „за́тря", „за́тряшній" (*Шаранина*, *Ерахтуръ*) показываютъ, какъ нельзя болѣе ясно, что въ нихъ выпущено собственно неслоговое ў, а не *в*, такъ что мы можемъ вообще предположить, что основаніемъ для выпущенія звука *в*, а отсюда также и отпаденія этого звука, послужило произношеніе этого звука, какъ неслогового ў въ древнѣйшую пору. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ нашихъ говоровъ мы видѣли, большею частью, выпаденіе звука *в передъ твердымъ гласнымъ*, но встрѣчались случаи выпаденія *в* и *передъ мягкимъ*: дѣич^и^я, с^ш^ѣкӑр, цы̆лаэ̆к. Можетъ быть, въ этихъ примѣрахъ звукъ *в* не выпалъ, а превратился въ неслоговое ј̯ (j), но только я не разслышалъ хорошо этотъ слабый звукъ, или онъ, дѣйствительно, не слышится болѣе въ такихъ словахъ. Замѣтимъ еще произношеніе: прамо́лус^ш^я—1 л. ед. ч. = промо́лвлюсь—*Ветчаны*.

Вставка и приставка звука в. Суравѣшки (=сыроѣжки)—*Борки* Касим. у.; у ватца́ дья́кӑна—*Ерахтуръ*; у вaки́ма (=у Акима)—ib.; адява́ла (=одѣяло)—*Антоново*; ате́ц Ле^і^вани́т—*Селище* (=Леонидъ); у вадны́х стару́шкӑф (=у однѣхъ старушекъ)—*Уланова Гора*; вавздѣнут—3 л. мн. ч.—*Ивановское* (=вздѣнутъ); Вани́сово—*Анисово*.

Почти всѣ явленія въ области звука *в*, подобныя только что описаннымъ явленіямъ изъ нашихъ говоровъ, т. е. явленія выпущенія и вставки, приставки и отпаденія звука *в*, восходятъ къ глубокой древности и могутъ быть находимы въ памятникахъ письменности даже XI вѣка, такъ что мы навѣрное можемъ сказать, что эти явленія основаны на доисторической близости звуковъ *в* и ў, а ко времени исторической жизни русскаго языка неслоговое ў діалектически стало все чаще и чаще пе-

---

дѣтельствована форма *доброо*. Изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что другого объясненія и быть не можетъ: происхожденіе—*во* изъ—*γо* дѣлается несомнѣннымъ фактомъ. Наши говоры Касимовскаго уѣзда даже даютъ намъ желанныя формы: друγба, милбо (с. Шостья), кромѣ указанія на чередованіе звуковъ *в* и γ. И въ этомъ отношеніи вновь обнаруживается архаичность нашихъ говоровъ. Само собой разумѣется, что и вятскія: *повост*, *воспо́дь*, *восударыня* и др. указываютъ на звукъ γ. Съ другой стороны, я самъ слышалъ произношеніе *оспо́т*, *оспода́* отъ крестьянъ Казанской и Вятской губ. Срв. у *Ягича*. ib. 131.

реходить въ звукъ *в*. Слѣдовательно, явленіе выпаденія звука *в* въ историческую эпоху жизни русскаго языка можно разсматривать, какъ результатъ произношенія неслогового *ў* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь уже нерѣдко имѣемъ ясное *в* въ литературномъ нарѣчіи, и гдѣ въ языкѣ народа находимъ до сихъ поръ или неслоговое *ў*, или отсутствіе звука въ этомъ мѣстѣ, т. е.—выпаденіе звука *в* (*ў*). Такъ, литературное живу́, звуча въ народномъ говорѣ—жыу́, показываетъ, что въ этомъ словѣ было произношеніе жыўу́ (жиўу́), откуда нынѣшнее діалектическое—жыу́; при формѣ 1 лица ед. ч. жиўу́ форма 2-го лица ед. ч. была жиjе́шъ (жиjе́шъ), откуда далѣе: жыjе́ш и проч.

Приведемъ наиболѣе интересныя данныя изъ памятниковъ др. р. письменности для сопоставленія. Въ Лавр. спискѣ лѣтописи мы находимъ: ожиоуть—л. 6. 8. ноoу—л. 11. фаравонѣ—л. 11. л. 12. Мараоу—л. 17. Семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье—л. 6. по оустаоу—л. 24. въ вустьѣ—л. 25. протиоу—л. 39. (здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ читать: *протиў*, откуда *проти*—см. выше въ нашихъ говорахъ—с. *Забѣлино* Касим. у.); в вутробѣ—л. 68. въ вадъ—л. 50. Семевона—л. 61. Заоулона—л. 61. въ Вифлевомѣ—л. 69. Елевоньскую—л. 70. Гедивонъ—л. 71. Если мы эти примѣры присоединимъ къ тѣмъ, которые выше были выписаны изъ Лавр. списка для доказательства того, что въ говорѣ той мѣстности, гдѣ былъ написанъ этотъ списокъ лѣтописи, извѣстно чередованіе звуковъ *в* и *у*, то мы получимъ образецъ древнерусскаго говора, сходнаго съ нашими говорами Касимовскаго уѣзда въ данномъ отношеніи. Въ Ипатьевск. спискѣ мы имѣемъ: за вужа—л. 131. столб. 2. в вѡзеро—л. 6. ст. 1. тивунѣ—л 157. ст. 1. Говоръ этой мѣстности отличается особенно частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто *в* и наоборотъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ XIV вѣкѣ здѣсь, надо думать, еще произносили *в* какъ неслоговое *ў*: Усеволодь—л. 145. ст. 1. бѣ во Всеволода—л. 145. ст. 2. милостивъ на вбогиꙗ—л. 145. ст. 2. оу Смоленьскѣ—л. 146. ст 1. оунезапу—л. 147. ст. 1. едва втече—л. 147. ст. 1. пребываꙗ оу любви, оу бзи пребываеть—л. 148. 1. оу Ѩрополка мѣсто—149. 2. ни ѡко не види ни вхо слыша—151. 1. оу се же лѣто—в се же лѣто—151. 1. въкраси городъ зданьи црквными—152. 1. оукрасивь

ю всѧкою красотою—152. 1. вътрудивсѧ—152. 2. волъхвъ ꙗвисѧ оу Ростовѣ—155. 2. оу Полотьскѣ—155. 2. оу си же веремена—156. 1. положенъ бысть оу гробѣ—156. 2. оуздержасѧ ѿ пьꙗньства—156. 2. оу Киевѣ—158 1. мало не втону самъ—159. 2. не бѣ лзѣ оукрастисѧ в городь—160. 1. прѣложю праздникы ваша оу плачь и пѣсни ваша в рыданье—161. 1. оу алъчбѣ и в жажѣ—163. 1. бъ оузлюбилъ есть—163. 1. поидоша оу своꙗси—173. 2. оу русьскои земли—177. 1. в русьскои землѣ—177. 1. оуверьглъ еси ножь—177. 1. оуда (=вда)—180. 2 вдаренъ (бысть)—184. 1. въмре—184. 2. оу нѣмъ же и въмре—184 2. внѣмже и вомре—186 1. оуноукъ—188. 1. половци вжасошасѧ ѿ страха—191. 2. вчиниша—192. 2. Эти примѣры говорятъ сами за себя: въ нихъ обнаруживается то, что писецъ затруднялся письменной передачей своего родного звука *в*, который, какъ видно изъ начертаній, произносился имъ, какъ неслоговое *ў*. Послѣдній переписчикъ этого памятника принадлежалъ или по своему говору къ другой мѣстности, или къ лицамъ, знакомымъ съ тогдашней книжной орѳографіей гораздо лучше, чѣмъ его предшественникъ: это мы можемъ видѣть изъ того, что почти всѣ слова, начинающіяся звукомъ *у* въ литературномъ нарѣчіи, написаны чрезъ букву *в* вмѣсто *у*, но это *в* переправлено на *у*: напр., было написано въбилъ еси—171. 1, а поправлено такъ, что *в* передѣлано въ *у*, *ъ*-же остался: уъбилъ еси—171. 1. и друг. Срв. убоꙗсѧ—172. 2., которое передѣлано изъ вбоꙗсѧ—172. 2. Въ различныхъ юридическихъ актахъ мы тоже встрѣчаемся съ явленіемъ фонетической вставки или приставки звука *в*: Левонтіемъ—АЮ. № 2. 1483 г. Левонтей—АЮ. № 9. 1503 г. тотъ езъ вобчей—АЮ № 14. 1510 г. (Срв. въ № 16. 1518 г. обинити вм. обвинити; въ № 19. 1532 г. обинилъ). Ларивонова сына—АЮ. № 20. 1534 г. съ сосны на волху, съ волхи на мохъ—ibid. Родивоновъ—№ 22. 1547 г. Левонтей—№ 24. 1584 г. передъ завтреньею—№ 27. I. 1613 г. (Срв. выше: *затря* и проч. въ нашихъ говорахъ). Михайло Ларивоновъ—ib. II. въ свое мѣсто и старца Леванида—№ 64. II. 1661 г. (подписи) (срв. выше: „атéц Леˈванит“ нашихъ говоровъ—*Селище* Касим. у.; срв. АЮ. № 68. 1666 г.—нѣсколько разъ). у Вонъчифора у Вонъдроникова—

АЮ. № 71. III (XIV—XV в.). у Ларивона—ib. V. Родивонъ—ib. XIV. Левонтія—ib. XV. наволокъ Левушиньской—ib. XVI. (Срв. XVII. XIX (тѣ-же собств. имена); XXII. № 83. 1550 г. № 84. 1567 г. (подписи)). тынъ вострой—№ 91. 1579 г. Орѳоломею, Левонтей—№ 409. VI. (XIV—XV в.). Родивонка, Левокъ, Левонтей—№№ 411 (1473 г.) и 412 (1482 г.) и мн. друг. Сравни выше, въ отдѣлѣ *в* = *ў*. Для сравненія съ данными новгородскаго и двинскаго говоровъ приводимъ данныя изъ Смоленской Лѣтописи Авраамки 1495 г.: Левонтѣй—стр. 45. Онцифоръ—74. Ончифоръ—74. срв. 119. у Вольгерда—87. См. стр. 88. прим. 8 (въ изданіи этой лѣтописи); заутра—112. назаутріа—95. наутріа—106. и: назавьтрѣе—106. Подобные примѣры мы видимъ и въ Псковской 2-ой лѣтописи: Максима Ларивоновича - П. С. Р. Л. V. 35. 37. 44. Левонтей—45. 26. Родивоновича—28. Сравни въ Олонец. говорѣ: Левонтей—*Гильфердингъ*. Он. был. 24. 46. Въ Арханг. говорѣ—Левонтьевицъ—*Истоминъ*. Пѣсни. 98. Такимъ-же произношеніемъ древне-русскаго *в*, я думаю, надо объяснять и выпущеніе *в* въ словахъ: Запсколяне—П. С. Р. Л. V 42. А приставовъ ти не присталивати—Догов. Грам. Новгорода съ Тверью 1270 г.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 3.

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Звукъ ф переходитъ въ х и *хв*: „хто́ изно́сить пане́ву (не *ё* Срв. др. р. понѣва и понʌва), сӑраха́н ткеш" (не *ё*; срв. казан. лаиш. то̆че́ш, то̆че́м.... и др. р. тъчеть—Слово Ипол. объ Антихристѣ по Чуд. сп. XII в. Новоструевъ. 11), Сахо́нцӑф (фамилія), Трахи́м - *Ижевское* Спас. у.; но: Тимахфе́й Пру́скӑй—ibid.; графи́ня—*Ерахтуръ* Касим. у.; каньхфе́тка—ib.; Хе́дӑр Хе́дӑрыц—ib ; за ху́нт пря̆жы—ib.; хе́ршӑл, Хе́дӑр—*Борки*; хе́рьшӑла—род. п. ед. ч.—*Ерахтуръ*; бяс ха́брик—*Нармушадь*; ў сарьхана́х—*Шостья*; ха́ртук, ху́нтаў, Хро́лаўа дня́—ibid.; у Три́хӑна—*Ярыгино*; хо́брика—*Гусевской Заводъ* (причисляется въ административномъ отношеніи къ Влад. губ. Меленков. уѣзду); па ста́рӑму хами́лію—*Бѣльково*; Три́хӑнаф, Тимахе́й—*Дубровка*, *Гиблица*; Хро́лӑф де́нь сте́лим—1 л. мн. ч. (accus. temporis)—*Китово*; Хе́кла, Хе́дӑр—дер. *Китово*; у цълава́льника у Ӑхана́сья—*Урядино*; Хили́п што́-ля̆?—*Чарусъ*; като́рыjи лю́ди ху́нта два!—*Ивановское* (=нѣкоторые люди....); *ф* переходитъ не только въ *х*, но и въ *хв*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: сърахва́нцыки—им. п

мн. ч.—*Ветчаны*; ху́нтик—ib.; у Хвяко́ли—*Катово* (=у Ѳе-ко́лы); у Хвӗ́дӑра—ib.; Ӑхвана́сія—*Катово*, *Логино*; хами́лія—*Логино*; Ма́рха-та на Ки́скантинъвѣ[a]—*Рогачево*; Тимахве́й—ib.; на Цухи́лӑви (=въ Чуфи́ловѣ), Хама́—ib.; „Хаме́нтій, а уш яшчо́ ня зна́ю ка́к“—*Рогачево*; Хваде́й Кӑндра́тья̆ф—*Горы*; дѣ̆вӑцка адна́ Хвяко́ла—ib.; Цухви́лъва (=Чуфилово)—*Чуфилово*; Ӑхвана́сія—*Семеино*; с Ахо́нских ўор прине́с—*Семеино*; Мики́хӑр—*Бычково*; сар’ханы́—*Зубово*; сӑръхваны́—*Андроново*, *Малахово*; сӑраха́н—*Горы*; Ахре́м (е а не ё; Ефремъ)—ib.; ху́нт, „ху́нтика три и це́ним ўодйка три́“! (=тя́немъ—1 л. мн ч. отъ гл. тяну́ть), „цао́ ту́т?—хва́ртук! Саръхва́н тке́“ 3 л ед. ч.—*Катово*; Хвядо́сья—*Бычково*; ху́нта три ня хва́тя—*Снохино*; „у на́с сво́й—Хро́лик“—*Шаранина*; „мы́ на Хро́[у]лйку“!—ib.; Хро́лаў де́нь—ib.; два ху́нта—ib.; Ӑўрахве́на—*Акулово*; „ра́ньшы я жыла́ в Ухѣ̆“—*Расторгуево*; Цухви́лӑва—*Амляшово*; „Тимахве́й Цухви́лъськай вы́с[ш]е[і]лилси и жывӗт ту́т“—ib; „о́н у на́с хвартиру́я“—3 л. ед. ч.—*Зубово* (См. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 126. Имъ правильно предположӗна форма *хвартера*, откуда: *фатера*, хотя и не обозначено въ его „Лекціяхъ“, предполагается-ли имъ произношеніе *хвартера*, или эта форма имъ гдѣ-либо найдена. Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ эту форму: хвартиру́я—3 л. ед. ч., хотя здѣсь же (*Зубово*) слышимъ и: фӑртиру́ит—3 л. ед. ч.); сар’-хана́ три́—*Катово*, *Бычково*; Ахи́мья, Хи́ма—*Бычково*; Хвядо́ра—ib.; стӑрьшына́ Хваде́йкин—*Чуфилово*; до Хили́паўки—*Расторгуево*; сар’хва́нцык—ib.; Ахо́ня—*Бычково*; Хвяко́ла—ib.; хе́ршӑл по́мяр—*Меркулово*; „атца́ Ахвана́сья фс[ш]я̆ Цырькасо́с[ш]ька д[з]ире́вьня“—*Меркулово*; пӑлшто́х вы́нут—3 л. мн. ч.—ib.; сӑраха́нӑф—ib.; Хве́ня—*Бычково*; Хвӗ́къка—ib.; Хвӗ́кла—*Норино*; сӑраха́нцык, кӑнахве́тки вашы—*Андроново*; палшто́х—*Праватарово*; да Хро́лъва ння̆́—ib.; сӑр’хваны́—ib.; ха́брика тут—*Малышкино*; Хӑминуо (=Фомино)—*Фомино*; „ступа́йтя з’ Ага́хьјий“—*Парахино* (=за Агаѳьей); Е[і]хи́м, Харло́м звать—*Фомино*; ху́нт—*Залѣсье* (Парахин. вол.); Аста́хъва (=Астафьево, названіе деревни), Тимахве́ям, Ма́рхвай звать!—*Астахово*; Со́хьяй звать!—*Парахино*; сӑр’хваны́ типе́рь фсӗ!—*Алексѣево*; Хвӗ́кла, Хвана́сий—*Ужыщево*; Митраха́н—*Бѣлясево*; атец Хе́дӑр, Хядо́с[ш]ья, Хвана́сий—*Акулово* Китов. вол.; за ху́нт—*Оськино*; Хвӗ́дӑр—ibidem.

Ф (изъ в) переходитъ въ х: дваро́х со́рӑк—*Ярыгино* Касим. у.; на́ пе'ть дваро́х—*Бѣльково*; зубо́х-та нӗт—ib.; гадо́х сто, патсу́лнушкӑх—род п. мн. ч.—ib. (=подсо́лнушковъ); сӑмава́рах-ти нӗт!—*Урядино*; ф Пакро́х яво́ снима́е'м—1 л. мн. ч.—*Китово;* из листко́х (вӗнки)—дер. *Китово*; малышо́х—вин. п. мн. ч.—мӑлышо́цкӑх, бӑрышо́х—вин.-род. п. мн. ч.—ib. Въ селѣ *Китовѣ*: бӑрышо́ў, мӑлышо́цкаў. „Скро́сь ма́нйньких вяно́цкӑх цълава́тца“—дер. *Китово*; „мацэ́ньцъми не' зӑнима́ютца: ве'рёхки въют“—*Ивановское;* „кӑнапле́й-ти? мацэ́ньцы̆х-ти“?—род. п. мн. ч.—ib.; срв. х Ку́ршу хади́ла—ibid.; пайдӗм х по́ля; *у* вӗ'нкӗ-ти?—ib.; дьвӗ дӗхки—ib.; дӗхки—*Ветчаны*; х кӑра́улку (въ—) привяду́т—ib.; дӗхка им. п. ед. ч., дӗхьки (срв. выше: дӗхки)—ib.; х плато́к завя́жут—ib.; *у* бӗдная мӗста пӑпадӗш, тра́хки не́пӑцӑва взя́ть—ib.; х по́ли лянóк по́лям—1 л. мн. ч.—*Борисково;* па́рьни-ти х по́ли—*Малахово*; х цэ́рькви была́—*Бычково*; „х пья̆нӑм ви́ди“—ib.; ва хто́рьник—*Горы*; из Нау́мцӑх приписа́лись—*Амляшево* (=изъ Наумцевъ—дер. Нау́мцы); у мужыко́х—*Норино*; дӗхки у на́с ня хо́дют—*Андроново*; у папо́х—*Парахино*; „мало́тцыкӑх люби́ть“—ib.; присӗсть на тра́хкуӑ—ib.; мы ня зна́ям э́тих дяло́х; пӗсшьни игра́jуот дӗхькя (им. п. мн. ч. См. въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ—выше)—ibid.; „у мя ў адно́й ня ло́хка бу́дя̆т“—3 л. ед. ч.—ib.; „с ахцэ́ шэ́рьшы̆ настригу́т“ (=съ овцы шерсти....)—ib.; „како́й ты ло́хкӑй“! жы́х! (=живъ: на вопросъ: „старикъ живъ“? былъ такой отвѣтъ)—ibid.; два послѣднiе примѣра записаны и въ *Фоминѣ* близъ *Парахина*; гадо́х во́сшимь—*Астахово*; авинӑхта?—ib.; бяс трӗх гадо́х—*Парахино*; „сваи́х луго́х нӗту“—*Ве́лькова*; Пъзняко́х (фамилiя земскаго начальника: Поздняко́въ)—*Алексѣево*; „арӗхӑх на́да“?—*Бѣлясево.* Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можно видѣть наглядно, до какой степени въ нашихъ говорахъ перепуталось старое съ новымъ, свое съ чужимъ, заимствованнымъ у сосѣдей. Я полагаю, что нельзя объяснять формы род. п. мн. ч.: луго́х, мужыко́х, дваро́х, зубо́х, гадо́х, листко́х, папо́х, дяло́х и проч. аналогiей къ падежамъ на *—хъ* (въ мѣстоим. и сущ.), напр., къ падежамъ: сваихъ, этихъ: сваи́х дяло́х и проч. уже потому, что этому противорѣчили бы формы такiя, какъ: Пакро́х—им. п. ед. ч., карто́х (изъ *карто́ф при карто́фь изъ картовь. См. мое соч. „Къ дiалектологiи“; картофель—ряз.), а главное—потому, что

такихъ формъ мы, кажется, не имѣемъ въ тѣхъ говорахъ, которымъ неизвѣстна теперь замѣна звука *ф* звукомъ *х*, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ произношенія: Хрóл, хáртук, хáбрика и проч., нѣтъ и произношенія: зубóх, дварóх и проч. Еслибы послѣднія произношенія были плодомъ аналогіи къ формамъ на—*хъ*: свайхъ, дворáхъ.., то они встрѣчались бы безразлично *во всѣхъ* говорахъ. Изъ этихъ же примѣровъ видно, что слово „сарафáнъ", хотя и означаетъ *русскую* одежду, но само заимствовано изъ какого-нибудь другого языка.

Обратную замѣну звука *х* (*хв*) звукомъ *ф* мы видимъ въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко*: куфáрка—*Уланова Гора* (подгородная деревня—слобода близъ г. Касимова, а потому это произношеніе можно считать занесеннымъ изъ города); фартирýит—3 л. ед. ч.—*Зубово*.

Гораздо интереснѣе случаи произношенія *ф* вмѣсто того *х*, которое получилось уже давно изъ *к*: „ис сялá Мя́фкăва"—*Мягкова* (на картѣ); или: „мя́фкай знáк"—*Алексѣево* (Такъ говорили ученики сельской школы со мной въ с. *Алексѣевѣ*, называя такъ букву *ъ* (*еръ*). Очевидно, и школа не можетъ легко бороться съ материнскимъ языкомъ своихъ питомцевъ.)

Въ нашихъ говорахъ мы также имѣемъ случаи замѣны звука *ф* звукомъ *п* и наоборотъ: Апрасúнья — *Шаранина* (=Евфросинья); патрáпить (=потрафить)—*Бычково*. „Лáфснискăва прихóду", „Лáфся"—такъ говорили крестьяне села Кочаткóва („Кăцаткóва"), Владим. губ. Меленков. у., пріѣхавшіе на базаръ въ Касимовъ. На картѣ я нашелъ не „Лафся", а „Лáпся"—село, къ которому и принадлежитъ Кочаткóво (деревня?) [1]).

Эти явленія въ области звука *ф* извѣстны и древнимъ памятникамъ, какъ видно изъ слѣдующаго. Переписчикъ Лавр. списка лѣтописи навѣрное произносилъ не тѣ звуки, которые изображалъ въ словахъ: соѳьи—л. 104. ст. 2. (такъ написано вездѣ), ѳевралѧ—109. 2., 111. 2., еѳрѣмъ, стеѳанъ—140. 2. Срв. еще соѳьи—144. 1., 146. 2., ѳевралѧ—151. 1. Срв. въ нашихъ говорахъ: Сóхья и хаврáль (см. „Къ діалектологіи"... l. c.). Постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и дру-

[1]) Переходъ звука *ф* (иностраннаго) на русской почвѣ въ звукъ *п* извѣстенъ былъ въ глубокой древности: на это указываютъ слова: *парусъ*, *Осипъ*.

гихъ др. р. памятникахъ написаніе *Тфѣрь* (Новг. Лѣтоп. по Синод. хар. сп. Фотолит. изд.—л. 247 и рядомъ: въ тъхвѣрь—л. 167. ib. за тъхверью—л. 167. ib.) какъ будто указываетъ на происшедшую въ народномъ говорѣ ассимиляцію звука *в* предшествующему глухому звуку *т* [1]), откуда получилось *Тфѣрь*, перешедшее въ *Тхверь*, но эта ассимиляція довольно рѣдкая, а потому не слѣдуетъ-ли принять другую форму этого названія города въ живомъ народномъ языкѣ стараго времени, такъ какъ мы изъ формы *Тверь* (тьверь) по ассимиляціи скорѣе ожидали бы формы—*Дверь*, а не *Тферь*. Срв. тъчерь—Лавр. сп. Лѣт. 46 при дъчерь—Новг. Лѣт. 79. дъцерь—ib. 172. тчери—Лавр. 50. при дъщерью—Лавр. 34. Срв. еще ассимиляцію въ словахъ: дулѣпьскимъ—Лавр. 8. воевотьство Лавр. 103. 2. и друг. при другихъ примѣрахъ: зблюли—Лавр. 177. 1 з двора—ib. 115. 1. изъ сблюди—ib. 168. 2. сблюденьє—ib. 125. 2. Срв. молотшюю—Лавр. 178. 2. Такія написанія мы видимъ часто и въ другихъ памятникахъ русской рѣчи: въ грамотахъ и актахъ всякаго рода. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ древне-русскаго произношенія видно, что ассимиляція въ словѣ „Тферь“ была бы необычная [2]), а потому, мнѣ кажется, и предполагать ее незачѣмъ. Не была-ли первоначальная форма этого слова „Тхерь“ (Тьхерь?)?

Что касается мѣны *ф* и *х* въ другихъ русскихъ памятникахъ, то здѣсь мы ее встрѣчаемъ очень часто, именно, въ памятникахъ съ чисто-русскимъ языкомъ. Напр., въ Новгородскихъ купчихъ XIV—XV в.: у Перьфурья—№ 71. V. (АЮ.), но: Перхурей—№ 71. XV. Есипъ—ibid. Тихфина монастыря—№ 427. (1671 г.). Срв. Тифинскій и Тихвинскій. Быть можетъ, изъ первоначальнаго *Тихинскій. Срв. соб. имя Тихонъ. Въ Поручной литов. князей до 1390 г.: Охремъ (срв.

---

[1]) Этого слова *Тфѣрь* касался уже *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: «Изслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка». Спб. 1886. Стр. 152 слѣд.

[2]) Сравни у *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 99 и 109. Единичный случай написанія: *сторовъ* вм. *здоровъ* (съдравъ) или *кте* (къде—где—гдѣ) не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ фонетики живого языка: *сторовъ* и теперь нигдѣ не скажутъ, какъ не говорили и прежде, равно и *кте* вм. *гдѣ*. Это, конечно, описки—графическія явленія подъ вліяніемъ произношенія списываемыхъ словъ *во время переписки втихомолку*.

въ нашихъ говорахъ: Ахре́мъ), Осипъ, Онципоръ (срв. въ Новгор. грамотахъ выше: Вонъчифоръ; Никифоръ=млр. Нічіпор; Аграфена—уорпы́на...) — Акты ЮЗ. Россіи. I. № 2. Хролъ—1398 г. ib. № 5. (срв. въ нашихъ говорахъ такъ-же). Ходоръ—1400 г. ib. № 6. (чит. Хёдор, и у насъ—такъ) и друг. Срв. въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: Ончифоръ—Онцифоръ—стр. 74. 119. По Тфѣрци—98. Тфирици—100. отъ Тфѣряньке—103. подъ Тфирью—101. съ Тфѣрицы—98. Тфѣрь—98. владыку Тьфѣрьскаго—100 и друг. Слово *охвочій*—(Смол. Лѣтоп. Стр. 75. Псков. 2-ая Лѣтопись. Стр. 19. *Истоминъ*. Сборникъ. Стр. 216. Арханг. и друг.)—объяснено *Ягичемъ* (Критич. Зам. Стр. 86).

Переходя къ современнымъ намъ говорамъ, мы находимъ въ нихъ слѣдующее: какъ *обыкновенное* явленіе, замѣчается, что въ тѣхъ говорахъ, гдѣ встрѣчается *рѣдко* мѣна *в* и *у* (см. выше), тамъ *есть ф*, и даже *х*, *хв* переходятъ въ *ф*: таковъ Новгородскій, Олонецкій говоры, гдѣ мы имѣемъ: *фатать* (*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 16), *куфарка* (*Колосовъ*. ib. 122. Срв. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. II. 11) [1]. *Вологодскій* говоръ въ этомъ отношеніи стоитъ особо (старый *Двинскій*), и, вѣроятно, онъ относился къ говорамъ не Новгородскимъ, т. е. былъ говоромъ кривичей (словѣнъ), но не новгородскихъ. Здѣсь мы имѣемъ: *ковды* (см. выше *Вологод. Велик. Устюжск.* Изъ статьи въ „Живой Старинѣ“ за 1894 г.), в—у и л—у, л—в: товковать, повзать, довбить, повно, ходи́ў („среднее между *в* и *ў*“), думаў (*Колосовъ*. ib. 331), но при этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, *штох*, *полштоха* (ib. 332), *куфарка*—ib. 331. (Срв. въ Олонец., съ другой стороны, *Хвомку* при *Фомку*—ib. 188. Въ Новгородскомъ говорѣ мы даже слышимъ мѣстами: трёф вм. трёхъ—*Колосовъ*. ib. 16). Итакъ, мы видимъ, что и при разсмотрѣніи этого фонетическаго явленія наши предположенія относительно соотвѣтствія нынѣшнихъ средне-русскихъ говоровъ стараго русскаго племени, извѣстнаго подъ нѣсколькими названіями (см. выше), находятъ новое подтвержденіе: новгородскій говоръ (полушепелеватый) есть говоръ особый, но двинскій (нынѣшній Во-

---

[1]) Въ былинахъ *Гильфердинга* мы находимъ это часто: фаста, фастае при хваста—389. 927 и мн. др.

логодскій) принадлежалъ, вѣроятно, къ говорамъ средней группы (шепелеватымъ). Несомнѣнно, къ этой послѣдней группѣ принадлежали и нынѣшніе говоры губерніи *Калужской*, *Орловской*, *Курской*, *Рязанской* (при—Окскіе), *Владимирской* (Муромск.), частью *Тульской*, *Смоленской*, гдѣ вездѣ мы нынѣ находимъ мѣну *у* и *в* (болѣе или менѣе часто) и измѣненіе звука *ф* въ *х*, *хв*, т. е. отсутствіе (болѣе или менѣе распространенное) звука *ф*, неизвѣстнаго имъ въ древнѣйшее время. (См. *Даль*. О нарѣчіяхъ: хвилинъ, Хвядотъ—LXIII. Хвилипъ, хвуражка— ibid., LXIV. Сюда-же принадлежатъ частью говоры нынѣшней Воронежской губерніи. Хама, хунтъ, Хведзька, Хвядотъ... LXIX. Хавронья, Хевраль—*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 297. Срв. у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. I. 15. 17. IV. 43. О Тульскомъ и Курскомъ говорахъ). Опять особо стоятъ говоры малорусскіе: подольскіе, галицкіе и гуцульскіе, гдѣ мы видимъ особенно частое *ф* вмѣсто *х* и *хв*. (См. *Соболевскаго*. Ук. Соч. IV. 48. 49. 52. 53. 60). Что касается говора *вятскаго*, то въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ какъ-бы середину: ему извѣстенъ звукъ *ф* и *х* въ разсматриваемыхъ случаяхъ; здѣсь мы встрѣтимъ Памхилъ, хилинъ, хляга (*Даль*. ib. L), но и: фомякъ (*Колосовъ*. ib. 226), на трёх дуба́ф (*Колосовъ*. ib. 226. 273). Въ вятскомъ говорѣ, полагаю, легко замѣтить нетуземность этого звука *ф*: онъ, вѣроятно, занесенъ новгородскими колонистами; срв. въ новгород. *трёф* вмѣсто *трёхъ*. О произношеніи „изъ мѣшко́хъ" въ Сибири (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25) и т. п. мы ничего не можемъ сказать, такъ какъ говоры Сибири еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Срв. въ нашихъ говорахъ: мужыко́х, зубо́х и т. п. выше.

Теперь отмѣтимъ мелкія явленія въ области звуковъ *п* и *б*. Звукъ *п* иногда передъ гласной переходитъ въ нашихъ говорахъ въ *б*: „субаги́ т^е́плыjи"—*Парахино* Касим. у.; пӑславле́ля (=благословля́ли)—3 л. мн. ч. прош. вр.—ibidem. Группа *бм* переходитъ въ *мм* по ассимиляціи: „стару́шку амма́нъваитъ"—3 л. ед. ч.—*Логино* Касим. у., *Парахино*; о́ммарък (=обморокъ)—*Астахово*; ни аммѣ́ни́ваймс^ш^и—1 л. мн. ч. наст. вр.—*Парахино*.

Это-же явленіе ассимиляціи въ группѣ звуковъ *бм* мы имѣемъ въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Вологодскомъ, Вятскомъ, Архангельскомъ говорахъ: оммарокъ, оммѣривать, ам-

манывать *Колосовъ*. ib. 21, оманываешь—*Гильфердингъ*. 903. 113, омманъ—*Соболевскій*. ib. II. 12. 17. 21. омменъ—22. омманывай—*Истоминъ*. Сборникъ. Стр. 176.

Наконецъ, въ нашихъ говорахъ извѣстенъ также звукъ *м* вмѣсто звука *н*: Михйхăр—*Бычково*, Касим. у.; но: Харлáнăва—*Зубово*; звать Праскóвьјій Никéвнай (=Михеевной)—*Немнясево* и друг. Крух Микóлы (=около Николина дня), Зимній Микóла и т. п.—повсемѣстно. Срв. Микула—въ АЮ. №№ 3. 5. 409 (V)—XIV—XV вѣка. Въ Смолен. Лѣтоп.: діакона Микыту и Никыту—стр. 102. 103. Въ Псков. 2-ой Лѣтописи—Микиту—стр. 37. 44 и друг.

Теперь скажемъ вообще о смягченіи губныхъ звуковъ въ нашихъ говорахъ. Выше мы говорили по другому поводу, что въ нашихъ говорахъ почти вездѣ сохраняется суффиксъ именъ прилагательныхъ—*ьск*,—т. е. передъ этимъ суффиксомъ почти всегда слышится *мягкій* согласный звукъ; такъ, мы видѣли передъ нимъ мягкіе звуки ç (сш), зж. Такъ-же ясно слышатся и губные мягкіе передъ этимъ суффиксомъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: г зéмьскăму нацáльнику—*Ерахтуръ* Касим. у.; Кузéмьскіјі мы-ти!—*Куземкино*; то-же мы увидимъ и въ сочетаніи звуковъ: *л* (удержавшееся явленіе и въ литературномъ произношеніи: сéльскій, а не—сéлскій), *н*, *р* съ этимъ суффиксомъ—*ьск*—ниже. Далѣе, передъ мяггимъ слогомъ—*ки*,—*ти* мы слышимъ и мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ: тря̆пьки—*Киструсъ* Спас. у.; напрóти Лáпькина—с. *Воскресенское* ib.; лáпьти—*Шостья*, *Жданово* Касим. у.; дѣфьки—*Уланова Гора* и друг.; лáфьки—*Гусевской Погостъ* и друг.; Пятрóфькими—*Забѣлино*, *Урядино*, *Дмитріево*, *Бѣльково*, *Чарусъ*; загáфьки (=заговѣнье)—дер. *Китово*: *у* јéмьки зăрывăим—1 л. мн. ч.—(=въ я́мки)—*Праватарово* и мн. друг. подобн. Далѣе, замѣчательно, что повсемѣстно мы слышимъ въ словахъ *семъ*, *восемъ* на концѣ *м* мягкое: въ *Ижевскомъ* Спас. у., въ *Нармушади* Касим. у., въ *Ерахтурѣ*, въ *Шостьѣ*, въ *Шпилёвѣ*, въ *Ломý*, въ *Забѣлинѣ*, въ *Ивановскомъ*, въ *Ветчанахъ* наши записи вездѣ имѣютъ отмѣтки: вóсеімь, вóçеімь, сéмь, çéмь, сшéмь и проч. (см. выше). Наконецъ, въ нашихъ говорахъ *весьма* распространены глагольныя формы 1-го лица ед. ч. съ губнымъ звукомъ основы, заимствованнымъ изъ прочихъ лицъ, т. е. безъ смягчающаго звука *л* изъ *ј* послѣ губного: „я бáню

то́пю“ —*Зубово* Касим. у.; ну, усту́пю! —*Давыдово*; хле́пца сы́пю—*Катово*; ко́рьмю—*Зубово* (sic!); во́пю—*Бычково;* я спю́—*Праватарово*; я про́спю—*Анисово*. Въ одномъ мѣстѣ (с. *Андроново*) я встрѣтилъ произношеніе: *упява́й* вм. *упова́й*. (Пѣть—пѣва́ть: запява́й?). Формъ, подобныхъ формамъ *то́пю*, *спю́*, много и въ другихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, но достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ нашихъ говорахъ эти формы вездѣ, гдѣ только это возможно, переносятъ удареніе къ началу слова: то́пю, усту́пю, ко́рьмю, во́пю, про́спю. Мнѣ кажется, что это обстоятельство указываетъ на образованіе этихъ формъ 1-го лица *по аналогіи* съ формами прочихъ лицъ не только въ фонетическомъ, но и въ *тоническомъ* отношеніи; срв. формы: то́пишь, усту́пишь, ко́рмишь, во́пишь, про́спишь (? однако во многихъ говорахъ: про́спалъ...). Это явное заимствованіе формъ 1-го лица изъ формъ прочихъ лицъ указываетъ на позднее образованіе формъ нашихъ говоровъ. Срв. въ другихъ говорахъ: въ млр. ломъю, ломью (Пружанск.), любью и друг. Особенно часто въ основахъ на зубной и передне-небный звукъ: въ *вятскомъ*: колотю, вредю, пустю, бросю, можу (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 21. Ударенія не показаны); заплатю —(*Колосовъ*. Зам. 277); въ *волынскомъ*: ходю, пустю (*Соболевскій*. ib. IV. 20), просю—(ib. 22), летю—минск. (ib. 24), ходю́, косю́...—пинск. (ib. 26), пружанск. (ib. 31); ходю́—гродн.—(ib. 33); ходю, пустю, возю, просю —украинск.—(ib. 40) и друг. Это явленіе было извѣстно и въ древне-русскомъ языкѣ: въ Правой Грамотѣ Николаев. Корельскому Монастырю 1530 г. читаемъ: „на поле съ ними битися *лѣзю* и съ иконою *иду*“—АЮ. № 18. Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 г. находимъ: „и язъ для того ночью *бѣжу*“—АЮ. № 27 и др.

Переходимъ къ звукамъ задне-небнымъ (*г*, *у*; *к*, *х*), а затѣмъ къ язычнымъ—плавнымъ (*л*. *р*).

Глава X-ая.

Задне-небные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ обозрѣвать звуки *г*, *γ*, *к* и *х* въ нашихъ говорахъ. Уже изъ предыдущаго изложенія можно было замѣтить, что въ нашихъ говорахъ есть звукъ *г* и *γ*. Опредѣлить точно условія, при которыхъ является звукъ *г* и звукъ *γ*, мнѣ не удалось, да врядъ-ли и есть возможность такого опредѣленія въ виду того, что оба эти звука, и звонкій мгновенный задне-небный, и звонкій фрикативный задненебный,—встрѣчаются во всякомъ положеніи, независимо отъ того, стоятъ ли эти звуки въ началѣ слова или въ серединѣ, находятся-ли они въ положеніи передъ согласной или гласной. Лишь въ случаяхъ обыкновенной ассимиляціи слѣдующему звуку или въ концѣ слова эти звуки подвергаются обычному переходу въ звуки *глухіе*, переходя въ звуки *к* и *х*, напр., въ концѣ словъ: друк и друх. Оба эти произношенія приходилось мнѣ слышать, хотя первое изъ нихъ и встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ второе. Собственно говоря, даже *по мѣстностямъ* ближайшее опредѣленіе этихъ звуковъ *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ довольно затруднительно, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ звуковъ не пріурочивается *исключительно* къ той или другой деревнѣ, къ тому или другому селу. Нельзя поручиться, что въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ звукъ *γ* (см. ниже), мы не встрѣтимъ въ однородныхъ случаяхъ звука *г*, и наоборотъ: въ мѣстахъ употребленія звука *г* слышится изрѣдка и звукъ *γ*, хотя послѣднее встрѣчается значительно рѣже. Изъ этого, кажется, слѣдуетъ заключить, что наши говоры въ современномъ ихъ состояніи представляются намъ въ значительной мѣрѣ говорами *смѣшанными*. Но не таковы были эти говоры въ древнее время. Прежде, чѣмъ дойти до нынѣшняго смѣшаннаго типа, нашимъ говорамъ пришлось пережить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, обусловленныхъ и внѣшними, и внутренними причинами, подъ которыми мы разумѣемъ и сношенія съ сосѣдними говорами, и перемѣны въ составѣ населенія края, и естественное вымираніе звуковъ подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ. По нѣкоторымъ

даннымъ всетаки мы увидимъ ниже, что въ нашихъ говорахъ можно съ большою долею вѣроятности выдѣлить тѣ звуки, которые наслѣдственно переходили изъ говора отцовъ къ говору дѣтей, изъ говора предковъ къ говору потомковъ, и должны быть приписаны *туземнымъ* говорамъ въ древнѣйшемъ ихъ состояніи, въ извѣстную пору. Къ такимъ звукамъ мы относимъ въ области гласныхъ *долгіе* звуки, *дифтонги*, звуки $а^е$, $е^і$ въ извѣстномъ ихъ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ; въ области согласныхъ: *средніе* звуки небнозубные (или передне небно-зубные, шипящіе и свистящіе), звуки $д^з$, $д^ж$, $т^с$, $т^ш$, далѣе *мягкіе* согласные звуки передъ суф.—*ск*—(—*ьск*—), звукъ *ў* или средній между *в* и *ў*, звукъ *ув* или *ву*; съ этими звуками, по нашему мнѣнію, должны были быть наши говоры въ древнѣйшее время, иначе говоря, эти звуки можно считать на достаточномъ основаніи звуками туземными, и основаніемъ для этого служитъ прежде всего то обстоятельство, что эти звуки неоткуда было заимствовать или принести сюда. Такимъ образомъ, открывается новый типъ центральнаго русскаго говора—*типъ шепелеватый*, *умѣренно акающій*, *со звукомъ ў*. Относительно термина „умѣренно-акающій“ замѣчу, что этимъ терминомъ я выражаю *для краткости* понятіе о качествѣ звука *е* и *о* въ предударныхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ, не опредѣляя этимъ терминомъ *времени*, *когда* появилось такъ называемое *аканье*, и не обозначая вообще ничего другого, кромѣ извѣстнаго качества этихъ гласныхъ въ ихъ различныхъ положеніяхъ относительно качества слѣдующихъ за ними звуковъ. Слѣдовательно, новый терминъ „умѣренно-акающій“ долженъ въ данномъ случаѣ служить обозначеніемъ *очень стараго* звукового явленія. Сравненіе нашихъ говоровъ съ другими современными, а также историческія справки въ древне-русскихъ памятникахъ письменности покажутъ намъ ниже, что наши говоры не стоятъ *нынѣ* особнякомъ, значитъ, не стояли они особнякомъ и прежде, чему доказательствомъ служатъ тѣ памятники, въ которыхъ случайно лучше, чѣмъ въ другихъ, сохранились слѣды шепелеватаго произношенія, слѣды произношенія неслогового *ў*, слѣды долгихъ звуковъ и проч. Если мы не находили *всѣхъ* этихъ слѣдовъ, именно, въ тѣхъ памятникахъ, которые по мѣстности написанія были ближайшими къ мѣстностямъ нашихъ говоровъ, то причину этого надо, конечно, искать и въ

литературной традиціи, въ условіяхъ нашей письменности, и въ самомъ времени. Не смотря на эти обстоятельства, мы всетаки находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности доказательства того, что и въ древности были среди живыхъ говоровъ такіе или почти такіе, какіе мы нынѣ встрѣчаемъ въ Касимовскомъ уѣздѣ. Доказательства эти представлены будутъ мною во 2-ой части этого труда. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что, благодаря нашему знакомству съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ говоромъ Касимовскаго уѣзда, орѳографія древне-русскихъ памятниковъ центральной и сѣверной Россіи должна получить во многихъ случаяхъ иное объясненіе, и самое чтеніе во многихъ случаяхъ, т. е. самое произношеніе, должно нѣсколько видоизмѣниться; словомъ, во многихъ случаяхъ мы нынѣ получаемъ объясненіе въ живыхъ говорахъ для древне-русскаго правописанія и произношенія.

Обращаясь къ звукамъ *г* и *γ*, мы должны сказать, что, по общему характеру звуковъ, въ нашихъ говорахъ звукъ *г* долженъ быть признанъ *туземнымъ* звукомъ, тогда какъ звукъ *γ*—образовавшимся въ нихъ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ образовалось и *полное* или *сильное аканье* (примѣры см. выше). Этотъ звукъ, очевидно, также занесенъ сюда сношеніями съ сосѣдями, въ говорѣ которыхъ звукъ *γ* есть *единственный*.

Такимъ образомъ, я полагаю, что въ древности районъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго говора (говора шепелеватаго и полушепелеватаго) былъ гораздо больше, чѣмъ нынѣ, и древне-русскіе говоры въ этомъ районѣ отличались другъ отъ друга весьма незначительными оттѣнками произношенія, составляя одинъ общій діалектическій типъ, что мы постараемся ниже доказать и путемъ историческихъ справокъ съ свидѣтельствомъ нашей начальной лѣтописи о разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. (См. II-ю часть; глава VI-ая).

Звукъ γ мы видимъ въ селахъ и деревняхъ: Киструсѣ, Деревенскомъ, Ижевскомъ, Выжлисѣ, Воскресенскомъ Спасскаго уѣзда; въ Нармушади, Ерахтурѣ, Боркахъ, Шостьѣ, Китовѣ, Чарусѣ, Ивановскомъ, Катовѣ, Симоновѣ, Логинѣ, Расторгуевѣ, Рогачевѣ, Горахъ, Чуфиловѣ, Бычковѣ, Зубовѣ, Давыдовѣ, Семеинѣ, Снохинѣ, Кабановѣ, Шаранинѣ, Агѣевѣ, Амляшовѣ, Жалудковѣ, Меркуловѣ, Праватаровѣ, Анисовѣ, Малышкинѣ, Парахинѣ, Ахматовѣ Касимовскаго уѣзда.

Слѣдовательно, почти на всемъ пространствѣ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ звукъ *γ*, но опять повторяемъ, что во многихъ изъ перечисленныхъ мѣстъ *сохранился* и звукъ *г*, который часто прорывается и въ говорѣ, и въ пѣсняхъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ: *γ*адо́к, на лу*γ*а́, „*γ*о́рлӑм баля́ть в Ужа́льи"—*Киструсъ Спас. у.*; *γ*ря́сна (=грязно)—*Деревенское* ib.; ӑддала́ де́нь*γ*и при табѣ́, пъ*γ*лядитя, ў *γ*астя́х, не[i] ма*γ*ў, на на*γ*а́х—*Ижевское* ib.; цужо́й за*γ*о́н—*Выжлисъ* ib.; *γ*арѣ́лай лѣ́с, „ана́ не[i] ма*γ*ла́ па ро́мнѣ[i] дайти́ть"—*Воскресенское* ib.; мно́*γ*а де́нях—*Нармушадь* Касим. у.; „рӑз*γ*аво́ру-та не́ бы́ла, мать *γ*а́вари́ла"—*Ерахтуръ* ib.; ў ста́ры *γ*ада́, каки́х у*γ*о́дна, *γ*уля́ють, и*γ*ра́ють—ib.; но: „га́рӑм гари́ть"—*Борки* ib.; и: „ра*γ*о́ў нѣ́т"—ib.; „с лу*γ*о́ў-ти"—*Нармушадь* и „грѣ́ить"—ibidem; ста́ръста Я*γ*о́ра*γ*ў, вы́*γ*а́нять—3 л. мн. ч., и*γ*ра́ю, бра́*γ*и, *γ*ро́зная, ў *γ*а́лава́х, *γ*ря́сь, кӑра*γ*о́де[i]—пред. п.—*Ерахтуръ*; пе[i]ре[i]стры́*γ*ули, дру*γ*о́й—*Шостья*, но: ў зага́дьнѝк гада́е[i]м—ibidem; игра́е[i]м—ib.; бага́ты—ib.; травы́-ти мно́*γ*а, *γ*о́спӑди зна́е[i]ть ӑтцаво́, „зиму̑ой-ту ў*γ*ули-ти вязўть"—*д. Китово*; *γ*лу́пай, *γ*а́варя́ть—*с. Китово*; „*γ*ра́т нямно́шка пе[i]ркӑлӑка́тил", ис пре́дйва из дру*γ*о́ва, мўш до́л*γ*а не[i] вы́сыла́е[i]ть, *γ*адо́ў—род. п. мн. ч., три цэ́тьве[i]рьти тя*γ*ла́, из *γ*о́рӑда сусѣ́т, *γ*ряцы́ха—*Чарусъ*; „ры́бы, пъжӑлуй, не[i] пра*γ*нѣ́вайси"!—ib.; „ра́зи мо́жна цэ́ре[i]з а*γ*о́нь пры́*γ*ать"?—*Ивановское*; Ло́*γ*иньськiјi—*Логино*, *Симоново*; у стару́х-ти какiјi *γ*ряхи́-ти?—*Катово*; Ӑстару*γ*о́ськи, Ӑстару*γ*о́ва—*Расторгуево*; на *γ*ара́х, *γ*адо́ў де́сить, лубако́ (вм. *γ*лубако́)—*Катово*; с[ш]тѣ́на *γ*рябу́—*Логино*; ру*γ*а́тца—неопр. н., Рӑ*γ*ацо́ва, ня *γ*о́рьница, ла*γ*у́шку пътиря́л—*Логино*; дрӑ*γ*анѣ́т—3 л. ед. ч. (=дро́гнетъ), у*γ*а*γ*ўру ня зна́я—3 л. ед. ч.—ib.; бра́*γ*у-ту, даро́*γ*и, шашто́й *γ*о́т, „он и в *γ*лаза́ мо́жа", „ана рябя́т-та јíх мно́*γ*а"—*Горы*; па сѣ́цӑм сӑбирали я̆*γ*ӑды—*Чуфилово*; на *γ*γлу́—*Бычково*; дру*γ*о́й *γ*о́т—*Зубово*; приту*γ*а́ю, *γ*ли́сты, „ни то *γ*ра́т паби́л"—ib.; ӑстар*γ*о́фьська, *γ*аро́х, до́л*γ*іјi-ти но́шу сӑрханы́, пира*γ*о́ў, сӑпа*γ*и́-те?, дѣ́јки у на́с *γ*ло́жут масо́л, *γ*о́рькаю—вин. п. ед. ч. ж. р.—ibid.; *γ*арѣ́тая (деревня)—*Логино*; „из усто́ў бо́льна *γ*ряхо́ў-та мно́*γ*а"—ib.; *γ*а́варя́т—3 л. мн. ч.—*Давыдово*; *γ*арьска́я по́ля (—поле, принадлежащее д. Горамъ)—*Семеино*; „ры*γ*а́льнӑва ма́сла" (регальнаго; совѣтуютъ въ деревняхъ отъ зубной боли), „с Ахо́нских *γ*о́р при-

нёс“—ib.; γулéть—неопр. н.—ib.; „самá я γарьçькáя“—*Горы*; пăγляжý, ни маγлá, γулéть—неопр. н., ни зγруснúлась, аб γóрьких, „и хóлăду и γóлăду“—род. п. ед. ч.—*Катово*; брáγу-ту?, ăγурьцы́, ты́ уш зăγăварúл!, д'ыть аγню швырнý!, γадóў тритпáть, „а мы щё? иш ăшары́ (?) γря́зныjи“!—*Катово*; зацнём с цытьвярьγý—ib; γряцы́шнинькяй (муки)—род. п. ед. ч. ж. р., γдруγóре'ть (=вдругóрядъ; срв. въ Псков. II-ой лѣтописи: „и *въ третій рядъ* стала рѣка“—стр. 38), ни маγём сáми-ти!—*Катово*; γлáткijи, иγрáть γарáзьди, γóду нѣт'ыштă!, испуγáлăся, сирéть кăраγóду—*Снохино*; „па тóт бóк аврáγу“—*Кабаново*; „γалýпцык! γóрька“!—*Снохино*; на сняγý—*Шаранина*; кóбы я γрăматéй!—ib.; хлѣ́ба карьвéγу (sic!=коврúгу), γавя́дйны цáсть, γарáсим уѣ́хăл, „ана срóду çё дарóγа“! павы́шы γваздóцка, на щё яё γóрькяю?—ibid.; анú ни γлядя́—3 л. мн. ч.—*Горы*; „эти γадá запре'стúли (sic!) иγрáть“; но: брáгу, Гаврúлъвиц—*Агѣево*; аγáрăк, падрýγа, γдѣ́ зăвивáют—ib.; мнóγа, *вадьлѣ́* пѣсе'нки прăиγрáют крýх явó—ib.; „у мня́ γóря-та явó мнóγа, ăγарьцэ́нья никáк ни раскáжыш“!—ib.; ăтγастúла я у вáс—*Дадыдово*; сѣ́на γряблú, с луγóў—*Акулово*; в ăγарóдах, в γря́дки, Ăγрахвёна, раγóшкими, з γрыбáми—ib.; Ăстаруγóçька, муш хóдя в луγá—*Расторгуево*; падýшыцка пăд γалójки—ib.; γрóп, γóлăву завя́зы́вам—1 л. мн. ч., „нăцаплéли пăγрамкóф-та“!—ib.; „γадá-та харóшыjи былá тут я́γăда, ăγрябýшшijи бы́ли“—*Амляшово*; γрыбы́ jéçть—ib.; аднá дарóγа на γары́—*Жалудково*; дрýх на дрýγа хóлям—1 л. мн. ч.—*Зубово*; с валóγай, дарóγими—тв. п. мн. ч.—*Бычково*; „нáшы е'зыкú ни γадя́тцы-ть“!—*Чуфилово*; „он мнѣ́ γóлăву ăтматáя, жанúх-ăт“!—ib.; тяγлó, ни пуγáй—ib.; „ты пъγадú, я скáжу (sic!)—на маγúлу вы́ду“—*Меркулово*; масóл, знáта, γрызýт—3 л. мн. ч.—ib.; на тилѣ́γи—*Бычково*; ў луγá—ib.; сóрăк три γóда, на стаγý, я пăдγрябáю, прăγулéли—1 л. мн. ч. прош. вр., калú пъруγáимси—1 л. мн. ч., γадúтцы—3 л. ед. ч.—*Праватарово*; γутáрить—неопр. н.—*Анисово* (произн. *Ванúсбва*); прăγаню́ дóлγа, палóзья γнёт, дарóγа—*Малышкино*; шаштóй γадóк—*Парахино* (см. ниже); па мнóγа—*Ахматово*.

Съ другой стороны, мы довольно часто встрѣчаемъ звукъ *г* и въ Спасскомъ уже уѣздѣ, напр., въ самомъ городѣ *Спасскѣ*, и въ Касимовскомъ: въ *Шостьѣ*, напр., *нидасýк* (=не-

досугъ)—ib.; рагáтйна, бирянглá, за гарý ушлú, гарá, гадóў, гóря, гóрька, глýпăсти, грыбы́, гарбáтай, на гарбý, багáты, г зáганью (=къ заговѣнью), абгóн, Гаспóдь, гнýть—3 л. мн. ч., мнóга, те[i]лѣ́ги, ў глазáх, винó нăгавóрная, дéрьгали—3 л. прош. вр. мн. ч., грóп, агурьчú—*Антоново*; па Мýрăмьскай дарóги—*Брњево*; мнóга—*Алексњево*; гре[i]цы́ха—*Чинуръ*; „я́гăды ăт гувнá (sic!) блúска"—*Шпилёво*; глубóкай, гъварúт—3 л. ед. ч., другóй, гуля́ть *Гус. Погостъ*; гурцы́ (=огурцы), прислýгу, мнóга—*Касимовъ*, *Уланова Гора*; нăпугáли, гадóф—род. п. мн. ч., игóлку, „гóлăсў нѣ̆ту"—*Уланова Гора*; гатóвют—3 л. мн. ч., таргýют, брáгу, пълагáтца—3 л. ед. ч., играе[i]м—1 л. мн. ч.—*Дмитріево*; дéник—род. п. мн. ч., углá. гле[i]дúт—3 л. ед. ч., гóсти—ib.; згарѣ́л, пó лугу, гуля́ть, дăрагáя, рăзгавóры, нóк—род. п. мн. ч. (=ногъ), згнуздáю—1 л. ед. ч. буд. вр. (=взнуздáю), игрáть—неопр. н., ўгадáт—3 л. ед. ч., грашы́, зăгарóдит—3 л. ед. ч., дéньги, мóк (=могъ)—*Данево*; „вы́гăну-та нѣт явó"—*Гусев. Погостъ*; Ягóр—*Забњлино*; я гóда три варúла, гарóх, грúве[i]нниц[ч]ик, мястóф мнóга—ib.; цаты́рнăцăтый гóт—*Бњльково*; Гарáськина, гăрямы́шныя, Графéна, гадóх стó (=годóвъ), падú и гадáют—3 л. мн. ч., грéца—*Бњльково*; на Цáрус дарóга—*Урядино*; у каó угóдна, ны́нѣшній гот, другáя цуть-цуть ляжы́ть—3 л. ед. ч.—*д. Китово* (срв. выше); загáфьки (заговѣнье), гавя́дйны, „на гýш'ш'и, в де[i]рéвьни у нáс гдѣ́ дрóжжи-ти"? в глáза не[i] видáли, я гăварю́ те[i]бѣ́—не[i] багáтай дóм!—ib.; в ăгарóдах—*Урядино*; „гдѣ́ гряцы́шки у каó jéсть"—*Ивановское*; гадóў дéсить—*Ветчаны*; глýпинькюю—вин. п. ед. ч. ж. р., угадúть—неопр. н., па гóринки, тот и гадáит, пăглядúтца, багáтай, ни хватáит нá гăт! тсягло́, çягдá тах-та! (sic!)—*Ветчаны*; ны́ни я́гăт нѣ́т—*Борисково*; гадá-ти былá!, нимнóга, па грыбы́, груз[ж]ьдéй—ib.; грыбóў-ти нѣ́ту—*Малахово*; вы́прыгнули, в лугá—*Норино*. Этотъ же звукъ *г* мы встрѣчаемъ по преимуществу въ *Андроновњ*, *Парахинњ* (см. выше), *Фоминњ*, *Астаховњ*, *Ахматовњ*. Напр., въ *Парахинњ* мы слышимъ: „у нáс крýк Микóлы" (=около Николина дня), пъбягѐш (=побѣжишь), „игрáјуот нарóд", „рăзгарюцăю слязóю улитá" (въ пѣснѣ; см. Приложенія), „ве[i]ж[з]ьдѣ jaё игрáјуот раўнó", „рѣ́тька гóрька, рѣ́тька слáтка (наз. здѣсь: *тáлька* и въ Праватаровѣ), яшшó маркóхь, бабы́, агарóх, ăгурьцы́", другóй гóот, асьмáцăтай гó[у]от, „нá

Гуçь хóјут“ (=на Гусь ходятъ), „з^{ж}имó^{у}й бывáит зáгинья“, „пѣ́с^{ш}ьни игрáјуот д^{з}ѣ́хькя“ (им. п. мн. числа), ступáйти з’ Агáхъјій (=за Агафьей), падрýги ӑбувáјуот, „с ахцэ́ нъстригýт шэ́рьш“ (=съ овцы настригутъ шерсть), гле^{і}дя́т (=глядя́тъ—3 л. мн. ч.), дадýт гри́вӑнняк, „хý^{о}ть ф тялѣ́гу“, „жани́х хóдят (3 л. ед. ч.) крук санéй и хлы́шчя^{і}т“ (=хлещетъ), пъ гӑлавѣ́, яшшо бугаём (тв. п. ед. ч.), зӑгарáжъваjуот—3 л. мн. ч., „иш какóй рó^{у}г-ӑт!“ (=ишь, какой рогъ!), грыбóм завýт шлы́к, „рý^{о}г-ӑт ади́н ляжы́т, иш“! „Он ба с нáми стáл за яд^{з}и́на гóря гӑрявáть“ и мн. др. (См. Приложенія). Въ *Фоминѣ:* „у нáс гóря в э́тът д^{з}éнь была, цэ́риз гóт“ (годъ тому назадъ), „патьнéйшта (? почти) фçя д^{з}арéвьня згарѣ́ла“, „вéçь у нáс на гýвнах и хлѣ́п пъгарѣ́л“, яшшо гдѣ найдýт, вз^{ж}éли карвѣ́гу (sic!) хлѣ́ба, вóсе^{і}маӣ гóт!—*Залѣсье* (10 в. отъ Фомина); гуси́нъва пярá нé бы́ла, я гъварю́ те^{і}бѣ́, „гáрь шшы́бла нáс“—*Фомино.* Въ *Астаховѣ:* лугá нáшы тáм, на вы́гӑн ганя́е^{і}м—1 л. мн. ч., грéсь çѣ́на, „у нáс гарѣ́тыјы (sic! срв. въ Логинѣ Тум. края, =„гарѣ́лыя“) мястá“, „замýжная: гадóх вóçе^{і}мь винцáлась“, я гряблá, трясý и грябý аднá, яшчё нѣ́ту грябѣ́нъва, на други́м (sic!) снапóх пéть бýдя, „за Сéргими Трóйцъми бы́л“; въ *Ахматовѣ*: грыбóу-та нѣт, „вóçимь міер на тсягló“, блӑгапы́ннаӣ; *Вéлькова*: на лугá, грáдӑм штó-ля ищё, гъваря́т трáвы гажы́ мястáми; *Алексѣево*: грицы́ха, грéца-та ниц^{ч}явó; *Ужыщево*: зӑганя́ют, в лугáх; *Мягкова*: на лугáх, гажá ницавó; *Волчково*: нáшы-жы лугá; *Бѣлясево:* „мы Пагóстиньскъва прихóду“, „глянь-ка, я́ ти гӑварю́“—*Акулово* Китов. волости, но: *у*дѣ, ба*у*áтаӣ—ibidem.

Изъ предложеннаго обзора употребленія звуковъ *г* и *у* въ нашихъ говорахъ можно видѣть, что звукъ *г* болѣе извѣстенъ на сѣверѣ Касимовскаго уѣзда, чѣмъ въ глубинѣ уѣзда или на югѣ его, почти исключительно звукъ *г* слышенъ въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, въ Дмитріевѣ и Даневѣ, а также по берегу рѣки Гусь къ сѣверо-западу, т. е. въ сосѣдствѣ съ Владимирской губерніей. Въ глубинѣ уѣзда, въ сс. Шостьѣ, Чарусѣ, Ветчанахъ, въ Тумскомъ краю слышны оба звука: и *г* и *у*. Въ Тумскомъ краю рѣшительно преобладаетъ звукъ *у*, хотя извѣстенъ и *г*. На югѣ уѣзда также рѣшительно преобладаетъ звукъ *у*, и звука *г* совсѣмъ почти нѣтъ. Для насъ особенно важно, что звукъ *у* извѣстенъ былъ въ древ-

нее время и въ Псковской области, гдѣ мы находимъ также и звуки: $ц^ч$, ў, $с^ш$, $з^ж$ (см. выше). Въ Псковской 2-ой лѣтописи читаемъ: не хотя ослушатися своего осподаря—37; хощемъ единого осподаря держатися—40; осподарь—45 и мн. др. при: господарь—45, и сами господари великіи князи—40 и друг.

Едвали не слѣдуетъ признать извѣстнымъ звукъ *γ* рядомъ со звукомъ *г* еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ говорахъ, по крайней мѣрѣ, *для нѣкоторыхъ словъ*: почему, напр., теперь въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (напр., въ говорѣ Свіяжскаго, Козмодемьянскаго уу. Казан. губерніи), гдѣ *исключительно* мы слышимъ звукъ *г*, говорятъ рядомъ съ этимъ: оспода́, с оспода́ми, причемъ я иногда слышалъ оттѣнокъ звука *γ* въ началѣ этихъ словъ? Вѣроятно, такой-же звукъ слышенъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, какъ можно заключать изъ статьи въ Живой Старинѣ за 1894-й годъ о говорѣ въ этой мѣстности. Здѣсь отмѣчено: „звукъ *г* съ густымъ придыханіемъ *х*“: *Осподъ*. (На эту статью я ссылался нѣсколько разъ въ своемъ трудѣ, но, не имѣя подъ руками журнала, не могу точно указать номера его). Срв. еще въ *вятскомъ* говорѣ: *хгорохъ* (Жив. Стар. 1892 года. Вып. II. Стр. 21), которое я признаю неточной записью вмѣсто: *гхорохъ=γорохъ*. (Срв. здѣсь ниже въ отдѣлѣ о звукѣ *к* и *к͡х*). Срв. въ Правой Грамотѣ 1483 г.: положили грамоты купчіе передъ *осподою*—АЮ. № 2. Срв. о господо—въ Духовной XIV—XV в.—АЮ № 409. II. Въ Судномъ спискѣ 1503 г.: о Оспожинѣ дни—АЮ. № 10. Княининъ человѣкъ, холопъ ли еси княинѣ, отъ княини отъ Анны въ Правой грамотѣ 1547 г.—АЮ. № 22. Въ Докладной Грамотѣ ок. 1485 г.: доложа Осударя—АЮ. № 31. Въ Духовной князя Никиты Александровича Ростовскаго 1548 г.: у княгини и у княини, далъ княинѣ и проч.—АЮ. № 420. Срв. № 421 и друг. Сюда же относятся такія произношенія, какъ: Арханьилскую—АЮ. № 19. Срв. Арханьгилскою—№ 26. № 97. Замѣчательно, что № 16 писанъ „на Москвѣ“ 1532 года, а №№ 26 и 97 писаны „Архангельскими земскими дьячками“, и въ нихъ нѣтъ такихъ написаній, какъ въ № 19. Какъ произносили въ Москвѣ звукъ *г* въ XVI-мъ столѣтіи въ этомъ словѣ? У Востокова (Опис. ркп. Р. М. № XLIV. 15) есть описаніе грамоты въ Колывань 1579 г., изъ правописанія которой мы мо-

жемъ видѣть, что звукъ *γ* не передавался на письмѣ: „ѡ а^н^се^л^ско^г^ намѣ́ника и воеводы. Писана в во^т^чинѣ... в горо^де^ а^н^слѣ“ [1]).

Мнѣ кажется также, что нужно признать въ русскомъ языкѣ переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* явленіемъ фонетическимъ, какъ и явленіе перехода мягкаго *к* въ мягкое *т*. Это явленіе перехода легко объясняется физіологически, а нынѣшніе говоры, въ которыхъ почти всякое *к* мягкое звучитъ, какъ мягкое *т* (напр., въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казан. губерніи Мансуровской волости), доказываютъ, что это явленіе фонетическое и однородное съ нынѣшнимъ и древне-русскимъ переходомъ мягкаго *г* въ мягкое *д*. Въ нашихъ говорахъ тоже извѣстенъ послѣдній переходъ: Дина́дій Ляксáндрыц—*Велькова*. Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи очень часто: Жидимонтъ—стр. 27, 28, 29 и друг. Соврем. áньдел, Евдéній и т. п. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1156 г. мы имѣемъ: *Гюрги* поиде къ Кыєвѹ... и прича и князь *Дюрги* съ чьстью... И благословиша кн. *Дюргя* Володимирича... Въ Евгеньевской Псалтыри до 1100 г.: въ лѧзѣ бо въ драздѣ (Срезневскій). Можетъ быть, принимая переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* за явленіе фонетическое, мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ и обратный переходъ мягкаго *д* въ мягкое *г*, который мы часто наблю-

---

[1]) Двоякое *г* въ древне-русской письменности различалось тѣмъ, что γ не писалось, такъ какъ для этого звука не было начертанія: осподарѧ, осподарю—Рус. Достоп. II. 64. Лавр. лѣт. ѡспдна—л. 47. осподаръ—Акты Арх. Эксп. I. № 16. ѡсподаря——на чарѣ черниговъ. кн. Владимира Давыдовича до 1151 года (Срезневскій). См. по этому поводу *Колосова*. Обзоръ. Стр. 197. *Ogonowski*. Studien... 91. (оспóдарь). *Шахматовъ*. О языкѣ Новг. Грамотъ. Спб. 1886. Стр. 166. § 19. Затѣмъ, въ Лавр. спискѣ мы имѣемъ при: гюргевци—л. 151. ст. 2. юргевци—151. 2. гюргевъ—163. 1. Выше мы видѣли Гюрги и Дюрги. Сравни въ нашихъ говорахъ: складjём—1 л. мн ч. (=складёмъ), хóјут (=ходятъ) и др. Значитъ, устанавливается фактъ перехода въ древне-русскомъ языкѣ (въ сѣверныхъ и центральныхъ мѣстахъ нынѣшней Россіи) звука *г* мягкаго (или, можетъ быть, γ мягкаго) въ *j* и въ *д* мягкое и обратно, тогда какъ звукъ γ твердое слышался ясно, но не изображался на письмѣ. Вѣроятно, поэтому нужно читать: княјúня, а не княиня, какъ написано; равно и: Арханьјилского, а не Архапьилского и проч. Срв. соврем. áньдел, архáньдел.

даемъ въ древне-русскихъ памятникахъ сѣвернаго происхожденія: въ Новгородской Синодальной Лѣтописи XIV вѣка: дъжгь—л. 45. 46. 49. (фототип. изд.); дъжгемь—63. 210. Но: дъждемь—250. Въ Псковской 2-ой Лѣтописи: „и потомъ не бысть дожгя“ —Стр. 44.

Мягкій звукъ к, находясь въ такомъ же положеніи, т. е. передъ гласной, переходитъ въ звукъ мягкій *т*, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ нашихъ говоровъ: „штабы эти *нитти* г дялом пъмеістить“—*Ивановское* Ветчан. волости Касимов. уѣзда. Вообще, это явленіе въ нашихъ говорахъ очень рѣдкое, какъ и явленіе перехода мягкаго *г* передъ гласнымъ въ мягкое *д*; намъ удалось записать только по одному примѣру. Но въ другихъ говорахъ, какъ въ говорахъ древне-русскаго языка, такъ и въ говорахъ современнаго намъ русскаго языка, это явленіе хорошо извѣстно и распространено. Въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ: въ Новгородскихъ Купчихъ XIV—XV вѣка: братъ его Лутьянъ—АЮ № 71. IX при: Лукіянъ—іb. № 71. XIII. Срв. въ современномъ говорѣ Сибири: тину, рукавичти, речте (=рѣчкѣ)—*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25. Это явленіе перехода *к'* въ *т'* и *г'* въ *д'* и наоборотъ особенно распространено въ малорусскихъ галицкихъ говорахъ, гдѣ мы находимъ: кіло, кіженько, негіля, вигіли, кісто, глєгіти, лекіти, кєгати, хогімъ, на свікі, госкі, кєжко и друг.—*Соболевскій*. Ibid. IV. 51. 52. 60. Особенность здѣсь та, что въ представленныхъ примѣрахъ мы имѣемъ звуки *к'* и *г'* вмѣсто *т'* и *д'*, а не наоборотъ, какъ мы видѣли въ великорусскихъ говорахъ. Далѣе, по наблюденіямъ изслѣдователей, оказывается, что въ галицкихъ говорахъ такое мягкое *г* звучитъ всегда, какъ *г*, а не какъ *ɣ* (*Соболевскій*. іb. IV. 51. Прим. 2). Слѣдовательно, малорусское мягкое *г*, повидимому, указываетъ намъ на то, что древне-русскій звукъ *ɣ* мягкое не переходилъ въ мягкое *д*, такъ что, вѣроятно, лишь мягкое *г* могло переходить въ мягкое *д* и наоборотъ, а мягкое *ɣ*, вѣроятно, переходило въ *j*: гюргевци—юргевци (выше).

Мягкій звукъ *к*, какъ извѣстно, является еще въ положеніи *послѣ мягкаго* слога въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ: въ вятскомъ [1]), во многихъ южно-великорусскихъ. Въ

---

[1]) По этому вопросу см. статью *Бодуэна-де-Куртенэ:* Zur Palatalisierung... въ Indogerm. Forschungen. III. 1894. Срв. *Соболевскаго*. Древній цсл. языкъ. М. 1891. Стр. 114—115.

нашихъ говорахъ мы имѣемъ довольно рѣдко это умягченіе звука *к* послѣ мягкаго слога или звука, но надо признать это явленіе весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку. На это указываетъ намъ фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—*ик*,—вмѣсто котораго является діалектическое—*иц*. Такъ, мы имѣемъ: въ Яросл. Пошехон.: бруснида, поляница, ежевица, земленица [1]); наоборотъ. въ южно-рязан. мы слышимъ: корика вм. корица. Можетъ быть, переходной ступенью между этими формами нужно считать формы съ мягкимъ *к*, которыя сохранились во многихъ говорахъ [2]): корик'а, земленик'а и т. под. Не знаю, чѣмъ объяснить переходъ звука *к* въ звукъ *г* въ такихъ словахъ во многихъ говорахъ: ежевига, клубнига, бруснига (Казан. губ.), ежовига, клупнига (Владимир. Муром. *Колосовъ*. Замѣтки. 299). Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: ўну́чькя—*Киструсъ* Спас у.; адну́ капе́йкю—*Ижевское* (только женщины); то́лькя—*Воскресенское;* но и: то́лька, ско́лька—ib. и *Ерахтуръ* Касим. у.; рю́мӑч^и^кю, мало́динькяй—*Нармушадъ;* сво́йськяя, но то́лька—ib ; ро́ўнинька, ко́лькā—*Шостья;* но́винькяй—*Антоново*; Данькéва, Данькéськіjи—*Ярыгино* (на границѣ съ Владим. губ.); пе́чька—*Гус. Погостъ;* то́лька—*Ул. Гора*; хърашéнькя—*Дмитріево* (на границѣ съ Влад. г.); зӑ́инькя—*Данево* (тоже), но: капейку, мӑ́лачька́—ib и *Гус. Погостъ;* Бе^і^лькéськіjи—*Бѣльково* (тоже); из Бе^і^лькéва, „хо̆ш цапо́м, хо̆ш валько́м"—д. *Китово*; манéнька—ib.; по́нькя—с. *Китово*; „не^і^ забу́ть-кя"—ibid.; въ деревнѣ *Китовѣ*, въ пяти верстахъ: „не^і^ забу́ть-ка". Я ко́лька жыла́-та?—*Урядино*; ис то́нинькай—*Чарусъ*; „сица́с мӑ́нинькай! ны́ни забúли дажжа́" (=дождú)—*Ивановское*; глу́пинькюю—*Ветчаны*; пéрьвинькяя—ib ; я была́ мало́ди́нькя—*Катово*; „т'ыть он Ту́мськяй"!—*Шаранина* (=Тумскій, изъ Тумы); „на щё яё го́рькяю"!—ib.; Юлинькя—*Чуфилово*;

---

[1]) *Даль.* О нарѣчіяхъ. LVI. Срв. также: кострика при кострица; жерлика при жерлица. (Опытъ Обл. Слов. s. v.).

[2]) Срв. статьи, указанныя выше, *Бодуэна-де-Куртенэ* и *Соболевскаго*. См. звукъ *к'* въ различныхъ говорахъ у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. I. 16. 19. 20. II. 11. 18. 22. Въ говорахъ: Орловской, Воронежской, Курской (у *Халанскаго*), Рязанской (у меня: «Къ діалектологіи»), Новгородской, Ярославской, Вятской губерній.

мане́нька мало́шниникяй ка́шы-ти—*Бычково*; ма́нйнькяя—*Норино*; рабо̆тӑют хло́пькя (=*и*—вин. п. мн. ч.)—*Парахино*; х по́нькях (=въ понькахъ), пӗ́сьни игра́јуот дӗ́хькя (=дѣвки, имен. п. мн. ч. См. отдѣлъ гласныхъ звуковъ. Выше), но́ни ста́ли заплята́ть дӗ́хькям (=дѣвкамъ, дат. п. мн. ч.)—ib. и *Фомино*; муку́ пагрӗ́ш тсюплинькяю (2 л. ед. ч. буд. вр.; те́пленькую)—*Парахино*; он тада́ был ма́нйнькяй—*Алексѣево*; прiӗ́дйш то́лькя на ца́с—ib., но́винькяй ку́пим—1 л. мн. ч.—*Волчково*; цайкю́—род. п. ед. ч. (=чайку́)—*Ламакино*; то́льки адйн ве́цы̆р—*Ветчаны*; *у*ряцы̆шнинькяй род. п. ед. ч. ж. р. (=гречишной)—*Катово*; но́вйнькiя саро́ка (=—ая, им. п. ед. ч. ж. р.; „саро́ка"—женскiй головной уборъ)—*Акулово* Китов. в.; „гля́нь-кя, плато́цы̆к купи́ла пло́хйнькяй"—ibidem.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что явленiе смягченiя звука *к* послѣ мягкаго слога или звука извѣстно и въ сѣверной части Рязанской губернiи, но здѣсь это явленiе встрѣчается рядомъ съ твердымъ *к* въ такомъ же положенiи и не составляетъ постояннаго правила, какъ на югѣ. Надо думать, что мягкое *к* принадлежитъ къ числу остатковъ отъ старины, а тотъ фактъ, что въ означенномъ положенiи, напр., въ суффиксѣ—*ик*,—звукъ *к* переходитъ въ звукъ *ц* по преимуществу *въ сѣверно-великорусскихъ* говорахъ, указываетъ, мнѣ кажется, на то, что сѣверно-великорусскiе говоры нѣкогда тоже имѣли это мягкое *к*, какъ имѣютъ его нынѣ южно-великорусскiе говоры.

Что касается другихъ видоизмѣненiй первоначальнаго звука *к* въ нашихъ говорахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ очень часто переходитъ въ звукъ *х*, который, въ свою очередь, чередуется съ звукомъ *к* и переходитъ въъ звукъ *к*. Передъ согласнымъ *т* звукъ *к* почти всегда, какъ и на югѣ губернiи, звучитъ, какъ *х*: так и с[ш]ягда́ та́х-та!—*Ветчаны*; *у* дъхтара́м—дат. п. мн. ч.—*Логино*; до́хтура нѣт—*Семеино*; варо́цай на тра́хт!—*Амляшово*; „у на́с та́х-та ня но́сјуот"—3 л. мн. ч.—*Парахино*; Микала́й Ви́хтърӑвиц—*Алексѣево*; хто вм. кто—повсемѣстно и въ Спасскомъ уѣздѣ также; трахти́р—*Ижевское* Спас. у.; та́х-та, ў трахти́рѣ[i]—*Ерахтуръ* Касим. у.; „нъцава́ть ка́к уш та́х-та ня пу́стить"?!—неопр. н.—дер. *Китово*; пало́жут та́х-та!—*Ивановское*. Передъ согласнымъ *п* мнѣ пришлось слышать только однажды: „х пла-

хо́й шо́л“ (=къ плохой)—*Уланова Гора*. Передъ согласнымъ *р* звукъ *к* переходитъ всегда въ звукъ *х* въ словѣ *крестъ* и производныхъ: хре́сная (мать) — *Ерахтуръ*; ў хрясцы́ (въ крестцы́, кресте́цъ — небольшой стогъ) — *Шостья*; бис хряста́ — д. *Китово*; хряще́нья, хрясты́ — *Уланова Гора*; хришшэ́нья — *Дмитріево*; хрясти́ти́ль — *Борисково*; какъ хрёст на цэ́рьхви — *Горы*; на Ива́на Христи́тьля—*Агѣево*; на хрясте́, как он хрёст нёс — *Логино*; мать хрёсная—*Андроново* (Малахово); „с хрясто́м пайду́ алны́м“—*Алексѣево* и т. под. Съ этими словами *крестъ* и *Христосъ*, *Христа* ассоціировалось и слово „крестьянинъ“: у христья́н—*Ерахтуръ* Касим. у,; звукъ *х* вмѣсто *к* мы слышимъ еще въ нашихъ говорахъ часто въ словѣ *церковь* въ косвенныхъ падежахъ ед. и множ. чиселъ: как хрёст на цэ́рьхви—*Горы*; „цэ́рьхве́й-та мно́γа“—*Логино* и друг. Что касается слова *крестъ* съ производными, то въ этихъ словахъ уже въ глубокой древности мы встрѣчаемъ начальный звукъ *х* вмѣсто *к*, какъ свидѣтельствуютъ о томъ памятники письменности: въ Изборникѣ 1073 г. — хрістити—л. 28 об. 46 об. 48. 58 об. и др Срв.: на кристѣ Кристосовѣ—ib. 157. Въ Галиц. Ев. 1144 г. хрьстити—л. 5 об. 44. Въ Лавр. спискѣ подъ 1096 г.: за не прин8ди мя сынъ твои ѥго же ѥси хрьстилъ; въ Крестной Грамотѣ кн. Всеволода князю Владимирку (въ Ипат. Лѣт. подъ 1144 г.): Володимерко възверже ѥм8 грамот8 хрестн8ю. Срв. подъ 1147 г.: хрест'ными грамотами, хрестъ ѥста перест8пила... поверже имъ грамоты хрестьныꙗ. Или: въ Лавр. спискѣ Лѣтописи подъ 1197 г.: а, брате и свате, пошли грамоты хрестьнѣ поверзи имъ, а самъ поиді на конь. Подъ 1096 г.: да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малымъ братомъ своимь... и мн. др. Хрестное цѣлованіе мы встрѣчаемъ, напр., въ Псковской 2-ой Лѣтоп. Стр. 11. сынъ хрѣстьный—Смол. Лѣтопись Авраамки—стр. 73. ризы хрестцатыи—ib. 78. 87 и друг. Слово „крестьянинъ“ съ начальнымъ *х* мы встрѣчаемъ тоже въ памятникахъ древней письменности: спросите, господине, нашихъ хрестьянъ—Правая Грамота 1485 г.—АЮ. № 3. хрестьяня—ib. № 6. срв. № 8. 17. 11. 19. 20. Но: за волостными крестьяны—№ 26. срв. опять № 46 и друг. Звукъ *к* передъ *т* является въ формѣ *х* также въ древнихъ памятникахъ письменности: въ Лѣтописи Авраамки 1495 г. мы имѣемъ: царь Тохта и царь Токта—стр. 56 и 57. Галахтіона—АЮ. № 68. 1666 г. (подписи).

Интересно также, что звуки *к* и *х* чередуются передъ гласными: въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: скаро́нютца (=схоронятся)—*Шостья*; пӑкъранйли (=похоронили)—*Гусевской Погостъ*; каравóт—*Уланова Гора*, *Дмитріево* и др.; кӑраво́ды во́дют—*Бѣльково* [1]); ушóл с Па́ски—*Ивановское*, *Андроново*, *Акулово*, *Праватарово*; скӑранйли—*Горы*, *Бѣльково*, *Расторгуево*, *Меркулово* и друг.; вмѣсто „сходить" часто—„скади́ть": „мнѣ суды́ скади́ть-та цавó стóит"—*Шаранина*; ты ищё скóлиш—2 л. ед. ч.—ibid. и друг. Основное *к* мы имѣемъ въ произношеніи: „язы́к мя́кӑк"—*Чуфилово* Касим. у. Въ произношеніи: „с Праско́въјій Нике́внай" мы, можетъ быть, имѣемъ *к* вмѣсто *х*, если „Нике́внай" вмѣсто „Михе́внай" отъ имени „Михе́й"—*Немнясево* Касим. у. Наконецъ, замѣтимъ мягкое *х* въ произношеніи: хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ* Касим. у.; у хязя́йна жыву́ть—*Урядино*. Мягкость звука *х*, вѣроятно, здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука *з*.

Въ древне-русской письменности чередовались написанія (и произношенія?) словъ: схима и скима, Колмогоры и Холмогоры, ханъ и канъ, казаръ и хазаръ. Срв. въ Олонецкихъ былинахъ: клюха, клюшка при нашемъ литературномъ „клюка". „Скимнаго образа"—въ грамотѣ печер. игумена Василія къ Кириллу Туровскому (Прибавленія къ Твор. св. Отц. X 347): азъ же не о собѣ скажю ти о св. скимѣ, но отъ св. книгъ—ibidem. Въ Ипат. Лѣт. подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць скимникъ. Скима и скыма—въ Смол. Лѣт. Авраамки стр. 53. 67 и др. Псков. 2-ая Лѣтопись. Стр. 42. 55 (Прибавленія). На Колмогорахъ—Грамота 1532 года—АЮ. № 19. Колмогорцы—Грам. 1612 г.—ib. № 26 и друг. Такъ-же въ Лѣчебникѣ 1665 г. (Собраніе ркп. Пискарева. № 196). Срв. книги отдѣльныя Моск. Новоспаск. монастыря 1614 г. (Собр. ркп. Бѣляева. № 97). Въ говорѣ Лаишев. у. Казан. губ. я встрѣтиль произношеніе „гóршунъ" вм. кóршунъ; здѣсь мы видимъ звукъ *г* передъ гласнымъ вмѣсто *к*. Я не могу подыскать какой-либо правдоподобной аналогіи для замѣны звуковъ въ словахъ: хоронить, холмъ, клюха, сходить..., а потому задаюсь вопросомъ: не было-ли когда-нибудь въ русскихъ

---

[1]) Срв. «па кӑраўóду»—*Зубово*, *Норино* Касим. у. и на югѣ Ряз. губ.

нарѣчіяхъ звука слитнаго въ родѣ к͡х, подобно другимъ языкамъ, который слышался мѣстами съ преобладаніемъ перваго элемента, мѣстами съ преобладаніемъ второго? Повидимому, въ пользу такого предположенія говоритъ отмѣченное выше явленіе звука „*г* съ густымъ придыханіемъ *х*“ въ Олонецкой губерніи Вытегорскаго уѣзда, затѣмъ вятское *г͡х* (*г͡γ*) или *х͡г* въ словѣ *хгорохъ*, и произношеніе слова „осподá“ съ слабымъ оттѣнкомъ начальнаго *γ* въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казан. губерніи. Если до сихъ поръ слышится въ свр. говорахъ слитное звуковое сочетаніе *г͡γ*, и оно отмѣчено наблюдателями, то этому дифтонгическому сочетанію прямо соотвѣтствовало-бы предполагаемое нами сочетаніе глухихъ звуковъ *к͡х*. Не обладая практическимъ знаніемъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и не слыхавъ живого говора многихъ изъ южныхъ и западныхъ славянъ, я не чувствую за собой права настаивать на *общеславянскомъ* происхожденіи дифтонгическихъ сочетаній *г͡γ* (gh) и *к͡х* (*кχ*), но, какъ свою догадку, выскажу предположеніе, что эти звуки должны были быть извѣстны въ эпоху общеславянскую и литовско-славянскую. Предположеніе свое я основываю на слѣдующемъ: въ современномъ верхне-лужицкомъ нарѣчіи мы имѣемъ почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ стоитъ звукъ *х* передъ гласной и даже согласной (діалектически— звукъ *к*), звуковое сочетаніе *kh* (*кχ*?). Напримѣръ: при стрсл. ходъ, ходити мы имѣемъ въ ново-слов. chod, choditi [1]); въ болг. ход (заход), ходја; серб. ход, ходити; чш. chod, choditi; польск. chód, chodzić; нижне-лужиц. chod, chojžiś; общерус. ходити, ходъ; но въ верхне-лужиц.: *khod*, *khodžić* при этомъ литов-

---

[1]) Не понимаю, зачѣмъ *Миклошичъ* въ своемъ Словарѣ (Etym. Wtb.) употребляетъ *два* разныхъ знака для *одного* звука: стрсл. болг. серб. у него написано; hодъ—hод, польск. и чш. chod. Между тѣмъ *Миклошичъ* употребляетъ знакъ *h* для звука γ: gąba—houba, hubka, huba и мн. др. Такимъ образомъ, его транскрипція можетъ ввести въ заблужденіе: если *ch* у него есть *x* (χ), то надо это *ch* писать и въ стрсл. словахъ, а онъ пишетъ тамъ *h* въ значеніи же звуха *x* (χ). Срв. у него же въ «Словарѣ шести слав. языковъ» (В. Спб. 1885), гдѣ мы видимъ: *ch* только для чешскаго и польскаго въ значеніи *x* (χ), какъ и слѣдуетъ, а для стрсл. болгар. и серб.—начертаніе *x*.

скій яз. представляетъ звукъ *k*: dakadas, zokadas. Стрсл. хлѣбъ, ново-слов. chlêb, болг. лѣб и хлѣб, серб. хлјеб, чш. chléb, польск. chléb, нижне-луж. *kleb*, общерус. хлїебъ но верхнелуж.: *khleb*; литов. klëpas, латыш. klaips. Стрсл. хлѣвъ, ново-слов. hlêv, болг. хлѣв, чш. chlév, польск. chléw, нижне-луж. chlev, общерус. кхлїевъ, (хлів, хлѣв и діал. клѣв), но верхнелуж.: *klev* (изъ *khlev); латыш klēvs... Стрсл. хмель, ново-слов. hmelj, серб. хмељ и мељ, болг. хмел, чш. chmel, польск. chmiel, нижне-луж. chmel', общерус. хмель, но верхне-луж. *khmjel*. Стрсл. хохотати при верх.-луж. *khachotac'*, *khachot*; русск. хохолъ; верх.-луж. *khochoł*. Стрсл. хладъ—верх.-луж. *khłod*. Стрсл. хлапъ—лит. klapas. Стрсл. хомѫтъ—верх.-луж. *khomot*, литов. kamantai. Стрсл. храбръ, болгр. рабър (?), в-луж. *khrobły*. Стрсл. хорѫгы, др. серб. коругва, чш. koruhev, в.-луж. *khorhoj*, млр. короуґва, влр. діал. корогва; литов. karūna, лотыш. karōgs. Русск. ховати—в.-луж. *khovac'*, литов. kavovë (сущ.), лотыш. kavāt, kavēt. Стрсл. хрьбьтъ в.-луж. *khribjet*. Стрсл. хрѣнъ—литов. krēnas. Рус. хрипъ, хриплый—в.-луж. *khrapy*. Рус. хровате (лѣтоп.)—польск. karwat. Стрсл. хоудъ—в.-луж. *khudy*, литов. kudas. Рус. хустка, лит. kuska. Рус. *кхуторъ (хуторъ, діал. куторъ).—Стрсл. хвала, серб. хвала при *вала*, в.луж. *khvała*, литов. kvola. Рус. хвоя—польск. choja, в.-луж. *khojna*. Стрсл. хврастъ, в.-луж. *khrost* [1]). Стрсл. хвостъ—в.-луж. khošćo. Стрсл. хлъмъ, в.-луж. *khołm*. Стрсл хрътъ, в.-луж. *khort*, литов. kurtas. Стрсл. хытити, в.-луж. *khićić*, лит. kītras (хитръ). Стрсл. хватити - в.-луж. *khvatać*, *khvat*. Рус хилъ, хилить—в.-луж. *khileć*. Стрсл. подхыбьнъ—в.-луж. *khiba*, *khibić*. Рус. хирѣть, хворый,—в.-луж. *khory*. Стрсл. хызъ—в.-луж. *khježa* [2]). Стрсл. хромъ,

---

[1]) Выпаденіе звука *в* (*v*) во многихъ изъ слав. нарѣчій, напр., въ словахъ: *хвоя*, *хворый*, *хворостъ*, *хвостъ*, *хвиля* и друг.: choja, chylá (в.-луж. *khvila*), chory, chrast. chošč... подтверждаетъ сказанное нами выше о звукѣ *в*=*ў*. Въ эпоху общеславянскую и праруccкую звукъ *в* (*v*) не могъ быть такимъ, какимъ мы слышимъ его сейчасъ, въ противномъ случаѣ не были бы такіе результаты звуковыхъ измѣненій. Это былъ *неслоговое и*, можетъ быть, мѣстами, т. е. діалектически—*v* (*в*) или звукъ очень близкій къ *v* (*в*).

[2]) Во многихъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ (лѣб. мељ, рабър, вала) мы видѣли *отпаденіе* звука *х*. Это отпаденіе могло происходить только въ той группѣ языковъ, которые изъ общеславянскаго сочетанія *кх* унаслѣдо-

болг. хром, серб. хром, чш. chromý, польск. chromy, н.-луж. chromy, рус. хромъ, но въ верх.-луж.: *khromy*. Срв. въ болгарскихъ говорахъ: пазука, грекóви (*Лавровъ*. Обзоръ зв. и форм. болгар. языка. М. 1893. Стр. 94—95). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ примѣровъ можно, кажется, замѣтить, что былъ какой-то индо-европейскій звукъ (можетъ быть особаго рода звукъ *s*), который рефлектировался въ литовско-славянскую эпоху сочетаніемъ $\widehat{\kappa\chi}$, причемъ въ литовской вѣтви развился отсюда звукъ *к*, а въ славянской частью χ, частью *к*, частью сохранился $\widehat{\kappa\chi}$. Звуковое сочетаніе $\widehat{\kappa\chi}$ нужно считать древнѣйшимъ, такъ какъ изъ этого сочетанія можно легко объяснить и позднѣйшее *к*, и позднѣйшее χ въ различныхъ языкахъ и говорахъ. Замѣчательно, что не всякое *к* можетъ чередоваться съ χ въ слав. нарѣчіяхъ: такъ, тотъ звукъ *к*, который соотвѣтствуетъ основному *к*, и въ слав., и въ русскихъ нарѣчіяхъ не имѣетъ діалектическаго чередованія съ звукомъ χ, т. е. звукъ *к*, напр., въ словѣ „который", „конь", „кожа" „край" и под., не чередуется по говорамъ въ этихъ словахъ съ звукомъ *х*; намъ неизвѣстны произношенія „хоторый", „хонь" и под., между тѣмъ какъ звукъ *х*, полученный общеславянскимъ языкомъ изъ какого-то другого основного звука, находится въ чередованіи со звукомъ *к* (см. выше) и въ слав. и русскихъ нарѣчіяхъ, а верхне-лужицкое *kh* и литовское *к* въ соотвѣтствіи съ звукомъ *х* другихъ славянскихъ нарѣчій, вмѣсто котораго является и въ этихъ нарѣчіяхъ діалектическое *к*, повидимому, указываетъ на литовско-славянскій звукъ $\widehat{\kappa\chi}$. Мы, напр., просматривая слова съ основнымъ общеславянскимъ звукомъ *к* въ Этимологическомъ Словарѣ Миклошича, не нашли почти ни одного слова, которое бы давало вмѣсто основного *к* звукъ χ въ слав. нарѣчіяхъ, равно и верхне-лужицкій языкъ въ такихъ случаяхъ не предлагаетъ дифтонгическаго сочетанія $\widehat{\kappa\chi}$ (*kh*), а имѣетъ вездѣ звукъ *к*. Отдѣльно стоятъ слова: при рус. карась—в.-луж. *kharas*; рус. крестъ—в.-луж. *khšest* (срв. рус. діал. хрестъ и хрёстъ и проч. выше. Здѣсь чередованіе не фонетическое). Мы затрудняемся возвести означенные выше звуки къ какому-

---

вали и развили у себя лишь *второй* звукъ (*х*) этого сочетанія Это *х*, какъ и γ, могло отпадать: *осподa*.

нибудь основному звуку *придыхательному* (звонкому или глухому) въ виду того, повидимому, прочно установленнаго факта, что индоевропейскіе звуки придыхательные, какъ звонкіе, такъ и глухіе, еще въ литовско-славянскую эпоху утратили свое придыханіе и совпали съ индоевропейскими звонкими и глухими *непридыхательными*.

Въ виду нѣкоторыхъ указаній, напр., слова хромъ, мы позволили себѣ выше высказать догадку, что, можетъ быть, въ данномъ случаѣ нужно искать или предполагать индоевропейскій *особый* звукъ *s*, тогда звонкимъ былъ бы какой-то *особый* звукъ z. Но это, конечно, только одно предположеніе. Однако какому основному звуку соотвѣтствуетъ звукъ *x* въ нашемъ словѣ хладъ — холодъ или хлъмъ — холмъ и друг.? Срв. „ходъ—ходить" при корнѣ sad —(Срв. также *Schleicher*. Compendium. Weimar. 1876[4]. Стр. 283. Примѣчаніе).

Глава XI-ая.

О звукахъ язычныхъ (плавныхъ) *р* и *л* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Выше мы говорили о мягкости и твердости звука *р* въ зависимости отъ его положенія въ словѣ; мы видѣли, что звукъ *р* становится твердымъ при слѣдующемъ гласномъ *ы* вмѣсто основного или литературнаго звука *и*, и наоборотъ — часто звукъ *р* становится мягкимъ въ нашихъ говорахъ, и въ связи съ этимъ измѣняется сосѣдній гласный. Здѣсь мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ со старымъ или новымъ мягкимъ звукомъ *р*. Такъ, мы слышимъ произношеніе: Кӑмарѐф (фамилія) — *Выжлисъ* Спас. у.; кӑмарú — им. п. мн. ч. — *Катово* Касим. у.; кама́рь бы́л во́т како́й! ӑт кӑмаре́й мўжаве́льник жгли! — *Рогачево*, *Семеино*; ӑ*у*урьцэ́й — род. п. мн. ч. (=огурцовъ) — *Ерахтуръ*; ӑгурьчú — *Антоново*; ӑ*у*урьцы́ — *Катово*; ӑ*у*урьцэ́й — род. п. мн. ч. — ibid.; „ӑ*у*урьцы́ Ильúн де́нь пъстява́ют" — *Акулово*; такое-же мягкое *р*, какъ на югѣ Ряз. губерніи, мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ передъ *ц*: се́рьцӑм — твор. п. ед. ч. *Шостья* Касим. у.; на се́рьцы (у мня́) — мѣстн. п. ед. ч. — *Бѣльково;* к се́рьцу — д. *Китово*; на се́рьцы ни висяло́ — *Чарусъ*; се́рьца аста́лась —

Алексѣево; ӑсярьцáиш—2 л. ед. ч.—*Снохино*; срв. „да сваво́ дварьцá"—д. *Китово*; тавáрьцу—род. п. ед. ч.—*Забѣлино*. Произношенія: да зáўтря та?—*Рогачево*; пасля́ затря́—*Семеино* стоятъ въ связи съ произношеніемъ „зáфтри", „зáтри" и встрѣчались намъ также и на югѣ Ряз губерніи. Произношенія: рӑзарю́тца—3 л. мн. ч. (=разору́тся, раскричатся)—*Бычково*; арю́т—3 л. мн ч.—*Парахино*; арю́т—3 л. мн. ч. —*Данево*—заимствуютъ мягкое *р* изъ формъ, гдѣ это *р* стоитъ передъ мягкимъ гласнымъ: орѐшь, орѐтъ и под. Въ нѣкоторыхъ словахъ сохранилось старое *р'* передъ суффиксомъ: к стӑрьшынѐ—*Выжлисъ* Спас. у.; стáрьша—срв. степ. (=старше)—*Нармушадь* Касим. у.; пӑстáрьшы—срв. степ.—*Дмитріево*; но: стӑршынá—*Бычково*. Въ слѣдующихъ случаяхъ мягкое *р* обусловлено положеніемъ его передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ: „с пастá зӑскарьби́ла" (=затосковала, заскорбѣла, заболѣла)—*Киструсъ* Спас. у.; ў фто́рьник—*Деревенское* ib.; ў бѐрьди—мѣстн. п. ед. ч—*Шостья* Касим. у.; кирьпи́шная—*Гус. Погостъ;* ве[і]рьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—ibid.; *р* мягкое мы слышимъ также въ словѣ: „хéрьшӑла нѐт"—*Ерахтуръ*. Наконецъ, цѣлый рядъ произношеній уясняетъ намъ исторію общеславянскихъ сочетаній: неслоговой ирраціональный гласный + плавный слоговой звукъ между согласными (ър, ъл, ьр, ьл): вéрьба—*Нармушадь* Касим. у.; пéрьвай—*Ерахтуръ*; цэ́рьпӑла—ib.; д[з]éрьɣе[і]нка—ib.; цэ́рьви—им. п. мн. ч.—*Шостья*; пéрьва—нарѣч.—ib.; дéрьгали—ib.; вéрьбную не[і]дѐлю—*Антоново*; сперьвá—*Дмитріево*; дéрьгае[і]м—1 л. мн. ч.—*Китово;* зéрькӑла—*Ветчаны*; „цэлавѐк дéрьгаить рукáми"—*Катово;* срв. дѐрьнит—3 л. ед. ч.—*Горы*; ка мнѐ пéрьва (=сперва́)—*Чуфилово*; „се[і]рьпы́ нӑзубря́ли"—*Андроново*; рукáми ни дéрьɣаим—1 л. мн. ч.—*Праватарово*. Срв. кадá и цэ́рйф брасáя—*Акулово, Жалудково* (=червь бросаетъ); „кадá и бис цэ́рьва"—ib.; цэ́рйф какóй пӑдъядáл—*Амляшово;* Ме[і]рькýлъс[ш]ьки—*Меркулово* (=Меркýловскіе); съ другой стороны, мы слышимъ: „за сахóй—тъй дѐржымси"—1 л. мн. ч—*Снохино*; „дѐржут ня цáшу"—*Логино*; у няво́ придóржыватца—3 л. ед. ч.—*Немнясево;* прадóржӣтя—2 л. мн. ч.—*Парахино*. Такое же произношеніе мы слышимъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ [1]).

---

[1]) Срв. съ вышеприведенной формой изъ нашихъ говоровъ форму въ пѣснѣ г. Шенкурска Арханг. губ. въ Сборникѣ *Истомина* и *Дютша*: «Дѣвка водў церьпатъ»—стр. 153.

Звукъ *р* мягкое мы слышимъ также въ словахъ: изрясцо́вӑя—*Гусевской Погостъ*; пиряшка́ зъкуси́ть-ты—*Бѣльково* (=пирожка́); лӑ суме́ряк (пѣсня;=до сўмерокъ)—д. *Китово*. Въ такихъ примѣрахъ, какъ „пиряшка́", нельзя объяснять появленіе мягкаго *р* вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога въ виду подобныхъ примѣровъ мягкаго *р* безъ предшествующаго мягкаго слога: сгоря́етъ—въ Олонецкомъ говорѣ (*Колосовъ*. Замѣтки .. іb. 183. Въ сказкѣ). Наоборотъ, твердое *р* мы слышимъ въ словахъ: рӑзара́ють—3 л. мн. ч. (=разоряютъ)—*Шостья*; рабя́ты—*Дмитріево*; рабё́нка—род. вин п. ед. ч.—*Данево*; ры́жёскай бальза́м (=рижскій)—*Гусевской Погостъ*. Срв. выше приведенныя слова: крыца́ть, крыца́ла—*Шостья*, *Ижевское*; пъкрыцы́ть—3 л. ед. ч.—*Нармушадъ*; пе'ре'стры́ули—*Шостья*; те'пе́р—*Ерахтуръ* и друг. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что звукъ *р* былъ особенно склоненъ къ мягкости и отвердѣнію, т. е. былъ какой-то *р*, который звучалъ нѣкогда *полумягко* [1]).

Мягкое л иногда является вмѣсто мягкаго *н*: све'шшэ́льник — *Ерахтуръ* (=священникъ); снашэ́льница — *Шостья* (=сноше́нница). Срв. др. рус. москотинникъ—АЮ. № 7. при нынѣшнемъ „москательный"; десятилникомъ—АЮ. № 24. при „десятинный"; „со́тельная" (бумажка сторублевая) при „сотенная" и друг. Свяще́льник—*Зубово*; гӑраже́льник—*Бычково* (загороженное мѣсто); Немля́с^ш^е'ва=*Немнясево* (деревня); Со́слина=*Со́снино* (деревня)—*Праватарово*, *Андроново*. „Ни приста́ле́й у нас нѣт"—*Китово*. Слово „присталь" вмѣсто „пристань" могло образоваться и не фонетически. Съ другой стороны, мягкое *л* могло фонетически чередоваться съ звукомъ *j*: *у* дасто́льнай бла́уъстили—*Киструсъ* Спас. уѣзда; замѣчательно произношеніе: нал'л'у́ть=нальютъ—3 л. мн. ч.—*Шостья* и: сё се'ле́н'н'а (=всё селе́нье)—ibidem; это напоминаетъ блр. и млр. произношенія, но такого произношенія я больше нигдѣ не встрѣтилъ. Срв. др. рус. горносталь—горностали—горносталей—АЮ. № 413. (1483 г.) и въ нашихъ былинахъ—при современномъ: „горностай" [2]).

---

[1]) Срв. въ Олонец. пѣснѣ (*Истоминъ*. Сборникъ)—разгорянетця—стр. 47. гряновитую—Был. *Гильфердинга*. 682.

[2]) «Горносталюшка»—*Гильфердингъ*. Былины. 43. Съ формой «нал'л'у́ть» и «се'ле́н'н'а» нашихъ говоровъ срв. въ говорѣ Путивльскаго уѣзда Курск.

Звукъ л вмѣсто *р* твердаго мы слышимъ въ словѣ: Пласкóвьјій—тв. п. ед. ч. (=Прасковьей)—*Праватарово*. Непонятно произношеніе: мăластыръ харóшай—*Логино* (=монастырь).

Въ заключеніе обзора звуковъ нашихъ говоровъ отмѣтимъ *мягкое н* передъ суффиксомъ—*ц* или—*ъц*, иначе сказать, отмѣтимъ сохраненіе въ нашихъ говорахъ древняго суффикса—*ъц*. Примѣры: ф каньцѣ́—*Борисково*; из мацэ́ньца—*Катово;* с каньцᵃя́—*Рогачево;* на тóм каньцѣ́—*Бычково*; пшаньцá нѣ́ту—*Давыдово*; палóш палѣ́ньца—*Семеино*; х каньцý—ib.; „два кушы́ньцы́ка царáсь варúла“—ib.; виньцáли—ib.; туды́ сѣⁱньцá—*Расторгуево*; па аршы́ньцу—ib.; Антóн на тѣ́м каньцѣ́ жывѣ́—*Чуфилово;* ка вяньцý—*Меркулово*; три паклóньца—*Анисово*; авúньца три—*Парахино*; пълатéньца—ib.; виньцá—*Фомино*; „прасá любют сóньца“—*Алексѣево* и друг., какъ на югѣ Ряз. губерніи. Приставлено *н* въ словѣ: низьвинúти—2 л. мн. ч. пов. н.—*Логино*; твердое *н* вмѣсто твердаго *м* слышно въ произношеніи: на Харлáнăва (=Харлáмова)—*Зубово*.

Глава XII-ая.

Мелкія явленія въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ говорахъ Касим. уѣзда Рязанской губерніи.

Сокращеніе слоговъ и перестановка гласныхъ. Примѣры сокращенія мы слышали слѣдующіе: „А у кавó дóма нѣ́т-ти“? (=нѣту-ти)—*Ерахтуръ;* знъ́ш, бъ́т (какъ вводныя слова,=знаешь, баютъ)—ibid.; бăславля́ють—ib.; мал' мáла—*Нармушадъ*; „уастя́м-ти дá-ка зăкусúть“—ib. (=дай-ка); „топка какáя пра' днавó“ (=про одного), д'ыть он у нáс здѣ́сь жынúлси, улятѣ́ли *далó* (=долой), и так *дамó* (=домой) привязýть—ibid. (см. выше); сафсѣ́м пеʳр'сыхáла, у абѣ́х, мамý—дат. п. ед. ч. (=моему); па'зярáм (=по озерамъ)—*Ерахтуръ*; у

губерніи: наллю́, вýгалля, замирéння—у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 18. Въ говорѣ Черниговъ. губ.—ib. Стр. 20. Въ говорѣ Ржевск. у. Тверской губ.—ibid. Вып. III. Стр. 11.

кō'éсть (=у каво́)—*Куземкино*; п'латно́ (=полотно), хǎладьнě́ (=ѣе, сравн. ст.), привя́зъвуть—3 л. мн. ч. (=привязываютъ), таўси́нькуть—3 л. мн. ч. (=таўси́нькаютъ=поютъ Таусень)—*Шостья*; за́уǎнья (=заговѣнье), зауа́дывуть, сваму́, сваво́, маво́ (см. выше), бу́т'ть=будетъ, ни' бдира́мшы (=не обдиравши), цо́рнǎва т'ракáна—*Шостья*; Брѣ́ва=Брѣево (названіе деревни)—ib.; Андре́ва пу́стын—*Лощина;* гурцы́ (=огурцы́)—г. *Касимовъ*; зблазни́т—3. л. ед. ч. (=соблазнитъ)—*Уланова Гора*; н' Ула́нъву—ib. (=на Уланову Гору); у мня́ (=у меня)—ib.; см. выше; бǎслави́—*Дмитріево;* дми́трй́фьска—ib.; прима́еⁱт (=принимаетъ)—*Данево*; бǎславе́ньичя—ib.; у Маисе́й Андре́ва—*Гус. Погостъ*; Яго́р Зйнаве́ф—*Забѣлино* (=Зиновьевъ); „'ть кака́я прада́жа"?! (=вѣдь....)—ib.; за' врǎгǎм (=за оврагомъ. См. выше объ этомъ словѣ. Въ своемъ мѣстѣ нами были приведены такія формы этого слова и изъ древняго русскаго языка актовъ и грамотъ. Быть можетъ, названіе одной Московской улицы: „Сивцевъ вражекъ"—указываетъ тоже на эту форму слова „оврагъ"), жыреⁱбья́ закла́ды́вут, савѣ́ты́вут—3 л. мн. ч.—*Бѣлъково*; вот и хлѣба-та нава́жы́вут, пеⁱр'дили́лись (=передѣлились), вздýмýт—3 л. мн. ч. (=вздумаютъ)—ib.; шэ́сь капе́к, хто́ бу́т карьми́ть?—ib.; Ки́т'скіјі (=Китовскіе)—д. *Китово*; и́бр₀дускǎй (=Йбердусовскій)—с. *Ибердусъ*, с. *Китово*; „жыре́лья бабро́вая" (въ пѣснѣ)—д. *Китово*; „у мя хязя́ин по́мир"—*Урядино*; „мы Каси́мьскǎва уѣ́зду"—ib.; с каки́х пор ни ура́ю (=играю)—*Чарусъ*; мно́уа на́шых рабо́тут, здѣ́лут—ib.; „пахо́жа, пья́нствǎть"—3 л. ед. ч. (=должно быть, пьянствуетъ)—*Чарусъ*; дуб'вики́, беⁱрё́з'вики (грибы)—*Ивановское;* „кауда́ ръжана́, ту́т пǎспіё́т" (=поспѣваетъ)—ib. Сравни съ этой формой форму др. рус. языка: доспію—1 л. ед. ч.—АЮ. № 47. (Явка 1586 г.). Фся́кǎму хо́тца (=хочется)—*Ивановское*; „тада́ н'ави́н ме́ть" (=тогда на овинъ мять)—ib.; пабѣ́дǎеⁱм—1 л. мн. ч. (=пообѣдаемъ).

Перестановку гласныхъ мы слышали въ словахъ: аржэ́ственскай=рождественскій—*Дмитріево* Кас. у.; ванаку́плеⁱныјі=новокупленные (крестьяне)—*Забѣлино*; въ слѣдующемъ примѣ́рѣ переставлены согласные: „в э̄тим ф приса́тки-ти наврём"—д. *Китово* (=въ этомъ въ присадкѣ-то нарвёмъ).

Общимъ для всѣхъ русскихъ говоровъ явленіемъ въ области согласныхъ представляется явленіе *смягченія согласныхъ*

въ положеніи ихъ передъ слѣдующими *мягкими* согласными. Относящихся сюда примѣровъ поэтому мы приводить не будемъ: достаточно указать на два-три примѣра: абѣдьню, jéзьдють, зáдьнiji, ўрýзьди, сúтьницка, пóдьлѣ[i] и мн. др. Но также: „я атьʼэтих ўадóў ушлá“—*Ерахтуръ*; „утьʼэта вядрó“—ib. и друг. Нѣсколько важнѣе случаи *отвердѣнія согласныхъ* и въ связи съ этимъ—отвердѣнія гласныхъ въ примѣрахъ: зьдѣшныjи, зьдѣшная—*Даневo*, *Борки*, *Гус. Погостъ*; дрéвнāй (=древній)—*Нармушадь*; лѣтная врéмя—*Шостья*; дáльную старóнку—ib.; прéжныjи-ти ушлú—*Ивановское*; зънимáе[i]мса—1 л. мн. ч.—*Шостья* и друг.; пýстын (Андрева)=пýстынь—*Лощина* (срв. зáпāнь=зáпанъ—*Шостья*); на югѣ Ряз. губерніи мы слышали: „кóршунь“ (=коршунъ; въ Лаишев. у. Каз. губ.=гóршун.); удóржыт—3 л. ед. ч.—*Ярыгино*; дóржыт—3 л. ед. ч.—*Даневo*, *Гус. Погостъ*.

Такимъ образомъ, мы представили обзоръ фонетики говора Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, послѣ чего намъ слѣдовало бы обратиться къ морфологіи, но внимательный читатель, полагаю, уже могъ достаточно убѣдиться на безчисленныхъ примѣрахъ въ томъ, что морфологія нашихъ говоровъ не представляетъ ничего существенно—новаго и даже ничего особеннаго сравнительно съ морфологіей южныхъ говоровъ въ Рязанской губерніи. Дѣло все въ выдержанности или распространенности извѣстнаго морфологическаго типа: на югѣ мы видѣли въ морфологіи извѣстную выдержанность формъ, между тѣмъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными формами: въ глаголахъ мы видѣли 3-е лицо и на—*тъ*, и на—*ть*, и вовсе безъ окончанія. Само собой разумѣется, что окончаніе—*ть* проникло въ наши говоры изъ сосѣднихъ мѣстностей, какъ проникло и южное áканье, на это указываетъ намъ то обстоятельство, что окончаніе—*ть* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ—*тъ* и формы безъ личнаго окончанія, равно какъ и *аканье* здѣсь не вполнѣ южное, а образовавшееся изъ особаго оканья (см. выше и Заключеніе), на что указываютъ нѣкоторые дифтонги и долгота. Болѣе другихъ формъ замѣчательны въ нашихъ говорахъ: краткія формы именъ прилагательныхъ: „мы бы ти *нóву* спāря[i]дúли jиштó“—*Акулово* Китов. волости; формы личныхъ мѣстоименій: ми, ти, си (дат.); мя, тя, ся (вин.); мня́ (род.)—см. выше;

формы глагола въ наст. времени: рабо́таэм—1 л. мн. ч.—*Катово*; ду́мӑш—2 л. ед. ч., пагрѣ́ш—2 л. ед. ч.—*Парахино*; рабо́там—1 л. мн. ч., здѣ́лӑш—2 л. ед. ч.—*Ахматово* и друг. (см. выше). Особенно же интереснымъ представляется *выдержанный* суффиксъ—*ъск*: Исто́миньска, Ло́ȣйньскіjи, Ту́мьс̧кіjи, Но́риньс̧ки, Баташо́с̧ки, Паго́стиньскӑва, на Пру́ськай ȣрани́цэ—*Бычково*; ȣарьска́я по́ля—*Семеино*; мы дире'ве́ньсшки!—ibidem и мн. др. (см. выше), также суффиксъ—*ън*: „зилѣ́зьныя тынья́"—*Ветчаны* (Таусень); суффиксъ—*ъц*: мацэ́ньца и друг. (см. выше). Совершенно отдѣльно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ употребленіе *члена*: такого обилія разнообразныхъ формъ члена и такого частаго употребленія его я нигдѣ не слыхалъ, да и никто изъ наблюдателей не указывалъ на это явленіе въ другомъ какомъ-либо говорѣ. По записямъ и изслѣдованіямъ я знаю только еще *одинъ* говоръ съ совершенно такимъ же членомъ, какъ въ нашихъ говорахъ, это, именно, *говоръ вятскій*. Это новое и не случайное доказательство особой близости этихъ говоровъ, въ которыхъ многое измѣнилось съ теченіемъ времени, но многое и сохранилось отъ прежней совмѣстной жизни. Всѣхъ примѣровъ члена я не буду приводить, хотя они у меня и сохраняются въ записяхъ: я только приведу по одному примѣру на каждый случай. Примѣры: варо́ты-ти; ку́р-та; хлѣ́бата; до́лȣіjи-ти; ӑржаны́х-ти; сӑпаȣи́-те; тябя́-та; му́ж-ӑт; смя́тцы-ти; ба́рин-ӑт; ȣряхо́ў-та; у́пря'жы-ти; кӑмаре́й-та; снаха́та; д'е́ньȣи-ты; тво́й-ӑт; папы́-ти; п'атцу́-ту; ты надѣ́йси-ти; варю́-ту; мя́ты-ти; бра́ȣу-ту; „мя́тки-ть хърашо́-бы!"—*Катово*; ȣӑвари́ть-та; „ва вдо́вах-те"; „в ро́ти-ти" (=во рту-то); до́м-ӑт; „кро́j-та би́ла" (кровь-та)—*Бычково*; „за сахо́й-тӑй"; дура́ва-та; з дура́вы-ти; ба́бы-ти; зимляни́ку-ту; жыльцы́-ти; гада́-ти; вот суды́-ты; па́рьни-ти; място́ў-ти; „он жжо́х *яво́* до́м-та̄" (Здѣсь „яво"—вин. пад. ед. ч. личнаго мѣстоименія, а вовсе не род. падежъ притяжательнаго; слѣд., „*яво*" здѣсь является, именно, остаткомъ члена, и такъ это мы въ нашихъ говорахъ встрѣчаемъ постоянно, какъ можно было видѣть изъ примѣровъ выше)—*Катово* близъ *Тумы*; сы́н-та; „на прати́ȣку ни дѣ́лӑла *яму* мужу ту" (см. выше)—*Логино*; бра́ȣи-ти; „ба́бы-ти мато́рны"—*Рогачево;* мѣ́ртвых-ти; ту́рки-ти; ȣо́рӑд-ӑт; в рикѣ́-ти; „в рикѣ́-ти *jе́й* мно́ȣа ры́бы-ти" (см. выше)—*Рогачево*; „д'ыть *ана́* ту́т нѣ́т ры́бы-ти"—ib. (здѣсь

ана служитъ какъ бы сокращеннымъ предложеніемъ: „вотъ *оно дѣло* въ чемъ“, и это *ана* надо признать мѣстоименіемъ—членомъ, замѣняющимъ цѣлое предложеніе. На эти случаи были также приведены выше примѣры); уражай-ăт; „мать-та *ана* ня пóмнит“ (здѣсь *ана*—членъ указательный къ слову „мать“ въ имен. пад. ед. ч. Срв. выше въ косвенныхъ падежахъ членъ)—*Горы*; срв.: „мáлă-ль у нáс *яво* лѣ́су-та“?—*Чуфилово*; биз наóзу-ту; малúну-ту; адúн-ăт; мы́-ти?; рáньшы-ти; х катлáх-та; пáску-ту; кóнь-ăт; в брю́хи-ти; сянá-та; з дялáми-ти; уть э́ту-ту; бáба-та; тавáр-ăт—и мн. друг. повсюду.

Наконецъ, замѣтимъ слѣдующія образованія: дажжá—им. п. мн. ч.—*Ерахтуръ;* хазя́ам—дат. п. мн. ч. (=хозяевамъ)—*Касимовъ*; хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ*; ш'чялá вм. щéль и нóца вм. нóчь—*Симоново*, *Пармушадъ*; род. п. ед. ч. м. р. на-*у*: прихóду, да каньцу́—*Катово*; на-*я*: с путя́—*Семеино*; смѣшеніе падежей именъ прил. твор. ед. съ предл. ед.: х Ту́мьçьким лясу́—*Жалудково*; употребленіе мѣстоим. формъ: таѣ́—дат. п. ед. ч., у тя́—род. п. ед. ч. (*Ерахтуръ*, *Бычково*), *ти*, *си*—дат. п. ед. ч.; иное образованіе прил.: сы́нинъ—*Киструсъ* Спас. у. Род. п. вм. вин. и имен. п. ед. ч. отъ мѣст. *что*: ф *цавó* нибу́ть у́вядё́ш—*Бычково*. Согласованіе собират. сущ. со множ. ч.: *ани* палятя́ фся́ дирéвьня—*Зубово*.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

Часть II-я.

ОТНОШЕНІЕ НАРОДНАГО ГОВОРА ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ ДРУГИМЪ ДРЕВНИМЪ И СОВРЕМЕННЫМЪ РУССКИМЪ ГОВОРАМЪ ПО ЗВУКАМЪ.

Глава I-я.

О долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ.

Выше мы видѣли, что въ современномъ народномъ говорѣ Касимовскаго уѣзда можно отмѣтить, какъ обыкновенное явленіе, долготу гласныхъ въ закрытомъ слогѣ и дифтонгическое сочетаніе *у͡о* въ глагольныхъ формахъ 3 л. ед. и мн. ч. наст. времени. На этой особенности нашего говора мы и остановимся, какъ на особенности, характеризующей собой говоръ Касимовскаго уѣзда. При дальнѣйшемъ изложеніи предмета будемъ имѣть въ виду типичныя произношенія: въ глаголахъ: бу́д'ӑт—3 л. ед. ч.; напи́шӑш—2 л. ед. ч.; мо́цӑм, сте́л'ӑм—1 л. мн. ч.; для другихъ частей рѣчи: пе́стрӑй, ми́лӑй, дубо́вӑй....—по отношенію къ долгимъ гласнымъ; произношенія: рѣ́жу͡от, пля́шу͡от—3 л. ед. ч.; при́ду͡от, зна́ју͡от—3 л. мн. ч.; ру͡ог-ӑт и т. п.—по отношенію къ дифтонгамъ.

Что касается долготы гласныхъ, то она вообще очень мало вниманія обращала на себя у изслѣдователей русскаго языка; это обстоятельство прежде всего объясняется тѣмъ, что наши наблюдатели живыхъ народныхъ русскихъ говоровъ чрез-

вычайно рѣдко отмѣчали въ своихъ наблюденіяхъ долгіе гласные звуки: дѣйствительно-ли долгихъ гласныхъ нынѣ нѣтъ въ описанныхъ говорахъ, или ихъ только не уловили, не подмѣтили и потому о нихъ не упоминали, мы не знаемъ, но изъ всѣхъ великорусскихъ говоровъ долгота гласныхъ звуковъ отмѣчена, кажется, только въ вятскомъ говорѣ. Правда, что *Даль*, который былъ знакомъ *непосредственно* съ массой народныхъ говоровъ, неоднократно отмѣчаетъ *пѣвучесть* или *протяжность* въ произношеніи того или другого говора, но такая отмѣтка слишкомъ общаго характера недостаточна. Мнѣ кажется, что сами наши наблюдатели виноваты въ томъ, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ по русскому языку вопросъ о долготѣ гласныхъ оставляется совершенно въ сторонѣ, еле затронутымъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ученые даже отвергаютъ существованіе, наличность настоящихъ долгихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Напр., *Р. Ѳ. Брандтъ* говоритъ: „Долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи (въ какой?), имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ и можетъ являться даже въ словахъ рѣзкаго (на краткомъ гласномъ: рус. сóнный, лýнный, порýтчикъ, прóтчій....) ударенія“. Однако тутъ-же прибавляетъ: „*Нельзя, однако, считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о существованіи, можетъ быть, въ какомъ-нибудь закоулкѣ Россіи, настоящаго количества*“[1]). Послѣдняя фраза имѣетъ своего рода пророческій смыслъ, хотя Брандтъ и не хочетъ какъ будто допустить существованіе количества въ вятскомъ говорѣ[2]); но это лишь простое недоразумѣніе: было бы важно для рѣшенія этого вопроса самому послушать говоръ вятчанъ. Въ Казань приходятъ изъ Вятской губерніи плотники, преимущественно изъ Яранскаго и Слободского уѣздовъ, а также много нищихъ — женщинъ; ихъ говоръ, который мнѣ приходилось слышать, обладаетъ и дифтонгами, и количествомъ, да и въ печатной литературѣ мы находимъ нѣкоторыя указанія по этому предмету.

---

[1]) *Брандтъ, Р. Ѳ.* Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. Стр. 21.

[2]) Ibidem. «Поправки и дополненія». Стр. 311: «вятскія долготы соотвѣтствуютъ сербскимъ краткостямъ».

Колосовъ [1]) указываетъ намъ на долготу гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ въ вятскомъ говорѣ: здѣсь приведено произношеніе „ничевоо", говорится, что *всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу*, что *эта долгота не всегда совпадаетъ съ ударенiемъ*, приводятся слѣдующiе примѣры: во́т (воот), ничево̄́, говоря́т, уѣ̄́дут, синѣ̄́ть, о̄́зеро̄, возитӣ́, бра́тӣ, пожа́луста̄. Видно, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ. Однако, въ виду того, что наблюденія Колосова носятъ характеръ мимолетныхъ замѣтокъ и часто страдаютъ отсутствіемъ точности, такъ какъ въ нихъ нерѣдко сообщается то̀, чего самъ Колосовъ не слышалъ [2]), то въ виду этого гораздо большаго довѣрія заслуживаетъ почтенный трудъ *Даля*, который говоритъ о вятскомъ говорѣ слѣдующее: „Въ Вятской губерніи... говоръ тягучій, иногда съ пригнуской...; вятское *о* произносится мѣстами *у͡о* или *у͡ы*, почти какъ въ задеснинскомъ черниговскомъ краѣ: ничеву͡о, спру͡осъ, собу͡олья. Этотъ двугласный... встрѣчается также, кромѣ Вятки и Бѣлоруссіи, на взаимныхъ предѣлахъ восточнаго и южнаго нарѣчій, у мещеры, въ Егорьевскѣ, Касимовѣ, Муромѣ. Буква *ѣ* на Вяткѣ въ началѣ слова произносится, какъ двугласное *и*... Нигдѣ нѣтъ столько *ё*, *іо*, какъ на Вяткѣ: цёрный, воскресеньё, заговѣньё, причемъ это конечное *іо* вытягивается такъ, что *слово получаетъ два долгіе слога*" [3]). Долготу гласныхъ или ихъ растянутость въ говорѣ вятчанъ признаютъ почти всѣ наблюдатели, писавшіе о вятскомъ говорѣ [4]), но о дифтонгахъ говорятъ не всѣ: нѣкоторые указываютъ вмѣсто дифтонга *у͡о*, *у͡ы* дифтонгъ *о͡у* [5]). Если теперь къ этому наблюденію надъ вят-

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки о языкѣ.... Сборникъ р. яз. и слов. Имп. АН. XVII. Стр. 219—220. О долготѣ гласныхъ вятскаго говора Колосовъ говоритъ согласно съ другими и, насколько мы сами могли провѣрить, совершенно справедливо.

[2]) *Колосовъ*. Ib. 218. Онъ склоненъ отрицать дифтонги, потому что онъ самъ ихъ не слышалъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ приводитъ произношенія, которыхъ самъ не слышалъ.

[3]) *Даль*. О нарѣчіяхъ.... Стр. Ł. Срв. стр. LXII.

[4]) *Соболевскій*. Очеркъ русской діалектологіи. Жив. Старина. 1892. Вып. II. Стр. 20 и прим.

[5]) *Соболевскій*. Ib. Если только здѣсь не опечаткою поставлено *о͡у* вм. *у͡о*.

скимъ говоромъ присоединить еще то, что выше сказано мною про Касимовскій говоръ, то придется признать, что изученіе современныхъ народныхъ говоровъ русскаго языка обнаруживаетъ все болѣе и болѣе присутствіе долгихъ гласныхъ въ діалектахъ его. Эта долгота далеко не всегда и не вездѣ можетъ быть признана риторическою, въ особенности, если эта долгота составляетъ почти правило при извѣстномъ положеніи гласнаго звука относительно ударенія и сосѣднихъ слоговъ или если эта долгота находится въ чередованіи и соотвѣтствіи съ дифтонгами того-же говора или другихъ родственныхъ. Свидѣтельство живыхъ славянскихъ языковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что долгота гласныхъ была извѣстна общеславянскому языку, и мы не имѣемъ права отрицать долготу даже въ старо-славянскомъ языкѣ, хотя памятники послѣдняго и не имѣютъ особыхъ буквъ для означенія *долгихъ* гласныхъ звуковъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ права отрицать долготу и въ общерусскомъ языкѣ, если даже и ограничимся на время, впредь до новыхъ изслѣдованій и наблюденій въ области живыхъ русскихъ говоровъ, тѣмъ, что намъ извѣстно до сихъ поръ о долготѣ гласныхъ въ современныхъ русскихъ говорахъ и древнемъ русскомъ языкѣ. Долгота гласныхъ и дифтонги великорусскихъ говоровъ еще ждутъ своихъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что дифтонги въ великорусскихъ говорахъ до послѣдняго времени еще почти и не были извѣстны, между тѣмъ какъ теперь присутствіе ихъ обнаруживается. Выскажемъ нѣсколько соображеній по поводу нашихъ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ. Вышеприведенныя произношенія касимовскаго говора: бу́д’ӓт, се́ȷ̌ӓт—3 л. ед. ч. и друг. слѣдуетъ, кажется, прежде всего сопоставить съ такими древне-русскими формами, какъ: бываꙗть—3 л. ед. ч., которую сохранилъ намъ древній русскій памятникъ XIII вѣка, именно, Монастырскій Уставъ церковнаго служенія до 1200 г. (памятникъ сѣверно-русскій съ мѣной *ч* и *ц*), гдѣ находимъ: и пѣниꙗ ѱалтырнаго не бываꙗть.... (*Срезневскій*. Др. пам. р. п. и яз. Изв. АН. Х. Вып. V. Стр. 514). Другой памятникъ древняго русскаго языка XIII вѣка, именно, Рязанская Кормчая 1284 года, съ которой я лишь недавно познакомился [1]), содержитъ въ себѣ то-

---

[1]) Я успѣлъ прочитать пока только около 100 листовъ и Запись, между тѣмъ какъ вся рукопись содержитъ въ себѣ 401 листъ in f°. Но и по

же глагольную форму: моламъ—1 л. мн. ч., которую мы можемъ и должны сопоставить съ нынѣшними касимовскими формами въ родѣ мо́цам и т. п.—1 л. мн. ч. Въ Послѣсловіи къ Рязанской Кормчей 1284 г., писанномъ, кажется, рязанскимъ уроженцемъ [1]), мы читаемъ: мы же грѣшніи ї худооумниї *мола*^{м} вы сл^{е}зно.... Ркп. Имп. Публ. Библ. F. п. II. № 1. (Запись на л. 401 об.). Такимъ образомъ, уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наши касимовскія формы не позднѣйшаго образованія: онѣ извѣстны съ XIII вѣка по памятникамъ русскаго языка сѣверныхъ и среднихъ областей. Возьмемъ соотвѣтственныя формы изъ современныхъ русскихъ говоровъ: въ бѣлорусскихъ говорахъ мы слышимъ: гуля́яшъ—2 л. ед. ч., пасе́ямъ—1 л. мн. ч. [2]), извѣстныя въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ Могилевской губерніи; въ другихъ говорахъ юга Могилевской губерніи мы встрѣчаемъ окончаніе *ять* и въ 3 л. *множ.* ч. вмѣсто—*ють* тоже при отсутствіи ударенія: лята́ять, дабега́ять... гуля́ять [3]), какъ въ нашихъ говорахъ Парахин. волости Касим. у. для *единств.* числа; въ бѣлорусскихъ-же говорахъ мы имѣемъ: пайма́амъ—1 л. мн. ч. при во́зьмямъ—1 л. мн. ч. (Соболевскій. ib. Стр. 18), папыта́амъ—1 л. мн. ч. (ib. 19); въ говорахъ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда: куса́яшъ—2 л. ед. ч., ра́дуятца—3 л. ед. ч., бу́дамъ—1 л. мн. ч. (все въ одной мѣстности: д. Михалево) [4]); въ Рѣчицкомъ уѣздѣ: по́йдамъ—1 л. мн. ч. [5]); въ Слуцкомъ уѣздѣ (говоръ съ дифтонгами, но не цокающій)—бу́дамъ—1 л. мн. ч. [6]) и друг. Конечно, фонетически связаны

началу рукописи видно, что въ ней много можетъ найти интереснаго тотъ, кто непосредственно знакомъ съ живыми русскими говорами. Въ будущемъ я непремѣнно займусь обслѣдованіемъ языка этого памятника и надѣюсь рѣшить вопросъ, писанъ-ли онъ рязанцемъ, или уроженцемъ другой мѣстности Можетъ быть, исторія рязанскаго говора уяснится тогда.

[1]) По моему Запись Ряз. Кормчей писана не тѣмъ лицомъ, которое переписывало нѣкоторыя части самаго памятника.

[2]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. II. Бѣлорусское нарѣчіе. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 17.

[3]) *Соболевскій.* Ib. 18 и 19.

[4]) Ibidem. 21.

[5]) Ibidem. 22.

[6]) Ibidem. 26.

съ выше-приведенными формами современныхъ русскихъ говоровъ и древне-русскихъ и формы сѣверно-великорусскихъ говоровъ на—*'ош*,—*'от* изъ прарусскихъ—*ешь*,—*етъ* съ звукомъ *е* извѣстнаго качества, и формы свр.—*'ом* изъ—*емъ*. Это явленіе въ области свр. говора обыкновенное и постоянное: *Колосовъ* (Замѣтки. іb. 14) указываетъ въ Новгородскомъ говорѣ: сы́мёш, будёт, воёт....; въ Олонецкомъ: будёш, настигаёт, ступаёт, накладываёт и т. п.—іb. Стр. 120. Срв. въ пѣсняхъ іb. Стр. 170. 172. 181: работаёт, катаёт, сѣдлаёт, съѣзжаёт, узнаваёт; въ сказкѣ стр. 191: ѣдёт; стр. 197: перетекаёт; требуёш—198; ступаёш—200. Срв. у Колосова же іb. Стр. 220 о вятскомъ говорѣ сравнительно съ новгородскимъ: поминаёт, тянё, милуё, скажёт, можот, будёт, проѣдёш, поѣдём... Или на стр. 242 въ свадебной пѣснѣ: увиваётся, дуё, летаёт—248, станём—1 л. мн. ч.—257; въ Архангельскомъ и Вологодскомъ говорахъ—іb. стр. 325, а также—для Архангельскаго и Олонецкаго говоровъ—въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* (Спб. 1894): кушаётъ, рушаётъ, закусываётъ—стр. 43, кушаёшь и друг. во 2 л. ед. ч.—іb. 43. 47. 53. 67. 112. 120 и др., плацё—3 л. ед. ч.—стр. 141. 160 (—ётъ). 192. 212. 229 и друг. Тѣ же формы мы находимъ и въ Сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга. Въ древнемъ русскомъ языкѣ грамотъ мы находимъ: оже въ грамотѣ *пишотъ* такъ—Грам. 1479—1481 г. АЮ. № 1, въ Правой Грамотѣ 1547 г.: коей на васъ татбы Михайловъ человѣкъ Колупаева Истомка *ищотъ*?—АЮ. № 22. Даже уже въ XII вѣкѣ въ Словѣ Ипполита объ Антихристѣ мы читаемъ: Да *съкажомъ* ѿ прочьнихъ—*Невоструевъ*. 22. Нѣкоторыя формы и галицко-волынскихъ памятниковъ могутъ быть сопоставлены съ вышеприведенными формами древнихъ памятниковъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Такъ, въ Поученіи Ефрема Сирина 1492 г. находимъ: дѣлаяши—2 л. ед. ч., которую, впрочемъ, Соболевскій признаетъ за поставленную по опискѣ [1]. (Срв. однако выше: бываѭть—3 л. ед. ч.—Мон. Уставъ XIII в. въ сѣв.-рус. нарѣчіи). Далѣе, имѣя въ виду еще формы Касимовскаго говора съ дифтонгическимъ сочетаніемъ *уо* на мѣстѣ древняго *е* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ и на мѣстѣ ста-

---

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ исторіи русскаго языка. К. 1884. Стр. 84 и 58.

рыхъ и новыхъ звуковъ *о*, *'о*, *а*, *'а* (*ā*, *'ā*) въ тѣхъ же формахъ, напр., рѣ́жуот—3 л. ед. ч., прiѣ́д'уот—3 л. ед. ч. и под., а также усматривая въ буквѣ *ѣ* написанiй *боудѣтъ*, *придѣтъ* и под. въ памятникахъ древне-русскаго языка галицко-волынской группы особое графическое выраженiе дифтонгическаго сочетанiя *ie*[1] изъ *общерусскаго е*[1] *долгаго* въ положенiи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое ъ [1]), мы будемъ имѣть цѣлый рядъ звуковыхъ измѣненiй въ формѣ 3-го лица ед. числа глаголовъ въ ихъ исторической послѣдовательности, т. е. будемъ имѣть наглядную исторiю звука *е* въ указанномъ положенiи. Для заключенiя объ *общерусскомъ е*[1] *долгомъ* въ указанномъ положенiи намъ не можетъ служить препятствiемъ то, что формы *боудѣтъ* и под. указываются изслѣдователями лишь для галицко-волынскихъ областей *съ особымъ значенiемъ въ нихъ ѣ* (въ этихъ формахъ), такъ какъ подобныя написанiя, вѣроятно, съ тѣмъ же значенiемъ *ѣ*, встрѣчаются въ изобилiи и въ памятникахъ сѣверно-русскихъ, не галицко-волынскихъ. Многое въ этомъ отношенiи указано *Шимановскимъ* [2]), и мы съ своей стороны, въ виду находимыхъ нынѣ фактовъ современныхъ русскихъ говоровъ, можетъ только усумниться въ томъ, что формы: въздъхнѣть—въ Трiоди ок. 1100 г. (*Срезневскiй*. Др. п. р. яз. и п. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 448), възглаголѣть—ib. 449, придѣть—въ Евангелiи 1279 г. (ib. VI. 626), възмѣть—въ Русской Правдѣ по Синод. сп. XIII в. (Рус. Достоп. I. 40), поръвѣть—ib. 41, налѣзѣть—ib. 50 и мног. друг. не имѣютъ никакого отношенiя къ живому произношенiю относительно буквы *ѣ* въ нихъ. Не надо забывать въ вопросѣ о смѣшенiи буквъ *ѣ* и *е* въ древнихъ русскихъ рукописяхъ, съ одной стороны, явленiй русской графики вообще, а, съ другой стороны, и того, что масса явленiй чисто фонетическихъ, масса особенностей произношенiя, не нашла себѣ выраженiя въ памятникахъ древней русской письменности, какъ не на-

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдованiя въ области русской фонетики. В. 1893. Стр. 114. 115.

[2]) *Шимановскiй*. Къ исторiи древне-русскихъ говоровъ. В. 1887. Стр. 90. 86. 47. 40. Съ выводами автора о значенiи *ѣ* я вовсе не согласенъ, но ссылаюсь на указанные имъ факты написанiй.

ходитъ она выраженія и въ современной орѳографіи. Поэтому данныя и факты графическаго смѣшенія *ѣ* и *е* въ сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности еще не могутъ говорить чего-либо противъ соотвѣтствія между старыми и новыми произношеніями въ русскихъ діалектахъ. Все дѣло заключается еще въ изслѣдованіи *современныхъ* русскихъ говоровъ, и ему предстоитъ будущее рѣшеніе многихъ вопросовъ древне-русскаго произношенія.

Мы принимаемъ также мысль *Соболевскаго* о томъ, что въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ въ извѣстную эпоху жизни этого говора появляется звукъ долгое *ō* изъ новаго *ѣ* (въ закрытыхъ слогахъ); это долгое *о* съ теченіемъ времени или распалось на дифтонгическое сочетаніе *оо* съ первымъ *о* различнаго качества, большею частью, *закрытымъ*, т. е. склоннымъ къ *у*, откуда—*у͡о* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ, или дало прямо долгое *ӯ* черезъ *ō* долгое, склонное къ *у*, т. е. закрытое, или, наконецъ, перешло въ *і* (вѣроятно, первоначально тоже—долгое) въ галицкомъ и украинскомъ говорахъ, можетъ быть, черезъ посредство *оо*, *уо*, *уэ*, *уи*, гдѣ удареніе было на второй части дифтонгическаго сочетанія. Напр., въ Добриловомъ Евангеліи 1164 года мы читаемъ: ужасаються—3 л. ед. ч., которое объясняется изъ *ужасаѣться*, вѣроятно, черезъ посредство формы **ужасаjōться*; срв. ꙗторъ изъ *ꙗт'ōр и друг. [1]). Такимъ образомъ, древнее малорусское *ужасаjōться находитъ себѣ соотвѣтствіе въ древнемъ же сѣверно и средне-русскомъ пишотъ, ищотъ [2]), *буд'отъ, *скажотъ; древнее ужасаѣться соотвѣтствуетъ древнему же възглаголѣтъ и проч. сѣверно-русскихъ памятниковъ; древнее предполагаемое ужасаjу͡оться и ужасаються—3 л. ед. ч. становится фактомъ общерусскаго языка въ виду найденныхъ касимовскихъ формъ: играjу͡отъ, пляшу͡отъ и под. Наконецъ, древнее бываꙗтъ и под. рефлектируется современными буд' āтъ, гуляятъ и под.

При формѣ современ. касимов. мо́цāм—1 л. мн. ч. и друг. (отъ глаг. съ тематическимъ звукомъ—*и*) мы имѣемъ

---

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ ист. р. яз. Стр. 93 и 7.

[2]) Другіе примѣры изъ др. р. памятниковъ см. у *Шахматова*. Указ. соч. Стр. 80.

древнее рязанское XIII вѣка: молимъ—1 л. мн. ч. При этомъ припомнимъ также слышанныя нами формы: ку́пiем—1 л. мн. ч.—*Фомино Парах. вол.*; сѣ́јiем, ста́нiем—1 л. мн. ч.—*Парахино*. Ясно, что звуковой процессъ, развившiйся первоначально, можетъ быть, въ формѣ 3-го л. ед. ч. наст вр., а, можетъ быть, и одновременно въ 3-мъ и 2-мъ лицахъ ед. ч., и потомъ проникшiй въ прочiя лица, былъ одинаковымъ для всего русскаго языка, слѣдовательно, принадлежитъ еще эпохѣ общерусскаго языка до его распаденiя, причемъ дальнѣйшая судьба того дифтонгическаго сочетанiя, которое еще въ общерусскую эпоху получилось изъ *е*ⁱ долгаго въ положенiи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое *ъ*, была уже различна въ обособившихся дiалектахъ общерусскаго языка. Такъ, общерусское *играје̄ⁱть въ группѣ западно-русскихъ говоровъ съ теченiемъ времени дало форму *играјiеⁱть (*г* и *у* пока въ расчетъ не принимаются)—играѣть—и *играјо̄ть, откуда играјуот и проч.; а въ группѣ восточно-русскихъ говоровъ (велико-бѣлорусской) это же общерусское *играје̄ⁱть съ теченiемъ времени, вслѣдствiе спецiальныхъ условiй, имѣвшихъ мѣсто, именно, въ велико-бѣлорусской группѣ, т. е. вслѣдствiе отвердѣнiя конечнаго *т*, дало форму *играјо̄тъ, откуда частью играјуот, частью *играја̄тъ, откуда, въ свою очередь, игра́ја̄тъ и проч.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что процессъ измѣненiя общерусскаго *е̄*ⁱ въ указанномъ положенiи устанавливаетъ твердо еще въ общерусскомъ языкѣ эпоху *долгаго о̄* съ дальнѣйшими его видовыми оттѣнками *изъ долгаго е̄* въ извѣстномъ его положенiи [1]). Это долгое *о̄* въ общевеликорусскомъ (велико-бѣлорусскомъ) языкѣ распадалось на дифтонгическое сочетанiе *уо* (чрезъ *оо? пишо̄тъ* и под.) или сохраняло дiалектически свою долготу, переходя въ звукъ *а* (*'а*). Значитъ, формы срв.: будётъ, ѣдётъ, кушаётъ...., вятскiя: скажотъ, машотъ, др. рус. пишотъ, ищотъ, скажотъ... восходятъ къ формамъ: *budо̄t, *jѣdо̄t... skažо̄t—skažо̄t...; формы ювр.: прiѣд'уот... восходятъ къ формамъ: *prijѣd'uot (чрезъ *pri-

[1]) Замѣчательно, что въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчiя не сохранилось слѣдовъ этого долгаго е̄ въ формахъ 3 л. ед. ч.

jě'd'oot); формы ювр. и блр.: буд'а̄тъ, ѣд'а̄тъ... пишатъ... восходятъ къ формамъ: *budā̈t, *jěda̋t и проч. [1]) съ долгими гласными звуками: ō, o, ā̈, a обще-великорусской эпохи.

Необходимо при этомъ допустить, что полумягкое ṫ въ формахъ 3 л. ед. ч. еще въ діалектахъ общерусскаго языка представлялось твердымъ, какъ показываютъ нѣкоторыя формы въ ювр. говорахъ, въ говорахъ галицкихъ и нынѣшней Кіевской губерніи [2]). Съ другой стороны, изъ предыдущаго мы видимъ, что первоначально качество слѣдующаго ṫ не вліяло на ē, которое должно было перейти черезъ ступень ō (ö̅) и въ предкахъ малорусскаго, и въ предкахъ великорусскаго нарѣчій. Но, принимая во вниманіе то, что уже съ XIII вѣка твердый звукъ *т* проникаетъ въ письменность сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ памятниковъ (Ряз. Кормчая 1284 г. бесѣдуе̃т—л. 15. столб. 2), а также и то, что нынѣ формы 3 л. ед. ч. наст. вр. съ окончаніями—*от* (*'от*) въ безударномъ положеніи этихъ окончаній извѣстны только сѣверно-великорусскому поднарѣчію и нашимъ касимовскимъ говорамъ, гдѣ имѣемъ окончанія:—*у͡от* (—*jу͡от*),—*ат* (—*'ат*), причемъ вездѣ, гдѣ есть эти окончанія свр. и касимовскія, мы слышимъ *твердое т*, мы должны вывести заключеніе, что дальнѣйшее видоизмѣненіе звука ō въ указанныхъ формахъ обусловлено было положеніемъ его передъ отвердѣвшимъ звукомъ *т*, и что нынѣшніе касимовскіе говоры примыкали къ говорамъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Изъ I-ой части нашего труда мы могли уже замѣтить, что и общій характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ есть *въ основѣ своей* сѣверно-великорусскій. Бѣлорусскія формы Могилевской губерніи: лята́ять, дабега́ять, гуля́ять—3 л. мн. числа представляютъ какое-нибудь позднее образованіе по аналогіи точно такъ, какъ и формы 2-го лица ед. числа и 1 л. множ. числа, хотя послѣднія могли быть и сразу охвачены фонетическимъ процессомъ въ то время, какъ началъ отвердѣвать конечный *м* въ 1 л. множ. ч. и конечное *ш* во 2 лицѣ ед. числа. Съ какого, именно, лица (2 л. ед. ч., 3 л. ед.

[1]) Срв. *Шахматова* Указ. соч. Стр. 80.

[2]) См. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 107.

ч., 1 л. мн. ч.) начался процессъ фонетическаго измѣненія гласнаго *ē*, рѣшить трудно. Стало быть, въ нынѣшнихъ говорахъ Парахинской волости Касим. уѣзда, имѣющихъ дифтонги, но не знающихъ окончаній:—*'аш*,—*'ат*,—*'ам* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ, тѣхъ окончаній, которыя, въ свою очередь, извѣстны прочимъ мѣстностямъ (Китовская, Ветчанская, Давыдовская, Погостинская волости) Касим. уѣзда, слѣдуетъ усматривать остатки тѣхъ говоровъ, которые изъ долготы гласнаго развили у себя дифтонги, а въ прочихъ говорахъ сохранилась лишь довольно явственная *долгота* этого вторичнаго *'а* изъ *'ō* долгаго, которое, быть можетъ, обнаруживается въ древнихъ формахъ: *пишотъ*, *ищотъ*, перешедшихъ въ акающихъ говорахъ въ *пишатъ*, *ищатъ*. Какъ малорусское нарѣчіе утратило нынѣ слѣды прежней долготы гласнаго въ формахъ 3 го лица ед. числа наст. времени, такъ утратило эти слѣды и нарѣчіе бѣлорусское. Вѣроятную причину этой утраты можно видѣть отчасти и въ томъ, что млр. и блр. нарѣчія не развили у себя твердаго *т* въ этихъ глагольныхъ формахъ, и потому въ нихъ, какъ и въ настоящихъ южно-великорусскихъ говорахъ, расширенное *ō* подверглось съ теченіемъ времени вторичному суженію. Обыкновенные типы этихъ формъ въ млр. нарѣчіи представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: *любитъ*—3 л. ед. ч., *каже*, *хоче*, *побаче*; хотя и есть варьянты по говорамъ: *ідетъ*, *печё*, *лове*, *робе*, *служе*, *ходе*, даже—*несетъ* и под., но слѣдовъ долготы гласнаго или дифтонга передъ окончаніемъ—*тъ*, кажется, не сохранилось нигдѣ [1]).

До сихъ поръ мы слѣдили за судьбой звука *е* въ закрытыхъ слогахъ въ глагольныхъ формахъ русскаго языка. Мы признали, что въ означенномъ положеніи въ общерусскомъ языкѣ было *долгое ē*, которое частью распалось на дифтонгическое сочетаніе еще въ общерусскую эпоху, частью же оставалось долгимъ гласнымъ и съ теченіемъ времени, потерявъ свою долготу въ діалектахъ, слилось въ своей дальнѣйшей исторіи съ звукомъ *е* краткимъ, переживая общую судьбу, общія измѣненія. Мы должны признать, что и звукъ *о* основ-

---

[1]) Его-же. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 41. 43. 58 и др.

ной, общерусскій, имѣлъ свою исторію, совершенно аналогичную съ исторіей основного звука *е* въ закрытыхъ слогахъ, также становясь *долгимъ* въ положеніи въ закрытыхъ слогахъ въ словѣ. Такое признаніе становится необходимымъ при тщательномъ разсмотрѣніи *дифтонговъ* въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее: кромѣ касимовскаго и вятскаго говоровъ, дифтонги указаны наблюдателями еще въ бѣлорусскихъ говорахъ, сѣверно-малорусскихъ и изъ сѣверно-великорусскихъ—въ вологодскомъ говорѣ. Изслѣдуемъ ихъ употребленіе въ этихъ говорахъ, поскольку это можно сдѣлать безъ непосредственнаго нашего наблюденія, по печатнымъ матеріаламъ. Займемся дифтонгами изъ основныхъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ.

Бѣлорусскіе говоры представляютъ намъ слѣдующіе факты: при ударяемыхъ дифтонгахъ *у͡о*, *'у͡о*: вуо́лъ, ву́олъ, мюо́дъ, мю́одъ—Минск. губ.[1]), муой, двуоръ, юонъ (=онъ), жуонка—Слуцк. у.; туой, руодъ, нуочъ, нуожка—Игуменск., Бобруйск. уѣзды и т. п. мы имѣемъ и *неударяемые* дифтонги: ву͡ойна́, па́ну͡омъ—дат. п. мн. ч., ду͡обро́ва, ве́чю͡оръ—въ Подлѣсскихъ говорахъ Мозырскаго, Игуменскаго и друг. уѣздовъ [2]). Слѣдовательно, прежде всего наблюденіе показываетъ, что бѣлорусскимъ говорамъ извѣстны нынѣ *какъ ударяемые, такъ и неударяемые* дифтонги *у͡о*, *ю͡о* изъ основныхъ *о*, *е* въ закрытыхъ слогахъ [3]). Въ соотвѣтствіи съ этими блр. дифтонгами находимъ дифтонги въ сѣв.-малорусскихъ говорахъ: хву͡ост (хву͡їст, хву͡ыст, хвыст, хвуст,

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектол. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 25.

[2]) Ibid. III. 26. 27.

[3]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фон. В. 1893 г.) признаетъ бѣлорусскіе дифтонги восходящими къ *общерусской* эпохѣ (стр. 97), но сѣверно-малорусскіе ведетъ *изъ бѣлорусскихъ* дифтонговъ, которые, будто бы, проникли сюда изъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ (стр. 123—124), такъ какъ въ бѣлорусскомъ, какъ и въ сѣв.-млр. говорахъ, дифтонги, будто-бы, *только ударяемые*. Хотя и трудно рѣшить вопросъ о происхожденіи сѣв.-млр. дифтонговъ, именно, потому, что эти говоры—*сосѣдніе* съ тѣми бѣлорусскими, въ которыхъ сохранились дифтонги, но я склоненъ думать, что и сѣв.-млр. дифтонги восходятъ къ *общерусской* эпохѣ въ виду того, что и блр. говорамъ, и сѣв.-малорусскимъ извѣстны *не только* ударяемые, но и неударяемые дифтонги. Въ бѣлорусскихъ говорахъ мы уже видѣли эти дифтонги въ текстѣ выше, тамъ же будетъ сказано и о млр. *неударяемыхъ* дифтонгахъ.

хвюст—по говорамъ) и хвоуост [1]) при блр. хвустъ [2]); сѣв.-млр.: плуот, плоуот (плуыт, плуіт, плыут, плыт, плут—по говорамъ) [3]) при блр. плутъ (на югѣ Могилев. губерніи); млр. вуон (вуын, выун, вуін—по говорамъ) при блр. также съ дифтонгами: юонъ; млр. юой (=ей—черниговск., юий—нѣжинск., юый и под.—по говорамъ), млр. тюотка, нюос, пуод, люог, муох съ ихъ варьянтами по говорамъ при вышеприведенныхъ аналогичныхъ бѣлорусскихъ формахъ. Въ вологодскомъ говорѣ соотвѣтственно этому находимъ: труось=трость, спруосъ, собуолья [4])…. Въ сѣв.-млр. и сѣв.-влкр. говорахъ показаны только *ударяемые* дифтонги; вятскій говоръ детально намъ еще неизвѣстенъ, но показаны дифтонги, кажется, и неударяемые, и ударяемые [5]); въ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, какъ и въ бѣлорусскихъ, и ударяемые, и неударяемые. Теперь вспомнимъ наши касимовскія произношенія: руог-ат—*Парахино*; гоуот, дамоуой, хтаруой, табуой—ib.; зимуой—д. *Китово* и под. Съ другой стороны, мы имѣемъ касимовское: жывюом—1 л. мн. ч. (Парахин. вол.), съ которымъ должно быть сопоставлено блр. жывюмъ—1 л. мн. ч. (=жывёмъ); касим. тᶜюплинькяю—вин. п. ед. ч. ж. р.—въ соотвѣтствіи съ блр. цюплый (=тёплый). Такимъ образомъ, мы находимъ полное звуковое соотвѣтствіе въ разсматриваемомъ вопросѣ между блр. говорами и нашими касимовскими, а равно и свр. вологодскими по отношенію къ ударяемымъ дифтонгамъ въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *о* (млр. муох, вѣроятно, болѣе поздняго, *аналогичнаго* образованія) и *е*.

Что касается въ частности сѣв.-млр. дифтонговъ, то особенно важно, что дифтонги сѣв.-млр. говоровъ, напр., въ Грод-

---

[1]) *Соболевскій*. ib. IV. 33. 30. et passim.

[2]) Ib. III. 19.

[3]) Ib. IV. 29. et passim.

[4]) *Колосовъ*. Замѣтки… (Сборникъ р. яз. и слов. XVII). Стр. 318. *Бѣлоруссовъ*. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Стр. 18—19. *Соболевскій*. Очеркъ р. діал. Ibid. II. 17.

[5]) *Соболевскій*. ib. II. 20.

ненской губерніи, близъ Заблудова, слышатся *не только на мѣстѣ ударяемаго гласнаго*, но *и на мѣстѣ неударяемаго:* вуолы́, вуода́, ге́туой и под., причемъ послѣдній примѣръ представляетъ неударяемый дифтонгъ *въ закрытомъ слогѣ*, какъ и наши Парахинскіе: до́бруой (дат. п. ед. ч. ж. р.), с ры́буой и проч. Важно также и то, что у южныхъ сосѣдей заблудовскаго говора (въ *королёвскомъ* говорѣ) мы имѣемъ дифтонгъ *оо* рядомъ съ *уо* [1]); съ этимъ дифтонгомъ (ударяемымъ и неударяемымъ?) мы должны сопоставить дифтонгъ *оо* въ великорусскихъ говорахъ: касимовское го́ᵘот (=годъ), дамо́ᵘой (=домой), ро́ᵘог-ӑт (=рогъ-то) и проч.—выше. Значитъ, и сѣверно-малорусскимъ говорамъ извѣстны какъ ударяемые, такъ и неударяемые дифтонги въ соотвѣтствіи съ такими же дифтонгами бѣлорусскими *и великорусскими* [2]), дифтонгами *одного и того-же происхожденія.*

Въ древне-русскихъ галицко-волынскихъ рукописяхъ долгое *ō* изображалось сначала въ видѣ *о*, а затѣмъ съ XII-го вѣка уже—въ видѣ *у* (*ю*), послѣ перехода этого *ō* долгаго въ живомъ языкѣ въ *оᵘ*—*ӯ* долгое, *ō* имѣло мѣсто, по указанію *Соболевскаго* [3]), *какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ*, и происходилъ переходъ его въ *ӯ* долгое гораздо чаще, чѣмъ переходъ *о* краткаго въ *у* краткое. Рядомъ съ этимъ Соболевскій отмѣчаетъ (быть можетъ, около XIII в.) переходъ *ō* долгаго въ галицко-волынскомъ нарѣчіи въ дифтонгъ *оо* и тоже, вѣроятно, *съ закрытымъ* первымъ *о*; этотъ дифтонгъ,

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. ibid. IV. 33. Срв. *Михальчука.* «Къ южнорусской діалектологіи». Кіев. Старина. 1893. Сентябрь. Стр. 472. Изъ дифтонга *оо* (изъ *ō*) при закрытомъ первомъ *о* могло быть *оуо*—*уо*, потомъ *уу*, наконецъ,—*ӯ* или *ӱ*. Срв. *Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи... Стр. 354 и слѣд.

[2]) Не понимаю дифтонга въ словѣ батюшкоу—зват. п. ед. ч. *Бѣлоруссовъ.* Указ. соч. 19. въ Вологод. губ.

[3]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 96—97. Срв. его-же Лекціи². 66—67 и 114.

кажется, и сохраняется до сихъ поръ въ королёвскомъ гродненскомъ говорѣ изъ сѣверно-малорусскихъ [1]).

Такимъ образомъ, дифтонги, какъ слѣдъ бывшей долготы, а частью и сами долгіе гласные въ различныхъ положеніяхъ относительно слога и ударенія въ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говорахъ находятся на-лицо. Ясно, что дифтонги являются идущими *отъ общерусской эпохи* и должны быть признаны *общерусскимъ* явленіемъ (Срв. *Шахматова*. Указ. Соч. Стр. 97 и 121). Какъ уже отчасти видно было, дальнѣйшая судьба дифтонговъ изъ прарусскихъ долгихъ *ō* и *ē* была различна въ діалектахъ русскаго языка: дифтонгъ *o͡o* съ различными оттѣнками въ произношеніи перваго *o* съ теченіемъ времени далъ или *у͡о* или *ў*, которое частью сохраняло, частью теряло свою долготу [2]). Такъ мы понимаемъ образованіе въ млр. и блр. говорахъ произношеній съ звукомъ *у*, *'у* въ словахъ: плутъ, хвустъ, юнъ, юй, юсь, люхъ, нюсъ, цюплый, жывюмъ; млр. вун, юй, тютка, нюс, пуд, люг, мух и под.; съ другой стороны, въ словахъ: на ци́хумъ Дунаю, у трэ́цюмъ поли (Минск. г. Новогруд. у.), зъ Бѣлуй Руси, ў бо́жумъ домѣ, ў ше́лковумъ пуцѣ (Подлѣсск. говоры, Мозырск. у. и друг.), ў це́мнуй цямницы, пивава́рувъ (род. п. мн. ч.— Бобруйск. у.), на но́вумъ двори, на чужу́й сторони (Гродн. Слоним.). Срв. древнія гал.-вол. написанія: въ твоюмъ, унукумъ, Василювъ, отрочищюмъ, зубувъ (современное сѣв.-малорусское и угро-русское), по божьюмъ нарожѣнъѣ, въ славѣ до́бруй и друг. [3]). Срв. наши касимовскія формы: до́бру͡ой, табу́͡ой, даму́͡ой и друг. выше, а также: з *у́*рькуй, Миха́йлуй, с кра́снинькуй з бума́шкуй, арте́люй, землянѝкуй, рѣ́цкуй, ско́пкуй, ры́буй и мног. друг. (См. въ I-ой части нашего труда. Глава V-ая). Въ говорахъ, давшихъ начало великорусскимъ говорамъ, мы наблюдаемъ нѣсколько иное: долгое общерусское *ō* *долѣе сохранялось*, какъ звукъ *o*, и съ теченіемъ

---

[1]) *Михальчукъ* (Указ. соч.) считаетъ зерномъ и остаткомъ настоящаго млр. нарѣчія нынѣшній Овручскій говоръ Волынской губ.

[2]) См. предыдущ. стр. примѣч. 1.

[3]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектологіи. Ibidem. III. 23—30. Также: Очерки изъ исторіи р. языка и Лекціи[2], passim.

времени въ своей исторіи частью распалось на дифтонгическое сочетаніе, подобное тому, какое мы видѣли въ блр. и млр. говорахъ, частью совпало съ краткимъ *о* и имѣло общую участь съ послѣднимъ въ тѣхъ говорахъ, которые дали начало позднѣйшимъ *акающимъ* говорамъ, откуда и получились касимовскія произношенія: пе́стра̄й, деⁱшо́ва̄й, радѝма̄й. пья́на̄й, бѣ́ла̄й, „х пья́на̄м вѝди", с ры́ба̄й; по́снай, су́мкай, с снашэ́льнѝцай, ку́рѝцай; сѝн'а̄й, Аксѝньја̄й и проч. (См. І-ю часть; главы: І-ю и ІІІ-ю § II. Гдѣ долгота не проставлена, тамъ ея я не замѣтилъ въ говорѣ Касим. уѣзда). Сравни въ надписи на Волоколамской плащаницѣ XVI вѣка: *плащенѝцаю* чѝстою ѡбвивъ... [1]).

Такимъ образомъ, при предположеніи, что въ общерусскую эпоху въ закрытыхъ слогахъ были *долгіе* гласные *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, и что эти долгіе *о* и *е* уже незадолго до распаденія общерусскаго языка на нарѣчія въ самомъ общерусскомъ языкѣ частью распадались на дифтонгическія сочетанія *у͡о*, *'у͡о*, частью продолжали сохранять свою долготу монофтонгически, далѣе, что эта долгота звуковъ *о* и *е* монофтонговъ сохранялась діалектически послѣ распаденія общерусскаго языка на западно-русскія и восточно-русскія нарѣчія, въ которыхъ эти звуки вскорѣ слились съ звуками *о* и *е* краткими, переживая съ ними общую судьбу, при этомъ предположеніи, говоримъ мы, становятся понятными вышеприведенныя явленія древнихъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Та часть русскаго языка, которая дала начало въ свою очередь будущимъ великорусскимъ говорамъ, вынесла съ собой изъ общерусской эпохи долгіе гласные *ō* и *ē*, причемъ въ будущихъ сѣверно - великорусскихъ говорахъ были получены и дифтонгическія сочетанія, которыя дали начало закрытому звуку *о* склонному къ *у*, а въ будущихъ южно-великорусскихъ говорахъ, вѣроятно, были получены лишь долгіе *ō* и *ē*, которые ко времени отдѣленія послѣднихъ говоровъ уже успѣли слиться въ своей судьбѣ съ основными краткими *о* и *е* и дать свои рефлексы въ акающихъ говорахъ. Мы, значитъ, опять

---

[1]) Извѣстія Археологическаго Общества. Т. VI. 1868 г. Статья *Невоструева*. Стр. 56. См. также снимокъ съ этой плащаницы Іосифо-Волоколамскаго монастыря въ концѣ этого тома (VI).

видимъ, что наши касимовскіе говоры восходятъ къ такъ называемымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ. Кромѣ того, изъ предыдущаго уже отчасти видно, что наши касимовскіе говоры живутъ еще болѣе древнею жизнью, чѣмъ сосѣдніе культурные говоры, что касимовскіе говоры, забившись, такъ сказать, въ уголокъ, стоятъ еще на болѣе ранней ступени своего фонетическаго развитія съ своими дифтонгами и долгими гласными. Это же будетъ видно и при изложеніи вопроса о *ѣ* и о согласныхъ звукахъ.

Судьбу долгихъ [1]) *ō* и *ē* въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *о* и *е* раздѣляли и тѣ звуки *о* и *е*, которые очутились въ закрытыхъ слогахъ въ формахъ имен. пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ членныхъ муж. рода типа: доброй, синей. Это видно было уже изъ предшествующаго разсужденія и приведенныхъ примѣровъ. Прежде всего замѣчу, что та часть общерусскаго языка, изъ которой выдѣлились будущіе *великорусскіе* говоры, должно быть, *никогда не знала* именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. падежѣ единств. числа въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ —*ой*,—*ей* (изъ *ъи*,—*ьи*). По крайней мѣрѣ, такъ это представляется мнѣ, и такъ выходитъ изъ данныхъ древне-русскаго языка и современныхъ говоровъ, если не дѣлать никакихъ натяжекъ. Формы на—*ыи*,—*ій* есть формы *ороографическія*, и таковыми же онѣ были и въ древне-русскихъ памятникахъ сѣверно-русскаго и средне-русскаго происхожденія, что же касается *живого* языка и произношенія, то такихъ формъ нынѣ *нигдѣ* въ области великорусскаго нарѣчія не слышно, и доказать ихъ и для прошлаго времени въ живомъ произно-

---

[1]) Нельзя-ли въ памятникахъ др. р. письменности, въ нѣкоторыхъ написаніяхъ, усматривать своеобразный способъ обозначенія въ ороографіи древне-русскихъ *долгихъ* гласныхъ живого языка? Напр., какъ понять *удвоеніе* различныхъ гласныхъ на письмѣ, выдерживаемое нѣкоторыми писцами довольно упорно? Въ Изб. 1076 г. читаемъ: и приноуди ѥго *поминаати* тѧ. (*Срезневскій* Др. п. р. яз. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 429). У *Шимановскаго* (Къ исторіи др. р. говоровъ) это мѣсто читается иначе: *поминати*—л. 11 б. Приложеніе. Стр. 5. Въ Минеѣ Новгородской 1096—1097 г.: страшьнꙑимъ *врагоомъ* (*Срезневскій*. ib. 338). Въ зап.-рус. Псалтыри 1296 г. постоянно встрѣчаемъ написанія:—ѧѧ, ѥѥ, ѡѡ, ꙑи. Неужели это прихоть нѣкоторыхъ писцовъ? См. также о Луцкомъ Ев. у *Соболевскаго*. Очерки изъ ист. р. яз. стр. 97.

шенiи нельзя. Не будетъ преувеличенiемъ, если я скажу, что *вся* древне-русская письменность, почти съ XI-го вѣка, идущая изъ сѣверно-и средне-русскихъ областей доказываетъ намъ, что формы именъ прилагательныхъ членныхъ въ им. пад. ед. ч. муж. рода имѣли окончанiя—*ой* и—*ей*, и замѣчательно, что чѣмъ памятникъ менѣе подверженъ цсл. влiянiю, чѣмъ менѣе въ немъ цсл. элементовъ, т. е чѣмъ болѣе памятникъ русскiй, тѣмъ чаще въ немъ встрѣчаются формы на—*ои* (въ орѳографiи иногда—*ъи*). Въ памятникахъ, заключающихъ въ себѣ очень немного цсл. примѣсей, напр., въ актахъ и разныхъ юридическихъ документахъ древней Руси, мы *почти совсѣмъ* не встрѣчаемъ цсл. и искусственныхъ для великорусской письменности формъ на—*ый*, причемъ исключенiе составляютъ лишь тѣ грамоты и договоры, которые могутъ быть названы *государственными* и исходили изъ княжьей канцелярiи, слѣдовательно, писались оффицiальными лицами, наиболѣе начитанными и книжными дьяками или же, если актъ былъ духовнаго содержанiя, т. е. исходилъ отъ духовнаго лица,—духовными лицами разнаго чина, хотя и въ двухъ послѣднихъ категорiяхъ мы изрѣдка находимъ въ орѳографiи слѣды *живого* мѣстнаго произношенiя именъ прилагательныхъ [1]).

---

[1]) Не желая затруднять читателя приведенiемъ массы примѣровъ изъ др. р. памятниковъ письменности, я укажу только на нѣкоторые примѣры: еще въ самомъ О. Е. мы имѣемъ: осмъи, сѫдьнъи, нарицаѥмъи и друг.—*Лескинъ*. Грам. стрсл. яз. Рус. переводъ. Дополненiе. Стр. 166 и 183. Въ Евг. Псалтыри XI—XII в. И да не хвалитьсѧ *сильной* силоѭ своеѭ—*Срезневскiй*. Указ. Соч. Вып. V. Стр. 471. Възметьсѧ *нечьстивой* да не видить славꙑ гнѧ—ib. 472. Въ Пандектахъ Антiоха XI—XII в. скрьжьтъ *зоуб'нъй*—ib. 494 и друг. У *Соболевскаго* (Лекцiи[2]. Стр 204—206), на мой взглядъ, совершенно невѣрно сказано, что окончанiе—*ъи* въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскiе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ (204). Этому противорѣчатъ, во первыхъ, *всѣ великорусскiе говоры*, которые *совсѣмъ не знаютъ* формъ на—*ый*,—*iй* (срв. тутъ же у *Соболевскаго*. Стр. 206), а, во вторыхъ, древнiе акты и грамоты, т. е. памятники съ чистымъ или почти чистымъ русскимъ языкомъ, въ которыхъ мы все чаще и чаще съ теченiемъ времени встрѣчаемъ формы на—*ой* и на—*ей*, вытѣсняющiя, наконецъ, собой *совсѣмъ* книжныя формы. Если даже *Соболевскiй* разумѣетъ здѣсь букву *ъ*, а не ея произношенiе въ русскомъ языкѣ въ окончанiи—*ъи*, то и съ этимъ нельзя согласиться, т. к. *ъ* здѣсь имѣетъ не только *русское графическое* значенiе, что несомнѣнно, но

Въ примѣчанiи указаны нѣкоторые примѣры изъ др. р. письменности. Что касается современныхъ великорусскихъ говоровъ, то они и не знаютъ сейчасъ другихъ формъ, кромѣ формъ на—*ой*, независимо отъ ударенiя: въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Архангельскомъ, Ярославскомъ, Владимирскомъ краѣ мы слышимъ постоянно—*ой* и—*ей* независимо отъ ударенiя (б. м., съ оттѣнками неударяемыхъ *о* и *е* по говорамъ), наконецъ, въ Вологодской губернiи и вообще въ сѣверно-великорусскихъ (См. *Колосовъ*. Замѣтки... ibid. 120, 292, 319). Наконецъ, въ южно-великорусскихъ акающихъ говорахъ

и частью звуковое значенiе. Срв. совершенно справедливое мнѣнiе *И. В. Ягича* (Критическiя замѣтки по исторiи р. языка. Спб. 1889. Стр. 29) о томъ, что окончанiе—*ой* въ именит. падежѣ именъ прилагат. вовсе не есть заимствованiе изъ церковно-славянскаго языка. См. здѣсь же у *Ягича* на стр. 31. о *ъ=о*. Къ тѣмъ даннымъ, которыя приведены *Соболевскимъ* въ его «Лекцiяхъ» (l. c.) по занимающему насъ вопросу о *русскомъ* окончанiи именъ прил. въ им. пад. ед. ч. м. р., мы можемъ отъ себя еще указать на слѣдующее: см. АЮ. № 5, № 6, № 7,—подьячей Якушъ Долгой — № 8 (въ этомъ Судномъ Спискѣ приведена подлинная грамота *митрополита* Симона, которая подписана такъ: «*смиреный* Симонъ митрополитъ всеа Руси», а въ самомъ Судномъ Спискѣ такихъ формъ *нѣтъ*). См. также ib. № 9 учинилъ *третей* срокъ; № 11. вобчей—№ 14; №№ 16, 17, 18; по *задней* уголъ — № 19; №№ 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28,—корешекъ *девесилной* (Въ моемъ соч. «Къ дiалектологiи»... на стр. 133 случайно пропущено слово *де́вяси́л*—inula helenium—дудки, «заря», растенiе, которому и въ Ряз. губернiи народъ приписываетъ лѣкарственную силу). Тутъ-же: пьяной—№ 30 (1680 г.); серебряной, мѣдной, кружечной, подкинутой, милостивой, которой, постоялой, табачной; конюшонной, монастырской, болшой, теплой, заечей, рыбей,—№ 46, № 53, № 59, № 60, № 61, № 68, № 69, № 70 и друг. Это же мы имѣемъ и въ Новгородскихъ Купчихъ: ib. №№ 81, 99, 71—100; въ Двинскихъ и Новгородскихъ Духовныхъ грамотахъ—АЮ. № 409, № 410, № 415, № 419; сукманъ черленой красной, шапочной пухъ, домовой всякой обиходъ—№ 428 (1671 г.). И въ другихъ актахъ и грамотахъ нынѣшней Великороссiи: см. въ «Дѣлахъ Сарской и Подонской митрополiи» 1684—1692 г.г.—пьяной—«Собранiе ркп. И. Д. Бѣляева»—*Викторова*. М. 1881. № 109. Стр. 95. *Мейчикъ*. Грамоты XIV и XV вв. Моск. Архива Мин. Юстицiи. М. 1883. Стр. 103. 108. 124. Изъ *государственныхъ* грамотъ: которой, татарьской — Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. № 36. третей—ib. № 33. Срв. № 48, № 130. № 131 — ожерелейной — № 203, царской—ib. Въ №№ 202 и 203 см. прозвища и фамилiи въ подписяхъ на грамотахъ.

окончаніе — *ай*(—*ăй*) доказываетъ собой болѣе раннее для этихъ говоровъ окончаніе—*ой*, а—*яй* болѣе раннее—*ей*. Все это, конечно, взятое вмѣстѣ, говоритъ въ пользу того, что мы и въ древнихъ нашихъ формахъ можемъ и должны видѣть *формы живой русской рѣчи*, формы языка народнаго, который былъ въ прежнее время и языкомъ письменности до извѣстной степени. Лишь только наша современная *условная* орѳографія мирится еще съ формами на—*ый* или —*ій*, которыхъ не знаетъ ни великорусскій народный говоръ, ни *литературное* современное произношеніе. Такимъ образомъ, для той части русскаго языка еще въ эпоху общерусскую, для тѣхъ нарѣчій, которыя дали начало нынѣшнему великорусскому, мы признаемъ формы на—*ой* (изъ—*ъй*) исконными формами общевеликорусскаго языка—единства. Слѣды вліянія говоровъ общерусской эпохи, изъ которыхъ выдѣлился великорусскій говоръ, на другіе говоры этой же эпохи, отразились въ такихъ *діалектически сохранившихся* формахъ нынѣшняго бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчія, въ такихъ произношеніяхъ, которыя приведены различными наблюдателями въ ихъ трудахъ. Такъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ показаны произношенія: лихóй, святóй, друγóй, ўтарóй; даже: любéзнай, дубóвай и под. (*Соболевскій*. Жив. Старина. 1892. III. Стр. 8, 10, 11) [1]). Подобное произношеніе бѣлорусскихъ говоровъ для древняго времени доказывается свидѣтельствомъ Лѣтописи Авраамки, писанной въ Смоленскѣ въ 1495 году, гдѣ мы имѣемъ такія формы: и преидоша Донъ въскорѣ *лютой*, *свѣрѣпой* — П. С. Р. Л. XVI. Спб. 1889. Стр. 113., *плотничкой* конѣчь—ib. 171., въ *великой* Новъгородъ—203, *великой* князь — 226 и друг. Въ малорусскихъ же говорахъ мы имѣемъ, по указанію наблюдателей, формы съ окончаніемъ—*ой*: молодóй, полковóй — въ южной части Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. стр. 28).

Теперь очевидно, что въ общевеликорусскую эпоху было извѣстно лишь *одно* окончаніе для именъ прилагательныхъ

---

[1]) *Карскій* говоритъ даже про блр. нарѣчіе: «Мнѣ кажется, что — *ый*, —*ій* только этимологическое написаніе: я никогда не слыхалъ формъ на—*ый* и—*ій*». «Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи». М. 1886. Стр. 138. Срв. его-же «Къ исторіи звуковъ»... Р. Ф. В. 1893. I. Стр. 95.

членныхъ въ имен. пад. ед. ч. муж. р., именно,—*ой* и—*ей*; эти окончанія и принадлежали общевеликорусскому нарѣчію, какъ показываетъ предыдущее разсужденіе, причемъ, вѣроятно, діалектически были извѣстны эти окончанія и другой части общерусскаго языка, изъ которой вышли малорусскія и бѣлорусскія нарѣчія. Полагаю, что, если мы встрѣчаемъ формы на—*ый*,—*ій* въ Московскихъ грамотахъ и вообще средне-русскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности, т. е. въ письменности тѣхъ областей, *живой* языкъ которыхъ не имѣетъ нынѣ въ употребленіи такихъ формъ, то въ такомъ случаѣ мы можемъ считать эти формы письменныхъ памятниковъ прямо *книжными*; но если эти формы на—*ый*,—*ій* находятся въ тѣхъ памятникахъ, которые принадлежатъ по языку къ областямъ, гдѣ и нынѣ мы находимъ въ живомъ употребленіи такія формы, то въ такомъ случаѣ эти формы древней письменности должны имѣть иное толкованіе и указываютъ, по моему мнѣнію, на *древнее живое произношеніе* въ этихъ областяхъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ нашихъ діалектическихъ произношеніяхъ: хтару͡ой, до́бру͡ой, ʏе́ту͡ой и под. (касимов. блр.) надо усматривать въ дифтонгѣ *у͡о* такой же слѣдъ долготы звука *ō* изъ болѣе ранняго *ъ*, какой мы видѣли выше въ дифтонгѣ *у͡о* изъ *ō* долгаго, происшедшаго изъ основного *о*. Ясно, что *ō* долгое изъ *о* въ закрытыхъ слогахъ, доживъ до общевеликорусской эпохи, совпало въ дальнѣйшей своей исторіи съ *о* краткимъ изъ *ъ* въ закрытыхъ слогахъ и вовлекло въ одинъ общій процессъ измѣненій съ собой и тотъ звукъ *о*, который являлся въ общевеликорусскомъ языкѣ въ имен. падежѣ именъ прилагательныхъ членныхъ въ единств. числѣ муж. рода. Очень можетъ быть, что еще и раньше общевеликорусской эпохи, что еще діалектически и въ общерусскую эпоху могло быть совпаденіе этихъ двухъ *о*, такъ какъ необходимо допустить, что слоговое ъ̥ уже въ общерусскую эпоху должно было въ произношеніи многихъ словъ совпадать со звукомъ *о* краткимъ, т. е. звучать, какъ *о*. По крайней мѣрѣ, мы не вправѣ игнорировать вышеприведенныхъ показаній и блр., и млр. говоровъ, хотя эти показанія и незначительны. Если признать, что въ эпоху общевеликорусскую имена прилагательныя на—*ой* звучали *съ долгимъ о* подобно

формамъ, гдѣ это *о* было долгимъ еще въ предшествующую эпоху и звучало долго, то мы должны будемъ представить себѣ *такое произношеніе* именъ прил въ имен. п. ед. ч. муж. р., при которомъ даже безударное *о* въ окончаніи звучало *совершенно явственно* на подобіе того, какъ звучатъ эти прилагательныя въ современныхъ діалектахъ, между прочимъ, въ касимовскомъ (см. выше: пья́на́й...). Не этимъ-ли объясняется тотъ весьма интересный фактъ, что въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ мы наблюдаемъ въ разсматриваемыхъ формахъ именъ прилагательныхъ замѣчательную *подвижность* ударенія въ именит. пад. ед. ч. муж. рода? Быть можетъ, удареніе, сохранивъ въ большинствѣ случаевъ свое первоначальное мѣсто, діалектически замѣняло собой прежнюю долготу или явственность произношенія безударнаго гласнаго, перешедши въ діалектахъ на этотъ послѣдній. Чѣмъ, напр., объяснить діалектическія произношенія: *бы́строй* и *быстро́й*, *пѣ́шой* и *пѣшо́й*, *то́лстой* и *толсто́й* и проч.? Этимъ вопросомъ на почвѣ современныхъ *народныхъ* говоровъ еще не занимался, можно сказать, никто, но во всякомъ случаѣ это— вопросъ интересный, и ему принадлежитъ будущность [1]).

Глава II-ая.

О звукѣ ѣ.

Звукъ *ѣ* отличался отъ звука *ē* долгаго прежде всего уже тѣмъ, что онъ былъ полученъ *еще въ общерусскомъ языкѣ*, какъ

---

[1]) Подвижность русскаго ударенія на однихъ и тѣхъ же словахъ и формахъ ихъ въ разныхъ говорахъ не представляетъ собой явленія *исключительнаго*, какъ думаетъ *Р. Ѳ. Брандтъ* (Начерт. слав. акцентологіи. Стр. 11). Ниже, во 2-мъ приложеніи, мы помѣщаемъ цѣлый списокъ такихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ им. п. ед. ч. м. р. по говорамъ. Это явленіе, думается мнѣ, можетъ быть со временемъ объяснено лишь на почвѣ точнаго и широкаго изученія русскихъ народныхъ говоровъ. Еще *Я. К. Гротъ*, приводя слова съ двоякимъ удареніемъ, замѣтилъ: «Всѣ подобныя слова требовали бы *особаго разсмотрѣнія*, и пора было бы заняться рѣшеніемъ вопроса, на чемъ въ нихъ основывается различіе ударенія». Фил. Разысканія. Спб. 1876². Т. I. Стр. 416.

дифтонгическое сочетаніе *i͡e* съ разными оттѣнками въ произношеніи по діалектамъ; таковымъ онъ былъ полученъ изъ общеславянской эпохи [1]), между тѣмъ какъ звукъ *е* сталъ долгимъ лишь въ закрытыхъ слогахъ уже на почвѣ общерусской, и здѣсь, какъ звукъ долгій, подвергся различнымъ измѣненіямъ по говорамъ (См. выше). Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы видѣли много примѣровъ (См. I-ую часть. Главу III-ю) произношенія древняго орѳографическаго *ѣ*, какъ *i͡e*, *i͡eⁱ*, *jeⁱ*, почти—*i*. Что касается другихъ русскихъ говоровъ, то мы имѣемъ въ нихъ на мѣстѣ *ѣ* слѣдующіе звуки: *i*, *i͡é*, *i͡e*, *ii*, *i͡ы́*, *ī*, *е*. Напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ Минской губ., въ Минск., Слуцк., Игуменск., Бобруйск., Мозырскомъ уѣздахъ мы слышимъ: сіе́но, сие́но, табіе, выбіегла, піесня, піели, обіедъ, на століе и под.; въ одномъ говорѣ Могилевской губерніи *ѣ* звучитъ *какъ долгое и*: хлипъ „какъ бы хліипъ" = хлѣбъ— Озеранскій говоръ [2]); въ малорусскихъ говорахъ у Лемковъ мы имѣемъ *ѣ* = дифтонгу *i͡ы́*: лі͡ысъ и под.... [3]); въ млр. же говорахъ мы слышимъ *ѣ* = *ie*: въ Черниговской губ. Сосницк. у.: біє́съ, дієдъ, дієло, на доро́зіє, ліє́со́къ, также: беда́, бежи́шъ и под. [4]), то-же мы имѣемъ въ млр. говорахъ Гродненской губ., Сѣдлецкой—ліє́съ, мніє́, усіє́, сліпы́ и под.; въ Корницкомъ говорѣ Сѣдлец. губ.: сві͡етъ, въ руці͡е и проч., причемъ здѣсь мы имѣемъ варьянтъ въ произношеніи, именно, не только ударяемую *первую* часть дифтонга, но и *твердое е* во второй части этого дифтонга, т. е., вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ *болѣе открытое е* въ дифтонгѣ, чѣмъ въ другихъ млр. говорахъ, напр., въ Черниговской, Гродненской и отчасти въ Сѣдлецкой губерніи въ другихъ уѣздахъ [5]). Вѣроятно, и звукъ *i͡ы́* у Лемковъ имѣетъ во второй части дифтонга довольно открытый звукъ. Наконецъ, въ украинскомъ млр. говорѣ, т. е. въ южно-

---

[1]) См. *Ф. Ѳ. Фортунатова*. Лекціи по стрсл. фонетикѣ. Печатн. изданіе. Стр. 11—12.

[2]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діал. iѣ. III. 19. 25 и друг.

[3]) *Соболевскій*. Ibid. IV. 56.

[4]) *Соболевскій* Ibid. IV. 13. 32. 35. 36.

[5]) Малорусскія *iє* и *ie*, быть можетъ, рефлексы общерусскихъ *i͡eⁱ* и *i͡eᵃ*. Корницкій говоръ см. у *Соболевскаго*: Ibid. IV. 36.

малорусскомъ, мы имѣемъ звукъ *і* вмѣсто ѣ: хліб, сіно, тіло и под.

Что касается свр. говоровъ, то и въ нихъ мы находимъ вмѣсто орѳографическаго *ѣ* частью звукъ *и*, частью дифтонгическое сочетаніе изъ звуковъ *е* и *и*. Такъ, *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: „Изслѣдованія въ области р. фонетики" указываетъ на произношеніе *ѣ* какъ *е*ⁱ въ Олонецкой и Ярославской губерніяхъ, гдѣ звукъ *е*ⁱ слышится даже передъ твердой согласной [1]); въ этомъ звукѣ, конечно, слѣдуетъ видѣть сочетаніе изъ *е* и *і*, образовавшееся изъ древняго ясно слышимаго дифтонга; *Даль* въ своемъ сочиненіи „О нарѣчіяхъ"... (стр. L) говоритъ *о двугласномъ произношеніи и вм. ѣ* въ вятскомъ говорѣ; *Колосовъ* (Замѣтки... Сборникъ II отд. А. Н. Т. XVII. Стр. 222, 293, 323) неоднократно указываетъ произношеніе свр. *ѣ* то какъ *е*, то какъ *и*; наконецъ, въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ *і͡е* вм. *ѣ* довольно часто (см. выше: с.с. *Шаранина*, *Нармушадь*, д. *Норино* и друг.— въ IV-ой главѣ I-ой части) и *і* вмѣсто *ѣ* (см. выше ibid., с.с. *Ветчаны*, *Андроново*, *Парахино*, *Шаранина*, д. *Норино* и друг.).

Сводя все сказанное о произношеніи стараго орѳографическаго ѣ въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, мы будемъ имѣть картину измѣненій звука *ѣ* по мѣстностямъ: этотъ звукъ въ своемъ произношеніи колеблется между дифтонгическимъ сочетаніемъ *і͡е* и звуками *е* и *і* монофтонгическими, проходя въ своемъ измѣненіи черезъ цѣлый рядъ оттѣнковъ дифтонгическаго произношенія, постепенно приближающагося къ монофтонгу типа *е* и типа *і*. Среди этихъ оттѣнковъ въ нѣкоторыхъ говорахъ мы ясно слышимъ дифтонгическое произношеніе *ii*, ясно слышимъ и произношеніе *і͡е*ⁱ и *і͡е*ᵃ. Если къ этому присоединить еще свидѣтельство др. русскихъ памятниковъ, изображавшихъ этотъ звукъ то въ видѣ ѣ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ мы наблюдаемъ произношеніе или дифтонга *і͡е*, или *е*ⁱ закрытое, или *і*, то въ видѣ *и*,—гдѣ нынѣ наблюдается произношеніе *і* или *е* съ извѣстными оттѣнками, то мы будемъ видѣть, что общерусскій звукъ ѣ, дѣйствительно, *былъ дифтонгомъ*, и тѣ говоры, гдѣ дифтонгическое произношеніе его сохранилось, представляютъ, слѣдова-

---

[2]) *Шахматовъ*. Стр. 165 и слѣд.

тельно, образецъ глубокаго архаизма и консервативности въ фонетическомъ развитіи. Наши касимовскіе говоры, какъ видно, примыкаютъ и въ этомъ случаѣ къ типу говоровъ, изъ которыхъ развились сѣверно-великорусскіе говоры. Ясное дѣло, что звуки общевеликорусской эпохи: ẹ̆ (изъ ẹ̆ *въ закрытыхъ слогахъ* и изъ ь въ томъ же положеніи) съ первичной и вторичной долготой [1]) и дифтонгическій звукъ *i͡е* (изъ ẹ̄ долгаго *во всякомъ положеніи*) соединили свою судьбу въ то время и въ тѣхъ говорахъ, когда дифтонгическое сочетаніе *i͡е*, послѣ отдѣленія восточно-русскихъ нарѣчій (общевеликорусскаго нарѣчія) стало въ своемъ произношеніи приближаться *діалектически* къ монофтонгу. Вотъ почему мы до сихъ поръ можемъ *по конечнымъ результатамъ* измѣненія звука ẹ̆ и ẹ̄ (ѣ) различать, во-первыхъ, разную судьбу этихъ звуковъ, во-вторыхъ, различное ихъ происхожденіе изъ основныхъ звуковъ. Такъ, при дифтонгическомъ *'уо* (*ю*о), *о*, *е*, *а* изъ основнаго ẹ̆ (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго *долгимъ*), *мы однако не наблюдаемъ* тѣхъ же звуковъ изъ основнаго ẹ̄ (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго дифтонгомъ *i͡е*), а вмѣсто ихъ видимъ: дифтонгъ *i͡е*, *i͡i*, *i͡ы*, *i*, *e*ⁱ. При сравненіи этихъ двухъ рядовъ мы сразу замѣчаемъ въ первомъ изъ нихъ измѣненіе въ направленіи *къ звукамъ открытымъ* типа *о*ᵃ, а во второмъ—въ направленіи *къ звукамъ закрытымъ* типа *е*ⁱ. Ясно также, что движеніе звуковъ въ первомъ ряду предполагаетъ среднія звенья: *e͡e* съ различными оттѣнками, *ö͡e*, *ö͡ö*; а движеніе звуковъ во второмъ ряду предполагаетъ для русскаго языка звенья: *i͡e*ᵃ, *i͡e*ⁱ, причемъ звено *e͡e*, по моему мнѣнію, въ русскомъ языкѣ уже въ прарусскую эпоху не существовало.

Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, между прочимъ, произношене *ку́пi͡емъ*—буд. вр. 1 л. мн. ч. въ смыслѣ conjunct. adhortativus—; это произношеніе, вѣроятно, слѣдуетъ сопоставить съ млр. формами въ родѣ: *пустíмо*, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ звукъ *і*, а не *и*, слѣдовательно, это произношеніе предполагаетъ этимологическое ѣ; срв. млр. купете и под., куда проникъ *ѣ* изъ другихъ формъ; срв. также: поберiемося, одо-

---

[1]) Звукъ ē долгое изъ ь, конечно, будетъ имѣть позднюю, вторичную долготу сравнительно съ ē изъ ĕ.

шлімо, ідіемъ, ідіемо, ідіете, ходіете, даже позбу́дюмся и т. п. (См. у *Соболевскаго*. Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. 26. 35. 29. 36). Въ блр. говорахъ мы тоже слышимъ: жне́це, пазне́це (=поздните, пов. накл.). Ближе всего къ касимовскому стоитъ бобруйское: хадзіемъ, сядзіеце, абламіеце— пов. накл., хотя въ блр. здѣсь дифтонги *ударяемые*. Срв. касим. купіемъ. (*Соболевскій*. ibid. III. 23. 27) [1].

---

[1]) Въ свой обзоръ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ въ русскихъ говорахъ мы не включили касимовскихъ формъ: игра́јуот, про́сюот и проч.— 3 л. *множественнаго* числа (с.с. Парахино, Фомино, Астахово, д. Новая), а занимались только формами 3 л. *единств.* числа. Это мы сдѣлали потому, что сами не составили опредѣленнаго мнѣнія объ этихъ формахъ *множ.* числа: есть-ли это *аналогія* къ формамъ 3 л. единств. числа, или самостоятельно развившіяся фонетическимъ путемъ формы? Одно только пока мы рѣшаемся сдѣлать: предложить въ видѣ вопроса слѣдующее: нельзя-ли сопоставить вышеприведенныя касимовскія формы съ подобными-же въ чешскомъ и сербскомъ языкахъ, напр., pletou, nesou, hřebou, pekou, zdrihnou и под.—3 л. мн. ч., причемъ въ сербскомъ мы имѣемъ долгіе гласные: то̏нӯ, ӯмиј̑ӯ, пишӯ, сиј̑ӯ и под. также въ 3 л. мн. ч.? Въ нѣкоторыхъ русскихъ акающихъ говорахъ, именно, въ нашемъ касимовскомъ мы имѣемъ тутъ также долготу: но́сют, беру́т, пла́цут, пъцыта́ют—3 л. мн. ч. (Расторгуево, Катово, Снохино, Парахино и др.); въ вятскомъ окающемъ говорѣ наблюдателями показано произношеніе также съ долгимъ гласнымъ: беру́т (см. выше) При сопоставленіи этихъ фактовъ, кажется, можно видѣть, что старина тутъ за нашими касимовскими формами. Можетъ быть, въ гласныхъ: чш. *ou*, серб. *ӯ*, русск. *уо* и *ӯ* мы имѣемъ указаніе на видоизмѣненія основного гласнаго носового, стрсл. ѫ, такъ какъ основной гласный *ǫ* могъ съ теченіемъ времени дать въ результатѣ своихъ діалектическихъ измѣненій звукъ *у* (*u*) лишь при посредствѣ какого-либо звука *uo*. Срв. *Шахматова*, который говоритъ· «Мнѣ представляется вѣроятнымъ допустить переходъ *о* носового въ прарусскомъ языкѣ въ uo и объяснять прарусское же *u*, какъ результатъ дальнѣйшаго измѣненія uo (перешедшаго непосредственно въ uu): распаденіе гласнаго *о* въ uo стояло бы въ зависимости отъ потери имъ носового свойства, вознаграждало, именно, эту потерю. Равнымъ образомъ io (jǫ) переходило въ iu (ju) черезъ посредство iuo (juo)». См. его литографированный курсъ лекцій по русскому языку въ Моск. Унив. 1890-1891 академич. года. Стр. 129. Если мы находимъ въ глагольныхъ формахъ русскихъ говоровъ дифтонгическое сочетаніе *уо* въ 3 л. множ. ч. подобно вышеприведеннымъ формамъ касимовскихъ говоровъ, то приходится уже нѣ-

Такимъ образомъ, параллельное разсмотрѣніе звуковъ, соотвѣтствующихъ др. русскому начертанію ѣ, въ касимовскомъ и другихъ современныхъ русскихъ говорахъ насъ привело къ слѣдующимъ результатамъ: звукъ ѣ еще въ обще русскомъ языкѣ былъ *дифтонгомъ*, это дифтонгическое произношеніе изъ общерусскаго языка получено было и обособившимися восточно-русскими нарѣчіями, т. е. той частью общерусскаго языка, которая легла въ основаніе будущаго свр и блр. нарѣчій; ювр. говоры выдѣлились несомнѣнно изъ особой части общевеликорусскаго языка (общевосточнорусскаго); нашъ касимовскій говоръ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій, изъ которыхъ и свр и блр. говоры.

Глава III-ья.

О прочихъ гласныхъ звукахъ.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ лишь нѣкоторыя явленія вокализма нашихъ говоровъ древнихъ и современныхъ, именно, тѣ явленія, которыя, по нашему мнѣнію, должны имѣть новое объясненіе послѣ изслѣдованнаго нами говора Касимовскаго уѣзда, а также тѣ явленія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ явленіямъ говора въ Касимовскомъ уѣздѣ. Прежде всего замѣчу, что здѣсь я не буду касаться такъ называемаго *аканья*, понимая подъ этимъ терминомъ произношеніе предударныхъ звуковъ *о* и *е*, какъ *а* и *'а* (*я*), хотя и буду гово-

---

сколько измѣнить мнѣніе о *прарусскомъ и* изъ *о* носового въ томъ смыслѣ, что при звукѣ *и* въ діалектахъ прарусскаго языка, вѣроятно, уже было извѣстно и сочетаніе *uo* изъ носового *о*. Конечно, это допущеніе можетъ быть сдѣлано лишь въ томъ случаѣ, если наши русскія діалектическія формы съ сочетаніемъ *уо* не представляютъ изъ себя явленій позднѣйшей аналогіи. Впрочемъ, сравненіе съ чешскими и сербскими формами указываетъ во всякомъ случаѣ на путь измѣненій основного *о* носового въ той части общеславянскаго языка, которая утратила носовой элементъ основного праславянскаго звука ǫ. Вѣроятно, въ этой части общеславянскаго языка было извѣстно еще до распаденія послѣдняго сочетаніе *uo* изъ ǫ. Тогда понятна и долгота, и дифтонгическія сочетанія въ сербскомъ, чешскомъ и діал. русскомъ.

рить вообще о звукѣ *а* нашихъ говоровъ. Это я дѣлаю потому, во-первыхъ, что объ аканьѣ въ указанномъ смыслѣ было уже говорено мною въ моей первой работѣ по діалектологіи, а, во-вторыхъ, потому, что аканье касимовскихъ говоровъ я считаю явленіемъ, не принадлежащимъ собственно фонетикѣ тѣхъ русскихъ говоровъ, слѣды которыхъ сохранены намъ въ касимовскихъ говорахъ; это явленіе въ нихъ—позднѣйшее, заимствованное изъ ближайшихъ сосѣднихъ говоровъ южной части Рязанской губерніи, которая, очевидно, первоначально представляла собой типъ древнихъ русскихъ говоровъ, отличныхъ отъ говоровъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ касимовскихъ, ведущихъ свое начало отъ говоровъ типа окающаго, т. е. типа со звуками $о^у$ и $е^о$ въ предударномъ слогѣ, а не типа акающаго, т. е. типа со звуками $о^а$, $е^а$ въ означенномъ положеніи. Какъ мы уже говорили въ I-ой части нашего труда, весь характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ указываетъ намъ наглядно на то обстоятельство, что эти говоры сохранили намъ въ своемъ звуковомъ составѣ доказательства своего особаго происхожденія, отличнаго отъ говоровъ *чисто акающихъ*, южно-великорусскихъ. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, какъ было сказано, мы понынѣ наблюдаемъ постепенное вымираніе старыхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній (слитные согласные, дифтонги, долгота, дифтонгическое *ѣ* и друг.) и приближеніе ихъ къ сосѣднимъ говорамъ. Это же мы говорили въ своей магистерской диссертаціи *по поводу нѣкоторыхъ данныхъ изъ Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи.* Очевидно, мы имѣемъ на ряду съ явленіями поздняго происхожденія въ нашихъ касимовскихъ говорахъ явленія глубочайшей древности лишь потому, что эти говоры какъ бы забились въ медвѣжій уголокъ, гдѣ долѣе другихъ могли сохранять свой первоначальный звуковой составъ и жить особою жизнью древодѣловъ и дроворубовъ.

§ I. Остановимся прежде всего на явленіи произношенія звука *'а* (*'$а^е$*) изъ *и* въ нашихъ говорахъ.

Въ первой части своего труда мы указали произношенія: да́ля = да́ли, вы́пйля = выпили, ҫѣ́яля = сѣяли и проч., а также: дѣ́хькя = дѣвки, с рибя́тъмя, са́мя и мн. др. Наши касимовскія формы въ родѣ *да́ля*, *ҫѣ́яля* и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ *'$а^е$*, т. е. звукомъ, который

по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою ѣ въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на—лѣ. Мнѣ кажется, въ виду діалектическихъ произношеній этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ, что конечное ѣ древне-русскихъ формъ означало звукъ *открытый*, а *не закрытый*, и я такъ думаю вопреки уже высказанному въ ученой литературѣ мнѣнію о закрытости этого древне-русскаго ѣ.

Современная русская діалектологія, какъ увидимъ, заставляетъ насъ вести наши конечные звуки въ этихъ формахъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ изъ древне-русскаго *открытаго*, а не закрытаго звука. Изъ всѣхъ ниже приводимыхъ данныхъ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говоровъ ясно видно, что разсматриваемыя формы причастій, а равно и формы, близкія по произношенію къ нашимъ: дѣхькя, са́мя и под., извѣстны въ большей части русскихъ говоровъ, причемъ въ древне русскомъ языкѣ мы для каждой изъ этихъ формъ можемъ указать, какъ будетъ видно ниже, ея первоначальный видъ, какъ онъ переданъ въ древне-русской орѳографіи. Сравнивая приводимыя ниже данныя между собой, мы устанавливаемъ главнымъ образомъ фактъ фонетическаго перехода конечнаго звука *и* въ открытомъ неударяемомъ слогѣ въ звукъ *'а* при посредствѣ звуковъ: и^е—ј̣е^а—ј̣ä; вотъ послѣдній-то звукъ изъ этого ряда мы и видимъ въ древне русскомъ ѣ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ разсматриваемыхъ формъ. Замѣтимъ, что этотъ законъ перехода звука конечнаго *и* въ открытый звукъ типа *е* обнаруживалъ свое дѣйствіе лишь *въ неударяемыхъ* слогахъ и стоялъ первоначально только въ зависимости отъ ударенія, какъ показываютъ подобныя формы въ блр. и млр. нарѣчіяхъ; въ великорусскомъ же нарѣчіи этотъ законъ получилъ широкое распространеніе со времени XIV вѣка, когда замѣчается открытое произношеніе конечнаго звука *е* не только изъ древняго *и*, но и изъ древняго *е*, напр., въ окончаніи 2-го лица множ. ч. глаголовъ—*те*. Замѣчательно, что нынѣ мы слышимъ *какъ въ акающихъ*, *такъ и въ окающихъ нарѣчіяхъ* произношеніе съ конечнымъ *е*^{а}—*'а* неударяемымъ въ формахъ, въ родѣ: „сидя́тя", „не'ся́тя" при „нися́тя" и проч. Значитъ, явленіе *общерусскаго языка* съ теченіемъ

времени, по выдѣленіи восточно-русскихъ нарѣчій, получило дальнѣйшее развитіе въ этихъ послѣднихъ: именно, тотъ фактъ, что нынѣ мы имѣемъ въ акающихъ говорахъ произношеніе „да́ли", „дѣ́фьки", „са́ми" и проч. при „да́йтя", „сиди́тя" и проч., между тѣмъ какъ въ окающихъ говорахъ мы имѣемъ: „да́ля", „дѣ́хькя", „са́мя" и проч. при „да́йтя", „сиди́тя" и проч., показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ разными процессами фонетическаго измѣненія конечнаго *и* и *е* въ акающемъ и окающемъ говорахъ. Тотъ фактъ, что конечное *и* первоначальное не было вовлечено въ аналогію процессомъ аканья въ акающихъ нарѣчіяхъ, показываетъ намъ, что въ группѣ говоровъ, развившихъ у себя аканье, конечное *и* при указанныхъ условіяхъ *не переходило въ открытый звукъ*. Итакъ, это расширеніе звука *и* есть явленіе свр. фонетики. Приведемъ примѣры. Напримѣръ, въ Смоленской Лѣтописи Авраамки мы находимъ: а намѣсницѣ Московьскыи Андрѣевы *сбѣжалѣ*—Стр. 57. а въ Пьсковѣ *почалѣ* бяше грабить недобрѣи люди—60. что *сѣдѣлѣ* в тали—62. и слово правое *далѣ*—67. а сами *побѣжалѣ* въ нѣмѣчкый городокъ—70. хто что *вынесле* на поле—72. чтобы есте *поборонилѣ* насъ отъ нѣмець—75. а мужій моихъ *побилѣ*—81. а нашихъ *пострѣлилѣ*—92. а в Новѣгородѣ *принялѣ*—93. двожды *шлѣ* Новгородци Волгою—94. а иныи истопоша безъ вѣсти и *поплылѣ* внизъ по Тфѣрци—98. а иніихъ *поималѣ* и *повязалѣ*—101. и Колмогорыువземь и *пожглѣ*—164. три церквѣ *съжглѣ*—172. твои слы *водилѣ* суть цари ротѣ—230 и друг. Срв. въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. (сп. F.): абыша... тои правды *держалѣ*—Р.-Лив. Акты. Стр. 423. (Срв. въ спискѣ, изданномъ Дубенскимъ въ Русск. Достопамятностяхъ. II. М. 1843. Стр. 249: а быша три правды *держалѣ* и в вѣкы). Мы не можемъ считать этихъ написаній выражающими звукъ *и* на концѣ словъ, во-первыхъ, потому, что въ этихъ памятникахъ, хотя и замѣтна мѣна *ѣ* и *и*, но она особенно ясна лишь тамъ, гдѣ *ѣ* стоитъ вмѣсто *и* *подъ удареніемъ* (ви́ту—Смол. Лѣт. 76. бесчѣслено—ib. 86 и мн. др.); тамъ-же, гдѣ *ѣ* не подъ удареніемъ, оно можетъ выражать и не чистый звукъ *и*, тѣмъ болѣе, что *ѣ* въ этихъ случаяхъ часто стоитъ и не вмѣсто *и* (гостѣй—70. Тфѣ́рь—70. тѣсть—99. Смолѣ́ньску и Смоле́ньску—Грамота 1229 г. ib. и друг.); во-вторыхъ, потому, что далеко не во всѣхъ памятникахъ, имѣющихъ *ѣ* вмѣсто *и*, мы

находимъ эти формы съ конечнымъ *ѣ*. Напр., въ Лаврентьевскомъ спискѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1377 г., гдѣ мы имѣемъ: обърѣнъ и объринъ (фототип. изд. л. 8.), конѣхъ и конихъ—л. 30, печенѣзи—л. 45, насмѣхаются и насмисаються—л. 117. столб. 1, по истѣнѣ—л. 132. ст. 1. и по истинѣ—л. 135. столб. 2. суздалцѣ и суждалци—л. 170. ст. 2. и мн. др., при этомъ, сколько знаю, мы находимъ только одну форму на—*лѣ*[1]). Между тѣмъ въ Ипатскомъ спискѣ той же лѣтописи мы читаемъ: *сѣлѣ* суть—л. 5. столб. 1. (фототип. изд.), *пришлѣ* бѣша—л. 9. ст. 1, суть *вдалѣ*—л. 12. столб. 2, *изошлѣся* суть—л. 40. столб. 1, бяху *оубилѣ*—л. 43. ст. 2, бѣша *пожьглѣ* половци—л. 189. ст. 2. и др. и при этомъ тоже находимъ и *ѣ* вмѣсто *и*. Шахматовъ[2]) приводитъ еще данныя изъ памятниковъ XIV и XV вѣка: кралѣ, видилѣ, побилѣ, послалѣ, былѣ... (изъ Русской Правды, изъ того-же списка Смол. Грамоты 1229 г., изъ котораго мы привели выше: держалѣ, изъ Новг. Лѣтоп. XV в.). При этомъ замѣтимъ, что, насколько намъ извѣстно, въ Новгородской лѣтописи по Синод. списку XIV в. такихъ формъ опять нѣтъ. Въ Двинской Духовной Грамотѣ мы опять находимъ: А что порубили Тойвита въ поральѣ, *выдалѣ* голецъ Ѳедору.. АЮ. № 409. (XI)—XIV—XV в. Наконецъ, въ виду того, что въ современныхъ намъ говорахъ мы находимъ такія формы, какія мы привели выше въ рѣчи жителей Парахинской волости Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, мы не можемъ объяснять и написаній древне-русскихъ памятниковъ графическими причинами или звуковымъ тождествомъ *ѣ* и *и*. *Свидѣтельство живыхъ говоровъ—самое важное*: здѣсь должно было это *ѣ* имѣть какой-либо звуковой оттѣнокъ въ рѣчи писцовъ, употреблявшихъ эти написанія; этотъ оттѣнокъ, вѣроятно, приближалъ это *ѣ къ открытому, а не закрымому* звуку; можетъ быть, къ звуку—*ӓ*. Я склоненъ сопоставлять эти формы съ такими, какъ *е́смя*, *дворя́ня* и проч. Срв. *дѣтмѣ*—у Шахматова (Изслѣдованія... Стр. 250) и приведенное нами выше Парахинское: рибя́тъмя, а также пермское: столами добо́вымя, цве-

[1]) Мы знаемъ только одинъ примѣръ: бѣ бо стополкъ с володимеромъ рядъ имѣлѣ—л. 185. ст. 1.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія... Стр. 168-169. Срв. 249—252.

то́чкимя а́ленькимя, фсемя́ городами [1]), а также: села съ поселками въ Олонецкомъ говорѣ (Рыбниковъ. III. 372). Въ виду этихъ данныхъ приходится признать, что это былъ звукъ *открытый* въ означенномъ положеніи, а *не закрытый*. Вѣроятно, въ образованіи этого звука участвовала какая-нибудь аналогія [2]), такъ какъ звуки: *е—і—'а* въ различныхъ говорахъ чередовались и чередуются до сихъ поръ въ конечныхъ открытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Я дѣлаю свое предположеніе, но не претендую на его доказательность и долженъ сказать, что это явленіе вообще загадочное въ др.-русской письменности, и я не нахожу удовлетворительнаго объясненія для этого явленія ни у Соболевскаго [3]), ни у Шахматова, ни у кого другого. Кажется, то обстоятельство, что мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ грамотахъ эти формы на—*лъ* съ формою глагола *есмѧ*, *есмя*, говоритъ въ пользу предположенія о возможности вліянія на эти формы формъ глагола ѥсмъ—ѥсмѧ, но въ основѣ своей, всетаки, это явленіе *фонетическое*. Сравни: той товаръ *творилъ* есмя, *взялъ* есмя, есма *доконцялъ*,

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Очеркъ р. діалектологіи Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 23.

[2]) См. у *Шахматова*. Изслѣдованія въ области р. фонетики. Стр. 212—221. Срв. стр. 250—252.

[3]) *Соболевскій* въ своихъ «Лекціяхъ» не останавливается на этомъ явленіи: онъ нигдѣ не объясняетъ, какъ онъ смотритъ на это явленіе, хотя нѣсколько разъ приводитъ подобныя формы; см. стр. 146. 211. 217. Въ статьѣ «Смѣшеніе родовъ» мы читаемъ: «Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на—*лъ*), которыя употребляются теперь исключительно, какъ сказуемыя, сохранили для подлежащихъ всѣхъ родовъ только одну старую форму—форму муж. рода, такъ что мы говоримъ теперь *шли*, *ѣхали*, *дали* при подлежащихъ и муж., и женск., и средн. рода». Лекціи². Стр. 191. Въ фонетикѣ тоже не находимъ указаній. Зато въ его «Изслѣдованіяхъ въ области р. грамматики». (В. 1881) мы находимъ относящееся къ данному вопросу: формы: человалѣ, переступилѣ и т. д. Соболевскій объясняетъ вліяніемъ формъ мягкихъ основъ на—*ь* на формы твердыхъ основъ (Стр. 30—35). Здѣсь приведены и блр. формы: *быля*, *хадзи́ля* (виленск.), и Соболевскій объясняетъ эти формы такъ-же, какъ и я: здѣсь *я* изъ *ѣ*. Но съ объясненіемъ его формъ на—*мя* (ibid. 49—53) едвали можно согласиться: срв. касим. *са́мя* и древне-русское *са́мъ*—въ Ипат. сп. лѣтописи (ib. 35). Другое дѣло: рибя́тъмя....

есмя *спустилѣ*, *цѣловалѣ*, *былѣ*, *взялѣ*—Рус.-Лив. Акты № 96. (1373 г.); или: есме *отдалѣ*, а потомъ: *взялѣ* есте, есте *прислалѣ*..., *порубилѣ*, *погорѣле*, *поимале*, *повѣстовалѣ*, *побилѣ*, *човалѣ*... ibid. № 115 (1392 г.). По крайней мѣрѣ, послѣ изслѣдованія говора жителей Касимовскаго уѣзда можно, кажется, утверждать слѣдующее: это конечное *ѣ* выражаетъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ письменности звукъ открытый, колеблющійся между *'а* и *'е*, на это указываютъ современные говоры: касимовскій и пермскій; далѣе, это звуковое явленіе, какъ прежде, такъ и теперь, наблюдается *въ говорахъ цокающихъ и чѐкающихъ* и, быть можетъ, въ говорахъ, сохранявшихъ долѣе другихъ свои дифтонги; наконецъ, по памятникамъ письменности видно, что это явленіе не особенно старое: ранѣе XIV-го вѣка его нельзя прослѣдить по памятникамъ [1]), а къ этому-же времени приблизительно становится замѣтнымъ подобный фонетическій процессъ и въ другихъ образованіяхъ: есми - есме—есмя, есте—естя, купи́те—купи́тя, дади́те—дади́тя. Можетъ быть, формы на—*те* были исходнымъ пунктомъ такихъ образованій, и это—*е* было открытымъ не только въ будущихъ акающихъ говорахъ, но и въ окающихъ говорахъ, которые очень рано стали умѣренно а́кать [2]). Насколько знаю, ни въ современныхъ бѣлорусскихъ, ни въ современныхъ малорусскихъ говорахъ мы не имѣемъ теперь такихъ произношеній въ большомъ количествѣ, но слѣды ихъ должны быть, и кое-что мы видимъ въ памятникахъ древней письменности и живой рѣчи [3]) современныхъ бѣлоруссовъ. Напр. млр.: говорелє, розлучелє—Пинск. у. (Жив. Ст. 1892. IV. 24).

Если взять за типъ словъ, которыми мы сейчасъ занимались, слѣдующія: „сами“, „ребятами“, „дали“, (сѣяли), „дѣв-

1) *Колосовъ*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р. языка... Стр. 104. 114. 132. 170. Формы только съ XIV в.

2) *Шахматовъ*. Ук. Соч. Стр. 295 (говоры со звукомъ $о^а$ въ предударномъ слогѣ).

3) Срв. предыдущ. стр. примѣч. 3. Блр. виленск.: быля́, хадзи́ля, весе́линькимя и др. Срв. *Карскаго*. Обзоръ... Стр. 46 (звукъ—ӓ). Наконецъ, формы на—*лѣ* мы имѣемъ и въ Волынской лѣтописи. *Колосовъ*. Очеркъ. Стр. 171 (Впрочемъ, можетъ быть, это особенности сѣверянина—переписчика).

ки", то выйдетъ, что для современнаго мѣстнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ мы имѣемъ вмѣсто приведенныхъ выше слѣдующія произношенія: са́мя, рибя́тъмя, да́ля, (сѐа́ля), дѐхькя. Во всѣхъ этихъ словахъ мы имѣемъ въ современномъ касимовскимъ говорѣ звукъ *'а*ᵉ или *'е*ᵃ изъ основного *и* (предполагая „сами"—для муж. р. им. п. мн. ч. форму на—ами, какъ заимствованную изъ именъ женскаго рода на—*а* еще въ древне-русскомъ языкѣ XIII-го вѣка, „дали",—какъ форму для им. п. мн. ч. муж. рода, и въ словѣ „дѣвки" изъ дѣвъкы звукъ *к* уже смягченнымъ издавна). Ясное дѣло, что этотъ звукъ—*и* перешолъ черезъ другія ступени прежде. чѣмъ стать звукомъ открытымъ, и эти ступени мы нашли въ древне-русскихъ памятникахъ въ написаніяхъ съ—*ѣ*, которое въ этихъ формахъ было, конечно, звукомъ открытымъ: мы видѣли древне-русскія: самѣ, далѣ, совр. пермск. формы на—*мя*, блр. формы на—*ля*,—*мя*, касимов. на—*мя*,—*ля*,—*кя* съ особымъ звукомъ *'а*, и для формъ касимов. въ родѣ *дѣхькя* находимъ въ бѣлорусскомъ: ру́чкѣ мые, при: дзѣвкѣ вино выпили, мужи́кѣ, во́вкѣ или вѣ́нкѣ, дво́рѣ... (*Соболевскій*. Лекціи². Стр. 167. 163). Соболевскій видитъ въ такихъ формахъ результатъ смѣшенія твердыхъ и мягкихъ основъ, слѣдовательно, явленіе не фонетическое, но я не могу себѣ представить. чтобы въ русскомъ языкѣ XIV-го вѣка (не ранѣе: формы въ родѣ: Варлааме вдале... сюда не относятся) формы мягкихъ основъ на—*ѣ не подъ удареніемъ* въ живомъ произношеніи были *настолько явственны* для слуха и настолько многочисленны, чтобы вовлечь въ аналогію съ собой всѣ вышеразсмотрѣнныя и подобныя слова. Мнѣ кажется, что здѣсь слѣдуетъ искать *фонетическаго* закона: вѣроятно, что въ группѣ восточно-русскихъ нарѣчій, давшей начало великорусскому нарѣчію, конечный звукъ *и* приближался діалектически къ звуку *е* черезъ предполагаемую мною группу звуковъ ӏе; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени звуки ӏе—е изъ *и* совпали въ своей исторіи съ звуками *е*—*ѣ* изъ *'е* и *іе*; вотъ почему мы имѣемъ въ этихъ формахъ и *ѣ*, и *е* въ той части говоровъ, отъ которой пошли сѣверно-великорусскія нарѣчія и сѣверно-бѣлорусскія; поэтому мы имѣемъ и формы неопредѣленнаго наклоненія, съ одной стороны, на—*ти*, съ другой,—на—*тѣ*,—*те*. При взаимномъ вліяніи и столкновеніи разныхъ говоровъ, въ эпоху аканья, съ того-же XIV-го вѣка (можетъ быть и ранѣе), говоры ака-

ющіе придали кое-гдѣ особую окраску этому конечному звуку, а равно получились и въ окающихъ говорахъ особые оттѣнки, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно теперь усматривать прошедшую судьбу этихъ конечныхъ звуковъ *е* и *и*. Напримѣръ: въ Новгородскихъ купчихъ XIV—XV вѣка читаемъ: тимъ *володѣтѣ* Ѳедору Макарову—АЮ. № 71. (VI); Лавр. лѣтопись: не творите—неопр. н. — л. 40 (фототип. изд.); въ Ипатск. спискѣ лѣтописи: нача пѣтѣ—л. 97. столб. 2. Срв. нача пѣти—л. 97. столб. 2 (фототип. изд.). Сравни въ современномъ Новгородскомъ говорѣ: будите—неопр. н., знобите—неопр. н. Колосовъ приводитъ [1]) еще формы: скопите, купите, носите—неопр. н.—изъ пѣсни Псковской губерніи въ Сборникѣ Шейна и форму—узяте [2]) изъ Грамоты 1229 г. Съ формами касимов. дѣхькя. блр. дзѣвкѣ, ру́чкѣ слѣдуетъ сопоставлять новгор. (валдайск.): *ягодке* вм. ягодки [3]). Если форму „нѣтути" считать древнѣйшей (нѣту-ти), то написаніе Ипатск. списка лѣтописи: нѣтутѣ—л. 89. ст. 1. свидѣтельствуетъ о томъ же фонетическомъ процессѣ; срв. нѣту́ть [4])—ib. л. 89. ст. 2.

§ II. Совершенно обратный фонетическій процессъ происходилъ съ конечнымъ звукомъ *'а* (стрсл. ѧ) въ открытомъ слогѣ, въ мѣстоименіи *сѧ*, присоединяемомъ къ глаголу. Здѣсь мы наблюдаемъ еще общерусское явленіе фонетическаго *суженія* этого конечнаго *'а* въ *і* черезъ ступень *е*. Въ разсужденіи этого фонетическаго явленія надо принять во вниманіе, что мѣстоименіе *сѧ* при глаголахъ образовало вмѣстѣ съ глаголомъ *одно* слово, которое и чувствовалось, именно, какъ *одно* слово еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстно было раздѣльное употребленіе глагола и мѣстоименія *сѧ*, а такихъ случаевъ, какъ показываетъ древне-русская письменность и современная діалектологія, представляющая дальнѣйшую судьбу этихъ глагольныхъ формъ въ разныхъ говорахъ, было гораздо больше въ русскомъ языкѣ, чѣмъ случаевъ раздѣльнаго употребленія глагола и мѣстоименія *сѧ*. Такимъ

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... Сборникъ отд. р. яз. XVII. 1877. Стр. 11. прим. 3. Стр. 12. прим. 1 (переносъ со стр. 11).

[2]) Русско-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 426, 430 и др. вездѣ—*и*.

[3]) *Колосовъ*. Ibidem. Стр. 12. прим.

[4]) На л. 150. столб. 2. мы имѣемъ: нѣтути.

образомъ, фонетическій процессъ суженія конечнаго *неударяемаго 'а* въ открытомъ слогѣ обнаружился со всею яркостью и замѣчательной послѣдовательностью въ глагольныхъ формахъ на—*ся*, именно, потому, что эти глагольныя формы не сознавались, какъ сложныя изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, а сознавались, какъ *простыя* слова, въ которыхъ и обязательно было обнаруженіе дѣйствія фонетическаго *закона*

Если мы въ § I нашли, что общерусское конечное неударяемое *и*ᵉ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ измѣнилось въ извѣстной средѣ (будущихъ окающихъ говоровъ) по направленію къ звуку *а* подъ вліяніемъ законовъ сѣверно-великорусской фонетики, то въ вопросѣ о конечномъ общерусскомъ неударяемомъ звукѣ *'а*ᵉ мы увидимъ, что измѣненіе этого звука не въ однихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, а *во всѣхъ нарѣчіяхъ* русскаго языка шло по направленію къ звуку *і*. Слѣдовательно, данныя языка насъ должны убѣдить въ томъ, что этотъ процессъ начался еще въ прарусскую эпоху и былъ общимъ для всѣхъ нарѣчій русскаго языка. Нельзя думать, что это явленіе позднее, такъ какъ мы не имѣемъ графическаго выраженія его въ *древнѣйшихъ* памятникахъ письменности, потому что противъ такого мнѣнія стоитъ свидѣтельство *всѣхъ* современныхъ русскихъ говоровъ и свидѣтельство *тѣхъ* памятниковъ русскаго языка XIV вѣка, ороографія которыхъ была ближе всего къ ороографіи фонетической. Остается только неяснымъ, почему этотъ законъ не проявлялся *во всѣхъ* случаяхъ, гдѣ было конечное *'а* въ неударяемомъ положеніи, но на этотъ вопросъ можно отвѣчать пока лишь гадательно, предполагая причину этого въ томъ, что предшествующій согласный *с* имѣлъ какое-либо вліяніе на измѣненіе слѣдующаго за нимъ звука *'а*.

Трудно, почти невозможно, по моему мнѣнію, допустить, что разсматриваемое измѣненіе звука *'а* обязано своимъ появленіемъ и сохраненіемъ *во всѣхъ* русскихъ говорахъ тѣмъ *немногочисленнымъ* случаямъ, въ которыхъ было извѣстно въ древне-русскомъ и старославянскомъ языкахъ употребленіе дательнаго падежа *си* при глаголахъ. А главное, что при такомъ предположеніи намъ придется игнорировать формы стараго и современнаго русскаго языка на—*се*, формы, извѣстныя въ *громадномъ количествѣ* и образовавшіяся, несомнѣнно, *фонетическимъ путемъ*.

Такъ, мы имѣемъ, напримѣръ, въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе—1 л. ед. ч.—*Востоковъ*. Описаніе ркп. Рум. Муз. № LXVII. Срв. АЮ. № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ.

Въ современныхъ говорахъ мы имѣемъ всѣ окончанія: *а* (*'а*), *е* и *и*. Такъ, въ сѣверно-великорусскомъ мы имѣемъ: опуститься, биться, бороться и друг.—Олонец. (Истоминъ. Пѣсни. 34), боротца—46, срв. 49. 84 и друг.; *се*: стр. 35, 44, 48, 71, 87, 105, 117, 129, 130; женитьсе, вѣньцятьсе, просшатьсе—148—Арханг.; просшатсе—222—Арханг. и др. (если записи вѣрны);—*си*: стр. 47. Олонецк. и друг. Срв. у *Колосова*. Замѣтки... ibid. Стр. 11. 168. 25 прим. 2: шата́тьцы... Срв. въ Сборникѣ Гильфердинга: напивалиси, наѣдалиси—Столб. 100. срв. столб. 12, 98, 106, 134 и друг.

Въ бѣлорусскомъ: мали́лиси, но: покло́нюцця—3 л. мн. ч., аста́цци, сабра́лиси, кылыхни́ся, гадзи́цця—неопр. н.; есть возвр. залоги на—*са* (Рѣчицк. у. Минск. губ.), на—*ця*,—*са* въ Мозырск. уѣздѣ, на—*се*: жени́цисе—Минск. у., Бобруйск. у. и друг. [1]).

Въ малорусскомъ нарѣчіи: озва́тьсє, обеща́ўса, дивiтса, крийса, хвалiўса, бою́са, судiлосе, женытыся, боiцє, бою́сє, бьєцє, бьєсє, бьєся, даєсi, даєсе. даєси и друг. [2]).

Такимъ образомъ, это явленіе надо отнести къ эпохѣ общерусскаго языка или даже къ эпохѣ прарусскаго языка. Въ самомъ старославянскомъ языкѣ мы имѣемъ въ извѣстныхъ случаяхъ глаголы возвратнаго залога на—*сѧ* и рядомъ на—*си*. При глаголахъ: съжалити си, сътѫжати си и подобныхъ мы имѣемъ одновременно и глаголы другого управленія, но думаю, что въ русскомъ языкѣ съ теченіемъ времени, когда конечное—*сѧ* (—*с'а*) при глаголахъ перестало сознаваться, какъ особое слово или какъ винительный падежъ мѣстоименія, это мѣстоименіе стало просто концомъ слова, его окончаніемъ, и подчинилось относительно своего гласнаго звука общему фонетическому закону. Мнѣ кажется сомнительнымъ объясненіе русскаго *се* (сѣ) изъ *си* подъ вліяніемъ *себѣ* [3]): въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣ-

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Ст. 1892 г. Вып. III. passim.

[2]) Ibidem. Вып. IV. passim.

[3]) *Соболевскій*. Изслѣдованія въ области р. грам. Стр. 60—63.

емъ формы: мі, ті, сі для дат. падежа, гдѣ ясно отношеніе ихъ къ формамъ на—*ѣ*, но онѣ ничего общаго фонетически не имѣютъ съ древними формами: ми. ти, си; формы-же на—*ѣ*: мѣ, тѣ, сѣ только предполагаются, но живыми говорами ихъ доказать нельзя; мы имѣемъ теперь въ касимовскомъ говорѣ: у мня́. у мя́, у тя́ при: у меⁱня́, у теⁱя́, у сеⁱя́, откуда можно вывести, что первыя, дѣйствительно, образовались изъ вторыхъ путемъ выпаденія или сокращенія звуковъ; но формъ: ми или ме (мѣ), ти или те (тѣ), си или се (сѣ) мы не видимъ въ живыхъ влкр. говорахъ, если не считать такихъ выраженій, какъ: я те дамъ!, гдѣ опять видно сокращеніе *те*, которое звучитъ *теⁱ*, изъ теѐ—тебѐ. Вообще, этихъ формъ для дат. падежа личныхъ и возвратнаго мѣстоименій, какъ отдѣльныхъ словъ, мы совсѣмъ не видимъ, въ особенности, формы для 1-го лица: меⁱ, ме, мѣ, а она должна бы была гдѣ-нибудь сохраниться, еслибы она была. Форма же *ся*, *се*, *си* извѣстна только, какъ окончаніе нѣкоторыхъ словъ, причемъ первая въ говорахъ еще встрѣчается, но опять, какъ сокращенная изъ *себя́*.

Кромѣ того, вышеприведенныя млр. боюсє и под. говорятъ своимъ звукомъ є противъ формъ на—*ѣ* или на—*и*. Если мы имѣемъ такія формы, какъ: *спусте* на третей день— АЮ. № 10 (1503 г.), то мы вправѣ видѣть и въ формѣ: *сужусе* тотъ-же фонетическій процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ *'е* и, наконецъ, въ *и*. Точно такъ-же млр. суділосє, даєсє и под (см. выше) говорятъ своимъ конечнымъ звукомъ *є*, не смягчающимъ предшествующую согласную за *фонетическій* процессъ: еслибы здѣсь чувствовался дательный падежъ—*си*, то—*се* не получилось бы; еслибы здѣсь чувствовался дат. падежъ—*сі* (изъ—*сѣ*, которое, въ свою очередь, образовалось подъ вліяніемъ, будто-бы, формы—*себѣ*), то точно такъ-же въ глаголахъ не получилось бы -*се*. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что надо отдѣлить мѣстоименія, какъ особыя слова, отъ того возвратнаго мѣстоименія, которое издавна слилось съ глаголами и переживало въ жизни русскаго языка общую судьбу съ словами, въ которыхъ не было сложенія съ мѣстоименіемъ, но которыя имѣли одни и тѣ-же окончанія съ этими сложными глаголами. Въ эпоху измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ характера ударенія въ русскомъ языкѣ, не-

ударяемый конечный гласный здѣсь подвергся извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ. Точно такъ и появленіе звука *ц* изъ *тс* въ глаголахъ, думаю, началось съ процесса отвердѣнія конечнаго—*т* въ 3 л глаголовъ или, лучше сказать, обусловлено твердымъ конечнымъ—*т* въ 3 л. глаголовъ въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которые имѣли это твердое—*т* искони или раньше другихъ говоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ говорахъ, которые теперь имѣютъ 3 л глаголовъ на—*ть*, замѣчается и мягкое *ц*, а не твердое, въ глаголахъ возвратнаго залога, напр , въ вышеприведенныхъ формахъ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій: твердое *т* повлекло за собой отвердѣніе—*с* и дало твердое *ц*. Срв. АЮ. № 19: возитца, вывезутца; № 21: битца; № 30: имянуетца, напиватца; № 69: уставитца, объявитца; № 92: доведетца; № 96: ставитца; № 98: вступатца, учинитца; № 99: вступатца, учинитца и мн. др. Формы неопредѣленнаго наклоненія, естественно, совпали в массѣ глаголовъ съ формою 3-го лица наст. времени, отсюда: уставитца, ставитца, учинитца и др., а нѣкоторые глаголы при звуковомъ совпаденіи въ обѣихъ формахъ стали различаться только удареніемъ: во́зитца, объя́витца и мн. др. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ 3 л. глаголовъ имѣетъ мягкое—*ть*, и неопредѣленное наклоненіе, кажется, сохраняетъ мягкое *ц*, которое поддерживается общей массой формъ 3-го лица ед. и множ. числа: блр. аста́цци, гадзи́ццзя. Замѣчательно, что при неопр. наклоненіи на—*ти* (млр.) вообще рѣдки формы съ твердымъ—*с* въ возвратномъ залогѣ въ неопр. наклоненіи. Изъ этихъ формъ, т. е. изъ формъ 3-го лица ед. и множ. числа, твердое *с* могло проникнуть и въ другія формы. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что въ блр. и млр. формы на—*сы*,—*цы* вообще, кажется, рѣдки, если онѣ и есть, такъ какъ не всѣ русскіе говоры переживали послѣ своего обособленія одни и тѣ-же звуковыя измѣненія [1]). Вліяніе предшествующаго звука на

---

[1]) Впрочемъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, кажется, всѣ эти виды окончаній употребительны, какъ и въ великорусскомъ. См., напр., *Шейна*. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-западнаго края. II. Спб. 1893: Гродн. губ.: же́ницца, пытаяцца, выпирацца, упилася, жанĭуся, смяяцца, осталися—№ 87. Стр. 185. бъе́тцы, робилосё—№ 88. Стр. 186. 187. (Минск. губ.); остаўся, дзе́лыницца—№ 107. Стр. 232 (Витебск. губ.); увалĭуса,

возвратное мѣстоименіе, присоединяемое къ глагольной формѣ, вліяніе на согласный элементъ этого мѣстоименія можно видѣть изъ сопоставленія, напримѣръ, слѣдующихъ формъ, из-

---

осталиса, попужалиса—№ 108. Стр. 235. 236. (Минск. губ.); пріостаноўляетця, пасецся, споткнетца—№ 117. Стр. 251. 252. (Гродн. губ.); сгодивса, осталися, нашлосе, оставса—№ 177. Стр. 334. (Гродн. губ.); дзяліўся, згодзилися, спужаўся, хочитца, упираютца, становитца—№ 220. Стр. 379. 378. 380. 381. (Минск. губ.); подкосяцца, боицца, зирайся, вертайся—№ 44. Стр. 545. (Смоленск. губ.); обтынюся, обгороджу́ся, освячу́ся, обрыюся—№ 48. Стр. 547. (Минск. губ.); верни́ся, огляни́ся, уйми́ся, яви́ся—№ 59. Стр. 552. (Смоленск. губ.); само собой разумѣется, что не всѣ эти формы одинаково древни: онѣ взяты, большею частью, изъ говоровъ переходныхъ, но говоровъ въ общемъ очень близкихъ къ изслѣдуемымъ нами говорамъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Въ современныхъ намъ говорахъ приходится одновременно наблюдать и такія произношенія, которыя представляютъ собой остатки или слѣды стараго фонетическаго измѣненія, и такія, которыя получились, какъ результатъ взаимодѣйствія многихъ и сложныхъ причинъ, нерѣдко обнаружившихъ свое значеніе лишь въ позднее время; таковы: взаимное вліяніе говоровъ другъ на друга, распространеніе образованій по аналогіи, которая, въ свою очередь, иногда бываетъ очень древняго происхожденія, иногда указываетъ намъ на свое недавнее возникновеніе, какъ аналогія уже вторичная или третичная. Я только убѣжденъ въ томъ, что начало измѣненій—*сѧ* въ—*се* и далѣе въ—*си* (черезъ—*се*[1]), съ одной стороны, затѣмъ—*сѧ* (*с'а*) въ—*се*, въ—*сӧ*, въ—*сӧ*[а], съ другой,—есть *фонетическій* законъ (См. выше форму блр. *робилосё* и под. въ сѣв.-влкр.). Срв. *Шахматова*. Изслѣдованія. Стр. 207—209. Еще въ Изборникѣ 1073 г. мы имѣемъ такіе обороты, какъ: молить *си* быти помоштьника—л. 47 в. (Изд. Общ. Древн. Письм. Фототипическое). Срв. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестрову списку XIV вѣка, гдѣ довольно *часто* встрѣчаются такіе обороты: абиѥ старѣи. сънемь перстень и прекрти *си* руку вдасть ми рекъ. възложи си се на руку. и прекрти *сѧ* и ицѣлить ти руку—л. 132. в. *Срезневскій*. Спб. 1860 г. См. также мое соч. «Къ діалектологіи» Стр. 118—119. Что касается «отвердѣнія» звука *с* (въ мѣстоименіи въ сложеніи съ глаголомъ), то, хотя я выше предложилъ свою догадку относительно происхожденія этого *с* изъ формъ 3-го лица ед. и множ. числа съ *твердымъ* окончаніемъ—*т*, гдѣ получалось естественно и слѣдующее за *т* *с* тоже твердое, откуда—*ц* лишь впослѣдствіи, но я не настаиваю на безошибочности своего объясненія, это лишь—предположеніе; и могу сказать, что мы всетаки какъ-будто имѣемъ примѣры «отвердѣнія» звука *с*, напр., въ словѣ: *саво́дня* и *сово́дня* (Казан., Мамадышскаго уѣзда и Вятское, Слободск.).

вѣстныхъ въ литературномъ р. нарѣчіи и нѣкоторыхъ говорахъ: несу́съ—1 л. ед. ч., неси́сь—пов. н. 2 л. ед. ч.; сажу́съ—сади́сь, сужу́съ—суди́сь, найду́съ—найди́сь, займу́съ—займи́сь, вожу́съ—вози́сь и т. п. Настоящее время въ формѣ 1-го лица ед. числа съ такимъ произношеніемъ могло впо-

---

Думаю, что здѣсь нѣтъ аналогіи съ словомъ: таво́, тово́..., такъ какъ у насъ нѣтъ слова: таво́дня, тово́дня... Срв. въ Грамотѣ 1392 г. (Рус.-Лив. Акты № 115): на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанию, хотя здѣсь же мы имѣемъ: с короломъ, такъ что, можетъ быть, это просто *написаніе* для звука *ё*. Еще данныя: «розливаласе Дунай да рѣчька быстренькая»—*Колосовъ*. Замѣтки... ib. 169. Срв. мнѣніе Колосова о формахъ въ родѣ *написи́*—ib. Стр. 11. *Шахматовъ* (Ук. Соч. l. c.) смотритъ на это иначе, но надо сказать, что едвали старая форма дат. падежа—*си* могла не только удержаться при глаголахъ, которые были извѣстны съ этой конструкціей мѣстоименія, но даже распространиться и на массу другихъ глаголовъ: взялси́ атарвалси́, пѣддалси́ и проч. Мнѣ кажется, что формы взялси́ и под. возникли въ недавнее время въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстно—*си*, изъ двоякихъ формъ: взялси, да́лси и взялса́, далса́, откуда потомъ: взялси́, далси́. Относительно формъ: *ся*, *тя*, какъ отдѣльныхъ словъ, и—*те́я*, *се́я*.. въ Новгор. и Влад.—Яросл. говорѣ см. *Колосова*. Ibidem. Стр. 26. 301. Въ дополненіе къ своимъ разсужденіямъ относительно фонетическаго закона, усматриваемаго мною для конечнаго звука—*и*—*і*ᵉ или *и*—*е*ᵃ—'*а* еще въ общерусскомъ языкѣ, по поводу формъ: самя, быля... (см. выше) я могу привести еще бѣлорусскую форму: вэльмя (срв. вельми, стрсл. вельми при вельмѣ—вельма. Mikl. Lex. s. v.), извѣстную изъ Сборника *Шейна*. Ibidem. № 177. Стр. 333. (Гродн. Пружан. у.). Интересны также написанія въ Изборникѣ 1073 года: не прѣльштайтеся ни блоудьници ни коумирьнии слоужителе и любодѣици—л. 32 d. ни грабителѥ црства бжия не причастяться—л. 32 d. бѫдѣте оубо подражателѥ бжии—л. 40 с. оучителѥ—им. п. мн. ч.—л. 44 b. строителе—им. п. мн. ч.—л. 45 d. и мн. др. Срв. здѣсь же неопр. наклоненіе: ѥже ѣсте—л. 50 в. Срв. выше формы Лавр. лѣтописи и Ипатьевской. Такія формы для именит. падежа множ. числа представляютъ собственно образцы смѣшанныхъ основъ (на—*ĭ* и на—*о*); это смѣшеніе извѣстно даже старославянскому языку (см. *Лескинъ*. Грам. Рус. Пер. Стр. 72. § 66. Стр. 57. § 40. Стр. 62. § 50) и, можетъ быть, оно обязано было первоначально семазіологическому сходству въ словахъ на—анинъ... и на—тель, какъ въ словахъ, означающихъ лицъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, въ эпоху общерусскую сюда привзошелъ фонетическій элементъ, законъ, который обобщилъ собой нѣсколько *первоначально* различныхъ формъ и произношеній.

слѣдствіи захватить въ этотъ процессъ съ собой и всѣ формы 1-го лица наст. времени, какъ напр.: утоплю́съ (но и: утоплю́сь), учу́съ (но и: учу́сь), пощу́съ (но и: пощу́сь), колю́съ (но и: колю́сь) и т. п. Въ этихъ послѣднихъ формахъ собственно должно бы быть мягкое *с'*, но мы видимъ обратное тому, что должно быть (Срв. формы, приведенныя здѣсь въ примѣчаніи).

Изъ приведенныхъ выше фактовъ мы видимъ, что наши касимовскіе говоры въ разсматриваемомъ отношеніи переживали общій всѣмъ говорамъ процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*) при глаголахъ. Кромѣ того, видимъ также, что это измѣненіе конечнаго *'а* было хотя и общерусскимъ, т. е. было извѣстно и до сихъ поръ извѣстно всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, но оно *не было обязательнымъ*, такъ какъ почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка извѣстны при формахъ на *си* и формы на—*са*. Лишь только говоры южновеликорусскіе съ сильнымъ (полнымъ) аканьемъ могутъ быть отмѣчены, какъ говоры, которымъ *по преимуществу* теперь извѣстны формы на—*си*. И въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ новое указаніе на то, что наши касимовскіе говоры имѣли нѣкогда свою судьбу, отличную отъ судьбы говоровъ, развившихъ у себя полное аканье, т. е. наши говоры первоначально не принадлежали къ говорамъ послѣдняго типа, а были говорами другого типа, изъ которыхъ впослѣдствіи развились *окающіе* говоры. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ пунктѣ предшествующаго §, наши говоры и вообще свр. говоры указываютъ на болѣе тѣсную связь свою съ говорами бѣлорусскими, чѣмъ съ ювр.

§ III. Перехожу къ звуку *и* изъ основного ѣ (*i͡e*), древнерусскаго ѣ въ памятникахъ письменности. Выше въ главѣ II мы говорили объ остаткахъ дифтонгическаго произношенія *ѣ* въ нашихъ говорахъ и сдѣлали параллельный обзоръ дифтонгическихъ сочетаній, соотвѣтствующихъ начертанію ѣ, въ современныхъ русскихъ говорахъ. Въ той главѣ мы не говорили подробно о монофтонгическомъ произношеніи ѣ, здѣсь-же мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду *монофтонгическое* произношеніе и потому будемъ слѣдить за такимъ произношеніемъ ѣ въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ, поскольку это произношеніе отразилось въ памят-

никахъ древней русской письменности. Для наглядности и убѣдительности выводовъ намъ придется представить параллельный обзоръ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ говорахъ тѣхъ звуковъ, которые нынѣ являются рефлексами стараго ѣ, а потому мы должны будемъ повторить нѣкоторые примѣры, приведенные уже во II-ой главѣ, прежде чѣмъ подвести итогъ нашему обозрѣнію звуковъ *і* изъ ѣ въ нашихъ касимовскихъ и другихъ русскихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ дифтонгическому произношенію ѣ (см. выше) наши касимовскіе говоры примыкаютъ ближе всего къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ (нѣкоторымъ, напр., къ вятскому) и сѣверно-бѣлорусскимъ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти говоры вышли изъ одной части общерусскаго языка, но и въ этой послѣдней мы постараемся указать діалектическое разнообразіе, соотвѣтствующее отличіямъ, съ одной стороны, нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія, а, съ другой,—отличіямъ *той области* сѣверно-великорусскихъ говоровъ [1]), которая своими діалектическими особенностями указываетъ намъ на свое особое происхожденіе отъ говоровъ *тоже сѣверно-великорусскихъ*, но восходящихъ къ *другой* разновидности сѣверно-великорусскаго типа. Къ этой, именно, разновидности сѣверно-великорусскаго типа и восходятъ наши касимовскіе говоры и говоръ *вятскій*, представляющіе, какъ увидимъ въ этомъ §, особенный типъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, идущихъ отъ этой разновидности обще-сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Шахматовъ [2]) указалъ на говоры Олонецкой, Новгородской и частью Ярославской губерній, гдѣ звукъ *ѣ* ударяемый передъ твердымъ слогомъ даетъ закрытое e^{i}. Въ собранныхъ нами матеріалахъ по говорамъ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ *новое* указаніе на такой-же звукъ e^{i} (частью $\widehat{ie}$ и *і*), какой *Шахматовъ* указываетъ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Наши говоры свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ звукъ былъ нѣкогда болѣе распространеннымъ, и проливаютъ свѣтъ на исторію звука *ѣ* и на его звуковое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) Въ нынѣшней Олонецкой и Новгородской, частью Ярославской губерніяхъ.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія.... Стр. 165—166.

все болѣе и болѣе подтверждается мнѣніе *Фортунатова* о звуковомъ значеніи *ѣ* въ общеславянскомъ языкѣ; это значеніе *ѣ* выводится непосредственно изъ свидѣтельства отдѣльныхъ славянскихъ и русскихъ нарѣчій [1]). Дѣйствительно, въ живыхъ говорахъ русскаго языка мы имѣемъ на мѣстѣ ударяемаго стараго *ѣ* слѣдующіе звуки: въ млр. *і͡є́*, *і́͡е*, *і*, є (см. ниже); въ блр. долгое *и* (*і́͡и*), *і͡е́*, *і́͡е*, є; въ влкр. *и*, *і͡е́*, *е*^{i}, *е*^{a}, (или є) въ южныхъ и сѣверныхъ говорахъ. Такимъ образомъ, уже на основаніи этого мы выводимъ для *прарусскаго* языка звукъ *і͡е*—дифтонгическое сочетаніе съ ударяемой первой или второй частью: *і́͡е* или *і͡е́*—и съ *е*^{i} или *е*^{a}—по говорамъ. Нельзя думать, что прарусское дифтонгическое сочетаніе *і͡е* стянулось еще въ общерусскую эпоху въ монофтонгѣ, такъ какъ противъ такого взгляда говорятъ малорусскій, бѣлорусскій и касимовскій дифтонгъ *і͡е*. Стяженіе было, вѣроятно, діалектическое, а не общее, т. е. въ говорахъ, гдѣ *і͡е* было равно *і͡е*^{i}, тамъ *і͡е*^{i} стало приближаться къ *і͡і*—*і*, а въ говорахъ, гдѣ *і͡е* было равно *і͡е*^{a}, тамъ *і͡е*^{a} стало приближаться къ *і̯е*^{a}—*і̯а*^{e}—*і̯ä*—*'е*. Звуки перваго ряда съ теченіемъ времени могли скрещиваться со звуками второго ряда вслѣдствіе причинъ аналогіи, причинъ культурныхъ и проч. Примѣры см. ниже. Мы, значитъ, видимъ въ прарусскомъ *ѣ* тоже общеславянское *ѣ* въ его дальнѣйшей исторіи.

---

[1]) *Фортунатовъ* говоритъ:.... «изъ сопоставленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо заключить, что старославянское ѣ было получено не изъ общеславянскаго *е* долгаго, но изъ общеславянскаго сочетанія *іе*, на которое распалось *ē* еще въ общеславянскомъ языкѣ.... Это общеславянское *іе*, получившееся изъ *ē*, въ наиболѣе основномъ его произношеніи было, вѣроятно, дифтонгомъ *іе* съ слоговымъ *і* и съ неслоговымъ *е*, хотя, быть можетъ, въ общеславянскомъ языкѣ существовали діалектическія различія въ произношеніи этого *іе*.... Можетъ быть, старославянское *ѣ* въ наиболѣе основномъ его для извѣстнаго намъ старославянскаго языка произношеніи было сочетаніемъ *і̯е̯а*, откуда въ другихъ діалектахъ сочетаніе *еа* или *і̯а*, можетъ быть, въ о̑днихъ одно, въ другихъ другое».... Лекціи по фонетикѣ старосл. яз. Печатн. изд. Стр. 11—12. Срв. стр. 26—27 (іе діалект. іе....). Срв. серб. ије, је; польск. іа; чш. ě....

По говорамъ мы имѣемъ слѣдующіе примѣры. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Въ Вятскомъ говорѣ: оби́дня, пи́сня, пи́сельникъ, ри́цьки (при: рѣ́цьку), встри́ча, ди́ти, ди́ло, звирь, ми́ яця, си́ть, съи́здить (при: ѣ́хати, ѣ́здя), ни́т, ни́ту, зди́сь, смотри́ть, посмотри́л... „Нигдѣ въ Вятской губ. смѣна *ѣ* на *и* не выдерживается, какъ постоянное явленіе:тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *е* изъ *ѣ* [1])“. Въ Новгородскомъ говорѣ чаще, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ сѣверно-великорусскихъ, но тоже не постоянно, мы слышимъ: ји́сть, ји́здить (эти два слова, кажется, имѣютъ общерусское *i͡e*ⁱ—*i͡i*—*i̯i*—*ji*); ни́ту, хли́бца, нади́нь, пови́сил, ли́стница, гди́, зди́сь, вси́ [2])... Въ Олонецкомъ говорѣ—спорадически: оди́ться, ді́ется, ри́чь, не смі́ю [3]); ди́вица (срв. дѣвица—ib. Пѣсня. Колосовъ. Замѣтки... Ук. Соч. Стр. 178). Во Владимирскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Тверскомъ, Вологодскомъ, Архангель-

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки.... Сборникъ отд. р. яз. и слов. XVII. Стр. 222—223. Срв. *Даль*. О нарѣчіяхъ. L. «Въ серединѣ слова очень рѣдко *и* вм. *ѣ*». *Соболевскій*. Очеркъ р. діал. Жив. Стар. II. (1892). Стр. 21: Слободск.: кли́ть, сви́чи; Глазовск.: ди́вки, си́сь, нельзи́ (и въ Парахинѣ Касим. у.); Сарапул.: ви́сь—стр. 22.

[2]) *Колосовъ*. ibid. Стр. 4. 15. Срв. *Даль*. Ук. Соч. XLV. Бронниц.: копіёкъ, разбогатсіемъ. Череповец.: хочу и́сть. XLVI. *Соболевскій*. ibid. Стр. 10: Новг. у.: би́лова дня, би́линькой; Борович.: нихто не и́де (=ѣдетъ); Крест. и Тихвин. у.: би́лой, поли́но, хли́бъ, сни́къ, копи́ёкъ, на двори́.... Кирилов., Череповец. большею частью *передъ мягкими* согласными: би́литьця—3 л. ед. ч., пи́сня.. Стр. 11. Бѣлозер.: ви́теръ, ви́никъ... Стр. 12.

[3]) *Колосовъ*. ibid. Стр. 120. 167 (Въ пѣснѣ № 6: «на́до нам ди́вица»). Срв. *Даль*. Ук. Соч. Стр. LII. *Соболевскій*. ibid. Стр. 13: «Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ.. вм. *ѣ* чистое *и* рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически». Среднее между *свитъ* и *светъ*. Говоръ Повѣнца и его уѣзда спорадически имѣетъ *и* вм. *ѣ*: свири́пой, зди́, гди́, мни́... Стр. 14. Близъ Кенозера «*ѣ* весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*». ib. Стр. 14. Насчетъ произношенія *свири́пой* замѣтимъ, что у *Колосова* ib. Стр. 141. въ пѣснѣ Олон. края (Каргополь) записано: «Твоя мла́да не *свирёпая*». Такое *ё* изъ *ѣ подъ удареніемъ* въ свр. нарѣчіи мы имѣемъ крайне рѣдко; напротивъ, мы знаемъ случаи, гдѣ народный говоръ своимъ произношеніемъ возстановляетъ этимологическій звукъ (основной), расходясь нерѣдко съ произношеніемъ литературнаго нарѣчія и сохраняя тамъ звукъ *е*, гдѣ въ литературномъ про-

скомъ говорахъ мы тоже имѣемъ часто *и* вм. *ѣ*: *Влад.* Судогод.: пи́сня; Меленков. хли́б (это и я слышалъ въ с. Кочатко́вѣ—„Къцатко́ва“), засмотри́лся, ји́сь (=ѣсть) и проч. (Колосовъ ibid. Стр. 293. Даль. О нарѣчіяхъ. LV); *Яросл.* Молож.: би́лой, ди́тушки, вми́сти, свитлі́е, гори́ть (=горѣть), насия́ла (насѣяла); *Костромск.* „случаи *и* вм. *ѣ* чаще, чѣмъ въ Яросл. губ.“; *Тверск.*: на рѣки́, въ сви́ти, си́виръ... (См. *Даль.* О нарѣчіяхъ. XLVII—XLVIII. *Соболевскій.* Очеркъ... ib. 18. 7); *Вологодск.* Вельск. почти всегда: ди́ло, ни́ту, сви́тъ, ко мни́; Яренск: по ви́ники и́демъ; Устюж. Тотем. Кадников.—передъ мягкими: въ ни́ге, къ неви́сте...; Никольск.—тоже. (*Соболевскій.* ib. 15. 16. 17. *Даль.* ib. XLIX. *Колосовъ.* ib. 321—323. Здѣсь цѣлый списокъ словъ, изъ котораго видно, что въ Сольвычегодск. у. вмѣсто *ѣ* слышно *и* и *передъ твердымъ* согласнымъ: ди́вка, хли́б, си́тка; срв. сі́еть, цидить (какая форма? неопр. н.?) съ нашими касим.: сі́јить, цы́дим—д. Ивановское Ветчан. вол., д. Шаранина Парахин. вол.—выше); *Архангельск.* Онеж. фъ сундуки́ (Соболевскій. ib. 14). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* (Спб. 1894 г.) находимъ—

изношеніи мы видимъ позднѣйшее *ё* по аналогіи съ другими словами. Такъ, литер. вёдра звучитъ *во всѣхъ народныхъ* говорахъ: ве́дра, и въ ювр., и въ свр.: срв. новгород. ве́дра—Колосовъ. ibid. 14; ряз. почти повсемѣстно, въ казан. тоже (см. нашу брошюру о казан. говорѣ. Стр. 15) и друг. Если мы имѣемъ свирёпой при свири́пой, то, надо думать, здѣсь въ послѣднемъ случаѣ *и* не изъ *ѣ*, а, вѣроятно, оно сюда попало по аналогіи съ глаголами «свирѣпѣть», гдѣ послѣ *р* слышалось *е*ⁱ или *і*, или здѣсь произошла звуковая ассимиляція въ слогахъ: *сви*—(изъ све—) и *ре*—, какъ въ словѣ *мизинецъ* и под. (Срв. Минск. г. Борисов. у.: *мезяный* палецъ—*Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 285. Сказка. «Отдай мнѣ, што ў доми ни вядомо». № 136. Срв. въ млр. Харьк. г. Купянск. у.: *мызынця.* Этнографич. Обозр. 1894. № 2. Стр. 78. Эта сказка по содержанію почти такая же, какъ блр. у *Шейна.* Здѣсь мы, дѣйствительно, видимъ вліяніе одного слога на другой: *звуковое подравненіе* въ сосѣднихъ слогахъ: гдѣ слогъ—зы́—(—зы—), тамъ ми—(мы—), а гдѣ слогъ—зя́—, тамъ этимологич. ме—(изъ мѣ—). Обыкновенно, кажется, вліяетъ слѣдующій слогъ на предыдущій, хотя возможно и обратное). Срв. др. польск. swierzopy. См. также *Соболевскаго.* Лекціи². Стр. 65 и 85. Срв. его-же: «Изъ исторіи р. языка» въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. ноябрь. Стр. 28. *Миклошичъ* (Etym. Wtb. s. v. sverp.—) считаетъ въ словѣ сверѣпъ *е* вставочнымъ: sverp, откуда svrěpъ. Но, вѣдь, это не «полногласіе»-же! Почему въ чш. svěřepý? Послѣ *р*, вѣроятно, этимологическое *е*, а не *ѣ*.

цви́тъ—стр. 171. (Олонец.), вси́—172. (Олонец.), за ри́цькой, си́но—178. (Олонец.), на руки́—198. (Олонец.),—201. (Арх. Онеж.), на синемъ то мори́—206 (Арх. Кемь), вси́мъ—210 (Олонец.), заци́мъ—230 (Арх. Онеж.), въ руки́—231. ibid.; въ Арханг. говорѣ вообще довольно рѣдко въ срединѣ слова, еще рѣже передъ твердымъ согласнымъ: заци́мъ, касим. зацым. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи это явленіе повсемѣстно извѣстно, кажется, только въ словахъ: јисть и смотри́ть, но мѣстами встрѣчается и въ другихъ словахъ. Въ *Курской* губ. Путивльск. у. мы слышимъ спорадическіе случаи *и* вм. *ѣ*: си́яли, паглядѝли (*Соболевскій*. ibid. Жив. Стар. 1892. I. Стр. 18); *Псковск*. Великолуцк. имѣетъ также спорадическое *и* вм. *ѣ*: нявѝстушка, здѝся (*Соболевскій*. ib. 24). Вообще, это явленіе принадлежитъ преимущественно сѣверно-великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, частью бѣлорусскому, но спорадическіе случаи *и* вм. ударяемаго *ѣ* въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ говорятъ въ пользу того, что звуковое значеніе стараго *ѣ*, какъ закрытаго *е*, склоннаго къ *і*, должно было быть извѣстно въ древности всему русскому языку; лишь позднѣйшія условія быта, колонизаціи и самая судьба звуковъ или ихъ исторія видоизмѣнили звуковое значеніе *ѣ* въ различныхъ мѣстностяхъ русскаго языка. Я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, который говоритъ: „по памятникамъ древне-русской письменности выходитъ наружу, что народное живое ѣ въ то время (XI—XII в.) въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось, какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если признать вслѣдъ за Соболев-

---

[1]) *Ягичъ*. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 42. Срв. 13. 25. 40. 46. О такомъ-же звуковомъ значеніи др. р. ѣ, думаю, говорятъ и слѣдующія написанія Изборника 1073 г.: ници́и—л. 5 а. срв. нѣции—л. 5 Ъ. видома—л. 6 а. повѣдѣ—2 л. ед. ч. пов. н.—л. 7 с. ѥсть же оубо и се ꙗвленѣѥ—л. 9. с. сице же ѥже гл҃ѭ ꙗвлѥнѣѥ да бѫде—л. 11. с. ты же въ вѣри... окоушаисѧ—л. 17. с. въ описатѣлѣ

скимъ, что на сѣверѣ Россіи, въ частности въ Новгородѣ, и вообще въ говорахъ сѣверно-русскихъ (т. е. свр. ювр. и блр.) въ XII-мъ уже вѣкѣ произошло полное отождествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, такъ какъ вообще различіе между этими звуками на сѣверѣ было слабѣе, чѣмъ на югѣ Россіи, то придется стать въ противорѣчіе со свидѣтельствомъ *современныхъ* говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ частности,—со свидѣтельствомъ *современнаго* Новгородскаго говора, а на это мы не имѣемъ никакого права: напротивъ того, свидѣтельство живыхъ современныхъ говоровъ должно быть исходнымъ пунктомъ нашихъ заключеній о древности и должно нами руководить въ вопросахъ историческаго изученія языка. Выше мы видѣли, что *и* вмѣсто *ѣ* является отличительной чертой фонетики современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, и почти нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы этого фонетическаго явленія не знали на сѣверѣ. Когда Соболевскій писалъ свой „Очеркъ русской діалектологіи“, то онъ самъ выразился, что: „главная черта, общая всѣмъ говорамъ цокающей группы свр. нарѣчія, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*,.... обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*“.... (Соболевскій. Жив. Стар. 1892. II. 9). Такъ какъ сѣверно-великорусское нарѣчіе почти цѣликомъ *цокаетъ* или *чёкаетъ* (кромѣ незначительной части. См. ibid. стр. 4), т. е. сохранило фонетическую особенность др. новгородскаго говора, то, очевидно, слыша теперь въ этомъ свр. нарѣчіи такое-же сплошное *и* вм. *ѣ* рядомъ съ мѣной *ц* и *ч*, мы должны и явленіе *и* вм. *ѣ* приписывать на тѣхъ-же основаніяхъ и др. новгородскому говору, но *ц* вм. *ч* проникло въ письменность, потому что эти оба звука легко поддавались письменному изображенію, а звукъ *е*^{1} мы и теперь затрудняемся передать на письмѣ. Вотъ и все! Конечно, на основаніи же свидѣтельства живыхъ русскихъ говоровъ мы должны признать различіе звуковыхъ оттѣнковъ древне-русскаго *ѣ* въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ южно-велико-

---

имать житиѥ—л. 25 b. съмирающтеса—л. 40 d. Срв. съмѣренъ ꙗвлꙗꙗса—л. 39 с. d. и друг. Изд. Общ. Др. Письм. Здѣсь мы имѣемъ смѣшеніе ѣ и и. Одно можно навѣрное сказать про языкъ Изборника 1073 г., что это *не предокъ* малорусскаго нарѣчія.

русскихъ и бѣлорусскихъ, и въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ. Но надо и то имѣть въ виду, что наше южно-великорусское нарѣчіе еще очень мало изслѣдовано: странное дѣло, однако это всетаки остается фактомъ, что *меньше всего сдѣлано наблюденій въ области южно-великорусскихъ говоровъ* [1]).

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ примѣры: *Витебск.* Себежск.: цы́мъ [2]) (срв. касимов. цы́м—выше); *Могилевск.* Рогачев.: хлі́ипъ, мядзви́цъ, и́хацъ, зуси́къ (=засѣ́къ), пуви́шу, дзи́лацъ, цы́лый, ры́зацъ; Гомельск.: и́хали, ди́ло, цы́лая няди́ля, ры́зать (=рѣ́зать); *Минск.* Слуцк. Игуменск. Бобруйск. Мозырск.: сіе͡но, сие͡мъ, сие͡но, табіе͡, піе͡сня, піе͡ли, дзіе͡ (=гдѣ), віе͡къ, чаловіе͡къ, ліе͡съ, обіе͡дъ, на століе͡; но и: таби́ (=табѣ́, тебѣ́), віе, сіе (=вѣ́етъ, сѣ́етъ), сусіе͡дъ, міе͡сяцъ, ліе͡то, табіе͡, таіе͡, хадзіе͡мъ..; *Черниговск.* Новгородсѣв.: си́сты (=сѣ́сть), ди́вочка, ми́сяцъ, хли́бъ .. [3]); *Гродненск.* Пружанск.: сабіе́, угледзіэў, таби́, чи́мъ, ў дуплie, ўси́мъ, сокіерчинка (Срв. въ Ипатск. сп. лѣтописи: сокирою—л. 62 столб. 1 Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 70 и 72); по туй вербіе, вси́хъ;

---

[1]) Сожалѣя о недостаткѣ изслѣдованій и наблюденій въ области юввр. говоровъ, мы не разъ, обращаясь за справками къ труду *Даля:* «О нарѣчіяхъ»..., удивлялись тонкости его наблюденій и признаемъ его трудъ до сихъ поръ имѣющимъ выдающееся значеніе, по крайнѣй мѣрѣ, въ области ювр. нарѣчія. Нельзя умолчать при этомъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ области касимов. говора. Онъ *нѣсколько разъ* говоритъ въ своемъ трудѣ объ этомъ говорѣ: такъ, на стр. XXXVII говорится о касимовскомъ цоканьѣ; на стр. XLVI—о касим. чёканьѣ и дзёканьѣ; на стр. L о касим. дифтонгахъ; на стр. LV—о касим. а́канье; ср. LVII, LXII—о касим. дифтонгахъ, *какъ на Вяткѣ и въ Черниговск. губ.*, о касим. звукѣ чц. Срв. LXV, гдѣ о говорахъ Касимова, Елатьмы, Темникова, Шацка. Всѣ эти указанія Даля въ общемъ свидѣтельствуютъ о тонкой наблюдательности его и глубоко правильны; они теперь провѣрены мною. Крестьяне Елатомскаго уѣзда и Меленковскаго, пріѣзжавшіе въ Касимовъ на праздничный базаръ, говорили со мной очень *пѣвучимъ* говоромъ, съ *долгими* гласными, *а́кали* и *цокали.* (Качӑтко́ва—Кѣцатко́ва Меленк. у. Влад. губ. Лапсинск. приходу—деревня сильно акающая. См. ниже примѣры).

[2]) «цы́мъ» имѣетъ *ы* изъ *ѣ*—чѣ́мъ, но не изъ древняго *и* послѣ твердаго *ц*: чи́мъ.

[3]) См. *Соболевскаго.* Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892. Вып. III Стр. 8. 19. 25. 26. 27. 29.

Смоленск. Порѣчск.: зъйла... (см. *Шейна.* Матеріалы. Т. II. Стр. 548. 250. 251. 252...).

Въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ: *Черниговск.* Сосницк.: біесъ, діедъ, діело.., вјітеръ, вјіе, діти, собі; Остерск.: міеша (=мѣшаетъ), віра; Глуховск.: слідъ, вікъ, місяць, неделя, грию...; Кролевец., Нѣжинск., Козелецк., Борзенск., Конотопск.—ѣ=і, е; *Полтавск.*: лісъ зъімъ, на печі (ряз. на пячѣ); *Кіевск.* Радомысльск.: бідни, обедъ; *Волынск.* Овруч.: білы, чоловікъ, лесъ, ў светі; Новградвол.: тобі; Ровенск.: невіска, білые, хлибъ, снигъ, дыело, выекъ, выее, въ сыеняхъ, лыетъ (=лѣтъ), собые, на дворые, у печые.., хлыибъ (срв. бѣлорус. Могилев. Рогачев. хліипъ—выше. Здѣсь же мѣстами: сокира, мѣстами: сукыра. Срв. Гродн. Пружан. сокіерчинка и др. р. сокира—выше. Можетъ быть, это вовсе не заимствованное изъ польскаго sokiera) [1]); Владимир. у.: коліно, сіно, мні, горылка, поеду, мне; Ковельск.: убідъ, вітеръ и быда; Полѣсье: тобі, неділя, горілка, бедна, свечы; *Минск.* Мозыр.: лісъ, вітру; Пинск.: тобі, бідный, білый, въ лісі, віе, діло, тіло, тобе, еду; *Гродненск.* Кобрин.: іжъ, вікъ, літо, собі, у селі, дытки, тысто, сеяты, звіръ; Брестск.: лісъ, тобі, білый, дідъ, стіны; Пружанск.: хлібъ, горылка, лень, мне, ежте (=ѣшьте), зъіў; Бѣлосток., Бѣльск. („Заблудовскій говоръ") дифтонгъ іе: ліето, на свіеці, собіе (какъ въ *Черниговск. Сосницк.*, *Гродненск. Пружанск.* (?) и *Касимов.* (Колесник. Ерахтур. Парахин. волости) *Ряз. губерніи*); здѣсь-же: рыечка, стрыелка, цыелы...; білый, віе; *Сѣдлецк.* ѣ=і: ті (дат. ед.: тѣ—тебѣ), істы, тубі, гурі (=горѣ), хлыбъ, мні; діеўка, на нозіе (Бѣльск. у.); прілетіела (Констант. у.); дифтонгъ *іе*: свіетъ, ріезати (Корницк. говоръ, Радин. у.); *Угорскіе* сѣв.-млр. говоры: ѣ=і: зіля, білі. *Южно-малорусскіе говоры.* Украинскій: *ѣ* = *і*: хлібъ; цепъ (Екатериносл. Харьков.); дети (Курск.); *Галиція*: дітъ (=дѣдъ), горіхъ (=орѣхъ), собі (Станисл. окр.); кісто (=тѣсто)—Покутье, місіце—род. ед. ч., на свікі (=на светѣ)—Коломыйск. окр.; *Буковина*: горіўка; *Угро-русск.* (лемк.)—колено при коліно, место — місто, неделя — неділя; дифтонгъ *іы*: ліысъ,

---

[1]) Сравни: серб. секира, чш. sekera, п. siekiera. Осн. *sekera и *sekira. *Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sek—2.

квіытокъ; въ говорѣ *Бойковъ* (Галиц. и Угорск.)—тоже: горіўка и гуцульск. такъ-же [1]).

Изъ этого перечня рефлексовъ ударяемаго *ѣ* въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ видно, что для эпохи прарусскаго языка звукъ *ѣ* былъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *іе*, въ которомъ была діалектически то первая, то вторая часть *неслоговою*, а вторая часть, кромѣ того, представляла изъ себя по говорамъ то болѣе открытый звукъ e^{a}, то болѣе закрытый—e^{i}: *іе* и *іе*; откуда изъ *іе* при *і* получилось *je*—є, а изъ *іе* при *е* получилось *ji*—*і*, въ первомъ случаѣ, вѣроятно, чрезъ посредство *іє*, во второмъ—чрезъ посредство *іі* [2]).

Мы не будемъ приводить примѣровъ изъ изслѣдуемыхъ нами касимовскихъ говоровъ на случаи произношенія ударяемаго *ѣ*, какъ *'е*: достаточно сказать, что такихъ случаевъ гораздо больше въ нашихъ говорахъ, чѣмъ случаевъ, гдѣ *ѣ*=*іе*=e^{i}=*і*. Достаточно привести изъ вышеназванныхъ примѣровъ: Ляксѣй, сумѣю, пѣсьни — Андроново, Парахино и мн. др. Касим. уѣзда.

Такимъ образомъ изъ обзора рефлексовъ древняго ударяемаго *ѣ* въ нашихъ говорахъ видно, что наши говоры ближайшимъ образомъ стоятъ въ связи въ разсматриваемомъ отношеніи съ говорами *Олонецкаго* края и блр. млр. говорами *Минск.* (Игумен. Мозыр. Слуцк. Бобруйск.), *Гродненск.* (Пружанск. Бѣльск. Бѣлосток.), *Черниговск.* (Сосницк.). Изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ говоры нынѣшней Минской, Гродненской и Черниговской губерній смѣшанные, и въ нихъ мы находимъ черты бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, а говоръ Олонецкаго края не имѣетъ, какъ извѣстно, *ѣ*=*іе*, между тѣмъ какъ въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда есть и *ѣ*=*іе*, и *ѣ*=*і*, то наши говоры, стало быть, представляютъ собой особый типъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, и жители Касимовскаго края не—переселенцы Новгородской или

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. Стр. 13. 14. 16. 19. 20. 21. 22. 27. 31. 38. 39. 40. 48. 51. 56. 57. 58. 60.

[2]) Срв. въ статьѣ *Михальчука.* Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. Стр. 473. Также 471—472. Срв. *Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи.... 353—356.

Олонецкой губерній, а скорѣе представляютъ изъ себя потомковъ того народа, который имѣлъ въ своемъ говорѣ дифтонгическое *ѣ*, дифтонги у͡о, у͡а, звукъ *о*ʸ, закрытое *ó* (какъ въ Олонец. говорѣ у Шахматова. Изслѣд.. 296) и долгіе гласные. Изъ современныхъ говоровъ по этимъ признакамъ подошли бы сюда говоры сѣверно-малорусскіе и частью бѣлорусскіе, но, принимая во вниманіе консонантизмъ нашихъ говоровъ, мы должны признать, что этихъ общихъ признаковъ нашихъ говоровъ съ говорами сѣв.-малорусскими и частью бѣлорусскими еще недостаточно для того, чтобы признать въ жителяхъ Касимовскаго края выселенцевъ изъ области сѣверно-малорусскихъ говоровъ; напротивъ, консонантизмъ нашихъ говоровъ, въ общемъ *шепелеватый* („мазураканье"), какъ увидимъ ниже, а равно и характерное цоканье, чёканье говорятъ далеко не въ пользу ближайшаго родства между говорами Касимовскаго края и сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими; ближе всего и правильнѣе всего намъ кажется признать особенно близкое родство между нашими говорами и вятскими, если откинуть позднѣйшее аканье нашихъ говоровъ, о которомъ мы говорили выше, а, съ другой стороны, принять во вниманіе то, что вятскіе говоры по своему о̂канью не тождественны съ *типичными* окающими говорами [1]), такъ какъ въ вятскихъ говорахъ есть элементы, указывающіе на склонность произносить *о* открыто: *о*ᵃ. Къ тому же заключенію объ особой близости нашихъ говоровъ къ вятскимъ мы приходимъ и послѣ разсмотрѣнія согласныхъ звуковъ въ нашихъ и вятскихъ говорахъ. Замѣтимъ, что весьма вѣроятнымъ становится предположеніе о томъ, что на этомъ великомъ рѣчномъ пути чрезъ Оку, Волгу, Каму и Вятку въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили древніе вятичи, остались въ дремучихъ лѣсахъ остатки того суроваго, дикаго и непокорнаго племени, о которомъ такъ несимпатично отзывается наша Начальная Лѣтопись, и которое, какъ будто, исчезло съ лица земли, между тѣмъ какъ въ былое время представляло изъ себя грозу и страхъ для окружавшихъ сосѣдей. Преданіе ведетъ вятичей отъ ляховъ (мазуракающихъ?) не напрасно: не одинъ псковскій говоръ

---

[1]) По свидѣтельству *Магницкаго.* См. Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 22. прим. 2.

былъ въ древности шепелеватымъ, и консонантизмъ нашихъ говоровъ подтвердитъ намъ это [1]). Если же признавать въ жителяхъ нынѣшняго Касимовскаго края *только* переселенцевъ, то пришлось бы видѣть въ нихъ переселенцевъ чуть-ли не изо всѣхъ концовъ Россіи.... [2]).

§ IV. Звукъ *е* является между прочимъ въ нашихъ говорахъ вмѣсто *ударяемаго* звука *я между мягкими* звуками. Это *е* въ нашихъ говорахъ также остается ударяемымъ. Въ І-ой части нашего труда мы видѣли большое количество примѣровъ произношенія въ нашихъ говорахъ такого ударяемаго *é* между мягкими звуками вмѣсто звука *я* ударяемаго въ литературномъ произношеніи (См. Часть І-ая, Глава IV-ая настоящаго труда). Уже при первомъ взглядѣ на эти собранные тамъ примѣры видно, что въ этомъ отношеніи наши касимовскіе говоры совершенно сходятся съ говорами *сѣверно-великорусскими*, признакомъ фонетики которыхъ и служитъ между прочимъ означенное произношеніе русскаго литературнаго *я* (стрсл. ѧ, ѩ) между двумя мягкими звуками или и въ началѣ слова, но подъ удареніемъ.

Теперь мы разсмотримъ это явленіе нашихъ говоровъ въ связи съ такимъ же явленіемъ другихъ русскихъ говоровъ.

---

[1]) Происхожденіе нынѣшнихъ вятчанъ наукою не выяснено; нѣсколько разъ въ печати высказывалась мысль о томъ, не есть-ли вятчане потомки древнихъ вятичей. Это все было говорено не на основаніи лингвистическихъ данныхъ (Однако см. *Колосова.* Замѣтки.. выше). Единственный источникъ ранней исторіи Вятскаго края—«Хлыновскій Лѣтописецъ»—заподозрѣнъ историками со стороны своей подлинности: его признаютъ поздней фальсификаціей. См. по этому вопросу: «Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края». 1780—1880. Вятка. 1880 г. Т. І. Стр. 53. 54. 55. 56. Особенно стр. 60 и 61 (мнѣніе Костомарова) и прим. 12. Томъ II. Стр. 740. Въ «Древнихъ Актахъ» Вятскаго края я не нашелъ по этому вопросу ничего. См. также Изв. Общ. Археологіи, Ист. и Этнографіи при Имп. Каз. Унив. Т. VI. Вып. 2. Библіографія: о рефератахъ *Верещагина* на VII Арх. Съѣздѣ въ Ярославлѣ. Стр. 71—72. *Спицына.* іb. 37—46. За всѣ эти указанія я благодарю проф. *И. Н. Смирнова.*

[2]) Въ дополненіе къ обзору рефлексовъ *ѣ=и* представляю любопытныя данныя изъ старой письменности юга, запада и сѣвера Россіи: въ Поликарп. Ев. 1307 г. (галицк.—волын.) находимъ: свѣд*и*тельство—л. 6., дѣра (=дира)—

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы указывали на то, что въ Касимовскомъ уѣздѣ вообще много относящихся сюда произношеній, гдѣ мы имѣемъ вмѣсто ударяемаго *я́* между мягкими ударяемое *е́*. Тогда для насъ для самихъ не было ясно, чтѝ за говоръ въ Касимовскомъ уѣздѣ; теперь мы изъ предыдущаго обзора видимъ, что это говоръ по преимуществу въ основѣ своей сѣверно-великорусскій, т. е. одинъ изъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ развился нынѣшній сѣверно-великорусскій говоръ. *Соболевскій* (Лекціи². Стр. 77—79) указываетъ на такое *е* изъ *'а* въ Псковскихъ памятникахъ XIV-го вѣка [1]); помимо этого, наши говоры Касимов-

---

л. 23. (Срв. блр. Гродн. Пружанск.: «вырубаў ў ду́би *дзѣрку* и вылызъ»—*Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 251. Чш. díra, польск. dziura. *Носовичъ*. (Словарь s. v.) даетъ двѣ формы: дзюра́ и дзи́рка. Быть можетъ, это слово принадлежитъ къ тѣмъ, которые въ корнѣ имѣютъ *ѣ*, но очень рано, по извѣстнымъ причинамъ, замѣнили это *ѣ* звукомъ *и*, какъ слово: дѣтѧ—дѣтя—дитя при дѣти....); въ сѣв.-русскихъ памятникахъ: Моисеево Ев. 1355 г.: смишениѥ—л. 143 об.; Сильвестр. сп. Сказ. о Бор. и Глѣбѣ XIV в.: повели ѥи на литургии предъстоѩти—л. 132 b. (*Срезневскій*. Спб. 1860); списокъ съ мѣной *ц* и *ч*: Лукино Ев. 1409 г. Предисловіе: при марчи (Марцѣ?). Всѣ эти данныя взяты изъ *Буслаева*. Матеріалы для исторіи письменъ. М. 1855 г. Особенно интересны данныя изъ *Двинскихъ Грамотъ* XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ*. Опис. ркп. Рум. Муз. № LXVII): у Федора в Ларивонова сна лоскут земли на гор*и*. Оуласей игумену и старост*и*. № LXVII: на маломъ Ѡстровк*и* оу *мѣхи*ѩ, у степанов*и* конц*и*, оу глухомъ погост*и*, въ сел*и*; паметь по сил*и* (=ѣ); Се купи.... оу Вуст*ѣ*на... ѥсипъ стму Никол*и*—XIV в. ibid. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г. (*Буслаевъ*. Матеріалы...): свѣд*и*тели—л. 65 об. Срв. наше Касимов. выше: «свиди́теіль»—Касим. у. passim и г. Спасскъ Ряз. губерніи.

[1]) *Шахматовъ*. (Изслѣд... Стр. 237) говоритъ: «Я увѣренъ, что въ современныхъ говорахъ можно найти слѣды явленій, пережитыхъ древне-псковскимъ говоромъ и не чуждыхъ, вѣроятно, и другимъ говорамъ»... Въ нашихъ говорахъ находятся почти всѣ признаки того, что они когда-то были особенно связаны съ псковскимъ говоромъ, составляли одну общую группу говоровъ. Шахматовъ такъ характеризуетъ древній псковскій говоръ на основаніи изслѣдованій Соболевскаго: «судьба звуковъ *о—а—е* въ древне-псковскомъ говорѣ стояла въ какой-то тѣсной связи и зависимости отъ мягкихъ *с, з, ц* и шипящихъ»... Смѣшеніе *ч* и *ц*, *ш* и *с*, *ж* и *з* въ др. псков. памятникахъ «объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли *въ сред-*

скаго уѣзда вообще довольно близко стоятъ къ говорамъ псковскимъ, въ особенности по своему консонантизму: и тѣ, и другіе—шепелеватые (ç, з^{ж}, ж^{з}, т^{с}, ч^{ц}), какъ отчасти уже можно было замѣтить изъ примѣровъ, въ достаточномъ количествѣ приведенныхъ нами въ I-ой части нашего труда. Наши говоры ближайшимъ образомъ находятся въ связи *съ тѣми* говорами сѣв.-влкр. нарѣчія, изъ которыхъ получился между прочимъ и псковскій говоръ. Въ старомъ новгородскомъ говорѣ это звуковое явленіе, повидимому, было менѣе распространено, чѣмъ въ старомъ псковскомъ (См. *Соболевскаго*. ibid.); но западные говоры восточной группы древнихъ русскихъ нарѣчій знали это звуковое явленіе хорошо: срв. племеньникъ—Четья 1489 г. *Карпинскій*. 8. непрѣетелю—ib. л. 206. Карп. 9. (Впрочемъ, срв. въ ряз.—Скоп.: „пăкаје́нья"—д. Журавинка; вскля́нь—Скопинъ („до́-верху", по́лно) и „вскле́нь"—Даль. Слов.; навстря́чь—Скопинъ—при „навстрѣ́чь"—ibid.). Такимъ образомъ, переходъ *я́* въ *е́* въ означенномъ положеніи мы имѣемъ не только передъ мягкимъ *конечнымъ* согласнымъ, но и въ серединѣ слова (См. также *Брандта*. Лекціи по историч. грам. р. язк. Стр. 28). Изъ сѣверно-великорусскаго отмѣчено это явленіе въ Олонецкомъ говорѣ: повѣнце́лись, запеце́литсе, зе́ть, взе́ли, исполне́ть, гре́зь, перекресте́сь, нате́гивает, че́шша [1]); *въ Вятскомъ говорѣ особенно часто*: забреце́ло, завѣце́ю, обвѣнце́ли, зе́ть, взе́ли, опе́ть, зне́ли (сня́ли), не гле́нится, пре́ники [2]), скле́ница (срв. въ Псков. Прологѣ 1383 г. у Соболевскаго—ib.: вь стьклѣници); въ Арханг. Вологодск. и Пермск. распространено это явленіе повсемѣстно: сіе́ть, стое́ть, че́ща, наче́льник, каче́ть, каче́й, де́дя, зе́ть, гуле́ть, роне́ть, погоне́й, не́ня, пе́ть, се́дь, ковыре́ть [3])... Такое же произношеніе этихъ словъ мы видѣли выше и въ нашихъ

ній звукъ (у насъ: ч^{ц}), *ш* и *с*—въ š очень мягкое (у насъ: ç), *ж* и *з* въ ž очень мягкое (у насъ: *з*^{ж}, *ж*^{з})». Стр. 233... «Древне-псковское нарѣчіе по чертамъ своего вокализма не принадлежало къ говорамъ β». Ibid. И въ нашихъ говорахъ мы замѣчаемъ смѣшеніе чертъ говоровъ α и β. Замѣтимъ, что такіе-же *з* и *с* мы находимъ въ Смолен. Порѣцк. у.

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... ib. 121.

[2]) *Колосовъ*. ibid. 223. Въ виду вятск. скле́ница нѣтъ надобности считать *опискою* и др. псковское: стьклѣници. Срв. Шахмат. ib. 232.

[3]) *Колосовъ*. ib. 326. (скле́ница—см. стр. 234).

говорахъ. Думаю, что этимъ-же фонетическимъ закономъ объясняется и варьянтъ произношенія: пе́тля при пя́тля (*Колосовъ*. Замѣтки... ib. Стр. 123. Олон. Каргопол.), съ другой стороны,—петля́, откуда: питля́ и затѣмъ: пи́тля (*Колосовъ*. ib. Стр. 320. Перм.). Изъ другихъ мѣстностей свр. нарѣчія приводятся: кне́сь, кне́зя, бое́ринъ, персне́ми, среже́итсе [1]), (Арх. губ. Онеж. у.); це́до—передъ твердымъ согласнымъ (вѣроятно, изъ формъ другихъ падежей: о це́ди...)—Шенкурск у. [2]). Въ Уржумск. у. Вятской губ. мы слышимъ: ве́знуть, гре́зной [3]). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* между прочимъ находимъ: поклоне́юся—Арх. 84, стое́ли—Арх. 101; но и: переве́зоцьку—Олонец. 105; но масса примѣровъ и такихъ, какъ: кня́зь, хозя́инъ, хозя́юшка, гуля́ю, гуля́ньицо и проч., если только можно довѣрять записи (См. мою рецензію на этотъ Сборникъ. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ 1895 года). Изъ бѣлорусскихъ говоровъ къ нашимъ ближе подходятъ въ этомъ отношеніи говоры Смоленской губерніи (кромѣ части Минской, Витебской—см. выше и стр. 253. прим. 1): здѣсь мы находимъ: криче́ть, гле́дючи—уу. Смоленск., Ельнинскій, Духовщинскій, Бѣльскій, Рославльскій [4]). Въ Могилевской губ. также: гле́дзючи, но и: дре́нно [5]). Срв. здѣсь-же с. Озераны: пе̌́ць (=пять), ў̌зе́ли, ме̌́са, ўсе́кій [6])..., вѣроятно, чрезъ формы: ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій... Гродн.: зне́ли вм. сня́ли [7]). Разсматриваемое нами явленіе довольно обычно и въ южно-малорусскихъ говорахъ: въ Галицкомъ и Угро-русскомъ: гуцульск. ўзе́ти, пе́ницеми (твор.), даже: жӓль и т. п. со звукомъ *ä* [8]). Въ Покутьѣ мы слышимъ: пе́тий, леже́ти; въ Бережанск. окр.: зе́ть, но и: че́съ. Такъ-же и въ собственно-галицкомъ говорѣ: пе́ть и друг. [9]). Мѣстами мы слышимъ и: мье́со вмѣсто мя́со—

---

[1]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 14.

[2]) Ibid. Стр. 15. Также стр. 16. 17. 19.

[3]) *Соболевскій*. ib. Стр. 22.

[4]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 13.

[5]) Ibidem. 14.

[6]) Ibidem. 19.

[7]) Ibidem. 29.

[8]) Ibidem. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 60.

[9]) Ibidem. 50. 49.

Люблин. губ Томашов. у., прийнéти (=принят́ь), лежéть (=лежáтъ—3 л. мн. ч.)—ib. Холмск. уѣзда [1]. Неударяемое-же *е* изъ *я* мы слышимъ почти повсемѣстно и довольно часто и въ украинскомъ, и въ сѣв.-млр. говорахъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ малорусскихъ говорахъ *é* изъ *я́* встрѣчается довольно часто и въ положенiи передъ твердымъ согласнымъ, между тѣмъ какъ въ свр. нарѣчiи мы видѣли этотъ звукъ въ положенiи передъ твердымъ согласнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, объясняемыхъ, большею частью, образованiями по аналогiи. Это стоитъ, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что звукъ *'а* неударяемый еще въ общерусскомъ языкѣ имѣлъ склонность переходить въ звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ независимо отъ слѣдующей за нимъ согласной: мягкость предшествующаго согласнаго оказывала большее влiянiе на гласный звукъ, чѣмъ мягкость слѣдующаго согласнаго; во всѣхъ вышеприведенныхъ малорусскихъ примѣрахъ мы видѣли звукъ є ('е), смягчающiй предшествующую согласную, изъ *'а*, но этотъ звукъ всетаки отличался тѣмъ, что онъ могъ и не быть звукомъ небнымъ, т. е. въ своей дальнѣйшей судьбѣ онъ не слился со звукомъ малорусскимъ *i* изъ *ѣ*, между тѣмъ какъ великорусскiй звукъ *'é* изъ *'á* все болѣе дѣлался небнымъ, приближаясь къ звуку *i*. Слѣдовательно, семья малорусскихъ говоровъ въ этомъ отношенiи составляетъ особую группу, хотя процессъ суженiя *неударяемаго 'а*, вѣроятно, былъ свойственъ общерусскому языку, и отсюда пошло дiалектическое различiе [2].

---

[1]) Ibidem. 45. 46.

[2]) Въ древне-русской письменности мы также находимъ: държелъ еси—Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 196 (П. С. Р. Л. XVI). святае Уфимья—ib. 222. проявлеше—ib. 120. Но и: стъкланица—ib. 123. слышети—ib. 42 (Значитъ, и не подъ ударенiемъ). Срв. также не подъ ударенiемъ: светого—Грам. 1396 г. (Акты ЮЗ. Россiи. № 4. Т. I). Въ Витебской Грамотѣ ок. 1301 г. (Рус.-Лив. А. № 49) кнéжо при княжо, гдѣ *ж*, вѣроятно, еще колебалось относительно своей мягкости: жяль, жялобою, горожянъ, горожяне и т. п. Сравни въ Актахъ Юридическихъ: Вежицкого монастыря при Вяжицкѣмъ хрестьянемъ и дiякъ Васюкъ Якимовъ Вежицкой—№ 62. (1501 г.); у племенника своего—№ 79 (1539 г.). Здѣсь же читаемъ: ручяемъ, какъ и въ Лавр. спискѣ лѣтописи: надъ ручаемъ—л. 27 (Быть можетъ, это слово склонялось, сохраняя въ косв. падежахъ ударенiе именительнаго: *ручáй* и *ручéй*). Въ Смолен. Лѣт. мы то-

§ V. Теперь приведемъ нѣсколько данныхъ, касающихся звука *ё* (*'о*) изъ *е* въ его исторіи.

Нѣкоторыя интересныя параллели къ нашимъ словамъ, приведеннымъ въ I-ой части нашего труда, въ IV-ой главѣ, изъ говоровъ Касимовскаго уѣзда, находимъ мы и въ другихъ русскихъ говорахъ, отклоняющихся въ этомъ отношеніи вмѣстѣ съ нашими касимовскими говорами отъ литературнаго нарѣчія, которое представляетъ намъ звукъ *е* ударяемый въ этихъ примѣрахъ. Напримѣръ, „они роютъ и копаютъ, елинушку *тёшутъ*: молодому полковницьку вѣцьной домикъ строятъ“ — Дер. Усолье, Онеж. у., Арханг. губ. (Сборникъ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша*. Стр. 223. Спб. 1894 г.). Срв. въ нашихъ говорахъ выше: патёшутъ — 3 л. мн. ч. — *Лѣсново* Касим. у. Въ этомъ же Сборникѣ пѣсенъ неоднократно находимъ: дёржишь — Стр. 35 (Олонец.), дёржи́тъ — 48 (Олонец.), испридёржала — дёржало — Стр. 64. 65 (г. Онега Арх. губ.), сдёржитъ — 175 (г. Кемь Арх. губ.), дёржи́тъ — 201 (Дер. Усолье Арх. губ., см. выше: тёшутъ). Въ Новгородскомъ говорѣ мы имѣемъ также: дёржитъ, трёснулъ, отпёхнуть и друг. (*Колосовъ*. Замѣтки... ib. 14) при древне-русскомъ: спехнуша — Лавр. списокъ л. 46; во Владимирской и Ярославской губ. — тоже: дёржитъ (*Колосовъ*. ibid. 289); Вятск.: нёбо, вёрх и даже: ёй, о нёй, своёй, какъ и въ нашихъ говорахъ (ib. 220). Срв. царёвна — въ сказкѣ Олонец. края — *Колосовъ*. ibid. Стр. 207. Уже въ Псковской 2-ой Лѣтописи XV вѣка мы имѣемъ: Въ лѣто 6981. Пріѣха изъ Рима за князя великого Ивана Васильевича *царовна*, и пріѣха на Псковъ и на Новгородъ; а Псковичи много чтиша ю и даша въ даръ 50 *рублов*ъ“. П. С. Р. Л. V. Стр. 36. Срв. *Колосовъ*. ibid. Стр. 120. Приведенныя данныя изъ народныхъ говоровъ убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, въ томъ, что такія формы, какъ литературная: „царёвна“, *вовсе не свойственны* русскому языку и, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ въ ювр. нарѣчіи какой-нибудь аналогіи (царё-

---

же имѣемъ: надъ ручаемъ — 230. Обыкновенно въ формѣ твор. падежа. Можетъ быть, это два разныхъ образованія: *руча́й* и *руче́й*, а, можетъ быть, и фонетическое измѣненіе. Срв. въ Лавр. лѣт.: чалѧдью — л. 27. при совр. че́лядью; деревлене — л. 28 при древлѧне — л. 29. *ме* вм. *мѧ* — л. 169. столб. 1, (какъ въ нашихъ говорахъ: *je* вм. *я* — выше). *Спусте* вм. *спустя* — АЮ. № 10 (1503 г.); отъ Истри врагомъ ручаемъ — АЮ. № 410 (1472) и мн. др.

вичъ?); съ другой,—что такія формы, какъ литературная и ювр. „де́ржиш“, представляютъ изъ себя остатки древняго произношенія, видоизмѣнившагося въ свр. говорахъ, въ которыхъ, очевидно, ранѣе отвердѣлъ звукъ *р*, и потому получилось также фонетически правильное произношеніе: дёржиш; срв. древне-русское: дерьжаху—Лавр. сп. Лѣт. л. 30. Срв. также вятск. вёрх при ювр. ве́рх изъ и при ве́рьх (ювр. и московское). До сихъ поръ мы привели данныя изъ древне-русскаго языка, представляющія произношеніе *ё* въ XV вѣкѣ, но, конечно, такое произношеніе *е* было извѣстно и гораздо раньше; вообще, я думаю, что слѣдуетъ усматривать въ русскомъ языкѣ переходъ *е* въ *о* (*'о*) гораздо раньше, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ: хотя у насъ есть *немного* данныхъ для такого предположенія, но *эти данныя нельзя оставлять безъ вниманія* или принимать за ошибочныя. Такъ, мы имѣемъ уже въ XI-мъ вѣкѣ примѣры перехода *е* въ *'о*, *проникшіе даже въ письменность* (Срв. *Шахматова*. Изслѣдованія... Стр. 191—192. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 61). Мы, напримѣръ, должны видѣть *не описки*, а свидѣтельство фонетическаго процесса въ живомъ языкѣ въ слѣдующихъ написаніяхъ: Изборникъ 1076 г.: тѣхъ вождевъ възискаша и ꙗшаса *твордо* за роукꙑ ихъ—*Срезневскій*. Др. пам. р. яз. и письма (Изв. АН. X. вып. V. Стр. 428). Доказательствомъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ опискою, служитъ свидѣтельство другого памятника, показывающаго намъ, что въ написаніи *твордо* мы видимъ просто неумѣлую передачу на письмѣ живого произношенія, желаніе приблизить написаніе къ произношенію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Смоленской Лѣтописи Аврамки 1495 года, писецъ которой *несомнѣнно* уже зналъ произношеніе *е* какъ *'о* въ извѣстныхъ случаяхъ, мы видимъ такой же способъ передачи на письмѣ произношенія этого слова, какой употребленъ въ Изборникѣ 1076 года; такъ, на стр. 117 мы читаемъ: *твордо* брашася и мужескꙑ храброваша— П. С. Р. Л. XVI. Стр. 117. Другіе примѣры XI—XII вѣка приведены у *Шахматова* l. c., у *Ягича* (Критич. Замѣтки. Стр. 35 и слѣд.), у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ l. c. Примѣры болѣе поздняго времени встрѣчаются гораздо чаще и не возбуждаютъ уже сомнѣнія ученыхъ; но надо вообще замѣтить, что хронологія извѣстнаго звукового явленія *лишъ*

приблизительна, и наши примѣры XI—XII вѣка могутъ принадлежать и, вѣроятно, принадлежатъ *языку*, *а не письму*. Такъ, въ XIII в., въ зап.-русской Псалтыри 1296 г. мы находимъ: ѩко на стѣноу *преклононоу* плотъ въ въздриновенъ— л. 118 об. (*Буслаевъ*. Матеріалы...); въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г.: *трохъ* (*Срезневскій*. ib. Изв. АН. X. вып. VI. 649); въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по тому-же списку XIV в. (*Срезневскій*. Спб. 1860) читаемъ: а двдъ и *ологъ* в черниговѣ—л. 136а; въ Параклитикѣ 1386 г. запись: при попе *Ѳодоре*.... (*Соболевскій*. Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 131); въ Ипат. спискѣ Лѣтописи: *коворъ*—л. 176. столб. 1. (фототипич.); въ Лавр. спискѣ: *потробу*—л. 86. столб. 1. (фототипич. изд.). Мы не приводимъ данныхъ изъ памятниковъ чисто свѣтской литературы, гдѣ данныхъ этихъ еще больше, чтобы показать, что это явленіе перехода звуковъ было очень распространено, равно не приводимъ данныхъ и болѣе поздняго времени. Изъ предыдущихъ примѣровъ мы видѣли, что этотъ переходъ *е* въ *'о* (сначала, вѣроятно,—*'ӧ*, которое тоже невозможно было изобразить на письмѣ, какъ и *ё*) извѣстенъ и сѣверно-русскимъ, и западно-русскимъ, и южно-русскимъ (кіевскимъ) памятникамъ ранняго времени, слѣдовательно, это явленіе перехода было извѣстно всей части русскаго языка, которая легла въ основаніе будущихъ великорусскихъ говоровъ. Въ нашихъ грамотахъ и актахъ этихъ же мѣстностей, т. е. написанныхъ на этомъ же нарѣчіи, мы *постоянно* читаемъ: „рубловъ“, а въ одной грамотѣ 1392 года находимъ: на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанью (Рус.-Лив. Акты. № 115), здѣсь-же читаемъ: *короломъ*—твор. п. ед. ч.

Само собой разумѣется, что и *аканье* надо отодвинуть *гораздо дальше* въ живомъ языкѣ, чѣмъ XIV вѣкъ, когда оно уже распространено даже въ письменности. Звукъ *о*^{а} былъ издавна извѣстенъ нѣкоторымъ русскимъ говорамъ, онъ, вѣроятно, діалектически восходитъ даже *къ общерусской эпохѣ*, и умѣренно-акающіе говоры несомнѣнно восходятъ къ говорамъ съ этимъ *о*^{а} въ предударномъ слогѣ. Написанія *жона*, *чоломъ* (въ Псковск. Смоленск. Лѣтоп. и мн. др.) уже должны были произноситься во время написанія: жо^{а}на́, чо^{а}ло́мъ... въ этихъ говорахъ, а въ другихъ: жана́, чяло́мъ...

Это замѣтилъ еще *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 36—37). Только при допущеніи нашего взгляда *о началѣ аканья задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ* можно объяснить себѣ такія написанія уже въ XIV вѣкѣ, какъ напр., „видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подрузѣ юго *йзламана*“—Сильвестр. списокъ Житія Бор. и Гл. XIV вѣка. л. 137b. (*Срезневскій*. Спб. 1860 г.). Срв. современное ювр. акающее: изла́манъ — ряз. (Мое соч. „Къ діалектологіи“... Стр. 21). Наконецъ, то обстоятельство, что въ свр. говорахъ мы находимъ звукъ *ё* независимо отъ ударенія и отъ предшествующаго согласнаго, доказываетъ намъ собой, что лишь этой части общевеликорусскаго языка *извѣстно было издавна* это звуковое явленіе *во всей силѣ*, между тѣмъ какъ той части, которая развила у себя съ теченіемъ времени полное аканье (его надо отличать отъ произношенія о^{а} въ древности; это послѣднее *могло и не развиться въ аканье*, а остаться на прежней ступени произношенія или *развить оканье*), извѣстно было звуковое явленіе перехода *е* въ *'о* лишь *до извѣстной поры*, до появленія аканья, обусловленнаго удареніемъ. Когда началось это аканье (гораздо раньше XIV в.), то и предударное *'о* (изъ *е—'ö*) перешло въ *'а*, какъ и *о* перешло въ *а* въ такомъ же положеніи. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, связавшихъ свою судьбу съ теченіемъ времени съ судьбою акающихъ говоровъ, какъ и въ блр. говорахъ, это предударное *е* (*'о*) подпало подъ вліяніе общаго закона объ аканьѣ, подчинившаго себѣ эту часть говоровъ при-Окскаго района. Если мы припомнимъ примѣры нашихъ касимовскихъ говоровъ: „пріѐд'у͡от дружка“—3 л. ед. ч. (*Парахино*) и под. и сопоставимъ ихъ съ свр. пріѣдёт и под., то мы увидимъ въ нашихъ касимовскихъ говорахъ ихъ *общую судьбу въ прошломъ съ сѣверно-великорусскими говорами*: звукъ *ё* въ свр. *пріѣдёт* восходитъ къ общерусскому звуку ӧ̄ долгому, которое въ этихъ говорахъ должно было пройти въ своемъ измѣненіи черезъ ту ступень, которая сохранена намъ въ касимовскихъ говорахъ: ӧ̄—ӧ͡ӧ—ӧ͡ʸӧ—у͡ӧ—у͡о. Такъ *приблизительно вѣрно* представляется мнѣ этотъ путь измѣненій. Слѣдовательно, мы и въ этомъ пунктѣ находимъ слѣды тѣснѣйшаго родства нашихъ касимовскихъ говоровъ съ говорами сѣверно-великорусскими въ ихъ прошломъ.

Глава IV-ая.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

О звукахъ шипящихъ и свистящихъ.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить не только о звукахъ, называемыхъ обыкновенно „шипящими“ и „свистящими“, т е. о звукахъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *с*, *з*, *ц*, но и о звукахъ *съ оттѣнкомъ* шипящимъ или свистящимъ, т. е. о звукахъ, которые мы назвали выше (часть I-ая, гл. VII-ая) звуками „*средними*“, именно,—*ч*ᶜ (*ц*ᶜ) — *ч*^{ц} ($ц^{ч}$), *ж*^{з} (*з*^{ж}), *ш*^{с} (*с*^{ш}), *д*^{з}, *д*^{ж}, *т*^{с}. Выше, въ VII-ой главѣ I ой части настоящаго труда, а равно и во II-ой части (III гл. § III), мы отмѣтили то обстоятельство, что наши касимовскіе говоры являются въ отношеніи согласныхъ звуковъ передне-небныхъ особенно интересными: именно, наши говоры вносятъ много новаго въ наши свѣдѣнія о такъ называемомъ *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, вносятъ много новаго и интереснаго и въ исторію звуковъ русскаго языка: *ц*, *ч*, а также—*ж* и *ш*. Наши говоры, обладая звуками *средними*, колеблющимися между *ц* и *ч*, *ж* и *з*, *ш* и *с*, и звуками: *д*^{з}, *д*^{ж}, *т*^{с}, могутъ по справедливости называться говорами *шепелеватыми* (своего рода—„мазуракающими“), а сравненіе ихъ съ другими русскими говорами приводитъ къ выводамъ, что 1) нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда вовсе *не единственный* изъ русскихъ, обладающій *средними* звуками описаннаго качества; 2) наши мнѣнія относительно цоканья въ древнихъ русскихъ говорахъ невѣрны, неполны и подлежатъ измѣненіямъ; 3) равнымъ образомъ наши представленія относительно цоканья и чёканья въ современныхъ русскихъ говорахъ тоже были до сихъ поръ не совсѣмъ правильны, и, наконецъ, 4) необходимо предложить *новое ученіе* о звукахъ передне-небныхъ, въ частности, о звукахъ шипящихъ и свистящихъ, въ русскомъ языкѣ, ученіе, согласное съ данными современной русской діалектологіи.

Вотъ мы и попытаемся дать новое освѣщеніе этому темному вопросу объ исторіи цокающихъ и чёкающихъ говоровъ, представимъ посильный опытъ изложенія исторіи цоканья и чёканья въ русскихъ говорахъ и укажемъ вѣроятныя причины возникновенія такихъ типичныхъ говоровъ. Припомнимъ, что

наши касимовскіе говоры въ однѣхъ мѣстностяхъ представляютъ намъ „*средніе*“ звуки, въ другихъ—цоканье, въ третьихъ—цоканье и чёканье. Для опредѣленія отношенія нашихъ говоровъ къ другимъ древнимъ и современнымъ обратимся прежде всего къ тому вопросу, какъ у насъ до сихъ поръ представляется вопросъ о цоканьѣ, и какими свѣдѣніями мы пользовались для объясненія этого явленія.

Пора намъ перестать думать, что *только одна* Новгородская область издавна знала мѣну *ц* и *ч*, такъ какъ распредѣленіе цоканья по современнымъ намъ народнымъ говорамъ никакъ не можетъ собою подтверждать нашихъ предположеній объ исключительности цоканья древне-русскаго языка въ предѣлахъ старой Новгородской земли. Все, на что мы имѣемъ право, пріобрѣтенное нами въ письменныхъ источникахъ для изученія др. русскаго языка, такъ это только на то, чтобы признавать въ древне-новгородскомъ говорѣ *смѣшеніе* звуковъ *ц* и *ч*, причемъ терминомъ „смѣшеніе“ нисколько не опредѣляется ни *качество* звука *ц* или *ч*, ни *характеръ* цоканья или чёканья. Весьма возможно, что, еслибы другія области оставили намъ въ наслѣдіе такую-же богатую письменность, какъ древній Новгородъ, то мы должны бы были измѣнить свое мнѣніе о другихъ древне-русскихъ говорахъ... Весьма возможно также, что историческія, политическія и культурныя условія древняго Новгорода отражались такъ или иначе на грамотныхъ людяхъ, уроженцахъ Новгородской области; быть можетъ, и писцы-грамотники здѣсь составляли собой нѣсколько иной типъ новгородцевъ, у которыхъ и отношеніе къ книгѣ выработалось иное, чѣмъ это было въ другихъ мѣстностяхъ... Конечно, все это предположенія, но нельзя не признавать въ этихъ предположеніяхъ возможности; нельзя рѣшительно отвергнуть эти предположенія, такъ какъ для этого нѣтъ основаній. Напротивъ того, сами эти предположенія навязываются и кажутся вполнѣ естественными при изученіи современной діалектологіи и памятниковъ древней русской письменности. Хотя явленіе цоканья и чёканья еще не изучено въ русскомъ языкѣ, еще не изслѣдовано; хотя и въ настоящее время не опредѣлено пространство, на которомъ народъ нашъ цокаетъ или чёкаетъ, не разъяснены причины этого явленія, не доведено это явленіе до праязыка, но нельзя сказать, чтобы оно не интересовало собой ученыхъ. Нѣкоторые

ученые даже строили предположенія, подобныя высказаннымъ выше нами, напр., Колосовъ (см. выше), но наука ни на чемъ опредѣленномъ не остановилась. Для меня лично болѣе всего имѣетъ значенія то мнѣніе, которое высказывается въ пользу какихъ-то очень мягкихъ звуковъ *ч* и *ц* въ прарусскомъ языкѣ [1]). Надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ ($ц^{ч}$, $ч^{ц}$); точно такъ-же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* ($з^{ж}$, $ж^{з}$); звукъ *с*—къ звуку *ш* ($с^{ш}$, $ш^{с}$); были особаго рода звуки *д'* и *т'* ($д^{з}$, $д^{ж}$= ѕ, ђ, ћ; $т^{с}$). Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка. При допущеніи этого предположенія понятенъ станетъ переходъ или чередованіе звуковъ: *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, понятны *слитные* согласные: ѕ (зѣло), ц, ч, ђ въ славянскихъ и родственныхъ языкахъ. При допущеніи же этой мысли нѣкоторые древнерусскіе говоры, какъ напр., древне-псковскій говоръ станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ [2]).

---

[1]) Срв. *Ляпунова*. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Спб. 1894. Стр. 5. *Лескинъ* въ Beiträge zur vergl. Sprachforschung. VI. 159. Я самъ имѣлъ случай говорить съ поляками изъ Петрокова, и въ ихъ польскомъ говорѣ меня затрудняли звуки: c′(=почти $ц^{ч}$), s′(=почти $с^{ш}$), z′(=почти $з^{ж}$).

[2]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фонетики. В. 1893) говоритъ: «. .мы видимъ указаніе на какое-то особенное свойство мягкихъ *с*, *з*, *ц* и шипящихъ въ древне-псковскомъ говорѣ сравнительно съ прочими мягкими согласными. Такое указаніе подтверждается и другимъ: въ псковскихъ памятникахъ мы находимъ не только смѣшеніе буквъ ч и ц, смѣшеніе обычное въ сѣвернорусскихъ нарѣчіяхъ, но также еще смѣшеніе буквъ ш и с, ж и з, щ и ст или сц (послѣднее изрѣдка встрѣчается въ двин. и новгород. памятникахъ)... Такая особенность указанныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли въ средній звукъ, который обозначимъ č очень мягкое, *ш* и *с* въ š очень мягкое, *ж* и *з* въ ž очень мягкое: эти новыя нёбныя согласныя отличались отъ прочихъ согласныхъ мягкихъ своею особенною мягкостью»... Стр. 233. Я вполнѣ согласенъ со взглядомъ Шахматова на образованіе такихъ среднихъ звуковъ и на смѣшеніе звуковъ ш и с, ж и з, въ говорахъ русскаго языка, но только думаю, что такіе средніе

Точно такъ же становится понятнымъ чередованіе *ст* и *сц* въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ формахъ, какъ: дъстѣ и дъсцѣ, русьстіи и русьсціи и т. п., гдѣ видно, что *т*' (*т* — мягкое) принимало свистящій оттѣнокъ *т*ᶜ. Наконецъ, польскіе мазуракающіе говоры, словацкіе шепелеватые говоры, въ которыхъ мы имѣемъ: šeƀe, dzešat', želený и т. п. заставляютъ насъ возвести разсматриваемые слитные звуки къ эпохѣ общеславянскаго языка и признать эти звуки діалектическимъ явленіемъ общеславянскаго языка. Кромѣ польскихъ и словацкихъ говоровъ, къ такому же заключенію приводятъ насъ нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе [1]); наконецъ, и самому старославянскому языку не чуждо цоканье и чёканье въ отдѣльныхъ словахъ: по крайней мѣрѣ, въ Супрасльской рукописи и въ Саввинной Книгѣ встрѣчаются написанія: црьнориз̑ьць, доконьча, село скѫдьльнице [2]). Ограничиваясь пока областью однихъ русскихъ нарѣчій, мы можемъ замѣтить, что въ древности шепелеватый говоръ былъ извѣстенъ и предку нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, и предку нынѣшняго великорусскаго. Самыя цѣнныя указанія изъ литературы по этому вопросу въ области стараго галицко-волынскаго говора принадлежатъ А. И. Соболевскому, у котораго въ трудѣ: „Очерки изъ исторіи русскаго языка" (Ч. I. Кіевъ. 1884) мы читаемъ: „Мѣна шипящихъ и свистящихъ была очень рѣдка въ древнемъ галицко-волынскомъ нарѣчіи и существовала, вѣроятно, только въ немногихъ его говорахъ. На нее мы находимъ указаніе въ: бицъ — Тип. № 6., очта, обѣщничи, ѡверзешися, ложьѥ — Полик. Ев. 1307 г., такозде, тозде — Луцк. Ев., помысляи, скрусьна (=скрушена) — Ефр. Сирин." и друг. [3]). „Въ современныхъ малорусскихъ гово-

---

č, š, ž очень мягкіе не могутъ называться вообще *новыми* звуками, такъ какъ противъ этого говорятъ русскія и славянскія нарѣчія (см. выше, въ текстѣ); эти звуки діалектически были извѣстны даже общеславянскому языку и перешли въ діалекты прарусскаго языка.

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ исторіи р. яз. стр. 150. 151. 152.

[2]) *Соболевскій*. Ibid. 152. *Miklosich*. Mon. linguae palaeosl. e cod. Supr. 90. *Срезневскій*. Пам. юсового письма. Саввина Книга. Стр. 33 и 109. Здѣсь *ч* и *ц* напечатаны курсивомъ.

[3]) *Соболевскій*. Ib. Стр. 111. См. примѣч. 2. Говоря здѣсь о замѣнѣ *ж* черезъ *з* въ Ипат. спискѣ Повѣсти вр. лѣтъ, Соболевскій замѣчаетъ: «Остает-

рахъ", продолжаетъ Соболевскій, „взаимная мѣна шипящихъ и свистящихъ, существовавшая въ обширныхъ размѣрахъ въ древнемъ псковскомъ говорѣ,—неизвѣстна" [1]). Но далѣе приводятся примѣры изъ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ: через, цес; галиц ци, цитати; лемковск. цюю [2]). Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что нынѣ гдѣ-либо мы не замѣчаемъ мѣны шипящихъ и свистящихъ звуковъ, еще не доказываетъ собой того, что этой мѣны никогда здѣсь и не было: по крайней мѣрѣ, въ области малорусскаго нарѣчія были въ древности шепелеватые говоры; южновеликорусское нарѣчіе же и донынѣ сохранило мѣстами слѣды бывшей шепелеватости, какъ увидимъ ниже. Слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ исторіи шипящихъ и свистящихъ звуковъ русскаго языка является то обстоятельство, что въ современныхъ намъ говорахъ великорусскаго нарѣчія есть такіе, которые *имѣютъ до сихъ поръ мягкое ц*, и замѣчательно то, что тѣ говоры, которые имѣютъ мягкое *ц*, знаютъ и обратную мѣну звуковъ *ц* на *ч*, а не только мѣну *ч* на *ц*. Это преимущественно сѣверно-великорусскіе говоры [3]). Кромѣ такихъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ которыхъ мы находимъ мягкое *ц*, цоканье и чёканье, есть еще говоры, гдѣ до сихъ поръ слышится звукъ средній между *ч* и *ц* ($ч^ц$, $ц^ч$); это собственно и есть говоры *шепелеватые*, но мы выше придавали это названіе, вообще обозначая имъ особенность произношенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ, состоящую въ смѣшеніи шипящихъ и свистящихъ. Говоря о цоканьѣ, мы вносимъ въ свое разсужденіе и вообще шипящіе звуки, кромѣ звука *ч*, т. е. мы касаемся и звуковъ *ж*, *ш*, такъ какъ тѣ говоры, которые отличаются теперь особенностью произношенія этихъ

ся вопросомъ, гдѣ явилось это *з*, на югѣ, или на сѣверѣ». Конечно, по отношенію къ Ипат. списку это—вопросъ; но вообще несомнѣнно, что переписчикъ не переправилъ этого *з* потому, что и въ его говорѣ слышались подобныя произношенія. Смотри другіе примѣры изъ Ипат. лѣт. выше въ текстѣ.

[1]) *Соболевскій*. ib. 111.

[2]) Ibid. 111. Срв. *Ogonowski*. Studien... 72. Однако есть и въ млр. твердое *ц*. См. ниже.

[3]) Насколько, конечно, можно судить по *печатнымъ* матеріаламъ и изслѣдованіямъ.

послѣднихъ звуковъ, принадлежатъ къ говорамъ шепелеватымъ и смѣшиваютъ *ж* съ *з*, *ш* съ *с*, а, слѣдовательно, въ области согласныхъ передне-небныхъ переживаютъ явленія, однородныя съ *цоканьемъ* или *чеканьемъ*, а потому мы, въ интересахъ цѣлостности разсужденія, и далѣе будемъ имѣть въ виду явленія въ области всѣхъ вообще шипящихъ звуковъ и ихъ замѣны свистящими или наоборотъ.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя изъ современныхъ намъ говоровъ относительно мягкаго *ц* и чёканья, а затѣмъ— относительно средняго звука *ч*ц, *ц*ч. *Мягкое ц* мы имѣемъ въ говорахъ: *Новгородскомъ Кирилловскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: кобацёкъ, заплацю, си́ннича (вѣроятно, фонетически: *си́ннича*); въ *Новгород. Череповскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: ця́ялъ, чена́, ку́рича (—чя?); въ *Бѣлозерскомъ*: винця́, бра́тецъ; *въ Олонецк. Каргопольск. и Вытегорск.* повенце́лись, си́кци [1]); *въ Повѣнецкомъ*: братцёвъ. Срв. столичѣ, граничѣ; борци, на дворци, молодци; личя́ [2]); братци [3]), стрѣльця, ларци, братци́ и мн. др. [4]); живуци, цяемъ, оци, кормильця, сердчё, потѣшаюци, птичей, туци, идуци, цего, летяци, прячюци, птиця, лицю, дивиця, ноцью, цево, дѣвичю, птичя, сердцю, сестрицю, оцень, дѣвицю, дѣвиця,

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Живая Старина. 1892. Вып. II. стр. 11, 12, 13. Оказалось, что вытегорскій говоръ, по позднѣйшимъ наблюденіямъ, тоже—чёкающій, какъ и слѣдовало ожидать, не смотря на мимолетныя «Замѣтки» Колосова: въ немъ мы встрѣчаемъ: кормилечъ (— чъ?) и т. п. Я увѣренъ, что и въ другихъ говорахъ, гдѣ только показано наблюдателями мягкое *ц*, сохранилось донынѣ или, по крайней мѣрѣ, было прежде и *чеканье.* Новыя наблюденія должны время отъ времени производиться, и русская діалектологія отъ этого только выиграетъ, какъ и исторія русскаго языка. Срв. у *Барсова.* Причитанья сѣвернаго края. II. Стр. 101: при сродчахъ сродничкахъ... Стр. 116: сердчё (*ч*—мягкое, а выше—неправильное этимологич. написаніе); стр. 120, 121: личе; 137: ранчи; 159: деревче и друг.

[2]) *Гильфердингъ.* Он. былины. Столб. 120. 138. 29.

[3]) Ibid. 71.

[4]) Ibid. 77. 173. Срв. *Колосова.* Замѣтки... Ibid. стр. 121—122. *Барсовъ* Причитанія. I. стр. 39: живуци; кормильця—57; сердча, оци—74; сродчи—99; срв. 113; полуноци—179; горѣци—185; бладенця—195; ко ларчамъ да окованымъ—200; красота была въ личѣ—201 и мн. др.

дѣвоцьи и дѣвочьему [1]). Что касается говора окрестностей *Кенозера* и *Моши*, то онъ, конечно, тоже имѣетъ *мягкое ц* и чёкаетъ [2]), какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: чѣловальники, скачéнъ жемчугъ [3]) (вм. скатˢéнъ—скацéнъ), станицю, дѣвици, улицю; (срв. *ш'* (*ш*—мягкое): пишё—3 л. ед. ч. — Гильфердингъ. 1056, 1178); купцями, богачествомъ, целомъ, гонцёвъ, лиця, чѣловальники и чѣловальники, пьяници, Муромци, уздицю, муниця, вѣнци, новгорочкіемъ, сердцё, чэря (чяря?), Муромецъ, Муромечь, Муромчо, Муромча, рукобитьиче и мн. др. [4]). Сравни въ Сборникѣ Истомина: *въ Петрозавод. у. Оло-*

---

[1]) *Барсовъ*. Ibidem. I. 39. 40. 52. 57. 59. 74. 76. 80. 98. 115. 149. 211. 212. 213. 218. 222. 223. 234. 255. 254. 257. 256. Вообще, гдѣ въ записяхъ стоитъ (въ цокающемъ говорѣ) послѣ *ч твердый* гласный, тамъ я принимаю такія написанія за фонетически-ошибочныя, сдѣланныя подъ вліяніемъ нашей орѳографіи. Это, конечно, относится къ говорамъ съ *мягкимъ ц*. См. ниже.

[2]) Въ словахъ *Соболевскаго*: «Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно)». Жив. Стар. ibid. 14—я вижу здѣсь какое-то недоразумѣніе. Соболевскій взялъ это замѣчаніе у Гильфердинга. Он. былины. Введеніе. Стр. XXXI, но мы выше (въ текстѣ) видѣли примѣры *чёканья* изъ былинъ, записанныхъ самимъ-же Гильфердингомъ въ этихъ мѣстностяхъ, затѣмъ видѣли *мягкое ц*, да и замѣчаніе самого Гильфердинга во Введеніи не зачѣмъ было такъ комментировать, какъ это сдѣлалъ Соболевскій въ Живой Старинѣ 1892. II. 14—въ скобкахъ. Да, кромѣ того, *Рыбниковъ* довольно точно выразился о произношеніи здѣсь звуковъ ч и *ц*. Онъ говоритъ: «*ц* и *ч* постоянно употребляются одно вмѣсто другого или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *цъ*, напр., чѣлый, чѣдить, молодець, умничя, ларчя, личо, цюжой, вецёръ, поворьчюсь»... *Рыбниковъ*. Пѣсни. IV. (Спб. 1867). Стр. 279. Очевидно, здѣсь Рыбникову слышался звукъ *средній* (*ч*ᶜ, *ц*ᶜ). Срв. у него-же III. (Петрозав. 1864). Стр. 347: «Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: *ч* произносится, какъ *цъ*»... (Примѣчаніе). Срв. здѣсь-же ниже, стр. 349. прим.: «*ц* произносится какъ *цъ*». См. ниже въ текстѣ у насъ.

[3]) *Гильфердингъ*. Он. был. Стлб. 1052. 1064.

[4]) *Гильфердингъ*. Ibid. Стлб. 1050. 1052. 1053. 1054. (Срв. 1057 *ш'*—*с*) 1062. 1078. 1098. 1099. 1108. 1123. 1134. 1135 (Срв. *с*—*ш'*—1146. 1320). 1176. 1178. 1230. 1234. 1242. 1245. 1250. 1294. 1296. 1297. 1304. Мы здѣсь нигдѣ не приводили примѣровъ употребленія *ц* вмѣсто *ч* (собственно *цоканья*), такъ какъ эти примѣры сами собой подразумѣваются въ разсматриваемыхъ теперь нами сѣв.-влкр. говорахъ.

нецкой губ.: золоцёному, тоцёному, вѣнцятися—29, сердчё, полянички, полянича (—чя?)—35, цядо́—36, разгоряетця—47, Ивановиця—47, братцю—48, улицю, улицямы—50; *Повѣнецк. у.*: царь—51, цярицоя—52, цюжедальные, цево—85, вѣнцю—106, дѣвиця, красавиця—110, примѣцяли—145, цють — ib., кузници, кузнеця, клюцёмъ, клюця, молодця—151, сердцё—171, крыльцё, кольцё, словцё, полуцяй—174, молодечъ(—чь)—30 (Повѣнец.), въ паличи—33. Въ говорахъ *Архангельской* и *Вологодской* губерній мы имѣемъ то-же самое: *г. Онега*: краса́вичя, молотчя́, чена́ [1]; *Шенкурск.*: цясъ, цюдо, цедо(=чадо); въ *Кемск.*—то-же; *Вельск. Вологодск.*: доць, тецётъ, свица(—ця), личо(—чё?), сончо(—чё?), чвитъ („съ *ц* мягкимъ"), пусцю́, полицю́ (=полечу); *Яренск.*: пеце́ль, несце́сье; *Сольвычегод. Вел. Устюжск*: цястой, мостоцьку [2]; отця, отцю; то-же въ *Тотем. Кадников. Грязовец. Никольск. уу.* [3]). *Въ Тверской губ. Корчевск. у.*; *Ярославск. Молож. и Пошехонск.*: цесць, цёмно, цюже́нинъ, цясъ [4]); относительно *Владимирской* губерніи (цокающей ея части), а также *Тамбовской*, *Нижегородской* и *Рязанской* (цокающей ея части) мы можемъ сказать, что въ этихъ послѣднихъ замѣчается *отвердѣніе ц*; по крайней мѣ-

---

[1]) Жив. Стар. 1892. II. 14. Въ Сборникѣ *Истомина*: рѣць, цясты́е—г. Онега—стр. 5; лицё—12; лицёмъ—18; каця́тъ—63; на́встрѣцю—63; клюци, закрыцялъ, княженецького, цёботовъ, горницю—64; сердцёмъ—65; зыцёнъ—83; руцюшку—84; Петровиць—91; дѣвиця — 93; воротця—93. Срв. 98. 101. 102. 103 (*щ*: шёлкова); вецёръ, ноцью́, цясъ—108. 109. 111. 112; цяй, сестрицями—113. 114. 115; сватовцю—116; цюжо, одива́льницёй — Шенкурск. — 117. 118. 119; взголовьицё, Архипыця, встрѣцять, цюлоцькахъ — 119. 120. 121. 123 и мн. др. Срв. 135. 136.—*Кемь*: Михайловиця, у́цила, цядо, оцёсливой, примѣцяй, жемцюжная. Срв. 140, 141. Срв. чесна, черезъ и друг.—153. 155; съ *черною* грязію—200; *цёрну*—221 (Очевидно, что говоръ со среднимъ чц—цч и, слѣдовательно, *чекающій*. Срв. у *Соболевскаго* выше: чена̀, личо̀...). Изъ сопоставленія этихъ и другихъ примѣровъ видно, что *отсутствіе примѣра на ч вм. ц* въ Сборникѣ *Истомина* въ пѣсняхъ Арх. губерніи объясняется неточностью записи. Срв. *мою рецензію* на этотъ Сборникъ: *Ученыя Записки Имп. Казан. Унив. 1895. Мартъ.* Критика.

[2]) Жив. Стар. ibid. 15. 16.

[3]) Ibidem. 17. Срв. *Бѣлоруссова*. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологод. губ. В. 1887. Стр. 30. 37. 38. *Колосовъ*. Замѣтки... ib. 329. 330.

[4]) Жив. Стар. ib. II. 17. 18. Срв. *Колосова*. Замѣтки... ib. 19.

рѣ, и изъ описаній, и изъ личныхъ своихъ наблюденій я вывожу заключеніе, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ *отвердѣвшее ц*, но и здѣсь оно *было мягкимъ*; это видно изъ того, во первыхъ, что среди говоровъ этихъ губерній встрѣчаются и *чёкающіе* (Влад Меленк.—чалковой; Рязан. Касим. см. ниже) [1]); во—вторыхъ, изъ того, что среди этихъ говоровъ есть и говоры съ мягкимъ *ц*ч или *ц*ц, т. е. со звукомъ среднимъ [2]). Далѣе, въ *Вятской* губ.—то-же: цярь, отець, цюдо и чюдо, чюлъ (*особенно мягко*) [3]), оцюнно, цюю, сцесье, молодичя, лючки́ (=людскі́), забрецéло, бречя́ть, цею (=чаю), циво, чу́еччя—3 л. ед. ч., любу́юччя—3 л. мн. ч. (тоже въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда), бречéть [4]) — это явленіе во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи; это же явленіе мы встрѣчаемъ частью въ *Костромской* губ., въ *Пермской*, въ *Сибири* [5]).

Въ *бѣлорусскихъ* говорахъ мы имѣемъ цоканье при чёканьѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Витебской губ. Велижск. у.*: при: цаго́, цасо́цыкъ—серча, черьква; мацыха — женитча; *Витебск.* у.; *Городокск.* у.: цыстъ, жэмцухъ, но: ча́рства [6]). Наконецъ, въ *Смоленской* губ. (частью) и въ прилегающей части *Тверской* губ. мы тоже встрѣчаемъ: доцъ, цасъ, но: вулича, чарства и мн. др. [7]). *Малорусское* нарѣчіе, какъ извѣстно, *сохранило въ большей части* своихъ говоровъ *мягкое ц* [8]).

Изъ приведенныхъ данныхъ наглядно видно, что въ настоящее время, можно сказать, большая часть Россіи заселена говорами, знающими мягкое *ц* и чёканье. Мы видѣли это фонетическое явленіе на громадныхъ пространствахъ Архан-

---

[1]) Ibid. 19. *Колосовъ*. Замѣтки... Стр. 300.

[2]) См. *Ляпунова*. Ук. Соч. passim. См. также въ концѣ *карту*.

[3]) Жив. Стар. ib. II. Стр. 19—22. *Колосовъ*. ib. Стр. 224. 225. Примѣры въ пѣсняхъ: Стр. 244. 245 (охотницёк); 254 (крыниця); 256 (царя); 273 (птичи—род. ед.); 276 (птиця); 277 (крыльцяхъ); и мн. др.

[4]) Жив. Стар. ib. 22. Срв. *Колосова*. ib. 223.

[5]) Жив. Стар. ib. 23—25.

[6]) Жив. Стар. 1892. III. стр. 9. 10. *Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 544. Смоленск. Пореч. *сербуцій, ломуцій*...

[7]) Жив. Стар. ib. 11. См. прим. выше 6.

[8]) Жив. Стар. ib. IV. Стр. 18. 19. 20. 21. 23. 48. 49.—Здѣсь есть указанія на діалектическое *твердое ц* въ млр. нарѣчіи.

гельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской губерній, въ Вятской, Пермской губ., въ Сибири, частью въ Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской (см. ниже), наконецъ, въ Витебской, Смоленской и Тверской губерніяхъ. Ясное дѣло, что далеко не во всѣхъ этихъ губерніяхъ мы можемъ усматривать поселенцевъ старой Новгородской земли; для многихъ мѣстъ новгородскіе колонисты предполагаются, но не доказаны (Вятская, Рязанская губ.); если мы прибавимъ къ этому то, что на громадномъ пространствѣ малорусскаго нарѣчія мы тоже имѣемъ мягкое *ц*, но *безъ чёканья*,—и то, что въ древнемъ русскомъ языкѣ чуть не до XIV вѣка повсемѣстно, откуда только мы имѣемъ памятники письма и языка, было извѣстно мягкое *ц* и *ч*, а послѣднее (*ч*) и понынѣ въ большей части говоровъ русскаго языка мягкое, то, кажется, мы вправѣ будемъ утверждать, что: 1) во всемъ русскомъ языкѣ искони было мягкое *ц*, слѣды котораго остались до сихъ поръ во многихъ говорахъ; 2) точно такъ-же во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но *діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ* были извѣстны звуки средніе $ч^ц$ или $ц^ч$—мягкіе, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній: стало возможнымъ произношеніе: цюдо и чюдо, цей и чей, цѣловать и чѣловать, цѣна и чѣна..; въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ—дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оставалось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранилисъ звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными. Къ нимъ мы сейчасъ перейдемъ. Предварительно замѣтимъ только, что, не смотря на различную судьбу звуковъ свистящихъ и шипящихъ въ разныхъ говорахъ, мы можемъ *почти во всѣхъ* говорахъ до сихъ поръ наблюдать *спорадическіе случаи колебанія* между *ц* и *ч*. Это обстоятельство говоритъ несомнѣнно въ пользу того, что звуки средніе $ч^ц$ или $ц^ч$ принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Въ млр. украинскомъ мы и сейчас слышимъ: *цурайся* при *чурайся* (влкр. чурайся), *причепиўся* и друг. Самое слово *цѣпь* при *чепь*, можетъ быть, должно объясняться этимъ-же колебаніемъ или близостью звуковъ *ц* и *ч* въ

прарусскомъ языкѣ. Наконецъ, интересно знать, чѣмъ инымъ, какъ не предположеніемъ *среднихъ* звуковъ, можно объяснить колебаніе *по говорамъ* между произношеніемъ *цюдо* и *чюдо*: вѣдь, въ тѣхъ говорахъ, гдѣ слышно только *чюдо* (не цокающихъ), это слово не появилось же изъ говоровъ цокающихъ, а было самостоятельно, и потому нельзя и предполагать того, что произношеніе *чюдо* стало извѣстно у тѣхъ лицъ, которыя всякое *ц* произносили, какъ *ч*; наоборотъ, мы вовсе не должны предполагать, что слово „чюдо“ сперва было услышано цокальщиками въ формѣ *чюдо* и потомъ, въ силу измѣненія здѣсь всякаго *ч* на *ц*, превратилось въ говорахъ, знающихъ только *цюдо* (или рядомъ съ *чюдо*), въ такое произношеніе: *цюдо*. Конечно, это произношеніе *цюдо* явилось здѣсь такъ же самостоятельно, какъ и вышеприведенное *чюдо* явилось самостоятельно въ не цокающихъ говорахъ. Оба произношенія явились изъ одного общаго праязычнаго *цчюдо (*чцюдо), и потому-то и явились варьянты: и *цюдо*, и *чюдо въ одномъ и томъ же говорѣ*, между тѣмъ какъ въ другихъ: *цюдо*, *чюдо*, *цудо*, *чудо*.

Уже по разнымъ поводамъ выше мы ссылались на говоры со средними звуками *ч*ц или *ц*ч. Теперь скажемъ только, что изъ предыдущаго обзора мы сами можемъ вывести заключеніе, что всѣ говоры съ мягкимъ *ц* и *чёканьемъ* должны, собственно говоря, имѣть звуки средніе *ц*ч, *ч*ц. Но не обо всѣхъ ихъ говорятъ наблюдатели, а потому мы приведемъ ниже только тѣ говоры, о которыхъ сами наблюдатели говорятъ, что они употребляютъ звуки средніе между *ц* и *ч*. Такъ, мы находимъ, что говоръ Олонецкій, именно, такой, по свидѣтельству *Рыбникова* (Пѣсни. IV. 279, 280); срв. *Колосова* (Замѣтки... 121, 122); такой говоръ—*Новгородскій*, какъ видно изъ замѣчаній *Колосова* (ib. 18—19); срв. наблюденія изъ Новгород. Черепов. и Олонец. Вытегор. въ Живой Station Старинѣ за 1894 годъ (не имѣю подъ руками сейчасъ этого выпуска); такой говоръ — *Вятскій*, какъ говоритъ тотъ-же *Колосовъ* (ibid. 224); такой говоръ—*Вологодскій*, по свидѣтельству *Бѣлоруссова* (Ук. Соч. 37, 38) и *Колосова* (ib. 329); срв. Соболевскаго. Жив. Стар. ib. II. Стр. 13, 16 (Олонецкій и Вологодскій говоры); наконецъ, такой-же говоръ нашъ *Рязанскій* Касимовскій (мѣстами. См. ниже). Срв. *Даль* (О нарѣчіяхъ... L, LIV—во Владимир. губ.). Такой-же говоръ, вѣ-

роятно, мѣстами въ *Калужской*, въ *Тамбовской* губ. (*Даль* ib. LXIII, LXV, LXII—о Касимовскомъ). Объ этихъ говорахъ мы находимъ прямо указанія; но о скольких говорахъ нѣтъ указаній, и не сдѣлано наблюденій? Вѣроятно, интересующій насъ звукъ имѣется и въ другихъ говорахъ; напр., лишь отъ *Даля* мы узнаемъ кое-что о говорахъ Калужской и Тульской губерній, а полныхъ изслѣдованій въ этихъ губерніяхъ не дѣлалось. *Даль* намъ говоритъ о Калужской губерніи: „*въ Боровскѣ* говорятъ: цто, цаво, цашка; *въ Медыни*: овча, черя́пать, чарапать; *въ Бѣлевскомъ* произносятъ *ч*, *ц* нечисто“—LXIII (*ч*^{ц}, *ц*^{ч}?). Отъ *Даля* же мы узнаемъ, что въ *Тамбовской* губ. у *Кадома*: „*прочь* произносятъ почти какъ *процъ*“—LXV (процъ?). Точно такъ же мы имѣемъ нѣкоторыя подробности у *Даля* и относительно говора *Тверской* губ.: *въ Торжкѣ*, *въ Старицѣ*, *въ Зубцовѣ*, *во Ржевѣ*, *въ Кашинѣ*, *Калязинѣ*—*цокаютъ и чекаютъ*—ib. стр. XLVII, XLVIII.

Изъ этого обзора мы видимъ, что средній звукъ *ч*^{ц}, *ц*^{ч} въ современныхъ намъ говорахъ подмѣченъ наблюдателями тамъ, гдѣ и въ древности было смѣшеніе (на письмѣ) *ч* и *ц* въ говорѣ и въ начертаніяхъ, т. е. въ Новгородскомъ краю. Конечно, быть можетъ, къ историческому времени, а навѣрное позднѣе, когда мы уже имѣемъ письменность и изъ другихъ мѣстъ нынѣшней Великороссіи, средній звукъ *ч*^{ц}, *ц*^{ч} переживалъ уже по говорамъ отклоненія въ ту или другую сторону, т. е. въ сторону звука *ч* или въ сторону звука *ц*. Еслибы средній звукъ *ч*$_{;ц}$ *ц*$_{ч}$ былъ нѣкогда принадлежностью только одного стараго Новгородскаго говора, то онъ не сохранился бы у переселенцевъ въ чистотѣ, и мы не имѣли-бы говоровъ съ этимъ среднимъ звукомъ; стало быть, этотъ звукъ былъ туземнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы его теперь находимъ. Это опять сближаетъ тѣснѣйшимъ образомъ наши говоры за-Окскіе Касимовскаго уѣзда съ говорами Вятской губерніи.

На основаніи предыдущаго видно, что догадка Колосова о цоканьѣ и чеканьѣ сама собой падаетъ. Колосовъ говоритъ (Замѣтки... ib. стр. 18—19): „Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чоканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ-либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонят-

ной. Самъ я однако нигдѣ не встрѣтилъ такого совпаденія... Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснять нѣкогда бывшею въ говорѣ мягкостью *ц*. Сочетанія *ча*, *чу* и т. п. непремѣнно, я думаю, предполагаютъ: *ця*, *цю*, а не *ца*, *цу* Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* въ *ша*: тышаць; 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, нѣтъ формъ, подобныхъ курича и проч."... „Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *ч* въ *ц*... Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюденій". Такъ кончаетъ Колосовъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, многое совершенно невѣрно: 1) *цоканье и чёканье часто встрѣчаются вмѣстѣ*: см. выше Новгород. (Кириллов. Черепов. Бѣлозер.), Олонец., Арханг., Вологод. и др. говоры. 2) Въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, именно, *есть* формы въ родѣ *курича* (—чя), и здѣсь то эти формы и должны быть и были. См. выше: Новгор. Черепов.: *цяялъ*, *чена́*, *куричя*. 3) „Превращенія" *ч* въ *ц никакого не было*: формы *курица* (курицяя) и *курича* (куричя) восходятъ одинаково къ формѣ *курицⁿя, *куричⁿя, откуда могли получиться съ теченіемъ времени разные варьянты.

Данныя изъ древнихъ памятниковъ письменности, свидѣтельствующія о смѣшеніи звуковъ *ч* и *ц*, мы имѣемъ въ изобиліи во многихъ памятникахъ, преимущественно, конечно, въ Новгородскихъ. Возьмемъ сперва для примѣра памятникъ *не новгородскій*, а *суздальскій*—Лаврентьевскую лѣтопись,— который въ числѣ прочихъ діалектическихъ оттѣнковъ долженъ носить на себѣ и слѣды суздальскаго переписчика. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку находятся: *ци* и *чи*—л. л. 25. 26 (фототип. изд.). ѿтцьство—л. 77. сѣцахуса— л. 97. столб. 2. полочьскѣ—л. 111. ст. 2. (обыкновенно: *полотьскѣ*, при исчезновеніи ь изъ произношенія получилось: полот'скѣ; *т'с'* дало *ц*: полоцкѣ, откуда: полочкѣ; нашъ случай: полочьскѣ—есть мудрствующее правописаніе, *графическое* явленіе); ци—л. 119. ст. 1. аци—л. 132. ст. 1. ци—л. 179. ст. 1. Въ этомъ-же памятникѣ мы находимъ и колебаніе звуковъ *з* и *ж*, что̀ для насъ особенно важно: покажненъ и показненъ—л. 24. в суждали—л. 99. ст. 2. суздалю—л. 99. ст. 2. суждалю—л. 172. ст. 2. суздалцѣ, суждалци—л. 170. ст. 2. Слово „Суздаль" вообще почти во всѣхъ памятникахъ древней письменности представляетъ по начертанію колеба-

ніе *з* и *ж*; это одно изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ, вѣроятно, намъ завѣщано доказательство прарусскаго колебанія звуковъ *з'* (мягкаго) и *ж'* (мягкаго). Этимологіи слова „Суздаль“ я не знаю, но, можетъ быть, это слово очень давно стало сознаваться, какъ слово, принадлежащее къ семейству корня ꙁьд—: съꙁьдати: *су-зъд-а-л-ь, срв. не-вид-а-л-ь, пад-а-л-ь и т. п. слова пассивнаго значенія. Въ самомъ Суздалѣ названіе этого города въ XIV вѣкѣ произносилось, вѣроятно, со звукомъ *ж* или со звукомъ среднимъ $з^ж$ ($ж^з$), какъ объ этомъ можно судить изъ того, что монахъ Лаврентій въ 1377 году написалъ: „Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи Лѣтописець,... и кончалъ есмъ... при епископѣ *нашемъ* христолюбивѣмъ священномъ Дионисьѣ *Суждальскомъ* и Новгородьскомъ и Городьскомъ“ (Лѣт. по Лавр. сп. Спб. 1872. Стр. 463). Въ этомъ словѣ *ж* и *з* были мягкими: подъ 1164 г. (ibid. 334) читаемъ: пископу *Сужьдальскому*. Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки, написанной въ самомъ городѣ Смоленскѣ въ 7003-мъ (1495) году, какъ видно изъ приписки къ ней самого переписчика „раба Божіа Авраамка“ (П. С. Р. Л. XVI т. Спб. 1889. Стр. 319—320), мы постоянно встрѣчаемъ смѣшеніе начертаній *ц* и *ч*, мягкое *ц*, примѣры смѣшенія *з* и *ж*, *с* и *ш*: в Торопечь, на речѣ Хзѣ—стр. 48. Новгородчи—53. в черньчохъ—56. Срв. в черньцохъ—62. Новгородчовъ, Наугородчемъ—63. Срв. 68. свиньчомъ—69. Пьсковици, городцанѣ—89. Галичкого—90. старечь цернець, писечъ, неисцетно, священничи—219. налѣзе Вятицы и рече Вятицамъ—237. (*ц* твердѣетъ; срв. цариця—40. Богородицю—47. Колесницю—65. Пьсковици, у Псковиць, Пятницю—77. улицю—82 и мн. др.); Псковицѣ, Псковицамъ—66. при владычѣ—67. Нѣмѣчкого, по Величи дни, Городѣчкую Корѣлу, на Вочкую землю—70. Бориса Сѣменовица—71. митрополица благословеніа—род. п. ед. ч.—74. Онцифоръ и Ончифоръ—74. Полотчкого князя—76. тысяцу—вин.—79. с конча града—97. Зубчовъ (городъ Зубцовъ нынѣшней Тверской губ.), остріемъ меца умроша—100. на рѣчѣ на Овлѣ—102. вѣсти про царевица—104. околницѣй—106. (окольничій) и мн. друг. При этомъ также: Суждаль, на Суждали—44. Суждалю—45. Суждалца—46. Суздаль, Суздальского—90. 105. Срв. 312. 313 и мн. др. Кромѣ того: И отъ того времени нача *князенье* великое держати князь.... 208. *с—ш*: ускуи—62.

Срв. Пришли Новгородци въ *ушькуихъ*—92. ушькуйници, 70 ушькуевъ—101. на шнекахъ—191. (въ Псков. 2-ой лѣтоп. мы ниже встрѣтимъ: „снеки"); что-же касается собственныхъ иностранныхъ именъ, то и они могли являться въ русскомъ произношеніи въ двоякой формѣ: и со звукомъ *с*, и со звукомъ *ш*: Магнушь король свѣйскый—78. къ Магнушу—79. (конечно, эти формы могли *цѣликомъ* попадать со звукомъ *ш* съ запада къ намъ, но мы увидимъ не на всѣхъ именахъ это; съ другой стороны и „Магнушъ" является въ формѣ „Магнусъ"). Въ Псковской 2-ой лѣтописи (П. С. Р. Л. Ѵ. Спб. 1851), гдѣ діалектическій элементъ выразился тоже въ смѣшеніи звуковъ *ц* и *ч* (изъ *ц*ᶜ, *ч*ᶜ), мы имѣемъ: Москвици и Москвичи—Стр. 36. за Юрьевчевъ—33. посла своего царевица—44 и мн. др., а также: съ многыми замысленіи—8 (впрочемъ, можетъ быть, это и болѣе древняя форма, другого образованія. Срв. Ряз. Скоп. смысле́най (не—ё) и обыкновенное: смышлёный); ѣхавше Нѣмци *у снекахъ* и въ лодьяхъ—32. (срв. выше въ Лѣт. Авраамки: на шнекахъ—191); въ многыхъ *снекахъ* пріѣхаша—39 но: влѣзше въ *шнеки* по сту человѣкъ—40. Магнушемъ, Магнушъ—52. *з*—*ж*: бѣста князяще въ Кыевѣ—стр. 1. Изяславъ и Ижославъ (?)—стр. 2. Срв. *железа*—30 и *жолоза*—14. 23. 25. и померже вшедшей ржаный корень—44. (быть можетъ, вмѣсто: померзе?). Въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. мы имѣемъ: гочкый, оу жельза оусадить (сп. А.), но: оу зельза оусадите (списокъ С.); ко жельзоу горѧчемоу (сп. А.); но: ко железу горѧцему (сп. С.); мьчемь (сп. А.), но: мецемь (сп. С.); оучинить насилиѥ (сп. А.), но: оуцинить насилие (сп. С.); на Вълъцѣ (сп. А.), но: на Волоче (сп. С.); бирица—А и С; что *лѣжить* оу стоѥ Бце на горе (сп. А.), но: что *лѣзить* оу стое Бце на горе (сп. С.); кѹпьчь (сп. А.), но: купець (сп. С.); на Гочкомь берьзѣ (сп. А.), но: на Гоцкомь березѣ (сп. С.)—Рус.-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 420—442. Въ Грам. 1230 г. (ib. Прилож. 452)—соуличами, Немьчемъ, при Романовиці и друг. Въ Грам. литов. кн. Герденя 1264 г. мы видимъ также *ц* вм. *ч* и наоборотъ: земля словетъ Полочькая, Немечькому гостю, князя Полочького, в Любьце—№№ 25 a. 25 b. Рус.-Лив. А.; въ Грам. 1281 г. (митр. Рижскаго къ Смол. князю Ѳеодору): ко владычѣ, концяти, человании—№ 34; въ Грам.

Витебской ок. 1300 г.: мецъ, челования, доконцанъ, отъ отчовъ, у своемь сердчи, Немчи, сердчемь и мн. др.—№ 49. Въ Полоцк. Грам 1399 г.: Полоцаномъ, Полочяномъ—ib. № 122. Срв. также Полоцк. Грам. ок. 1400 г.—№ 134 и друг.

Теперь приведемъ нѣкоторыя данныя изъ Новгородской области и Двинской. Здѣсь прежде всего остановимся на лѣтописи Новгородской XIѴ в. (по Синод. Харат. списку. Фототип. изд.). Напр., ꙗрославицъ—стр. 6. сѣцѧ—8. скопечь — 10. игоревицъ—15. хоцю — 27. цересъ—28. ноць—42. съ церниговци, съ церниговчи—31. ництоже—ibid. помоць—67. хоцю, хоцемъ—67. просѧце—91. коньцаша—98. цьрнець—101. (срв. выше въ Смол. Лѣт.); въ чьрнецьстве — 103. слнчю—139. ноции—род. п. мн. ч.—143. человаста и цѣлова—152. 163. поидоша воююце—168 и воюювче—167. дъцерь—172. и дъчерь—79. немоцьнъ—185. и немочьнъ—186. хочю—201. съ цьстью—202. помочью (срв. выше)—203. и помоцью—233. при цсл. помощь—240. въ цѣрниговъ—214, но: ис чѣрнигова—215. въ цьрниговъ—217. къ черниговоу—238. горцѧиши—226. просѧче—241. и просѧце—91. при цсл. пекоущесѧ—245 и мн. др. Здѣсь же находимъ: Суждаль—86. Срв. варѧзьскаꙗ – 87, гдѣ произошла просто ассимиляція звуковъ, какъ и нынѣ мы говоримъ: ри́сскъй, варя́сскъй и т. п. Если считать Ипатьевскій списокъ Новгородскимъ, то и здѣсь мы найдемъ: грѣцька—л. 19. ст. 2. (срв. наше: грѣцкій); чѣрь (вм. цѣрь)—л. 44. ст. 1. грѣчкыи—л. 80. ст. 1. цюющю—л. 85. ст. 1. к бѣлоѡзерьчемь—л. 128. ст. 1. бѣлоѡзерьци—им. п. мн. ч.—л. 128. ст. 1. И: Суждаль—л. 171. ст. 2. к Суждалю—л. 108. столб. 1 и мн. др. Что касается Ипатьевскаго списка, то разсматриваемое явленіе въ немъ могло принадлежать, какъ мы видѣли, и югу, и сѣверу Россіи. Въ различныхъ юридическихъ бумагахъ, какъ-то: судныхъ спискахъ, грамотахъ, духовныхъ, купчихъ и проч. мы также знакомимся съ этимъ фонетическимъ явленіемъ: къ Волочкому пути—АЮ. № 11. отъ ихъ же сродчевъ—АЮ. № 23. (выше мы видѣли различныя изъ этихъ словъ съ такимъ-же произношеніемъ и въ современныхъ намъ говорахъ). Истчи—АЮ. № 71. I. отцинѣ—ib. II. у Семеновица—ib. VIII. у пецати—ib. отечь, теличу—ib. IX. цѣмъ—XI. у Нестеровица, по ручью, съ руцья, песцаной—XѴ. у Васильевица—XѴI. овьцю (ц мяг-

кое) пополонка—XVIII. уцястокъ, цетвертая цясть, телицю (срв. выше), полътретьяцять, рицки, цто—XIX. землични—XX. на Шипицю—XXIII. опричь—XXVI. оприцъ, руцей, обцую—XXVII. цымъ—XXIX. Офремовицъ—XXXII. цимъ, отець—XXXIII. поповицъ—XXXVI. (№ 71). Очень много сюда относящагося находимъ также въ Духовныхъ Двинскихъ № 409: отцына, цимъ—VII. пять ноцей, ницто—X. Срв. въ № 422 (1571 г.): чимъ, церенъ, опроченъ (=опрочь) и др. Однако въ Корчемномъ Обыскѣ о крестьянахъ Суздальскаго Покровскаго монастыря 1639 года находимъ только: *Суздаль* съ *з*, а не *ж*—АЮ. № 60. А въ Договорныхъ Грамотахъ Новгорода сь Тверью XIII вѣка нерѣдко находимъ: *Суждаль*, *Суждальскій* (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. №№ 2. 3).

Къ такимъ-же словамъ, какъ *Суздаль—Суждаль* въ области звука $з^{ж}$, $ж^{з}$, словамъ, колеблющимся постоянно въ памятникахъ письменности, относится въ области звука $с^{ш}$, $ш^{с}$ (*ц*—мы принимаемъ за слитный звукъ *т' + с'* а *ч*—за *т' + ш'*) слово: *сяберъ*, *сябры* Напр., въ Актахъ Юридическихъ мы находимъ: *сябры*—№ 2. (1483 г.), *сябрамъ*—№ 71. V. (Новгор. Купчія XIV—XV в.); *сябрѣхъ*, *сябры*—№ 90 (1578 г.); *сябрѣхъ*—№ 95 (1596 г.). Но въ формѣ: шаберъ—мы находимъ въ Судной Новгор. Грамотѣ 1471 г. (А. А. Э. т. I. № 92), срв. *сябра*—Акты Ю. и Зап. Рос. Т. I. № 230 (Данная 1487 г.). Въ настоящее время мы тоже имѣемъ въ этомъ словѣ колебаніе звуковъ *с* и *ш* по говорамъ. Такъ, въ Вятскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ, Пензенскомъ, Симбирскомъ, Астраханскомъ краяхъ мы имѣемъ—*шабёръ*, *шабръ* (Опытъ обл. Словаря. s. v.); въ Ряз. Псков. Зап. Тверск. Кур. Тмб.—*сябёръ* (сябра́, сябры́,—о́въ.... Въ Опытѣ обл. влкр. Слов. s. v. *невѣрно* показано удареніе въ Ряз. Скопин.)—*Даль*. Словарь. s. v. сябе́ръ и шабе́ръ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ показана и та, и другая форма: Псков. Тмб. Тверск. (см. ibid. *Даль*). Мы опять не касаемся вопроса о происхожденіи этого слова: русское оно, или заимствованное, намъ для нашихъ цѣлей все равно: важно только то, что на *русской почвѣ оно звучитъ двояко* и въ древнемъ русскомъ языкѣ, и въ современномъ. Мы выше уже приводили дублеты: смысленый и смышленый; замѣтимъ, что въ Словѣ о П. И. мы такъ-же, какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ, находимъ: „томѹ вѣщии Боянъ и пръвоѥ припѣвкѹ *смысленыи* рече“. Здѣсь

же находимъ: *шизый* при обыкновенномъ *сизый*; срв. *ше́рый* при *сѣра́къ* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (*Носовичъ*. Словарь. s. v. v.) [1]). Срв. далѣе наше: *скирдъ* при діал. *шкирдъ* (Казан. Спас. Дополненіе къ Опыту Обл. Словаря. s. v.); *в-склянь*, *склень*, *скля́но*, *скляный* (Олон. Новг. Арх. Вят. Перм. Твер. Волог. Псков. Ряз. Скоп.: *фскля́нь*) при: *шкляно*—Арханг. (Опытъ... s. v.); *соли́ть* при *шоли́ть*—Владим. Меленк. (Опытъ. s. v.). Здѣсь странно *твердое с—ш*... [2]). Срв. также *шти* (щи) изъ* съти (Соболевскій); народное *радошенъ* при *радосный* (срв. *Соболевскаго*. Изъ исторіи р. яз. Ж. М. Н. Пр. 1894. XI.—изъ *ст.*); др. р. *покосьнъ* при *покошьнъ*: въ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: всѧко мѣсто на молитвоу *покошено*—л. 35 ѣ. с. (Изд. Общ. Люб. др. Письм.), а въ Изборникѣ 1076 года находимъ: вьсѧко мѣсто на млтвоу *покосьно*—л. 231 б. (*Шимановскій*. Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ. Приложеніе. Стр. 94. В. 1887 г.). Оба памятника принадлежатъ одному времени и одному южнорусскому говору [3]). Далѣе, въ народныхъ говорахъ часто является произношеніе: Шкуратовицъ вм. Скуратовичъ (Малюта)—напр., въ пѣснѣ Олонец. губ. Повѣнец. у. (Сборникъ *Истомина*. Стр. 52. 53), какъ и во многихъ Историческихъ пѣсняхъ народа; (срв. *скора́* въ Лѣтописи и *шкура*; *скорлупа* и новорос. *шкорлупа*); многія слова перешли къ намъ изъ другихъ языковъ и извѣстны или въ двоякой формѣ, или въ формѣ, впервые, вѣроятно, услышанной: напр., свейскій, свецкій, швецкій: „А росплачутся Свецкіе Нѣмцы" [4]). *Шиворд*ъ—Si-

[1]) См. *Карскаго*. Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи. М. 1886. Стр. 78. Относительно звука *с* въ блр. см. здѣсь стр. 24. со ссылкой на *Каткова* (Объ элемен. и фр. 99), который говоритъ, что бѣлорусское *с среднее между с* и *ш*.

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ первоначальная близость *с'* къ *ш'* повела съ теченіемъ времени къ смѣшенію *с* и *ш* твердыхъ. Таковы говоры въ Казан. губ. См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 23. *Богородицкій*. Говоръ деревни Бѣлой Каз. губ. (Учен. Зап. Каз. Унив. 1895. Кн. V—VI. Стр. 123).

[3]) *Соболевскій*. Источники для изученія др. Кіев. говора. Ж. М. Н. Пр. 1885. № 2.

[4]) Такъ въ «Русской Христоматіи» Буслаева. 1870 г. Въ Истор. Хр.: «А росплачютца Свѣцкие Немцы». Стр. 1033. Въ Лѣтописи мы имѣемъ: *Шимонъ—Симонъ*.

vert—Грам. 1257 г.; *шабля* (млр. польск.)—*сабля*. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ словахъ, гдѣ звукъ *ш* можетъ быть занесенъ изъ другого слога въ сосѣднiй по ассимиляцiи: Шашецька—Сашецька—Сборн. Истомина. Стр. 172. шашна́тцать—ряз. и друг. Нѣкоторые говоры нынѣ знаютъ уже замѣну твердаго *с* (*ш*) твердымъ *ш* (*с*) или смѣшиваютъ твердые *з* и *ж*, равно какъ употребляютъ и твердое *ц*, и, что̀ однако очень рѣдко, полутвердое *ч* (тш) [1]). Очевидно, судьба звуковъ: *ш*, *ж*, *ч*, *ц* была одинакова въ томъ отношенiи, что они всѣ направлялись отъ *очень мягкихъ* $ш^с$ ($с^ш$), $ж^з$ ($з^ж$), $ч^ц$ ($ц^ч$) къ болѣе твердымъ звукамъ; нѣкоторые изъ нихъ теперь находятся на одномъ пунктѣ своего историческаго пути, другiе—на другомъ. Въ родственныхъ языкахъ извѣстно тоже это явленiе, а потому до извѣстной степени можно его возводить къ общему индоевропейскому праязыку. Мы, напр., знаемъ *двоякое* s въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованiи двухъ видовъ звука s въ общемъ индоевроп. языкѣ исторiя звука s въ различныхъ родственныхъ языкахъ: срв. звукъ *х* въ стрсл. между извѣстными гласными и передъ гласными въ словахъ: врьхъ, мѣхъ при литов. virszùs, máiszas и* вьхъ (въ Грам 1192 г. Варл. Хутынскаго): вхоу же тоу землю Хоутиньскоую....—*Срезневскiй*. Пам. р. п. и яз. (Изв АН. Х. вып. V. Стр. 510) [при лит. visas [2]); или стрсл. оконч. мѣстн. пад. мн. ч.—*хъ* при лит.—*se* (др инд.—*su*); стрсл. *снъха*—лат. *snusus; оухо—лит. ausìs и друг. Наконецъ, не менѣе другихъ случаевъ интересное индоевропейское s во 2 л. ед. ч. наст. времени! Почему здѣсь еще въ общеславянскую эпоху явилось при—*si*—*śi*? Стрсл.—*си* и—*ши*. Вѣдь, было-же когда нибудь только s, и это s, вѣроятно, было s', т. е. изображаемое нами $с^ш$ или $ш^с$. Кромѣ извѣстныхъ формъ на—*си*, при которыхъ однако въ русскомъ мы имѣемъ: юси (еси), но *дашь*, а даси не осталось, если не считать нѣкоторыхъ формъ *въ былинахъ*, еще въ XV вѣкѣ, въ Лукиномъ Ев. 1409 г. мы читаемъ: въ ѡче твоюмь не *чююси*—97. (*Буслаевъ*. Матерiалы...). По отношенiю къ звукамъ *с* и *ш* къ нашимъ касимовскимъ говорамъ опять ближе

---

[1]) См. предыд. стр. примѣч. 2.

[2]) *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. vĭsĭ.

всего стоятъ говоры Вятской губерніи и, пожалуй, бѣлорусскіе (см. выше замѣчаніе *Каткова*). Въ Вятскомъ мы имѣемъ: яисьниця, дивисьникъ, молосной, списъ (=спишь—2 л. ед. ч.) [1]; это же явленіе извѣстно и въ Архангельской губ.: королéвисьня, плата гудóсьная, зысьной голосъ [2]; въ Вологод. губ.: молосной (Жив. Стар. 1894 г. Номера не помню и фамиліи наблюдателя. Въ Велико-Устюж. уѣздѣ), но здѣсь всетаки мы имѣемъ вездѣ *с* изъ вторичнаго *ш*, изъ *ч*, не то, что въ вятск. *списъ*. Въ Сибири: больсóй, зáрко и друг. [3]). Въ блр. мы имѣемъ: залко, зазги, ва цузыхъ людзёхъ, лóзыцка, сацёръ (шатеръ), сярдзёцусько (Смолен. губ.) [4]); залѣзный (Минск. губ. *Шейнъ*. Матеріалы. II. 547. Впрочемъ, это слово—такое-же, какъ *Суздаль*, *сябёръ*, *цѣпъ*, въ которыхъ намъ завѣщано воспоминаніе о *среднихъ* общерусскихъ звукахъ передне-небныхъ: *зелѣзо* при *желѣзо* мы имѣемъ во всѣхъ говорахъ, какъ и *земчугъ* при *жемчугъ* (зéмчукъ—Ряз. Спас. с. Ижевское); срв. др. рус. *зълчь* при *жълчь*. Въ сѣв.-млр. говорахъ: лезáла, взе (=уже), высла, цорный, сце (=еще), зыў(=жилъ), прысóў (=пришолъ), землянкы, у шынего мора, трыйчать літъ [5]) (Гродн.) Въ Люблин. говорахъ *ші=сі*, хлопчі, світлоньчі [6]). При этомъ обзорѣ проливается нѣкоторый свѣтъ и на личное окончаніе глаголовъ во 2 лицѣ: *си—ши* Къ такимъ-же словамъ, какъ *цѣпъ* при *чепъ*, имѣвшимъ, вѣроятно, нѣкогда звукъ средній *ц*ч или *ч*ц, принадлежитъ, кажется, и др. русское: *коцъ—кочь* (епанча) Въ Воскр. Лѣт подъ 6754 г. и въ Соф. I. 185 мы имѣемъ: *кочь*, а въ Духовной Ив. Калиты 1327 г. (*московскій* памятникъ) имѣемъ: *коцъ* (См. Словарь *Срезневскаго*. s. v.) [7]). Въ этомъ бѣглымъ обзорѣ мы не при-

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Стар 1892. II. 21. 22. 20.

[2]) Ibid. 15.

[3]) Ibid. 25. Въ Новгор. Черепов. *порозной* (порожній)—Жив. Стар. 1894. Тотъ-же номеръ, гдѣ и Вологод. Вел. Устюгъ.

[4]) *Соболевскій*. ib. III. 10.

[5]) Ibid. IV. 33.

[6]) Ibid. IV. 46.

[7]) О звукѣ *ц* (ts) см. очень интересную статью въ Indogerm. Forschungen. IV. 1894. Ss. 341—351. *Braune*. «Germanisches *ss* und die Hessen». «Die Verbindung *ts* entsteht gern *durch Affrikation* aus t»... «Die Gruppe *ts* ist also die recht eigentliche Affrikata zu *t*. Межзубной t (inter dental)—см. *Brugmann* Morph. Untersuch. III. 133. 131. ff. Я думаю то-же можно сказать о звукахъ *дз* (ѕ) и его видоизмѣненіи *дж* (ђ)

водили, конечно, очень многихъ данныхъ, касающихся *цоканья* и *чеканья*, изъ *раннихъ* памятниковъ др. русской письменности, такъ какъ данныя для мѣны *ц* и *ч* уже давно трактуются въ разныхъ изслѣдованіяхъ и общихъ курсахъ, между тѣмъ какъ смѣшеніе звуковъ *з* и *ж*, *с* и *ш* менѣе наблюдалось, и этотъ отдѣлъ страдалъ даже отсутствіемъ необходимыхъ примѣровъ изъ источниковъ [1]).

Обозрѣвъ вкратцѣ эти *средніе* звуки въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, невольно замѣчаешь, какъ тѣсно сближаются другъ съ другомъ даже въ наше время говоры одного нарѣчія, нарѣчія одного языка и языки одной семьи. Это служитъ надежнѣйшимъ ручательствомъ за то, что мы вправѣ искать для отдаленнаго прошлаго этихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ одного общаго предка, изъ котораго бы можно было вывести современныхъ намъ потомковъ. Напримѣръ, такія произношенія въ русскихъ говорахъ, какъ: з^{ж}има́, з^{ж}имо́й (выше), при сравненіи съ произношеніемъ zima въ славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, указываютъ какъ-будто на *средній* звукъ въ этомъ словѣ только для діалектовъ общерусскаго языка [2]), между тѣмъ какъ въ общеславянскомъ здѣсь надо признать, вѣроятно

---

[1]) Здѣсь мы не приводили данныхъ, очень интересныхъ, напр., изъ: Стихираря 1157 г., Русской Правды (по сп. 1282 г.), Минеи 1096 г., Милятина Ев. 1215 г., Сказанія о Бор. и Глѣбѣ по Сильв. сп., изъ Моисеева Ев. 1355 г. и друг. Замѣтимъ однако Поликарпово Евангеліе 1307 г. (гал.-вол.): наполни гоубоу ѿчта—85 об. 109. *Буслаевъ*. Матеріалы.. *Соболевскій*. Очерки изъ ист. р. языка. Стр 39 (смѣшеніе *з* и *ж*).

[2]) Для діалектовъ общерусскаго языка нельзя не признавать такихъ среднихъ звуковъ въ виду свидѣтельства многихъ русскихъ говоровъ. См. выше. Сравни замѣчаніе *Колосова* о вятскомъ говорѣ: (Замѣтки... ib. Стр. 225): «яисьница, дивисьник». «Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ, *т* въ *пѣть* слышалось мнѣ (м. Чепца) мягче, чѣмъ *тъ*, и тверже, чѣмъ *ть*; *с* въ сейдас', хорошос', вчерас' (=хорошо-съ, вчера-съ)—тверже *сь*, мягче *съ*». Здѣсь-же. зелѣзной, рогозка—Стр. 226. Слово «зелѣзный» принадлежитъ къ такимъ же, какъ: зе́мчукъ, Суздаль, чепъ, шѐрый и проч. См. выше. Срв. въ пѣснѣ Вят. губ. у *Колосова*—по земчужинкѣ—Стр. 252. Крыша зелѣзная—263. безвѣшно—въ сказкѣ—ib. 279. Въ муромскомъ: салаш, ошмѣлился—ib. 299. Въ Вологод. губ.—ib. Стр. 330. Суф.—*ьск*, какъ и въ

звукъ *г* (изъ общеиндоевроп. g'h—средненебнаго), но я не знаю, такъ-ли это и вполнѣ-ли это вѣрно: при такомъ признанiи мы, кажется, не принимаемъ въ расчетъ того обстоятельства, что и въ слав. языкахъ звукъ *г* въ такихъ словахъ *не вездѣ одинаковой мягкости*, а литовскiй языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žëmà). Срв. степень мягкости звука *г* въ слав. языкахъ въ словѣ *zemja и *zeme^{i}a и литов. ž въ словѣ žémė. Въ настоящее время, мнѣ кажется, необходимымъ признавать для прарусскаго языка звука *з*$^{ж'}$ или *ж*$^{з'}$ при *з'*, *ж'*, звуки *с*$^{ш'}$ или *ш*$^{с'}$ при *с'* и *ш'*, звуки *ц*$^{ч'}$ или *ч*$^{ц'}$ при *ц'* и *ч'*, причемъ послѣднiе два звука: *ч* и *ц* относятся къ простымъ звукамъ *с* и *ш*, какъ слитные съ ними и зубнымъ мгновеннымъ глухимъ *т*, т е. это *аффрикаты*, какъ и звуки *д*$^{з'}$, *д*$^{ж'}$ при *д*, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. По отношенiю къ зубнымъ звукамъ мы уже признаемъ въ общеславянскомъ языкѣ двойной типъ ихъ мягкости: ḃj и ḃl^{i} и т. д., по отношенiи къ зубнымъ *d* и *t* мы тоже должны признавать еще въ общеславянскомъ и ѕ и ц (ћ), съ одной стороны, и *д*^{ж} (ђ) и *т*^{ш} (ч), съ другой, равно и по отношенiю къ звукамъ *с*, *з* это признанiе необходимо: были звуки: *с'* и *с*$^{ш'}$, *з'* и *з*$^{ж'}$. При этомъ въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, опредѣлятся и тѣ условiя, при которыхъ появлялись звуки *среднiе* и звуки *простые*: надо прослѣдить, при какихъ условiяхъ въ родственныхъ языкахъ появлялась *различная* мягкость одного и того-же согласнаго, и изъ какого согласнаго звука праязыка слѣдуетъ выводить тѣ звуки родственныхъ языковъ, которые, не отличаясь въ нихъ своей природой, отличаются только степенью мягкости, иногда доходящей до крайней степени и граничащей съ измѣненiемъ самаго качества звука. Всѣ эти *среднiе* звуки, конечно, получаются при смягченiи, т. е. относятся къ группѣ общеславянскихъ *смягченныхъ*: c (ц), ѕ (дз), č (ч), ǧ (дж), čt^{i} (т'ш'т'—чт'), ǧd^{i} (джд'), šč (ш'т'ш'), žǧ (жджʼ) и, вѣроятно,

---

нашихъ говорахъ, мы видимъ у *Колосова* въ различныхъ говорахъ, преимущественно, въ вятскомъ и муромскомъ—см. стр. 225. 298. 299. 327. 20. Дiалект. *твѣтъ* и *свѣтъ* при *цвѣтъ* и *чвѣтъ* (*швѣтъ?) доказываютъ происхожденiе звука *ц*

составляютъ *особаго рода* звуки s^i (с^ш), $\check{s}^i$ (ш^с), z^i (з^ж), $\check{z}^i$ (ж^з), c^i ($t+s^i$; ц^ч), $\check{c}^i$ ($t+\check{s}^i$; ч^ц). Особое s^i признается лингвистами, что же касается особыхъ $\check{s}^i$, z^i, $\check{z}^i$, c^i, $\check{c}^i$, то они еще не изслѣдованы [1]).

Переходимъ къ звуковой группѣ жд. Въ той же VII-ой главѣ I-ой части мы видѣли разные рефлексы въ произношеніи звуковой группы *жд* разнаго происхожденія въ нашихъ говорахъ. Мы указали тамъ на произношеніе двойного твердаго *жж*, двойного мягкаго *ж'ж'* и остановились съ особеннымъ вниманіемъ на произношеніи звуковъ *жд* (изъ жьд-) въ словѣ „*ждать*“ съ его формами въ нашихъ касимовскихъ говорахъ. Мы видѣли произношеніе: жжáть и съ разными звуковыми оттѣнками. Оказывается, что параллели къ этому произношенію есть. Подобное произношеніе слова „ждать“ стоитъ вовсе не особнякомъ, какъ оказывается, въ нашихъ говорахъ: оно извѣстно и въ Нижегородской губерніи [2]). Въ Смоленской губерніи, въ *не цокающихъ* говорахъ Смоленскаго, Ельнинскаго, Порѣцкаго, Духовщинскаго, Бѣльскаго и Рославльскаго уѣздовъ, составляющихъ въ діалектологическомъ отношеніи *одно цѣлое* [3]), группа *жд* переходитъ въ *жж*: жжи = жди, жжешъ = ждешь [4]). Эта группа говоровъ *не знаетъ дз* и *ц* (изъ *т'*) и сильно акаетъ, между тѣмъ какъ наши говоры знаютъ и *жж* изъ *жд* и въ то-же время знаютъ *дз*, *т*^{с} (почти *ц* изъ *т'*. См. ниже), знаютъ *д*^{ж} (ђ), *с*^{ш} (ç), *з*^{ж} и *цокаютъ* или употребляютъ *среднiй* звукъ *ч*^{ц} (*ц*^{ч}). Затѣмъ и группа Смоленскихъ говоровъ не цокающихъ знаетъ *ў* вмѣсто *в* и *л*, и наши говоры знаютъ это *ў*, какъ отчасти мы видѣли выше и какъ увидимъ ниже, въ отдѣлѣ *губныхъ* звуковъ. Это

---

[1]) Срв. у *Шахматова*. Лекціи по р. языку, чит. въ Моск. Унив. 1890—91 г. Стр. 118 (литогр.).

[2]) См. *Б. М. Ляпунова*. Нѣсколько словъ.... Спб. 1894. Стр. 24—25. См. также «Поправки и дополненія» въ концѣ брошюры со ссылкою на мой «Отчетъ». Стр. 36. Я тоже согласенъ съ *Ляпуновымъ*, по крайней мѣрѣ, для говоровъ Касим. края, что форма жжóт и под. изъ джёт. Срв. выше въ текстѣ: «паджджыдáли» и др. Въ нашихъ говорахъ, вѣдь, есть звукъ *д*^{ж} (ђ). Точно такъ-же нашу форму: *ѣ́жджу* (Андроново) я объясняю изъ *ѣ́ждю* черезъ ѣ́жд^{ж}ю—ѣ́жджю—ѣ́жджу.

[3]) *Соболевскiй*. Жив. Стар. 1892. III. 13.

[4]) *Соболевскiй*. ibidem.

обстоятельство сходства и крупнаго различія между нашими говорами и бѣлорусскими смоленскими весьма важно въ томъ отношеніи, что устраняетъ совершенно предположеніе о томъ, что наши говоры образовались изъ какихъ-либо западно-русскихъ послѣ переселеній. Сравнительно съ сѣверно-русскими говорами наши говоры также имѣютъ такія особенности (*жж*, *ц* изъ *т'*, *т*^{ш} изъ *т'*, *д*^{ж}, *з*^{ж} и друг.), какихъ мы не находимъ въ сѣверно-русскихъ или находимъ, какъ рѣдкость. Слѣдовательно, нельзя видѣть въ поселенцахъ или жителяхъ Касимовскаго края ни бѣлоруссовъ (вѣрнѣе: западныхъ русскихъ), ни сѣверно-великороссовъ, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ мѣстъ, говоръ которыхъ намъ извѣстенъ по настоящее время. Напротивъ того, можно съ извѣстной степенью вѣроятности подымать вопросъ о разселеніи племенъ изъ центральной Россіи, изъ тѣхъ мѣстностей, говоръ которыхъ мы теперь изучаемъ и говоръ которыхъ, вѣроятно, въ древности слышался на берегахъ Оки по всему ея протяженію (см. выше), въ западныя края Россіи, а, можетъ быть, и на востокъ по рѣчной системѣ Оки, Волги, Камы, Вятки, и послѣднее становится тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ мы глубже вникаемъ въ современную намъ діалектологію. Въ самомъ дѣлѣ, допустить, что нѣкоторые звуки пропали на западѣ послѣ выселенія туда нѣкоторыхъ русскихъ племенъ изъ центра, легче, чѣмъ допустить появленіе *новыхъ* звуковъ, которые сами по себѣ и при сравненіи различныхъ русскихъ говоровъ указываютъ на свою древность; кромѣ того, появленіе такихъ звуковъ, какъ deus ex machina, въ нашихъ говорахъ точно такъ же невозможно. Есть еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу *особыхъ при-Окскихъ говоровъ* въ древности, сохранившихся частью въ нашихъ говорахъ Касимовскаго края, это—то, что наши говоры при сравненіи оказываются довольно близкими *по своему консонантизму* къ говорамъ Муромскаго (и Меленковскаго?) уѣзда Влад. губерніи, но эти послѣдніе *о̀каютъ* (кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ деревень и селъ въ Меленковскомъ уѣздѣ), а наши *а̀каютъ*. Быть можетъ, Муромо-Рязанская земля, какъ политическое цѣлое, имѣла когда-либо и *одинъ говоръ*, принадлежавшій по своему вокализму къ типу *умѣренно акающихъ* говоровъ, т. е. къ типу говоровъ, въ которыхъ былъ звукъ *о*^{а} въ положеніи безъ ударенія, тогда возможно будетъ представить себѣ раздѣленіе этого общаго говора (*съ нашимъ консонантизмомъ*) на двѣ вѣтви въ эпоху образованія *а̀канья*: на о̀кающую, въ

которой звукъ *о* взялъ перевѣсъ, и акающую, въ которой взялъ перевѣсъ звукъ *а*, или оттѣнокъ *а*. Конечно, странно, что письменность намъ не сохранила ничего достовѣрнаго насчетъ говора древнихъ русскихъ племенъ этого края, въ частности насчетъ говора *вятичей*, но мало-ли чего не сохранили намъ памятники письменности *относительно языка*, а, съ другой стороны, нѣкоторыя крупицы мы находимъ даже и въ письменности (см. выше) въ пользу нашего предположенія, не говоря уже о свидѣтельствѣ современныхъ говоровъ, которые на нашъ взглядъ, очень *многое* даютъ намъ для построенія нашего предположенія о говорѣ *вятичей*.

Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующей главѣ о звукахъ зубныхъ *д* и *т*, я подведу итогъ всему тому, что сдѣлано мною въ этой главѣ о звукахъ *среднихъ* и *слитныхъ* смягченныхъ передне-небныхъ и зубно-передне-небныхъ.

Мы видѣли выше, что на пространствѣ сѣверныхъ, среднихъ, западныхъ и частью южно-русскихъ говоровъ чередуются нынѣ *въ нѣкоторыхъ словахъ* звуки: *ч* и *ц*, *ж* и *з*, *ш* и *с*; въ этихъ словахъ мы выше признали остатки древне-русскаго *средняго* произношенія звуковъ $ч^{ц}$ ($ц^{ч}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), которые были въ языкѣ еще въ прарусскую эпоху. Къ такимъ словамъ принадлежатъ слова: цѣпь и чепь, желѣзо и зелѣзо, шерый и сѣрый (быть можетъ, шизый и сизый). Мы видѣли также, что звуки *ц* и *ч* нынѣ находятся на пространствѣ всего русскаго языка, но *съ различной мягкостью* по говорамъ: то *ц*—мягкое, то—полумягкое, то—твердое [1]); въ тѣхъ говорахъ, гдѣ до сихъ поръ *ц*—мягкое мы обыкновенно замѣчаемъ его чередованіе съ *ч*, т. е. *чёканье*; само-же *ц* отвердѣваетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не стоитъ передъ мягкимъ согласнымъ, т. е., въ большинствѣ случаевъ, гдѣ это *ц* не получилось изъ задне-небнаго звука. Эти случаи твердаго *ц* (напр., въ глаголахъ, гдѣ получилось окончаніе:—тца,—тцы...), естественно, повлекли за собой отвердѣніе и мягкаго *ц*; явилась возможность замѣны не только мягкаго *ц* звукомъ *ч*, но и твердаго; звукъ *ч* самъ сталъ діалектически твердѣть, что стоитъ въ связи съ судьбой близкаго къ нему звука *ц* [2]).

---

[1]) См. примѣчаніе 1 на слѣдующей страницѣ.

[2]) Звукъ *ч* твердѣетъ въ Новгор. губ. *Колосовъ*. Замѣтки. ibid. 19. Срв. наши говоры Ряз. губ. въ текстѣ выше о звукѣ *ч*.

Аналогія полная замѣчается и въ судьбѣ звуковъ *с* и *ш*, *з* и *ж*: они съ теченіемъ времени стали чередоваться и въ твердыхъ слогахъ, но еще на памяти исторіи, въ памятникахъ письменности, они были звуками *мягкими* въ извѣстныхъ случаяхъ и сочетаніяхъ (*ж* и *ш* всегда, а *з* и *с* въ извѣстныхъ случаяхъ: *пользя*, *вьсѧ* при *вьса*. Срв. др. польское wsza; wszego и wszej, wszemu и друг. См. *Kalina* Histor a języka polskiego. Lwów. 1883. Стр. 255. 260. 262. 265 и др.)). Нѣкоторые древне-русскіе говоры въ памятникахъ своей письменности сохранили на письмѣ доказательства того, что писцы затруднялись во многихъ случаяхъ постановкою *з* и *ж*, *с* и *ш* (памятники псковскаго письма). Въ древности говоровъ со средними звуками было гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ; къ такимъ говорамъ принадлежали и говоры бассейна рѣки Оки и говоры нынѣшней Смоленской и западныхъ сосѣднихъ губерній (см. Смоленскую лѣтопись). Съ теченіемъ времени говоровъ со средними звуками осталось немного вслѣдствіе массы случаевъ отвердѣнія или органически твердыхъ въ языкѣ звуковъ *ц* и частью *ч* (изъ сочетаній *т+с* въ словахъ и *т+ш* въ словахъ: см. глагольныя формы и случаи вообще исчезновенія глухихъ *ѣ* и *ъ* между этими согласными), звуковъ *з* и *с* и частью *ж* и *ш*, начавшихъ твердѣть очень рано. Въ настоящее время есть повсемѣстно почти слѣды существованія мягкихъ среднихъ звуковъ [1]), а потому они должны быть

---

[1]) Мы сдѣлали слѣдующее наблюденіе въ различныхъ русскихъ говорахъ по печатнымъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ: a) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* до сихъ поръ сохранился мягкимъ: въ этихъ говорахъ, по преимуществу, изслѣдователи отмѣчаютъ и *чёканье*, и *средніе* звуки (чц, цч или мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*); b) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* рядомъ и *мягокъ* и *твердъ*, т. е. на пути къ отвердѣнію, какъ и звукъ *ч*. Въ этихъ говорахъ *чёканье* встрѣчаемъ рѣже, звуки средніе—также; c) есть, наконецъ, говоры, въ которыхъ звукъ *ц* отвердѣлъ. Въ этихъ говорахъ замѣчательно то, что имъ извѣстно также *чёканье* и *средніе* звуки, т. е. эти говоры, стало быть, употребляютъ *ч* мягкое (чёкаютъ) вмѣсто *ц* твердаго, слѣдовательно, измѣняютъ самый характеръ согласнаго звука. Такое явленіе, какъ *чёканье* и *средніе* звуки въ говорахъ съ *твердымъ ц*, доказываетъ собой, что нѣкогда и въ этихъ говорахъ звукъ *ц былъ мягкимъ*, когда и понятно было чёканье въ нихъ и средніе звуки. Процессъ отвердѣнія звука *ц* въ діалектахъ извѣстенъ; звукъ *ц* раньше звука *ч* началъ твердѣть въ этихъ говорахъ, т. к. въ русскомъ языкѣ вообще были примѣры твердаго *ц*, получавшагося еще

признаны въ томъ или другомъ произношенiи звуками прарусской эпохи. Эти звуки сближаютъ въ отдаленнѣйшiя эпохи жизни русскую вѣтвь съ вѣтвью другихъ славянскихъ языковъ и позволяютъ возводить существованiе такихъ звуковъ къ эпохѣ общеславянской (См. между прочимъ соч. *Лаврова*. Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. болгарскаго яз. М. 1893. Стр. 95—96).

въ эпоху исчезновенiя глухихъ ъ и ь или вскорѣ послѣ нея въ глагольныхъ окончанiяхъ, особенно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *т* въ 3-хъ лицахъ глаголовъ былъ твердымъ; твердость звука *т* сообщилась и слѣдующему мягкому звуку *с*, откуда изъ:—т (ь, ъ)+с'а (въ оконч.—тьсѧ) получилось—тса, или, что то же,—ца и—тца. Подобныя сочетанiя въ ушахъ говорящихъ звучали съ твердымъ *ц*, и это я считаю началомъ отвердѣнiя звука *ц* въ русскихъ говорахъ. Такимъ образомъ, прарусское мягкое *ц* и *среднiе* звуки съ начала исторической эпохи (или даже раньше) уживались уже съ твердымъ *ц* въ различныхъ немногихъ случаяхъ. Дальнѣйшая судьба основного прарусскаго средняго звука *ц*ч (*ч*ц), связанная тѣсно съ судьбой другихъ среднихъ звуковъ (см. выше), была однородна у всѣхъ среднихъ звуковъ: мало-по-малу появилась возможность замѣны твердаго *ц* мягкимъ *ч*, вслѣдствiе того, что рядомъ существовали формы съ мягкимъ *ч* и твердымъ *ц* которое, какъ мы сказали, отвердѣло гораздо раньше звука *ч*. Вотъ примѣры на группу говоровъ *а* и группу *с*: къ говорамъ группы *а* принадлежатъ говоры: *Новгородскiй* (Колосовъ ib. 18—19. 121. Даль. ib. XLVI); *Олонецкiй*, въ которомъ звукъ *ц тверже* Новгородскаго, и при этомъ чёканье—*рѣже* (Колосовъ. 121. 122); *Вятскiй* (Колосовъ. 224. 225. 226. 252. 263. 279. мѣна *з* и *ж*, *с* и *ш*. Даль. L. Соболевскiй. Жив. Ст. ib. II. 20. 21. 22); *Вологодскiй* (Колосовъ. 329. 330. 331. *з—ж*, *с—ш*. Соболевскiй. ib. II. 15. 16. 17. Даль, XLIX. См. здѣсь объ оконч. неопр. накл.); *Нижегородскiй* (Даль. LVII); *Архангельскiй* (Даль. LII. Соболевскiй. ib. II. 14—15). *Это—говоры съ мягкимъ ц и. рядомъ съ чёканьемъ и средними звуками.* Къ группѣ говоровъ *с* принадлежатъ говоры: прежде всего говоры бассейна р. Оки (др. русскiе Вятичи): *Калужскiй* (Даль. LXIII.), *Рязанскiй* (сохранился около Касимова. Даль. LXII), *Тамбовскiй* (Даль. LVII. LXV), *Владимирскiй* (Даль. LIV. *с—ш*: «ясной пирогъ»= яшной пирогъ (ячной); «яшно на небѣ»=ясно на небѣ... Звукъ *т*ш въ Вязникахъ—ib. LV. «Молосное»=молошное (молочное); «пости́»=пошти́ (почти́); «свѣты» и «твѣты». Этимъ произношенiемъ обнаруживается составъ звуковъ: ч=т+ш (ш=с) и ц=т+с (с=ш), откуда: при пот'ш'ти́—пот'с'ти́—пос'ти́ и пош'ти́; при т'с'вѣты́—т'ш'вѣты́ (чвѣты́)—т'вѣты́ и с'вѣты́—*ш'вѣты́. Это мы имѣемъ въ Меленков. Муром. Вязников. Ковров. Шуйск. Суздальскомъ у.у.—ib. LV. Срв. Соболевскiй. ib. II. 19. Колосовъ. ib. 300 и прим. 1. а также 299); *Нижегородскiй* (Даль. LVII. Соболевскiй II. 19. Срв. также *Ляпу-*

Глава V-ая.

Зубные звуки.

Въ этой главѣ насъ будутъ интересовать *мягкіе* зубные звуки *д* и *т*, которые представляютъ особенность въ произношеніи нашихъ касимовскихъ говоровъ. Извѣстно, что всѣ славянскіе языки по результатамъ измѣненій первоначальныхъ сочетаній *дj* и *тj* можно раздѣлить на двѣ группы, изъ коихъ въ одной группѣ, по преимуществу, въ юго-восточной группѣ языковъ, получились въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ *дj* и *tj* шипящіе звуки, а въ другой, по преимуществу, въ сѣверо-западной,—свистящіе. Такое различіе въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ общеславянскихъ *дj* и *tj* по нарѣчіямъ можно себѣ объяснить тѣмъ, что общесл. *дj* и *tj* еще въ общеславянскомъ языкѣ, надо полагать, измѣнились въ $д^i д^i$ и $t^i t^i$, откуда также еще въ общесл. языкѣ получалось $\check{g}д^i$ и $\check{c}t^i$. Въ старосл. яз. $\check{g}$ измѣнилось въ $\check{z}$, а—$\check{c}$—въ $\check{s}$, такъ что получились: $\check{z}д^i$ (жд) и $\check{s}t^i$ (шт), между тѣмъ какъ въ группѣ западно-слав. языковъ общесл. $\check{c}t^i$ измѣни-

---

нова Указ. Соч. См. карту). Вотъ это—говоры, которые можно считать съ большою вѣроятностью потомками древнихъ Вятичей и изъ нихъ Рязанскій—Касимовскій самый типичный. Въ виду большаго сходства съ нимъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ говоромъ, говора Вятскаго, мы признаемъ нынѣшнихъ Вятчанъ выселенцами съ береговъ Оки въ нынѣшнюю Вятскую губернію (См. здѣсь ниже). Далѣе идутъ говоры сѣверные, принадлежащіе къ группѣ *с*: *Костромской* (Даль. LVI.), *Ярославскій* (Даль. LVI. Соболевскій. II. 17—18), *Тверской* (XLVII стр. у Даля и XLVIII. Соболевскій. II 17.); *Новгородскій* (Даль. XLVI. Соболевскій. II. 10—12. Колосовъ. ib. 19). *Вятскій* (Колосовъ. 224. Даль. L. Соболевскій. II. 20—22), *Псковскій* (Даль. XLIX. Соболевскій. I. 23—24), наконецъ, западно-русскіе говоры *Смоленской*, *Гродненской* и *Люблинской* губерній (Соболевскій. ib. III. 10. 11. IV. 33. 46). Говоръ *Сибири* составился тоже изъ поселенцевъ съ такимъ произношеніемъ (См. Соболевскій. ib. II. 25. Даль. LXI). Нынѣшніе малорусскіе говоры принадлежатъ вообще къ говорамъ, въ которыхъ сохранилось *мягкое ц*, но слѣды среднихъ звуковъ (чёканье) почти исчезли (вспомнимъ: цуратися и чуратися, причепитися...), оставивъ по себѣ воспоминаніе въ памятникахъ древней письменности (изрѣдка) и въ нѣсколькихъ словахъ современной рѣчи (см. выше); но и въ млр. говорахъ, какъ мы видѣли выше, звуки *ц* и *ч* уже встрѣчаются мѣстами съ *твердымъ* произношеніемъ.

лось въ c^ic^i, откуда c^i и затѣмъ *c*; точно такъ-же группа $\check{g}d_i$ здѣсь измѣнилась въ $ʒ^iʒ^i$ (при z^iz^i), откуда $ʒ^i$ (при z^i) и затѣмъ ʒ (дз) при z. Наоборотъ, въ прарусскомъ яз. общеславянская группа $\check{g}d^i$ измѣнилась въ $\check{g}\check{g}$, откуда $\check{g}$ при прарусскомъ же ž, а группа $\check{c}t^i$ измѣнилась въ čč, откуда затѣмъ—č. Такъ объясняетъ это явленіе *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*. Срв. у *Соболевскаго*. Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891. Стр. 119—120. Объясненіе, на нашъ взглядъ, страдаетъ большою натяжкою, будто въ группахъ *dj* и *тj*—j перешелъ въ мягкія *г* и *х*, т. е. получилось: *дг' тх'*, откуда: *дж* и *тш* Что касается процесса образованія стрслв. *жд* и *шт* при посредствѣ сначала ассимиляціи, а потомъ вторичной диссимиляціи, то такое объясненіе, конечно, должно быть признано неудачнымъ. Звуки *дз* и *тс* (ц) русскихъ нарѣчій, соотвѣтствующіе основнымъ *dj* и *tj*, а также—основнымъ *d'* и *t'*, нынѣ, съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько видоизмѣнить наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще.

Извѣстно, напримѣръ, что мы имѣемъ звуки $д^з$ (ʒ) и $т^с$ (*ц*) мягкіе въ различныхъ бѣлорусскихъ говорахъ: въ Витебской, Смоленской, Тверской, Виленской, Могилевской, Минской, Гродненской, Черниговской губерніяхъ [1]; эти звуки находятся какъ въ цокающихъ говорахъ названныхъ губерній, такъ и въ не цокающихъ, слѣдовательно, цоканье въ современныхъ намъ говорахъ Бѣлоруссіи не стоитъ въ прямой связи съ звуками $д^з$ и $т^с$. Во многихъ изъ этихъ бѣлорусскихъ говоровъ рядомъ со звуками $д^з$ и $т^с$ имѣются и звуки $д^ж$; такъ. въ Виленской, Витебской, Могилевской, Минской губерніяхъ почти во всѣхъ уѣздахъ слышенъ звукъ $д^ж$ [2]). Въ Гродн. губ. и уѣздѣ мы, напр., находимъ: зачаў поицьь, яна стала падаци, ажно́ бачиць (3 л. ед. ч.), ходзяць свиньня, цяперъ будзе, дзѣ (=гдѣ—дѣ); въ Витеб. губ. и уѣзда находимъ: одзинъ, дзялиць, будзиць (3 л. ед. ч.), ў дзиреўню, видзиць (3 л. ед. ч), дзирку, глядзиць (3 л. ед. ч.), за якимъ дзѣлымъ, ў людзёхъ, биць, хуваць и друг.; въ Лепельск. у. той-же губерніи, напр., говорятъ: видзѣў, дзѣ (=гдѣ, дѣ),

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 7—29. passim.

[2]) Ibidem. Стр. 11. 12. 14. 21. 22. 25. 29.

повадзилися (свиньни), бицъ, лупицъ—неопр. н., говядзину, судзицца, водзицца—неопр. н., будзь—пов н., у цябе и друг.; въ Минск губ. Борисовск. у. слышимъ: охрисцимъ (=окрестимъ), вядзи., идзе—3 л. ед. ч., уцѣху—вин. п. ед. ч., кажуць—3 л. мн. ч., згодзилися, перекусицъ—неопр. н., будземъ, разказацъ—неопр. н., бачицъ, бяжицъ—3 л. ед. ч., шарсьцинка (шерстинка), ляцицъ—3 л. ед. ч., гнiюцъ—3 л. мн. ч., нявидзимо и друг.; въ Смоленск. губ. Бѣльск. у. встрѣчаемъ выговоръ: укусицъ—3 л. ед. ч., отведзи, Господзи, по пуци, скоцину, дзень, будзецъ, сцеколушко, лошадзъ, дзереву, скакацъ—неопр. н. и друг. [1]). Въ Гродненской губ. Пружан. у. мы находимъ звукъ *д*^{ж}: гляджу—1 л. ед. ч., при *дз* и *т*^{с}: ведзiе—3 л. ед. ч., медвѣдзя, будзе, цече—3 л. ед. ч. (=течётъ), дзятлы и друг. Въ Минской губ. Рѣчиц. у. также: обгороджуся—1 л. ед. ч., при: ходзи, косьци (сущ.), пойдзецъ, рубицъ, ѣдзя, дзѣцей (вин. п. мн. ч.) и мн. друг. [2]). То-же мы имѣемъ и въ малорусскихъ говорахъ Черниговской губерніи, гдѣ мы имѣемъ и *д*^{з} и *д*^{ж}, Полтавской губ., гдѣ тоже находимъ и *д*^{з} и *д*^{ж}, Волынской губерніи, гдѣ есть и *д*^{з} и *д*^{ж}, Минской губерніи—*д*^{з} и *д*^{ж}, въ говорахъ Угорскихъ—*д*^{з} и *д*^{ж}, въ говорахъ Галиціи—*д*^{з} и *д*^{ж}, въ говорѣ галицкихъ русиновъ (лемковъ)—*д*^{з} и *д*^{ж} [3]). Кромѣ того, звукъ *д*^{з} и *т*^{с} находимъ въ говорахъ Волынской, Минской, Гродненской и Буковины [4]), а звукъ *д*^{ж} находимъ въ говорахъ Кіевской, Волынской, Гродненской, Сѣдлецкой губерній, въ говорахъ Галиціи, у Лемковъ, у Бойковъ (и *д*^{з}), у Гуцуловъ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что слитные звуки *д*^{з}, *т*^{с}, *д*^{ж} (ѕ, ц, ћ, ђ) вмѣсто основныхъ *д'* и *т'* или *дj* и *тj* въ предѣлахъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій могутъ считаться своими родными звуками. Если мы внимательнѣе всмотримся и вслушаемся въ говоры остальной части русскаго пле-

---

[1]) *Шейнъ*. Матеріалы... II. Спб. 1893. Стр. 185. 232, 233. 335. 378. 553 и др. Послѣдніе два говора (Минск. Борисовск. и Смоленск. Бѣльск., кромѣ того, *цокающіе*).

[2]) *Шейнъ*. ib. Стр. 251. 547. Срв. 285. (Въ послѣднихъ говорахъ есть и мѣна *з* и *ж*.).

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. 15. 17. 22. 23. 25. 38. 49. 54.

[4]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр. 26. 32. 33. 53.

[5]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр. 18. 19. 28. 34. 35. 36. 47. 56. 58. 59. 60.

мени, въ говоры великорусскіе, то мы найдемъ и услышимъ и здѣсь эти-же слитные звуки; такъ, въ акающихъ говорахъ *Черниговской* губерніи мы слышимъ звукъ *д*ж [1]), въ акающихъ говорахъ *Псковской* губерніи звуки *д* и *т* „съ свистящимъ оттѣнкомъ“ [2]), въ *Тверской*, *Ярославской* и *Нижегородской* губерніи мы находимъ звуки *д*з и *т*с [3]), наконецъ, въ *Поволжскихъ* губерніяхъ ниже Нижегородской мы тоже имѣемъ эти звуки. Наши говоры *Рязанской* губерніи тоже знаютъ всѣ эти звуки, какъ увидимъ ниже и какъ мы видѣли отчасти выше [4]). Слѣдовательно, всѣ эти звуки должны считаться идущими отъ глубокой древности, когда они, конечно, принадлежали если не всему прарусскому языку, то, по крайней мѣрѣ, его діалектамъ. Если мы къ этому присоединимъ еще указанія *Даля*, который говоритъ, что звуки *д*з и *т*с слышны въ различныхъ уѣздахъ *Новгородской* губерніи, напр., въ *Бронницкомъ*, гдѣ говорятъ: „не разбогатсіемъ“, въ *Боровичскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „за дзерево циной сойдзе́мси“, „тсяни́“, „тсипунъ тсебѣ“!, въ *Череповецкомъ*: „дзеньги“. въ *Новгородскомъ*—„ходзимъ“ [5]), въ различныхъ уѣздахъ *Тверской* губерніи, напр., въ *Торжковскомъ*, гдѣ, большею частью, говорятъ по-московски, но съ дзеканьемъ: „идзи в дзеревню“, „онъ тсише тсебя ходзитъ“, „родзютъ“, „ходзютъ“, въ *Корчевскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „видзѣу“ = видѣлъ, въ *Зубцовскомъ*: „путсёмъ“, „бачюшка“ (звукъ *т*ш), „страцилъ“ (= истратилъ), въ *Ржевскомъ*: говóрюць, въ Осташковскомъ и *Весьёгонскомъ*—„ѣдзь“ (= поѣзжай) и т. п., далѣе эти звуки, по указанію *Даля*, находимъ во *Владимирской* губерніи въ *Шуйскомъ* у., въ *Судогодскомъ*, въ *Вязниковскомъ*, гдѣ вмѣсто *т*с мы слышимъ и *т*ш и *д*з: тшарь, натшальникъ, тшерковь, дзеньги, въ *Меленковскомъ*—глядиць и друг., въ *Ярославской* губ. *Мологскаго* у., въ южныхъ уѣздахъ *Нижегородской* губерніи, наконецъ, *Калужское зля* само указываетъ на *дзля* (сравни Бѣлевск. *здля*) изъ *д'ля* (наше: *для*, стрсл. дѣлꙗ); эти же звуки мы

[1]) *Соболевскій*. ib. I. 20.

[2]) Ibid. I. 24.

[3]) Ibid. II. 17. 19.

[4]) См. также нашъ «Отчетъ». Стр. 36—37 и слѣд.

[5]) *Даль*. О нарѣчіяхъ. XLVI.

имѣемъ и въ *Пензенской* губерніи[1]); если, я говорю, мы примемъ во вниманіе и эти указанія, то увидимъ, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на *окающіе* и *акающіе*, на сѣверные и южные, страдаетъ неточностью, именно, въ томъ отношеніи, что въ основаніе этого дѣленія принятъ *только одинъ признакъ изъ области гласныхъ звуковъ*—неударяемое *о* или *а*. Почему не принятъ въ расчетъ консонантизмъ? Консонантизмъ говоровъ также имѣетъ всѣ права на вниманіе: онъ еще болѣе устойчивъ, чѣмъ вокализмъ, который гораздо легче теряетъ свои оттѣнки при соприкосновеніи съ посторонними элементами. По указанію Даля подъ самой Москвой дзекаютъ, подъ Можайскомъ уже слышится бѣлорусская рѣчь, слѣдовательно, если признавать безпристрастно какой-либо говоръ *смѣшаннымъ*, то, именно, говоръ Москвы, гдѣ сошлись разные элементы, и такъ это и признаетъ *Шахматовъ* въ своихъ „Лекціяхъ". Мы видѣли на основаніи разбора консонантизма русскихъ современныхъ говоровъ, что дѣленіе говоровъ на *сѣверно и южно-великорусскіе по одному* признаку, по произношенію *одного* неударяемаго звука *о*, несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, это дѣленіе уже потому должно быть признано въ наукѣ отсталымъ и негоднымъ, что въ основаніе его положенъ *признакъ новый*, *недавній*, да еще *единичный*. До появленія *аканья* говоры, называемые нынѣ великорусскими, несомнѣнно дѣлились по другимъ признакамъ и отличались другъ отъ друга совсѣмъ другими чертами, а звукъ *о* въ неударяемомъ положеніи игралъ, какъ мы отчасти видѣли выше, второстепенную, еле замѣтную роль, которую мы себѣ представляемъ въ томъ смыслѣ, что въ однихъ говорахъ этотъ звукъ *о* былъ болѣе чистымъ, въ другихъ - болѣе склоннымъ къ *а* ($о^а$), причемъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *о* былъ чистымъ сравнительно, конечно, были случаи произношенія звука $о^а$, и это было въ древнѣйшемъ даже русскомъ языкѣ въ извѣстныхъ формахъ глагола, какъ мы видѣли выше, слѣдовательно, этотъ признакъ, дѣйствительно, былъ несущественнымъ до извѣстной эпохи. Значитъ, дѣленіе говоровъ на *ака-*

---

[1]) *Даль*. ib. Стр. XLVII. LIII. LIV. LV. LVI. LVII. LVIII. LXIII. LXV. Срв. у *Колосова*. Ук. соч. Стр. 2. 21. 296. 298. (о дзеканьѣ ошибочное мнѣніе *Колосова*). См. примѣч. на 296—297 стр.

ющіе и *окающіе* вовсе не историческое и даже не научное. На основаніи этого признака мы причисляемъ къ говорамъ южно-великорусскимъ тѣ, которые почти ничего общаго не имѣютъ съ другими, признаваемыми нами *тоже* за южно-великорусскіе говоры. Мы выше видѣли, что говоры со звуками $д^{з}$, $т^{с}$, $д^{ж}$, $т^{ш}$ въ большинствѣ случаевъ оказались тѣми говорами, въ которыхъ мы нашли и *средніе* звуки: $ч^{ц}$, $ц^{ч}$, $з^{ж}$, $ж^{з}$, $с^{ш}$, $ш^{с}$, слѣдовательно, прежде всего нужно выдѣлить изъ всей суммы говоровъ русскаго языка тѣ говоры, которые составляютъ въ этомъ отношеніи приблизительно *одну* группу. Эта группа говоровъ оказывается въ наше время разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда, конечно, разселеніе русскихъ племенъ было совсѣмъ иное; при этомъ надо имѣть въ виду, что во многихъ говорахъ еще прарусской эпохи необходимо допустить существованіе этихъ звуковъ, которые были получены прарусскимъ языкомъ или его нарѣчіями изъ діалектовъ общеславянскаго языка. Несомнѣнно, что русскія племена, сидѣвшія по Окѣ, по верховьямъ Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны, т. е. приблизительно въ предѣлахъ между 0° (черезъ Петербургъ) и 12° сѣверной широты и между 50° и 58° восточной долготы, составляли въ древнѣйшія до-историческія времена по говору и быту одно цѣлое, конечно, съ необходимыми и незначительными отличіями. И вотъ что замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ ведетъ эти племена съ запада: онъ ихъ роднитъ съ ляхами и объединяетъ общимъ образомъ жизни, характеромъ и обычаями. Сопоставимъ слѣдующія свидѣтельства нашей Начальной Лѣтописи: Словѣни же ови (т. е. бывшіе Дунайскіе) пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, *а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*.. Такоже и ти Словѣне пришедше и *сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ*... (Лавр. сп. Стр. 5). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: друзии *сѣдоша по Деснѣ* и по Семи и по Сулѣ и *нарекошася Сѣверъ* (Стр. 6). Въ третьемъ мѣстѣ читаемъ: *Отъ нихъ же Кривичи* (я понимаю: „отъ нихъ же", т. е. „отъ Полочанъ", которые сидѣли на Двинѣ и прозвались *только по имени* р. Полоты—см. стр. 5), *иже сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихже градъ есть Смоленьскъ*; *тудѣ бо сѣдять Кривичи* (Стр. 10). Еще въ одномъ мѣстѣ читаемъ: Поляномъ же живущимъ особѣ (объ

этомъ *три раза* говоритъ лѣтописецъ, что они жили *особо*), якоже рекохомъ, *сущимъ отъ рода Словѣньска*, и нарекошася Поляне, а Деревляне *отъ Словѣнъ* же и нарекошася Древляне (почему, мы видѣли это выше); *Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ* [1]). *Бяста бо два брата в Ляcѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася*

---

[1]) Мы цитировали слова лѣтописи по *печатному* изданію. Въ фототипическомъ изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку совсѣмъ другая интерпункція, или ея вовсе нѣтъ, а мѣстами и другая редакція текста. Напримѣръ, приводимое мѣсто въ текстѣ выше въ рукописи читается такъ: полѧномъ же живоущемъ ѡсобѣ· ꙗкоже рекохомъ· суще ѡ рода словѣньска· и нарекошасѧ полѧне· а древлѧна же ѡ словѣнъ же· и нарекошасѧ древлѧне· радимичи бои вѧтичи ѡ лѧховъ· бѧста бо· в҃ брата влѧсѣх· радимъ а другому вѧтко и пришедъша сѣдоста радимъ на съжю· прозвашасѧ радимичи· а вѧтъко сѣде съ родомъ своимъ по ѡцѣ· ѡ него же прозвашасѧ вѧтичи· иже бѧху в мирѣ полѧне· и деревлѧне· сѣверъ и радимичь· и вѧтичи· и хрвате. л. л. 8. 9. Прежде всего отсюда не видно, чтобы поляне и древляне были разныя племена съ радимичами и вятичами, т. е. не видно, чтобы радимичи и вятичи не могли быть тѣми-же полянами и древлянами. Въ видѣ догадки, на которой я однако вовсе не настаиваю, я предложилъ бы такое пониманіе этого мѣста по Лавр. списку: про полянъ лѣтописцемъ сказано было, что они получили свое прозвище «поляне» отъ ляховъ; теперь говоритъ лѣтописецъ о томъ, что древляне назывались «древлянами» у словѣнъ, а у ляховъ поляне и древляне назывались «радимичами» и «вятичами» потому, что изъ ляховъ пришли, по преданію, два брата и сѣли въ предѣлахъ рѣки Сожа и Оки. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка Сожъ составляетъ какъ бы одну рѣку съ рѣкою Днѣпромъ, и очень можетъ быть, что преданіе и лѣтописецъ нехорошо различали устье Днѣпра, и поляне, сидѣвшіе по Сожу и по его продолженію—по Днѣпру, назывались у своихъ сосѣдей—ляховъ Полянами и Радимичами. Съ этимъ вполнѣ согласно то, что дальше написалъ лѣтописецъ: *иже бяху*, т. е. которые были (а не: «и живяху», какъ въ другихъ спискахъ) полянами и древлянами..... Слѣдовательно, у однихъ сосѣдей назывался народъ извѣстный однимъ именемъ, у другихъ—другимъ: у словѣнъ—древлянами, у ляховъ—вятичами, часть радимичей называлась полянами, а лѣсные жители—радимичами, а у словѣнъ они же могли называться древлянами, сѣверянами, кривичами....

Радимичи, а Вятъко съде съ родомъ своимъ по Оцъ, отъ негоже прозвашася Вятичи (Стр. 11—12). Наконецъ, лѣтописецъ сближаетъ всѣ эти народцы общимъ бытомъ и говоритъ: *И живяху*[1]) *в миръ Поляне, и Деревляне,* и *Съверъ, и Радимичи, Вятичи* и Хорвате[2]).... (Стр. 12). *Си же творяху обычая Кривичи, прочии погании*[3]), не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ (Стр. 13).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нашъ лѣтописецъ по какому-то преданію ведетъ древлянъ и полянъ *отъ словънъ-ляховъ*; далѣе мы видимъ, что онъ-же объясняетъ многія названія словѣнскихъ племенъ, и по его объясненію — древляне — тѣ-же словѣни — ляхи, но поселившіеся въ лѣсахъ, отчего и стали называться древлянами; далѣе мы видимъ, что полочане — тѣ-же дреговичи, только сѣвшіе по р. Полотѣ, а кривичи служитъ какъ бы общимъ названіемъ племенъ, сѣвшихъ по верховьямъ вышеназванныхъ рѣкъ, потому и говоритъ лѣтописецъ: си же творяху обычая *кривичи прочии погании*, т. е. прочіе кривичи — словѣни. Обычаи полянъ отличаются отъ обычаевъ прочихъ кривичей только потому, что поляне не сидѣли въ лѣсахъ, какъ сидѣли древляне, радимичи, вятичи, сѣверяне и прочіе кривичи. Преданіе объ особомъ родствѣ полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами надо понимать, конечно, въ смыслѣ какихъ-то отдаленныхъ реминисценцій о близости языка и обычаевъ этихъ словѣнъ къ языку и обычаямъ словѣнъ, сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мы, конечно, не можемъ не считаться и съ тѣмъ фактомъ, что въ нынѣшнемъ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи существуетъ до сихъ поръ раздѣленіе жителей — народа на двѣ половины: „въ калужской половинѣ живутъ *поляне* (мѣна *у* и *в*), а въ смоленской половинѣ живутъ *полъхи*“ [4]). Повидимому, лѣтописецъ

---

[1]) Въ рукописи Лавр. лѣтописи: ИЖЕ КАХУ.

[2]) Хрвате, я полагаю, стоитъ здѣсь просто ошибочно вмѣсто *Кривичи*. См. ниже. Это видно изъ контекста.

[3]) Я читаю *Кривичи прочии*, не отдѣляя этихъ двухъ словъ знаками. На это даетъ мнѣ право интерпункція подлинника. Л. 10 (фототип. изданіе Пов. вр. лѣтъ).

[4]) См. *Даль*. О нарѣчіяхъ... Стр. LXIII. Эта мѣстность, несомнѣнно, въ древности была одной изъ самыхъ лѣсистыхъ. Припомнимъ названія: Ра-

употребляетъ въ различномъ значеніи слова: „прозвашася“ и „нарекошася“: первое слово у него означаетъ какъ-будто *прозвище*, данное народу другимъ народомъ—сосѣдями, второе—какъ будто означаетъ *названіе* собственное. Въ первомъ словѣ, означающемъ *прозваніе* или *прозвище*, слышится какъ-будто ироническій или неубѣжденный оттѣнокъ мысли самого лѣтописца, во второмъ словѣ, означающемъ родное, собственное, домашнее *названіе* народа, слышится согласіе или убѣжденность самого составителя лѣтописи. Сравните выраженія: „отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне“ и: „нарекошася поляне, а друзии древляне“.... „друзии нарекошася сѣверъ“; „древяня же отъ словѣнъ же и нарекошася древляне“, но: „Радимичи и Вятичи отъ ляховъ... и прозвашася Радимичи... и... прозвашася Вятичи“. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ авторъ видѣлъ *туземное* названіе, данное *словѣнами*, тамъ онъ выражался „нарекошася“, а гдѣ онъ видѣлъ *чужое* прозвище, данное *не словѣнами*, тамъ онъ выражался: „прозвашася“. Нельзя же серьезно, въ самомъ дѣлѣ, допустить мысль о томъ, что жители рѣкъ Сожа и Оки были *поляками*, были совсѣмъ другого племени, да для этого допущенія нѣтъ и данныхъ не только въ лѣтописи, но, что̀ особенно важно, и въ современныхъ народныхъ говорахъ, которые во всякомъ случаѣ служатъ остатками древнихъ говоровъ, но совершенно иначе размѣщенными, чѣмъ прежде. Отношеніе автора къ названіямъ словѣнскимъ и къ прозвищамъ не словѣнскимъ объясняется ниже въ лѣтописи самимъ лѣтописцемъ тѣмъ, что онъ признаетъ словѣнскимъ языкомъ (племенемъ) только слѣдующіе народы: „Се бо *токмо* Словѣнескъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне“. Стр. 10. Эти Бужане суть тѣ-же Дулѣбы [1]), которые во время лѣтописца

менье, Зораменье, Полѣсье, Залѣсье и др. въ нынѣшнихъ Рязанской, Калужской, Владимирской губерніяхъ.

[1]) Слово «дулѣбъ» въ ряз. говорѣ значитъ: «глупый», «безтолковый», «неповоротливый», «мѣшокъ»—«дулѣп»—с Яблонево, дер. Щелево Скопин. уѣзда. У Даля s. v сказано «косой». Срв. его-же соч. «О нарѣчіяхъ». Стр. LXIV. (Въ Словарѣ: *кур. орл. влд. ряз.*). «Дулѣбъ» неправильно *Даль* пишетъ и въ Словарѣ, и въ статьѣ своей черезъ *е*: тогда было бы и въ говорахъ: «дулёп», а не «дулѣп».

назывались Велыняне, Бужанами-же они, очевидно, назывались по р. Бугу, какъ Полочане—по р. Полотѣ и т. п. (см. выше), прозвище же „Дулѣбы", презрительное и оскорбительное для народа, носящаго это прозвище, очевидно, дано имъ какими-либо сосѣдями. Вотъ что ниже пишетъ лѣтописецъ про Дулѣбовъ: „*Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне*"—Стр. 12. Между тѣмъ какъ выше мы читали, что тотъ народъ, который сидѣлъ *по Бугу* и послѣ сталъ называться *Велынянами*, носилъ названіе и *Бужанъ* по рѣкѣ Бугу.—Стр. 10. Очевидно, остальныя племена, по лѣтописцу, *не словѣнескъ языкъ*, „да то *ся зваху отъ Грекъ* Великая Скуфь".—Стр. 12. Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что племена, входившія въ составъ *токмо* Словѣньска языка, были слѣдующія: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане (=Дулѣбы, Волыняне). Очевидно, въ названіяхъ этихъ *словѣнскихъ* подразумѣваются и прозвища *не словѣнскія* этихъ-же самыхъ народовъ, какъ это и оказалось насчетъ Бужанъ (=Дулѣбовъ, Волынянъ); такъ что въ этомъ перечнѣ стоятъ *только словѣнскія* („Поляне", вѣроятно, было извѣстно и у словѣнъ: „и ти Словѣне... нарекошася Поляне"—Стр. 5) названія, но не упомянуты прозвища этихъ народовъ: Радимичи, Вятичи, Кривичи... (Не видно, какое названіе „Кривичи"; туземное или нѣтъ? Замѣчательно, что слово „*Кривичъ*" до сихъ поръ во Влад. и Тул. губ. означаетъ: „облыжный человѣкъ", „лукавый". *Даль*). Названіе „Дреговичи" тоже, кажется, есть прозвище сосѣдей, не туземцевъ, для Полочанъ. Мы, напримѣръ, до сихъ поръ имѣемъ въ *ряз.* и *влд.* говорахъ, слова: Дрега́, дрога́, дряга́=безпокойный человѣкъ, непосѣда. Въ *смл.* говорѣ „Дря́гва" значитъ *болото, зыбунъ, трясина*. Срв. *курск. Дрегва́, дрягва́*. (Словарь *Даля* s. v. дрожать). Вообще, у нашего лѣтописца довольно ясно различаются слова на—*ичъ*, служащія прозвищами (Дрегвичи, Кривичи, Радимичи, Вятичи), и слова на—*ане*,—*яне*, служащія *названіями по мѣстностямъ* поселенія, названіями словѣнскими, такъ сказать, оффиціальными и дѣйствительными. Срв. Древляне, Полочане, Сѣверяне, Бужане, Велыняне, Словѣне. Вообще, всѣ эти племена—Словѣне. Что касается Полянъ, то это было и прозвищемъ у Ляховъ и собственнымъ именемъ, такъ что это прозвище *совпало* съ именемъ дѣйствительнымъ—словѣнскимъ, какъ это объясняется изъ Радзивиловскаго спи-

ска Лѣтописи, гдѣ читаемъ: „аще и Поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. *Полями же прозвани быша*, *зане в поли сѣдяху*, а языкъ словѣнски единъ". Подъ 898 г. Что-же касается названія „Кривичи", то въ этомъ мы, кажется, не ошибаемся, что это было *прозвищемъ* словѣнъ вообще, отдѣлившихся отъ прочихъ (срв. выше значеніе слова „Кривичъ" въ *влад.* и *тул.* говорахъ. *Даль.* s. v. „Кривой"). По крайней мѣрѣ, въ Лавр. спискѣ (по фотолитогр. изданію) мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ слово „Кривичи" въ такомъ смыслѣ, подъ 6370 г. (л. 14) читаемъ: перьвии насельници в новѣгородѣ *словѣне полотьски кривичи*", т. е. словѣне, полотскіе кривичи то-жъ, словѣне, которые назывались у полочанъ кривичами. Срв. еще подъ 6370 г. (л. 13): „рѣша русь чюдь словѣни *и кривичи вся*"... Подъ 6367 г. (л. 13):—„маху дань варязи изъ заморья на чюди и на сл°вѣне. на мери. *и на всѣхъ кривичѣхъ*". Подъ 6390 (л. 15): „оиде ѡлегъ поимъ воя многи варяги чюдь словѣни мерю *и всѣ кривичи*"....

Послѣ этого небольшого отступленія, которое выясняетъ, на мой взглядъ, нѣкоторымъ образомъ сущность дѣла относительно древнихъ русскихъ племенъ и говоровъ, кажется, понятно, что дѣлить русскіе говоры на діалектическія единицы слѣдуетъ по нѣсколькимъ *существеннымъ* признакамъ. Мы полагаемъ, что правильнѣе съ точки зрѣнія исторіи языка—народа дѣлить говоры на *шепелеватые* (т. е. говоры *со средними* звуками—самые древніе), на *полу-шепелеватые* (имѣвшіе лишь звуки средніе *ц*[ч] и *ч*[ц], т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры *не шепелеватые*, пошедшіе отъ діалектической группы, *различавшей* звуки *ч* и *ц*, *с'* и *ш*, *з'* и *ж* и проч., или въ самомъ прарусскомъ языкѣ *утратившей* средніе звуки.

Такимъ образомъ, наши при-Окскіе говоры нужно вести отъ древняго говора той части словѣнъ (=кривичей), которую, по преданію, повелъ на Оку какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (=словѣнъ привислянскихъ). Конечно, удивительно, какъ могла остаться горсточка вятичей на своемъ мѣстѣ до сихъ поръ, но: 1) мы не знаемъ, на этомъ-ли мѣстѣ рѣки Оки жили вятичи; вѣроятно, передвиженіе всетаки произошло по теченію рѣки, и часть вятичей могла остаться въ наиболѣе дикой мѣстности, какой представляется нынѣ мѣстность сѣверо-восточнаго угла Ряз. губерніи. 2) Пе-

редвиженіе вятичей даже можно доказывать, какъ мы видѣли выше, тѣмъ, что они распространялись по рѣчной системѣ, и вновь мы ихъ находимъ въ нынѣшней Вятской губерніи. 3) Мы нисколько не утверждаемъ того, что въ нынѣшнемъ говорѣ нашего Касимовскаго уѣзда или въ говорѣ вятчанъ мы слышимъ *древній* неизмѣненный говоръ вятичей, но сношенія съ сосѣдями, колонизація края, наконецъ, культура и громадное пространство времени,—все это нисколько не уничтожаетъ возможности предположенія объ остаткахъ и потомкахъ древнихъ вятичей, предположенія, построеннаго на слѣдующихъ основаніяхъ: фонетика говора нынѣшняго Касимовскаго края очень своеобразна, мы не видимъ въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ *такого*, къ которому можно было бы безусловно причислить и нашъ Касимовскій говоръ, лишь только говоръ нынѣшнихъ вятчанъ *болѣе другихъ* совмѣщаетъ въ себѣ особенности фонетики нынѣшняго Касимовскаго говора. Остальныя соображенія и заключенія—чисто историческія и географическія, и мы ихъ высказывали выше.

Мы сочли для себя удобнѣе, именно, въ концѣ этой главы сдѣлать отступленіе историческаго характера, выясняющее нашъ взглядъ на исторію нашего говора и его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Этой главой собственно оканчивается параллельное обозрѣніе по говорамъ тѣхъ звуковъ, которые и заставили насъ смотрѣть на касимовскіе говоры, какъ на говоры особые, неизвѣстные до сихъ поръ, но указывающіе своимъ звуковымъ составомъ на свою древность и самостоятельное значеніе. Нѣкоторыя лишь дополненія мы сдѣлаемъ въ главѣ о губныхъ и задне-небныхъ звукахъ. А теперь окончимъ нашу главу о зубныхъ небольшимъ экскурсомъ по поводу касимовскаго произношенія „тьвѣт“ (Логино) и сочетанія *дн*.

Замѣчательно, что по корнямъ общесл. языка kvil—и kvit—(*Mikl.* Etym. Wtb.) видно, что въ общесл. языкѣ, въ общеславянскую эпоху такія слова, какъ цвѣтъ и kwiat, цвѣлити и квѣлить, звучали, должно быть, со звукомъ кореннымъ *к*. Но что мы видимъ въ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ и русскихъ нарѣчіяхъ? Во всей *южной* группѣ слав. языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ ц, конечно, и въ старосл. языкѣ, какъ въ языкѣ *южной* группы; во всей *западной* груп-

пѣ славянскихъ языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ *к*. Въ русскомъ же языкѣ, какъ мы видѣли выше, въ этихъ словахъ мы имѣемъ *діалектическія ц*, *ч*, *т*, *с*, *к*. На основаніи этого, кажется, необходимо допустить, что русскій языкъ выдѣлился *изъ той части* общеславянской семьи, *которая знала средніе звуки*: *ц*^{ч}, *ч*^{ц}, наравнѣ съ звукомъ *к*, т. е. прарусскія діалектическія необходимо были такія: čvѣt̯ъ и ćvѣt̯ъ (č = ч^{ц}, ć = ц^{ч}) рядомъ съ kvѣt̯ъ; тогда современныя *цвѣтъ* и *чвѣтъ* идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые *знали средніе* звуки; въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть kvѣt̯ъ (нынѣшніе сѣверно-и средне-русскіе); современныя-же *квѣтъ*, *квитъ*, *квисцъ* и под. идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые знали различіе звуковъ *ч* и *ц*, *з'* и *ж*, *с'* и *ш* и при этомъ имѣли kvѣt̯ъ, слѣдовательно, это тѣ діалекты, которые еще *въ прарусскую-же эпоху*, вѣроятно, *утратили средніе звуки* (см. выше) и, получивъ изъ прарусскаго языка *въ большинствѣ случаевъ различные ч* и *ц*, *з'* и *ж*, *с'* и *ш*, вмѣстѣ съ тѣмъ получили и kvѣt̯ъ, (нынѣшніе малорусскіе и частью блр. говоры), такъ что въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, а равно *чвѣтъ*, такъ какъ произношенія *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, какъ и *чвѣтъ*, могли быть только въ говорахъ *со средними* звуками, гдѣ звукъ *ц* звучалъ *т*^{с}, звукъ *ч*—*т*^{ш}, звукъ *с'*—*с*^{ш} или *ш*^{с}, а звукъ *з'*—*з*^{ж} или *ж*^{з}.

Такимъ образомъ, *т*$^{\text{с'}}$ могло быть и *т*$^{\text{с'}}$ (ц') и *т*$^{\text{ш'}}$ (ч) и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ наше время слова эти съ корнемъ *к* преимущественно извѣстны въ области малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ въ свою очередь рѣже наблюдается цоканье или чёканье, а слова эти (цвѣтъ, цвѣлити) съ кореннымъ *т* или *с почти исключительно* извѣстны въ наше время тамъ, гдѣ есть цоканье и чёканье, и гдѣ наблюдается *довольно рѣдко* въ этихъ словахъ коренной звукъ *к*.

Теперь относительно ассимиляціи сочетанія *дн* нашихъ говоровъ надо сказать, что это явленіе очень древнее, какъ показываетъ сравненіе русскихъ говоровъ. Только надо отличать отъ древнѣйшихъ случаевъ болѣе поздніе.

Такъ какъ русскій языкъ вмѣстѣ съ группой южно-славянскихъ языковъ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій общеславянскаго языка, въ которыхъ звуки *д* и *т* передъ *н* и *л* асси-

милировались съ послѣдними [1]), то, надо думать, мы въ нашихъ нарѣчіяхъ Касимовскаго края имѣемъ приблизительно образцы произношенія того времени, когда исчезли глухіе звуки, и сократилось безударное *и*. Можетъ бытъ, въ такихъ словахъ, какъ: *одни*, *однихъ* и проч. мы имѣемъ болѣе позднія произношенія, книжныя, зашедшія къ намъ съ запада, вмѣсто своихъ народныхъ: *анни́*, *анни́хъ* и проч., которыя должны были появиться въ русскомъ языкѣ послѣ исчезновенія глухихъ звуковъ и звука *и*. Срв одиного [2]), юдипого и проч.; *одинѣхъ* Смолнѧнъ—въ Смолен. Грам. послѣ 1230 г. (Рус-Лив. Акты. Приложеніе № 2. Стр. 452). Въ современныхъ намъ говорахъ *Новгородской* губ. мы имѣемъ: ланно, ронной (Соболевскій Жив. Стар. ib. II. 10), въ *Вологодской* отмѣчено: ланно (ib. 16), въ *Ярославской* (ib. 18), въ *Вятской* (ib. 21), въ *Сибири*: ланно, три нни (ib. 25); въ *Смоленской* (цокающей части тоже): раннѐй, аннѝ, галѐнная, аннѐ, рѐнная, аннѝ (ib. III. 10). Точно такъ же говорятъ даже *подъ Москвой*, въ Рузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Нѣкоторые глаголы въ народныхъ говорахъ правильно образуютъ формы свои съ ассимиляцiей звука *д* звуку *н* примѣты—*ну*, какъ и въ литературномъ нарѣчіи глаголы *вянуть*, *стынуть* и нѣк. друг. Напр. при глаголѣ—*загадать* мы имѣемъ въ ряз. *зага́нуть* (изъ *загаднуть), въ Олонец. „*загону́лъ* загадку" (*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 202), въ блр. *згану́ў*: „Тогды я *згануў*, що ў хаци за лавою сокіерчинка стырчитъ"—*Шейнъ*. Матеріалы... II. стр. 251. Гроднен. Пружан. уѣзда. (Въ Словарѣ *Носовича* такого слова нѣтъ Сравни у *Шейна* на этой - же 251 стр.: „Тогды я *згадаў*, що ў хаци на вокнѣ ножичокъ лежиць"...). Такимъ образомъ, въ этихъ формахъ глагола „гадать" мы вправѣ видѣть образованія общерусской эпохи. Срв. наше Касимов. „папа́нить" = *попаднеть = попадётъ — 3 л. ед. ч. *Китово*.

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Др. цсл. языкъ. Фонетика. М. 1891. Стр. 125.

[2]) Новгор. Лѣтоп. по Синод. Харат. сп. л. 47. *одиного* (фотол.).

Глава VI-ая.

Губные звуки.

Въ главѣ IX-ой первой части нашего труда мы охарактеризовали наши касимовскіе говоры въ области губныхъ согласныхъ слѣдующими чертами: въ нихъ наблюдается чередованіе *в* и *ў* и ихъ взаимная мѣна; далѣе, въ нихъ чередуются звуки *в* и *у*, извѣстно употребленіе *у* вмѣсто *в*, наконецъ, извѣстенъ переходъ мягкаго *в* въ *j*. Вотъ на этихъ чертахъ мы и остановимся подольше въ своемъ сравнительномъ обозрѣніи губныхъ звуковъ по говорамъ, а затѣмъ перейдемъ къ замѣнамъ звука *ф*, характеризующимъ тоже наши говоры, какъ было сказано въ I-й части, въ IX-й главѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что для извѣстной, доисторической, эпохи русскаго языка звуковая близость *в* и *у* была явленіемъ, по всей вѣроятности, общимъ для всѣхъ діалектовъ русскаго языка. Лишь въ памятникахъ письменности мы замѣчаемъ преобладаніе чередованія звуковъ *в* и *у* или замѣны одного начертанія другимъ, по преимуществу, тамъ, гдѣ эти памятники выдаютъ свое происхожденіе изъ югозападныхъ или сѣверозападныхъ областей Россіи. Напримѣръ, смоленскія, витебскія, полоцкія, псковскія, галицко-волынскія рукописи даютъ больше другихъ памятниковъ образцовъ замѣны одного изъ этихъ звуковъ другимъ [1]), такъ что можно сказать, что въ историческое время, къ XII—XIII вѣку, эта черта фонетики получила не одинаковое развитіе во всѣхъ русскихъ говорахъ: въ иныхъ она, повидимому, развивалась въ томъ направленіи, что разница между *в* и *ў* (неслоговымъ) постепенно увеличивалось въ произношеніи, и случаи замѣны одного звука другимъ становились малочисленнѣе, рѣже, въ другихъ, напротивъ, разница между этими звуками въ ихъ доисторическомъ произношеніи развивалась медленнѣе, а потому неслоговое *ў* все еще продолжало смѣшиваться съ звукомъ *в*, это смѣшеніе, наконецъ, пережило и эпоху исчезновенія глухихъ звуковъ и сохранялось очень долгое время, сохра-

---

[1]) См. *Ягича*. Критич. Замѣтки.... Спб. 1889. Стр. 81—85. Срв. *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 109—112.

няется и понынѣ. Къ такимъ говорамъ, въ которыхъ разница между этими звуками была минимальная, въ которыхъ эти звуки менѣе отдалились отъ старины, кажется, принадлежали въ историческое время говоры югозападныхъ и сѣверозападныхъ областей, какъ можно судить по памятникамъ письменности и по живымъ народнымъ говорамъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Но было бы ошибочно думать, что эта звуковая близость звуковъ *в* и *ў* не была одинаково извѣстна въ древности *всѣмъ* говорамъ прарусскаго языка: мы имѣемъ письменные памятники изъ самыхъ разнообразныхъ областей, но всетаки въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ нѣкоторое количество случаевъ замѣны начертанія *у* и *в* другъ другомъ. Слѣдовательно, каждый памятникъ сохранилъ на своихъ листахъ свидѣтельство того, что въ области написанія этого памятника или въ языкѣ переписчика его жило въ извѣстное время воспоминаніе о звуковомъ тождествѣ *в* и *ў*. Если мы встрѣчаемъ въ памятникѣ одинъ-два случая такой замѣны, то ихъ никакъ нельзя объяснить говоромъ переписчика, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ такая замѣна встрѣтилась бы не одинъ или два раза, а нѣсколько разъ. Слѣдовательно, эти одинъ-два случая должны пониматься, какъ остатки стараго произношенія, общаго для всѣхъ говоровъ. Напримѣръ, въ XI-мъ уже вѣкѣ, да аще въ такомъ памятникѣ, какъ Изборникъ 1073 года, который по своему языку рѣзко отличается отъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ можно усматривать предковъ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, мы встрѣчаемъ мѣну *в* и *у*: оуселеноуѫ — вин. п. ед. ч.—л. 9d. нишьстиꙗ добрѣ въуиниѥна и сътворивъшааго оуказано—л. 14c. по широтѣ оуселенꙁиꙗ обьходить—л. 17a. хоштеть сѫдити оуселюнѣи въ правьдѣ—л. 18a. пьр҃вꙑи съборъ бꙑсть оуселюнꙁиꙗ въ никеи—л. 23b. вьсеꙗ оуселюнꙁиꙗ—л. 27a. и въгодьно бѫдетъ боу—л. 35b. оуселꙗтьса—3 л. мн. ч. буд. вр.—л. 37b. въуьнемъ—л. 38b. оуселюнѣи всеи зьрѧшти — л. 48c. и мн. др. Мы видимъ здѣсь чередованіе *в* и *у*, слѣдовательно, это уже одно устанавливаетъ фактъ близости звука в и *ў* (неслогового) въ XI вѣкѣ для мѣстностей не югозападныхъ или сѣверозападныхъ. Приводя ниже данныя для исторіи вопроса о звукахъ *в* и неслоговомъ *ў*, мы не будемъ повторять

того, что можно найти у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ и у *Ягича* въ его „Критическихъ замѣткахъ“; намъ важно указать на фактъ замѣны этихъ звуковъ въ *тѣхъ* памятникахъ, которые *не принадлежатъ* югозападнымъ или сѣверозападнымъ областямъ, а потому мы будемъ заимствовать только важныя данныя изъ *другихъ* памятниковъ, изъ памятниковъ *другого* происхожденія. Замѣчательно, что слово *оуселеноую* мы находимъ въ массѣ разнообразныхъ памятниковъ: напр., въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г. (*Срезневскій*. Др. пам. яз. и письма. Изв. АН. X. вып. VI. 659), въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г.: оусєлитисѧ—л. 40 об., въ Спискѣ Упиря 1047 г. (въ библіи 1499 г.): оусєлити(сѧ)—passim. Мѣна *оу* и *в* встрѣчается и въ Моисеевомъ Ев. 1355 г. (*Буслаевъ* Матеріалы... М. 1855. Стр. 37); въ Двинскихъ Грамотахъ XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ*. Оп. ркп. Рум. Муз. № LXVII): у Федора *в* ларивонова сна; *оу*ласей... *оу* глухомъ погости и мн. др. (Нынѣшняя Вологодская губернія, Вологодскій край). Конечно, несправедливо и то, что будто-бы „въ памятникахъ великорусскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко“ [1]), что будто-бы „въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи мы находимъ *только*: *унуки*, *ноугородьстіи*“ [2]). Въ одной Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку мы имѣемъ: нооугородьци—л. 8. со оуноуки—л. 38. нооугородьстии—л. 41. оукоуситъ—л. 74. еоустафии—л. 101. стлб. 1. оу инѣхъ странахъ—л. 111. стлб. 1. паоуломъ—л. 125 стлб. 1. заѵтрокавше—л. 151 стлб. 1. оустрѣте—л. 174 стлб. 1., л. 181. стлб. 1. оусрѣте—л. 178. стлб. 2, л. 182. стлб. 2. заоутрокаи, заоутрокати—л. 174. стлб. 1. оу раку—л. 184 стлб. 2. Это только случаи, гдѣ *у* стоитъ вмѣсто *в*, но и то я не ручаюсь, что привелъ *всѣ* случаи изъ „Повѣсти“. Конечно, этой же мѣной звуковъ *в* и *ў* въ Суздальскомъ говорѣ надо объяснять и такія написанія „Повѣсти“ 1377 года: ожиоуть—л. 6., л. 8 (вмѣсто *ожиўуть. Срв. ниже въ нашихъ говорахъ); завътра—л. 9. нооу (=нову)—л. 11. фаравонѣ—л. 11., л. 12. Мараоу—л. 17. семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье—л. 6. по оустаоу—л.

---

[1]) *Соболевскій* Лекціи[3]. Стр. 110. Срв. у насъ ниже.

[2]) *Соболевскій* ibidem. Срв. у насъ ниже.

24. въ вустьѣ—л. 25 (можетъ быть, слово „вустье“ получилось изъ предложнаго сочетанія: „въ устье“. какъ „*вотчину*“ (вотчина) изъ „*въ отчину*“, какъ указалъ *Ягичъ* Критич. Зам. Стр. 68. Срв. выше у насъ: „*врагъ*“ вмѣсто „*оврагъ*“ въ Грамотахъ); протиоу—л. 39. зооуть—л. 50 (срв. л. 59); в вутробѣ — л. 68. въ вадъ—л. 50. семевона—л. 61. заоулона — л. 61. въ вифлевомѣ—л. 69. елевоньскую - л. 70. гедивонъ—л. 71. ниневгитане—л. 123. ст. 2. Первоначально такія приставки и вставки звука *в* возможны были на почвѣ звуковой близости *в* къ неслоговому *ў* [1]). Намъ важны также показанія Новгородской Лѣтописи: въ оуторникъ—л. 214. л. 219. (по Синод. Харат. сп. Фотолит. изд.); с довмонтомь—л. 285. срв. съ довмонтомь—л. 284. Мы не приводимъ данныхъ изъ Ипатьевскаго списка, такъ такъ онъ, можетъ быть, дѣйствительно, южный, списокъ съ галицко-волынскаго, но этотъ списокъ *переполненъ* относящимися сюда случаями. [2]).

Весьма интересны еще нѣкоторые сюда относящіеся случаи изъ области Новгородской и Двинской: напр., въ Новгородскихъ Купчихъ мы находимъ: *у* томъ острови — АЮ. № 71. (I); *у* Степана *въ* Иванова *унука*—АЮ. № 71. (V); *въ* Оврама *въ* Онтомановица, *у* прибытъчнихъ мѣстѣхъ, *у* рѣки, *у* стороньнихъ рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ *въ* озерѣхъ—АЮ. № 71. (XIII); *у* Ѳедора *въ* Ларивонова сына—АЮ. № 71. (XVII.); *у* Глухомъ погости—АЮ. № 71. (XXII.); *въ* печати стоялъ Петре *у* Яковле мѣсто—АЮ. № 71. (XXII.). Срв. въ другихъ грамотахъ великорусскихъ: Евстрата и Еустратъ—АЮ. № 3. 1485 г.; Еуѳимей—АЮ. № 19. 1532 г.; передъ завтреньею—АЮ. № 27. 1613 г.; денгою Ноугороцкию—АЮ. № 411. 1473 г. и мн. др.

---

[1]) *Ягичъ* (Критич. Зам. Стр. 81.) говоритъ: «настоящей разницы между *v* и *u* не было, оба звука совпали въ среднемъ *u͡* (или *v*)»

[2]) *Соболевскій*. Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 64—66. Срв. *Колосова* Очеркъ исторіи зв. и фр... Стр. 150—160. Мы уже не говоримъ о томъ, что у *Колосова* многіе примѣры приведены совершенно невѣрно, и заключенія его потому часто совсѣмъ неправильны. Напр., будто *формы Суждаль нѣтъ въ Лавр. сп.* (см. у него стр. 154.), тогда какъ мы здѣсь выше приводили нѣсколько такихъ формъ изъ Лавр. списка (напр. л. 172. ст. 2.). Да и писали мы уже прежде о трудѣ *Колосова*. См. наше соч.: «Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка»... Воронежъ. 1891. (отд. оттискъ.) Стр. 45—46.

Послѣ этихъ приведенныхъ данныхъ изъ области нынѣшнихъ великорусскихъ нарѣчій можно-ли сказать, что мѣна звуковъ *в* и *ў* не была извѣстна тѣмъ говорамъ др. русскаго языка, которые легли въ основу такъ называемыхъ „великорусскихъ" говоровъ? Нельзя даже утверждать, что это звуковое явленіе было извѣстно *болѣе* на западѣ и югѣ, чѣмъ на сѣверѣ или востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшую пору это звуковое явленіе должно было быть извѣстно повсюду (см. выше). Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ языка XIV—XV столѣтія мы узнаемъ такое-же употребленіе звуковъ *в* и *ў* въ сѣверно-русскихъ областяхъ, какое нынѣ извѣстно и въ малорусскихъ или бѣлорусскихъ говорахъ. Конечно, этой же близостью разсматриваемыхъ звуковъ объясняются и слѣдующія написанія дьяковъ и подьячихъ въ грамотахъ и актахъ: Орѳоломей—АЮ. № 409. (VI.). вобчей—АЮ. № 14. 1510 г. Срв. въ обчемъ ѣзу—АЮ. № 19. 1532 г. съ сосны на волху, съ волхи — АЮ. № 20. 1534 г. у Вонъчифора у Вонъдроникова — АЮ. № 71. (III.). Срв. „мостъ плавучей" и „въ мосту плаучемъ"—АЮ. № 81. 1544 г. Срв. также вставки *в* въ серединѣ словъ въ этихъ же областяхъ: Левонтей, Левонтіемъ, Левонъ—АЮ. № 24. 1584 г., № 2. 1483 г., № 84. 1567 г., № 412. 1482 г., № 409. (VI.), № 71. (XV.), № 83. 1550 г. и друг. Ларивонъ, Ларивоновъ—АЮ. № 20. 1534 г., № 27. 1613 г., № 412. 1482 г., № 71. (V. XVII. XXII.) и друг. Родивонъ, Родивоновъ—АЮ. № 22. 1547 г., № 71. (XIV. XIX.), № 411. 1473 г. Леванида—№ 65. 1661 г. (подписи.). Далѣе: Левушиньской—АЮ. № 71. (XVI.) при обыкновенномъ современномъ Леушинъ и проч. [1]) (Срв. Левшинъ—фамилія). Мы

---

[1]) См. объ этомъ явленіи статью *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. «Изъ исторіи р. языка» I. Въ этой статьѣ нѣкоторыя вещи необходимо измѣнить и поправить: *Соболевскій* думаетъ, что, «какъ скоро мы имѣемъ дѣло со словомъ, не имѣющимъ въ нашемъ словарномъ матеріалѣ особенно близкихъ родичей, вмѣсто *ву* является *у*:... плаунъ, плауново сѣмя, сравни плавать» и т. п. Стр. 22. Это невѣрно: сравни выше въ АЮ. «мостъ плавучей» и «въ мосту плаучемъ». Кажется, здѣсь слово «плавать» должно бы собой *поддержатъ* и слово «*плавучій*», вмѣсто котораго, еслибы Соболевскій былъ правъ, мы не ожидали бы произношенія *плаучій*. Срв. у насъ въ текстѣ, тамъ такихъ примѣровъ много. Точно такъ-же невѣрно сказано, что влкр говоры имѣютъ: живу, реву, противуположный и т. п. (22). Срв. у насъ въ текстѣ: жыўў и друг. См. также ниже.

находимъ въ древне-русскомъ языкѣ въ этихъ же мѣстностяхъ также фонетическую утрату звука *в* послѣ *б*: *обинити*—АЮ. № 16. 1518 г., № 19. 1532 г. и друг. Послѣ этихъ справокъ въ древне-русскомъ языкѣ сдѣлаемъ нѣсколько справокъ въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ и затѣмъ перейдемъ къ фактамъ нашихъ говоровъ, въ которыхъ мы часто встрѣтимъ тѣ-же самыя слова и почти съ такимъ-же произношеніемъ, какъ мы выше видѣли въ Грамотахъ и Актахъ. Наблюдатели указываютъ намъ мѣну *в* и *у* въ *Псковской* губерніи (*Даль*. XLIX.), въ *Черниговской*, *Псковской* (акающихъ частяхъ. *Соболевскій*. Жив. Ст. iѣ. I. 20. 23. 24.), въ *Новгородской, Вологодской* (Соболевскій iѣ. II. 11. 16. Срв. *Колосова*. Замѣтки. iѣ. 16. *Колосовъ* отмѣчаетъ, *какъ рѣдкость*, это явленіе въ Новгород. губ. и въ Владим. губ.—стр. 294). Въ древности, именно, въ этихъ мѣстахъ было распространено это явленіе, какъ мы видѣли выше. Слѣдовательно, если принять нашъ взглядъ на цоканье и чёканье, то съ цоканьемъ и чёканьемъ вовсе и не придется связывать мѣну *в* и *у*. Это — общерусскія явленія. Кромѣ того, конечно, это явленіе извѣстно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ: *Смоленской*, *Виленской*, *Могилевской* и другихъ; наконецъ, въ малорусскихъ губерніяхъ разсматриваемое явленіе представляетъ собой самое распространенное и обычное явленіе, такъ какъ встрѣчается во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, и даже, пожалуй, чаще, чѣмъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, хотя оба нарѣчія въ этомъ отношеніи особенно близки другъ къ другу въ наше время, и оба знаютъ не только мѣну *в* и *у*, но и мѣну твердаго *л* и *у*, т. е. въ обоихъ часто твердое *л* звучитъ, какъ неслоговое *ў*. Видимо, что судьба *и̑* прарусской эпохи была разнообразна въ разныхъ діалектахъ прарусскаго языка: еще на глазахъ исторіи мы застаемъ близость звуковъ *v* и *и̑*, т. е. остатки стараго неслогового *и̑*, распространеннаго въ тѣхъ говорахъ, гдѣ нынѣ замѣчается уже строгое различіе между *в* и *у*. Напримѣръ, нынѣ въ Новгородскомъ и Владимирскомъ говорахъ указывается это явленіе (мѣна *в* и *у*) наблюдателями, какъ рѣдкость, вовсе не характеризующая этихъ говоровъ, между тѣмъ какъ въ XIV вѣкѣ и въ Новгородской, и въ Суздальской области это явленіе было настолько распространеннымъ, какъ мы видѣли выше, что его можно считать отличительной чертой соотвѣтствующихъ

говоровъ. Далѣе, если мы наблюдаемъ теперь это явленіе въ малорусскихъ говорахъ, какъ ихъ характерную черту, то это служитъ указаніемъ на ближайшую связь между нынѣшними малорусскими говорами и древними говорами галицко-волынскими, въ которыхъ это звуковое явленіе доказано памятниками галицко-волынской письменности. Слѣдовательно, въ этихъ говорахъ означенное звуковое явленіе лишь оказалось болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ другихъ, но данныя изъ памятниковъ Кіевской области (или Черниговской? Изборникъ 1073 г.), изъ памятниковъ Новгородской, Суздальской, Московской, доказываютъ собой, что въ древности это явленіе было извѣстно *всему русскому языку*, и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимирской, Рязанской и другихъ губерній (см. выше). Такимъ образомъ, въ говорѣ древнихъ древлянъ надо признать существовавшимъ это звуковое явленіе даже въ XI вѣкѣ (Изборникъ 1073 г.), это-же явленіе было извѣстно и въ Черниговской области (въ говорахъ Черниговской губ. мы находимъ это явленіе и нынѣ), такъ какъ, по вышесказанному, это былъ одинъ говоръ, вѣроятно, съ очень небольшимъ отличіемъ: это были *сѣверные* древляне (жители лѣсовъ); при-Окскіе древляне (жители лѣсовъ, вятичи, которыхъ повелъ съ воинами ляхъ Вятко), конечно, имѣли тоже въ своемъ говорѣ эту же мѣну *в* и *у*; она и сохранялась долгое время на большомъ пространствѣ поселеній вятичей: въ XIV вѣкѣ въ Суздальской области ее мы видимъ даже въ языкѣ лѣтописей [1]), мѣстами она сохранилась и донынѣ. Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ подобные же факты.

Въ вопросѣ о звукахъ *в* и *ў* (неслоговомъ) есть вообще нѣсколько интересныхъ пунктовъ: неслоговое *и* вмѣсто *v* было извѣстно еще въ самомъ началѣ исторіи славя̑нскихъ языковъ,

[1]) Одно мѣсто Лавр. лѣтописи (л. 11) замѣчательно тѣмъ, что изъ него видно, что древляне и поляне—одно племя. Такъ что это мѣсто подтверждаетъ высказанныя нами выше мысли *о словѣнахъ*. Въ самомъ дѣлѣ, читая это мѣсто, думаешь, что козары потребовали дани отъ древлянъ, однако даютъ имъ дань *поляне*. Можно и такъ понять, что поляне «были обидимы древлѧми инѣми околними», тогда выходитъ, что *были поляне* и *иные древляне*, и про мѣсто жительства *полянъ* здѣсь говорится то, что выше говорилось про *древлянъ*.

быть можетъ, это неслоговое *u̯* чередовалось съ *v* еще въ общеславянскую эпоху въ извѣстныхъ случаяхъ; мы, напр., имѣемъ завѣдомо общеславянское *v* передъ гласными изъ общеиндоевропейскаго *u̯* въ такихъ словахъ, какъ: слово, пловѫ, любъве, дъва и друг. Въ діалектахъ самого старослав. языка было извѣстно чередованіе неслогового *u̯* и *v*, такъ что врядъ-ли въ старослав. языкѣ *во всемъ* произошло полное совпаденіе индоевропейскихъ *u̯* и *v въ одномъ* звукѣ *v*: по крайней мѣрѣ, въ діалектѣ Синайскаго Требника (въ X—XI вѣкѣ) мы видимъ нѣсколько случаевъ чередованія *у* и *в*: і възаконии връховьнюмоу аплоу петроу...—*Geitler*. Euchol. 1882. л. 20 b. стр. 19. (възаконити—оузаконити); ѡ благо въгодьнѣ трѣбѣ быти—л. 60 a. стр. 14. Гі бже нашъ възаконеи достоинъıꙗ себѣ сѫщꙗ—л. 80 b. строка 4. Срв. л. 20 b. 19. выше. Но и: оуобрази вь немь добродѣаниѥ—л. 94 b. стр 5. Въ діалектахъ Маріинскаго (Григоровичева) Евангелія и Зографскаго это явленіе также извѣстно: въ Мар. Ев. читаемъ: бѣ же вь дьне сѹꙗ въ црквe. а ноштиѭ вьдварѣаше сꙗ исхода въ горѣ... *Ягичъ*. Стр. 296. Строка 16—17. Срв. въ Зогр. Ев.: а ноштиѭ оудварѣаше сꙗ... *Ягичъ*. Стр. 128. Столб. 1. Строка 18. Такъ-же въ Никольскомъ Ев. Срв. въ Никольск. Ев. оу ношти вмѣсто Мар. Зогр. ноштиѭ. (*Ягичъ*. Мар. Ев. 296. Прим. 16.); въ Мар. Ев. егда крѣпъкы оуорѫжьсꙗ хранитъ свои дворъ—ib. 248. 11—12. (*Ягичъ* считаетъ эту форму сербохорватскою—ib. прим. 11—12), но въ Зогр. Ев. мы имѣемъ: въорѫжь сꙗ—*Ягичъ*. Стр. 106. 1. 11—12. Въ Ник. Ев.—въ.—Въ Мар. Ев.: оуселенѣѭ—196. 10. Въ Зогр. Ев.—вьселенѣѭ—83. 2. 17—18. (Напрасно *Ягичъ*—Мар. Ев. 196. Прим. 10—видитъ въ этой формѣ *вліяніе сербо-хорватскаго языка* на Мар. Евангеліе: это явленіе, какъ мы видѣли выше, извѣстно въ этомъ словѣ и въ нашемъ Изборникѣ 1073 года и составляетъ, быть можетъ, въ этомъ примѣрѣ *остатокъ такихъ словъ*, которыя извѣстны всѣмъ слав. нарѣчіямъ. Припомнимъ выше слова съ звуками *з*ж, *с*ш, *ц*ч и др. зелѣзо, сѣрый, чепь и под. Во всякомъ случаѣ чередованіе *u̯* и *v*, какъ видно, было извѣстно діалектамъ общеслв. языка). Къ такимъже случаямъ фонетическаго чередованія *у* и *в*, основаннаго на первоначальной близости *u̯* и *v*, я отношу и употребленіе

въ старослав. памятникахъ глаголовъ въѵѧти и оѵѵѧти безъ разницы въ значеніяхъ: не брѣшти въчьнетъ—Зогр. Ев. *Ягичъ*. 6. 2. 5. оѵѵѧтъ—ib. 123. 2. 14. наѵьнетъ—ib. 112. 2. 31.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ мы знаемъ, что это явленіе (*ў—в*) извѣстно южнымъ славянскимъ языкамъ, и извѣстно даже въ памятникахъ древней письменности. Такъ, напр., въ старомъ болгарскомъ языкѣ мы находимъ въ Тріоди Григоровича (XII—XIII в.): възрѧтъ вм. оузрѧтъ—стр. 339 (*Срезневскій* Пам. юсов. п.), ѡпраӱдити — 340, къ Єӱреѡмъ—340, Єӱреискаами—343, въ праӱдѫ—343. Такимъ образомъ, мы съ этимъ явленіемъ встрѣчаемся гораздо раньше въ памятникахъ болгарской редакціи, чѣмъ это показалъ П. А. *Лавровъ* въ своей книгѣ: „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“. М. 1893. Здѣсь мы находимъ (стр. 90) старшій примѣръ показаннымъ изъ Хлудовскаго Паремейника (XIII—XIV в.): любѧще мыто гонѧще оуздаганиꙗ—21 об, но примѣровъ изъ Тріоди Григоровича вовсе нѣтъ; зато мы здѣсь знакомимся съ этимъ явленіемъ въ говорахъ болгарскаго языка, узнаемъ, что это явленіе распространено въ современныхъ говорахъ западно болгарскихъ, хотя извѣстно оно и въ восточныхъ: унук, унука, вхоту, вблиза и друг. (ib. 90.). Это же явленіе извѣстно и въ сербохорватскомъ языкѣ, какъ мы видѣли выше. Въ сербскихъ пѣсняхъ мы часто видимъ примѣры: Која књига од Будима града, краљ га уњој у сватове зове; чашу узе, у сан се занесе; аде Марко у гору зелену; у јутру и мн. др. (*Караджичъ*. Пјесме. II. (1845 г.). Стр. 363. 364. 366 и мн. др.). Такимъ образомъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что разсматриваемое звуковое явленіе, мѣна или чередованіе *ў* и *в*, извѣстно было въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ со стрслав. и русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя думать, что это явленіе въ русскомъ языкѣ нѣкогда было діалектическимъ, а не общерусскимъ, когда оно и теперь извѣстно всѣмъ главнымъ нарѣчіямъ русскаго языка. Мы его видѣли и въ малорусскомъ, и въ бѣлорусскомъ, и въ великорусскомъ, гдѣ оно извѣстно и на сѣверѣ, и на югѣ: и въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ, и въ Рязанской, въ Орловской, въ Курской, въ Черниговской. Напр., въ Курск. Бѣлгород. у. мы слышимъ: у лєси, вгаварывал, устáл (*Ха-*

ланскій. Образцы... Изъ Р. Ф. В. 1882. Пѣсня № 6); ухажу́ я, каралєвич, у свитли́чиньку; ни вбива́й сибє—ib. № 7; вда́рить—ib. III. № 8; уся́, усе́—ib. № 32. (Кр. Поляна); № 44. 45. и друг. Срв. въ *Тульской* губ. Новосильск. у.: „у погахъ топтать“—*Шейнъ*. Рус. Нар пѣсни. М. 1870. Стр. 413. № 2; „я изъ саду да у садъ“ —ib. 414. № 4; „часто ѣздишь ты у гости безъ меня“—ib. 422. № 12; „подушечки потонули у слезахъ“—ib. Срв. №№ 15. 16. (Хотя вообще у *Шейна* эти всѣ пѣсни очень дурно записаны). Итакъ, сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что чередованіе *ў* и *в* въ русскихъ говорахъ не занесено какой-либо колонизаціей изъ одной мѣстности въ другую. Незадолго до начала исторической жизни, а, можетъ быть, и въ началѣ своей исторіи, русскій языкъ зналъ произношеніе звука *в очень близкое къ ў*, такъ что мѣстами яснѣе слышалось *ў*, мѣстами *в*. Замѣтимъ далѣе, что въ *ў* могло переходить *только в*, т. е. согласный губной (губно-зубной?) *звонкій фрикативный*. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ древнихъ русскихъ памятникахъ, ни въ современныхъ говорахъ мы не имѣемъ *ни одного случая*, гдѣ бы звукъ *ў* (неслоговое) стоялъ на мѣстѣ *глухого* губного, т. е. на мѣстѣ звука *ф*, хотя конечные, напримѣръ, согласные *звонкіе* едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія *глухихъ ъ* и *ь*, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а, можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ р. языка) произноситься *глухо*, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з*—въ *с* и проч. Что это явленіе перехода звонкихъ согласныхъ въ глухіе было извѣстно русскому языку (и старославянскому ?) послѣ исчезновенія изъ произношенія глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*, ясно видно, во—1-хъ, изъ *ассимиляціи* конечнаго звонкаго согласнаго предыдущаго слова слѣдующему глухому согласному другого слова, стоящаго рядомъ съ первымъ. Такъ какъ въ рѣчи *чрезвычайно рѣдко* слова отдѣляются такой продолжительной паузой, чтобы при говорѣ слова казались *отдѣльно* стоящими, то такая ассимиляція въ рѣчи должна была проявиться *очень рано*, тотчасъ послѣ потери глухихъ *ъ* и *ь*, и въ самомъ старославянскомъ языкѣ. Эта ассимиляція, конечно, попадала на письмо *очень рѣдко*, такъ какъ проникновенію ея въ письмо препятствовала литературная, орѳографическая традиція и оригиналы болѣе ранней эпохи языка. Если мы имѣемъ *въ самыхъ древнихъ* памятникахъ стрсл. языка такія написанія, какъ: бес плода, бес

печали, ис кораблѣ, ис корене и т. п. при без грѣха, без народа, без мене, из васъ и т. п., т. е. въ ту эпоху, когда еще можетъ быть допущено существованіе глухихъ гласныхъ ъ и ь въ старослав. языкѣ, если далѣе мы имѣемъ въ этихъ же самыхъ памятникахъ указанія на то, что глухіе ъ и ь переставали произноситься въ серединѣ и концѣ словъ въ эту эпоху (X—XI в.), такъ какъ ъ и ь часто на письмѣ *опускались* въ означенномъ положеніи, то какое-же у насъ разумное основаніе можетъ быть для того, чтобы отрицать ассимиляцію конечнаго *звонкаго* согласнаго съ начальнымъ *глухимъ* согласнымъ слѣдующаго слова *во всѣхъ словахъ*, а не только въ словахъ: без, из и под.?! Въ русскихъ памятникахъ мы имѣемъ то-же явленіе пропуска ъ и ь и объ этихъ памятникахъ мы можемъ говорить еще съ большимъ правомъ, утверждая въ XI вѣкѣ уже ассимиляцію конечныхъ согласныхъ одного слова и начальныхъ другого въ живомъ говорѣ. Срв., напр., въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г.: ѿ къıхъ приѥмлють дани или кинозъ (греч. ἢ κῆνσον)—Ркп. Рум. Муз. № 1666. л. 37.—Въ Остр. Ев.: отъ къıихъ приѥмлѭть дани или кинсъ—Востоковъ. О. Е. л. 72. Но на л. 42. въ Арх. Ев. мы уже читаемъ: дати киносъ при О. Е. дати кинсъ—Вост. л. 78. Слѣдовательно, мы наглядно видимъ, что *болѣе всего зависитъ отъ аккуратности переписчика*: въ О. Е. въ одномъ мѣстѣ *точно такъ*, какъ и въ другомъ. Такимъ образомъ, надо признать, что уже въ XI вѣкѣ въ русскомъ языкѣ была такого рода ассимиляція въ произношеніи (Срв. *Соболевскаго*. Лекціи [2]. Стр. 108—109 и 98—99). Если это такъ, то чѣмъ объяснить неслоговое *ў въ концѣ словъ* въ сѣверно-русскихъ, южно-русскихъ, средне-русскихъ и западно-русскихъ современныхъ говорахъ? Мнѣ кажется, *единственное* объясненіе, которое можно дать этому явленію, будетъ то, что *переходъ звука в въ неслоговое ў*, или чередованіе этихъ звуковъ, былъ извѣстенъ русскому языку *еще въ ту эпоху, когда конечные звонкіе согласные еще не переходили въ глухіе согласные*, т. е. предположивъ, что конечные ъ и ь исчезли въ русскомъ языкѣ изъ произношенія въ доисторическую эпоху, мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія ъ и ь звучали, не переходя въ глухіе со-

гласные; этотъ періодъ времени продолжался во всякомъ случаѣ до XI-го вѣка, а, можетъ быть, захватилъ собой и XI-й вѣкъ нашей исторіи. Ясно, что русскій языкъ, получивъ изъ діалектовъ общеславянскаго языка такое *v*, которое было близко къ *u̯*, или оба звука: и *v* и *u̯*, пользовался этими звуками долгое время, слѣдовательно, и въ эпоху произношенія глухихъ *ъ* и *ь* (ирраціональныхъ), и въ эпоху, *непосредственно* слѣдовавшую за исчезновеніемъ глухихъ *ъ* и *ь* въ концѣ словъ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ мы имѣемъ конечное неслоговое *ў* вмѣсто *в*, мы имѣемъ окончанія словъ на *звонкіе* звуки, т. е. мы имѣемъ *остатки глубокой старины*, подобно тому, какъ мы имѣемъ остатки глубокой старины въ нѣкоторыхъ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, въ нѣкоторыхъ ударяемыхъ окончаніяхъ глаголовъ (напр., спитé, хотитё, глядитё и др.), въ формахъ глагола 3-го лица ед. и мн. ч. безъ окончанія (пише, ѣде, несе...), въ произношеніи звука *е* въ такихъ формахъ, какъ живéте, живéть вм. живёте, живёть и мног. др. Физіологически близко стоитъ звукъ *u̯* къ звуку ł открытому твердому: тѣ люди, у которыхъ замѣчается ненормальность рѣчи, послѣдняя выражается очень часто въ произношеніи звука *u̯* вмѣсто ł: ўотка, миўая, мáсўа, нашóў, асўабля́ть и под. Сравненіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ показываетъ, что общеславянскій языкъ имѣлъ какъ l закрытое (общеевропейское), такъ въ извѣстныхъ случаяхъ и ł открытое (русское „лъ“); l закрытое могло быть твердымъ, среднимъ и мягкимъ въ зависимости отъ сочетанія со слѣдующими гласными или согласными. Въ прарусскій языкъ твердый и средній звукъ l закрытый (слоговой и неслоговой) былъ полученъ въ видѣ ł открытаго, а мягкій звукъ l такъ и былъ полученъ мягкимъ закрытымъ (См. *Шахматова*. Лекціи по р. яз. стр. 138 и слѣд.). Я полагаю, что данныя тѣхъ славянскихъ языковъ, гдѣ мы видимъ *u̯* вмѣсто ł, напр., въ сербскомъ, въ русскомъ (малор. и бѣлор., частью великор.), указываютъ намъ на свое происхожденіе отъ тѣхъ нарѣчій общеслав. языка, въ которыхъ судьба общеславянскаго звука *l* была одинакова, т. е. въ которыхъ это общесл. *l* (твердое и среднее, слоговое и неслоговое) закрытое измѣнилось *въ открытое*. Думаю, что и въ сербскомъ языкѣ судьба этого общесл. *l* была такая-же. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ серб. пун, млр. повний, блр. повный; серб. во (волъ), дао, плео,

читао; млр. пішов, ходив, знайшов, дав, казав; блр. ходзиў, даў, ўзяў, сказаў и проч. Сравненіе этихъ произношеній показываетъ, что въ основѣ ихъ всѣхъ должно было лежать произношеніе съ неслоговымъ *u̯*: серб. пун, вѣроятно, изъ *поўн; во изъ *воў (срв. нашу форму въ ряз. касим. дамо́, дало́ изъ домо́ў, доло́ў—выше); дао изъ *даў и проч. Эти два процесса: *v* и *u̯*, съ одной стороны, ł и *u̯*,—съ другой, въ теченіи времени столкнулись, и отсюда мы стали замѣчать чередованіе *v* и ł: такое общесл. слово мы имѣемъ *слобода* при *свобода* изъ suobodа. Срв. въ Ряз. Грамотѣ Олега 1356 г. *слободичь* при *сгадавъ ѥсмь* и *воззрѣвъ ѥсмь* (*Срезневскій*. Памятн. р. п. и яз. Изв. АН. X. вып. VI. Стр. 678—679. Здѣсь же: *ѥсмъ далъ* и. *ѥсмъ въıєхалъ*). Такое-же общесл. слово мы имѣемъ, съ другой стороны, въ словѣ: *завтра* при *заоутра*.

Такимъ образомъ, признавая чередованіе и мѣну звуковъ *u̯* и *v* общеславянскимъ явленіемъ и предполагая, что это звуковое явленіе было получено изъ общеславянскаго языка и праруcскимъ языкамъ (или его нарѣчіями), мы вовсе не признаемъ такой-же древности за другимъ фонетическимъ чередованіемъ ł и *u̯* (v), такъ какъ для этого нѣтъ данныхъ и въ древнихъ памятникахъ славянской письменности, но утверждаемъ что послѣднее фонетическое явленіе могло развиваться лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ судьба общеславянскаго звука *l* была одинаковой, т. е. въ тѣхъ языкахъ, гдѣ былъ полученъ ł открытый изъ l закрытаго твердаго и средняго. Первый звуковой процессъ лишь пережилъ собой второй процессъ, и оба процесса, такъ сказать, прониклись другъ другомъ въ жизни языковъ, а потому съ теченіемъ времени получились явленія перехода не только *в* въ *ў* (*ў* въ *в*), но и *л* въ *ў* и *в* въ *л* (или *л* въ *в*).

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука в. Мы уже знаемъ, что въ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстенъ и очень распространенъ *переходъ звука в въ γ*, а звука *ф* (только изъ *в*)—въ *х*. Именно, объ этомъ явленіи мы будемъ теперь говорить, не касаясь перехода звука *ф* (не изъ *в*) въ *х* и *хв*, о чемъ рѣчь должна быть особая, т. е. о звукѣ *ф*. Въ I-ой части своего труда мы старались точно опредѣлить *условія*, при которыхъ появляется въ нашихъ говорахъ звукъ γ (*х*) вмѣсто *в* (*ф*). Теперь мы займемся параллельнымъ обозрѣніемъ этого или соотвѣтствующаго этому звукового явле-

нія въ другихъ русскихъ говорахъ и постараемся выяснить значеніе открытыхъ нами звуковъ въ касимовскихъ говорахъ для исторіи звуковъ русскаго языка вообще. Такъ какъ появленіе звука *γ* вмѣсто *в* въ нашихъ говорахъ, по нашему мнѣнію, проливаетъ свѣтъ на извѣстное, но еще загадочное явленіе чередованія звука *в* и *γ* по говорамъ въ формѣ родит. падежа ед. числа муж.—средняго рода именъ прилагат. и мѣстоименій, то эти два явленія и необходимо разсматривать въ связи. Я полагаю, что интересующее насъ явленіе фонетики нашихъ говоровъ имѣетъ очень важное, можно сказать, рѣшающее значеніе въ теоріи падежнаго окончанія—*во*,—*γо* въ род. п. ед. ч. муж.—средн. рода. Ниже читатель долженъ будетъ припомнить еще одно интересное явленіе нашихъ говоровъ, именно, звуковую группу *γи͡*, о которой предварительно и скажемъ нѣсколько словъ. Что касается этого послѣдняго явленія, то оно намъ встрѣтилось, какъ сказано было въ I ой части нашего труда, въ говорѣ села *Праватарово* Касимов. уѣзда. Хотя я и затруднялся слухомъ уловить послѣдовательность этихъ звуковъ *γи͡* или *и͡γ*, но самый этотъ звуковой комплексъ въ живомъ говорѣ народа имѣетъ для насъ особую важность, именно, въ виду того, что мы теперь до нѣкоторой степени уясняемъ себѣ тотъ фонетическій процессъ, который, повидимому, имѣлъ мѣсто при образованіи словъ съ діалектическими различіями въ начальныхъ звукахъ слова: то съ начальнымъ *в*, то съ *γ*, то съ *γв*, то безъ какого-либо изъ этихъ согласныхъ.

Мы теперь можемъ пред тавить себѣ произношеніе въ *прарусскомъ* языкѣ такихъ словъ, которыя начинались въ ту эпоху предполагаемымъ слитнымъ звукомъ *γv* и впослѣдствіи дали діалектическія разновидности съ начальнымъ звукомъ *γ* и начальнымъ звукомъ *v*. По указанію *Фортунатова* и *Шахматова*[1]), необходимо допустить общеславянскій звукъ *γ* изъ первоначальнаго *g* въ фонетическомъ положеніи передъ *v*: γvor̥bijь, γvьr̥sta, γvozdъ, γvǫkъ; это *γ* въ указанномъ положеніи перешло въ прарусскій языкъ; такое-же *γ̇* предполагается діалектически въ общесл. и прарусскомъ языкахъ въ положеніи его передъ начальнымъ общеслав. ǫ и прарус-

---

[1]) *Шахматовъ*. Лекціи. 1890—91 г. Стр. 118.

скимъ *и* въ словахъ: *γǫsѣnica при *ǫsѣnica, въ корнѣ *γǫz— при *ǫz.—Наконецъ, этотъ звукъ γ общеславянскій, не діалектическій, перешедшій и въ праруcскій языкъ, являлся въ окончаніи родительнаго падежа ед. числа мѣстоименнаго склоненія [1]): toγo, dobraeγo и проч. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая, напр., слова: влкр. *воробей*, блр. *веребей*, съ одной стороны, и млр. *воробець* при *γоробець*,—съ другой, затѣмъ, находя въ малорус. діалектахъ произношеніе *γворобець*, мы, естественно, должны предполагать для праруcскаго языка произношеніе *γvorobijъ, и, такимъ образомъ, въ млр. діалектическомъ *γворобець* мы имѣемъ остатокъ глубокой старины. Равнымъ образомъ, наблюдая произношеніе такихъ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи, въ которыхъ является начальное *γв* передъ слѣдующимъ твердымъ гласнымъ и начальное *дзв* передъ слѣдующимъ мягкимъ, мы приходимъ къ заключенію, что этотъ слитный звукъ *дз* получился изъ звука *γ* передъ *v* въ праруcскую эпоху въ положеніи, когда послѣ *v* были мягкія гласныя: e, і, ь, ę. Такъ, мы предполагаемъ: *γvękъ на основаніи млр. дзвяк и для общесл. языка—на основаніи польскаго dzwięk; *γvьnѣti—на основаніи млр. дзвенїти и для общесл. языка—на основаніи старосл. ѕвьнѣти (См. *Срезневскаго*. Пам. юсов. п. Стр. 96 и 161). Мы предполагаемъ праруcское *γvѣgъ и общеславянское *γvѣgъ (см. *Срезневскаго*. ibid. и 63: Минея Григоровича и 68—Парем. Григоровича); вѣроятно, этотъ же звукъ мы имѣемъ передъ звукомъ *м* со слѣдующей мягкой гласной, какъ показываютъ: стрсл. ѕмии, млр. дзмій. Мы предполагаемъ праруcское *γvьrsta на основаніи новгор. и псков. гверста (=дресва. Даль s. v.) и общесл. γvr̥sta на основаніи чш. hrstwa, серб. дубровац. врста изъ *гврста.

Этотъ звукъ *дз* или *з* переносился изъ словъ со слѣдующимъ мягкимъ гласнымъ послѣ *в* и въ слова родственныя, въ которыхъ уже не было мягкаго гласнаго послѣ *в*, передъ которымъ, согласно вышесказанному, стоялъ въ общеславянскомъ звукъ *γ*, который въ этомъ положеніи уже не долженъ

---

[1]) См. также мою рец. на книгу *Булича*: «Церковно-слав. элементы»... Спб. 1893. Отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ» Казан. Унив. Казань. 1894 г. Стр. 1—3. (Учен. Зап. 1894. Май—Іюнь. Критика. Стр. 1—3)

бы былъ дать звуки *дз* и *з*; такъ, мы имѣемъ изъ общесл. γvǫkъ—звѫкъ; срв. польск. dzwon, dzwonić и млр. дзвін, дзвонити; млр. звоздик (влр. гвоздика), звіздь (при γвіздь), звіздик указываютъ на такое же прарусское *γ*. Срв. также: млр. γусли при блр. вусли изъ прарусскаго *γvusli.

Такимъ образомъ, еще для общеславянскаго языка мы должны предположить звуки *g* и *γ*; въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ (см. выше) звукъ *γ* перешелъ и въ прарусскій языкъ, для котораго этотъ звукъ доказывается русскими нарѣчіями и говорами въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) тамъ, гдѣ онъ чередуется по говорамъ со звукомъ *в*; 2) тамъ, гдѣ онъ встрѣчается въ начальномъ слогѣ слова въ сочетаніи съ *в* въ однихъ діалектахъ, а въ другихъ при этомъ мы имѣемъ то одно *γ*, то одно *в*; 3) тамъ, гдѣ мы имѣемъ русское діалектическое *з* (*дз*) при *г*, *γ*.

Наши говоры даютъ намъ новые матеріалы, во-первыхъ, для построенія и доказательства прарусскихъ формъ съ звуковымъ сочетаніемъ *γv* (*γu̯*), во-вторыхъ, для доказательства того, что формы родительнаго падежа на—*во* произошли, именно, изъ формъ на—*γо*, а не на—*gо*. Возьмемъ первый пунктъ. Наши говоры даютъ намъ образцы произношеній съ звуковымъ сочетаніемъ *γў* или *ўγ* между гласными. Выше мы видѣли, что *Шахматовъ* предполагаетъ такое сочетаніе звуковъ *только въ начальномъ слогѣ* тѣхъ словъ, которыя нынѣ по діалектамъ начинаются то звукомъ *γ*, то звукомъ *в*: γоробець, воробець, воробей; γусли, вусли и под. Мы же имѣемъ въ нашихъ говорахъ произношеніе: дура́ва при дура́γўа (см. выше); въ Словарѣ Даля находимъ подъ словомъ: „дуракъ“ слово: „дура́ха“—ряз.—дурника: „растенье и ягода пьяница, голубика, гонобобель, гоноболь. Vaccinium uliginosum“. Очевидно, въ Словарѣ „дура́ха“ вмѣсто „дура́γа“. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ произношенія: дурава, дураγа и дураγўа, т. е. такое-же произношеніе, какъ и въ словѣ: воробець, γоробець и γворобець, откуда мы выводимъ для прарусскаго произношеніе: дура́γўа и, кромѣ того, допускаемъ, что въ прарусскую эпоху не только въ начальномъ слогѣ слова были сочетанія *γu̯*, но *и въ серединѣ словъ между гласными*.

Возьмемъ второй пунктъ. Наши говоры показываютъ намъ, что звукъ *γ* находится въ чередованіи, именно, со зву-

комъ *в*: нигдѣ мы не видѣли звука *г* вмѣсто *в* или наоборотъ (срв. выше: ɣмѣсти - вмѣстѣ, ɣбок—въ бокъ и мн. др.), слѣдовательно, если мы наблюдаемъ нынѣ произношеніе: дурнóɣа и дурнóва при дурнóɣо или дурнóво, то на основаніи вышесказаннаго мы вправѣ утверждать, что въ орѳографическомъ „дурнóго" мы видимъ только условную передачу звука ɣ знакомъ *г*, который однако не выражаетъ и не выражалъ, вѣроятно, никогда въ русскомъ языкѣ звука *г* въ окончаніяхъ родительнаго падежа единств. числа мѣстоименій и прилагательныхъ мѣстоименнаго склоненія. Наши-же говоры позволяютъ намъ сдѣлать и слѣдующее предположеніе насчетъ такихъ словъ, какъ: *когда*, *тогда*, *всегда*. Если мы въ этихъ словахъ теперь имѣемъ діалектическое *в*: *товды* (*Шейнъ*. Матеріалы. II. 334), *ковды*, то мы вправѣ утверждать, что здѣсь былъ прарусскій звукъ ɣ, а не *г*, и этотъ ɣ до сихъ поръ остался почти во всѣхъ діалектахъ; при формахъ *товды*, *ковды* становятся понятными и формы: *толды*, *колды* черезъ формы *тоўды́, коўды́, *всеўды́. (См. выше) [1]. Въ говорѣ галицкихъ Лемковъ, гдѣ также извѣстенъ переходъ звука *в* въ *ў*, мы находимъ и переходъ звука *в* въ ɣ (*ф* изъ *в* переходитъ въ *х*): гъ лісі, хпаў гъ воду и друг. (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892 г. IV. 54).

Переходъ мягкаго в въ j. Объ этомъ явленіи мы говорили уже нѣсколько выше по другому поводу: именно, объясняя мѣстоименныя формы *тей*, *сей* родит. падежа и приводя объясненія *Соболевскаго*. Здѣсь мы обстоятельно разберемъ это явленіе нашихъ говоровъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: неслоговое *ў*, находясь въ нашихъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ въ концѣ словъ, побудило насъ сдѣлать предположеніе о томъ, что явленіе перехода звука *в* въ неслоговое *ў* по времени предшествовало явленію перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе въ концѣ и серединѣ словъ, а, такъ какъ послѣднее явленіе перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе началось очень рано, слѣды его замѣчаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже въ XI вѣкѣ, то, значитъ, явленіе перехода твердаго звука *в* въ неслоговое *ў* есть явленіе доисторическое въ русскомъ

---

[1]) Срв. у Ѳ. Е. *Корша* въ статьѣ: Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Archiv. f. sl. Ph. III. 666. ff.

языкѣ; мы пришли къ заключенію, что русскій языкъ вынесъ изъ общей родины звукъ неслоговое u̯ и v, которые во многихъ случаяхъ и діалектахъ смѣшивались и не различались другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ *конечный* звукъ *в* успѣлъ превратиться въ глухой *ф*, мы видимъ въ концѣ словъ или этотъ звукъ *ф*, или его замѣстителя—звукъ *х* (см. ниже). Если же *цѣлый говоръ* имѣетъ на концѣ словъ неслоговое *ў*, то это равносильно тому, что въ немъ сохранилось звучное окончаніе словъ на согласную, т. е. этотъ говоръ долженъ считаться поэтому говоромъ древнѣйшимъ, архаическимъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ переходѣ *мягкаго в* въ неслоговое *і̯* или *j*: произношеніе дѣі̯ки или дѣjки я считаю болѣе древнимъ, чѣмъ произношеніе дѣфьки или дѣфки. Непосредственно послѣ исчезновенія глухихъ ъ и ь изъ произношенія должно было получиться произношеніе *дѣвки*, а затѣмъ—*дѣвьки* (*дѣв'ки*), гдѣ ь означаетъ мягкость предшествующаго *в* въ положеніи передъ слѣдующимъ *мягкимъ* звукомъ *к*. Такого произношенія мы уже нигдѣ нынѣ не слышимъ, слѣдовательно, оно утрачено *очень рано*, по крайней мѣрѣ, извѣстной частью русскаго языка, а, можетъ быть, его и не было никогда: по всей вѣроятности, въ эпоху исчезновенія глухихъ ъ и ь мы уже имѣли произношенія: *дѣўка* и *дѣјки* (дѣі̯ки), гдѣ начертаніемъ—*ки* я выражаю *вообще мягкій слогъ*, не входя въ подробности о томъ, что окончаніе—*ки* есть, собственно говоря, окончаніе позднѣйшее (дѣўка—дѣјцѣ....). Такъ могло быть и гораздо раньше эпохи исчезновенія глухихъ ъ и ь, такъ какъ въ означенномъ положеніи глухіе ъ и ь были *неслоговыми* еще въ общеславянскомъ языкѣ и тамъ-же уже, вѣроятно, не произносились или теряли частью свое произношеніе. Какъ скоро получилось произношеніе *дѣфка* и *дѣфьки*, то оно *діалектически* уже могло переходить въ русскомъ языкѣ въ произношеніе *дѣхка* и *дѣхька* (см. I-ую часть нашего труда—эти произношенія въ Касимовскихъ говорахъ). Такія произношенія, какъ *дѣхка*, *дѣхьки*, конечно, *новѣе* первыхъ произношеній съ неслоговыми *ў* и *і̯* (*j*), а потому *и говоры*, въ которыхъ извѣстны *только* послѣднія произношенія, *новѣе* тѣхъ говоровъ, которые представляютъ намъ образцы разныхъ произношеній, возникшихъ въ извѣстной послѣдовательности во времени. Точно такое-же значеніе въ вопросѣ о древности имѣетъ и произношеніе: жыјѐть—3 л. ед. ч.—нашихъ говоровъ, гдѣ мы

видимъ по отношенію къ звуку *j* явленіе глубочайшей древности: на это указываютъ формы польскаго, чешскаго, лужицкаго языковъ и діалектическая *прарусская*, на что, въ свою очередь, указываютъ формы млр. нарѣчія (*Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. živ.—). Едвали можно разсматривать форму „живётъ“ и под. нашихъ говоровъ и литературнаго нарѣчія, какъ форму *особаго*, но тоже *древняго*, образованія, такъ какъ трудно допустить вставку звука *в* тамъ, гдѣ не было зіянія. Срв. жую́—жуётъ, гнію́—гніётъ и под. Я думаю, что формы „живётъ“ и под. суть формы болѣе позднія, новыя.

Такимъ образомъ, во всей главѣ о звукѣ *в* мы пришли къ заключенію, что звукъ *в* сохранялъ свою близость къ неслоговому *ў* долгое время почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка: данныя изъ памятниковъ Новгородскихъ, Двинскихъ, Псковскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Галицко-волынскихъ (? Ипатьевскій списокъ) убѣждаютъ насъ въ томъ, что разсматриваемое явленіе въ области звука *в* было *общерусскимъ* явленіемъ фонетики, и что, слѣдовательно, были какія-то причины въ самомъ прарусскомъ языкѣ, вслѣдствіе которыхъ звукъ *в* могъ переходить въ *у*, звукъ *у* переходилъ въ *в*, само *в* то опускалось, то вставлялось, то приставлялось. Эти причины, я думаю, кроются въ особомъ произношеніи звука *в* въ прарусскомъ языкѣ, гдѣ *не было двухъ звуковъ*, рѣзко различавшихся другъ отъ друга: *в* и *ў*, а былъ одинъ звукъ—неслоговое u̯, которое съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ превратилось въ *в*, въ другихъ продолжало сохраняться, затѣмъ произошло взаимное вліяніе словъ съ различными оттѣнками произношенія и взаимное вліяніе говоровъ; кромѣ *u̯*, былъ, конечно, звукъ u̥—слоговой [1]).

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Въ этой статьѣ о звукѣ *ф* мы будемъ говорить, конечно, о томъ звукѣ, который самъ по себѣ въ русскомъ языкѣ является зву-

[1]) Примѣры, приведенные здѣсь изъ памятниковъ, мы могли бы умножить примѣрами изъ западно-русской Четьи 1489 г., гдѣ есть масса случаевъ, относящихся сюда. *Карпинскій*. 12—13. Особенно замѣтно здѣсь: «употребленіе предлога *ув* вм. *въ* передъ словами, начинающимися съ *о*»: оув огонь—263. *Карп.* Стр. 13. Сюда же относятся многія данныя, собранныя нами въ первомъ нашемъ трудѣ: «Къ діалектологіи».... Стр. 61—72.

комъ вторичнымъ, т. е. звукомъ, который произошелъ *въ русскомъ* языкѣ изъ болѣе ранняго звука *в*. Какъ звукъ глухой (отзвучный), *ф* могъ появиться въ чисто русскихъ словахъ только въ положеніи передъ глухими звуками или въ концѣ слова; въ томъ и другомъ случаѣ образованіе этого звука предполагаетъ собой существованіе закона объ ассимиляціи согласныхъ звуковъ въ серединѣ слова и существованіе закона о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ *дѣйствительномъ* концѣ словъ. Оба эти закона, конечно, по времени гораздо старше появленія звука *ф* въ русскомъ языкѣ, а потому и явленія фонетическихъ измѣненій звука *ф* сравнительно поздния и молодыя, такъ какъ предполагаютъ собой въ свою очередь существованіе сравнительно новаго звука *ф*. Едвали не одновременно съ возникновеніемъ звука *ф* въ русскомъ языкѣ появилась и его своеобразная артикуляція въ устахъ русскихъ людей: дѣло въ томъ, что этотъ звукъ могъ проникнуть въ русскую среду или книжнымъ путемъ, т. е. этотъ звукъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ первоначально только книжнымъ людямъ, отъ которыхъ онъ могъ съ теченіемъ времени передаваться и неграмотному народу, слышавшему этотъ звукъ лишь въ словахъ собственныхъ именъ, въ словахъ иностраннаго происхожденія, или же этотъ звукъ въ эпоху появленія книги былъ уже извѣстенъ и языку массы, если былъ въ это время уже законъ объ ассимиляціи согласныхъ и о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ концѣ словъ. Навѣрное сказать что-либо по этому поводу трудно, но возможно предположить слѣдующее: такъ какъ, съ одной стороны, въ раннихъ памятникахъ письменности мы не встрѣчаемъ описокъ такихъ, которыя давали бы намъ право говорить о произношеніи книжными русскими людьми звука *ф* вмѣсто *в* въ извѣстныхъ случаяхъ, т. е. мы не видимъ написаній: фторой, фсегда, грѣхофъ и т. п., а, съ другой стороны, такъ какъ до сихъ поръ сохранились цѣлые сплошные говоры, гдѣ имѣется произношеніе ўторой, ўсё, грѣхоў и т. п., то мы, кажется, вправѣ изъ этого заключить, что неграмотный русскій народъ въ эпоху появленія письменности (конечно, и до появленія ея) говорилъ въ этихъ и подобныхъ словахъ не *ф*, а неслоговое *ў* (*в*); но мы имѣемъ въ современныхъ намъ говорахъ русскаго языка произношенія: хтаро́й, мужыко́х—род. п. мн ч.—и т. п., которыя не могли получиться непосредственно изъ произношеній ўтаро́й, мужы-

ко́ў (или: второ́й, мужико́в), а, слѣдовательно, для этихъ говоровъ нужно предположить сначала произношеніе *фторо́й*, *мужико́ф*, которыя могли появиться, въ свою очередь, лишь тамъ, гдѣ слышался скорѣе элементъ *в*, чѣмъ неслоговое *ў*; въ такомъ случаѣ, этотъ звукъ *в*, послѣ того какъ началъ свое дѣйствіе законъ перехода конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе и законъ ассимиляціи, естественно, превратился въ *ф*, откуда его позднѣйшее видоизмѣненіе въ *х*.

Такимъ образомъ, звукъ *ф* въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть въ древности извѣстенъ не всѣмъ нарѣчіямъ или говорамъ русскаго языка, а лишь тѣмъ, въ которыхъ неслоговое *ў* было вытѣснено звукомъ *в*, или въ которыхъ, иначе говоря, *губное* (согласное) произношеніе преобладало въ звукѣ *ў* надъ гласнымъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, мы и теперь не имѣемъ почти звука *ф* тамъ, гдѣ произносятъ *ў*; наоборотъ, звукъ *ф* извѣстенъ и теперь тѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, гдѣ давнымъ давно утрачено произношеніе *ў*. Тѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ нынѣ *х* или *хв* изъ *ф* (изъ *в*) въ русскихъ нарѣчіяхъ съ неслоговымъ *ў*, можно съ увѣренностью считать случаями позднѣйшаго переиначеннаго произношенія на мѣстный ладъ, проникшими въ эти нарѣчія изъ сосѣднихъ со звукомъ *ф*, который и перешелъ здѣсь въ *х* или *хв*, такъ какъ звука *ф* здѣсь не было, и вмѣсто него въ иностранныхъ и собственныхъ именахъ издавна являлся звукъ *х* или *хв*. Наши говоры, при-Окскіе, суть говоры съ неслоговымъ *ў*, слѣдовательно, они не должны имѣть звука *ф*, а вмѣсто него должны употреблять въ чужихъ словахъ *х* (*хв*), а въ родныхъ словахъ должны сохранять слѣды произношенія звонкаго согласнаго на концѣ и въ серединѣ словъ, т. е. должны имѣть *ў*, причемъ случаи произношенія звука *х* вмѣсто *ў* (изъ *в* или вмѣсто *в*) въ нашихъ говорахъ должны свидѣтельствовать собой позднѣйшее заимствованіе такихъ словъ со звукомъ *ф* (изъ *в*) изъ сосѣднихъ говоровъ. Если это вѣрно, если наше предположеніе можетъ быть допущено, то мы, значитъ, имѣемъ въ нашихъ при-Окскихъ говорахъ остатки (конечно, сильно видоизмѣненные и разрушенные) древнихъ русскихъ говоровъ *шепелеватыхъ съ неслоговымъ ў* (остатки говоровъ той части восточныхъ славянъ, которая разошлась по пространству нынѣшней средней Россіи и получила въ древности различныя на-

званія отъ мѣстностей своего поселенія—Древлянъ, Полянъ, Полочанъ, Сѣверянъ, а также—различныя прозвища отъ сосѣдей—Радимичей, Вятичей, Дреговичей).

Намъ нѣтъ надобности здѣсь приводить примѣры произношенія звука *ф*, какъ *х* и *хв*, въ русскихъ говорахъ, такъ какъ это въ достаточной полнотѣ сдѣлано нами въ IX-ой главѣ I-ой части нашего труда. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что такое произношеніе звука *ф* извѣстно нынѣ почти во всѣхъ говорахъ въ большей или меньшей степени, причемъ нѣкоторые говоры по преимуществу обладаютъ этой вообще сравнительно не древнею особенностью. Нѣсколько особнякомъ стоитъ *полушепелеватый* говоръ Новгородской губерніи, тогда какъ говоры средней полосы Россіи въ этомъ отношеніи ближе тѣснятся къ говорамъ юга.

Глава VII-ая.

Задне-небные согласные: *г* и *к*.

Въ X-ой главѣ I-ой части мы собрали данныя относительно произношенія звуковъ *г* и *к* въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ. Эту главу начали мы обозрѣніемъ и перечисленіемъ тѣхъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ, которые, по нашему мнѣнію, крѣпко связываютъ изслѣдуемые нами касимовскіе говоры съ глубокой стариной. Въ частности по отношенію къ задне-небнымъ звукамъ *г* и *к* мы указали на звуки *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ, на чередованіе *г* мягкаго и *д*, *к* мягкаго и *т*, затѣмъ пришли къ выводу, что прарусскому языку должны были быть извѣстны звуковые комплексы *͡гγ* и *͡кх*. Намъ остается здѣсь только прибавить, что по отношенію къ верхне-лужицкому нарѣчію за послѣднее время мы успѣли навести кое-какія справки у людей, владѣющихъ практически этимъ нарѣчіемъ, и мы замѣтили въ произношеніи этихъ лицъ призвукъ *х* при звукѣ *к* въ тѣхъ словахъ, которыя мы приводили выше въ X-ой главѣ I-ой части. Далѣе мы развивать свою мысль не будемъ, такъ какъ этотъ экскурсъ въ области произношенія задне-небныхъ

звуковъ *г* и *к* имѣетъ лишь *посредственное* отношеніе къ матеріаламъ, заключающимся въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, а потому и во II-ой части своего труда мы оставляемъ вопросъ о задне-небныхъ звукахъ *г* и *к* лишь намѣченнымъ, не удѣляя ему много мѣста. Въ виду этого обстоятельства, т. е. второстепеннаго значенія звуковъ *г* и *к*, равно какъ и звука *ф*=*х*, *хв*, для нашихъ говоровъ, наши разсужденія по поводу этихъ звуковъ и не нашли себѣ мѣста во II-ой части настоящаго труда, посвященной *опредѣленію отношенія* нашихъ касимовскихъ говоровъ къ другимъ говорамъ *по матеріаламъ*, *заключающимся* въ фонетикѣ нашихъ-же говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Часть III-я.

Звуки общерусскаго языка и фонетическіе законы, обусловившіе видоизмѣненіе этого языка въ общевеликорусскій и затѣмъ въ отдѣльные его говоры.

Сводя найденные нами звуки общерусскаго языка въ одно параллельное обозрѣніе, мы будемъ имѣть въ составѣ звуковъ этого языка слѣдующіе: *ō* въ закрытыхъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, *дифтонги* въ ударяемомъ и неударяемомъ положеніи, какъ болѣе поздняя эпоха; *дифтонгическое сочетаніе іе*, звукъ *среднiй* между *о* и *а* (*о*ᵃ) въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ. Въ области согласныхъ звуковъ мы нашли общерусскіе: звуки *средніе* между *ч* и *ц* (*ч*ᶜ, *ц*ᶜ), между *ж* и *з* (*ж*ᶻ, *з*ᶻ), между *ш* и *с* (*ш*ᶜ, *с*ᶜ); звукъ неслоговой *ў* съ большей или меньшей его близостью къ звуку *в*; сочетаніе *ўv* (*ўu*), звуки *г* и *γ*, причемъ звуки *γ*, *г* и сочетаніе *ўv* (*ўu*) были извѣстны *во всякомъ положеніи*.

Переходя къ типу общевеликорусскаго языка, прежде всего замѣтимъ, что послѣдній вынесъ съ собой нѣсколько звуковъ изъ общерусской эпохи, именно, долгое *ō* въ закрытыхъ слогахъ неударяемыхъ и ударяемыхъ; краткіе *о* и *е* разнаго происхожденія: общерусскіе краткіе гласные *полнаго* образованія и *о* и *е* изъ *ъ* и *ь* еще, можетъ быть, въ общерусскомъ языкѣ переходившіе въ гласные полнаго образованія; затѣмъ, дифтонгъ *уо* изъ *долгаго* гласнаго *только діалектически*; дифтонгическое сочетаніе *іе только діалектически*; звукъ *о*ᵃ въ

предударномъ слогѣ; звуки *средніе* діалектически (*ч*ц, *ж*з, *ш*с) и звуки *ч*, *ц*, *ж*, *з*, *ш*, *с*, какъ болѣе поздніе *изъ среднихъ*, развившіеся уже *по отдѣленіи* общевеликорусскаго языка; звукъ *ў* и звуки *у* и *в*, какъ болѣе поздніе, уже развившіеся изъ неслогового *ў* по отдѣленіи общевеликорусскаго языка; звуки *г*, *γ* и діалектически—сочетаніе *γ͡v* (*γ͡и*).

Законъ ударенія и *законъ утраты долготы* произвелъ новыя видоизмѣненія въ фонетикѣ общевеликорусскаго языка: тѣ говоры, къ которымъ принадлежалъ нѣкогда и нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда, т. е. говоры при-Окскіе и при-Волжскіе, Двинскіе и Новгородскіе, распались подъ вліяніемъ закона объ утратѣ долготы въ закрытыхъ слогахъ на говоры съ дифтонгами старыми и новыми и говоры съ монофтонгами новаго происхожденія; послѣдовавшее затѣмъ распространеніе монофтонговъ во всѣхъ говорахъ было обусловлено уже закономъ о наибольшей силѣ ударяемаго слога и гласнаго, который въ ударяемомъ произношеніи прежде всего *въ этой части* говоровъ, сохранявшихъ дифтонги, *сократился* и взамѣнъ утраченнаго дифтонгическаго протяженія пріобрѣлъ *силу*, оставивъ еще на нѣкоторое время дифтонгическое протяженіе неударяемыхъ слоговъ. Неударяемое оа, потерявъ въ этихъ говорахъ свою явственность, *закрылось* въ слогѣ передъ ударяемымъ. Какъ особый фонетическій законъ, обусловившій выдѣленіе изъ общевеликорусской части сѣверно-великорусскихъ говоровъ, появился *законъ лабіализаціи* конечныхъ гласныхъ въ неударяемомъ *закрытомъ* слогѣ, поведшій къ образованію гласныхъ типа *у* въ такомъ положеніи, между тѣмъ какъ гласные неударяемые въ *открытыхъ* слогахъ подверглись *закону расширенія*. Такимъ образомъ, важнѣйшими факторами обособленія нашихъ говоровъ являются фонетическіе законы: *потери долготы*, *стяженія ударяемаго дифтонга* и *законы конечныхъ слоговъ*. Напр., общерусское: ро́г дало ру͡ог, стянувшееся въ общевеликор. въ ро́г; а общерусское игра́јот дало игра́ј͡уот въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ закона о стяженіи *лишь ударяемаго* дифтонга извѣстнаго происхожденія; общерусское до́бро̄й (род.—дат.—твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.) дало до́бр͡уой, а по закону конечныхъ закрытыхъ слоговъ въ нашихъ говорахъ—до́бруй; общерусское и общевеликорусское да́ли измѣнилось въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ того

же закона въ *дал̆а* съ его оттѣнками. Вотъ приблизительно какъ я представляю себѣ развитіе звуковъ въ нашихъ говорахъ. Что касается согласныхъ звуковъ, то здѣсь мы имѣемъ лишь развѣтвленіе по говорамъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя очень хорошо сохранились въ своемъ древнѣйшемъ видѣ въ нашихъ говорахъ, благодаря условіямъ жизни и поселенія послѣднихъ.

Заключеніе.

Разсмотрѣвъ звуковой составъ нашихъ говоровъ, мы можемъ заключить, что наши говоры не подходятъ цѣликомъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ типовъ: наши говоры нельзя назвать ни южно-великорусскими, ни сѣверно-великорусскими, ни бѣлорусскими, ни малорусскими въ строгомъ смыслѣ. Въ ихъ фонетикѣ встрѣчается много общаго съ каждымъ изъ названныхъ типовъ, но есть и свои особенности. Въ виду этихъ особенностей, которыя заключаются главнымъ образомъ въ сохраненіи тѣхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, изъ которыхъ мы можемъ выводить нѣкоторыя звуковыя разновидности другихъ великорусскихъ говоровъ, слѣдуетъ, кажется, признавать наши говоры не исключительно смѣшанными, а скорѣе видоизмѣненными остатками древнихъ русскихъ говоровъ при-Окскаго края. Наши говоры дѣлаютъ возможнымъ предположеніе о существованіи говоровъ *шепелеватыхъ* съ *ў*, *дифтонгами* и *долгими* гласными; такіе говоры слышались, какъ мы видѣли, въ древнее время на большомъ пространствѣ средней Россіи. Въ зависимости отъ мѣстныхъ и историческихъ условій различныя русскія племена, принадлежавшія по говору къ типу шепелеватыхъ говоровъ, развили на мѣстахъ своего поселенія тѣ или другія звуковыя явленія, сохранивъ однако слѣды своего родства съ шепелеватыми говорами, сохранившимися донынѣ въ большей чистотѣ въ при-Окскомъ лѣсномъ краю. Существенное сходство нашихъ говоровъ съ говоромъ нынѣшнихъ вятчанъ въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, а также нѣкоторыя географическія названія, позволяютъ намъ сдѣлать

предположеніе о томъ, что наши говоры суть видоизмѣненные говоры древнихъ вятичей. Изъ предыдущаго ясно видно также, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на южно-великорусскіе акающіе и сѣверно-великорусскіе окающіе не основано на *исконныхъ* фонетическихъ различіяхъ между этими говорами, а на *современномъ* намъ звуковомъ отличіи тѣхъ и другихъ въ области одного вокализма. Въ исторіи восточно-русскихъ говоровъ вообще надо, оказывается, различать говоры *шепелеватые* и *полушепелеватые*, говоры съ неударяемымъ звукомъ *о* открытымъ и закрытымъ; изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ открытымъ звукомъ *о* съ теченіемъ времени образовались говоры, называемые нами бѣлорусскими и акающими, а изъ говоровъ шепелеватыхъ съ закрытымъ звукомъ *о*—наши окающіе. Изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ закрытымъ *о* ведутъ свое начало малорусскіе говоры. Эти всѣ говоры, соприкасаясь въ разныхъ мѣстахъ, представлялись мѣстами не въ чистомъ видѣ. Дифтонги и долгота гласныхъ должны быть признаны явленіями общерусской эпохи, такъ какъ слѣды этихъ явленій сохраняются во всѣхъ современныхъ русскихъ говорахъ. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не ведутъ своего начала отъ какого-либо особаго типа: они принадлежатъ по происхожденію къ типу полушепелеватыхъ говоровъ съ открытымъ *о* и вмѣстѣ съ нынѣшними акающими составляли нѣкогда одно цѣлое. Изслѣдованные нами говоры въ связи съ данными изъ памятниковъ древней русской письменности уясняютъ намъ до нѣкоторой степени составъ русскаго племени доисторической эпохи. Аканье изслѣдованныхъ нами говоровъ принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій. Рѣка Ока служитъ естественной границей между двумя говорами въ Рязанской губерніи.

Такимъ образомъ, въ исторіи нынѣшнихъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ надо различать древнѣйшую эпоху общей шепелеватости въ произношеніи, эпоху долгихъ гласныхъ въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ, эпоху долгихъ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху дифтонговъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху неслогового *и̑*, эпоху оттѣнковъ неударяемаго звука *о*. Ясное дѣло, что предки нынѣшнихъ акающихъ говоровъ вовсе не акали, и до эпохи аканья переживали всѣ вышеперечисленныя эпохи. Трудно сказать, въ какой послѣдовательности шли эти эпохи,

но можно утверждать, что 1) *слитные согласные* были вынесены большей частью русскихъ племенъ изъ общеславянской эпохи (шепелеватость съ ея оттѣнками по говорамъ); 2) *долгота* гласныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ также была получена русскими славянами изъ общеславянской эпохи; 3) неслоговое *и̯* (болѣе или менѣе близкое къ *в* по говорамъ) также вынесено изъ общеславянской эпохи. Эпоха дифтонговъ среди русскихъ говоровъ наступила, по всей вѣроятности, послѣ отдѣленія русскихъ славянъ и въ языкѣ общерусскомъ находилась въ связи съ діалектическимъ развитіемъ и діалектической утратою старой долготы гласныхъ звуковъ, а также въ связи съ діалектическими разновидностями въ произношеніи неударяемаго звука *о*. 4) Въ общерусскую эпоху были звуковыя группы: *у͡и̯*, *г͡у*, *к͡х*, которыя, по всей вѣроятности, были извѣстны и въ общеславянскомъ языкѣ по діалектамъ. По отношенію къ племенамъ восточно-русскимъ, которыя заселили собой мѣстности въ бассейнахъ рѣкъ: Днѣпра, Западной Двины, Оки и Волги, можно утверждать, что эти племена или, лучше сказать, это племя по говору представляло нѣкогда одно цѣлое съ незначительными, можетъ быть, отличіями діалектическими, между тѣмъ какъ племена, жившія нѣкогда по Днѣстру и на западъ отъ него, по своему говору представляли болѣе отличій отъ группы восточно-русскихъ племенъ, чѣмъ эти послѣднія племена между собою. Явленія дзеканья, чеканья, цоканья, неслогового *и̯* и дифтонговъ въ нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ доказываютъ, что тѣ элементы, которыми *нынѣ* различаются всѣ эти говоры другъ отъ друга, развились въ теченіе отдѣльной жизни русскихъ племенъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ историческихъ и культурныхъ условій, различныхъ для каждой изъ этихъ мѣстностей. Нынѣшнихъ южно-великороссовъ и бѣлоруссовъ *въ историческомъ смыслѣ* по языку нельзя отдѣлять отъ сѣверно-великороссовъ, какъ народы, принадлежавшіе нѣкогда разнымъ племенамъ; можно только сказать, что эти всѣ народы нѣкогда принадлежали одному племени, языкомъ котораго былъ языкъ шепелевато-окающій, носившій въ себѣ лишь зачатки нѣкоторыхъ діалектическихъ разновидностей: такъ, одна часть этого племени (словѣне-новгородскіе) заключала

въ себѣ элементы будущаго о́канья съ извѣстными оттѣнками шепелеватости, другая—элементы будущаго аканья съ другими оттѣнками шепелеватости (древляне, поляне, сѣверяне), третья часть—элементы будущаго умѣреннаго аканья съ наиболѣе интенсивной шепелеватостью (вятичи, радимичи, полочане, дреговичи). Наши говоры Касимовскаго уѣзда, представляя нынѣ *нѣкоторыя черты* позднѣйшей формаціи (полное аканье), въ другихъ отношеніяхъ (долгота, дифтонги, слитные согласные, неслоговое *и̑*) сохранили въ себѣ слѣды звуковъ общерусской эпохи и эпохи обще-восточно-русской, какъ, напр., говоры сѣверно-русскіе, утративъ много древнихъ звуковъ (дифтонги, слитные согласные), сохранили слѣды звуковъ общерусской эпохи (закрытое *о*ⁿ) и даже слѣды общеславянскихъ формъ и удареній (2 л. мн. ч. глаголовъ съ ударяемымъ конечнымъ звукомъ—*е*: спите́, хотите́...).

Наши говоры Касимовскаго уѣзда были нѣкогда о́кающими говорами съ извѣстнымъ оттѣнкомъ неударяемаго *о*, и ихъ нельзя причислять къ говорамъ южно-великорусскимъ въ извѣстномъ смыслѣ этого термина. Термины эти (свр. ювр.— о́кающій и а́кающій) не обозначаютъ ни народности, ни языка и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному различію въ говорахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложенiе 1-е.

Въ „Приложенiяхъ" къ своему изслѣдованiю мы помѣстимъ нѣсколько пѣсенъ и причитанiй цѣликомъ, что же касается прозаической рѣчи, то, естественно, что здѣсь читатель найдетъ лишь *отрывки* изъ разговоровъ, такъ какъ *длинной* рѣчи наши крестьяне не ведутъ, монологовъ у нихъ почти не найдешь, а разговоры постоянно прерывались то вопросами съ моей стороны, то вопросами самой говорящей крестьянки, то случайными обстоятельствами, какой-либо помѣхой и проч. Правда, можно было бы записать сказку одну, другую, но для цѣлей лингвистическихъ сказки, съ моей точки зрѣнiя, представятъ много ненадежнаго, такъ какъ сказки могутъ повторять, съ одной стороны, унаслѣдованныя отъ старины выраженiя, нерѣдко уже неизвѣстныя нынѣ обыденному разговорному языку крестьянъ данной мѣстности, съ другой,—сказки могутъ быть пришлыми и отличаться даже въ своей формѣ выраженiя отъ мѣстнаго и родного произношенiя. Въ другомъ мѣстѣ (см. „Этнографическое Обозрѣнiе" 1894 г. № 2. наши: „Матерiалы по русской дiалектологiи. I. Образцы народнаго говора Скопинскаго уѣзда Ряз. губернiи") мы сдѣлали попытку представить небольшое количество матерiаловъ, состоящихъ изъ записанныхъ нами сказокъ въ Скопин. уѣздѣ, но, именно, въ виду того, что для лингвиста дороже всего слышать ту рѣчь, которая, такъ сказать, въ его присутствiи *созидается*, *творится* безъ приготовленiя, въ которой проявляется произношенiе данной минуты, мы и предпочли на этотъ разъ ограничиться однѣми бесѣдами, которыя записывались, и причитанiями по покойникамъ, такъ какъ эти причитанiя въ значительной степени

обнаруживаютъ личный элементъ и постоянно видоизмѣняются, постоянно находятся въ процессѣ своего развитія, разнообразятся въ зависимости отъ личности плачущаго и отъ обстоятельствъ. Впрочемъ, здѣсь ниже читатель найдетъ и нѣсколько пѣсенъ.

Нармушадъ Касим. у. „Лѣтъсь он мнóуа дéняу на пцалѣ взя́л, цалкóвы́х пълтара́ста". „Штó й та плóха он к няму́ навѣдъвайтца! Он явó жалáеть была судá; ня знáю, удѣ й та он за Каси́мъвам. Пцѣлы у нявó мнóуа: у Бари́са Юдичя!" „Каудá й та тут был мóст, да штó й та явó скора нару́шъли". „У меня́ óпух не бывáить ат пцóл: нóцъю прайдéть". „Раёу сéмь за лѣта". „Нацу́йтя у меня́: у уастя́х сё бывáить: удѣ пастéлють, а удѣ й—кулáк"! „Вот я́йцы ва смя́тăцку; сицáс сё бýдеть: анá хлапóцыть у меня́ (работница); ницавó не здѣлаэш! Дóц былá стáрьша ей, а тапéрь у́стăль берéть. Жэнис'с'и, перямѣнис'с'и! Малóдинькяй ишшó тады́ был. Вы́къшайтя ишшó рю́мăчькю! У́мѣсти жы́ли! Жы́у сéгъки он? Жы́у! День да нóц, сýтки прóц! У нáс сялó бальшáя: пя́ть сóт *дымóу* у нáс ф селѣ. Нóньца у́стáл рáна: цасóу у сéмь. У нáс ф селѣ святóя óзяро, хóдють *стрáннiји*, нацýють вазля́ óзяра, мнóуа купáютца. Ры́бы-ти мнóуа у нáс! Ры́бу пъкупáить на ватáуи. Пăшани́ца *свóйськяя*! Я лóшăть дёржу. Куды́ јéзьдим? У лѣс! Вéрьба, липня́к, дубня́к: сё јéсь в лясý. У лѣва двéрь, тады́ найдѣтя! У тајé спрóсють, ты и уъвари́".

Ерахтуръ. „Ăбдавѣла—та дамнó: Хёдăр Хёдърыц бы́л, за нявó хади́ла; он сицáс жы́ф: атéц бы́л не рóднай, мáть меня́ ни пушшáла: уáвари́ть—жыви́ адна́; плахóй рáзум: ăт абѣх па дяфцóнки; *улупóй* рáзум: вот уш дéсеть зи́м жылá. Саску́цылас, ницавó! У нáс абря́да вó какáя: *кýрта*, *анýцы*, *безымёнка*: таки́-ти безымёнки ткýтца, как анýца, тóлькя с рядáми,—анá лѣтнія, па лятáм нóсют, а анýца зи́мнія. У дéнь мóжна вы́ткăть. *Свúтка* какáя-та заýгь. У нáс сё хóдють на рабóту у Зуива. Сóуестюся, уля́ть прă шыбёсса! Дишóука ăткры́лъся, праѣхăла пя́ть рублéй тóлькă, два каньцá. Хязя́уам мы́ла палы́". „Мнѣ-ти? три́тцăть дявя́тай! Я крьпаснáя, *здѣшняя*! Я цавó знáю: на свѣти-ти жылá, я ать э́тих уадóу ушлá. Веньцáл атéц Ляксáндра. Цыты́ря уóда жылá с ни́м. Шăвавáры даём, пя́ть рублéй диньуáми,

а я во́тки вядро́. Зало́ўка была́ теⁱпе́рца аста́лась адна́ до́ц, ɣо́дика це́реⁱз два́ мо́жна ăддава́ть. Бяру́ть и спе́лють из мацэ́ньца, вы̆бира́ють дзерьɣеⁱнку. Када́ *дажжа́* бу́дуть. Свякро́ў была да зало́ўка: ся́к сеⁱбѣ́ бярё́ть лён, хто ско́лька̄. Ма́ть з до́цэрью ана́ сеⁱбѣ́, а я сеⁱбѣ́ бяру́. Като́ра бо́льша, като́ра ме́ньша—сѣ́ сеⁱбѣ́ бяру́ть. Цао́ бяли́ть-та? По́ дьвѣ капе́йки за хунт пря́жы. У халсти́ны-ти сколька стѣн, у ино́й стѣ́нки-ти се́мь аршы́н. Хто прӑдаё́ть, а хто́ и нѣт: у као́ језь за ли́шня—прӑдають. Ў цыты́ри цапка́ тка́ть ска́теⁱрьть. *Цо́лнăк* пусца́ють; руба́хи-ти то́жа ткё́м; нăпридё́ш, вы̆беⁱлиш и ăддаё́ш кра́сить. Ны́ньца красна бума́ɣа ў асно́ўу пушша́еⁱтца. Ў ɣавѣ́нья тку́ть, зимо́й пряду́ть, преⁱдё́м *ўдру́жна*; ɣдѣ сеⁱме́йсва-та бальша́я, пă цыряду́ тку́ть, а у каво́ до́ма нѣ́т'-ти, па людя́м папро́сють. *Ана* стайть *паро́жна* изба́-та. Ско́лька зɣато́ить? (=сготовить). На э́ту стяну́ *ў* ско́лька *таћ* ну́жна, вот и кладё́м! Бе́рда ся́кая е́сць: е́сць дяся́тьня, е́сць дявя́тьня: бирё́ш и прӑдява́иш! Вицара́-та ла́пьти плету́ть мужыки́. Ў Шо́стьји сала́ски дѣ́лъють; ся́кія быва́ють. *Тѣ-ти ани* красна́ прӑзыва́ютца.... Варя́ть ка́шу ис пăшана́ и мăлака́; ядя́ть ка́жнай день ... Лави́ть—ла́вим, хо́дим; у на́с нё́вăт (=неводъ). Ба́бы си хо́дють: ўцара́сь плати́ца, лине́й нълави́ли; *ана* дăляко́ прашла́ ряка́-та, а э́та ту́т—ни дале́ка (не-ё). До́ма нялься́ вари́ть: пе́ц-ти у́трăм то́пим, а э́та к у́жы̆ну. *Кăласники́* (грибы) е́сь, е́сь и бѣ́лы̆я, каки́х уɣо́дна. Вѐрст зă пятна́тцăть: Лашма́ ана́ прӑзыва́этца; изутра́ пайдё́ш, ку́заў с приба́вацкъм; лѣ́с беⁱрё́зъвай да аси́ньник: ɣру́зьди.... Он пажа́луй ў зеⁱмлѣ́: та́к бы̆т ў ку́тцки (=въ кучкѣ). На прада́жу ишшо́, длеⁱ сеⁱбя́-та хъш!.... На *мужъё́ф*-ти жани́тца ра́зи прихо́диш ка́жна̄ вре́мя.... Пра́зьники? Зи́мній Мико́ла, Пятро́ў день! И ɣуля́ють, хо́дють па двара́м. Што́ *сашло́ся*: зна́й ро́ш ма́тушка, ăтвяца́й! На сто́л-та аɣу́рцы̆каў, вило́цкаў, во́дăцки пъстано́вят, бра́шки; мужыки́ цужы́я прихо́дють. Дѣ́йки (=дѣвки) сăбира́ютца на Тро́йцу, яи́ц сăбяру́ть, ма́слеⁱнки. Талку́ть ў сту́пи пăшано́, драцо́ну нăпяку́ть. пăшано́ мо́цуть. Та́к у́сё ко́нцытца до за́тряшьнеⁱва дьня́. Си ɣада́ бро́сили!...

На́да ăтвяца́ть! Сва́дьбы-ти мисаѣ́дăм, ўпара́ ăбвянца́ли. Сва́дьбаў пятна́тцăть ў де́нь! Сё бо́ля зимо́й! Ăдява́ютца: или шу́бу, или паддё́ука; жыни́х—хала́т суко́ннăй. У христья́н како́й-ти деⁱви́цник?—сăбира́ютца и иɣра́ють; нявѐста пла́цыть. На лъшадя́х за ба́тюскай прііе́дуть. Хре́сная (не-ё) ăдява́еⁱть.

Рӑспяваéˈть-та ся́ки ра́зны слава́: сирата́ так па сиро́цки воить: „Куды́ вы меˈня́ сӑбира́итя, куды́ вы меˈня́ снӑряжа́итя, с падрўшкими на у́лицу ў цужы́ люди“. Хре́сна̄й ӑбува́ить, ницао́ ни кладу́ть (въ башма́къ): жыниху́ кладу́ть. Дво́я, тро́я с не́ю: рӑстяря́хи — пӑднявѣ̆стицы. Расцёсъвають нӑзадъ и свя́жуть: цуто́к лиш ви́дна. Пато́м бӑславля́ють, у радитеˈле́й апя́ть пла́цыть: „Радзи́май ты мой ба́тюшка, бӑслави́ меˈня́ ў цужы́ люди“.... Жыни́х-та сам ӑдяваéˈтца та́м ти́ха̄, смирна̄. Адна́ у нявѣ̆сьти, дру*уа́* у жыниха́ (вечеринка). Пӑлате́ньцӑм абвя̆зы̆вають *дрўшкаф*; приде́ть з дѣ̆уками, дѣ̆йки пасо́дють, бара́нӑк принеˈсе́ть. Ў Нармуша́ди выкупа́ють: цаво́-та ў стака́н ӑпушша́ють. Ра́с слуца́лӑс: я ни смотри́ла хӑрашо́, што́-та кла́ли. Мӑлоды́х свяду́ть, а ис цэ́рькви па ра́зным мяста́м....
Быть свѣжӑя (= надо быть свѣжей; надо полагать—свѣжая): ўцара́сь ў ле́дьники ляжа́ла, нӑцава́ла (рыба). Типе́рица уш по́ст. Бальни́цы-ти нѣ́т и хе́рыша́ла...

Нармушадь. Сам *ру́бю* лѣ́с! У на́с ницаво́ нѣ́т *у*реˈцы́хи; аусы́ харо́шыјі; ўцара́сь до́жжык прӑливно́й бы́л. Бо́х јіе́ зна́ить! *то́ль увѝжу, то́ль нѣт!* О́бруц с каньцо́м ӑтскацы́л да в *у*ла́с: *ўре́мям* (= временемъ) *у*лаза́ баля́ть.... И ў чаю́ ника́к ни размо́цыш су́шки-ти... Виш *он са́д-ӑт!* С лу*уо́ў*-ти суды́ яво́. Зы́ку-ти нѣ́ту: труте́ˈнь *зык* дае́ть, шуми́ть. Улеˈй с *пцалмѝ*. Пасля́ *пажӑру* но́вая деˈре́вня прӑзыва̄эм. Зиму-ту я чᵘя́ста, ка́к тяпло́ мал’ма́ла, и паіе́ду; а то и пул’шу́бак неˈ *у*рѣ́ить: уш пло́ха̄; стӑрика́ ў каба́к ни пушша́ють, прибью́ть; я́ уш и неˈ хажу́! *у*а́варя́ть: ты сває́ ӑтхади́л; ни ў по́ли, ни ў до́ми! Кра́сная-та цы́стая ска́теˈрьть ў амба́ри ў атхо́жа̄м; *у*астя́м-ти да́-ка (= дай-ка) зӑкуси́ть! Ся́к ў сває́ мѣ́ста іе́дить Ӑставаéˈтца во́ск-ӑт, он яво́ жме́ть: во́ску-ту мно́*у*а̄... Здѣ̆лалси ўо́фси дре́вна̄й, біе́ла̄й, сядо́й: сяды́јі люди—святы́јі! Пӑд бацо́к паду́шку на́дъть. Падеˈшо́вля был во́ск-ӑт.... То́пка ка-ка́я пра’днаво́ (= про одного): э́та пра сеˈме́йсва, а то́ цыво́-ш!? Апя́ть ля*у*ла́: ни́шшыјі *шумя́ть* цэво́-й-та! Ни́шшым-ти пада́ть вада́. Зацэ́м буди́ть, о́н до́л*уа* не́ спал. Пӑсматрѣ̆ˈли пцо́л? абе́дьня ско́ра ӑтайде́ть (не-ё); *у*ри*уо́*рій Симёны́ц, д’ыть он у на́с здѣ́сь жыни́лси! Мы к ни́м ўхо́жы были. З *дитя́ми*, ж жано́й; му́жа *уо́т у*на́ли-ти. Па банда́рскай ца́сти. Ў Расто́јі (въ Ростовѣ) *уо́*да два жыла́, ў прислу́*у*ах

жыла́ у пасьне́сьте^{i}ра (=у почтмейстера). Адна́ до́ц была́ то́лька̄.... Пце́лы улятѣ́ли *дало́* (=долой)... Падьле́ вот цасо́ве^{i}ньки дѣ́йки пают́ь, *па ўсе́й но́цы* ɣуля́ють, ста́рӑсту-та сӑмаво́ пабѝли: ста́ръста Яɣо́раў, он с пако́йницай Ка́рпӑвнай знако́м был; э́та цужо́й з заво́да Кацко́ва (=Качкова).... У каво́ прӑсуцка́, у на́с-ти ӑпрастѝлси!... У на́с фцяра́ (sic!) варѝли ка́шу: *дѣ́ушки-ты* я́йцы ката́ют (sic!), жэ́ньшыны-ти то́жа. У на́с бѣ́дныјі-ти сва́дьбы-ти:. вина́ вы́пій пажӑлуй, а зӑкусѝть не́цъва! Цэлаэ́к пя́ть-шэ́сь сро́дьникаў: ўсѣ́ ўмѣ́сьти, уве́сь по́іест жынихо́ф. Ате́ц бӑɣӑславѝть, чулкѝ сама́ нӑдява́я (sic!), ся́дить, пъкрыцы́ть.... Три ра́за ў ɣо́т свишшэ́ньнику ат міру ру́пь з душы́, а то́—памѣ́сицка... Пӑкрыва́итца ў цэ́рькви, и та́к *дамо́* (=домой) привязу́ть. Жэ́ньшыны лу́чче^{i} дѣ́ўак: пӑцэсьне́й; и бьѐть и му́цыть: пья́вӑства ўсю́ *но́цу* быва́ить.... Уш ме́рьзьни (не-ё) на кришшэ́нья, не^{i} удѣ́ржыш... На Пятро́ў день уяжжа́ють. Пра́зьник Ду́хаў день! Ў Јіра́хтури то́лькя Микóла зи́мній...

Ерахтуръ. Имшы́к (sic!) с јі́ми хо́дить: се́мь тро́ик нацу́ють до́ма у Хе́дӑра Ива́нйца Ляпко́ва. Ис калóтьцаф вада́ пъхладьнѣ́я; типе́р ишшо́ цэ́м карьмѝть: халóднай вадо́й да муко́й. И каро́вія (sic!) три стада; бу́цы-ти асо́быји. Аве́цых три и свины́х-ти. У на́с каро́ў се^{i}во́ дьвѣ́: *кама́ри*, а вясно́й анѝ прибавля́ють, а пато́м тады́ уш; сѣ́ три-та ни даду́ть мӑлака́. У ватца́ дья́кӑна уть э́та вядро́: плахі́јі-ти каро́вы. Ў калóтьцах бирѐм: ў рѣ́ц^{ч}ьки-ти не́ бы́ла, сафсѣ́м пе^{i}рсыха́ла, ана́ кака́я-та салѐна. У Вакѝма(=Акима) и то лу́тче^{i} (sic!)! Дья́къна ва до́ц ў Пе́рья (село) ӑддана́; эта как ражо́на— здѣ́сь жывѐть. У абѣ́х па дяфцо́нки. Маму́ му́жу на фтаро́й ɣо́т с вальго́тай о́ддали... Ў Е^{i}ра́хтури-ти? Микóла зѝмнія (sic!) ишшо́ пра́зьники-ти: *дьвѣ Микóлы*. Успе́нья прясто́л-жы! Пӑд рядо́к хо́дють; блино́ў нӑпикѐм, ӑɣурьцэ́й. Ў по́снай день— за́ɣӑвиньня: хто́ *кӑиатка́* с ку́рйцай.... На́да ў даму́ што́-нйбуть. Ка́к ве^{i}ньца́ють-та? Знацо́к здѣ́лъют (sic!), ўтаро́й рас пріѣ́дуть, свишшэ́льник—и ў цэ́рькӑфь вязу́ть. У се́ре^{i}ду и пя́тьницу, ў афто́рьник ни ве^{i}ньца́ють. Ӑдзя́ла, а хто́ бѣ́днай— вато́лу, бацѐнъцик (ц—мягко) бра́ɣи. Дѣ́ушки ў сабра́ньји жыву́ть. Дзяло́ў ни зна́им! Врацы́! К врацам ӑбара́цйваимси... До́хтур кӑряннóй. Цасо́ў-ти у на́с нѣ́т: хто́ *пазно́* идѐть, ляка́рства ӑтпушша́ють... Па цо́рнӑму нѣ́т ны́ньчя... Пъмало́жа мо́жуть!.. (пѣ́сни пѣть).

Круговая пѣсня. (Ерахтуръ. Касим. у.).

Ни вя́ля́ть Ма́шы на рѣ́цыньку хади́ть
Ни прика́зы̆ваюдь Машы Машы мало́тцы̆ка люби́ть⊤
Хӑласто́й па́ринь любитель любитель дӑраɣо́й⊤
Јон неⁱ цу́ствуить любо́ви любо́ви никако́й⊤
Вот на Ма́шыньку пабили за дружка́
Стаи́ть Машынька⊤ запла́кӑны ɣлаза́,
У краса́вицы краса́вицы⊤ затёрты рукава́.
Да до́ль са́дику даро́шка прӑляɣла́,
Да й хто́ эту, да и хто́ эту⊤ даро́шку прӑтари́л,
Хӑласто́й па́ринь ка дѣ́ушки⊤ хади́л
Јон ни та́к ни та́к хади́л⊤—
Пада́рьцык наси́л
За пада́рьцык⊤ краса́вицу люби́л;
Јон с јiё руки кале́цка пълуцы́л,
Пӑлуцо́мшы ӑбяшша́лси⊤ јiё за́мўш ўзя́ть
А пато́м дѣ́ла вы́шла нӑкане́ц
Ӑбману́л јiё уда́лай мӑладе́ц.

Срв. мой „Отчетъ". Стр. 7—9. Здѣсь эта же пѣсня изъ д. *Жолобова Слобода* Спасскаго уѣзда. Срв. также мое сочиненіе „Къ діалектологіи"... Стр. 126. Эта же пѣсня изъ Тумскаго края Касим. у., но изъ какой именно мѣстности Тумскаго края, я не знаю, такъ какъ эта пѣсня тогда мнѣ была доставлена другимъ лицомъ въ его записи. Нынѣ я предлагаю ту-же пѣсню изъ с. Ерахтуръ (*не* Тумскаго края, а особая волость — Ерахтурская, верстъ 70 отъ Тумы). Настоящая пѣсня записана мною *во время пѣнія*, а потомъ *провѣрена со словъ*. Кстати объясню нѣкоторые знаки, употребляемые мною въ „Приложеніяхъ" къ моей настоящей работѣ: знакъ ⊤ въ этой пѣснѣ означаетъ паузу, гдѣ голось поющихъ останавливается, какъ бы понижаясь и оканчивая извѣстное колѣно, послѣ котораго начинается новое. Затѣмъ вообще подчеркнутыя слова въ моихъ записяхъ разговоровъ и пѣсенъ означаютъ,

что данное слово представляетъ интересъ или своей формой, или синтактическимъ употребленіемъ, или, наконецъ, представляетъ лексическій интересъ. (См. выше въ Нармушади—счетъ избъ въ селѣ по „дыму“, какъ въ нашей Начальной Лѣтописи; также: названія платья, обуви выше и проч.).

Круговая пѣсня (Ерахтуръ ib.).

Прашшáй рáдăсь жы́сь маń
Слышу ѣ ⊤ диш ат ме^і^нń
Нам далжнó с табóй *растáтцыть*
Т͡сій ⊤ бóля ни видáть (2.) Т͡сій = тебń.
Цёмна нó ⊤ цынка ня спáть.
Сама знáю пъцамý (2.)
Сама я дѣушка сказáла:
Ты ⊤ за мною (2) ни ɣанйсь.
Што жа мáльцыку ни ɣнáтца!
Цэ́м я мáлай ни харóш (2.)
Буду помнить тваји́ *зóры*,
Твой висёлай рăзɣаўóр. (2.)
Был какóй динёк красивай
Шли купáтца мы милóй (мы съ табóй) (2.)
На жалтóй пясóк садились
Супрати свѣ^а^жóй вады́ (2.).
Нóца тсёмнăя, тýца ɣрóзнăя,
Пралéй сильнăй дóш
Рăступйсь сырá зямлń (sic!)—(2.)
ɣрыбавá даскá раскрóй ⊤ си
Вастáнь мáминька мáя (2.).
Ни славéцка ни сказáла
Са мной з ɣóрькуй с сиратóй (2).

Знакъ ⊤ означаетъ вступленіе хора, подхватывающаго запѣвъ или начало запѣвáлы (женщины). Пѣсню „Как зарń бѣла занимáетца“ (Ерахтуръ) см. въ моемъ „Отчетѣ“.

Еще пѣсня круговая оттуда-же:

Из-за л́уγу, луγу, л́уγу зилянóва
Там хóдзить γуля́ить удалóй малóтцы̆к
Хóдзить выкликáить крáсную дѣ́вицу:
Крáснăя дѣ́вица, вы́ди за варóта,
Вы́ди за варóта с мăлатцóм барóтца.
Дѣ́ушка малóтцы̆ка—пáрьня пăбарóла,
Парьня пăбарóла явó на калѣ́нъцки стăнави́ла,
Пухóвую шля́пу далóй скидавáла,
Си́нiю паддѣ́ўку ва γуря́сь измарáла.
Си́тцеаў рубáшку на нём изарвáла,
Казлóвы сапóшки с няó скидавáла.
Стáл—пашóл малóтцы̆к
Залилси́ заплáкăл:
Мáтушка радзи́ма, на штó зăрадзи́ла?
При мiрѣ́—нарóди бальшóм кăраγóди....
Си́нiю паддѣ́ўку γуря́сь ăптсрáла,
Си́тцэву рубáшку на нём зăшывáла,
Казлóўы сапóшки на нём нăдявáла,
За прáвую *рýцу* явó пăдымáла,
За беiсцэсья мóлăтца сéмь рáс цълавáла.

Борки. (7 верстъ отъ Ерахтура). „У нáс наря́да друγáя: *сукманы́*, раγóў нѣ́т, ня нóсють". Уцы́лйшша *аднá*, уцы́теiль, уцы́тйльница, хéршăл Хѣ́дăр. Сицáс цы́стють лѣ́с, *матыжуть*; γăвари́ть с людьми́-ти, люди-ти харóшыjи! Прашшáйтя!

Починки. (с. въ 14 в. отъ Ерахтура). Мы ис паци́нăк! (ц—мягко). Ис сви́нцуса (обыкновенно: Сви́нчюс; такъ говорятъ священники, сельскіе учителя и вообще люди грамотные, у крестьянъ: Свинцус, а на картѣ: Свинтусъ.); сви́нцскiји! Ў калóдеiс бýхнеiш. Ушóл ў бáню. Цасá ў два: у афсѣ́х ни сцытáл нихтó: рякӑ дăлякó; бáбы лáвють *нидё́ткими*.

Куземкино. Мнóγа-ль свѣ́сить? Цаты́ри с пълави́най, три с цэтьвирьтью, пять хýнтаў ры́бы. Ся́ жывáя была. Кузéмь-

ски мы-ти. (Кузёмкино верстъ 6 отъ Шостьи). Принеⁱсⁱⁱлй. Ў саду-ту ни хо́дють се́тью. Сеⁱтя́ми ла́вют пало́сеⁱнь. Ў видре́ ў ваде́ с лу́уу ту жыу́ю ба прине́с! *Свякро́ва* до́ма.

Въ Шостьѣ, Кузе́мкинѣ и въ округѣ говорятъ вмѣсто „да“—„а́тă“. Напримѣръ, у этой же крестьянки, которая продавала мнѣ рыбу, я спросилъ: „свекоръ живъ“? На это получилъ отвѣтъ: а́тă! И это слово слышится на каждомъ шагу. (Срв. мой „Отчетъ“ стр. 27). Далѣе:

У *мя́* му́ш лави́л, бабы-ти ка́к пума́иш?! *у*рицы́ху се́или, праса́ зашли́ у ко́ е́сь, у ко́ не́т. За *друуо́й* пашла́, два́тцăть сямо́й ў Шо́сти. До́ж’ж’ик до́неⁱл; па ме́рки для *сія́* (=себя́) се́им.

Шостья. Гляди́! Кăнапи́ мне́м! Ў стăрину́ наси́ли рага́, при мне́ уш смяни́ли. Ў сăрхана́х хо́дють тапе́рь; *по́нька* спе́рьди раскры́тăя, нă гълаве́ *саро́ка з зо́лътам; за́пăнь* пат по́яс, а э́та *ха́ртук.*

Сица́с у на́с с Питрава́ дня́ пако́с бу́дить, синьца́, ăляно́к пъспява́итца бра́ть. Се́мицка нăкало́тим вале́цкăм, *даще́цку* пало́жым. Мы с *снашэ́льницай* дво́я. Пасля́ Хро́лаўа дня пастсе́лим; ниде́ль пя́ть ляжы́ть; по́сли дажжа́, а е́жли *дѣла ве́дра*, он *не́скăра* улижы́тцы. Ўмяли́нăцки памне́м, пăтряпа́им и приде́м, па ку́тъцку разло́жым, на три до́льки яво́ де́лим. Вазьме́м да зве́сим. Наша де́ла цэ́м зăнима́имса?! Пре́сь нăцина́им пасля́ Ми́трива дня; на зипу́ньцыки! *Ни́цку* приде́м, мы́цьки мо́им. Аве́ц па пято́к е́сь, па се́мь: сё па ма́лăсци, па мане́ницку! *Сыравы́нкаю* с сало́мкаю та́х-та и ко́рьмим. А то́ *блюде́м*! Но́цы ни вы́сыпа́им. Ни линивă мо́жыть два нăприде́ть, а лини́ва—ме́ньша. Паста́вим *ј̈іе́ пряжу-ту* ў бе́рьди, па́смаў ў бе́рьди ади́натцăть. Бе́лим, кало́тим, сце́лим, ў мы́льцы памы́лим, ў пе́цку—сеⁱбе́ насиць.... Само́й дру*у*о́й не́цъва *наздѣ́ць*!...

Де́йки сăбира́ютца, пля́шуть, завива́ютца; *ў уоржы́* рябя́ты ня хо́дють. Ў коло́диц вяно́к браса́ють: е́жли баба бро́сить—му́ш намре́ть; ў пру́т браса́ли. Вот сица́с два вянка́ свя́жуть: и э́тай яйцо́, у э́тай—дру*у*о́я: на́ от *таѣ́* (=тебѣ)! Пăбяру́ть и браса́ють. Ў пясо́к у на́с ни игра́ют. Мужыки́

дѣдӑм нӑряжа́ютца, а дѣ̆йки—нѣт. Ани их пужа́ють и ў снѣх *зако́пъваю́т*, привя́зы̆вуть сӑрaха́ны. Дѣ̆йки *таўси́нькуть*:

Таўсинь, у дя́дюшки на дварѣ́
Стайть дро́ў кастѐр.
На што́ драва́?
На́м *пи́у* вари́ть, (пи́у=пи́ву=пи́во—вин. п. ед. ч.).
На́м Я́къва жани́ть.
Дѣ нивѣ́сту бра́ть?
Пъсире́ть сяла́:
Та́м Анна хъраша́—
Като́ўница, башмо́шница!
Ана хо́дить шы̆мири́чь (=сѣмери́тъ, сѣмени́тъ? См. мое соч. „Къ Діалектологіи“....)
Кълако́льцыкӑм звини́ть.

„Ӑттаўси́нькуть, а ишшо́ ницао́“!

Вотъ еще авсеневая пѣсня оттуда-же:

Аусе́нь, аусе́нь, уш ты за́инька!
Аусе́нь, аусе́нь, уш ты бѣ́линька!
Аусе́нь, литѣ́л сӑкалок
Цэряз ба́бушкин дваро́к,
Урани́л сӑпажо́к.
Ты, Матрѐнушка, душа,
Спадыми́ сӑпажо́к!
Мнѣ́ нидасу́к (sic!) спадня́ть:
Я шыри́нку шъю
Сваму́ Ку́зи.
Ты, Матрѐнушка, душа,
Ты паслу́шай-ка, што́ ў нѐби стуцы́ть:
Там мидьвѣ́дицу вяду́ть,
Там мидьвѣ́лица люта́,
Ў ней рага́тина тупа̀!

Далѣе разговоръ продолжался такъ: „ў загáдьник гадáим: дѣ́йка пра жынихóў загáдывуть, хто цаó задýмаить, тáм цытáють“. Рябя́та аўсéнькуюють. Пăкалядáкать кóле̇ду ражéствинску?

Кăлядá, кăлядá,
Ты *клю́жыцка* (? Срв. у-клюжій...).
Бирѐзăва!
Ты и гдѣ́ бы́ла?
Я канéй бирягла́.
И гдѣ кóни?
За вратáми стая́ть.
И гдѣ вăратá?
Их вадá пăнялá.
И дѣ́ вадá?
Быки́ пóпили.
И гдѣ́ быки́?
Зá гăру ушли́. (*г*, а не *γ*).
И гдѣ́ гарá?
Цэ́рьви вы́тăсцыли.
Гдѣ́ цэ́рьви?
Гуси вы́клйвăли.
И гдѣ́ гýси?
На трасни́к ушли́.
И гдѣ́ трасни́к?
Дѣ́йки вы́шшыпăли.
И гдѣ́ дѣ́йки?
За *мужъе́ў* ушли́.
И гдѣ́ мужья́?
На вайнý ушли́.
И дѣ́ вайнá?
Пăсирéть г...á! Тапéрь дакáньцына!

Я вянцáлась гадóў симнáтцăть ў Тăкарѐви (село); жы́ў мýш, аднá свякрóў былá, дваю́радны брáтьји, радны́ји на стă-

ранѣ были. Ни хатˢѣла́сь: ни па ндра́ву жыни́х! Се́тъки зӑвиде́нья: сипа́с сасва́тӑли, дава́й крыца́ть, пря́мӑ ут э́тък вот! Па́дӑла с пе́цы: ра́с пято́к упа̀ла. Па́дӑють с пе́цы как га́ря вазьмӗть! Жыни́х с тава́ришшӑм прихади́л, бўблицки принаси́л, цыво́-ш?

Каку́рки (не сосватанныя дѣвки) ӑряхи́ пяку́ть ис пшо́нннай муки́, талку́ть и пяку́ть.

Нивѣ́ста *приспява́ить* ис пшана́ блино́ў и ӑряхо́ў....

Тся́гла́я пѣсьня: вот таѣ! (Протяжная).

Го́лупь си́зинькай,
Злато́й кры́линькай,
Нацу́й у мяня́,
Ни проспи́ мяня́!
Праснулси галу́пцык—
Галўбушки нѣт!

Мнѣ куда́ литѣ́ть?
Палитѣ́л галу́пцык
Ва ўсю тˢе́мну но́ц
Галу́пку иска́ть.
Он нашо́л галу́пку
Ў зилӗнам саду́
Пад *я́бланiю*
Пад я́бланiю,
Пад зилӗнаю.

Пад зилӗнаю,
Застрилӗнаю.
Хто́ эту галу́пку ушы́п—
—зӑстрили́л?
С Масквы́ двӑряни́н;
С Масквы́ двӑряни́н—
Инара́лскай сы́н!
Инара́лскай сы́н
Пӑ саду́ гуля́л,
По́ сӑду гуля́л,
Ружьѐ зӑряжа́л:

На ўоздух пушша́л,
Галу́пку папа́л!
Папа́л он галу́пки
Пат пра́ва крыло́,
Пат пра́ва крыло́
Сирьде́цкаӗ!

Разговоръ о свадебныхъ обрядахъ въ Шостьѣ. (Начало см. выше: передъ „т^ся́глой“ пѣсней).

„Када́ прасва́тăють, рăспляту́ть ко́су, ана́ *рăсплятёмшы* идёть. Ана́ крыцы́ть, а дѣ́йки рăсплята́ють. Жыниху́ де́ньги кладу́ть; *По́свитăк* наздѣ́нуть (=рубаха длинная исподняя); лѣ́тная вре́мя—паддёуку наздѣ́нуть, а то шу́бу: сăраха́н ади́н—э́та пяца́льна! На гăлаву́ *э́зли* сирата́—папро́шша! Пе́рьва пасо́дють адну́: ана́ *во́пить*, jiе́ *сряжа́ють*, ана *во́пить*:

Куда́ вы мяня́ сăряжа́йтя,
Али с падру́шкăми на у́лицу?
Али вы мяня́ сăряжа́йтя
На цужу́ да́льную старо́нку?
А вы мяня́ сăряжа́йтя
Пат стра́сь бальшу́ю!

Падру́ги jiе́ унима́ють:

Ми́ла ты, мая́ падру́шка,
Наста́сья Андре́вна,
То́шна сăряжа́тца
С радии́мым ба́тюшкай,
С ради́май ма́тушкуй!
А нѣ́т ташнѣ́я
Биз ради́май ма́тушки!

Тут сца́с уйму́ть и паса́дють. Ту́т нивѣ́ста ăбнима́ть падру́х станить: сѣх ăбнима́ть уста́нить *вапъёмшы*. (sic! =вопивши).

Сиро́цкая пѣ́сьня:

Ради́май ты, мой ба́тюшка,
Прилити́ ка мнѣ́
На то́шныjи динѐцки,
На э́ти го́рькijи цасо́цки!
Я сăряжа́юсъ сирата́ го́рька,
Я сирата́ не^iсца́сна,
Я сирата́ сăряжа́юс

Биз радимава батюшки,
Я уш сăряжăюс ў цужы люди.
Кáк мнѣ буть каким людям приставáть,
Кáк мнѣ буть привыкáць...

Пéрьвай рас завязывуть маю галóвушку,
Завязывуть маю буйную,
Завязывуть jiѣ са млáдăсти,
Са глупъсти...

Тут сицáс завóпить:

Галóушка, мая буйная,
Анá у меⁱня с плéц свалилас,
Анá у меⁱня нă плеⁱцăх ни дѣржытца.

Эзли атéц éсь, сицáс к атцу пъдвядуть:

Ўстряцáй миня, мой радимай бáтюшка,
З завязънай галóушкай!

Тут сицáс к мáтьри:

Стряцáй миня, радима мáтушка,
З завязънуй галóушкай!

Тут сицáс падрушку стáнить абнимáть, знáма, с катóрай спапляйтца:

Падрушка мая, *савѣтная*,
Ликсѣвна!
Мы уш с табóй ăтыгрáли,
Мы уш с табóй ăтшутили!

Патóм вицóр, вйцырина; пайдуть ў бáню пáрьтца; из бáни вйдить, утирáльникăм—рушникóм накрóють и вядуть пóд рыᵘки. (=подъ руки).

Тут апя́ть к атцу́:

Стряца́й миня́, ради́май батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!...

Ве́цырӑм сидить и во́пить:

Я с ва́ми ӑтыгра́ла...

Утрӑм нъряжа́ють к вя[і]нъцу́ вяньца́тца. Ана́ запла́цыть:

Куды́ у́ы́ мяня́ сӑряжа́йтя,
Куды́ у́ы́ мяня́ сӑбира́йтя,
Или с падру́шкӑми на у́лицу...

Аттóль *сӑряжо́мшы* из го́рьницы (у на́с ў го́рьницы сӑряжа́ють) к атцу́ апя́ть пӑдвяду́ть:

Стряца́й мяня́, батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!

И ма́тьри та́гжа! Ате́ц *падо́йде[і]ть*:

Бӑслави́ миня́, мой ради́май ба́тюшки,
Бӑслави́ миня́ сѣ́м се́рьцам—жала́ніям
Ў цужы́ји люди...

И ма́тьри сё равно! С пріѣ́здӑм ся́дить за сто́л, дѣ́йки јіѐ дра́жнють:

Как клён да бирёза к стѣ́нки льнёть,
Как Ива́нушка Олюшку к се́рьцу жмёть!

Дру́жак у на́с дра́жнють:

Ой, дру́шки, мики́нныји брю́шки,
За *пе́цый* сидѣ́ли (=за печью; им. п. ед. ч.— *пе́ца, но́ца*. См: выше).
Мыше́й лави́ли,
Мӑладо́й шу́бу шы́ли!

Нивѣ́сти игра́ют:

Клён да бирё́за цэ́м ни драва́?
Как Оля Ликсѣ́ю цэ́м ни жана́?
Как шо́лкăва ни́тка к стѣ́нки льнё́ть,
Ликсѣ́юшка Олю къ се́рьцу жмё́ть.

Нивѣ́сту дро́жнють:

Как Олюшка гава́рйвала,
Кра́сных дѣўак абма́нъвала:
Яниду́, ниду́, дѣ́ўка, за́муш
За Ликсѣ́я за гарба́тăва:
На *гарбу́* да ўсё *сасня́х* растё́ть, (=сосня́къ)
А нă сăснягу́—грыбы́ ма́слянки,
Грыбы́—ма́слянки бирё́зăвы!

Тапе́рь уш уѣ́дуть ў цэ́рькву!

Вотъ еще образчикъ разговора о времяпрепровожденіи на масляницѣ, о заговѣнахъ, о занятіяхъ крестьянъ въ с. Шостьѣ:

Блины́ пе́ц с пăнидѣ́льника нацнё́м, гряцы́шку у ко́ дастáтки, бага́ты—крупца́тну пяку́ть. У као́ е́сць, то́т крупца́тны пяку́ть, а то грицы́ху сме́лють *папирё́к*, ни ’бдира́мшы. Так jи́сть г за́гăнью рѣ́ткай цылаэ́к: хто́ судака́, хто́ шшу́ку—к ве́цыру, гри́виньник за ху́нт. И дѣ́йки и ба́бы ката́ютца сю́ нидѣ́лю на сала́скăх, на саня́х ў субо́ту да ўаскрисе́нья: муш ж жано́й, у ко́ сястра́ есць. Утрăм ба́ньки то́пим, ў Саро́ў прицашша́имся хо́дим—Дѣвѣ́йф мăласты́рь двяна́тцăть вѣ́рст. Там мушшы́наў ни пушша́ють.... Хто лапьти плеʹтѣть, *палозья́ иза льму́* гну́ть („ильмо́к“—дерево); ся́ки сала́ски—у на́с (м)но́га! Ў Ижэ́ская во́зють, сяо́ прио́зють, со́ли ўо́зють, ба́бы с вато́лăми. Палозья́ на *парьнѣ́* гну́ть тапе́рь: *патё́шуть* и вазьму́ть, гну́ть.. Сала́ски ў пицѣ́ напа́рють, ис пе́цы вы́нуть и гну́ть, у ко́ *парьни́* нѣ́т. Парьня́—катё́л—туда́ ўма́жуть, три вяньца́ кладу́ть. *Дубнягу́* сваво́ нѣ́т у на́с: у Пацы́ньских (изъ

д. Починокъ) бярýть. Мастеˡравы́ји лю́ди у нáс ницаó багáта жывýть; у бѣ́дных *мытáрсва* нѣт. Хтó ви *матóрнай*, тóт пăбиднѣ́й. *Бăшкавáтай* цылаэ́к на свѣ́ти никадá ни прăпадѣ́ть! И мужы́чькіји тилéги дѣ́лають!

Разговоръ изъ области народной медицыны.

Какъ лѣ́цуть, ня знáю: *полы́ню наўрýдють* да и пьють, штăб *бидьни́ца* пирястáла. Ся́кā бьéть, да ишшó мы́шы бѣ́гăли ў глазáх! За *застры́нку* ў пéц винó нагавóрная ў буты́лки; ани́ *тишкóм* нăгавáрйвають: хтó за дверь выхóдить, хтó прати́ *мáтки* стăнави́тца. Мнѣ́ зýбы дéрьгăли! А то мы *пабѣ́гáм*, у кó забаля́ть зýбы, цóрнăва тракáна пиригрызýть; луцы́ну бирéзăву жгéм, на скóвъраду пастáвим, сок кáпить, сóкăм мáжым зýп....

Вотъ еще протяжная пѣсня:

Сон мой ми́лай,
Сон сцысли́вай,
Вăрати́ся сон назáт. ⊤
Здѣ́лай, любушка, сцысли́ва,
Я сказáл паслѣ́дній рас. ⊤
Да дьвѣ́ гóрькія *какýшки*
(Ай) ва зеˡлёнай сат лятя́ть. ⊤
Дьвѣ́ малóдиньки дяўцóнки
Пад акáшыцкăм сядя́ть. ⊤
Слéзна плáцуть, ани́ рыдáють,
Пра милóва гы́варять, ⊤
Биз милóо(а) жы́ть ни мóжна,
Биз рáдăсти ни юснёш. ⊤ (при пересказѣ: „ни уснёш“).
Хоть уснéтца,—ни на дóлга:
Дрýшка ви́дила ва снѣ́. ⊤
Здѣ́лай, ми́лай, гроп дубóвай,
Мы палóжым дрýшка ў грóп. ⊤
Руцки к сéрьцу прикладáли, (—„ля“ при пересказѣ).

Накрывали палатно. ⊤
Сѣ папы, дьяцки запѣли, (—ля)
Маво друшка панясли. ⊤
Ни *дайдёмшы* да кладбишша,
Цорнай воран пракрыцал. ⊤
Сё селёння узнала,
Шта пагибла та душа. ⊤

Эта пѣсня очень хорошо поется, голосъ очень пріятный; первая половина каждой нечетной строки повторяется два раза, затѣмъ подхватываетъ хоръ, а послѣ каждой четной строки—пауза съ протяженіемъ и замираніемъ голоса.

Уланова Гора (подгородное село близъ г. Касимова).

„У свякрови жыву, д'ыть вот замужым шэсь гадоф. Жнём, сѣјим да спатѣм. Нихто ни носит поньки. А то рази у нас ни виньчяют: на Ильји вилйкай у нас виньчяют. Ни стоит дйривеньску бабу чяям пайть! Лён мы ни *сѣм*; варьшки вяжу в адну иголку. Цѣлай каравот навидеш! барышняф застафьти! Голъсу нѣту! Пра энтава бать нечява: он аткеальта аттэльва, атцэль; ана смирна баба-та; ни в јихам быту-ту! Ана стала пришла яво ругать; приди ка мнѣ—я на смих, другой—на смих! Ат жынѣ уйдеш! Жана-та хароша, а ищя мальчик вот третій гот сё хворай... Сё как слѣдъват справим: съпаги-та развалённыји. Приданава просют; у брата маво вечир был: на вечири-ты у нас сё ф плятьях, саръфаноф-та ни гатовют. Нивѣсту касматкай вильчяют: стрась плацыт. У мня свадьба будит на Илью-прарок! Паглиди! Ты ни разгадаш! Он ни вирит! (=не вѣритъ). У нас на базар кул тилеги, кул тавару: Папофьска (=Попова Гора—селеніе) дальша; Папофьски празнуют: Миколу зимню и Миколу лѣтьню падымают! брагу варят; в лафьки студинь купляют; фсё сваво бараньчика убьёш: ни том-шы (sic!), пъжалуй, на васкрисенья! Приданава-та? адежы-ти и восимь и семь! дублёна шуба, пиряшыта, хажала шуба, читьверта: зимніи чятыря. Лѣтам: паддёфка суконна, панитак руськай; билья какова мать припасёт.... Я ни том-шы: я ни помню, можыть да миня насили поньки! У вадных старушкаф пайники! Как яо ни ру-

га́ть? Му́жа-та? Зацэ́м-жа о́н харо́шӑй шо́л х плахо́й?! „Крӑсату́ лиза́ть ай не́т, а плахо́ва ни тяса́ть: то́лька-ба не́с“!— пӑгаво́рка така́ та! „И ф пяско́ф, и в зо́лътаф“—на фсе́ ру́ки! Как прасва́тӑли-ти? Ато́! (=Конечно, разумѣется; а то развѣ нѣтъ? и т. п.).

Сакало́к бе́лай Мико́линька
Ива́навичь
Он иска́л сабе́ либе́душку
ду́шу Ната́шыньку,
Где́ бы, где́ бы мне́ јие́ увидить бы́ла;
Увида́л јие́ сако́л на ре́чиньки:
Сашла Ната́шынька дары́ мы́ть,
Све́л (sic!) Мико́линька каня́ пайть,
Сказа́л: Ната́шынька те́ беiле́нька, красна де́вица,
Пирзнаби́ла-ты сваи́ бе́лы па́льчики,
Пирщипа́ла фсе́ сваи́ ру́чиньки;
Скидава́л Мико́линька с ру́к пеaрца́тӑцки
Надява́л на Ната́шынькины ру́цыньки.

Кады́ пӑлатка́ми пъдаря́т, в до́ми ниве́сты поют:

Шла Ма́шынька из лясо́чьку
Нясла́ Ма́ша два вяно́чька
Сибе́ и друшку́;
Маша ба́ла гъвари́ла,
Пӑстушка́ к сабе́ мани́ла,
Малóдинькӑва.
Пасту́х ско́ра дӑгадалси,
За скати́най в ле́с браса́лси.

Гусевской Погостъ (село близъ Гусевскаго Завода, на р. Гусь, почти на границѣ Влад. губерніи). Запись помѣщаемыхъ ниже трехъ пѣсенъ изъ с. Гусевскаго Погоста вручена мнѣ малограмотнымъ крестьяниномъ и сдѣлана имъ по памяти. Какъ образецъ малограмотнаго написанія, очень интересна. Здѣсь только дѣленіе на строки принадлежитъ мнѣ.

Ю воро́тъ ю воротъ
Сасенушка стояла
Ю воротъ ю воротъ
Кудрявая стаяла
Некому, некому
Сасенушку расшетать
Некому, некому
Кудряваю сколыха́ть
Подыми́сь, подымись
Буйный вѣтиръ со горы.
Со горы, со горы,
Со Масковскай стараны,
Ты найди, ты найди,
Найди туча грозная,
Ты убей, ты убей,
Убей мужа дурнова.
Мнѣ не жаль, мнѣ не жаль,
Не жаль мужа дурнова,
Только жаль, только жаль,
На немъ шуба новая,
Новая, новая,
Жерелья бабровая. (Песьня первая).

Ю воротъ девка стояла съ молодцомъ,
Какъ онъ баялъ югавариывалъ её,
Перестань, девка, на юличу хадить,
Перестань, красна, конпаній заводить,
Ва канпаньяхъ пусты рецы гаварить,
Пусты рецы, всѣ на носныя слова. (Песьня другая).

Ня всадо́цыкѣ сало́вушикъ свишить,
Ня сваю ли ёнъ галубушку ишить,
Ня мая ли сизая, мая галу-галубка,
Была всѣмъ приметна

Ю моей ли ю сизой моей галубки
галубки,
Крылышки ю ней сизы, сизыя!
Ю ней перушки, перушки
Ю ней рябы, рябыя! (Третья пѣсня).

Этихъ пѣсенъ въ исполненіи я не слыхалъ въ Гусевскомъ Погостѣ.

С. Дмитріево. (Въ сѣв.-вост. углу Ряз. губ. Касим. у., почти на границѣ съ Тамбов. и Влад губерніей).

Ка́гжа свякро́фь ни пъцыта́ть?! Я паста́рьшы! Рӑжаштво́ два дьни пра́зНуим: бра́ги вари́ли; дѣ́фьки в зага́дьник кида́ют; хто́ зна́ит, цаво́ та́м папи́сӑна!

Къляду́ют!

Каляда́ пришла́, каляда́,
Накану́ни Ражаштва́,
Иска́ли къляду́
Па фсѣ́м па двара́м,
Па прау́лӑцкам.
Нашли́ каляду́
У Пятро́ва нӑ дварѣ́:
У Пятро́ва жылѣ́знай тын,
На дварѣ́ жылѣ́знай ты́н,
Три тˢе́ⁱрима стая́т:
В адны́м тˢиряму́
Мѣ́сиц сˢʷвѣ́тˢит,
В други́м тˢиряму́
Со́ньца с'вѣ́тˢит,
Ф тре́тим тˢиряму́
Цасты звѣ́зды (не *ё*).

Афсе́нь игра́еⁱм! Зӑпява́й хӑраше́нька! (См. мой „Отчетъ“. Стр. 27—28).

У на́с ате́ц с ма́тирью пъсыла́ют жыниха́ прижы́ть э̓ткую дѣ́вушку: јiе̇̈ и бяру́т. Пасо́дют жыниха́ с нивѣ́стай. На диви́шники купля́ют виту́шак фу́нт, патшо́лнухаф; на фтаро́й нидѣ́ли вясны́ тады́ уш виньчя́ют. Дѣ́вка про́сит бӑславе́нья:

Баслави́ ты, мой ба́тюшка,
Ф чюжы́ люди,
Баслави́, мая́ ма́тушка,
К цужо́й т^{с}е́тушки,
К ц^{ч}южо́му дя́дюшки:
Цужо́й дя́дюшка
Ни радно́й ба́тюшка,
Цужа́ ма́тушка
Ни карьми́лица ма́тушка.

Миня́ дя́дя ӑбува́л: пшана́ кла́л в башмо́к, пе́рушки кла́л, ишшо́ пьтац^{ч}е́к де́ник. Надiют—сӑрафа́н нӑзыва́тчя, ч^{д}е́рнай э̓та вре́мя с ч'вятка́ми. Спе^{і}рьва́ ръсплятýт ко́су до́ма͡ ш'ш'о. Жыни́х прiѣ́дит, пасо́дют нас ря́дам; кнут выкупа́ют, бяру́т де́ник! Го́с'т^{с}и адбира́ют кнут. Нивѣ́ста ѣ́дит адна́, сва́ха с ней. Дми́трифьска сама́ я! Ни́вѣста сиди́т, ни гле^{і}ди́т никуда́.

На Тро́йцын д^{з}е́нь вянки́ из бире́скаф: като́рай вяно́к пътану́л—памре́т. Кӑраво́ды быва́ют.

Пращя́й, жы́сь-радӑсь (ты мая́)
Слышу (ты), ѣ́диш (ай) ат миня́ I
Я ѣ́ду то́лька ат тибя́:
Нам дал(а)жно́ с табо́й раста́тпа,
(ли)
Тибя́ бо I тибя́ бо́льшы ни вида́ть; I
Бу́ду по(я)мнить тваи зо́ры
Твой висе́лай разгаво́р I 2.
Те́мна но́цынька ни спитца I
Сама́ зна́ю што к цаму́ (пӑцаму́); I
Сама дѣ́иц^{ч}я сказа́ла:
За мно́й ма́льцык ни гани́с^{ш}ь. I 2.

Есь пагóнисса за мнóю,
Пъ(а)т^{с}иря́иш свой спакóй ⊤ 2.
Спóмни д^{з}ень свóй рӑсприкра́снай:
На гуля́нья шли с табóй ⊤ 2.
(На гуля́нья с ми́лым шли)
Ни дайдӗмшы бы́страй рӗцки,
Мы сади́лис^{ш}ь на пясóк, ⊤ 2.
На жалтóй пясóк сади́лись
Ўóзьли свӗжай (мы) вады́. 2.
Не^{i} успӗли рӑзабра́тца,
Вӑзмути́лас^{ш}я вада́, ⊤ 2.
Вӑзмути́лась, взвӑлнава́лӑсь
Ана́ (вада́) ж жóлтыим пяскóм ⊤ 2.
Вы накрóйти ту́цы т^{с}е́мны,
Ты пралéй ка си́ль(ле)най дóш'ш' ⊤ 2.
Рӑступи́сь мать сыра зе^{i}мля,
Вастáнь мáминька мая́. ⊤.

NB. Въ этой пѣснѣ слова и слоги, стоящіе въ скобкахъ ( ), означаютъ то, что *пѣлось* при исполненіи пѣсни, а соотвѣтствующія мѣста *безъ* скобокъ *произносились* при повтореніи пѣсни *говоркомъ*, когда пѣсня мною провѣрялась въ записи съ голоса, съ напѣва. Знакъ ⊤ означаетъ паузу голоса, гдѣ какъ бы оканчивается каждый разъ мотивъ, а цыфра 2 означаетъ повтореніе стиха.

Сва́дьбишна.

2
Я-у-я-у к Татья́нушки сакóл прилятáл,
2
Да-ю к Пятрóвьни ясной припархáр,
2
А-ю-а-ю он сади́лси на акóшычьку,
На сирéбрину причéлинку. (вторая половина стиха и далѣе повторяется по два раза).

Приче́линка из(а)лами́лась,
Вай-я-и-о-о Татья́нушка испужа́лась,
Никаму́ в руки ни дава́лась
Браса́(о-о)лась!
Прилите́ли лафьчи́ дми́трифьськія,
Схвати́ли бе́лу ры́бушку
Татья́нушку.

С. *Данево* (почти рядомъ съ с. Дмитріевымъ).

Каравóдная.

Как ни пó лугу лужóцку,
Па зилёнӑму лужóчⁿьку
Сйлизéнь с у́ткай гуля́ли.
Он гуля́ит с нéй игра́ит,
Чеⁱрéс кали́н мост пирхади́ли,
Ка́лин мóстик аблами́лси,
Се́ра у́тка пътану́ла,
Пътану́ла, на днó се́ла:
Сйлизéнь ту́жыт, пла́чит,
Ту́жыт, пла́чит, съкруша́тчя,
Вазьле́ у́тки увива́тчя:
Как мне́ эту у́тку жа́лка!
Ка́лин мóстик вӑспадня́лси,
Се́ра утка вӑсплыва́ла,
Сйлизéнь-та взрадава́лся,
С се́рай у́ткай чйлива́лси.

Плясовая.

За́инька ва саду́
Се́рйнькай ва саду́!
Вóт кък, вóт кък ва саду́,
Вóт и э́дък ва саду!

Заинька чвяты́ рьвёт,
Сѣ́ринькай чвяты́ рьвёт,
Во́т кък, во́т кък чвяты́ рьвёт,

. . . .

За́инька вяно́к вьёт,
Сѣ́ринькай вяно́к вьёт!
Во́т кък....

. . . .

За́инька на гало́фку,
Сѣ́рйнька нӑ гало́фку!
Во́т кък....

. . . .

За́инька на пле́цчька
Сѣ́рйнька на пле́цчька
Во́т кък....

. . . .

За́инька на друго́я
Сѣ́рйнькай на друго́я,
Во́т кък....

. . . .

За́инька, рӑзьвирьни́сь,
Сѣ́рйнькай, рӑзьвирьни́сь,
Во́т кък....

. . . .

За́инька, пӑплишы́,
Сѣ́рйнькай, пӑплишы́,
Во́т кък....

. . . .

За́инька, то́пни но́шкай,
Сѣ́рйнькай, то́пни но́шкай
Во́т кък....

. . . .

За́инька в ладо́шы,
Се́ри́нькай в ладо́шы,
Во́т кък....
. . . .
За́инька, пӑдайди́,
Се́ри́нькай, пӑдайди́,
Во́т кък....
. . . .
За́инька, пӑклани́сь,
Се́ри́нькай, пӑклани́сь,
Во́т кък....
. . . .
За́инька, пъчялу́й,
Се́ри́нькай, пъчялу́й!
Во́т кък....
. . . .

Протяжная.

Вдоль па мо́рю, мо́рю си́няму,
Па си́няму па валы́нскаму,
Плывӗт стада лйбиди́ная,
Плывӗт ле́бйть са либе́̆душкай:
Он *плы́т*—плывӗт, сам аку́нитчя,
Аку́нитчя, въстрипе́хнитчя,
Пад ни́м вада́ въскалы́хнитчя.
Гдӗ не́ взялси млат сизо́й арӗл,
Он ушы́п, он уби́л се́ру у́тку на ваде́̆,
Пу́стил кро́фь па синю́ мӑрю,
Пух пушы́л па чисту́ пӑлю,
Пӗрушки вдо́ль па бе́рйшку,
Брала́ пу́х кра́сна дӗвиц^ч^я душа,
Сваму́ друшку́ на пӑду́шыц^ч^ьку.

Чя́стӑя („и плясáть, и зӑ рабóтуй“).

Асе́нній нóц^чи
Не́ спӑл да палнóч^чи,
Весь я истами́лси,
На́ бӑк пъвали́лси,
Пришла́ ка мнѣ́ ра́дӑсть (sic! *т* было слышно!).
Ра́дӑсь дӑрагáя,
Са́нич^чька милáя.
Взя́л jiе́ за ру́ч^чьку,
По́вёл ва с’вѣⁱтли́ч^чьку
Кра́снӑю дѣⁱви́ч^чю,
Пъсади́л на ла́фку.
Са́м сѣ́л на скаме́йку,
Нали́л вина́ чя́ру,
Сам я вы́пил па́ру,
Стал ей пъднаси́ть,
Ми́ласти праси́ть,
Ана́ ни прима́ит,
Наза́т ӑтсыла́ит,
Зӑпраси́ла хме́лю,
Завӗт на пасте́лю,
Пашли́ рӑзгаво́ры
Пра ч^чӗрныjи бро́ви,
Пашли́ чилава́нья,
Праме́ш но́х сава́нья.
Ана́ яво́ но́сит,
Ц^чють с сибя́ ни збро́сит,
А он дъгада́лси
За гру́ть браса́лси:
Ну, стóй, ни брыка́йси,
Я тибя́ *згнуздáю* (sic!),
Твой ра́зум узна́ю,
Абы́чій диви́чій,
А ра́зум рибя́чій.

Плясовáя.

Пат сѣ́ткай пад бѣ́лаю
Пайду́ плясáт, раздѣ́лаю,
Раздѣ́лъвала, *ръскамáривӑла*,
За варóта выхадúла, ръзгавáривӑла.

Свáдьбишная.

Бижы́т рѣ́цька ни тякýчⁿія,
Бижы́т Вѣ́ра ни плакýчⁿія,
Ни ап чё́м анá ни плáкала,
Ни па бáтюшки, ни па мáтушки,
Па сваéй па русóй касѣ́.

(„Анá заплáцы́т, мы и пиристáним игрáть ей"!).

Ана прóсит бӑславéньјичя, мóлитчя и плáцыт, атéчь лиш дóржыт кавригу. Атёцⁿь хрéснай, мать патóм хрéсна бъславя́т и за стóл пъсáдют. (См. мой „Отчетъ". Стр. 28—29).

Жыниху́.

Рóду плéмеⁱни харóшӑва,
Атчю́ с мáтирью пачё́т'ливай,
Слы́шыш-ли мы́ тѣ пѣ́сьню паé́м?

На свáдьбу *стрáньскіји* пріяж'ж'я́ли; пьют винó и *с пья́ну арю́т* (sic!).

Гусевской Погостъ. „Здѣ́сь у нáс *двóрьник* éсть!" Зайди́тя к нямý! („Дворникъ"—содержатель постоялаго двора). У нáс всю нóчⁿь *нашнóй улáн* (=сторожъ) хóдит! Аны́ жы́ли дапрéш *рядóм*, кузьнéшнӑя издѣ́лья у явó, у Майсéй Андрѣ́ва; жанá пъмярлá нóньчи, óкӯль чⁿéрькви пъкранúли. Кушы́ньчик мӑлачⁿькá адбиваит, или слúвӑк *либó штӯ*. Кирьпúшнӑя изрясцóвӑя (sic!) пéчⁿь.

Забѣлино. „Иравóя пóля ни пáхăпа за *врáгăм* (=за оврагомъ). Дѣ пайдёш па *мёшкам*, вéц^ирăм придёш! Пасьля́ Успле́нья убирёш лугá-та: там мястóф мнóга, а нáшых-та мáла; татáрину скóлька плóтиш, а éж^зьли ни заплóтиш—*тиснé*ніе“

Бѣлькóво. (Деревня Погостинской волости; все въ томъже углу Касим. уѣзда, близъ р. Оки и Гуся). См. также мой „Отчетъ“. Стр. 31—32.

Слѣдующій разговоръ, записанный мною въ Бѣльковѣ, представляетъ изъ себя *только отвѣты* крестьянки на мои вопросы. Эти отвѣты, поэтому, безъ моихъ вопросовъ не имѣютъ внутренней связи, но въ лингвистическомъ отношеніи настолько интересны, что я считаю нужнымъ привести ихъ цѣликомъ, хотя бы и безъ моихъ вопросовъ.

„Нали́ва-т ыщя́ ни ви́дяш“ (=Налива то еще не видишь): „плóх-ат фсхóд ăт“! „Мисаѣдам у миня́ дитё пóмяр, я на у́лицу-ту и ни хади́ла; а кăравóды вóдют, вздýмŭт и нацвŭт. Сéтъки слýшаёш! Кăравóдъми-ти игрáют, а мы, старýхи-ти, паýжънали и на пéцку... Зубóх-та нѣт! Гърямы́шныя! Скóлька *сыньёф*-ти жыни́ла да пъкăрани́ла! У нáс ф сваю́ ăддают и ф цужýю. Свéкар прихóдят, - яму́ си́тьница, а то—хлéпцă, а *пиряшкá* зъкуси́ть-ты! С пéцы? Зацэ́м? Анá убьётцы!“ (На вопросъ, не бросается-ли невѣста отъ горя съ печи. См. мой „Отчетъ“. Стр. 20. Село Шостья Касим. у.).

„Жыни́х прянóсят витýшак, патсýлнушках! („витýшки“ = баранки). Ты пóниш, пади́, Графéна, вицарýшную пѣсьню?! (См. Отчетъ. Стр. 32). *Род* бýдят събирáтца на вицарýхи вéцырън, а дѣфьки вазьмýт дéньги и уйдýт к *сусѣдам*: ф старинý-ту фсё пъбаýатe^й были! Пóньки и рашки́ *пълатя́нныя* были! (=полотняныя). Адявáют, тут штó за *паéнья*?! („паéнья“ =пѣніе; на вопросъ: поютъ-ли что-нибудь, когда невѣсту одѣваютъ?). Тут анá прóсят бăславлéнья:

Бăслави́ миня́, радúмай бáтюшка,
Бăслави́, радúма мáтушка,
Сваи́м бăславлéньям.
Нéдăрага мнѣ вáша злáта-сéре^ебра,

Дăрагá вáша бăславлéнья:
Вам на мѣ́ста сѣ́сть,
А мнѣ пăд винéцку стать!

И фсѣ́,—*срóтства* катóра—фсѣ́ бăславлéют! Кажнăму гăварит адны́ пѣ́сьни (=сродствó=родственники).....

У нáс *кълядý*-ту ни *крыцáт*. Пади́ и гадáют, хтó ј͡и знáят: сăбярýтцы и гадáют; дѣ́фка за жы́нихá гадáят: за цóрнăва кăраля́ ли́ба за бѣ́лăва. Выхади́л мнѣ карóль цóрнăй, а вы́шла за рýсăва. Миня́ *ăнамнясь*-ти óддали..... С цытьвяргá зăцынáим блины́ пéц; пшанó талкли́, пеⁱкли́; грéца-та анá ишшó ни радитцы! Хăрашó вóблы-та, а тó хърашó сѣ́ăш! (На вопросъ: не ѣдятъ-ли на Масляницу судака? Вопросъ предложенъ въ шутку). Тапéрь сы́ти, мукá шэ́зь гри́вăн! На нашу симейству-ту три пýда ни хватáит, у нáс былá ади́нăтцăть дýш. Салдáт-ти сядóй и Сеⁱмён пóмяр....

Пăбайцэ́я сабрáли-бы: мы ни ҫмѣ́лыји лю́ди-ти, вот и ни *магём* пѣ́сьни-ти игрáть! Нильзя́ *пóнить*-та и́х, пѣ́сьни-ти! Мы ф хлóп'цках рас'ли́. Я былá ни хýжа в дѣ́фкăх-тă!.. А нóни хтó бут карьми́ть?! Хýжы, бидьнѣ́й нáшăва Билькёва нѣ́т! Нашы билькёҫькіја гърямы́шныя! Тётка Анна ишшо къляду знáит, а тóлькя анá.... Я ни дăхажý да пѣ́сăн: у мня́ на сéрьцы *нúту*: я́ тѣ сказáла: радила да х'рани́ла, ницавó ни з'дѣ́лаш: ни жывýт.

Он бáит кăраводную:

Сѣ́ра ýтка на днó сѣ́ла
Пътанýла,
Силизéнь зрадавáлси,
С сѣ́рай ýткай цы́лавáлси.....

Вот и *ришóна*! (=Вотъ и кончена пѣсня!).

Дапрéш я сáмăя *ăтаръвéнная* нибóсь былá!

Урядино (Китовской волости, въ глубинѣ уѣзда). „Атцэль на Цӑрус дарóга. Вóот, радúмай, сӑмавáрах-ти нéет! Цай у каó угóдна мóжна. Вы́шла ф *пóлю*“.

„У мя хязя́ин пóмир. Три сы́на, дифцóнка адна́ вы́дӑна. Яму́ пашóл дьвятна́тцатай: цаты́ря дня бūз е[і]зыка́ был: он зӑлязáл; хто лицы́л, мы шшо ня спра́вились. У нас *адна́* тя̆глышка; э́тӑт гот нич[и]явó: есь *хлѣбе[і]ць*: да ма́слины был свой, а тапéрь уш пӑкупа́им у цӑлавáльника у Аханáсья. Мы Касúмьскава *уѣзду*. У мя вот сын ф Пи́тире[а] в ламавы́х; пълуцáит рублéй шызьдися́т за гóд-ӑт; жанá тут у мя с нáми, сын дóма: *край* зимьлú уцы́лси у нас в Урядьне[а]. Я на свякры́ шла. Он атец-та ф плóтниках хóдит ф Тимóхини-ти. Хъладнó: прасá сѣ пъжылтѣли. Т'ить он дья́кӑн-та адúн: на Усьпéнья, З'д'вúжынья—прястóл: виньцá вазьму́т, зӑкусить-та пирашкá, там блинкáми; и срóдьники, и так цужы́я: у ко цоб есь!

Китово (деревня). *γ*óспӑди *знаить* ӑтцавó! Тёплыјi дни, да *ана́ сё плаха́ја прóса*. Радúтцы у нас хлѣ̆б-ӑт, рукóй вот *тирéбям*, а нóни нѣт. Лён плахóй воўси, хот[с]ь ни сѣ̆й: ни радúтцы,—нѣт ницавó и прясь нéцава. Явó дéрьгаим, *свя́зы̆ваям*, хош цапóм, хош валькóм *валя́ям*. Вы-ти явó ни сѣ̆јити. Мѣ̆ры три ни сѣ̆ям: нас вот цаты́ри бáбы-ти; *можыть*, дьвѣ мѣ̆ры-ти *нӑкалóтяш*. Тады́ *бýдям* явó на зéмьлю рӑстилáть пад дошш, штӑб он услáлси, ф Пакрóх явó сымáим, *бýдям* тряпа́ть; *дѣлям* на цыты́ри дóли-ти: свякры́ цытьвёрта, ана пабóльша *мяня́*. Пӑде[і]рéмси, д' апя́ть рӑзбе[і]рéмси. Хто с Мúтрава *нӑцынáить*, другáя с Рӑжаштвá. Какúји асéньнији днú-ти: вот он и вéцыр, кады́ прéсь-та? И сицáс *пряду́ть*: у ко есь—*придéть*. А то лáпти плятýть и лы́цки. Купú!: цытьвиртацóк пуцóк: купúть де[а]шэ́й придѣтцы; па рублю́ с лутá, с лутóшка—пять цалкóвах. А у нас зямля́ пе[і]спáная. Па аднóй карóви-тиф кáжнам-ти дóми-ти! Хѣкла, падú рӑскажы́, а то я смяша́юсь.

Блины́-ти хто *пикѣть*, у кавó как сайдѣтцы! Ис цавó? С грицы́хи, *намéлям*, *вы́с[ш]иям*—на гуш'ш'и: в дирúвьни-ти у нас *у*дѣ дрóж'ж'и-ти. С цым је[і]дим-тý? бирём пóснава: с сѣмя бьём, *пъкупляям*. Кады́ *бывáить* и смятáна. У нас *лъшадéй-ти* харóших-ти нѣт *јих*. Хто ји *знáить*, какúји-ти сáни- Масленица.

ти, а то нѣт *јих саней-ти* харо́ших-ти. Я дапре́ш ката́лась фсёй арте́люй: де́сить иль ади́нъцать, *ли мо́жыть* пять тихо́нькуй.

Виньца́ *вазьму́ть* на прашшэ́най день.

Китово (село). У нас по́нькя и рага́: *шышо́цки но́сють*, ис халсти́ны *фшыва́ють*, и *каты́ но́сють*. (См. мой „Отчетъ“. Стр. 33—34).

Протяжная пѣсня.

У варо́т, у варо́т
Сасё́нушка стая́ла,
У навы́х, у навы́х
Зилё́ная стая́ла.
Никаму́, никаму́
Сасё́нушку рӑшшата́ть,
Никаму́, никаму́
Зилё́ную скалыха́ть.
Спадня́лси, спадня́лси
Бу́ян вѣ́тир са гары́,
Са гары́
Са Миско́ськай стараны́,
Ты найди́, ты найди́,
Ту́ца гро́зная,
Ты убе́й, ты убе́й,
Убе́й му́жа ста́рава.
Мнѣ́ ня жаль, ня жаль
Му́жа ста́рава,
То́лько жаль, то́лько жаль,
На нём шу́ба но́вая,

Нóвая, нóвая
Жырéлья бабрóвая.

И я дапрéш зă̆плятáла вянки́; с вянкáми пайдём на прут, вянки́ из листкóх *пънадявáям* на гóлăвы; в *этим* в присáтки-ти *наврём* святóх, вянки́ *пъбрасáям* ф прўд-ăт; падрўшки-ти *кумáми* нă̆зывáютца. Кады́ *йдуть* с вянкáми, *играють*: Троицынъ день.

Прă|сидѣл-ба мáльцык да сумéряк,
Пă|казáлся день манéняк:
Врé|мя ѣхать ка двару́. ⊥

Ни|даѣхамши да свавó дварьцá,
Цы|лавáла свавó мă̆латцá ⊥
Цы|лавáлă я милавáла
Крѣп|ка к серьцу прижымáла:
Ты | пращшáй-ка, мой милóй, ⊥
Ты | пращшáй (ой ка), мая́ милáя,
Пра|шшáй (2), рáдă̆сь дарагáя,
Ни | забуть-кя ты мяня́. ⊥
(Знать|, забы́л ты пра мяня́)
Я | тады́ тябя́ забу́ду,
Ка|дá на свѣти жыть ня бу́ду.

(Знакъ |, отдѣляющій первый слогъ каждаго стиха, означаетъ, что первый слогъ повторяется два раза, причемъ первый разъ его затягиваетъ запѣвало, а второй—подтягиваетъ хоръ. Знакъ ⊥ означаетъ паузу и какъ бы конецъ пѣсеннаго колѣна).

Эту-же пѣсню нѣкоторыя дѣвушки продолжали такъ:

Младу́ зáмуш *аддаду́ть* ⊥,
Аддавáли маладу́ю на цужу́ю старану́ (2)
Ни за рóвнюшку мяня́,
Гдѣ-бы рóвнюшку сыскáть,

Бўду пла́кать гӑрява́ть ⊤ (2)
Юш я пла́кала рыда́ла
Пӑлатко́м слёзы утира́ла
Иглянўлась я наза́т ⊤ (2)
Зӑпрягай-ка, ми́лай, са́ни
Я паѣ́ду гуля́ть с ва́ми:
Иска́ть *бўдям* малышо́х. ⊤ (2).
Мы иска́ли малышо́цкӑх
Ни з бальши́х ли барышо́х.
Са *Дуна́ю* вална́ *бъётъ* (2)
Бижъ́тъ рѣ́пка, бижы́ть бы́стра:
Пириво́зу на ней нѣ́т ⊤ (2).
Пириво́з на ней нашо́лси,
Пиривошшык *) маладо́й ⊤ (2),
Пирьвизи́ мяня́ к ма́тушки радно́й

Скрось вяно́цках нӑцына́им цылава́тца и мяня̆имся я̆йпами.

Село *Чарусъ*. „Эта я тапе́рь на пацы́ни; лы́ки мы там дра́ли: мно́ɣа дира́ли, сица́с пади́ *дяру́тъ*. Лён *съям*: то́ли зӑради́тца, то́ли нѣ́т; сот петь сѣ́яли. Ско́лько ба́п-ти! Када́ *бўдитъ* чᵘвѣсть та? Как си́ла *вазьмётъ*. Как вёдра нѣ́т, вазьмѐш да пасо́ляш; тады́ пасте́лям, кало́тям, сни́мям, талкѐм, нӑмата́ям, вы́бьлям, вы́ткям, а тут уш били́ть. Дли пӑлатеницкаф па́смацка ў три и́ли ў цаты́ря—*узо́ристай* уто́к ади́н, а эт' уш кладём на стѣ́нацках. Я но́ньца аднў халсти́ну нӑпряла́. У двух арши́н питьдися́т, на́рӑзь двӑтцӑть петь: вот *тай* питьдися́т. Ниуда́ца *быва́итъ*: друɣа́я ни *умѣитъ*. Я с ро́ду, садо́вай, па я̆рманкам ня *хо́дю*. Кӑнапи́, зна́тна, как лён *съям*: асобе̇нна *мо́цăм*, а пато́м *сте́лям*... Была́ ў дѣ́ф-

---

*) Въ *селѣ* Китовѣ—пириво̆шшак, барышо̆у, малышо̆у и проч. Вторую половину этой пѣсни досказывала мнѣ крестьянка *деревни* Китова.

ках, хади́ли ў лѣс! Ис цаво́? Ис таво́: чⁿвяткѝ зӑвива́ли и на уо́лаву нӑдява́ли, пѣ́сьни иура́ли. Пажар сдѣ̆лӑлси: и вянкѝ эти рӑсштьте̇рѣ̆ли—испужӑлись. Тѣм и уӑварю́, штӑ ня по́мню. Ня зна́ю, с кѣх пор ни' ура́ю: брат ўмяр—мать *пла́цать*, я пла́цу: на се́рьцы ни висяло́. В Аде́сьти мно́уа на́шых „ца́р'ских" (=Чарусовскихъ) ў падва́лах рабо́тут... Энтӑт ишшо́ по́п-та миня́ виньца́л: Хили́п што-ля, Васши́лій-ли: два́тцӑть петь уӑдо́у бу́дить я за́мъжам. *Зе́мьлю влада́ю*: но́ньца три цэ̆тьвирьти тяула́. Мая́ ло́шать *в атца́*... Он аттоли ницаво́ ни *шлётъ*: пахо́жа *пья̆нствать* (3 л. ед. ч.). Жана́ адна́ *пракóръмитцытъ*.

Село Ивановское (Ветчанской волости).

Хороводная пѣсня.

Ис под лѣ́сику, лѣсу темнӑва,
Ис пот са̊дику, саду зилёнӑва,
Ани шли прашли двоя молӑтцы
Двоя молӑтца оба холӑста
Ни жана́тыи, щаплива́тыи
Анѝ шли прашлѝ, станавѝлися
В розжь пашлѝ, разбранѝлиçя,
Выхадѝла к ним кра́сна дѣ̆вица
Выхадѝла к ним гаварѝла им:
Вы ня зо́рьтиçя, ни бранѝтиçя,
Вы па со́висти разайдѝтиçя,
Памѣ̆рійтись, камӯ даста́нуçя,
Али па́рню бѣ̆ламу, бѣ̆лабро́аму,
Ай ли цо́рнаму цэрнабро́аму.
Даставалӑся па́рню бѣ̆ламу
Па́рню бѣ̆ламу, бѣ̆лабро́аму.
Он и взял jiё за праё руцу,
Он павёл jiё да вдоль па юлицы,
Ён сваéй жано́й хвӑлитцы:
Вот мая̆ жана́ ро́мна ба́рыня:

Вторая половина каждаго стиха повторяется съ припѣвкой: „Ой-ли, ой люли!“

Село Ветчаны.

Пѣсня Овсеню.

Та́усинь, Та́усинь,
У Ива́нава двара́
Зиле́зьныя тынья́
Край зиле́знава тынка́
Кӑраватка смашшана́.
На крава́тки пеʾри́на пухава́,
На пеʾрини пухаво́й
Ива́нушка с Палаге́юшкой спят.
Свеʾцёл мѣ́сиц Ива́нушка,
Ясна со́лнушка Палаге́юшка,
Ца́сты звѣ́здушки
Ји́хи дѣ́тушки.

Село Ахматово.

Свадебная.

Само́л сако́лушык,
Сакало́к Ива́нушка,
Бѣ́лый ле́бядь наш Ива́навиц
Пълятѣ́л он ва цисто́я по́ля
Ва цисто́ паля ва ци́стое
Рӑзмахнул он шылкаво́й плёткай.
Он рашшы́п *ста́ду* үуси́нӑю,
А друүу́я либяди́нуя,
Он атшы́п сибѣ́ лябёдушку,
Лябёдушку Паласке́рьюшку,
Размало́диньку Ива́навну:
Ты прашто́ ско́ра вылётываш?
Ни сама́ я сабо́й вылётӑвӑю,

Выдаёт мяня́ ба́тюшка,
Сӑряжа́ит радна́ ма́тушка
Ва цужы́и люди нязна́мы̆я,
Нязна́мыя-низнако́мы̆я.

Село Катово. Причитаніе по матери.
„Кады́ ляжы́т на ла́йки“ (=Когда лежитъ на лавкѣ).

Ради́мая мая́ ма́тушка,
Куда́ ты та́х-та сарядѝласа,
На каку́ю-ш ты старо́нушку атряжа́исси?
Мно́ɣа ɣо́рюшка мы бис тя наприма́имси
И всяо́ мы бис тя навида́имси,
И всяо́ мы бис тᵉя наслу́шаимси,
И нихто́ нас бис тᶜія́ ни примо́лыт,
И нихто́ нас бис тᶜія́ ни приласку́ит,
И карьмилиц наш ба́тюшка
Хуть как он жалѐя, хуть как ласку́ит,
И ни как што тваё жала́ньица.
И всяо́ мы бис тᶜія́ навида́имси,
И всяо́ мы бис тᶜія́ наприма́имси,
И ради́мая на́ша ма́тушка,
С како́й са старо́нушки нам тᶜія́ дажыдать,
На како́й нам дарожынки тᶜія́ встряца́ть бу́дя,
С како́й нам старо́нушки паɣлёдӑвать?
Ради́мая ма́тушка,
И ка́жнӑй дянёк, ка́жнӑй цасок
Мы тя паɣлёдӑвали, мы тя дӑжыда́ли.

„Таперь пами́нки; х цэ́рькӑфь внясу́т, х цэ́рькви-ти во́пют“ и проч.

Деревня Снохино.

Протяжная.

Зи́мушка зима́
Халадна́ была́,
Маро́зливая,

Халадна́ была́
Маро́злива,
Замаро́зила миня́ мо́лӑдчя.
Ни маро́зь миня́ да миня́ мо́лӑдчя,
Я с му́жам жана́
Ни в ладу́ жыла́,
Ни в саўла́сьи-ти,
Ни в ладу́ жыла́,
Му́жа извяла́
Му́жа сваво́ извяла́
Паве́сила,
В зиляны́м саду́ му́жа паве́сила.
Паве́сшимшы му́жа пришла́ ка двару́
Пришла́ ка двару́,
Се́ла ва скамью́,
Се́ла ва скаме́йку
Слязно́ папла́кала,
Пракля́тая жысть
С цужы́м с му́жӑм жыть:
Бяз му́жа жана́
ўорька сирата́.
Пайду́ сваво́ му́жа звать:
„Пайдём, муш, дамо́й“.

Предполагая со временемъ напечатать отдѣльно сборникъ матеріаловъ, собранныхъ мною въ Касимовскомъ уѣздѣ и не вошедшихъ въ это Приложеніе, я, въ виду и безъ того большого объема настоящей книги, ограничиваюсь пока лишь приведенными образцами и заканчиваю свой трудъ выраженіемъ глубокой благодарности какъ редактору „Ученыхъ Записокъ“ профессору Ѳ. Г. Мищенку, такъ и стипендіату В. П. Брюханову, который взялъ на себя трудъ корректированія настоящаго сочиненія во всемъ его объемѣ.

Приложеніе 2-е.

Примѣрный списокъ именъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ различныхъ говорахъ.

Ми́ла̄й (Касим. Ломъ, Зубово...)—Литер. Ми́лый. — Мило́й („Вотъ и ѣдетъ мой мило́й“....) Срв. Колосовъ. Замѣтки..... ibid. Стр. 43. Мое соч. „Къ діалектологіи“..В. 1892. Прилож. № 52.

Пе́рьва̄й (Касим. ib.)—Перво́й, перьво́й. („Не въ перво́й“....) Литер. пе́рвый.

Дубо́ва̄й (Касим. Шостья)—Дубово́й. („Летитъ гусекъ—дубово́й носокъ“...). Литер. дубо́вый.

Литер. ме́лочный—меⁱлашно́й (Касим. Нармуш.: „меⁱлашна́я лафка“).

Студе̋ный—студяно́й (? студяно́—Ряз. Скоп. и друг.). Садо́ва̄й (Касим. Чарусъ.)—Садово́й литер.

Вясе̋лай (Ряз. Скоп. Спас...)—Весело́й (? Висяло́—ряз.) См. мое соч. „Къ діалектологіи“... В. 1892. Прилож. № 32. 51. Литер. весе̋лый.

То́щай, литер. то́щій—таш'ш'о́й (Спасск. Ижевское).

Глу́пай, литер. глу́пый—„глупо́й ра́зум.“ (Касим. Ерахтуръ).

Здѣ̋шна̄й (Спасск. Вы́жлисъ)—здѣⁱшня́я (Касим. Ерахтуръ. См. Приложенія). Литер. здѣ̋шній.

Плохо́й—Пло́ха̄й (Касим. Парахино. См. Приложенія).

Вре́менный—(В)римянна́я. Кас. ibid. Временно́й—Новг. (Колосовъ Замѣтки. ib. 22).

Про́стӑй (Касим. Нармуш. Расторгуево.)—Просто́й литер. (Срв. мое соч. „Къ діалектологіи“. Отд. лексикол. s. v.).

Голо́дный—литер.

„уало́днӑй уо̄т“ (Спасск. д. Воскресенское)—уӑладно́й (Кас. Зубово: уӑладны́ји были уада́).

Вдо́вый—вдаво́й, вӑдаво́й (Кас. Чуфилово). Ряз. Скоп. (См. мое соч. „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Приложеніе № 29.)

Хи́трӑй (Кас. Ерахт.)—Хитро́й (Кас. Нармуш. Катово...). См. мое соч Лексикол. s. v.
Литер. хи́трый.

Бѣ́днӑй (Кас. Ерахтуръ)—бѣдно́й (? „у бѣⁱднѣ́“—Кас. Катово;=въ бѣднотѣ́).

Бѣ́дный—литер.

Зеле́ный (Ряз. Скоп...)—У меня: №№ 32. 46. 52. (См. мое сочиненіе: „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Прил. № 20). зеⁱляно́й: „в зеⁱляны́м саду́“—(Кас. Снохино). Ряз. Скоп.

Ди́кій—дико́й. Арханг. Вят. (Опытъ обл. Слов. s. v.).

Дабы́шнай—(Ряз.)—добышно́й. Новг. Орл. (Опытъ... s. v.).

Пѣ́шій—пѣшо́й (между прочимъ у А. Толстого). Колосовъ. Замѣтки... 123. Олонец. губ.

Развы́тный (Тамб.)—развытно́й (Орл., Опытъ... s. v.).

Тя́жкій—тяжко́й (Вологод. ib.).

Цѣ́лый—цѣло́й (Тверск. ib.).

То́лстый—толсто́й (срв. фамилію Толсто́й).

Ша́ткій—шатко́й (Арханг. ib.).

Че́рѐдный—Псков.—Чередно́й—Вологод. (ib. s. v.).

(О-черѐдный)

Чу́дный—чудно́й. Твер.

Чудо́вый (Тамб.)—Чудово́й (Тверск. ib.)

Ѐдкій—ѣдко́й. Новгор. ib.

Ю́ркій—юркóй. Новгор. ib.

Жа́ркій—жаркóй (Колосовъ. Замѣтки. 22).

Лю́бый (новорос.)—любóй. „На любым мѣстѣ“—Муром. (Колосовъ. Замѣтки. 304).

Медóвый (новорос.)—медовóй.

Воскóвый (новорос.)—восковóй.

Ша́льный (Кур.)—шальнóй—литер. (Сарат. Доп. къ Опыту s. v).

Отста́лый—отсталóй—литер.

Пропа́лый (?)—пропалóй („на-пропалу́ю“).

Крѣ́пкій—крѣпкóй (Колосовъ. Замѣтки. ibid. 22).
Кру́пный—крупнóй (Колосовъ. ib. 22). } Новгород. губ.
Гла́дкій—гладкóй. (Колосовъ. ib. 22).

Уста́лый—усталóй (Колосовъ. ib. 123).—Олонецкой губ.

Рети́вый—ретивóй. Вят. (Колосовъ. 237).

Рóдный (Новгор. Колосовъ. 43).—Роднóй.

Нóвый—новóй (Ряз. Скоп.; См. мое сочиненіе: „Къ діалектологии влкр. нарѣчій“. В. 1892. Приложеніе. Пѣсня № 17). Срв: греч. νέος изъ νέϝος.

Си́зый—сизóй (Ряз. Скоп. ibid. № 18)

Ка́менный—камянóй (Ряз. Скоп. ibid. № 18.)

Гря́зный—Грязнóй (прозвище).

Хме́льный („Брага хме́льная не разымчива“; также у Пушкина)—Хмельной.

Чё́рный—Чернóй (фамилія—„Черны́хъ“).

Мё́ртвый—Мертвóй (фамилія Мертва́го).

Се́льскій—Сельскóй.

Стра́шный—Страшнóй (монастырь).

Пухóвый—Пуховóй.

Че́стный—честнóй („Честнóе слово“—московск. простонародн.)

Отсту́пный (не-)—отступнóй („дать отступнóго“).

Чу́ждый (ц. слав.)—чужóй.

Гра́дскій (ц. сл. См. мое соч. Отдѣлъ лексикологич. s. v.)—городскóй.

Гу́стый (γу́стай—Ряз. Скоп. ib. s. v.)—густо́й.

Хру́шкій (Арх. Даль. О нарѣчіяхъ... LIII. хру́сткій=крупный)—Хрушко́й (хруско́й)—Арх. Кстр. Влгд. Прм. Сиб. Ряз. (жесткій, крупный. Даль. Словарь. s. v. „хру́стать". См. мое соч. „Къ діалектологіи". Прилож. Пѣсня № 32. Соболевскій. Изъ исторіи р. языка. Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. Стр. 25).

Со́нный—сонно́й. (Казан. Лаишев.).

Конецъ.

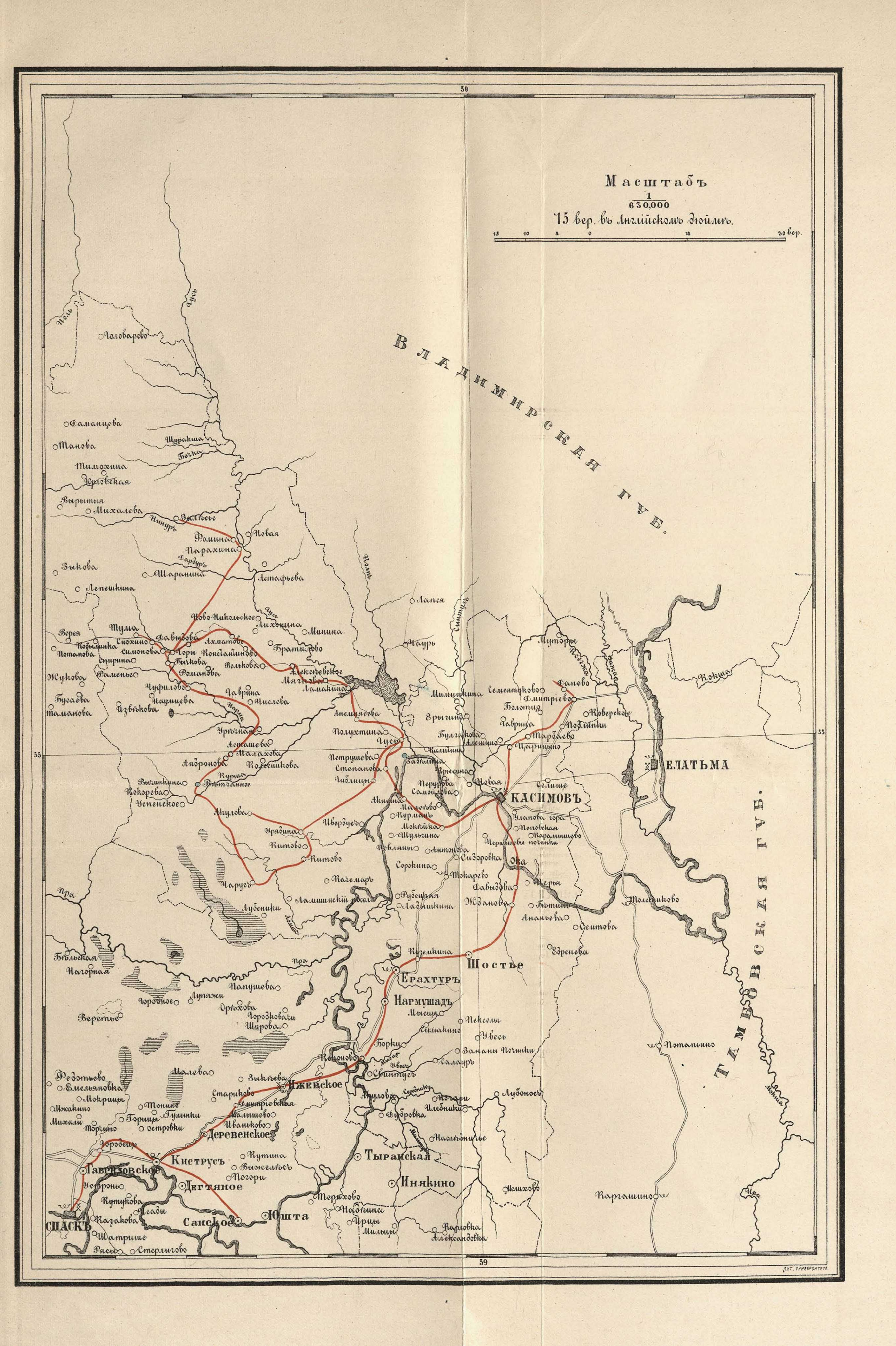
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка		*Напечатано:*	*Должно быть:*
52.	16	сн.:	у хвяко́ли	у Хвяко́ли
54.	4	св.:	губерніи	губерніи,
70.	2	сн.:	напи́тца	папи́тца
71.	12	св.:	напи́тцы-ть	папи́тцы-ть
71.	17	—	Кобаново	Кабаново
71.	18	—	ж жыниха́м	ж жынихо́м
73.	1	—	д^{з}ана́	д'ана́
73.	6	—	„кра́сна“	„кра́ски“
73.	8	—	„д^{з}эт'та	„д'эт'та
74.	18	сн.:	д^{з} рабо́тӑш	д' рабо́тӑш
77.	13	св.:	номе́лям	наме́лям
80.	3	—	именбо,	, именно,
80.	1	сн.:	вдруɣо́рать	вдруɣо́ря^{i}ть
86.	5	—	Остальное—,	Остальное—
89.	6	св.:	Глава III-я.	Глава IV-ая.
90.	1	—	і͡е́ѕьдим?	і͡е́зьдим?
90.	3	—	і͡е́ѕьдит	і͡е́зьдит
90.	14	—	хле͡і́пца	хлі͡е́пца
90.	16	—	ѕъвали́м	зъвали́м
91.	14	сн.:	д^{з}апя́ть	д'апя́ть
104.	9	—	царяпоть	царяпать
112.	19	—	изъ общества)—	изъ общества—

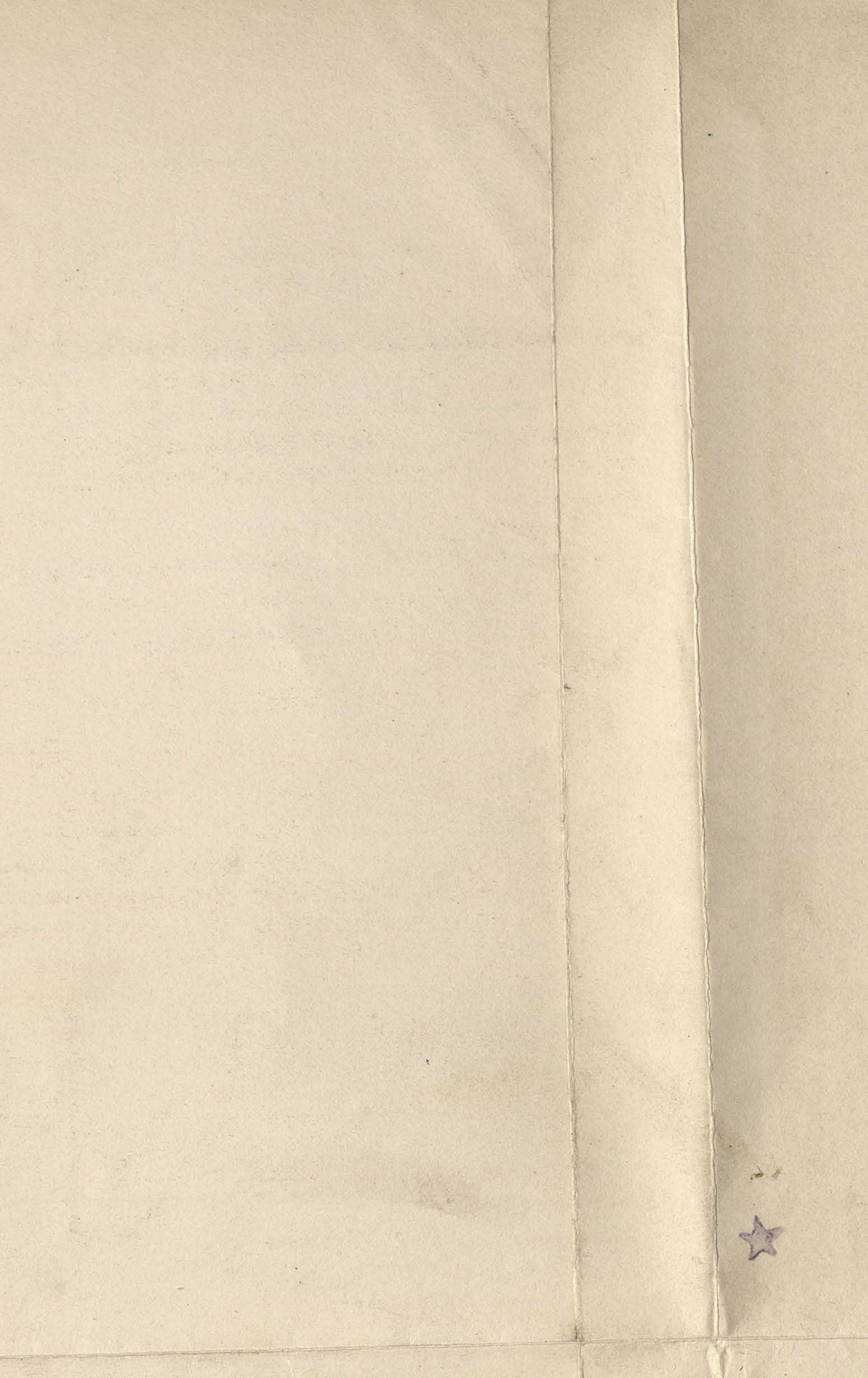
		Напечатано:	*Должно быть*:
стр.	строка		
113.	13 св.:	4)	5)
115.	12 сн.:	5)	6)
116.	1 св.:	6)	7)
118.	5 —	*и*	и
123.	15 —	крупца́ткы	крупца́тки
125.	5 —	пу̊стишь	пу̊стить
132.	12 —	щё-ля	щё-ля
133.	7 сн.:	Быщко́јçкая	Быцко́јçкая
148.	1 —	въ 3-й части	во 2-й части
150.	9 св.:	изъ	изъ—
153.	5 сн.:	про	при
155.	15 —	выѣсто	вмѣсто
161.	4 св.:	Выше мы видѣли, что	По всей вѣроятности,
161.	17 —	изъ	(изъ
164.	23 —	выше были	ниже
165.	1 сн.:	разъ).	разъ);
166.	6 св.:	Левокъ	Левонъ
166.	9 сн.:	хо́брика	ха́брика
167.	3 св.:	Ки̊скантúнъвѣ[а]	Ки̊скинтúнъвѣ[а]
167.	13 —	на	ка
169.	16 сн.:	Ла́фсни—	Ла́фсин—
171.	5 —	(см. выше)	(см. ниже)
178.	6 св.:	ұря́сна	ұряска
190.	3 —	хлі͡ебъ	хлі͡ебъ,
190.	10 —	ҳоҳотѫти	ҳоҳотати
206.	21 —	можетъ	можемъ
218.	6 сн.:	Мейчинъ	Мейчикъ.
222.	7 св.:	Главу III-ю	Главу IV-ю.
225.	17 —	zdrihnou	zdvihnou
233.	6 —	мн. ч.	мн. ч.,

стр.	строка		*Напечатано:*	*Должно быть:*
238.	17	—	в	въ
264.	14	—	Саввинной	Саввиной
286.	7	—	Histor a	Historya
287.	13	сн.:	*и.*	*и*
289.	2	св.:	gd_i	gd^i
293.	13	—	совсѣыъ	совсѣмъ
296.	8	сн.:	Зораменье	Зараменье
304.	2	—	Лекціи³.	Лекціи².
315.	12	—	пред тавить	представить
330.	9	—	закрытое $о^и$	закрытое $о^у$

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Масштабъ
1
630,000
15 вер. въ Англійскомъ дюймѣ.
15
10
5
0
15
30 вер.
ВЛАДИМІРСКАЯ ГУБ.
ТАМБОВСКАЯ ГУБ.
КАСИМОВЪ
ЕЛАТЬМА
СПАСКЪ
Ерахтуръ
Нармушадъ
Шостье
Ижевское
Деревенское
Киструсъ
Гавриловское
Дегтяное
Санское
Юшта
Тыранская
Инякино
Ока
Гусь
Пра
55
59



Цѣна 3 р. 50 коп.

2007075864